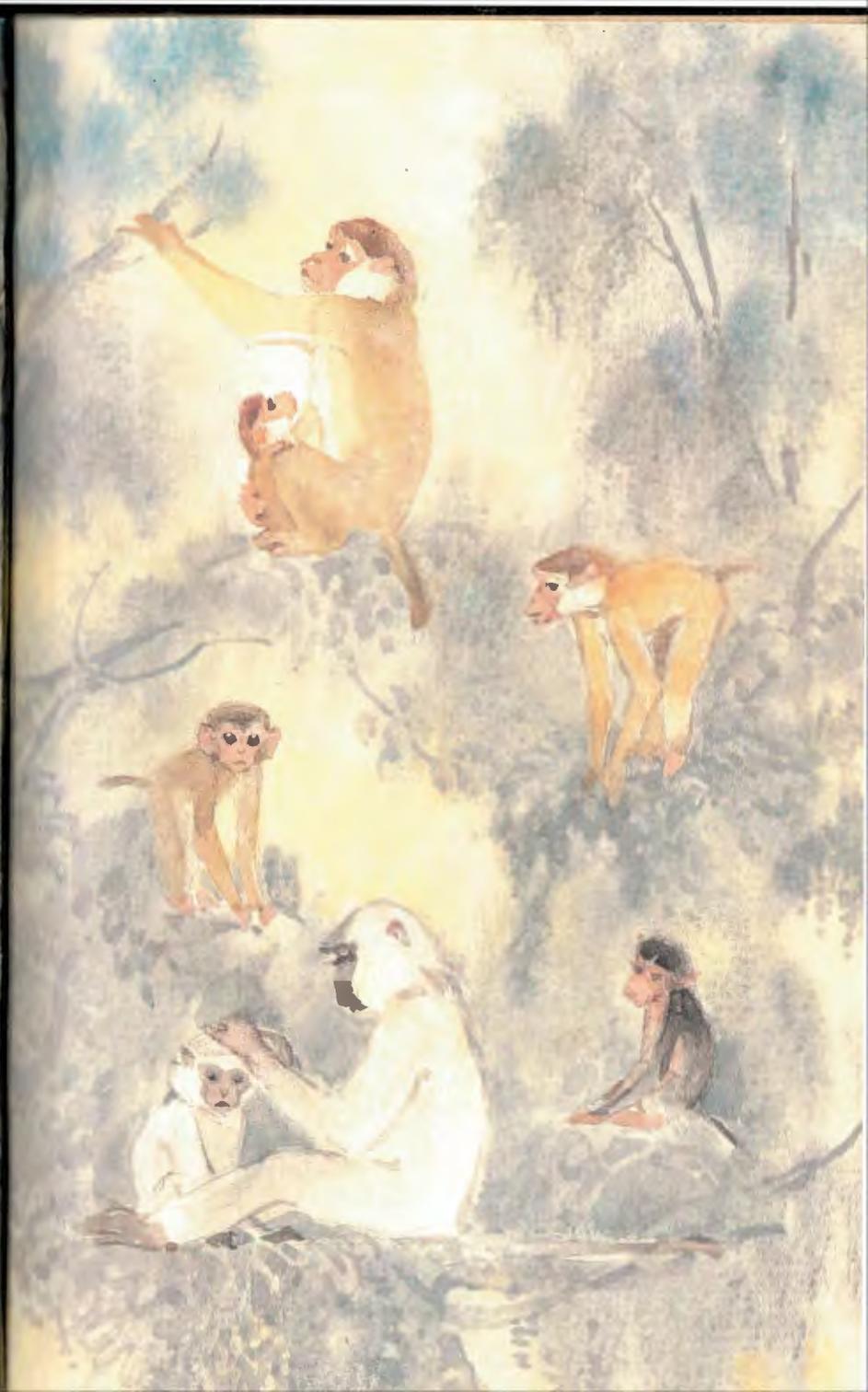

ЗВЕЗДОТОРЫ

ЗВЕРЮЛОВЫ

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

КАРЛ ГАГЕНБЕК

*О зряках
и людях*

ЧАРЛЬЗ МАЙЕР

*Как я любил
диких зверей?*

ДЖОРДЖ МАЙКЛ

*Саша Майклов
в Африке*

ЗВЕРЮЛЮВЫ

Перевод с английского

АРМАДА
Москва
1994

ББК 84.4
3 43

Составитель
М. Жданова

Оформление
В. Харламова

Иллюстрации
В. Трофимова, М. Алексева,
Т. Васильевой

3 $\frac{4703010100-70}{903(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5-87994-032-2

© Состав., художественное оформление, АРМАДА, 1994

КАРЛ ГАГЕНБЕК

О зверях и людях

Перевод с немецкого

Б. Я. РОЗЕНА

Carl Hagenbeck
VON TIEREN UND MENSCHEN
Leipzig, 1953

Глава первая
ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОСТИ
(В СТАРОМ ГАМБУРГЕ)

Когда я сегодня окидываю взглядом обширные пространства, на которых раскинулся Штеллингенский зоологический парк с его искусственно созданными скалами, зелеными лужайками и отливающими зеркальным блеском озерами, и вижу среди них тысячи прогуливающих посетителей, любующихся представителями животного царства всего мира, — все это кажется мне сном. Сном кажется мне и возникновение этого парка из... большой локани для стирки белья, выставленной в 1848 году в гамбургском портовом предместье — Сан-Паули.

В марте этого бурного года рыбаки, находившиеся на службе у моего покойного отца, поймали в сети в устье Ольбы шесть тюленей и согласно контракту доставили улов в нашу рыбную лавку на Петерсштрассе. О том, что последовало затем, можно лишь сказать: малые причины, большие следствия!

Моему отцу — Готфриду Класу Карлу Гагенбеку — пришла в голову счастливая мысль показывать зверей за

плату; он выставил их в двух больших деревянных лоханях на площади в Сан-Паули.

Всего один шиллинг (8 пфеннигов) платили за обозрение зверей жадные до зрелищ гамбургцы и иностранные матросы, не подозревая, что они тем самым становятся крестными у колыбели будущего мирового предприятия по торговле зверями и будущего Штеллингенского зоологического парка. Эта выставка оказалась очень удачной. Для моего отца она была первой в своем роде, и можно смело сказать, что с нее в дальнейшем и развилось все предприятие по торговле животными. Один берлинский приятель отца предложил ему выставить своих тюленей в германской столице. Для современного читателя эта идея показалась бы более чем странной. Однако в те времена тюлени являлись редкостью даже для столичных жителей. Тюлени были быстро отправлены в Берлин и выставлены в саду Кролля. Несмотря на политические неурядицы, дело оказалось прибыльным. Но когда революционное движение в Берлине стало с каждым днем усиливаться, моему отцу стало как-то не по себе.

Он продал шесть приобретенных за одну ночь известность тюленей одному берлинскому предпринимателю, к сожалению, не за наличные деньги, а в кредит, и вернулся в Гамбург. У этого предпринимателя оказалась плохая память, и он, уехав из Берлина с тюленями в неизвестном направлении, забыл расплатиться с отцом. Так началась торговля животными. Дело было не так уж плохо, как могло показаться с первого взгляда, так как отец сумел от выставок в Берлине и Гамбурге скопить довольно приличную сумму денег.

Не следует, однако, думать, что моего отца интересовал только барыш, получаемый от выставок и продажи животных. Нет, им руководила любовь к животным. Предприятие по торговле дикими животными, будь оно маленькое или большое, немыслимо без горячей любви к ним. Отец мой был страстный любитель и искренний друг представителей животного мира. Это явствует хотя бы из того, что он постоянно держал коз, корову и наряду с домашними животными — обезьяну и даже говорящего попугая. В больших сараях, предназначенных для копчения рыбы, кроме названных животных, жили два павлина. Зверинец, собственно говоря, уже имелся налицо, когда еще никто и не думал о торговле зверями.

Я унаследовал от отца его страстную любовь к живому миру. По крайней мере уже в раннем детстве она проявлялась самым ярким образом. Двухлетним ребенком и однажды, к ужасу моей доброй матушки, принес домой в переднике восемь живых маленьких крысят, которых, разумеется, у меня тут же отобрали. Я поднял страшный крик и замолчал только тогда, когда мне взамен крысят отец подарил двух морских свинок, которых он держал в большом количестве с особым удовольствием.

Немного позже мне подарили живого крота. Чтобы устроить ему жилье, во двор выставили бочку с песком. Но главной заботой являлись здесь вопросы желудка. Каждый вечер отправлялся я со своими старшими братьями и сестрами на кладбище отыскивать дождевых червей, и таким образом мы могли более двух месяцев поддерживать жизнь нашего питомца. К сожалению, во время одного сильного проливного дождя мы забыли прикрыть бочку, и бедняга утонул в своем собственном доме. Это был первый урок, полученный мною по части обращения с животными. Несчастье глубоко тронуло мое детское сердце, и, хотя бессознательно, я извлек из него хороший урок — быть впредь более осторожным.

Мне было лет двенадцать, когда я получил в подарок полдюжины уток, перья которых были страшно грязными. Поэтому я налил воды в пустой чан, который обслуживал тюленей, схватил моих уток и побросал их одну за другой в чан, наполненный до половины водой, в котором они с удовольствием стали барахтаться. Налюбовавшись вдоволь веселой картиной, я пошел обедать. Каково же было мое удивление, когда, вернувшись через два с половиной часа, я не нашел своих уток ни в воде, ни на дворе. С помощью старого сторожа я обыскал все кругом, но напрасно. Тогда сторож высказал предположение, показавшееся мне совершенно невероятным: «Может быть, утки утонули!» Действительно, все шесть уток оказались мертвыми — на дне чана. Перья их были так загрязнены, что не получали достаточного количества жира, и потому утки не могли держаться на воде. Крылья промокли насквозь и своей тяжестью увлекли уток на дно. Конечно, им надо было дать сначала поплавать на мелком месте.

Отец крепко выругал меня за неосмотрительность, но этот случай послужил мне хорошим уроком на будущее.

С появлением у отца первых тюленей завертелось колесо торговли животными. В последующие годы были пойманы еще тюлени, которых, однако, мой отец сам уже не выставлял, а продавал странствующим предпринимателям и владельцам тогдашних небольших зверинцев. Они демонстрировали невинных животных на ярмарках и базарах под видом сирен или моржей — на большой риск эти люди не шли. В июле 1852 года капитан Майн привез из Гренландии в Гамбург на своем китобойном судне «Молодой Густав» взрослого белого медведя.

На это чудовище не так легко было найти покупателя, потому что во всей Германии тогда было только три зоологических сада. Нужны были смелость и предприимчивость, чтобы рискнуть вложить капитал в белого медведя. Однако мой отец не струсил и, поторговавшись как следует, уплатил в конце концов за него капитану 350 прусских талеров. Тогда же случайно стали его собственностью полосатая гиена и несколько других животных и птиц, привезенных на этом пароходе. Весь этот зверинец был вскоре выставлен на площади в Сан-Паули в Гюнермердерском музее. За обозрение зверей посетители платили четыре шиллинга. Не нужно, однако, думать, что тогда достаточно было дать объявление в газетах и затем спокойно ждать публику. Далеко не так. Перед дверью был поставлен зазыватель — да какой еще! Хорошо известный в те времена зазыватель Бармбекер, одетый в красный фрак, подобный тому, какой носили датские почтовые чиновники в качестве униформы. В руках он держал огромный рупор, при помощи которого громогласно объявлял изумленной толпе, что всего лишь за четыре шиллинга можно здесь увидеть грозу эскимосов — громадного белого медведя из Гренландии.

Такая реклама по тому времени была необходима, так как площадь была заполнена театрами, каруселями и выставочными киосками и требовала энергичных действий.

К этим выставкам зверей присоединялись ежегодные представления в Hamburger Dom на рождественском базаре, который в прошлом столетии начинался на паперти гамбургской соборной церкви. Ясно вижу базарную площадь, заставленную заснеженными торговыми ларьками, какой она обычно была перед Рождеством. С руками, запрятыми в карманы, переминаясь от холода с ноги на ногу, толпились ребятишки и молодежь перед манящими

выставками сластей, игрушек и ароматных печений и пряников, но еще более — перед механическим театром, кабинетами восковых фигур и балаганами с кровожадными хищниками и редкими дикими зверями.

В старом Доме можно было всерьез увидеть сирену и других сказочных животных. Перед балаганами прохаживались зазывалы, которых называли «рекомендателями»; время от времени они начинали быстро бегать взад и вперед, так как мерзли от холода, и непрерывно выкрикивать личными голосами свои приглашения. Одним из них был «актер» Лебединое Горло, как он сам величал себя, оригинальный человек, охотно нанимавшийся на любое амбула.

Однажды зимним вечером 1853 года Лебединое Горло ходил взад и вперед перед выставочным балаганом на базарной площади и бросал в изумленную толпу следующие достопримечательные реплики:

— Прошу покорно, заходите, господа! Только здесь можно увидеть крупнейшую в мире свинью! Это нельзя не посмотреть, это колоссально!.. Это что-то невероятное! Это невиданное зрелище! Этого никто еще не видел! Взгляните, господа, на это чудо природы — гигантскую свинью собственной персоной!.. Взрослые платят шиллинг, дети только половину!..

Слова эти подкреплялись огромным щитом, на котором была нарисована свинья величиной с нильского бегемота.

Но самое замечательное в этом балагане на старой гамбургской площади было для меня то, что даже это примитивное предприятие носило имя Гагенбека.

Предпринимателем, показывавшим громадную свинью на большом новом базаре в Гамбурге уважаемой публике, был мой милый отец, который у старого ветеринарного врача купил это животное, весившее 900 фунтов¹.

В те годы мой отец не пропускал базарного времени без того, чтобы не выставить какой-нибудь редкий или замечательный экземпляр животного царства. Конечно, при этом происходили забавные, совершенно невероятные в наше время обманы. Подобные шутки тогда вполне допускались. В то время еще не были так искушены в зоологии, как сегодня. Широкая публика черпала свои зоо-

¹ Около 360 кг.

логические познания из осмотра странствующих зверинцев, в которых проделывались еще худшие вещи.

Однако не следует делать каких-либо ложных заключений из того, что происходило на веселом базаре старого Гамбурга. Ведь существовал же на базарной площади знаменитый балаган с надписью «Гамбург ночью», в который за шиллинг пускали внутрь посетителей в одну дверь и выпускали их на улицу в другую, чтобы сказать им на прощание: «Вот вам Гамбург ночью».

В моей памяти возникает фигура отца как человека прямых убеждений, с четко очерченным характером. Это был человек с широкими взглядами и непоколебимыми принципами. Преисполненный ему благодарности за свое воспитание, я должен сказать, что во всем достигнутом мною первый камень был заложен им. В его характере счастливо сочетались серьезное отношение к жизни, удивительная простота и приветливость в обращении.

Под наружной строгостью, с которой мой отец воспитывал своих детей, скрывалась большая сердечная доброта. Палка не играла никакой роли в воспитании, зато пример отца, вся жизнь которого состояла в деятельности, точности и бережливости, учил нас, детей, жить в его духе. Я помню лишь один-единственный случай, когда отец дал мне шлепков за то, что я опоздал к столу, хотя меня и звали раньше. С тех пор я привык к строгой пунктуальности. Особенно тщательно нас приучали к бережливости — ничто, представляющее хоть небольшую ценность, не должно было пропадать даром. Так, например, гвозди, погнутые при открывании ящиков, должны были выпрямляться и снова идти в дело. Как своеобразный талисман отец мой всегда носил в кармане первую крупную монету, которую он заработал в юности. Теперь эта монета как самое дорогое воспоминание является и моим постоянным спутником.

За всякие мелкие поручения, которые мы, дети, рано стали выполнять в нашем семейном предприятии, нам давали известное вознаграждение. Каждый из нас должен был собственноручно положить эту сумму в глиняную копилку. Перед Рождеством копилки разбивались и деньги разменивались на серебро и даже золотые дукаты. Мои сохранились до сих пор.

Нас было три мальчика и четыре девочки. Моя мать умерла весной 1865 года. От второго брака, заключенного

отцом позднее, у меня появилось еще два брата — Джон Гагенбек, который впоследствии переселился в Коломбо на Цейлоне, и Густав Гагенбек — в Гамбурге.

Все мое полное труда детство прошло среди занятий рыбным делом, которое из маленького предприятия выросло в крупное, берущее начало от торговли зверями. В школу я ходил лишь в свободное время, притом не больше трех месяцев в году. Элементарные познания получил в женской школе от тетушки Фейнд на Фридрихштрассе в предместье Сан-Паули. Только на двенадцатом году жизни я стал более регулярно посещать школу.

Отец мой ни в коей мере не отрицал благотельного значения образования, но наряду с этим высоко ценил, совершенно в современном духе, практическое умение рано зарабатывать деньги.

Он обычно говорил: «Пасторами вам быть незачем, но считать и писать вы должны уметь». Позднее, когда дело расширилось и пришлось вступить в торговые сношения с Англией и Францией, дальновидность моего отца проявилась и здесь; он сказал: «Ничего не поделаешь, ты должен еще выучиться английскому и французскому языкам». Поэтому в оставшиеся еще школьные годы центр тяжести был перенесен на изучение важных теоретических дисциплин и иностранных языков и особенно на приобретение тех знаний, которые были необходимы для широкого развития деловой деятельности. А этими знаниями овладевают главным образом в той высшей школе, которая именуется практической жизнью.

Основная работа в рыбном деле падала на лето. Тогда еще появлялись в большом количестве по сходной цене безумно дорогие теперь осетры, и мой отец был их главным скупщиком. У него на службе было несколько рыбаков, которые должны были сдавать ему весь свой улов. С марта по июль эта рыба шла с Северного моря вверх по Эльбе метать икру. Мы покупали и перерабатывали каждый сезон 4000—5000 осетров. Под переработкой подразумевалось извлечение икры и копчение рыбы.

Фунт балыка показался бы тогда очень дорогим, если бы по сегодняшним ценам пришлось за него платить от 32 до 40 пфеннигов. Уже десятилетним мальчиком я принимал деятельное участие в деле. Не раз выезжал я с рыбаками на ловлю и своими детскими ручонками помогал вытаскивать из сетей покрытых твердым чешуйчатым пан-

цирем огромных осетров. Рыбаки вонзали пойманному колоссу в глотку крюк или гарпун и подтягивали его в плыв к лодке. Однажды мы поймали неподалеку от Глюкштадта необыкновенной величины экземпляр, длина которого достигала 3,73 метра. Вытаскивание этого великана, которому рыбаки всадили крюк в спину, превратилось в настоящую борьбу. Осетр оказался икряным. Когда ему вспороли брюхо, то оттуда вынули около двух с половиной ведер черной икры. Тогда ведро икры (15 литров) стоило 12 прусских талеров.

Эти ранние поездки на рыбную ловлю заронили во мне глубокую любовь к морю и спортивный интерес к морскому рыбному промыслу, что не так давно чуть не стоило мне жизни во время охоты на акулу в Средиземном море.

С середины июля появлялись угри, оспаривавшие место у осетров. В этот период, примерно до конца сентября, отец мой получал крупные транспорты ютландских угрей, упакованных в мешки, иногда до 10 тысяч фунтов в неделю. Мы, дети, должны были помогать при их очистке и переработке. Но и осенью и зимой мы также не сидели сложа руки. Нужно было нанизывать на железную проволоку селетки и шпроты. У меня до сих пор чешутся пальцы, когда я вспоминаю об этой «славной» работе. Требовалось вынуть рыбу из обледеневшего ушата, в котором она была посолена, и нанизать ее на такую же холодную железную проволоку. Нам часто случалось отмораживать руки, тем не менее нас очень забавляла эта работа. Иногда мы работали даже наперегонки, потому что за каждые полностью нанизанные рыбой десять проволок получали вознаграждение — один гамбургский шиллинг.

Я не могу расстаться с моими юношескими воспоминаниями, не упомянув о двух известных тогда гамбургских оригиналах, которые по странной случайности так же тесно срослись с нашей семьей, как и гамбургский Дом. Первый — это старый Угриный Ткач, наш постоянный, неизменный покупатель. Я как сейчас вижу его в светлой куртке, в красном жилете и в высокой белой фетровой шляпе. На руке он носил всегда корзину, покрытую сверху салфеткой, под которой лежали копченые угри. В Гамбурге тогда не было человека, который хотя бы раз в дни овечьей ярмарки или в Великий Четверг не стоял перед лавочкой Угриного Ткача на церковной аллее Святого Георга, там, где позднее был построен Немецкий театр. Не

было такого гамбургца, который хотя бы раз не отведал угрей из этой лавочки. Никогда еще ни один уличный продавец, восхвалявший свой товар бесконечными куплетами стихов, не пользовался большей популярностью, чем Угриный Ткач. В одном из театров на Штейнштрассе Угриного Ткача прекрасно имитировал на сцене один молодой актер. Пьеса называлась «Густав, или Маскарад» и пользовалась у гамбургцев громадным успехом.

Вторым оригиналом был Данненберг. Мне будет очень трудно нарисовать портрет этого весьма странного человека, хотя я с раннего детства знал его лучше других. Данненберг жил во втором этаже нашего дома на Петерштрассе, и я, понятно, всегда имел к нему свободный доступ. Этого знаменитого человека нельзя было назвать красивым, так как его обрамленное черной бородой лицо было обезображено провалившимся носом. В ушах он носил маленькие кольца, как это теперь иногда еще делают матржы. Некрасивая внешность компенсировалась у Данненберга высокой внутренней порядочностью. Этот человек проявлял необыкновенную деятельность. Не было работы, которую Данненберг, актер по профессии, не исполнил бы за деньги или за доброе слово. Если пропадал ребенок или собака, или прибывали свежие продукты, или повышались на что-нибудь цены, Данненберг оповещал об этом. Если же не о чем было объявлять, то можно было увидеть этого деятельного человека за колкой дров, или перегрузкой товаров, или за каким-нибудь другим делом.

Данненберг постоянно получал особые поручения у моего отца. Конечно, прежде всего он был выкликателем. И многие жители предместья, наверно, помнят его лестные отзывы о нашем товаре. «Слушайте, люди! Свежая икра — теплая рыба! Гагенбек на Петерштрассе отпускает за один шиллинг восемь толстых, жирных рыбин».

В свободное время этому «мастеру на все руки» поручался надзор за старшими детьми.

Но лучшее время Данненберга начиналось после обеда, когда выкликатель и поденщик превращался в директора театра, проблематическая слава которого записана в анналах истории гамбургского театра. Незузнаваемым становился Данненберг, когда, наряженный в старинные рыцарские доспехи, он стоял в блестящей кольчуге и шлеме с огромным мечом на боку и накрашенным румянами провалившимся носом перед входом в «Элизиум» — театр в

Сан-Паули. В нем можно было узнать выключателя из Сан-Паули, только когда он открывал рот и обращался к публике, на этот раз уже на изысканном немецком языке, причем голос его поднимался все выше, звучал все более угрожающе, приглашая публику пойти посмотреть представление трагедии. Плата за вход: первые места — четыре, вторые — два, а последние, мне даже стыдно сказать, — всего лишь шиллинг!

Не раз присутствовал я на спектаклях, сидя на галерке, и бывал свидетелем забавных сцен и эпизодов. В самый разгар высокопарного рыцарского диалога с высокого «Олимпа» нередко на арену сыпались гнилые яблоки и тухлые яйца. Представление прерывалось, и актеры бегом устремлялись на галерку, чтобы вытолкать на улицу зачинщиков скандала. В этом неизменно принимал участие и Данненберг. Кто желает узнать о нем подробнее, найдет прекрасную его характеристику в веселых эпизодах сочинения Бурхардта «Старый веселый Гамбург».

Осенью 1858 года из клетки крейцбергского зверинца во время перевозки в Гамбург выскочил лев по кличке Принц. Это был роскошный взрослый экземпляр. Первым делом беглец бросился на лошадь, которая везла его клетку, и вцепился ей в горло. Хладнокровный проводник, сопровождавший телегу с клеткой, впоследствии получивший известность как «Гамбургский лев», знаменитый Генрих Рундсгаген, набросил хищнику на шею веревку и задушил его. Весьма примечательно, что впоследствии за деньги показывали не только чучело льва — сам Рундсгаген, которому собственное геройство вскружило голову, показывал себя за деньги.

В декабре, спустя некоторое время после этого потрясающего события, отец мой придумал совершенно новое представление, которое сейчас не привлекло бы ни одного любопытного. С помощью старого сапожника Баума, который также слыл одним из оригиналов Сан-Паули, смастерили группу: лев верхом на лошади — и выставили в балагане. За вход в балаган брали один шиллинг. Это художественное произведение было изготовлено из старой львиной шкуры, превращенной в чучело и прикрепленной к шее чучела старой клячи. Оба животных были взяты из Гюнермердерского музея, только немного изменили их положение. Кровь на шее бедной клячи была сделана каплями сургуча. Это предприятие оказалось чрезвычайно вы-

годным. Публика ахала от ужаса; «лев верхом» — лучшая рождественская афера, когда-либо осуществленная моим отцом на базарной площади.

В одну из последующих рождественских выставок снова появилась столь полюбившаяся публике гигантская свинья. Теперь это был хряк — английской йоркширской расы, которая, как известно, слабо украшена щетиной. На этом основании одному из рабочих моего отца пришла в голову оригинальная мысль — показывать животное как необычайную редкость, под названием «голая гигантская свинья». Поэтому хряка обрили. При этом он жалобно визжал, так как его забыли намылить. На щите, укрепленном над балаганом, был изображен большой «портрет» гладко выбритого кабана, под которым в стихах значилась нижеследующая надпись:

Видали мы много больших свиней,
Но никогда подобной.
Войди ж сюда, каждый из людей,
И подивись величине свиньи ты бесподобной.

Конечно, больших богатств такие выставки дать не могли, но все же удавалось выручить несколько сот марок, которые были вовсе не лишними на зиму.

Мало-помалу наряду с рыбным делом стала развиваться и торговля зверями; впрочем, письменное предложение о продаже ара¹ привело нас в замешательство, ибо наши познания в зоологии, за исключением сведений об отечественных видах рыб, находились в стадии становления. За малыми сделками последовали крупные, и большая часть из них была связана с поездками, в которых я еще мальчиком принимал участие, сопровождая отца. Почти половина моей жизни прошла в подобных путешествиях. Я всегда предпочитал устные переговоры, с глазу на глаз, всякой переписке и достигал при этом обычно наилучших результатов. Раньше чем кто-то успевал оглянуться, я уже сидел в только еще входившем в моду поезде или на пароходе. Со времени моего детства это свойство характера, как я полагаю, нисколько не изменилось.

Мою первую деловую поездку я совершил одиннадцатилетним мальчиком, сопровождая отца в Бремергафен. Здесь некий Гарелл продавал нескольких зверей. В те времена для того чтобы попасть по железной дороге из Гамбурга в Бремен, нужно было делать большой крюк через Ганновер. Поэтому поездка в Бремен — сущий пустяк в наше время — тогда являлась серьезным путешествием.

В Бремергафене мы купили большого енота-полоскуна, двух американских опоссумов², несколько обезьян и попугаев. Доставленные пароходом в Бремен, они были затем переправлены в Гамбург на крыше почтового дилижанса. Всю ночь громыкала почтовая карета, на крыше которой орала и визжала маленькая выставка зверей. Наутро в Харбурге (часть города Гамбург) мы заметили, что один из ящиков пуст. Оказалось, что сидевший в нем енот пролез ночью через доски ящика и, не сказав никому «прощай», исчез. Я никогда не забуду лицо моего отца, когда он, почесывая за ухом, растерянно взирал на пустой ящик. Между тем, хотя зверь и исчез, поднимать шум из-за него нельзя было, потому что на нас посыпалась бы целая уйма полицейских протоколов. Беглец был найден не скоро. Еще два года наслаждалось это редкое животное свободой в Люнебургских лесах, прежде чем оно было, наконец, поймано. Мы узнали об этом из газет, но, конечно, никому

¹ А р а — вид крупных попугаев Южной и Центральной Америки, отличающихся очень пестрым оперением и сильным клювом.

² О п о с с у м — американская сумчатая крыса.

не говорили ни слова, и никто кроме моего отца, почтальона и меня никогда не узнал, каким образом попал в лес этот редкий зверь.

В подобных эпизодах, которые чаще всего разыгрывались в нашем гамбургском доме, недостатка не было. Однажды ночью мы были разбужены во время сладкого сна ночным сторожем, который с бледным от испуга лицом сообщил нам, что по соседству с городским кладбищем разгуливает громадный тюлень. Мы с отцом тотчас направились в указанное сторожем место. Нам повезло: зверя мы успели задержать как раз в тот момент, когда он собирался по крутому откосу стены соскользнуть на кладбище. Не стоило большого труда завернуть тюленя в сеть и отнести его в наше помещение на базарной площади.

В другой раз на свободу вырвалась полосатая гиена. Отец мой страшно испугался, так как у нас еще тогда не было никакого опыта в обращении с хищными зверями. Рассчитывать же на помощь семидесятилетнего сторожа было нечего. Потому я отправился сопровождать отца, вооружившись сетью. Мы взяли с собой и сестру, которая светила нам большим фонарем. Длинными дубинками мы загнали дико рычащую гиену в пустой ящик, и в тот момент, когда она, полная ярости, была готова броситься на отца, я накинул на нее сеть. Весь этот эпизод разыгрался, однако, не так быстро, как о нем говорится. Смертельно усталые, мы вернулись домой только в восьмом часу утра.

Но далеко не всегда обходилось все так благополучно; за науку в обращении со зверями мы часто расплачивались тяжелыми ранами от царапин и укусов.

К вышеописанным мелким эпизодам можно прибавить еще два приключения с медведями, хотя я этим и забегая немного вперед, так как это произошло лишь несколько лет спустя, в 1863 году.

Поставщик провианта Гамбургско-Американского пароходного акционерного общества (ГАПАГ) привез из Нью-Йорка пять больших дрессированных медведей: двух серых, двух белых и одного черного барибала. Все они принадлежали популярному тогда в Америке старому охотнику Гризли-Адамсу, который поймал их молодыми, выдрессировал и долго путешествовал с ними по Соединенным Штатам. После смерти старика животных продали с аукциона, и таким образом они попали к поставщику

провианта. Купленных у него зверей мы поместили во дворе нашего заведения. Однажды ночью один из серых медведей, к счастью слепой, вылез из своей клетки и расположился на ее крыше. Об этом нам сообщил, запыхавшись от быстрого бега, живший поблизости сапожник. Разбуженный шумом ломаемой клетки, он с ужасом наблюдал огромного медведя за «работой».

Мы немедленно бросились к месту происшествия. Моему отцу пришла в голову спасительная мысль насадить на вилы, которыми подавали животному пищу, половину каравай черного хлеба и этой приманкой, на которую медведь охотно пошел, завлечь его в другую клетку.

Спустя несколько дней на этом месте случилось мое первое приключение с медведями. Мне было дано поручение «запаковать» в дорогу русского медведя. Сначала я несколько часов промучился, стараясь заманить животное через пересадочную клетку в «багажную», но медведь не испытывал ни малейшего желания менять свое местожительство. Время не ждало, надо было спешить. Если я действительно хотел доставить медведя своевременно на вокзал, то нужно было принимать решительные меры. Я запер двор, открыл решетку клетки и бросил медведю несколько кусочков сахара. Это помогло. Медведь вылез из своего ящика и начал, постепенно подвигаясь, глотать один кусочек сахара за другим. Когда он снова наклонился за очередным куском сахара, я схватил его одной рукой за зашеину, другую запустил в его толстую шубу за спину и хотел силой таким образом втолкнуть в багажную клетку.

Однако я плохо рассчитал, и между нами завязалась настоящая дуэль. Медведь был гораздо сильнее, чем я предполагал. Он от неожиданности сначала встал на задние лапы, затем повернулся ко мне и схватил меня передними лапами. Через минуту мы катались по земле. Своими острыми когтями медведь буквально в клочья изорвал мое платье, он яростно царапался и кусался, и я впервые получил серьезные ранения. Сторож, которого я позвал на помощь, взглянув на борющуюся группу, благородно ретировался. Но я решил не сдаваться. Собрав все силы, я бросился на разъяренного зверя, и он узнал своего господина. Неотесанный серый невежа меня почти раздел и наделал мне массу ран и царапин, к счастью не опасных.

Впоследствии я, однако, уже больше не пробовал подобным образом «переманивать» медведей из одной клетки в другую.

Никто не может исчислить, да и невозможно описать, сколько больших и малых чисто технических трудностей встречалось на пути молодого предприятия по торговле зверями в первые годы его развития. Все, что теперь известно о транспортировке зверей и уходе за ними, нуждалось тогда в испытании на практике; были и промахи, а это стоило нам немало жертв. Недостаток опытности приводил не только к приключениям и несчастьям, подобным рассказанному, но, к сожалению, служил сильным тормозом самому делу. Это было столь серьезное обстоятельство, что отец мой в 1858 году — за год до моей конфирмации, — несмотря на то что торговля зверями приняла тогда уже широкие размеры, не на шутку задумал бросить ее и ограничиться одним лишь рыбным промыслом, который за эти годы сильно развился. Таким образом, будущее всей торговли животными висело на волоске. В связи с этим однажды отец спросил меня, какое я изберу занятие: рыбный промысел или торговлю зверями. При этом он по-отечески, рассказав о своих опытах, советовал выбрать первое.

Я был, однако, твердо убежден в том, что такой совет он давал с тяжелым сердцем и только для того, чтобы избавить меня от разочарований. Но подобно ему я уже слишком сроднился с торговлей зверями и любил общение с животными, которое стало для меня уже необходимым, и потому ни на минуту не мог помыслить, чтобы отказаться от этого дела. Я высказался за продолжение торговли зверями, и отец, любимцем которого я был, охотно дал свое согласие, но с одним условием, чтобы возможный в будущем убыток не превышал 2000 марок. И хотя я еще был мальчиком, у него не было недостатка в доверии ко мне, а у меня — в пламенном желании самостоятельно работать.

Примерно за год до того, как мой отец в Вене произвел свою первую крупную операцию с покупкой зверей у только что вернувшегося домой исследователя Африки доктора Наттерера, я со своей стороны сделал также довольно странное, но неплохое приобретение. Странность этой покупки нужно отнести за счет моего тринадцатилетнего возраста. Я купил в гамбургской гавани у одного юнги, вер-

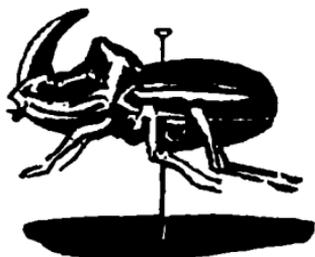
нувшего из Центральной Америки, 280 больших жуков, упакованных в трех сигарных ящиках. Я буквально осчастливил юнгу, заплатив ему по два с половиной гамбургских шиллинга, т.е. 20 пфеннигов на нынешние деньги, за каждый ящик. Когда я показал отцу свою покупку, он остался не слишком доволен ею и сказал: «Ну, то, что выручишь от продажи этих насекомых, можешь оставить себе».

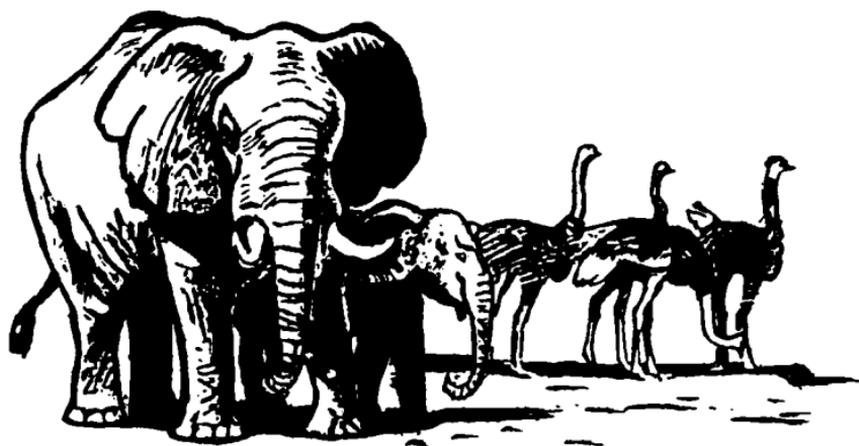
На сей раз отец мой, однако, ошибся. Я показал свою коллекцию булочнику, который слыл большим знатоком жуков и бабочек. Он сказал мне, что я могу получить не менее одной-двух марок за каждого жука, если продам их крупнейшему в Германии торговцу насекомыми, раковинами и тому подобными редкостями Брейтрюку. Короче, я вскоре действительно продал свою коллекцию жуков Брейтрюку и получил за нее не более не менее как сто марок. Позднее я узнал, что Брейтрюк неплохо заработал на этих жуках, перепродав их гораздо дороже лондонскому торговцу Джемрачу, который купил также и у моего отца несколько зверей из африканского транспорта. Другие хищные звери из этой партии были проданы владельцам различных зверинцев. Антилопы, газели и обезьяны, так же как и пара леопардов, были отправлены в своих ящиках в Амстердамский зоологический сад, директор которого, добрый старый доктор Вестерман, в предыдущем году посетил нас в Гамбурге.

Поскольку отец мой был по горло занят рыбной торговлей, я должен был сам принимать почетного гостя. Я настолько полюбился доброму старику, что он просил моего отца отпустить меня к нему в Амстердам для прохождения курса зоологии под его руководством. Его зоосад был образцовым. Наша дружба, которая с моей стороны была скорее почитанием голландского ученого, в дальнейшем еще более окрепла, и в последующие годы Амстердамский зоологический сад покупал почти всех нужных ему животных только у нас.

Когда в марте 1859 года мне минуло пятнадцать лет и я покинул школу, дело пошло уже всерьез. Я весь отдался торговле зверями, тогда как отец мой заведовал только рыбным делом. Но он по-прежнему питал пристрастие к торговле животными, и советы его были для меня драгоценны. Никогда я не чувствовал себя более счастливым, как в те минуты, когда, закончив удачно какую-ни-

будь сделку, достаивался похвалы отца. До конца своих дней он оставался моим лучшим советником и неутомимым сотрудником. Он положил первый камень для материального процветания дела, он же привил нам основы деловитости, устойчивости и уравновешенности и научил любить животный мир. Все последующие успехи ведут начало только от него, уже давно покоящегося в земле.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ ЗВЕРЯМИ

Для меня наступило тяжелое время, но вместе с тем я испытывал глубокое внутреннее удовлетворение. Наклонность и призвание соединились воедино, и я, полный вдохновения, пошел навстречу новым задачам. Нужно было покупать и продавать животных. Разумный уход за ними и надлежащее обращение создавали постоянные заботы. К этому присоединялось еще ведение хозяйственной части предприятия, над которой немало приходилось ломать голову. В ведении бухгалтерских книг и в переписке с поставщиками и покупателями мне помогала моя сестра, Каролина, тогда как другие две мои сестры, Луиза и Христина, взяли на себя уход за птицами. Мой брат Вильгельм был у нас за кучера, и в его обязанности входило перевозить живой товар. У меня самого работы было по горло, так как нашим принципом было и осталось: работа облагораживает человека. В уходе за большими животными мне помогал только старый сторож.

Больше всего хлопот доставляли нам тогда тюлени, которые содержались в больших деревянных чанах. Каждое

утро), спозаранку, нужно было нацедить в чаны свежей воды, а для этого мне приходилось от двух до трех часов стоять у насоса. Когда вода была налита, я брал корзину с рыбой и собственноручно кормил каждого тюленя поодиночке.

Только что прибывшим животным, которые были еще дики и пугливы, пищу просто бросали, но уже через несколько дней они становились смелее и брали пищу прямо из рук. Лишь старые экземпляры составляли исключение и с трудом соглашались брать корм. Подобно моему отцу, и питал особую слабость к тюленям, ее я сохранил и поныне. Я как-то признался в этом одному французскому журналисту. Но, по-видимому, этот господин обладал экзотической фантазией, ибо он поместил в одной из французских газет рассказ о том, как я выдрессировал одного тюленя, который при виде меня каждый раз громко кричал «папа». Правда здесь только в том, что эти животные действительно меня хорошо знали. Когда утром я появлялся на дворе и приветствовал их возгласом «Поль, Поль» (всех тюленей звали Поль), все они вытягивали шеи из чанов и пристально смотрели на меня своими черными глазами.

Это были обыкновенные северные тюлени (*Phoca vitulina*), которых нам привозили наши рыбаки. Но один раз попался лысун — то животное, которое однажды чуть не убежало у нас на кладбище. Этот тюлень стал таким ручным, что ходил за мной по двору следом, как собака. Он скоро выучился садиться, перевертываться в бассейне по команде и проделывал много других уморительных штук, за которые получал в награду лишнюю рыбу.

Первую свою большую сделку я заключил, когда мне едва минуло шестнадцать лет. Интересно отметить, что случай, который в жизни всегда играет главную роль, пришел мне на помощь и здесь. Нужно только не закрывать глаза и стараться использовать любую ситуацию, to make the best of it, как говорят англичане. Как раз тогда в Гамбург приехал владелец зверинца Август Шольц с молодым слоном около пяти футов ростом, которого он ночью поместил к нам, чтобы на следующий день отправить его вместе с другими купленными у нас животными. Мы с Шольцем повели слона по улицам Гамбурга к вокзалу.

На Ломбардском мосту толстокожее животное вдруг чего-то испугалось и пустилось бежать от нас. Разумеется,

это вызвало страшный переполох среди прохожих. Мы сразу же бросились ловить слона. После получасовой охоты по закоулкам города нам, наконец, удалось его поймать. Ему спутали ноги и привязали к телеге, и теперь он уже оказался достаточно благоразумным, чтобы дать довести себя до вокзала. На вокзале Шольц попросил меня на его счет сопровождать слона до Берлина. Я охотно согласился и приказал нашему кучеру поскорее привезти на вокзал мое одеяло и передать отцу, что я еду в Берлин в качестве ассистента Шольца. На следующий день мы прибыли в столицу и, так же как и в Гамбурге транспорт зверей специальным локомотивом был перевезен через весь город с одного вокзала на другой. Перед локомотивом шел железнодорожный служащий, который в левой руке нес большой колокол, а правой размахивал красным флагом.

Ничего не могло быть естественней, как использовать свободное время после выгрузки зверей для осмотра местного зоологического сада.

Этот сад был мне уже известен. Когда я посетил знакомого инспектора и предложил ему купить несколько зверей, он к моему глубокому удовольствию ответил, что я приехал как раз вовремя, так как у них в павильоне для хищников имелись свободные места, которые нужно было заполнить. На другой день я уже заключил с профессором Петерсом соглашение о продаже зверей на 1700 талеров. Позднее мне не раз приходилось сидеть в кабинете музея у профессора и разговаривать с ним по интересующим нас обоим проблемам.

Значительные деловые поездки пришлось мне совершить осенью 1862 года, когда я с отцом посетил зоологические сады в Голландии и Бельгии. В Антверпенском зоологическом саду каждый год устраивался аукцион зверей, который посещали преимущественно содержатели немногочисленных тогда европейских зверинцев и любителей животных. Главным покупателем в те времена был уже известный читателю лондонский торговец зверями Джемрач. Думать о том, чтобы побить этого могущественного для нас конкурента, нам, конечно, и в голову не приходило. Между тем это вскоре случилось и притом самым неожиданным образом.

По дороге в Антверпен мы посетили зоологический сад в Кельне, существовавший всего лишь несколько лет, директор которого доктор Бодинус был одним из наших дру-

лей. Он купил у нас много зверей, заполнив ими пустующие павильоны и загоны молодого зоопарка. Когда спустя десять лет Бодинус был назначен директором Берлинского зоологического сада, он там воздвиг новые роскошные павильоны, которые к открытию были также с нашей помощью населены интереснейшими экземплярами животных.

В Антверпене мы в первый день купили какую-то мелочь. Отец мой, сильно уставший с дороги, рано лег спать, а я вечером отправился один бродить по зоологическому саду, где наш друг, директор Дрезденского зверинца Шепф представил меня нескольким господам, которых я ранее не знал. Один из них был Жоффруа Сент-Илер, директор парижского Jardin d'Acclimatation, другой — директор Амстердамского зоологического сада, а третий, почти семидесятилетний старик, — знаменитый директор Роттердамского зоологического сада Мартин, такой милый господин с пышными усами, бывший некогда сенсацией Парижа, прославившийся как укротитель зверей ее королевского высочества герцогини Беррийской. С рыкающим приданым своей жены — дочери владельца крупного голландского зверинца в Аахене — он сам стал хозяином зверинца, страшно разбогател на заграничных гастролях и в конце концов сделался основателем и директором крупнейшего голландского зоологического сада. Жоффруа Сент-Илер справился у одного нашего знакомого, любителя зверей графа Корнелли, о нашем положении и состоянии. По-видимому, отзыв был самый благожелательный, потому что все три господина заключили со мной довольно большие сделки. Наиболее крупную из них совершил я с парижским директором. Когда на другой день прибыл из Лондона милейший Джемрач, он к ужасу своему узнал, что приехал слишком поздно и что я натянул ему нос.

По странному стечению обстоятельств спустя несколько дней я снова, и довольно чувствительно, расстроил планы представителя английской фирмы. А случилось это так: по возвращении в Гамбург я нашел письмо от вдовы владельца одного зверинца Христиана Ренца, которая в то время находилась на ярмарке в Крефельде и хотела продать там свой зверинец. Отец мой сначала не хотел покупать лишних зверей, чтобы не обременять нас на зиму, и потому письмо осталось без ответа. Но когда вскоре пришло второе письмо от Ренц с припиской, что она сделала подобное

предложение и Джемрачу, тут уж я не выдержал. Через полчаса должен был отойти пароход в Харбург. В те времена в Гамбурге еще не было центрального вокзала, поэтому сперва нужно было переправиться через Эльбу и сесть в Харбурге на поезд, идущий на запад. У меня не было времени даже взять плащ и другие необходимые в дороге вещи, и я в чем был отправился на пристань, вскочил на пароход, имея в кармане не более ста талеров для задатка, и на другой день часов в 11 перед обедом благополучно прибыл в Крефельд. Здесь в зверинце я нашел четыре фургона, полные зверей, и среди них чудесный экземпляр берберийского льва с густой гривой и такой красоты, какой мне никогда больше не приходилось видеть. Я уплатил задаток пятьдесят талеров, а остальные обещал заплатить по прибытии транспорта со зверями в Гамбург. Однако до этого дело не дошло, так как мне удалось здесь же на ярмарке перепродать всех зверей за 700 талеров владельцам мелких зверинцев. Тут-то и произошло забавное происшествие. На станции Оберхаузен, где я должен был пересаживаться, передо мной неожиданно предстал милейший мистер Джемрач, с которым я несколько дней назад виделся в Антверпене. Конечно, воспоминание обо мне не могло доставить ему особого удовольствия; он был неприятно удивлен, увидев меня здесь, и с нескрываемым раздражением спросил: «Где это вы еще были?» — «В Крефельде, — ответил я сухо, — и купил там весь зверинец вдовы Ренц!»

За проявленную сообразительность я получил от отца в подарок сто талеров, а вся эта операция принесла нам две тысячи талеров чистого барыша. Дальнейшая судьба этих животных сложилась так: львов купил мой будущий шурин, английский торговец Чарльз Райс в Лондоне. Он затем перепродал их странствующему зверинцу Фейрграва, колесившему по Англии. Любопытно отметить, что Фейрграв скрестил красавца берберийского льва с капской львицей и получил прекрасный приплод. Впоследствии лучшие экземпляры его зверинца нашли приют в зоологических садах Бристоля и Дублина. Оттуда и по сей час получают лучшие львы, каких можно найти в Европе.

Даже без особых пояснений из приведенных примеров такого рода сделок можно вывести заключение, что наша торговля зверями неуклонно развивалась. В 1863 году мой отец купил на площади Шпильбуденплатц дом № 19, при-

мыкающий к музею. В передней части дома имелись две лавки, из которых одна сдавалась сапожнику, а другая была занята нашими птицами. Позади дома находился небольшой двор, а за ним большая постройка длиной в восемьдесят футов и шириной в тридцать футов, в правой части которой были установлены клетки хищников, а в левой части — стояла для травоядных животных. Над двором возвышалась маленькая пристройка, где располагалось небольшое фотографическое ателье. Свободная часть двора была заставлена ящиками для перевозки зверей, а между ними помещались деревянные чаны, в которых жили наши тюлени. Этот своеобразный «торговый двор» старого Гамбурга впервые в 1886 году нарисовал мой будущий друг, художник Генрих Лейтеманн для газеты «Daheim», которая поместила рисунок и статью о новомодном предприятии Гагенбека.

В последующие годы у меня завязались новые связи с Англией, Францией, Голландией и Бельгией. Зимой 1864 года я совершил свое первое путешествие в Англию. Впоследствии я ежегодно ездил от двенадцати до четырнадцати раз в Лондон покупать товары у английских торговцев. Моя зависимость от английского рынка кончилась лишь с основанием Германской империи и с развитием немецкого морского судоходства.

Совершенно необычайно происходила перевозка в Саутгемптон аргентинского муравьеда, которого я купил в марте 1864 года в Лондоне. Я вообще никогда раньше не видел подобного зверя. Его владелец жил в имении, в четырех милях от Саутгемптона, где муравьед бегал на свободе в заснеженном саду. Подобный факт, подкрепленный позднее другими аналогичными наблюдениями, все больше и больше развивал во мне желание поставить более широко опыты по акклиматизации животных. На ночь зверя запирали в курятнике, где было набросано несколько охапок сена. Потом, когда я купил животное, бывший владелец муравьеда сказал мне, что я совершенно спокойно могу взять его в карету, нужно только закрыть окна, чтобы он не выскочил. Так как я не имел никакого понятия об опасности, которую представляет перевозка подобного животного, я поддался соблазну. Карета только тронулась в путь, как мой четвероногий спутник внезапно схватил меня своими обоими передними когтями. Затем он принялся за мои ноги, и мне стоило большого труда

от него освободиться. Всю дорогу мы не переставая возились. Мне приходилось непрерывно отражать все новые и новые атаки беспокойного соседа, а это было совсем не легко, так как зверь был ростом в 7,5 фута (от носа до хвоста) и обладал колоссальной силой. Когда мы доехали до Саутгемптона, я совершенно обессилел и едва мог позвать на помощь своего кучера. В Лондон зверь был затем отправлен в ящике. Муравьед ежедневно получал в пищу восемь сырых яиц и фунт рубленого мяса. К тому же его поили теплым молоком. На обратном пути из Лондона в Гамбург море было очень бурным, и я оказался прикованным к постели морской болезнью. Хотя корм муравьеда я приготовлял сам, однако вынужден был просить знакомого коридорного на пароходе позаботиться о животном. Тут случилось одно забавное происшествие. Не успел матрос выйти из моей каюты, как тотчас же вернулся с бледным от страха лицом и рассказал, что когда он хотел накормить муравьеда, то у того из глотки выползла тонкая змея. Несмотря на слабость, я должен был спуститься вниз, чтобы посмотреть на чудо. Змея, конечно, оказалась не чем иным, как длинным языком муравьеда, которым он слизывал разбитые яйца, уроненные от страха коридорным.

По прибытии в Гамбург я продал редкого зверя тогдашнему тридцатипятилетнему директору зоологического сада, впоследствии всемирно известному автору книги «Жизнь животных» доктору Альфреду Брему. Мне часто приходилось в нашем старом доме на Шпильбуденшлатц разговаривать с молодым ученым, который еще до учебы в университете совершил путешествия в глубь Африки, а позднее, когда он изучал естественные науки в Иене и Вене, ездил в Испанию, Скандинавию и Абиссинию. Брем был увлекающейся натурой, вечно занятой всевозможными опытами и проблемами. Однажды ему пришла в голову мысль, вероятно под влиянием посещения нашего дома, также заняться торговлей зверями, разумеется, за счет Гамбургского зоологического общества. Вскоре он, однако, заметил, что торговля зверями дело совсем не такое легкое, как ему сначала показалось. Он моментально оставил этот эксперимент и основал в 1867 году Берлинский аквариум. Муравьеда и он видел впервые в жизни. Так как сразу купить такого редкого и дорогого зверя опасались, то я продал его на особых условиях. Часть предназначен-

ной в уплату за него суммы я получил наличными, остальные причитающиеся мне деньги распределялись на каждый следующий месяц, который проживет животное. Тем временем я приучил муравьеда к более полезному корму, состоявшему из кукурузной муки и молока, кроме того, в обед ему давали четыре сырых яйца и полфунта рубленого мяса.

Исключительно важные деловые связи мне удалось установить в 1864 году. Однажды поздно вечером мы получили из Вены телеграмму, в которой сообщалось, что известный путешественник по Африке Лоренцо Казанова прибыл с транспортом животных, собранных им в Африке, и проследовал через Вену в Дрезден. Уже два года, как он привез из Египетского Судана в Европу большой транспорт зверей, состоявший из шести жирафов, первого африканского слона и многих других редких животных. Тогда мы еще не решались приобрести такой дорогой транспорт, теперь же положение изменилось. Я немедленно отправился в Дрезден и купил у Казановы нескольких львов и полосатых гиен, а также коллекцию красивых обезьян и птиц. Наиболее существенным в этой торговой операции было, однако, не покупка группы животных, а заключение постоянного контракта, на основе которого Казанова обязывался доставлять нам в будущем слонов, жирафов, носорогов и других животных. Так как путешественник не хотел признать действительной одну только мою подпись, то мы вместе с ним поехали в Гамбург, где контракт подписал и мой отец.

Казанова был первым из славной когорты путешественников, которые в лесах и степях ловили для нас диких и редких зверей и пронесли имя Гагенбека от полюса к полюсу, от южных морей до Сибири. Уже в следующем году Казанова доставил в Вену свой первый транспорт из Нубии. Из него он передал мне прежде всего трех больших африканских слонов, молодых львов, нескольких гиен и леопардов, молодых антилоп, газелей и страусов.

Зверей погрузили в железнодорожные вагоны и благополучно довели до Берлина, где нужно было оставить слона для местного зоологического сада. С большим трудом удалось вывести животное из вагона и сахаром и хлебом заманить его на несколько сот метров в сторону. Вдруг два оставшихся слона стали что-то трубить вслед своему уходящему товарищу — может быть, это было прощание.

Услышав родные звуки, наш слон немедленно вернулся и побежал обратно к своим товарищам, волоча нас за собой, словно мячики. Нам ничего не оставалось, как вывести из вагона двух других слонов и дать им возможность проводить своего товарища до его нового местожительства. Вернувшись со слонами на вокзал, мы затем без всяких приключений доехали до Гамбурга.

С успехами росло и мужество. Казанова поехал назад в Африку с большими заказами, а в последующие годы к нам на службу поступил еще целый ряд путешественников. Многие обстоятельства способствовали уже тогда широкой популяризации имени Гагенбека. Торговля зверями была в те времена еще совершенно новым видом коммерции. Начинали процветать зоологические сады, и интерес к иноземным животным сильно возрос. Часто было нелегко удовлетворить все предъявляемые мне требования. Охотники и путешественники, состоявшие у меня на службе, подвизались не только в Африке, но и во всех частях света. Там, куда я сам не мог поехать и организовать охотничьи станции, у меня были посредники. Торговля индийскими зверями была в те годы еще преимущественно в английских руках. Импорт животных из Австралии точно так же проходил централизованным порядком через Лондон. Несмотря на то что я непрестанно находился в поездках с целью достать новых зверей, я все же тогда зачастую был вынужден восполнять нехватку за счет дубликатов из зоологических садов. Не только европейцы, но и американцы стали обращаться к нам за товаром. Странствующие цирки в Америке уже тогда приняли такие размеры, которых никогда не достигали зверинцы и цирки в Европе.

Самым крупным предпринимателем в этой области был Финеас Тейлор Барнум, который после длительной борьбы со своим конкурентом Бейли в конце концов объединился с ним в «Цирк Барнума и Бейли, величайшее зрелище мира». Он начал свою карьеру как типичный американский балаганщик, выставив для обозрения кормилицу Вашингтона — шестидесятилетнюю негритянку Джойс Хет. В этом деле были только две небольшие неточности: во-первых, негритянке было всего семьдесят лет, а во-вторых, она никогда не была кормилицей первого американского президента. Позднее ловкач раздобыл сирену и другие «зоологические драгоценности», которые наряду с по-

длинными интересными раритетами заполняли помещения сго американского музея на нью-йоркском Бродвее. Три раза он прогорал и как ванька-встанька снова поднимался, и каждый раз этот новоявленный Одиссей своей необыкновенной изобретательностью и поразительным хитроумием привлекал к себе и своему предприятию внимание всего мира.

Не было на свете такой редкости или злободневного происшествия, на котором этот гроссмейстер шарлатанов не сделал бы долларов. С лилипутом Томом Самбом он посетил Англию и был принят королевой Викторией. В гигантских аквариумах он первым показывал публике китов и акул. На инсценированную им свадьбу карликов прислали роскошные подарки президент Линкольн, миллиардеры Астор, Вандербильт, Дельмонт и другие представители долларовой аристократии. В начале пятидесятых годов он сопровождал по Новому Свету певицу Линд, «скандинавского соловья», и, наконец, основал свое зрелищное предприятие — американскую смесь цирка со зверинцем и паноптикумом. Когда его три специальных поезда прибывали в какой-нибудь город, то в свете ярких карбидных фонарей тянулась по ночным улицам вереница экипажей с факелами, а стены сотрясались от паровозных гудков, звона колоколов, грохотания оркестра и рева диких зверей, привезенных в роскошно убранных клетках.

Этот непревзойденный «мастер выставок» одним ноябрьским утром 1873 года соскочил с дрожек в Сан-Паули и подал мне, стоявшему как раз у дверей нашего торгового дома, свою визитную карточку и просия передать ее Карлу Гагенбеку. Это было легко сделать — ведь я уже держал ее в руках. Когда Барнум узнал, с кем имеет дело, он поразился моей молодости. «Если вы хотите иметь дело с более пожилым господином, — ответил на это я, — то я вас представляю основателю предприятия — моему отцу». Барнум сам в то время был уже почти стариком; это был шестидесятилетний господин с интеллигентным лицом и слегка тронутой сединой густой копной волос. Вскоре завязалась оживленная беседа. «Я был в цирке Ренца в Вене, Карре в Кельне и Мейера в Дрездене, — рассказывал он. — Тем не менее хочу до моего отъезда на родину познакомиться с вами, так как я знаю, что большинство зверей, привозимых в Америку, проходит через ваши руки. Покупать у вас сегодня я ничего не буду, так как цель

моей европейской поездки состоит в поисках новых идей. Будущей весной я собираюсь в Мэдисон-Сквер-Гардене в Нью-Йорке открыть римский ипподром, а для этого мне нужны новые идеи».

В новых идеях у меня недостатка не было. Я тут же поразил гостя, высказав экспромтом несколько оригинальных мыслей, которые он немедленно занес в свою записную книжку. «Я уже вижу,— сказал он улыбаясь,— что мне придется задержаться здесь на несколько дней и с вами побеседовать, и, кроме того, я хотел бы посмотреть ваших зверей. Если я найду для себя что-нибудь подходящее, то заплачу вам приличную цену, потому что не люблю долго торговаться!»

Когда мы закончили наш обход, Барнум купил у нас зверей на 4000 долларов. На следующее утро я заехал за знаменитым гостем в гостиницу «Европа», чтобы по пути ознакомить его немного с Гамбургом. Не прошло и часа, как он уже забеспокоился и попросил меня вернуться с ним в гостиницу, потому что жаждал услышать новые предложения для своего нью-йоркского ипподрома. Когда я спросил Барнума, слышал ли он когда-либо о скачках слонов в Индии и видел ли он когда-нибудь страуса в качестве верхового животного, он честно признался, что ничего подобного не видел и ни о чем подобном никогда не слышал. Тут же он предложил продать ему десять сильных страусов и шесть слонов, которые могли бы быть использованы для указанной цели. «Гагенбек,— сказал он внушительно и взял мою руку,— вы именно тот человек, который мне нужен, переезжайте в Америку и будьте моим компаньоном. Одна треть чистой прибыли пойдет вам». Когда я возразил, что не располагаю для этого капиталом, он сказал с легким упреком: «Мне от вас не нужно денег, я ценю ваш талант больше, чем деньги».

Вот почему я вскоре прибыл в Америку. Впоследствии мне пришлось еще и с собственным цирком поездить по Соединенным Штатам, однако это было делом далекого будущего. Пока же я горячо поблагодарил Барнума за его любезное предложение, и когда спустя две недели он отбыл на родину, то увез с собой две толстые, полностью исписанные записные книжки. За оставленным им на 15 тысяч долларов контрактом последовало установление прочных деловых связей. Впредь «Барнум и Бейли» закупали всех необходимых им зверей только у меня, и это

продолжалось до 1907 года, пока его предприятие не перешло в другие руки.

В 1889 году я посетил почти восьмидесятилетнего Барнума во время гастролей его цирка в лондонском «Олимпия-Холл». Его принципом было заставить как можно больше говорить о себе. Я с удовольствием вспоминаю, как он перед началом каждого представления четыре раза объезжал арену на четверке лошадей, приветствуя публику. Он останавливался через каждые сто шагов и махал цилиндром. Разумеется, он заранее позаботился о том, чтобы довольно большое число голосов кричало со всех сторон «ура» и «браво». Когда я вошел в его ложу, он ухмыляясь сказал мне с большим удовлетворением: «Вы видели, милый Гагенбек, как восторженно меня приветствовали? Я думаю, что сегодня вечером, возвращаясь домой из Холла, публика единодушно будет считать меня самой интересной достопримечательностью».

История того времени являлась одновременно и историей развития торговли зверями в Европе, так как в этой области нужно было всему учиться лишь путем эксперимента. Самый большой транспорт зверей из всех когда-либо полученных мною из Африки падает на 1870 год, после открытия Суэцкого канала¹, который, помимо того что укоротил путь в Индию, дал также нам возможность выгружать африканские транспорты в портах побережья Красного моря.

В Троицын день этого года от уже известного читателю путешественника Казановы и от другого итальянского путешественника по имени Миголетти одновременно были получены известия, что они едут из Центральной Африки с большими транспортами зверей. Казанова настаивал на моем немедленном приезде в Суэц, где он лежал тяжело больной и боялся, что ему не придется больше увидеться со своими родственниками в Вене. Миголетти сообщал, что встретился с Казановой и, вероятно, приедет в Суэц тем же пароходом, на котором следуют и звери, погруженные Казановой. При таком положении нельзя было медлить ни минуты. Снабженный аккредитивом на Египет, я на следующий же день выехал в сопровождении моего младшего брата, Дидериха, через Триест в Суэц, куда мы бла-

¹ Суэцкий канал был открыт для движения судов в 1869 году.

гополучно прибыли после девятидневного плавания. Уже при въезде на суэцкий вокзал мы заметили в другом поезде жирафов и слонов, которые как бы в знак приветствия протягивали нам навстречу свои головы. Бедного Казанову мы нашли тяжело больным в отеле Суэца. Сюда он был доставлен своими верными носильщиками на «гибоко» — род местных носилок. Казанова был совершенно безнадежен. Он попросил поточнее рассчитаться с ним за его животных и перевести следуемую сумму денег его жене в Вену. В присутствии итальянского консула было составлено письменное условие, на котором Казанова дрожащей рукой поставил свою подпись. Это был последний большой транспорт Казановы. Предчувствие скорой кончины не обмануло беднягу, ему больше никогда уже не удалось увидеть родину.

Все внимание мы должны были теперь обратить на караван зверей, который сильно пострадал без зоркого хозяйского глаза. Никогда не забуду оригинального зрелища, представившегося, когда мы вышли во двор из гостиницы. Если бы художник увидел подобную картину, он увековечил бы ее на полотне под названием «Пустыня в плену». Слоны и жирафы, антилопы и буйволы были привязаны к пальмовым деревьям. В глубине двора на свободе бегали шестнадцать больших страусов, а в шестидесяти ящиках, разбросанных в художественном беспорядке среди всевозможного снаряжения, тары и парусов, прыгали и ревели тридцать пятнистых гиен, львы, леопарды, гепарды, рыси и циветты. Обезьяны дрались с попугаями. Тут же вышагивали важные марабу, кричали хищные птицы, хрюкали молодые носороги.

После составления длинной описи всего каравана животных нас ожидала не только поистине геркулесова работа в части дальнейшей его транспортировки, но также и настоящая борьба с различными трудностями.

Большинство людей Казановы были больны и не могли обслуживать животных. Я должен был взять в помощь несколько арабов, чтобы доставить бедным зверям все то, на что они имели право.

Едва мы привели в порядок лагерь и намеревались приступить к кормлению животных, как неожиданно во двор ворвалась группа личностей, мало внушающих доверие, и с дикими криками стала требовать с меня деньги. Их предводитель отрекомендовался спутником Казановы и утвер-

ждал, что тот задолжал ему деньги. В случае если ему не заплатят, он грозил поджечь, как он выражался, «всю историю». На Востоке существует прекрасное средство для успокоения разбушевавшихся страстей — это «бакшиш». Я пообещал уплатить то, что ему причиталось от Казановы, и тут же дал на чай 50 франков, после чего буян сразу превратился в смиренного ягненка и охотно согласился помочь нам при кормлении зверей. Дал я столько же на чай и другим людям Казановы.

Нелегко было достать на станции нужные нам для отправки животных вагоны. Соответствующий железнодорожный чиновник, призывая Аллаха и его пророка, утверждал, что составление поезда из столь большого числа

вагонов потребует не менее шести или восьми дней. Более быстрое формирование состава, по его словам, равносильно чуду, а он, к сожалению, не волшебник. Удивительно, однако, что, после того как я обещал ему также 50 франков, он сразу превратился в восточного мага и уже уверял меня, что нужное количество вагонов будет подано на следующий день к вечеру.

Перевозка большого каравана животных во многих отношениях напоминала экспедицию, направлявшуюся в неисследованные еще земли.

Система Нансена и Пири, которые в своих полярных экспедициях обращали непригодных для дальнейшей работы ездовых собак в корм для остальных животных, мало разнится от той, которую я применял как в этом, так и во многих других случаях, хотя здесь речь шла и не о собаках. Самые большие хлопоты при перевозке животных всегда доставляет их питание. На этот раз, кроме большого количества прессованного сена, хлеба и различных овощей для питания слонов и прочих животных, мы взяли с собой еще сотню молочных коз, чтобы иметь возможность обеспечить молоком наших юных жирафов и других детенышей. Коз, не дававших молока, мы время от времени в пути резали и кормили ими молодых хищников.

Железнодорожный «волшебник» сдержал свое слово, поэтому и я сдержал свое — и к назначенному сроку вагоны были поданы. Слишком далеко завело бы нас подробное описание погрузки всего этого африканского Ноева ковчега. Я вздохнул уже свободнее, когда слоны, жирафы и хищные звери заняли свои места в вагонах, однако никогда не следует считать день счастливым, пока он не кончился. Имелось еще шестнадцать страусов, которых каким-то способом следовало переправить на вокзал. Для этого было решено, что двое арабов будут держать каждую птицу за крылья и заставлять ее идти. К первому страусу были прикреплены мой брат и я. Остальных птиц должны были вести люди Казановы. Этому порядку следовали люди, но отнюдь не страусы. Едва мы отошли на несколько шагов, как остальные пятнадцать страусов словно вихрь бросились со двора, разметали по двору нескольких проводников и, подняв облако пыли, побежали по направлению к пустыне. Увидев это, я сделал то, чего не следовало делать, но... всегда в жизни надо расплачиваться за науку! Я думал, что смогу один удержать нашего страуса, поэ-

тому крикнул своему брату, чтобы он бросил крыло и пошел людям на помощь. Но как только страус почувствовал, что одно крыло у него свободно, он повернулся и с такой силой толкнул меня в грудь своей длинной ногой, что я упал наземь. Быстрее хорошей скаковой лошади пустился беглец за своими освободившимися товарищами, в то время как я еще лежал на земле, стараясь отдышаться, и растерянно глядел ему вслед.

Странно, но до смешного простым способом происходила ловля страусов. Один из людей Казановы, по имени Сеппель, инстинктивно напал на верное средство, спекулируя на особенности, одинаково свойственной людям и животным, — привычке. Но все же это было нечто удивительное. Когда я поднялся, то увидел, что Сеппель гонит со двора все стадо коз. На мой возглас: «Сеппель, что вы делаете?» — он лаконично отвечал: «Хочу вернуть обратно страусов». По его распоряжению двое арабов сели на дромадеров и в сопровождении коз бросились вслед за страусами. Когда погоня приблизилась к беглецам, те выгнули свои шеи и, радуясь этой встрече, забили крыльями и запрыгали вокруг коз и дромадеров. Совершенно необычайное зрелище! И когда все пришло в норму, караван отправился к вокзалу. Страусы так спокойно шли среди коз, словно их удерживала какая-то невидимая сила. Без малейшего сопротивления они дали схватить себя и посадить в вагон. Загадка решалась очень просто: в течение всего сорокадвухдневного марша из Кассалы¹ до Суакина² страусы транспортировались совместно с козами и дромадерами; так что не только люди оказываются во власти отдельных привычек...

Всю жизнь я буду помнить путешествие из Суэца в Александрию. Редко когда мои нервы были столь напряжены. День был жаркий, пожалуй один из самых жарких, какие мне когда-либо доводилось переносить. Путешествие началось с того, что после нескольких часов езды загорелся передний товарный вагон. К счастью, пожар удалось потушить очень скоро. Значительно труднее было утолить мучившую нас жажду, так как при подаче паровоза состав получил такой сильный толчок, что все наши «гулас» — глиняные сосуды для воды, которые мы повесили в вагоне, —

¹ К а с с а л а — город в Судане, важный торговый центр.

² С у а к и н — порт в Судане на Красном море.

разбились вдребезги. В пути нас попытались оставить на одной станции. После того как машинист заявил, что его паровоз не в состоянии далее тянуть такой длинный состав, нас отцепили, и поезд без нас ушел в Александрию. С тяжелым чувством ходил я вокруг вагонов с моим драгоценным грузом. Очень легко такое положение могло привести к катастрофе и нанести мне едва ли поправимый удар. Животные так тесно заполняли вагоны, что мы ни разу не смогли их накормить. Однако нужно было что-то предпринимать. Я вспомнил, что Казанова передал мне удостоверение венского императорского двора, выданное ему инспектором королевского зверинца в Шёнбрунне в связи с некоторыми заказами. В удостоверении предписывалось в случае необходимости отправлять животных ускоренным путем. На удостоверении имелась большая золоченая печать, и на нее-то я возлагал свои надежды. Когда я показал начальнику станции, арабу, говорившему на ломаном французском языке, эту бумагу, она возымела желаемое действие. Он послал в Каир телеграмму. Не прошло и часа, как было получено разрешение прицепить к нашим вагонам специальный паровоз, и наш поезд превратился теперь в экстренный.

Однако для ликования было еще мало оснований, так как несчастье продолжало нас преследовать. Оно явилось в образе пьяного машиниста, который вел поезд с такой бешеной скоростью, что всех животных бросало друг на друга. Хуже всего было то, что каждую минуту наш поезд мог загореться. Топка паровоза была так раскалена, что труба его походила на кратер огнедышащего вулкана, из которого непрерывно вылетали искры и куски угля, дождем сыпавшиеся на солому, постланную жирафам. Мы все время только тем и были заняты, что тушили огонь и успокаивали животных. В конце концов нам больше ничего не оставалось, как выбросить из вагонов всю тлеющую солому.

По прибытии в Александрию снова началась выгрузка животных, которых нужно было отвести во двор к кораблестроителю Миголетти, брату моего африканского путешественника, где они нашли себе временный приют. Сюда же прибыл и второй караван с животными. Вечером я снова увидел моего бедного друга Казанову, в котором едва теплилась жизнь. Больной очень обрадовался, увидев меня. Тихим голосом он расспрашивал о благополучно за-

вершившемся переезде каравана животных, но когда, уходя, я стал прощаться, то почувствовал, что это прощание навеки.

Его преемником позднее явился венгр Эслер, который шесть лет был рабом при дворе абиссинского негуса Теодора и был освобожден из рабства англичанами. Он присоединился к одному из транспортов Казановы, а впоследствии сам объезжал вверенный ему участок в Абиссинии.

Быть может, читателю интересно дослушать до конца рассказ о злоключениях этого транспорта зверей, которые во многих отношениях являются типичными. Наиболее трудная и опасная работа заключалась, само собой разумеется, в выгрузке и размещении животных. Жирафы, слоны, буйволы, антилопы, ящики с хищниками должны были быть погружены паровым краном на борт парохода «Уран», направлявшегося в Триест. Можете мне полностью поверить, если я скажу, что при виде болтающихся между небом и землей животных мною овладел страх. Снимать с животных путы было гораздо труднее, чем надевать их. Жирафов, например, нужно было класть набок, иначе они не давали снимать с себя веревки. И как бы быстро это ни делалось, все же длинноногие животные успевали угостить окружающих изрядным количеством пинков. Брат мой Дидерих получил однажды такой удар в грудь, что упал без чувств. К счастью, он вскоре пришел в себя. В Триесте наш пароход встречали отец и мой шурин. Они уже заранее заказали необходимое число вагонов для нашего транспорта зверей. Прибытие животных в Триест вызвало необычайную сенсацию среди местного населения. Соединенные караваны Казановы и Миголетти составляли самый большой транспорт; кроме других животных, в нем были один носорог, пять слонов, четырнадцать жирафов, двенадцать антилоп и газелей, четыре нубийских буйвола, шестьдесят хищников и шестнадцать взрослых страусов, из которых одна самка была такой огромной величины, какой мне более никогда не приходилось встречать. Она легко доставала кочан капусты, положенный мною на высоте 11 футов. Транспорт дополняли двадцать больших ящиков с бородавочниками, медоедом, обезьянами и разнообразными птицами, а также семьдесят две нубийские молочные козы — странствующая молочная ферма, — которые снабжали молоком наш молодняк. При выгрузке зверей у пристани стояла тысячная толпа, с любопытством

смотревшая на редкое зрелище. Каждый раз, когда слон или жираф повисали в воздухе на стропах подъемного крана, набережная оглашалась неопишваемым гулом голосов. Однако это скопление публики было ничто в сравнении с тем, что творилось на улицах города, когда наш африканский караван направился из порта к вокзалу, растянувшись длинной лентой.

По пути следования животных скапливались такие толпы народа, что требовалась помощь специального отряда полицейских для расчистки дороги. Для меня и сейчас остается загадкой, как при этом не произошло ни одного несчастного случая.

По мере движения каравана через Вену, Дрезден, Берлин в Гамбург он распадался на части. В королевском зверинце Шёнбрунна в Вене остались два жирафа, один слон и много мелких зверей. В Дрездене обрели свое новое местожительство также два жирафа и несколько других животных. Но большую часть животных взял Берлинский зоологический сад, в котором только что были отстроены новые павильоны. В Берлине остался носорог, первый из африканских носорогов, привезенный в Европу со времен римского владычества. Когда я покидал столицу, мой транспорт зверей уже значительно уменьшился. 8 июля мы благополучно прибыли в Гамбург. Невиданные никогда ранее суданские жирафы и молодые африканские слоны, а также другие заморские животные из Нубийской пустыни произвели здесь, на побережье Северного моря, сильный фурор. Художник Лейтеманн поспешил сюда, чтобы сделать зарисовки для «Gartenlaube». Зоологический сад в Гамбурге приобрел четырех жирафов, за ними последовали буйволы, медоеды и некоторые другие звери; остатки каравана впоследствии попали в Лондон и Антверпен. Если это описание перипетий, происходивших с этим большим транспортом животных, заинтересовало читателя, то я хотел бы отметить, что это только половина всего рассказа, причем половина наименее интересная, так как история транспортировки зверей по Европе далеко уступает по своей увлекательности и занимательности истории их перевозок по диким областям Африки, о чем будет рассказано в последующих главах.

С тех пор как я в начале 1866 года взял в свои руки все дело торговли зверями, я уже не знал покоя. Я был то на берегах Рейна, то у Красного моря, и когда возвра-

щался домой, телеграммы, полученные в мое отсутствие, снова призывали меня куда-нибудь вдаль. Поездки не стали реже и тогда, когда я 11 марта 1871 года, уже под новым черно-красно-белым флагом, обзавелся собственным домашним очагом. Все же мое свободное время принадлежало теперь семье. Из десяти человек детей, которых подарила мне моя жена, только пять остались в живых — три девочки и два мальчика. Оба — Генрих и Лоренц — стали сегодня моими компаньонами, они тоже давно уже счастливые супруги, а дочери самые старательные хозяйки. Живое доказательство этого благополучия — тринадцать окружающих меня внучат.

Средства передвижения так усовершенствованы за последние годы, что трудно себе представить затруднения, какие приходилось преодолевать когда-то при перевозке людей и животных. Так, однажды я купил у владельца зверинца Августа Шольца партию зверей и перепродал ее за крупную сумму — 70 тысяч франков — хозяину одного из французских зверинцев Пияне. Чтобы доставить животных к месту назначения — в Италию, нужно было перенести через Сен-Готард, так как туннель в этих горах был пробит лишь спустя десять лет. Понадобилось по крайней мере сто двадцать мулов, чтобы переправить транспорт животных через горы. Это был самый большой в наше время караван животных, и должен признаться, что, проведя его, я еще больше восхищался Ганнибалом, который за две тысячи лет до меня прошел примерно по этому пути со своими слонами.

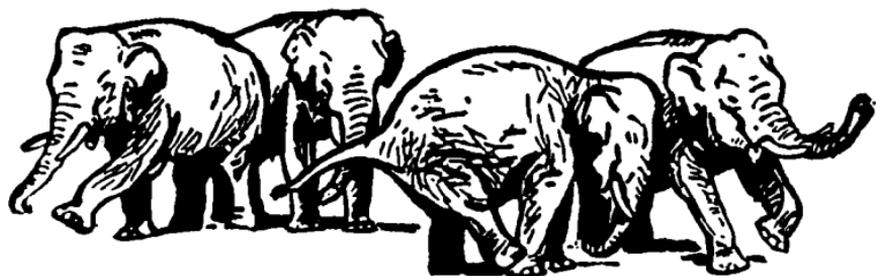
При оформлении этой сделки я впервые столкнулся с дрессировкой животных, которая сыграла столь большую роль в нашем предприятии впоследствии и которой я дал совершенно новое направление. В караване находилось несколько групп дрессировщиков, которые возглавлялись специально приглашенным Робертом Дагтезеллом.

Львы отгрызли ему один за другим три пальца, обрубки которых он украшал толстыми золотыми кольцами с большими драгоценными камнями. Это было, может быть, и не слишком красиво, но зато служило хорошей деловой рекламой. После двухлетнего турне по Италии, во время которого в Риме он был персонально отмечен итальянским королем Виктором Эммануилом, Дагтезелл пришел к нам, и я собрал ему целый зверинец. Он был очень смелый человек и в то же время умел забавлять зрителей всевоз-

можными трюками. Однако в душе этой старой перелетной птицы дремал идеал мелкого буржуа современного большого города. Спустя восемь лет Дагтезелл достиг своей цели, он стал богатым домовладельцем в Берлине и каждый вечер мог попивать винцо, а его осоловевшие собутыльники слушали с разинутыми ртами рассказы о приключениях укротителя львов. При этом обрубки пальцев и четыре глубоких шрама на голове, оставленные зубами тигра, производили именно тот эффект, который и подбало.

Вскоре после начала австро-прусской войны 1866 года я поехал во Франкфурт-на-Майне. Город был полон солдат, шума и возбуждения. Меня вызвали туда письмом из Зоологического общества, желавшего ликвидировать свой зоосад. И снова мой милый конкурент Джемрач из Лондона остался с носом, так как ему удалось добраться только до Кельна, потому что прямое сообщение между Кельном и Франкфуртом было прервано. Хотя и я тоже застрял в Кельне, однако сначала по железной дороге через Кобленц, затем пароходом и в экипаже я все же достиг взбудораженного Франкфурта как раз в тот день, когда разыгралось знаменитое сражение у Ашаффенбурга. Тысячи ганноверских и баварских солдат проходили через город со своими пушками и обозами. В течение получаса я закончил во Франкфурте свои дела и вскоре находился уже на борту парохода, направляющегося в Кельн. То ли из-за контраста между картиной возбуждения во Франкфурте и тишиной, царившей на Рейне, а может быть и вследствие внутреннего удовлетворения от удачно завершеного дела, но первая поездка по Рейну оставила во мне впечатление лучшее, чем все другие поездки, которые я когда-либо совершал в своей жизни.

Спустя несколько дней я в сопровождении моего отца уже опять ехал в Вену, куда снова прибыл из Африки транспорт зверей, среди которых было семь слонов. Из-за военных действий пришлось сделать крюк через Франкфурт и Линц, так что мы попали в дунайскую столицу лишь через сорок часов. О мелких, хотя и интересных приключениях, без которых не обошлась и на этот раз перевозка зверей, но которые для меня являлись лишь побочными несущественными явлениями, я здесь рассказывать не стану. На обратном пути я заметил, что мои слоны страдают от колик. Я приказал в Нюрнберге отце-

пнуть вагон от поезда, так как одно из животных от слабости уже не могло стоять на ногах. Существует очень простое средство избавить слонов от этой болезни: поскольку колики большей частью вызываются недостатком движения, то лечить эту болезнь следует моционом. Я вывел семь своих африканцев на прогулку во двор вокзала и через два часа с удовлетворением заметил, что прогулка нозымела свое благотворное действие. Когда мы снова погрузились в вагон, вдруг появился, весь багровый от ярости, начальник станции и поднял ужасный шум. И, должен сознаться, не без основания, так как слоны после себя оставили такие следы, которые должны были быть уничтожены при помощи метлы и мусорной лопатки. Я дал начальнику станции чаевых для его людей, и инцидент был исчерпан. Но на этом неприятности еще не кончились, худшее было впереди.

Незадолго до отхода поезда я отправился в город и купил там несколько бутылок рома и сахар. Из этого я сварил слонам крепкий грог — хорошее лекарство против колик. Оно действительно произвело на слонов прекрасное действие, они пришли в веселое настроение. Один из слонов, по-видимому, получил этого лекарства больше, чем нужно, так как начал делать разные глупости, боксировать со своими товарищами и сильно лягать их ногами. Этому буяну пришлось дать еще дополнительную порцию грога, после чего он опьянел окончательно и повалился на солону. Он крепко проспал более шести часов. Вместе со сном прошло и опьянение.

Четыре дня и четыре ночи мы добирались до нашей конечной станции — Харбурга. Отсюда животных на пароходе перевезли в Гамбург, где нас на набережной встречал мой приятель Райс. При выгрузке слонов он получил от одного африканца такой удар хоботом, что буквально

проделал сальто-мортале в воздухе и, упав на землю, пролежал несколько минут без чувств. К счастью, он отделался только синяками, а слон остался очень доволен результатами своего удара. Некоторые из этих слонов отправившись за океан, в Америку, и были проданы там по 8500 долларов. Эта была самая высокая цена, которую до тех пор когда-либо платили за молодых слонов.

В 1867 году я снова получил два больших транспорта с африканскими зверями из Судана, служившего в течение многих лет самым крупным поставщиком животных для Европы. В составе первого транспорта было пять жирафов и один слон, которых привез из Египта немецкий купец Бернанд Кон, баварец по происхождению. В своих поездках по торговым делам он кое-что слышал о Казанове и Гагенбеке, и это навело его на мысль самому собрать и привезти животных в Европу.

О них он дал мне телеграмму из Триеста. Жирафы были как раз те животные, которые были мне тогда нужны. Большие затруднения вызвала доставка этих животных с парохода на вокзал. Каждого жирафа должны были вести два человека. Слона повел я сам. Едва отперли двери конюшни, где находились животные, как все жирафы вместе со своими проводниками сорвались с места и помчались галопом по улице. Я передал Кону слона, позвал своих людей на помощь, и нам удалось ценой больших усилий в конце концов загнать длинноногих в вагоны.

Умудренный опытом, я по прибытии на Берлинский вокзал в Гамбурге приставил к каждому жирафу по три проводника, которые и доставили животных к их стойлам.

Второй караван того же года отличался массой несчастных случаев, ибо беда никогда не приходит одна. Когда на рейде в Триесте показался пароход с нашими зверями, я и сопровождавший меня отец с ужасом увидели, что на пароходе поднят карантинный флаг. В Египте свирепствовала холера. Никто не имел права подняться на борт парохода. В довершение несчастья отец заболел дизентерией. Уже спустя четыре дня после начала болезни он страшно ослаб. Я пришел в полное отчаяние, когда отец позвал меня и начал со мною в некотором роде прощаться. С записной книжкой в руках он отдавал мне распоряжения относительно дел в Гамбурге, давал полезные советы на будущее и, наконец, сказал, что он уже не верит, что ему снова придется увидеть родину. С тяжелым сердцем

вышел я в этот день на работу, но делать было нечего, требовалось срочно отправить на вокзал и погрузить в вагоны весь транспорт зверей, который состоял из тринадцати слонов, двух жирафов, тринадцати антилоп и газелей, пяти леопардов, тринадцати страусов и большого числа ящичков и клеток с пантерами, гиенами, обезьянами и птицами. По совету врача отец уехал в Вену. Не без обычных приключений тронулся, наконец, наш специальный поезд в путь. Дорогой одна антилопа выскочила из вагона и осталась лежать на полотне с переломанным позвоночником. Один страус сломал ногу, и его пришлось прикончить. Маленький слоненок сильно пострадал отшиба, причиненного ему большим собратом.

Но все это было ничто по сравнению с той радостью, которую я испытал по приезде в Вену, найдя моего отца снова здоровым.

Почти до начала семидесятых годов дело ограничивалось исключительно торговлей зверями, к которой впоследствии присоединялись все новые и новые предприятия. Заключительным аккордом этого периода был переезд нашей семьи в новый дом. Уже давно помещения на Шпильбуденплатц стали слишком тесны для нас. После долгих поисков весной 1878 года мне наконец посчастливилось найти в Гамбурге на Нёйен-Пфердмаркте подходящий участок земли с жилым домом и прилегающим к нему садом площадью 70 тысяч квадратных футов. Я купил его, а все нужные нам постройки, как то: слоновник, павильоны для хищников, помещения для дрессировки и склады для фуража, — были воздвигнуты настолько быстро, что уже в середине апреля мы могли переселиться на новое место.

Глава третья

ВЫСТАВКА НАРОДНОСТЕЙ — ОТ АРКТИКИ ДО ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

В погожий осенний день 1886 года в парадном зале Jardin d'Acclimatation в Париже собралось блестящее общество. Здесь были представители науки, искусства и прессы. Праздновали закрытие выставки. Под флагом Гагенбека была устроена выставка сингалезов, которая после пребывания в течение двух с половиной месяцев в Париже должна была закрыться. Эта выставка вызвала во французской столице сенсацию. Она не только принесла большие доходы саду, но и послужила волнующим и поучительным зрелищем для публики. По воскресеньям выставку посещало свыше полумиллиона людей. Банкет был достойным окончанием предприятия. Произносилось много речей. Самой важной была речь главного редактора «Фигаро», который закончил ее тостом за здоровье директора сада, господина Жоффруа Сент-Илера. Ученый, скромность и порядочность которого не уступали его знаниям, отвечая на тост, заметил, что похвала принадлежит не ему одному, а также торговцу зверями Карлу Гагенбеку,

который впервые собрал эту антрополого-зоологическую выставку и показал ее общественности.

Действительно, мне первому выпала на долю честь ознакомить цивилизованный мир с выставками подобного рода, которые начиная с 1876 года и по сей день сохраняют свою притягательную силу у публики. Охотно сознаюсь, что идея подобной выставки родилась у меня не сразу, не так, как Афина из головы Зевса. Первый толчок этому дало письмо, в котором в 1874 году я сообщил моему другу художнику Генриху Лейтеманну, что задумал привезти в Европу стадо оленей. Художник ответил мне на это, что для публики представило бы большой интерес, если бы я выставил оленей вместе с семьей лапландцев, которые, разумеется, должны были захватить с собой и свое оружие, и палатки, и сани, и вообще всю домашнюю утварь. Ему, несомненно, рисовалась живописная картина северной жизни, которую он мыслил себе только в полной совокупности людей и животных на фоне зимнего пейзажа. В этом предложении уже лежала счастливая идея о выставках народностей, которые в дальнейшие годы последовали одна за другой, словно звенья единой пестрой цепи. Лапландцы и нубийцы, эскимосы и сомалийцы, калмыки и индейцы, сингалезы и готтентоты, обитатели самых отдаленных частей нашей планеты до антиподов включительно протягивали друг другу руки в странствиях по столицам Европы.

Первыми были лапландцы. Один из моих агентов пригласил семью лапландцев приехать в Гамбург. В середине сентября 1874 года в Гамбурге высадились небольшая экспедиция, состоявшая из группы лапландцев и тридцати оленей, возглавляемая норвежцем, говорившим по-немецки. Я отправился вместе с моим другом Лейтеманном встречать пароход. Мы взобрались на борт парохода, когда тот входил в гавань, и спустились на среднюю палубу к северным гостям. Уже с первого взгляда я убедился, что предприятие будет удачным. По палубе прогуливались три мужских представителя группы, маленькие, желтощекие, одетые в меха люди.

Там же мы видели мать, нежно прижимавшую к груди своего младенца и четырехлетнюю хорошенькую девочку. Выгрузка и дальнейший переезд прошли благополучно, если не считать нескольких небольших приключений. На этот раз они, однако, сослужили нам службу, так как

неволью явились прекрасной рекламой нашему предприятию. Олени на улице чего-то испугались и не давали себя вести. Неподалеку от Дамтор вырвались два молодых животных и, легко перескакивая через стены и решетки, помчались галопом по кладбищу; наконец, они очутились в зоологическом саду, где их задержали и охраняли, пока мы не пришли за ними. Этот инцидент, а также необычайный вид лапландской семьи привлекли к нам тысячи зрителей.

Я не ошибся в своем предположении. Первая выставка народностей пользовалась огромным успехом, может быть именно потому, что все предприятие носило характер непосредственности и наивной жизненной правды, без тени какой-либо фальши. Здесь не было никакого представления. Караван был доставлен на наш свободный участок земли позади дома на Нёйен-Пфердмаркте, таким образом, он действительно находился на воле. Лапландцы, или, как они сами себя называют, «саами», живут, как известно, в северной части России, Финляндии и Швеции, в так называемой Лапландии с главным городом Рованиеми.

Как у себя на родине, они разбирали и снова собирали свои палатки из жердей и дубленых шкур на глазах у изумленных гамбуржцев. Мужчины изготовляли из оленьей кожи и рыбьих сухожилий сапоги, вырезали из дерева части своих саней. Большое удовольствие доставляло зрителям наблюдать, как мужчины в длинных меховых шубах и остроконечных меховых шапках набрасывали лассо на быстроногих оленей. Немалый интерес возбуждало у публики и доение оленей. Общее внимание привлекала также маленькая лапландка, которая, совершенно не стесняясь присутствием публики, с естественной простотой кормила грудью ребенка. Наши гости были настоящие дети природы, еще незнакомые с утонченной европейской цивилизованностью, и они, конечно, очень удивлялись, что могло интересовать публику в их простой безыскусной обстановке. Несмотря на холод, Лейтеманн приходил каждый день с мольбертом и рисовал лапландцев для известного тогда журнала «Münchener Bilderbogen».

С первого дня публика была в восторге, и уже с раннего утра наплыв принимал угрожающие размеры. Поток посетителей пропускался нарядом полиции через главные ворота. Спустя несколько недель, когда уже весь Гамбург насмотрелся вдоволь на наших лапландцев, я поехал с

ними в Берлин, где показывал их в саду одного пивоваренного завода. Из Берлина мы направились в Лейпциг; после закрытия выставки я подарил палатки, сани и утварь лапландцев Лейпцигскому этнографическому музею, а вырубку, полученную в последние дни выставки, передал городу на благотворительные цели.

Этот первый опыт устройства антрополого-зоологической выставки многому меня научил. Начало было сделано, и я пришел к твердому убеждению, что подобные выставки, имеющие большое познавательное значение, найдут у публики широкий отклик. Я делал мысленный обзор подходящих народностей для следующей выставки, и мои деловые связи привели меня с Полярного круга прямо на солнечный юг. Я поручил моему тогдашнему представителю в Нубии по фамилии Кон привезти в Европу некоторое количество туземцев с их дромадерами, домашней утварью и охотничьими принадлежностями. На этот раз я хотел показать картины быта жителей Египетского Судана.

В июне в Гамбург проездом через Триест прибыли нубийцы и с ними исключительно богатая этнографическая коллекция и много домашних животных. Эти необыкновенно высокого роста охотники из Хамрана привезли с собой огромных черных дромадеров и замечательное оружие. Один из них, молодой великан ростом свыше шести футов, пользовался большим успехом у европейских дам и ранил не одно сердце. В группе была женщина по имени Хадидже, первая нубийка, попавшая в Европу. Куда бы наши гости ни приезжали, везде они привлекали к себе необычайное внимание. В Бреславле мне, например, пришла в голову идея прокатить моих нубийцев в их перьях и украшениях, с оружием в руках по городу в самых

лучших экипажах. В первой коляске сидел доктор Шлегель, директор зоологического сада, я сам и красавица Хадидже. Рядом с кучером в каждом экипаже сидел в мрачном величии суданский воин с длинным копьем в руках. Десять колясок следовали одна за другой. По дороге сделали остановку в лучшем городском кафе, которое немедленно наполнилось до отказа массой любопытных посетителей. Результатом этой прогулки было тридцать тысяч зрителей в первый же день открытия выставки.

В Гамбурге я вместе со своими одетыми в белое сынами тропического солнца посетил цирк Ренца¹. С безграничным восхищением смотрели мои нубийцы на пышное цирковое представление. В свою очередь экзотические гости представляли редкое зрелище для белых зрителей. Впоследствии при организации четвертой или пятой африканской выставки директор цирка Эрнст Ренц пригласил моих нубийцев для участия в пышной пантомиме «Праздник царицы Савской», для которой мною были доставлены жирафы. Впряженные в роскошные колесницы, жирафы показали высокий класс дрессировки, непрсвзойденный и по сей день.

Вся нубийская выставка была в 1877 году приглашена в Париж, в Jardin d'Acclimatation, и имела там необычайный успех, затмивший все предыдущие. Из Парижа я отправился со своей большой труппой в Лондон, в Александр-Палас, который тогда только что открылся. И здесь я также имел сногшибательный успех. Сам лорд-мэр почтил нас своим присутствием.

Лед был сломан, существовавшее вначале недоверие рассеяно. Теперь и зоологические сады стали открывать все шире свои двери прибывающим из разных концов земного шара выставкам народностей. Миллионы европейцев впервые без труда знакомились с бытом многих народов, а ученые получали ценные антропологические и этнографические сведения. Громадный успех, выпавший на долю африканской выставки, заставил меня задуматься над тем, чтобы с экватора перенестись в высокие широты и доставить оттуда в Европу совершенно тут неизвестных gren-

¹ Знаменитая цирковая династия Ренц многократно упоминается в мемуарах Гагенбека. В свое время она имела международную славу и являлась ведущей среди немецких артистов цирка. Был создан также фильм — «Цирк Ренц».

ландских эскимосов, о которых я и сам узнал только после недавних полярных экспедиций.

Для осуществления этого необычайного плана судьбе было угодно избрать молодого норвежца с небольшого лотенского острова Ризо, расположенного в 250 километрах севернее Полярного круга; норвежец, только закончивший путешествие вокруг Южной Америки, в одно прекрасное утро 1877 года, в 10 часов, появился у моей конторы и сказал, словно это был сущий пустяк: «Господин Гагенбек, я доставлю вам эскимосов!» От неожиданности я громко рассмеялся. Однако в голубых глазах этого двадцатичетырехлетнего бородатого моряка светилось нечто такое, что заставляло отнестись с доверием к его словам. Я воскликнул: «Вы именно тот человек, который мне нужен!» Спустя полчаса я уже сопровождал Адриана Якобсена на Альтонский вокзал, и вскоре так неожиданно появившийся на моем горизонте полярный путешественник уже кивал мне приветливо из вагона поезда, уходящего в Копенгаген.

Когда я пытаюсь представить себе тысячемильный путь, проделанный этим жаждущим деятельности молодым штурманом, то убеждаюсь, что могу отчетливо видеть лишь его последние несколько сот шагов от Сан-Паули до Нейен-Пфердмаркта. Возвращаясь из Вальпараисо, Якобсен встретил на вокзале канатной дороги своего брата, который за стаканом грога рассказал ему, что их старый соученик из навигационной школы в Тромсе, по имени Серен Иогансен, поймал для меня несколько белых медведей, но не рискнул отправиться так глубоко в Арктику, чтобы привезти оттуда и эскимосов. «Тогда их привезу я», — воскликнул Адриан, и спустя шесть месяцев он сдержал свое слово.

Трудности начались уже в Копенгагене, так как дорога в Гренландию шла через пороги многих приемных датского министерства внутренних дел, где отрицательно кивали головой и говорили, что они не хотят иметь ничего общего с «торговлей людьми». Лишь после того как видные люди, и в том числе берлинский профессор Рудольф Вирхов, гарантировали, что эскимосам не будет причинено никакого вреда, Якобсен смог отправиться на бриге «Валфискен» в Гренландию. Вблизи Якобсхавна ему удалось взять на борт группу эскимосов — мужчин, женщин и детей — и очень интересную этнографическую коллекцию: ездовых

собак, домашнюю утварь, палатки, два каяка — столь часто описываемые в литературе охотничьи лодки — и большую женскую лодку, называемую «умиак». Он захватил также большое количество различной одежды, ножи для снега, ловушки для ловли тюленей и примитивное оружие. Когда бриг поднял якорь, вся эскимосская колония окружила в свете полыхающего в небе северного сияния отъезжающих и провожала в своих быстроходных каяках выходящий из бухты Диско «Валфискен». Много было пролито и слез при прощании.

Если корабельные каюты показались эскимосам настоящими волшебными дворцами, то по прибытии в Копенгаген многочисленные впечатления уже просто не укладывались в их головах. «Разве эти огромные собаки тоже кусаются? И почему вы на ваших санях строите такие большие дома?», — спрашивали эскимосы, показывая на самую обыкновенную извозчичью пролетку. Газовое освещение в гостинице казалось им настоящей чертовщиной. Только подумать: свет без фитиля и рыбьего жира!.. Железная дорога привела их в неопишное удивление — как это могли «собаки» тянуть за собой такое. Когда нам по дороге пришлось проехать через туннель, они все закричали: «Мы пропали, мы едем на скалу!»

Мне всегда доставляло большое удовольствие наблюдать наивных детей природы всех частей земного шара при первом знакомстве их с европейской цивилизацией. Можно было бы рассказать много интересных и забавных эпизодов, если бы я не боялся выйти за рамки настоящих воспоминаний. Последними сведениями об этих гренландских эскимосах мы обязаны перу смелого норвежского путешественника Руала Амундсена, который прожил среди них три года. Хотя они и приняли христианство, однако их нравы и обычаи напоминают языческие обряды. Основой их жизни является охота. Наш Укубак считался лучшим ловцом тюленей. В своем каяке — узком кожаном челноке — он чувствовал себя на воде как дома. Нередко случается, что подобные лодки застигает в море непогода и их бросает с волны на волну, а часто они и совсем опрокидываются. Поэтому лодки устроены так, что корпус сидящего в них охотника надежно закреплен, а когда лодка переворачивается, то, применяя силу и ловкость и помогая себе двойным веслом, охотник снова возвращается в исходное положение. Для Укубака этот маневр не пред-

ставлял никаких затруднений. Он как ванька-встанька мог бесконечно опрокидываться вместе со своим каяком и тут же переворачиваться обратно.

Укубак был человек среднего роста. Ему было примерно тридцать лет. Его жена, одетая в хорошенькое меховое платье, даже с точки зрения «каблуны», то есть белого, могла считаться красивой. Читатель может открыть один из энциклопедических словарей и в статье «эскимосы» найти рисунок, изображающий ее вместе с грудным младенцем. На родине ее звали Эскимо. Волосы она носила собранными в чуб посередине головы. При ней находились два восхитительных малыша. Как и все эскимоски, она носила меховые панталоны, которые надевались на голое тело, а на ногах — аккуратно сшитые башмачки, так называемые каммики. Семью дополняли двое юношей, которые немедленно выстроили себе на нашем дворе из дерна «квартиру» наполовину под землей. Совсем на эскимосский манер! Окруженные заботой фрау Якобсен, которая сопровождала группу, они чувствовали себя прекрасно в новом окружении, и я не знаю, кто больше получал удовольствия от этой выставки: наши гамбургские зрители или мои гости с Северного полюса.

Вскоре приехал мой высокоуважаемый друг Жоффруа Сент-Илер, чтобы пригласить эскимосов в Париж. Там они произвели еще больший фурор. Ученые предприняли измерение тела эскимосов, филологи попросили Укубака выступить перед недавно изобретенным Эдисоном фонографом. Его фотографировали, с него рисовали портреты. Но когда однажды попробовали снять гипсовую маску с его лица, он швырнул под ноги скульптору деньги за полирование с чисто северным эскимосским проклятием. Однако фрау Укубак, после того как ее женское сердце прельстилось одурманивающим блеском и лоском парижских бульваров, решила дать снять маску с приплюснутого носа. Правда, фрау Якобсен стоило затем немалого труда уговорить ее снять жакет, в котором она позировала.

Теперь наконец немецкие зоологические сады начали открывать свои двери моим выставкам. Не мог более устоять и директор Берлинского зоологического сада доктор Водинус. В марте 1878 года экспедиция отправилась из Парижа в Берлин, где успех превзошел все ожидания.

Из Берлина мы поехали в Дрезден, затем снова в Берлин и, наконец, в Гамбург, где эскимосы, правда, всего

на несколько дней, устроились в зоологическом саду. Это было как раз на Пасху. При дешевизне входной платы — всего четыре шиллинга — наплыв посетителей был громадный. Было зарегистрировано более 44 тысяч гамбургцев, которые пожелали еще раз взглянуть на эскимосов перед их отъездом на родину. Они приехали нищими, а возвращались домой в буквальном смысле богачами. Кроме целого состояния (по их положению, конечно) — 8000 крон, они увозили с собой две полные подарков повозки. Как я позднее узнал от моего агента в северных морях, радость гренландских эскимосов при возвращении из Европы их земляков была неопишима. Укубак пригласил почти всех жителей бухты Диско на праздник возвращения. Около 3000 гостей единодушно помогали ему промотать его состояние до последнего эре. И как только был съеден последний кусок на этом пиршестве и был выпит последний глоток кофе в снежной хижине, первый охотник за тюленями вынужден был снова отправиться на поиски пищи.

Большие успехи породили новые планы. Теперь я уже снарядил капитану Адриану Якобсену собственное экспедиционное судно для ловли зверей в Арктике и на бриге «Айсбар» послал в новую экспедицию. Его имя приобретало все большую известность по мере того, как он привозил в Европу из разных частей света невиданные ранее европейцами народности. В 1879 году он привез с южной оконечности Америки жителей Огненной Земли, а в 1880 году — лабрадорских эскимосов. В 1885 году благодаря его стараниям в Европе появились первые индейцы белла-кула, а позднее и сиу, которые, не считая гастролировавших с труппой Буфало-Билла по Германии, предстали перед европейцами первыми. Из своих многочисленных путешествий, преимущественно в северных морях (но также и в южных), он привез тысячи предметов быта и домашней утвари, имевших большую этнографическую ценность, часть которых после окончания выставок перешла во владение моего шурина Генриха Умлауфа, содержания одноименного музея торговли. Один только Берлинский этнографический музей приобрел 14 230 различных предметов, причем Якобсен по окончании своих экспедиций был назначен профессорами Вирховым и Бастианом хранителем этих коллекций. Чего только не пришлось пережить в своих путешествиях отважному капитану: кораблекрушения, голод, жажду, битвы не на

жизнь, а на смерть. Свои приключения в экспедициях, которые он предпринимал частью на свой счет, частью на счет музеев, он красочно описал в известной книге «Белые границы». Когда в 1883 году я попал на Аляску к индейцам с реки Юкон, мой путешественник находился среди них. Благодаря тому что это был опытный моряк и большой знаток северных народностей и их языков, он добился в своем деле блестящих успехов, которые завоевали ему почет и признание как в высших правительственных кругах, так и в среде ученых и исследователей. С ним дружили такие, например, выдающиеся путешественники, как Амундсен и Нансен.

То, что сначала казалось веселой забавой или просто приятной сменой впечатлений, впоследствии стало большим счастьем. Торговля зверьями, которая была далеко не прибыльной, принесла в тот год большие убытки, и выставки народностей с лихвой их покрыли. Особенно неудачным был для меня 1879 год, когда я, несмотря на все усилия, потерял почти все, что было приобретено неустанным трудом в течение многих лет. Однако уже в следующем году фортуна снова повернулась ко мне лицом. Между моими американскими покупателями возник спор из-за приобретения индийских слонов. Местные цирковые короли хотели превзойти друг друга в количестве показываемых публике слонов. Ко мне со всех сторон посыпались заказы на поставку слонов.

В Судане появились Махди и его последователь Абдулах, и доступ в новое государство Махдия был закрыт для всех неверных. Там, где ранее мои охотники могли свободно гулять по лесам и долам, где европейские путешественники могли беспрепятственно ездить по стране под защитой египетского правительства, царили теперь фанатические последователи нового пророка. Чтобы удовлетворить «слоновый голод» моих американских друзей, я был вынужден искать другие места, где можно было бы достать слонов. С этой целью я послал своего агента Джозефа Менгеса, который служил у меня с 1876 года и до сих пор работал в Судане, на остров Цейлон. Менгес еще в начале семидесятых годов сопровождал экспедицию Гордон-паши к Белому Нилу и собрал там много ценных и интересных сведений, которые ему оченьгодились впоследствии. Он принадлежал к числу тех гениальных натур, которые прекрасно сочетают в себе интересы дела

с наукой. Благодаря этим качествам он стал одним из лучших моих сотрудников. Менгес детально ознакомился с Цейлоном, завязал там деловые связи. По его следам вскоре были отправлены мною два других агента, которые занялись покупкой и отправкой слонов. Между тем Менгес снова отправился в Сомали, чтобы приобщить к сфере нашего влияния новые области. Летом 1881 года он вернулся в Европу с транспортом зверей, в составе которого были страусы, газели и дюжина красивых антилоп. К сожалению, пароход, на который погрузили транспорт зверей, при выходе из Аденской бухты был захвачен ураганом, причем большая часть ящиков была смыта огромными валами в море. Только шесть страусов и три антилопы остались в живых и благополучно достигли Гамбурга. Однако подобные неудачи в нашем деле не должны пугать.

Менгес немедленно же вернулся в Сомали, но на этот раз взял с собой большое количество разборных клеток и запасы досок для ящиков. Второй транспорт оказался удачнее, и я мог благополучно доставить через Марсель в Алжир заказанных одной фермой 40 страусов. Остальные животные, которые были в составе транспорта, без всяких приключений добрались до Гамбурга. В этой коллекции находился новый вид дикого осла из Сомали. Зоологи, к моему удивлению, почему-то не очень заинтересовались этим ослом¹.

Вскоре, однако, ко мне явился тонкий ценитель моего импорта. Он был не из числа людей нашей профессии, а занимал высокое положение в обществе. Однажды осенью 1882 года, перед обедом, когда я только что вернулся в свой зоопарк, жена мне сообщила, что минут двадцать назад в сад прошел князь Бисмарк в сопровождении двух дам и одного господина. Я сейчас же отправился туда и нашел князя перед диким ослом из Сомали. Князь спрашивал сторожа, что это за курьезное животное, однако тот не мог дать правильного ответа. Я тут же подошел к Бисмарку и рассказал, как я приобрел это животное и что это еще совершенно неизвестная и никем не описанная порода. Я добавил, что затрудняюсь найти на него покупателя, так как ни один директор зоологического сада не

¹ Впоследствии зоолог Ноак описал сомалийского осла как новый, особый вид. В настоящее время его считают лишь географической расой обыкновенного осла.

верит, что перед ним новая порода животного. «Я не зоолог, — ответил мне на это Бисмарк, — но сразу с первого взгляда увидел, что это совершенно новое животное, потому что ноги у него полосатые, как у зебры, а тело имеет более красивую окраску, которая не встречается у обыкновенных ослов». Завязался оживленный разговор, и князь с большим интересом продолжал обход нашего зоопарка.

Сомалийского осла я в конце концов продал Лондонскому зоологическому саду, причем обязался также в течение года доставить бесплатно Британскому музею пару шкур животных этой породы. Данное обещание я с честью выполнил. Эти шкуры можно еще сегодня увидеть в залах Британского музея.

Между тем в Гамбург благополучно прибыл транспорт слонов, закупленных Менгесом на Цейлоне. В 1883 году с этого острова было получено мною 67 слонов. Само собой разумеется, что параллельно с этим успешно развивалось и другое предприятие — организация выставок народностей. Мой брат Джон Гагенбек, бывший в то время на Цейлоне, составил различные интересные караваны животных. Ему очень пригодились для этого дела знание им в совершенстве страны и местных условий.

В 1883 году я снова соединил две противоположности — индейцев и калмыков. Вывоз слонов в Европу навел меня на мысль выписать с Цейлона также нескольких «корнаков», погонщиков слонов, чтобы показать публике, как работают слоны в Индии. Рабочие слоны кротки и послушны, как лошади, они выполняют труднейшие работы. Один слон может заменить четырех и более лошадей.

Выставка вызвала в Париже и Берлине исключительный интерес, так что я немедленно стал готовиться к устройству в будущем году большой Цейлонской выставки, на которой я задумал показать, кроме рабочих слонов, туземцев в широком масштабе со всеми этнографическими подробностями. Я послал своих доверенных агентов, Менгеса и Карстенса, на Цейлон, а сам отправился с волжскими калмыками в турне по европейским столицам. Калмыки называют себя монголо-ойратами; название же «калмыки» происходит от татарского слова «калемак». Большая часть этого обширного племени состоит еще под протекторатом Китая, и мой агент Бенке посетил их главное

кочевье в области Кукунор, где они содержат большие стада¹.

Исключительно интересное зрелище представляли калмыки со своими легкими палатками, называемыми кибитками, стадами верблюдов и черных курдючных овец, у которых курдюки столь тяжелы, что их приходится возить на двухколесных тачках².

Наряду с этими странными овцами большим успехом пользовались у зрителей киргизские кобылицы, которых каждый день доили. Из кобыльего молока приготавливали калмыки свой излюбленный напиток, кумыс, который теперь пользуется широкой известностью как хорошее лечебное средство против чахотки и других грудных болезней. Кумыс на вкус кисловат и пенится при переливании. Чтобы сделать выставку интереснее, я пригласил двух буддийских священников, которые в своем пышном облачении производили должное впечатление.

На выставке калмыки собрали свои напоминающие пчелиные ульи кибитки, в которых вверху имеется отверстие, заменяющее одновременно трубу от очага и окно. Жизнь и быт кочевого народа занимали ученых не в меньшей мере, чем зрителей. Ученые интересовались главным образом этнографическими предметами, зрители же приходили в восхищение, когда калмыки боролись, пели, танцевали или скакали верхом. Неизгладимое впечатление оставляла скачка калмыкских девушек, которые по-мужски сидели на своих маленьких резвых лошадках.

Короче говоря, выставка калмыков имела потрясающий успех, и ее пришлось повторить в 1884 году. Уже в Париже наплыв посетителей был огромен, но то, что происходило в Берлине, было беспримерным. Я и сейчас с удовольствием вспоминаю первую полученную мною из Берлина телеграмму: «До сих пор прошло уже около 80 тысяч посетителей. Наплыв колоссальный. Порядок поддерживается конными и пешими полицейскими». Эта депеша была

¹ Здесь Гагенбек ошибается: калмыки — это монголы, еще в XVIII веке выселившиеся из Джунгарии в приволжские и приуральские степи. На берегах озера Кукунор живут преимущественно тангуты, хотя встречаются и монголы. Поэтому этот район считать главным кочевьем монголов и тем более калмыков никак нельзя.

² Рассказ Гагенбека о курдюках, настолько тяжелых, что их приходилось возить на тачках за овцами, следует отнести к категории небывлиц.

послана в четыре часа пополудни. К вечеру число посетителей Берлинского зоологического сада достигло 93 тысяч.

Между тем мои агенты на Цейлоне закончили тщательную подготовку к отправке в Европу индийской выставки, которая благополучно прибыла в Гамбург в апреле 1884 года. Транспорт состоял из 67 сингалезов, 25 слонов — от самых маленьких до самых крупных рабочих — и целого стада буйволов. На пароходе прибыло также большое количество оружия и различных предметов быта, так что этнографическая выставка насчитывала сотни превосходных экспонатов. Был также богато представлен и растительный мир.

От моих сингалезов веяло каким-то духом старой страны чудес — таинственной Индии. Мы уловили не только ее живописный внешний облик, но и отблеск ее мистики. Пестрая, привлекательная картина лагеря, величественные слоны, покрытые вышитыми золотом чепраками или в рабочей сбруе, тянущие огромный груз, индийские маги и скоморохи, танцоры, исполняющие дьявольский танец в своих страшных масках, красивые, стройные баядерки с их возбуждающими танцами и, наконец, большой религиозный кортеж «Перра-Харра» — все это производило потрясающее впечатление на всех без исключения зрителей. Что это впечатление создавалось не только самим представлением, доказывает следующий небольшой эпизод, о котором я хочу попутно рассказать. Я называю его «Крупп и сингалезы».

Во время нашего турне по Германии мы побывали также в Кельне. Отсюда несколько сингалезов в своем живописном убранстве отправились (конечно, в сопровождении европейца) в Эссен. Там они наняли экипажи, поехали кататься и оказались у корпусов завода всемирно известного пушечного короля Круппа. Так как большие заводские ворота случайно были открыты, то экипажи недолго думая без разрешения въехали на заводской двор. Завод охватило большое возбуждение. Во двор устремились рабочие, мастера, техники и инженеры, а может быть, и сами директора. Они, наверно, подумали, что к ним прибыли экзотические властелины, чтобы закупить пушки и ружья.

Из вежливости наших индийских гостей расспрашивать не стали, а повели с величайшей любезностью по шумным

цехам и мастерским, а затем проводили до экипажей; они поблагодарили сотрудников Круппа от имени Гагенбека и преспокойно уехали. Им вслед смотрели вытянутые лица.

Выставка открылась в Гамбурге, в Мурвейденгалле, который давно уже снесен. В течение нескольких недель громадное здание с утра до вечера было переполнено посетителями. За Гамбургом последовали Дюссельдорф, Фрайкфурт-на-Майне, Вена. В Вене происходило форменное паломничество огромных толп народа к пышно украшенной мною Ротонде Пратера¹. В первое же воскресенье пришлось два раза запирать кассы из-за чрезмерного наплыва публики. Мне никогда еще не приходилось так напряженно работать, как в эти четыре недели, пока выставка оставалась в Вене. Почти каждый час приходили важные лица и сановники, которых я лично должен был водить по выставке и давать объяснения. На восьмой день нашего пребывания в Вене выставку посетил сам австрийский император Франц Иосиф. Я сопровождал августейшего посетителя по всем отделам выставки. Визит продолжался три четверти часа. При прощании император поблагодарил меня за данные ему объяснения и пожелал моему предприятию дальнейших успехов. В память посещения императором выставки двор на следующий день прислал каждому сингалезу по новенькому австрийскому дукату.

Этого визита только и не хватало для полного, потрясающего успеха выставки. Вся пресса не только подробно расписывала в длинных статьях все то, что сказал и сделал император, но и уделяла много внимания самой выставке. Следствием был еще больший наплыв посетителей. Такого массового наплыва публики не наблюдалось в Пратере со времени Венской всемирной выставки 1873 года. Я ввел пониженную плату для простого народа и большую часть дохода от выставки передал благотворительным учреждениям. Для меня наградой было совсем другое: никогда не забуду того отрадного чувства, которое я испытал, когда в одно прекрасное утро 7000 венских школьников со своими оркестрами шествовали через Пратер к Ротонде.

Из Вены поехали в Берлин. Тут мы разместились не в зоологическом саду — выставка была слишком велика

¹ Ротонда — центральная постройка венского увеселительного парка Пратера. Она была сооружена в 1873 году для Всемирной выставки.

для этого, — а в выставочных павильонах Лертерского вокзала. Мы пробыли здесь четыре недели и сделали еще больший сбор, чем в Вене. Высокопоставленные лица, ученые с мировым именем, художники, представители прессы — все спешили посмотреть выставку. Даже проезжавшие над парком поезда надземной городской железной дороги всегда замедляли свой ход, чтобы пассажиры могли бегло взглянуть на чужестранный волшебный мир с его красочным бытом и причудливыми постройками.

Прибыль, полученная мною от этой большой и полезной в научном отношении выставки, оказалась весьма умеренной, так как уж очень велики были расходы по ее содержанию. По окончании выставки в Берлине я устроил моим сингалезам в Гамбурге прощальный праздник и, наградив их подарками, отправил на родину. В следующем году я объехал с новой индийской выставкой Южную Германию и Швейцарию, снова посетил Вену и в конце концов отправился в Англию. Из-за плохой погоды, крупных расходов и других неудач я на этот раз потерпел большой убыток. Английская экспедиция обошлась мне в 40 тысяч марок, которые, к счастью, удалось покрыть за счет доходов с парижской выставки. За два с половиной месяца, в течение которых выставка находилась в Париже, через Jardin d'Acclimatation прошло несколько миллионов французов, пожелавших взглянуть на волшебную страну Индию.

К апрелю 1895 года, когда я снова появился в Лондоне с подготовленной моим агентом Менгесом в Бербере¹ выставкой сомалийцев, проходившие с блестящим успехом выставки народностей в Европе сделали имя Гагенбека хорошо знакомым и в Англии. Ведущие газеты и иллюстрированные журналы британской столицы наперебой посылали своих корреспондентов, художников и фотографов в Гильбюрийские доки, где пароход «Клан Росс» разгружал необыкновенный груз — 66 сомалийцев под предводительством своего молодого вождя Герси Эгга, 20 тонн багажа и домашней утвари и 252 животных из Судана. Одни только высказывания лондонской прессы об этой замечательной выставке составили в моей гамбургской конторе толстые фолианты.

¹ Б е р б е р а — порт Британского Сомали.

Перед декорацией из гипса и проволочной сетки, устроенной по типу театральных кулис, на площадке шириной в две тысячи футов был сделан макет настоящей сомалийской деревни. На улицах были высажены растения и пальмы, в хижинах расставлены бытовые предметы. Как и на других моих выставках, здесь не было никакого представления, и зрители имели возможность наблюдать ежедневную жизнь чужестранного племени во всех ее проявлениях. На глазах у посетителей сомалийцы по туземному обычаю готовили пищу, кормили животных, собирались на семейные советы. Так перед европейцами с большей или меньшей полнотой раскрывались различные стороны африканской семейной жизни. Чтобы этот восхитительный, особенно для художника, фон оживить каким-либо «действием», мы попросили сомалийского вождя воспроизвести некоторые события, которые тогда еще имели место в Судане.

Так, мы показывали, как неожиданно на деревню нападали работорговцы. Арабы на высоких дромадерах врывались с криками и звоном оружия в мирную деревню, и жители разбегались в панике. В ужасе поднимало пыль стадо перепуганных коз, кудахтали разлетающиеся куры, а спустя несколько мгновений приводили несчастных пленных, очень реалистично закованных в цепи и деревянные колодки. Затем появлялись европейцы — охотники за животными. Они в вооруженной схватке прогоняли разбойников и освобождали жителей деревни. В заключение устраивался большой праздник мира, сомалийцы танцевали в сопровождении своих музыкальных инструментов, причем соблюдались все обычаи настоящего суданского родового праздника. Затем следовали состязания в беге стра-

усов и дромадеров. Посетителям показывали также охоту на африканских диких зверей, и в заключение собранный охотниками караван проходил несколько раз церемониальным маршем вокруг всей территории выставки. Тут были роскошно украшенные африканские слоны, воины в своем военном наряде вели вьючных животных с ящиками, в которых находились львы, леопарды, шакалы и обезьяны. К тому же туземцы гнали стада страусов, зебр, коз, короче, повторялось все то, что мои агенты в африканских лесах наблюдали в действительности.

Кто сможет описать мое удивление, когда в один прекрасный день я увидел, как шейх Герси Эгга с двумя молодыми воинами из всех сил нажимал на педали, объезжая на только что появившихся велосипедах свой смущенный гарем. Оказалось, что мой друг Вильям Джадж дал сомалийцам велосипеды, и ежедневные гонки сомалийцев на новых стальных конях были невиданной сенсацией для зрителей Кристалл-Паласа, а также и для самих сомалийцев, которые не могли вдоволь надивиться дьявольскому наваждению, явившемуся в виде резиновых шин, фонаря и звонка. Аллах иль Аллах, Аллах велик и Магомет — пророк его, и неизмерима мудрость франков!

Рассказать обо всех выставках народностей — это значило бы совсем замучить читателя. Они составляют в моих воспоминаниях совершенно законченный раздел, полный различных интересных персонажей и анекдотов. Как часто в моем воображении возникает чья-нибудь темная смеющаяся голова или чье-нибудь смущенное черное или бронзовое лицо, вззирающее широко раскрытыми глазами на непостижимые чудеса нашего культурного мира! Где вы

все теперь: африканцы, индейцы, вы, красные сыны прерий, и вы, эскимосы и лапландцы, и вы, патагонцы, прибывшие к нам с глетчеров Огненной Земли¹, доверившиеся моему руководству в стране белых, миллионы которых приходи-

ли глазеть на вас, словно вы были дикими зверями? Вы все давно возвратились к себе на родину, и посещение земли белых людей, откуда вы вернулись, нагруженные богатствами, осталось в вашей жизни ярким и незабываемым приключением. Где ты, мой славный Эль-Амин, чья представительная фигура некогда воспламеняла сердца белых женщин? А ты, мой милый Такрури, все так же ли гордо разгуливаешь по своим лесам с саблей, которую ты когда-то выпросил у меня и обладание которой делало тебя в твоих глазах важнее всех владык мира, вместе взятых? А что стало с тобой, мой старый Укубак? О тебе, мой гордый шейх Герси Эгга, я слышал от твоего сына Али, которого ты решил отдать в учение своему старому другу Гагенбеку. Ты еще не раз будешь рассказывать у камелька своим внукам о путешествии в страну неверных, которые так часто становились твоими друзьями...

Длинной вереницей проходят передо мной все эти лица, дружеские и равнодушные, приятные и неприятные, но у каждого из них свое место в моих воспоминаниях.

Что благодарное воспоминание сохранилось у них, а наши выставки имели, кроме научного значения, еще и другие последствия, совершенно романтического характера, доказывается следующей вполне достоверной небольшой историей.

Одному молодому офицеру немецкого военного корабля, бросившего якорь в Пунта-Аренас в Магеллановом проливе, однажды пришла фантазия отправиться в пампасы. Он и не думал о встрече с людьми. Верхом на нанято

¹ На Огненной Земле жили отнюдь не патагонцы, населяющие Южную Аргентину, а особое племя огнеземельцев, весьма отличное от патагонцев как по своей культуре и быту, так и в антропологическом отношении. В настоящее время огнеземельцы почти вымерли и утратили свои национальные особенности.

и Пунта-Аренас лошади, в веселом настроении офицер направился в путь. После нескольких часов езды в степи он заметил, что потерял компас. Вскоре он совершенно заблудился и решил устроиться на ночлег под каким-нибудь кустом, несмотря на всю неприглядность подобной перспективы, так как в этих широтах ночью очень холодно, и пумы, которые здесь водятся, делают такой ночлег весьма неудобным. Вдруг вдали послышался конский топот. Через несколько мгновений из мрака вынырнула большая группа индейцев, имевших чрезвычайно дикий вид, и бросилась со страшными криками на заблудившегося офицера. Лошадь, ружье, бывшее у него на перевязи, и блестящие пуговицы его форменной тужурки — всего этого было достаточно, чтобы пробудить алчность не боящихся смерти индейцев. Немец схватил ружье и приготовился как можно дороже продать свою жизнь, как вдруг произошло нечто неожиданное и невероятное.

По возгласу подъехавшего предводителя вся группа остановилась, он подскочил к чужеземцу, пристально посмотрел на него и приветливо, веселым голосом воскликнул: «Ты капитан корабля Гагенбек». Эти слова прозвучали для немца как освобождение. Будучи сам из Гамбурга, он моментально подумал, что индеец, наверно, принимал участие в одной из выставок, которые он часто видел в моем зоопарке. Офицер быстро овладел собой и весело воскликнул: «Да, Гагенбек из Гамбурга, капитан».

Обоюдное удивление. Предводитель, сильно жестикулируя, сделал своим людям целый доклад. Общее ликование. Все спешиваются, зажигается большой костер, и чужестранцы вежливо приглашают присоединиться к краснокожим. Они как раз возвращались с охоты и вели с собой несколько страусов и гуанаков¹. Один из страусов был тут же ошипан и зажарен, причем офицеру был предложен лучший кусок. Позднее офицер сообщил предводителю, что ему нужно вернуться в Пунта-Аренас на свой корабль. Предводитель и шесть его спутников немедленно оседлали коней и спустя несколько часов благополучно доставили чужестранца галопом на побережье. Здесь офицер попрощался с ними, крепко пожав им всем руки, и поблагодарил за ужин и сопровождение. Этим приключение закончилось.

¹ Гагенбек здесь имеет в виду трехпалых страусов-нанду. Гуанако — один из видов южноамериканских лам.

Ты хорошо поступил, мой старый Питиотче, и я принимаю оказанный тобой вежливый прием моему заблудившемуся соотечественнику с той же искренней благодарностью, как будто он был оказан лично мне. Ты не забыл тот небольшой период времени, который провел под моей крышей, и в сердце твоём осталось чувство благодарности. Хотя ты и краснокожий индеец, одетый в звериные шкуры, все же мне приятно сознавать, что там, где-то далеко, в диких пампасах, у меня есть друг. Секрет этого маленького эпизода, конечно, понятен читателю. Предводитель патагонцев когда-то действительно участвовал в одной из моих выставок. Капитан Шварц привез его вместе с женой и 12-летним сыном на своем пароходе «Космос» в Гамбург. Эта маленькая семья недолго гостила в моем зоопарке, показывая публике игры индейцев в лассо и бола¹. В Дрездене, куда я на несколько недель отправил индейцев, Питиотче охватила такая тоска по родине, что он стал умолять меня вернуть его в родные пампасы. Я внял его мольбам и со следующим рейсом «Космоса» отправил обратно в Пунта-Аренас. На пароходе офицеры очень много внимания уделяли умному и добродушному индейскому вождю, он в свою очередь также относился к ним с полным доверием. Форма офицеров на «Космосе» была очень похожа на форму офицеров военного флота. Когда индеец увидел молодого человека в пампасах, он принял его за капитана с «Космоса», которого в своем воображении видел только в связи со мной.

Подобные приключения случались не только в африканских степях или на гренландских ледниках, но и в сибирской тундре и в индийских джунглях. Куда бы ни проникали мои разведчики, путешественники и транспортные агенты, они повсюду могли встретить туземцев, участвовавших в моих выставках и ездивших со мной по Европе. Они невольно приобщались к знанию и привозили культуру с собой в глушь. От сомалийца до готтентота, от калмыка до австралийца — все они, кого только можно было заманить в Европу, в разное время принимали участие в моих выставках народностей. Мировой масштаб

¹ Б о л а — кожаный ремень длиной 1—1,5 метра, на обоих концах которого прикреплены шары. На охоте всадник вращает эти шары вокруг своей головы и на полном скаку бросает бола под задние ноги преследуемого зверя. Ремень разворачивается, и животное падает.

тих мирных выставок наглядно показывает следующая маленькая встреча между антиподами, а именно между жителями Арктики и Антарктики, происшедшая в моем юпарке.

Когда эскимосы собирались в обратный путь к себе на родину, с южной оконечности Америки прибыли жители Огненной Земли. Среди эскимосов, как и среди жителей Огненной Земли, было по одной женщине с грудным младенцем. Материнская гордость побудила обеих женщин сравнить своих детей. Капитан Якобсен был переводчиком этого изумительного спора о вечной для обоих полушарий проблеме: «Как я кормлю моих детей».

Глава четвертая
**Я СТАНОВЛЮСЬ
ДИРЕКТОРОМ ЦИРКА И УКРОТИТЕЛЕМ**

Довольно странным образом, хотя и вполне последовательно, я дошел до того, что вступил в ряды великой армии странствующих актеров — я стал директором цирка.

Когда закончились большие цейлонские выставки, я остался с целым стадом слонов на руках, буквально не зная, что с ними делать. Каждый день животные требовали положенного им корма, и не в малом количестве. И было бы вполне справедливо, чтобы они сами на себя зарабатывали, тем более что в торговле зверями наступили тяжелые времена. Я должен был срочно придумать что-нибудь новое, чтобы как-то с пользой применить съедающий меня капитал. Наконец мне пришла в голову идея устроить странствующий цирк наподобие американских и отправиться с ним в турне. Много хлопот, неприятностей и затруднений было связано с осуществлением этого предприятия. Теперь об этом даже не хочется вспоминать. В конце концов была собрана хорошая труппа артистов: профессионалы-укротители, великолепные цирковые наездни-

ки и у ковра Том Беллинг, которого зрители цирка Ренца и Берлине окрестили «Август» и который был широко известен под этим именем публике. В представлениях участвовали мои слоны, различные группы дрессированных животных, а также караван сингалезов.

2 апреля 1887 года в Гамбурге на Хейлигенгайтгофе состоялось открытие «Гагенбекского международного цирка и выставки сингалезов».

Часто случается, что предприятия, на создание которых затрачено много труда, оканчиваются крахом. С моим цирком было наоборот. Он начал свое существование с краха, и премьерой был страшный ураган, который в течение часа уничтожил весь балаган и арену. Когда началась буря, я находился на манеже, под куполом цирка. Вдруг сильный порыв ветра разорвал парусину, через всю крышу палатки протянулась широкая трещина, и одно из мачтовых бревен, поддерживающих крышу, сорвалось и полетело вниз, с силой ударившись о землю. Меня чуть не убило этим бревном — оно пролетело всего в трех шагах от меня.

После урагана от моего цирка осталась лишь груда обломков. Все еще под впечатлением этой катастрофы, я копался в куче разорванной парусины и сломанного остова палатки. Вокруг меня стояли со слезами на глазах мои артисты, страшно растерянные, они созерцали предположительный конец Гагенбекского цирка. У меня самого было такое чувство, что внезапно все рухнуло. Но я тут же взял себя в руки. Здесь могли помочь только быстрота и энергия. Громовым голосом я приказал всем взяться за дело и сам принялся работать с таким усердием, что спустя два часа соединенными усилиями все обломки были разобраны. Во время короткого отдыха за бутылкой пива я снова убеждал всех оказать мне посильную помощь, чтобы восстановить все повреждения. Между тем животных и выставку народностей я перевел в мой зоопарк на Нейен-Пфердмаркте. Не прошло и нескольких дней, как мы с помощью гамбургских плотников сделали мачты для палатки и все так хорошо починили и залатали, что были уже готовы ко второму открытию цирка.

На первом же представлении нам дружно хлопали, хотя мое оборудование по сравнению с тогдашним цирком Ренца или Барнума и Белли было более чем скромным. Но ни моих артистов, а особенно на дрессированных животных и цейлонскую выставку можно было смотреть с удоволь-

ствием. Пресса расхваливала молодую артистку Розиту де ла Плата, которая вместе со своей сестрой Долиндой вызывала пируэтами и сальто-мортале искреннее восхищение у публики. Негр-укротитель Томпсон с семьей слонами, сингалезы, несколько лилипутов ростом менее метра, четырнадцать рабочих слонов, танцоры-эквилибристы снова возбуждали интерес к нашим представлениям у публики, которая отныне осаждала нас толпами, стоило только нашему специальному поезду с вагонами, украшенными головами зверей, и разноцветным группам животных и людей со всеми реквизитами появиться на месте назначения. Конечно, особенно больших доходов не было, но мы получили возможность сводить концы с концами. Расходы по оплате балагана, вмещавшего около трех тысяч зрителей, конюшен и сараев для животных и транспорта были весьма велики. Нам не хватало опыта, автомобильная тяга находилась еще в зародыше. Я вспоминаю о масляном и газовом освещении, постоянно связанную с ним угрозу пожара, вечное расстройство е локомотивами, зависимость от капризов погоды и огромную стоимость специального поезда из 32 вагонов, и можете мне поверить, что ежегодные поездки по 40 или 60 городам возбуждали во мне сильное желание отказаться от этого рода деятельности, поскольку моя цель уже была достигнута.

В 1889 году я продал дело в рассрочку моему бывшему директору Дрекслеру, а дрессированных животных — Барнуму и Белли в Северную Америку. Опыт и новые знания, которые я приобрел как директор цирка, были у меня уже при торговле зверями. Хотя я имел в лице своего шурина

Генриха Мермана — будущего известного укротителя — хорошего помощника, однако я всегда должен был являться для разрешения возникающих споров и недоразумений в качестве некоего *Deus ex machina*¹.

Среди странствующих артистов, несомненно, есть очень милые и порядочные люди. Но жизнь на больших дорогах привлекает и отбросы общества. С такими людьми очень трудно работать. Я припоминаю одного, так называемого «Августа», хорошего работника, но ужасного ворчуна и задиру. При ликвидации моего цирка он пришел ко мне и слезно умолял подарить ему пони, на котором вольтижировал его сын. Он легко мог бы получить новый ангажемент, владея этим животным. Он так живо мне все обрисовал, что я уступил его мольбам и просьбам и отдал ему пони. Он быстро удалился... и поспешил продать пони зеленщику.

В период моего владения цирком я начал приводить в исполнение план, который наметил еще в детстве. Я не хочу умалять своего значения как делового человека, однако должен сознаться, что я прежде всего был страстным любителем животных. Невозможно заниматься таким делом, как мое, если не любишь животных. Я уже втайне давно лелеял мысль: нельзя ли заменить жестокую систему дрессировки более гуманной. Животные такие же создания, как и мы, и их интеллект отличен от нашего не по существу, а лишь по степени и силе. И они реагируют на

¹ Латинское выражение, употребляемое в смысле «внезапно появляющийся помощник». Понятие взято из античного театра.

зло злом, а на добро — добром. Я давно уже подметил, что любовью и настойчивостью, соединенными со строгостью, от животного можно добиться большего, чем одной только грубой силой. К тому же, долго общаясь с животными, я убедился, что и у них способности, характер и темперамент бывают различны. Нельзя их всех стричь под одну гребенку. Как и люди, они требуют индивидуального подхода, и только таким образом можно добиться у них доверия и пробудить их способности.

Тому, кто пришел к такому убеждению, будет больно видеть, как его любимцев учат бичом, вилами или раскаленными железными полосами, так как дрессировщики ограничивались тогда только такими, по существу вспомогательными, средствами. Странствуя со своим цирком, я решил, что теперь наступило время для введения новой системы дрессировки. Нужно было произвести отбор наиболее способных экземпляров животных, которых соответственно их способностям должно обратить в друзей, а не во врагов.

В конце семидесятых годов я случайно познакомился в Англии с укротителем зверей Дейерлингом из Ганновера. Сильно потрепанный львом, он только что вышел из больницы и был без места. Я пригласил его к себе на службу, но с условием, что он будет дрессировать животных только по моей системе. Дейерлинг согласился, и первая проба была произведена не более не менее, как над его величеством львом. В 1887—1889 годах я приобрел с этой целью двадцать одного льва. Из такого большого количества зверей только четыре оказались пригодными. (Это, несомненно, служит ярким доказательством индивидуального различия животных одной и той же породы, а вместе с тем и доказательством того, как безумно дорого стоят подобные эксперименты.) Львы, которых хлестали бичом и ругали только тогда, когда они бывали непослушны, но хвалили и давали в награду куски мяса, когда они хорошо работали, научились отлично выполнять всевозможные номера: становились в пирамиды, влезали на стулья и козлы и снова отправлялись на свои места. В заключение укротитель садился в двухколесный экипаж, наподобие античной римской колесницы, запряженной тремя львами, и галопом четыре раза объезжал центральную клетку, имевшую 40 футов в поперечнике, — поистине самый сенсационный номер программы.

В течение трех месяцев имя Дейерлинга не сходило с уст жителей французской столицы, где он ежедневно выступал в помещении нового цирка со своей труппой дрессированных львов, всегда заканчивая представление этим коронным номером. Из Парижа он направился в турне по европейским столицам, и я сам начиная с 1889 года, то есть года создания труппы, вплоть до 1892 года добился с ней таких замечательных успехов, какие еще ни разу не выпадали на мою долю во всех других предприятиях. Я уже обдумывал создание новых подобных трупп дрессированных по моей системе животных, и на сей раз это имело определенную цель. В 1893 году в Чикаго должна была открыться Всемирная выставка. Когда я однажды показал американским консулам в Гамбурге и Бремене труппу львов Дейерлинга, то эти господа немедленно поддержали мой план — поехать в Чикаго с целым цирком. Легко написать эти слова, но трудно представить себе ту огромную работу, которую нужно было на это затратить, и все те трудности, которые пришлось преодолеть.

Для осуществления моего плана важнее всего было подобрать дельных и способных людей, которые должны были одновременно любить животных и быть мужественными. Я остановил выбор на своем шурине Мермане, который уже был руководителем моего цирка. Мне казалось, что он обладает нужными для дрессировщика животных качествами. Когда я ему сделал это предложение, то он сильно смутился и сказал классическую фразу: «Ты что, смеешься надо мной!» — «Я высказал откровенно тебе свое мнение, — отвечал я. — Конечно, если у тебя есть к тому охота и мужество. Ты большой любитель животных, и я уверен, что у тебя дело пойдет прекрасно». Мерман недолго колебался. «Если ты веришь в это предприятие, — сказал он, — то мы можем попробовать».

Вскоре все было подготовлено к опыту. Я купил несколько молодых животных и временно устроил в своем саду большую клетку. Там впервые Мерман появился в роли укротителя. Первые три недели я помогал ему некоторыми указаниями. Но уже через десять дней он решил, что сможет обойтись без меня, если ему будет предоставлен опытный сторож.

Группа, составленная мною, была не маленькая, и благодаря разнообразию входящих в ее состав экземпляров представляла сенсационное зрелище. Она состояла из две-

надцати львов, двух тигров, нескольких леопардов, двух бурых медведей и одного белого. Раньше всего нужно было свести вместе все эти беспокойные элементы, нужно было приучить их переносить друг друга — тяжелая задача, которую, однако, нам удалось практически решить, так что уже спустя две недели животные мирно играли друг с другом и начали дружить. Интересную и забавную картину можно было наблюдать в час игры животных в большой клетке. Посреди суматохи стоял новый укротитель со своим сторожем, чтобы время от времени длинным тонким бичом призывать к порядку грубиянов, которые захотели бы обратить шутку всерьез. В других случаях бич никогда не употреблялся — все желаемое достигалось лаской и наградами: кусками мяса для «кошек», кусками сахара — для медведей.

Быстрее чем можно было того ожидать, то есть зимой 1890 года, группа животных была так хорошо выдрессирована, что я уже мог думать о том, чтобы взять ангажемент. Весной следующего года мы начали давать наши представления в лондонском Кристалл-Паласе, пользуясь вместо старинных фургонов громадной клеткой шириной в сорок футов. Лондонцы были в восторге, а два присутствовавших на представлении американца предложили мне тут же за мой цирк 50 тысяч долларов наличными. Я отказался, так как собирался ехать с цирком в Чикаго, не подозревая, что в эту минуту теряю 200 тысяч марок.

Когда мои животные прибыли в Гамбург, все они были заражены сапом. Немедленно вызванный мною ветеринарный врач, мой друг Коллих, напрасно пытался их спасти. Конечно, меня не могло утешить то, что, как мне удалось установить, причиной болезни моих животных было плохое мясо, которым снабжал нас в Лондоне бессовестный мясник. Мои бедные животные умирали в страшных мучениях. Я не мог переносить вида их страданий и ускорял смерть быстроедействующим ядом.

Как мог я вновь собрать подобную блестящую группу зверей для показа на Всемирной выставке? К счастью, у меня еще оставалась маленькая группа животных — два молодых королевских тигра, один медведь и с полдюжины львов. Но каким образом можно быстро выдрессировать этот ансамбль, чтобы он мог поспеть ко времени открытия выставки? Я немедленно послал телеграмму в Индию, чтобы мне выслали молодых тигров, которые затем благопо-

лучно прибыли в Гамбург весной 1892 года. Но они не принесли мне счастья. У одного была темная вода, другого на пароходе матросы так задразнили, что с ним ничего нельзя было сделать. Остальные были безупречны, но слишком молоды. Смерть, казалось, выбрала мой зверинец своей штаб-квартирой. Не более двух месяцев были звери здоровы, как вдруг у них начинались рвота и схватки, и через несколько дней они околевали от неизвестной болезни. Так я терял одну группу животных за другой. Как мы ни судили, ни рядили, но не могли найти объяснения этой таинственной болезни. Падеж продолжался. Погибли все молодые животные. Более взрослые животные также заболели, но выздоравливали. Только много позднее раскрылась тайна этой небывалой смертности. В Гамбурге в августе 1892 года вспыхнула эпидемия холеры, крупнейшая катастрофа, постигшая мой родной город со времен знаменитого пожара 1842 года.

Едва ли нужно что-либо добавить к этому. Зараза, косившая осенью тысячи и тысячи людей, несколькими месяцами раньше уничтожила моих молодых зверей. Это было тяжелое время. Большие потери угнетали меня. От этого падежа я потерял 70 тысяч марок, и мой оборотный капитал был на исходе. С помощью одного расположенного ко мне банкира удалось получить нужный для поездки в Чикаго кредит. На эти деньги я купил у моего брата Вильгельма три готовые группы дрессированных животных. К тому же и оставшаяся у меня небольшая группа зверей под руководством Мермана достигла необходимого совершенства. И вот 16 августа 1892 года я отправился на пароходе «Августа Виктория» в Америку. Первое, что я услышал по прибытии в Нью-Йорк, было сообщение о разразившейся в Гамбурге эпидемии холеры. Американская пресса, со свойственной ей склонностью к преувеличениям, рисовала страшные картины массовой смерти гамбургцев. Сначала я подумал о немедленном возвращении домой, но после спокойного размышления пришел к выводу, что все равно ничем помочь не смогу, а потому мне не нужно возвращаться в Гамбург. Я поехал в Чикаго и лишь 7 сентября по окончании контракта на Всемирной выставке вернулся в Бремен на пароходе Северо-Германского Ллойда «Лан». На гамбургском судне нельзя было схватить, так как все четыре парохода Гапаг находились в карантине. Когда мы проходили мимо этих четырех судов

и нас приветствовали с них, махая нам носовыми платками, находившиеся там пассажиры, мне стало не по себе. Я невольно подумал о милых моему сердцу, как они там.

Когда я 16 сентября прибыл в Гамбург, то с большой радостью узнал от жены, что в семье у нас все бодры и здоровы. Но что за вид имел город! Улицы мертвы и пустынно. Многие окна завешены и ставни закрыты, у многих дверей мрачные знаки траура. Таким я еще никогда не видел свой родной город. Впечатление было подавляющее, и я не стыжусь признаться, что на протяжении всего пути через город у меня текли слезы.

Надо всем, что было связано с экспедицией в Чикаго, не считая грандиозного успеха выставки, тяготел какой-то злой рок. Едва я успел пробыть три недели в Гамбурге, как получил телеграмму от моих американских компаньонов, извещавших меня, что я только в том случае смогу получить разрешение на ввоз животных в Чикаго, если как можно скорее перевезу их в Англию и оставлю там до весны. Американское правительство считало эту меру необходимой, чтобы предупредить возможность переноса холеры через меня и моих зверей. Да, это был хорошенький сюрприз! Новое известие подействовало на меня как удар грома среди ясного неба. Нужно было немедленно найти в Англии подходящее место, где звери могли бы благополучно перезимовать. Я вспомнил об обществе «Тауэр» в Блэкпуле, с которым был в дружеских отношениях. Не раздумывая, я поехал в Блэкпул и выхлопотал у общества разрешения выстроить на принадлежащем ему свободном участке временное помещение, в котором должен был продержаться до весны моих бедных животных. В три недели постройка была готова. Через Гримсби мы привезли на зимние квартиры около ста животных и стали терпеливо ожидать весны. Однако каких ужасных расходов стоил мне этот вынужденный карантин! Чтобы дать читателю хотя бы примерное представление о них, скажу лишь, что одна только перевозка зверей морем через Англию в Америку стоила сто тысяч марок. В конце концов я отправился в начале марта 1893 года через Нью-Йорк в Чикаго, куда и прибыл благополучно 20 марта.

Среди всех крупных международных выставок Чикагская всемирная выставка во многих отношениях занимает первое место. В громадной, кипящей, как в котле, столице американского Запада царила настоящая выставочная ли-

хорадка. Пожалуй, нигде не цвел таким пышным цветом американский спекулятивный дух, как здесь. Вокруг огромного Гайд-парка, где огненно-красные листья сумаха¹ мечтательно купались в солнечных лучах, выросли многоликие здания выставки, в которых работали тысячи рук. Отели, воздвигнутые из решетчатых металлических ферм, поражали грандиозностью своих размеров. На самой выставке и за ее пределами свирепствовала неудержимая строительная горячка. Казалось, деньги не играют никакой роли. Все делалось в расчете на будущие барыши. Пожалуй, художникам и архитекторам никогда еще не представлялось возможности в столь широких масштабах осуществить свои творческие замыслы. Административное здание со своим золотым куполом походило на сон из «Тысячи и одной ночи». В длинном продолговатом здании промышленного отдела с «величайшей крышей в мире» проявилась любовь американцев ко всему большому и сильному. Это был настоящий триумф экспансионистских устремлений американских строителей. С голубых вод Мичиганского озера вся территория выставки казалась волшебной феерией. На огромной площади разместилось не менее пятисот выставочных зданий. На так называемой «Веселой улице» (Midway Plaisance) этой Всемирной выставки уже маячили в воздухе железные части гигантского колеса. Немецкая деревня, ирландский замок, международная выставка красоты, турецкое кафе находились в разгаре стройки. Но самой сенсационной достопримечательностью этого квартала выставки — с начала и до конца — была «Зоологическая арена Гагенбека».

Когда я за месяц до открытия выставки прибыл в Чикаго, меня охватил ужас. Вопреки сообщению моего компаньона здание, предназначенное под мою арену, было готово только наполовину. Причиной задержки были забастовки рабочих и плохая погода. Со всей возможной твердостью я потребовал, чтобы наняли новых рабочих для ускорения стройки, дабы животные, которые под надзором Мермана в середине апреля должны были прибыть в Чикаго, по крайней мере нашли бы себе пристанище. К сожалению, весна в тот год была очень холодная. Внут-

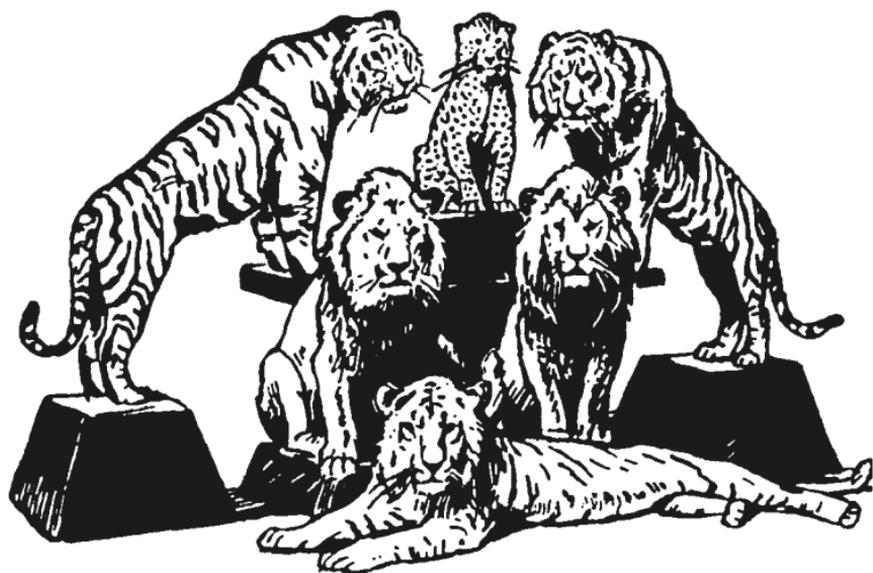
¹ С у м а х — красильное растение с ядовитым соком. В листьях содержатся красители и дубители, используемые в текстильном и кожевенном производствах.

ри незаконченного здания стоял настоящий мороз, который стоил жизни многим обезьянам и попугаям. Еще до открытия выставки я уже имел около двух тысяч долларов убытка от падежа животных и должен был считать себя счастливым, что по крайней мере мои дрессированные звери остались здоровыми.

Я не предчувствовал, что открытие Всемирной выставки готовит мне еще одно испытание. За неделю до открытия внезапно заболел тифом мой шурин Мерман, и его пришлось отправить в больницу. У меня упало сердце — через два дня должно было состояться пробное рекламное представление для администрации выставки и представителей прессы, съехавшихся со всех концов Соединенных Штатов. Делать было нечего, я должен был сам идти в клетку.

Одетый во все черное, с тростью в руках, вошел я в центральную клетку и обратился с речью к присутствующим, в которой изложил им положение вещей, подчеркнув, что главный укротитель болен, а я более пяти месяцев не имел соприкосновения с животными. «Но я сделаю все от меня зависящее, чтобы все прошло хорошо, если же, несмотря на это, представление не оправдает ожиданий, то прошу вас простить меня ввиду столь печально сложившихся обстоятельств». Так закончил я свою речь и открыл дверь в клетку, куда ворча и шипя устремились мои звери. Львы, тигры и медведи заняли свои обычные места. Сторож принес необходимый реквизит, и представление началось. Само собой разумеется, что я весь отдался выполнению задачи, приложив для ее осуществления всю свою энергию и осторожность. К великой моей радости, номера программы проходили один за другим без всяких инцидентов, и представление, шедшее под несмолкаемые аплодисменты, закончилось блестящим успехом. Когда последний тигр покинул клетку, зрительный зал разразился бурными овациями. Три раза ликующие зрители вызывали меня на манеж. Выставочная комиссия выразила свое одобрение и поздравила с успехом. Со всех сторон меня окружили репортеры и забросали вопросами, касающимися моего предприятия, чтобы на следующий день сделать своим читателям пространные, сенсационные сообщения с интересными иллюстрациями.

Я мог быть доволен началом своего циркового предприятия. Отныне оно стало главным аттракционом и целью тысяч посетителей «Веселой улицы» выставки. Мне при-

шло недолго самому показывать большую группу зверей, вскоре меня заменил Рихард Саваде, которого я как главного сторожа обучал дрессировке, и наконец на пятой неделе после открытия уже сам Мерман, окончательно выздоровевший, смог вернуться к исполнению своих обязанностей.

Спустя несколько недель мы достигли еще большего успеха благодаря некоторым новым приемам дрессировки. Дейерлингу удалось выдрессировать четырех львов из своей римской колесницы, и каждый вечер эта королевская упряжка объезжала манеж под нескончаемые аплодисменты восторженных зрителей. Номер этот никогда не демонстрировался на арене цирка. Укротитель Филадельфия показывал своего первого льва верхом на лошади, Вилли Джадж — дрессированных слонов, а клоун Бекетов — уморительных свиней, которые вызывали буквально взрывы хохота у зрителей.

К сожалению, мои американские компаньоны оказались не такими, за каких я их принимал. С этими людьми, являющимися чистыми предпринимателями, трудно было «сварить кашу». Если бы они следовали советам, диктуемым моим большим опытом, то можно было заработать впятеро больше. Несмотря на это, дело закончилось для меня вполне удовлетворительно. То, что все заработанные мною деньги до последнего цента остались в Америке, это вопрос особый.

После закрытия выставки я стал искать новых компаньонов. На этот раз я старался быть более осмотрительным и полагал, что обеспечу свои интересы в достаточной степени соответствующим договором. Не тут-то было! Зоологический цирк, путешествовавший под моим именем по Соединенным Штатам, в то время как я находился в Европе, из-за плохого руководства наделал долгов — и произошел крах. Кто попал впросак, так это я. Дело велось под вывеской моей фирмы. Мне же пришлось и отвечать. Одним словом, кончилось тем, что я еще и тут заплатил тридцать тысяч долларов. Это была почти та сумма, которую я заработал в Чикаго.

Так закончилось мое американское турне. Летом 1895 года весь зоологический цирк вернулся в Гамбург. Вскоре я отправил своего шурина с группой дрессированных зверей в новое, на этот раз европейское турне. Они посетили Базель, Страсбург, Копенгаген, Ниццу. В Ницце труппа осталась на зиму, чтобы в 1896 году снова отправиться на гастроли по германским городам; эти гастроли закончились блестящим успехом на Ремесленной выставке в Берлине.

На Второй всемирной выставке в Сан-Луисе в США, которая открылась в 1904 году, я построил совместно с некоторыми моими американскими друзьями монументальное здание «The Zoological Paradis and Trained Animal Circus»¹. На огромных двадцатиметровых порталах красовалось имя «Гагенбек», представителем которого на этот раз был мой младший сын Лоренц. Ареной его деятельности был цирк, с которым мы объездили всю Северную и Южную Америку. И на Миссисипи, так же как и на Рио-де-Плата, мы неизменно пользовались огромным успехом.

¹ Зоологический рай и цирк дрессированных животных.

Глава пятая

ХИЩНЫЕ ЗВЕРИ ПОСЕЩАЮТ МОЮ ШКОЛУ ДРЕССИРОВКИ

Многие, наверно, удивляются тому, что я, имея в своей жизни дело с тысячами различных диких зверей, не был ими проглочен. Конечно, моей осторожностью и известной ловкостью отчасти объясняется то, что меня не разорвал тигр, не затоптал ногами слон, не поднял на рога буйвол, не задушила своими кольцами змея. Не раз дело было близко к тому, и мне придется рассказать еще много мелких приключений подобного рода. С другой стороны, люди часто несправедливы к зверям, приписывая им гораздо худший характер, чем у них есть на самом деле. Можете мне смело поверить, что я имел настоящих друзей среди львов, тигров и пантер и мог обращаться с ними так же интимно и доверчиво, как с комнатной собакой.

Во всех уголках земного шара живут надежно запря-
танные под крепкими запорами и замками мои старые
друзья из мира животных. Они не так долговечны, как
мы. Быстро наступает старость, а за нею и смерть, а по-
тому большая часть моих воспоминаний о зверях относится

к прошлому. Одним из ветеранов среди моих знакомцев был большой лев, которого, после того как он два месяца пробыл в моем зоопарке, я продал в Кельнский зоологический сад. Старый и слабый, он меня все же не забыл. Однажды по пути в Кельн в вагоне поезда я шутики ради держал пари, что старый лев издали узнает меня только по зову. Мои спутники по купе отнеслись к этому с недоверием. Но я все же выиграл пари, так как старый царь пустыни, как только я его позвал, страшно обрадовавшись, тут же подошел к решетке клетки и не успокоился до тех пор, пока я его в знак приветствия не погладил. Нечто подобное случилось со мной и в Нью-йоркском зоологическом саду, где я подобным трюком с двумя львами и королевским тигром глубоко поразил директора сада доктора Хорнадея.

Впрочем, вовсе не нужно ездить за океан, чтобы убедиться в подобной привязанности. При обходе зоопарка я дольше всего задерживаюсь около хищных зверей, и посетители с удивлением наблюдают, как звери по моему зову подбегают к решеткам и стараются даже лизнуть мне руку. Я люблю всех животных, это у меня в крови, но самые большие мои друзья — хищные звери. Многих подобных животных, несмотря на то что содержание их обходится очень дорого, я удерживаю у себя дольше, чем это следовало бы делать с точки зрения делового человека. Часто случалось мне отказываться от выгодных предложений потому только, что я не мог расстаться с моими ласковыми и верными друзьями.

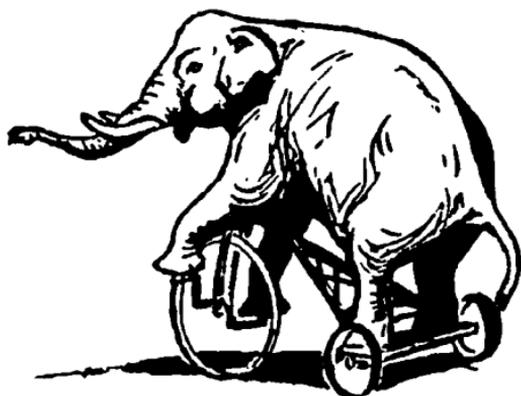
Многое из того, что я здесь пишу, покажется парадоксальным. Хищный зверь в народном понимании свиреп, хитер и коварен. Но звери не свирепы. Природа создала их так, что на воле они должны питаться свежим мясом, а потому вынуждены убивать, чтобы жить. Мы легко забываем, сколько миллионов животных ежегодно режут для пропитания человека, сколько ловится в море и стреляется в лесах в угоду человеческому желудку, а также что человеку, убивающему на войне из разных соображений своих собратьев, можно сделать такой же упрек в жестокости. Как и мы, хищные животные любят своих детей и могут быть нежными, благодарными, привязанными и верными. Точно так же, как и в человеческом обществе, здесь попадают и хулиганы, и жертвы плохого воспитания. Чего можно добиться от диких зверей дрессировкой, я узнал на

собственном опыте, проводя с ними значительно больше различных экспериментов, чем кто-либо из моих современников.

Первую группу разных хищных зверей отец мой купил еще в конце пятидесятых годов. Она состояла из громадного бенгальского тигра, леопарда и собаки, которые жили вместе в одной клетке и совместно получали корм. Много лет подряд ездила эта группа в турне со зверинцем, и никогда не было никаких недоразумений и ссор. Хуже пришлось маленькой обезьянке, которая во время перевозки зверей в семидесятых годах из Африки в Гамбург, продолжающейся обычно шестьдесят-семьдесят дней, подружилась с двумя молодыми львами. Мне было радостно видеть, как они вместе весело играли в клетке. Спустя несколько месяцев вся эта группа была продана мною владельцу одного зверинца, некоему Альберту Калленбергу, который затем в течение многих лет ездил с нею по ярмаркам и базарам. Обезьяна получала при кормлении маленький кусочек мяса и пожирала его так же, как это делали львы, получавшие большие порции мяса. Гармония никогда не нарушалась. Но вот однажды бедная обезьянка стала жертвой своей собственной дерзости. Она осмелилась отнять кость у его величества царя пустыни, и царь в первую минуту изумления так сильно ударил лапой бедного придворного шута, что убил его на месте.

Раскаяние и горе пришли потом. Как мне рассказывал сам Калленберг, оба льва целыми днями жалобно выли и визжали, пока не забыли товарища своих игр.

Самого свирепого тигра, которого я когда-либо видел, я получил в девяностых годах с индийским транспортом зверей из Калькутты. Он был и самым большим из всех известных мне бенгальских тигров. Его поймали всего несколько месяцев назад, и когда я в первый раз подошел к его клетке, он, словно молния, ринулся к решетке и высунул через прутья свою переднюю лапу, собираясь меня ударить. Я поспешил отскочить в сторону, за пределы досягаемости его лап. Дикость зверя мне никак не могла imponировать, и я дал ему понять это. Я подражал его реву, обращаясь к нему как бы на его языке. И день ото дня он становился спокойнее. Зверь все так же вскакивал из угла и кидался на решетку, но больше уже не замахивался на меня лапой с выпущенными когтями. Через восемь дней я стал приносить ему при каждом обходе кусок мяса, так как у жи-

вотных путь к сердцу лежит через желудок. Через четыре недели я мог уже трогать его руками. Он забыл свою дикость и добровольно подходил к решетке, ложился и позволял гладить себя (позднее даже чужим). Наконец, он сделался таким смиренным, что я смог продать его в Дрезденский зоологический сад.

Случаи нападения пойманных животных на людей и растерзания их, к счастью, очень редки. Чаще происходят схватки зверей между собой, особенно в тех случаях, когда за ними не следят с должным вниманием и своевременно не отделяют друг от друга. Как и среди людей, чаще всего они происходят на почве «*cherchez la femme!*». В одной группе зверей, которую Генрих Мерман показывал в Чикаго, Берлине и других городах, находились большой, вывезенный из Капштадта (Кейптауна) лев Лео и бенгальский королевский тигр Кастор. Лев был холостой, но у тигра была супруга — очень красивая бенгальская тигрица. Более чувствительные, чем люди, животные любят только в определенные периоды. Когда этот период наступил, лев влюбился в тигрицу, и между соперниками отношения стали очень натянутыми. Тигр был ревнив, как турок. Лев в сознании своей силы не обращал на это никакого внимания и упрямо ухаживал за полосатой красавицей. Однажды утром, прогуливаясь в моем зоопарке на Нейен-Пфердмаркте, я услышал страшное рычание, доносившееся из большой наружной клетки. Я тут же поспешил к месту сражения. Действительно, между львом и королевским тигром происходила кровавая дуэль. Оба стояли на задних лапах и давали друг другу такие здоровые затрещины, что шерсть так и летела по клетке. Я никогда не забуду этой картины — двух огромных зверей, стоящих в боевом виде друг против друга, полных сознания своей силы и готовых к борьбе не на жизнь, а на смерть. В клетку быстро вскочил проходивший неподалеку сторож — это был известный впоследствии укротитель Рихард Саваде — и кри-

ками и ударами бича сумел их разъединить. Ключья шерсти, валявшиеся в клетке, и следы крови служили доказательством происходившей здесь схватки.

Все хищные животные, особенно львы и тигры, очень возбуждены в период течки. В дрессировочных группах часто приходится удалять самцов на продолжительное время. Влюбленность животных доходит буквально до точки кипения, и еще сильнее, чем чувство нежности, развивается у них чувство ревности к сопернику. А соперника лев видит в каждом, кто приближается к львице. Примечательно, что ревность распространяется не только на зверей, но и на людей, не исключая сторожей, когда те подходят к львице.

Поскольку между львами, тиграми и другими представителями кошачьей породы любовные отношения возникают без вмешательства человека, то это облегчает возможность скрещивания. Я много раз получал приплод от льва и королевского тигра. Продукты подобного скрещивания значительно крупнее своих родителей. Это красивые, большие, сильные животные с мощной головой. Они необыкновенно смирны, однако, к сожалению, по сделанным мною наблюдениям, не способны к производству потомства.

Трудности обращения с хищными животными в неволе начинаются только при дрессировке, так как от них требуют чего-то такого, что не свойственно их натуре. И если, несмотря на это, мне удалось создать вызывавшие восхищение зрителей группы дрессированных животных, если я смог научить слонов ездить на трехколесном велосипеде, белых медведей качаться на качелях, моржей держать на носу зажженные керосиновые лампы, то это только результат применяемой мною всегда системы «мягкой» дрессировки.

То, что прежде понимали под словом дрессировка, ни в коей мере не заслуживало этого названия. Приемы старой школы скорее можно было назвать истязанием животных. Основными вспомога-

тельными средствами укротителей в прежние времена были палка, вилы и раскаленное железо. Можно себе представить, что животные никогда не питали доверия к своему господину, а только боялись и злобно ненавидели мучителя.

Все искусство заключалось в том, что бичом и каленым железом бедных животных так запугивали, что один только вид этих страшных орудий приводил их в ужас, и они бросались вон из клетки и перепрыгивали через все препятствия, преграждавшие им путь.

Несколько лет назад я видел в Англии четырех «дрессированных» львов, у которых вся грива и морда были страшно опалены. Само собой разумеется, что нередко были в то время случаи, когда животные загрызали своих укротителей. Нельзя обвинять диких зверей, что, очутившись в неволе в таких условиях, они становились людоедами. Ведь в сущности, нападая на своих мучителей, они действовали только в силу необходимости.

Мне не раз приходилось наблюдать как в Англии, так и в Германии эти дикие методы дрессировки зверей, и, как я уже указывал вначале, у меня уже тогда зародилось желание заменить этот бессмысленный способ обращения с бедными животными более разумным. В Гамбурге этот жестокий метод дрессировки хищников был применен впервые в 1863 году укротителем Томасом Батти в цирке Ренца. Шесть львов, доведенные им до ужаса, метались по клетке, а сам Батти стоял неподалеку от выхода. Он несколько раз стрелял из карабина в воздух и удалялся затем через находящуюся снаружи предохранительную клетку. Самым удивительным в этом представлении было то, что звери не бросались на смелого укротителя. Конечно, и при этом методе дрессировки у каждого укротителя были свои особенности, но в общем приемы были все те же. Среди укротителей были и такие, которые хорошо обращались со своими животными, насколько это позволяла система, и во всяком случае избегали ненужных жестокостей. К этой категории принадлежал преемник Батти Купер, который, как и позднее Гемпель и Сит, пользовался популярным среди публики именем Батти. На основе своих наблюдений Купер уже тогда пришел к заключению, что необходимо удалять из труппы зверей, которые стали слишком злыми и вносили элемент опасности в работу.

Теперь этот прием является законом в системе гуманной дрессировки.

Однажды я получил запрос от владельца американского цирка Мейера, который ангажировал труппу львов Купера во время гастролей в Европе, доставить ему несколько львов. Случилось как раз так, что я только что купил у владельца зверинца Трабена большую группу животных, среди которых были и дрессированные львы. Купер сам приехал в Гамбург и увез зверей в Брюссель. Здесь он допустил ошибку — он запер этих львов вместе с другими львами своей труппы в одну клетку, не считая нужным постепенно приучить их друг к другу. Это вызвало возбуждение среди животных и, как теперь говорят, сделало их нервными. Когда Купер вздумал бичом заставить напуганных животных исполнять его дикие фокусы, произошла катастрофа. Как раз самый добродушный из новых львов напал на Купера и сильно помял его. В результате взаимного непонимания гуманный укротитель пострадал от смиренного льва и попал в лазарет.

В то же время между мной и директором Мейером произошел другой забавный инцидент. На другой день после этого несчастного случая я получил из Брюсселя телеграмму, в которой сообщалось, чтобы я взял обратно одного из проданных мною львов, так как зверь этот болен. В момент получения телеграммы я еще ничего не знал о несчастье с Купером, иначе мне сразу стало бы ясно, что и для льва это приключение не прошло даром. Не зная этого, я не придавал серьезного значения телеграмме, так как Куперу я сдал в Гамбурге льва совершенно здоровым и уже получил за него деньги. Но, читая депешу, я уже понял, что со львом что-то случилось, и телеграфировал об отказе принять больного льва. На следующий день я получил телеграмму следующего содержания: «Your lion is dead, what shall I do with him?» (Ваш лев околел, что мне с ним делать?) Не долго думая, я ответил: «Pickle him, if you like». (Если хотите, засолите его.)

Спустя несколько недель, когда я уже забыл про этот инцидент, ко мне в Гамбург приходит по железной дороге малой скоростью багаж — бочка с засоленным львом. Сумасшедший тип действительно засолил льва и прислал его мне. Вероятно, он думал, что, последовав моему ироническому совету, он будет иметь право на своей стороне. Само собой разумеется, я отказался выкупить «соленого»

льва. Мейер подал на меня в суд, но сам попался, так как вскрытие показало, что лев околел от побоев и истязаний.

Старые немецкие укротители — Крейцберг, Калленберг, Прейшер, Шмидт, Дагтезелл, Кауфман и уже упомянутый выше директор Амстердамского зоологического сада Мартин — уклонялись от дрессировки очень диких экземпляров и старались работать с животными, с юных лет приученными к послушанию. Отчасти благодаря этому они могли показывать интересную программу. Нужно себе только представить разницу между тогдашним и современным цирком. Узкая полутемная клетка-вагон и огромная просторная центральная клетка на манеже. Я еще с детства хорошо помню старика Крейцберга, который с помощью молодой шведки по имени Цецилия проделывал в своем зверинце захватывающие дух номера. Во Франции большим успехом пользовались владельцы старых зверинцев Жан Батист Пезон, уже упомянутый ранее Пьянет и главным образом Франсуа Бидель, которые своими труппами хищников всегда привлекали много зрителей в цирк.

При сыне старого Крейцберга в шестидесятых годах дрессировка — если тогдашнее дикое обращение со зверями вообще можно назвать дрессировкой — значительно шагнула вперед. Карл Крейцберг разъезжал по Испании с группой купленных у меня львов. Там от него требовали, чтобы он устроил бой быка со львом. Крейцберг — спекулянт по натуре — немедленно согласился на это предложение. Своих дрессированных зверей Крейцберг возил в овальной клетке-вагоне, какие употребляются и в наше время. Вокруг этой клетки так долго водили быка, что у льва, которого к тому же в этот вечер не покормили, слюнки потекли. Для боя была выстроена специальная огромная клетка, в которую посадили льва, и когда возбуждение публики достигло своего апогея, в клетку впустили быка. Со страшным ревом ринулся лев на быка, который почти не защищался, и растерзал его. Кровавое зрелище привело в восхищение испанцев и португальцев, которых позднее Крейцберг также осчастливил «боем быка со львом». Другие укротители попробовали ему подражать, и я три раза поставлял для этой цели львов. В двух случаях ни лев на быка, ни бык на льва не обращали никакого внимания, оба не желали знать друг друга, и представление проходило как неудачная охота. В третьем слу-

чае успех был полный, но результат получился обратный желаемому: бык поднял льва на рога и так тяжело его ранил, что царь зверей прямехонько отправился в страну праотцев.

Времена жестокой дрессировки уже давно миновали, хотя бы потому, что силой нельзя добиться и сотой доли того, чего можно достичь лаской. Но не это, однако, было причиной для введения в моем цирке гуманных методов дрессировки: мною руководили сочувствие к животным и уверенность, что к сердцу животных ведет другой путь. Я был убежден, что не может быть большой разницы в обращении с дикими и смиренными животными. Животные обладают тонким пониманием обращения с ними. Они способны вступать в дружеские отношения с человеком и обладают более или менее развитой памятью. Индивидуальный отбор наиболее пригодных для дрессировки зверей является первейшей задачей новой школы. То, за что я когда-то боролся, стало ныне общим достоянием. Теперь это все хорошо знают и дрессируют соответственным образом, и тот, кто обладает даром различать специфические особенности в животном, действительно имеет талант и призвание к дрессировке.

Я уже ранее рассказывал, что при первой моей попытке ввести систему гуманной дрессировки из 21 льва пригодными оказались только четыре. Не так легко было мне произвести подобный отбор, так как бывают животные, которые сначала очень послушны, но когда начинают работать совместно с другими зверями, то становятся нервными и опасными.

Бросим беглый взгляд на первые занятия в моей школе дрессировки. Молодые животные, собранные в одну группу, выбираются по внешней красоте и предназначаются быть «артистами». Пусть это будут львы, тигры, пантеры, леопарды, белые медведи и собаки. Прежде всего нужно дать зверям возможность познакомиться друг с другом, потому что если их сразу пустить в общую клетку, то наверняка произойдет опасная свалка. Животных доставляют в отдельных клетках, которые ставят в ряд. Отделенные только прутьями решеток, они могут друг друга видеть и разговаривать на своем языке. Укротитель имеет время, чтобы заняться с каждым из питомцев отдельно и приучить его к себе. После известного промежутка времени зверей на первое занятие выпускают на арену вместе, конечно, под надзором учителя. Как и в школе, на первом занятии животные еще не работают, они только знакомятся друг с другом, играют между собой и со своим учителем и привыкают к новому месту.

С первой же минуты совместного пребывания зверей укротитель должен следить за каждым из них в отдельности. Ему часто представляется возможность предупредить дружеским образом недоразумения между животными. Все молодые животные, да и все животные вообще очень любят играть, но в то же время они легко раздражаются и сердятся. Вот тяжелыми шагами приближается белый медведь ко льву и хочет схватить его за гриву. Лев не понимает шутки и дает внушительную затрещину своему косматому коллеге. Укротитель уже тут как тут и, слегка толкая льва в бок, обращает его внимание на то, что впредь нужно быть вежливым. Тигру, который по природе своей маленький забияка, приходит в голову фантазия вцепиться когтями в мирно шагающего рядом с ним леопарда. Леопард яростно рычит и изгибается для прыжка, но учитель тут как тут и разнимает боевых петухов. Уже при первом совместном пребывании животных можно составить себе поверхностное представление о характере отдельных животных, различить мирных от задир, послушных от упрямых. Успех дрессировки решает не только характер, но и талант.

На втором уроке на арену выносятся приспособления и устанавливаются надлежащие декорации; план представления, разумеется, должен быть выработан заранее во всех деталях, прежде чем начинают дрессировку. Вот стоят коз-

лы для предполагаемой пирамиды. А вот бочка, на которой должен будет балансировать тигр. Неподалеку стоят качели, лежат обручи; все эти предметы будут доверены зверям. Укротитель вооружен тонким, длинным бичом и палкой. Но гораздо важнее небольшой кожаный мешочек, прикрепленный к поясному ремню укротителя, в котором лежит несколько кусочков мяса — награда зверям за успехи в занятиях. Нужно бесконечное, не поддающееся описанию терпение, чтобы научить животное занимать свое место, спокойно сидеть на нем и не оставлять его до получения соответствующего приказания. Уже при отборе животных четвероногим артистам даются имена, которыми их называют каждый раз, когда от них что-нибудь требуют, их называют по имени и для того, чтобы приучить их слух к кличке. Когда звери научатся занимать свои места по приказанию укротителя, то можно считать, что уже пройден первый этап, на котором основана вся дальнейшая дрессировка. Шаг за шагом эта работа продолжается. Например, укротитель подходит к льву, ласково говорит с ним, держа кусочек мяса в руке, и пытается заманить его на козлы. Но награда еще не заслужена. И только когда лев взбирается на козлы, он законно получает свой кусок мяса. Но лев не знает, что он должен остаться сидеть на козлах, и на многократные попытки слезать с козел следуют снова бесконечные приманки с целью вернуть льва обратно и заставить его сидеть на козлах, пока, наконец, он не поймет, чего от него требуют. Таким путем каждое животное из группы должно быть приучено к своему месту. Укротителю помогает ассистент, следящий за зверями, когда укротитель поворачивается к ним спиной. Но главная работа падает все же на долю самого укротителя, который на открытых представлениях один должен следить за животными и спереди и сзади. В процессе работы и обучения постепенно выясняется, какое из животных пригодно, а какое нет. Животные с плохим характером должны быть удалены из группы, так как наказанием их можно только сильнее озлобить, и они могут испортить остальных, показывая им дурной пример. Основа всякой дрессировки — безусловное послушание, и укротитель не должен успокаиваться до тех пор, пока его приказание не будет исполнено.

Обычно во всякой группе зверей находятся забияки, которые не могут спокойно сидеть рядом со своими това-

рищами. Таких скандалистов также необходимо удалить, чтобы они не нарушали общего мира. На этом заканчивается элементарное обучение, состоящее в том, чтобы научить животных занимать свои места и держать себя прилично. Теперь животные переходят в следующий класс. Здесь нужно выяснить, кто из учеников обладает настоящим умом и талантом, так как большей частью только при дальнейшей дрессировке можно обнаружить, какое из животных можно вызывать в одиночку. Чем терпеливее и добрее укротитель, тем доверчивее к нему относятся животные. Однако если доброта не сочетается со строгостью, которая может заставить себе повиноваться, то выход труппы не всегда будет безопасным. Страх перед учителем не должен покидать животных ни на минуту. Они должны инстинктивно сознавать, что нельзя не повиноваться своему господину.

Если подсчитать все движения, которые многочисленные животные в большой труппе должны проделать, учитывая, что каждый новый шаг в обучении достигается добротой, терпением и бесконечным повторением, то только тогда можно получить некоторое представление о поистине ангельском терпении, которым должен обладать современный укротитель. Я думаю, излишне добавлять, что подобное терпение мыслимо только у людей, любящих своих животных. Какими бы смиренными ни были животные после дрессировки и как бы хорошо ни относились они друг к другу, все же они по природе своей остаются дикими, и на их характер можно полагаться лишь в известной степени, причем к старости они становятся опаснее. Хороший укротитель, если он не хочет, чтобы с ним случилось несчастье, должен вовремя заметить перемены, которые происходят в характере его зверей.

При точном соблюдении некоторых основных пунктов предосторожности и личной храбрости, требуемых во всех областях нашего дела, можно считать опасность для современного укротителя минимальной. Много и отдельных дрессированных животных, и особенно много больших трупп дрессированных зверей вышло из моей школы и гастролировало по белу свету, и из нескольких тысяч представлений до сих пор несчастные случаи произошли только на двух из них. Из этих двух случаев один нужно скинуть со счетов, так как произошел он с одним из зрителей, который без моего ведома, вопреки строгому запрещению,

из любопытства вошел в клетку с хищниками. Я слышал об одном англичанине, который в течение многих лет ездил вслед за цирком с единственной целью пережить тот момент, когда какой-нибудь укротитель будет растерзан львом. Это не редкий тип, и он встречался в разных вариантах. Во всяком случае к этой категории принадлежит и один молодой англичанин, который на Всемирной выставке в Чикаго однажды в обеденный перерыв незаметно прокрался в клетку с дикими зверями. Этот визит дорого обошелся кандидату в самоубийцы. Едва он вошел в клетку, как очутился в когтях у льва. Раздался страшный крик, к счастью услышанный укротителем, который немедленно прибежал и спас молодого англичанина от верной смерти.

Один несчастный случай, в котором повинны были мы сами, произошел с моим шурином Мерманом на Берлинской ремесленной выставке. В его труппе зверей был черный медведь, который мне всегда казался немного ненадежным. Было ли это потому, что Мерман считал удаление его из труппы по каким-то соображениям неудобным, или же потому, что не обратил должного внимания на мои предупреждения, однако через шесть дней пришла расплата. Медведь напал на своего господина, нанес ему несколько ран, и Мерману пришлось пролежать четыре недели в больнице. Вот, пожалуй, и все несчастные случаи, которые произошли у нас при работе с дрессированными зверями, и я прошу прощения, если несколько разочаровал читателя, ожидавшего услышать нечто более ужасное. Дело в том, что выбор животных производился мною всегда с большой осторожностью, и в том счастливом обстоятельстве, что все представители нашего заведения обладали необходимыми качествами хорошего дрессировщика. Наряду с ранее упомянутыми укротителями я должен прежде всего отметить Рихарда Листа, Фрица Шиллинга, Августа Мелькера, Оле Нансена, Джонни Шипфманна, Вилли Петерса, Германа Богера, Вилли и Чарли Джаджей, Карла Гербига, Иоханнеса и Густава Османнов, Коррадини, Вагнера, Христиана и Теодора Шредеров и некоторых других, которые как наиболее активные укротители моей школы гуманной дрессировки работали с лошадьми, обезьянами, слонами, хищниками, морскими львами, даже с моржами и в течение многих лет были любимыми артистами у публики как внутри страны, так и за ее рубежом. Многие

молодые ассистенты и сторожа, которые сейчас ассистируют этим опытным укротителям, обещают и в будущем создать моей школе дрессировки хорошую репутацию.

Мой брат Вильгельм также может считаться одним из лучших укротителей, работающих по новой системе. На парижском ипподроме он показывал как новинку молодого льва верхом на лошади, он же впервые демонстрировал в цирке большую группу дрессированных белых медведей. Благодаря ему стало известно, что белые медведи, которых раньше считали совершенно не поддающимися дрессировке, могут быть прекрасно обучены при большом терпении и хорошем с ними обращении. Точно так же и все другие породы медведей — русские, американские и индийские — пригодны для дрессировки, однако лишь в детском возрасте. Как только им исполнится три или четыре года, они становятся капризными и опасными. Можно прямо сказать, что большая часть несчастных случаев, в результате которых были ранены или растерзаны люди, произошла при столкновении с медведями. Должен честно сознаться, что я сам как укротитель не могу быть принят во внимание, так как, не считая моего чикагского дебюта, более нигде не выступал, но большую часть трупп, составленных мною и дрессированных под моим руководством, я знал лично. Я почти всегда входил в клетку сам и находил общий язык с животными.

Мое первое выступление в качестве укротителя относится к середине семидесятых годов, но оно было негласным. Я продал тогда негру Ледгару Дельмонико — известному в Англии укротителю — трех молодых львов и трех молодых тигров, которых Дельмонико в продолжение четверти года дрессировал у меня в специально приспособленной клетке-вагоне. Он утверждал, что никто, кроме него самого, не отважится войти в клетку. Но когда в последний день перед отъездом он, желая меня подзадорить, спросил, не хочу ли я проститься с моими друзьями, то просчитался. Хотя у меня тогда далеко не было той опытности, которой я обладаю сейчас, но уже и в то время я отлично знал, насколько можно доверять животным. Не долго думая, я приказал подвесить предохранительную клетку и направился к зверям Дельмонико. Затем я велел подать мне реквизит, как его подавали Дельмонико, и выполнил перед удивленным укротителем всю сцену дрессировки зверей, как это делал он сам. Конечно, подобный

эксперимент может плохо кончиться, несмотря на все принятые предосторожности и хладнокровие. Но, как видите, я всегда с честью выдерживал подобные испытания. Лишь однажды пострадал мой костюм. Это было, когда я сопровождал нескольких офицеров с их дамами на прогулке по моему зоопарку и, по своему обыкновению, гладил животных через решетку. «Да, да, через решетку это совсем не опасно, но туда к ним вы, конечно, не войдете, — сказал с насмешкой один из офицеров и на мои возражения продолжал: — Говорить и рисковать собой — это вещи разные». При этих словах, которые означали прямой вызов, я был уже у двери клетки, открыл ее и запер за собой изнутри. В то время как снаружи лица вытянулись и побледнели, меня окружили двенадцать львов и много собак. Мне было нелегко защищаться от их неуклюжей нежности пустыми руками. Но вскоре я привел их в должный порядок и заставил проделать экспромтом некоторые несложные номера, которым они были обучены. Как говорилось, мое платье пострадало от этого визита, так как животные как раз линяли, и я сам стал похожим на льва. Когда я снова появился в саду, меня забросали тысячами вопросов о дрессировке животных.

Среди женщин, посвятивших себя редкой специальности укротительницы, я вспоминаю некую фрау Штейнер, которая после шестимесячной дрессировки отправилась в гастрольное турне с группой гиен, собак, медведей. Под именем «Мисс Кора» она пользовалась заслуженной славой у публики и в артистических кругах.

Следует заметить, что среди дам, избравших своей карьерой укрощение зверей, встречались превосходные и хладнокровные дрессировщицы. Первая укротительница, с которой я познакомился, — шведка Цецилия, работавшая со львами, тиграми и медведями, — была уже упомянута выше. Широко известно было также имя Клэр Элиет, прославившейся своей львиной труппой. Она не только хорошо работала, но и умела преподнести публике эффектные номера.

Совсем к другой категории относятся весьма интересные эксперименты совместной дрессировки диких животных с домашними — противоположности, по своей природе исключают друг друга. И все же методы гуманной дрессировки позволили одержать победу и здесь. Первый подобный опыт я провел летом 1899 года. Мне удалось при-

учить друг к другу двух тигров, трех львов, двух черных пантер, двух леопардов, трех ангорских коз, двух черно-головых сомалийских овец, одного карликового индийского зебу, шотландского пони и пуделя. Само собой разумеется, что все это были юные создания в возрасте от шести до восьми месяцев. К сожалению, большая часть труппы погибла от описанной уже ранее эпидемии холеры. Оставшиеся в живых животные, которых я мог показывать на Всемирной выставке в Чикаго, были неспособны выполнять эффектные номера.

У дрессированных зверей часто возникает не только дружба со своим укротителем, но проявляется также симпатия друг к другу между отдельными членами группы, и укротитель в этом случае правильно сделает, заставив работать этих животных вместе. Когда такие дружественные отношения складываются между животными родственных пород, то это никого не удивляет. Я вспоминаю двух неразлучных друзей: журавля и западноафриканского страуса, в другом случае это были снова журавль и гусь. Более примечательной была дружба слона с пони. Толстокожий впадал в меланхолию и отказывался от корма, когда его разлучали с изящным приятелем. Первая смешанная группа животных, составленная еще моим отцом, состояла из большого бенгальского тигра, индийской пантеры и фокстерьера. Эта тройка была связана самой тесной дружбой. Собака глодала одну и ту же кость, что и тигр, который никогда и не думал обижать своего маленького друга. Еще удивительней видеть совместно «работающих» зверей, самой природой предназначенных быть врагами. Так, например, в современных больших труппах дрессированных животных мы нередко встречаем тигров и львов, мирно работающих совместно с козами и лошадьми. И в этих случаях я достигал цели при помощи того же простого, благотворно действующего на характер средства — ласки, а также используя и другое важное средство — привычку.

Например, лошадь и лев, которые должны выступать вместе, привязываются на цепи так, что не могут достать друг друга, но видят один другого: так они привыкают к виду и запаху друг друга. В дальнейшем они привыкают спать и есть в присутствии друг друга, одним словом, они должны принять необычное соседство как нечто естественное. Когда достигнешь уже того, что хищник не ощущает потребности к убийству, а травоядное животное перестает

испытывать к нему страх, то в присутствии сторожа их отпускают на свободу и сводят вместе. Вот здесь-то и вступает в силу тот самый принцип описанной нами гуманной дрессировки. В семидесятые годы американец Вудворд добился поразительных результатов в дрессировке хищных зверей. Многие из моих современников, наверно, помнят, как этот укротитель показывал своих тюленей в тогдашнем зверинце Меллера на Шпильбуденплатце в Сан-Паули. Несколько лет назад ко мне явился один человек, который просил меня взять его к себе на службу в качестве укротителя тюленей. У меня как раз в то время было пять прекрасных тюленей, и я ангажировал незнакомца, который превосходно знал свое дело. Через четыре месяца мои тюлени превратились в заправских артистов: они били в тамбурин, играли на гитаре, стреляли из пистолета, приносили предметы, брошенные в воду. Позднее я продал их Барнуму за две с половиной тысячи долларов. Это была лучшая сделка с тюленями, которую мне когда-либо удалось заключить.

Еще умнее и способнее, чем тюлени, оказались калифорнийские морские львы. Представители этой породы проделывали в цирках наиболее трудные номера. Морские львы, самые веселые из ластоногих, очень быстро привыкают к нашему климату. В различных зоологических садах — в Кельне, Париже, Амстердаме, Антверпене — они прекрасно расплодилось. Два молодых англичанина Вилли и Чарльз Джаджи, которые в течение нескольких лет служили у меня, добились исключительных результатов в дрессировке морских львов.

Первого большого морского льва я получил в 1880 году от моего старого друга Барнума. Животное весило более 300 килограммов. Вскоре он бегал за мной, как собака. Отцу доставляло громадное удовольствие с ним заниматься. Однажды в воскресенье сотни посетителей стояли у ограды бассейна, где находился морской лев, и смотрели, как отец бросал ему рыбу, вынимая ее из корзины. Когда он наполовину опорожнил корзину и повернулся, чтобы выйти из загородки, вдруг случилось нечто совершенно ужасное. Морской лев с быстротой молнии юркнул вслед за отцом, ухватил его за спину и в один миг разорвал на нем пиджак, брюки и рубашку, обнажив части тела, которые не имеют обыкновения показывать. В следующее мгновение морской лев вцепился зубами в корзину, вырвал

ее из рук отца и начал преспокойно доедать оставшуюся в ней рыбу. Тем временем отец мой поспешно ретировался в соседний балаган, где ему ничего не оставалось другого, как из приличия стать спиной к стене. Я скоро принес другой костюм, и он, переодевшись, снова, к большому удивлению публики, появился на прежнем месте. Нападение морского льва было вызвано не злым умыслом, а ошибкой, совершенной моим отцом. Не следовало брать с собой больше рыбы, чем было предназначено морскому льву. Тот ничего не хотел, кроме оставшейся в корзине рыбы, которую он хорошо приметил. Нападение более никогда не повторялось, правда, и рыбы больше никогда не брали сверх нужного количества. Я не стану здесь много распространяться о моей системе дрессировки, но надеюсь, что пройдет немного времени и я смогу продемонстрировать публике триумф новой системы, который затмит все известное ранее по части дрессировки зверей и животных.

Глава шестая

ЛОВЛЯ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ В АРКТИКЕ И ТРОПИКАХ

Если верить нашему веселому философу Вильгельму Бушу, ловля обезьян происходит чрезвычайно просто. Читатель юмористических журналов найдет там много хорошо иллюстрированных рецептов, как можно при помощи соли, намазанных клеем башмаков или быстро завязанного узлом хвоста поймать угрюмого льва или резвую обезьянку. К сожалению, мои охотники не могли добиться успешных результатов, применяя рекомендованные юмористами испытанные домашние средства. Поэтому я лучше расскажу вам, как наш друг Абдалла Окутт из племени базас ходил с моими охотниками за павианами. Этот старый ловец страусов явился к нам тотчас по прибытии экспедиции на нашу Нубийскую станцию на берегу реки Гаш у подножия горы Саханей.

Под скалой как серебро блестит русло высохшей Гаш, которое лишь несколько месяцев — в период дождей — наполняется водой, в остальное же время года представляет собой огромную песчаную равнину ослепительной белизны.

Кое-где попадаются естественные углубления, наполненные водой, из которых пьют обезьяны. Целый день доносились к нам обезьяньи споры и ссоры, продолжавшиеся даже ночью. Целые семьи обезьян, или, если хотите, целые гаремные хозяйства, восседали на скалах, тихо бурча, всегда настороже, опасаясь своего злейшего врага — неслышно крадущегося леопарда.

Берегитесь, бедные обезьяны! К вам приближается мастер своего дела Абдалла Окутт, который за хороший бакшиш всегда готов доставить нам несколько больших бурых павианов (*Cynopcephalus doguera*). Все что требовалось охотнику для этой цели — это несколько топоров, веревки и помощь. Все водяные ямы Гаш немедленно заваливаются колючим терновником, и павианы вынуждены ходить на водопой туда же, куда ходят и наши домашние животные.

Обезьяны не стесняясь приняли наше предложение, быстро привыкли к нашему соседству и настолько осмелели, что стали утолять жажду вместе с нашими животными, всего лишь в пятидесяти шагах от нас. Чтобы сделать обезьян еще доверчивее, вблизи водоема разбрасывали дурру¹, которую с жадностью подбирали крупные павианы, не подпуская к ней более слабых своих товарищей.

Пока мы таким образом проявляли к обезьянам лицемерное дружелюбие, готовились и западни. Не следует думать, что они представляли собой какие-либо сложные аппараты. Это были просто большие корзины, сплетенные из прутьев и обвязанные веревками. Они прозрачны, как клетки, и по внешнему виду напоминают остроконечные крыши туземных хижин. Эти солидные по весу прутьяные клетки наши люди устанавливали около водоема, куда обезьяны ходили пить. Их ставили основанием вниз, приподняв одну сторону и подперев другую толстой дубиной. Но к ловле еще не приступают, а продолжают заманивать обезьян. Дурру теперь не разбрасывают более на песке, а насыпают ее в западню. Только когда животные спокойно шли в западню брать приготовленную для них пищу, Абдалла начинал действовать.

В темноте африканской ночи он привязывает длинную веревку к дубине, поддерживающей дверь западни, и вот наступает трагедия. Нестерпимо жжет полуденное солнце,

¹ Д у р р а — род проса, важнейший продукт питания африканцев.

и стадо страдающих от жажды павианов устремляется на водопой. Несколько наиболее сильных самцов бросаются на приманку — насыпанную в корзине дурру... и дергают за веревку. Дверь западни падает вниз, и флибустьеры пойманы. Последующая сцена необычайно и комична, драматична, и не поддается никакому описанию. С минуту пленники находятся в каком-то оцепенении, в глазах их светится ужас. Напрасно ищут они выхода, вертясь как волчки. Остальное стадо, не менее пораженное случившимся, в первый момент обращается в бегство. Однако вскоре оно возвращается обратно и старается криками и оглушительным ревом побудить своих пойманных товарищей вырваться любыми средствами. Наиболее смелые подсакивают к самой западне и ведут оживленную беседу с запертыми в ней обезьянами. Охотники, конечно, не допускают возможности освобождения пленников. Как только дверь западни закрылась, они спешат выйти из своего укрытия, и теперь начинается самая трудная часть дела, извлечение из клетки пойманных павианов, которые обладают огромной физической силой и могут опасно кусаться. Каждый охотник вооружен длинным колом с раздвоенным концом, вроде вил, называемым в Африке «шеба». Его пропускают через плетенку и стараются зацепить им шею обезьяны и пригнуть ее к земле. Когда это удастся сделать, клетку поднимают и каждого пленника связывают веревками, сплетенными из пальмовых волокон. Для большей безопасности этими веревками завязывают обезьяне рот и затем плотно завертывают ее в холст, так что бедный павиан выглядит, как приготовленная к копчению колбаса. Пакет вешают на жердь, и двое наших негров с радостью несут добычу на станцию.

Большие обезьяны имеют крепкие нервы, и в этом нет ничего удивительного, они ведь не курят, не пьют, не работают и живут всегда на свежем воздухе. Спустя несколько дней отдыха животные совершенно оправляются от пережитого, и их врожденная наглость берет верх. Яростно бросаются они на всякого, кто даже издали приближается к клетке. Этих больших обезьян, лишенных падишахского достоинства, приходится держать отдельно, так как они задиристы и невыносимы в обществе. Если держать их вместе, то немедленно начинаются жестокие драки, часто кончающиеся смертью более слабых. Даже самки, которых им дают для общества, околевают с голоду,

потому что негалантный паша сам пожирает весь корм. Эта прожорливость, столь ярко выраженная у павианов, является как раз причиной того, что легче всего ловить наиболее сильных обезьян. Никому из своих подданных такой тиран не разрешает следовать в подобных случаях за собой в ловушку, и лишь своей фаворитке позволяет он робко подбирать за ним остатки.

Менгес, который руководил многими подобными обезьяньими станциями и сообщениям которого я здесь следую, сделал много интересных наблюдений. Так, молодая самка с большим шрамом на носу в качестве особой приметы была поймана трижды и каждый раз, конечно, в обществе другого повелителя. Охотники наконец стали приветствовать «Зитт» (жену) как старую знакомую. При третьей встрече Абдалла потерял всю свою мужскую галантность: он вытянул эту даму на память ударом бича из гиппопотамовой кожи и отпустил ее с серьезным предупреждением. Я не знаю, можно ли из этого примера сделать заключение о недостатке ума у павианов. Во всяком случае молодая дама, видимо, пользовалась большим успехом в обезьяньем кругу, так как ее, вдову, уже дважды избирал своей возлюбленной новый паша. Она должна была следовать за ним, и кто наблюдал за обезьянами, тот знает, как рабски покорны своим строгим господам самки у обезьян. Непослушание жестоко наказывается. Пошел повелитель в западню — жена должна следовать за ним.

Хотя ловля павианов имеет и свою комическую сторону, но для охотника она вовсе не весела и не безопасна. Без нужды даже самый сильный павиан никогда не нападает на человека, однако иметь дело с только что пойманными животными весьма опасно. Их крепкие зубы могут потягаться по силе с зубами леопарда, и кроме того они обладают большой физической силой. Серьезные ранения охотников обычное явление. Базасы, глубокоуважаемым отпрыском которых является наш Абдалла, мало думают об опасности, и павиан занимает видное место в их меню. За восемь дней охотник поймал нам двадцать два больших самца, которых часто посещали их собратья. После полуденного водооя целые стада павианов направлялись к Зерибе, влезали на пальмы и кричали нашим пленникам непонятные слова, на что те отвечали жалобными звуками. Под конец беседа превращалась в душераздирающий концерт. Однажды один из таких сочувствующих

перепрыгнул через колючую ограду лагеря и побежал к одной из клеток, в которой, быть может, сидел его брат, отец или дядя. Наши охотники-туземцы быстро выгнали смельчака вон, тогда как «зрители», сидевшие на деревьях, в ответ на эту невежливость подняли оглушительный рев.

Иногда место ловли обезьян превращается в поле сражения, особенно когда предпринимается экспедиция за крупными серебристо-серыми гамадрилами. Эта порода очень агрессивна, а так как гамадрилы ходят всегда большими толпами, то они очень опасны. Эрнст Вахе, один из моих молодых агентов, рассказывал о побоище гамадрил в Абиссинии, в котором принимали участие почти три тысячи обезьян. Уже сам способ ведения ими сражения внушает ужас. Они ерошат гриву, стучат зубами и яростно бьют руками и ногами по земле. Затем они близко подходят к противнику и вызывают его на единоборство.

Ловля этих обезьян происходит примерно тем же способом, который описан выше. Только западню делают из глубоко вкопанных в землю жердей, тесно переплетенных колючими ветками мимозы. Такой домик, круглый или овальный, длиной в шесть, а шириной в четыре метра, имеет с двух сторон двери, причем веревка, пропущенная через верх западни, протянута к месту, где спрятался охотник. Большая армия обезьян, живущая среди скал, распадается на более мелкие отряды, имеющие своих предводителей. Когда группа гамадрил подходит к западне, предводитель остается на страже у ее входа, пока любимые жены и молодежь не наедятся досыта. Когда предводитель сам идет в западню, то его сменяет другая обезьяна. Но задняя дверь открыта и не охраняется. Через нее в западню набирается масса обезьян, так что она быстро наполняется. Вдруг из тысячи глоток раздается оглушительный рев, начинается неопишуемая суматоха — обе двери закрылись!

Как рассказывает Вахе, целая армия гамадрил — около трех тысяч — бросилась на немногочисленных охотников. Последние защищались винтовками и дубинками, но, несмотря на храбрость, вынуждены были спасаться бегством. Победители овладели полем сражения, открыли западню и выпустили пойманных на свободу. Во время борьбы можно было наблюдать поистине трогательные сцены. Маленькая обезьянка, оглушенная ударом дубинки, лежала на земле. Ее смело схватил большой самец и сквозь строй

врагов унес в кусты. Молодая мать с детенышем на спине взяла к себе еще другого ребенка, мать которого была застрелена. В обезьяньем стаде строгость и суровая дисциплина еще более развиты, чем вошедшая в поговорку любовь. Предводители воспитывают своих подданных со свирепой бесцеремонностью, а часто и с садистской жестокостью.

Однако поражения охотников, подобные описанному, случаются редко. Туземцы ловят иногда обезьян на траве, когда они спускаются в долину, чтобы на полях вблизи поселений полакомиться дуррой. Добычей охотников при преследовании становятся быстро устающий молодой и матери со своими детенышами.

Эти рассказы про обезьян уже наглядно показывают, что торговля зверями, как никакое другое торговое предприятие, должна в широком масштабе иметь дело с практической географией. Сфера ее деятельности — весь земной шар. В африканских девственных лесах, в джунглях Индии, в далекой сибирской тайге и ледяных пустынях Арктики — повсюду должны быть наши разведчики. За ними следом идут путешественники и охотники с местными вспомогательными силами. Торговцы зверями должны действовать совсем иначе, нежели охотники, так как вынуждены ловить зверей живьем и доставлять их в неприкосновенном виде. Из глубины далеких нецивилизованных стран через степи и пустыни движутся многие караваны животных, каждый километр малоисследованного пути должен быть завоеван с большим трудом и часто оплачен немалыми потерями.

В течение многих лет настоящим раем животных считался Египетский Судан. Один из его лучших знатоков, мой старый друг Иосиф Менгес, неоднократно странствовал по всей северной части Абиссинии, которая тянется от Массауа до верховьев Голубого Нила. Из богатого животного мира, населяющего это пространство, можно назвать: африканского слона, черного носорога, гиппопотама, жирафа, льва, леопарда и гепарда, пятнистую и полосатую гиену, гиеновидную собаку, медоеда, земляного волка, дикого осла, кафрского буйвола, многочисленные виды антилопы, водяных козлов, кустарниковых козлов, нильгау, гну, арабских газелей, карликовых антилоп, бородавочника, земляную свинью, дикобраза, собакоголового павиана, павиана с епанчой и многие другие породы обезьян. Не

менее богато и птичье царство. Здесь водятся быстроногий страус, марабу, африканский орел-крикуша, различные хищники и всевозможные виды диких кур. Крокодилы, змеи и прочие животные дополняют бесконечный ряд охотничьей дичи.

Это царство животных, среди которого находятся и гиганты животного мира, еще в классической древности привлекало внимание жителей Европы, — представители индийского и вообще азиатского животного мира тогда реже попадали на европейский рынок, поскольку путь вокруг Африки был слишком труден.

Эти столь богатые всякого рода дичью области населены далеко не охотниками. Наоборот, большая часть местных жителей — это земледельцы, которые занимаются побочно торговлей и ремеслом в немногочисленных городах страны, или же кочевники, странствующие со своими стадами с одного пастбища на другое и возящие с собой на верблюдах примитивные палатки и небогатый домашний скраб. Среди населяющих Судан народностей наиболее могущественны: джалины, шукури, дабайна, хамран, бени-амер, марса, хабаб, халенга, хабендо, а также славящиеся своими верблюдами абабдех-бишарин и такури. Эти последние — перекочевавшие из Дарфура негры-магометане. Они, как и все другие нубийские племена, последователи пророка и нас всегда встречали гостеприимно. В городах и базарных селениях страны, таких, как Кассала, где даже есть телеграф, Гедарэф, Дога, Галлабат, можно встретить удивительно искусных туземных кустарей-ремесленников, которые при помощи самых примитивных инструментов изготавливают для продажи щиты из слоновой и буйволовой кожи, копыя, мечи, ножи и седла для лошадей и верблюдов. Среди изготовленных ими чепраков иногда попадаются подлинные шедевры. Наряду с этим можно найти удивительные золотые и серебряные вещи, а также филигранной работы кольца для рук и ног.

Дважды в день вкушает нубиец свою «лухме» — национальное блюдо, которое он ест с молоком или с «меллах». Лухме — это нечто вроде каши из зерен дурры. Рабыня, которую держит каждая «порядочная» семья, растирает зерна на камне в муку, засыпает ее в горячую воду и варит, пока не получится густая каша. Мясное кушанье меллах подается здесь как соус, то есть все наоборот. Это кушанье приготавливают из сушеного на солнце мяса, смо-

лотого в порошок, с маслом и сухими травами, которые называются по-арабски «века». Все это тщательно перемешивается и варится с солью и красным перцем. Этим соусом затем поливают лухме, которую перекалдывают в деревянную чашку и ставят на землю. Члены семьи и гости садятся на корточках кругом чаши и с набожным «Бисмилла», что значит «с Богом», начинают есть. Как в старые библейские времена, каждый зачерпывает чисто вымытой рукой из чашки, делает клецку, макает ее в соус и несет в рот. Это продолжается до тех пор, пока чаша не опустеет или все не насытятся. После этого начинается забавная для нас, жителей Запада, процедура. Обычай требует, чтобы каждый насытившийся из уважения к хозяину дома обязательно рыгнул. Каждой отрыжке сопутствует громкое торжественное «Эль-Хамдулилла», что значит «благодарение Богу».

В особо торжественных случаях, вроде свадьбы или другого семейного праздника, режут вола и тут же на месте его съедают. Сало немедленно используется для смазывания волос. Просто невероятно, с какой быстротой здесь убивают животное, разделяют тушу, режут ее на куски, поджаривают на углях и съедают. Еще более невероятно представить себе то огромное количество мяса, которое съедает каждый в отдельности. С буйволом или жирафом на охоте недолго церемонятся. Тотчас же устраивается пир горой, и вскоре от животного остаются только кожа да кости. Я припоминаю одну охоту на бегемота близ Атбары¹, когда несколько сот туземцев проглотили за два часа убитое животное, весившее около 5000 фунтов (2500 килограммов). Стае хищников, прибежавшей на место убоа, достались одни только кости.

Наиболее почтенными среди охотников считаются охотники с мечом, или «агагир» (множественное число от «агар» — охотник с мечом), которые не без основания считают себя «аристократией» своего племени, так как практикуемый ими род охоты требует смелости, ловкости и умения. Верхом на лошадях они следуют за дичью и острооточенным мечом поражают ее под лопатку или в ахиллесову жилу задней ноги. Охотничьи лошади — абиссинской породы — маленькие, но сильные и горячие живо-

¹ А т б а р а — правый приток Нила, протяженностью 1120 километров, берет начало на Абиссинском нагорье.

тные. Подобная охота требует большой ловкости от всадника. Она становится особенно опасной, когда дело касается ценных дорогих животных: кафрского буйвола, носорога, льва или слона. Хотя в таких случаях в охоте участвует от двух до четырех охотников с мечами, но бывает и так, что преследователи легко превращаются в преследуемых.

Охоту на слонов ведут только самые опытные охотники, которые хорошо ездят верхом, тесно связаны между собой длительной дружбой и в случае опасности могут постоять друг за друга. Если стадо слонов встретится в благоприятном месте, то охотники стараются отделить от стада слона, обладающего наилучшими клыками. Слон, умудренный тысячелетним преследованием, стал не только осторожен, но даже пуглив и обращается в бегство, если есть хоть малейшая к тому возможность. Если же его окружают, то он немедленно переходит в нападение. С яростным трубным ревом, пугающим лошадей и делающим их непослушными, он бросается на охотников, которые теперь сами обращаются в бегство. Объектом атаки слон обычно избирает светлых лошадей, особенно сивых, которые раньше других привлекают его внимание, поскольку он не обладает очень хорошим зрением. Поэтому один из охотников скачет на сивом жеребце, привлекая внимание слона и заставляя его гнаться за собой по пятам. Остальные охотники устремляются за слонем, превращая таким образом преследователя в преследуемого. Когда же один из преследующих охотников оказывается от слона примерно в десяти шагах, он быстро соскакивает с лошади, и в тот момент, когда слон ставит на землю свою ногу, меч взвивается в воздух и охотник обеими руками вонзает острый клинок в ахиллесову жилу животного, которое моментально начинает хромать на пораженную ногу. Раненый слон тут же поворачивается к своему коварному врагу, но в этот момент соскакивает первый охотник с лошади, осторожно подходит к слону и сильным ударом меча перерезает жилу на другой ноге. Сильное животное становится совершенно беспомощным. Если удары были достаточно сильны, то перерезанными оказываются и главные артерии, тогда животное исходит кровью и умирает. Если у охотников есть с собой ружья, то поверженного гиганта пристреливают и выламывают ценные клыки. Затем кусками снимают кожу, которая очень ценится как материал для изготовления щитов, ножен для мечей и об-

вязки примитивных плугов. Если лагерь кочевников расположен неподалеку, то все его население спешит на место боя, чтобы забрать тушу слона. Мясо режут длинными ломтями и сушат на солнце, оно становится чем-то вроде южноамериканского «черка» и хранится про запас до наступления дождей.

Для европейцев, вооруженных современными ружьями, охота на большого зверя давно уже перестала быть страшной. Другое дело борьба местных жителей с крупнейшими представителями животного царства. Оружие охотника-туземца гораздо примитивнее того, чем располагает для своей защиты крупное животное, например слон. Подобная охота, похожая скорее на единоборство, требует от охотника находчивости, ловкости и большого мужества. Суданцы утверждают, что ни один порядочный охотник на слонов никогда не умирает в кругу своей семьи, а рано или поздно кончает свою жизнь на клыках или под ногами преследуемого слона. Аналогично происходит охота на буйволов и носорогов. Даже на льва, исконного врага его стада, охотник хамрана смело идет с мечом в руке. Можно было бы описать еще и других охотников, до бедуинов включительно, искусных в ловле страусов и приезжающих в Судан на гастроли, или европейцев-спортсменов, но я не хочу здесь говорить только об охоте и еще менее о массовом убое животных, а хочу после краткого описания животных и людей этой страны рассказать о ловле животных.

Утреннее пробуждение на Гагенбекской охотничьей станции на реке Атбара. Легкий ветерок колышет степные травы. В ярком блеске стоящего в зените африканского солнца видны освещенные его лучами деревья. В прибрежных зарослях тростника клекочат неисчислимые стаи птиц — от исполинского марабу до миниатюрной ласточки, парящей над водой. Жара усиливается, и мириады насекомых кружатся в воздухе. Царит оживление и на нашей станции, расположенной на берегу реки. В обширной зерибе, окруженной частоколом из бревен, единственный выход из которого загорожен плетенкой из колючек, возвышаются соломенные хижины европейцев и их черных слуг, стойла и сараи для пойманных животных и несколько сарайчиков для хозяйственных и съестных припасов.

Давно потушены костры, зажигаемые на ночь в разных местах зерибы для устрашения диких зверей. Вчера, когда прибыли охотники Гагенбека, все наполнилось радостью и

весельем. Старых друзей приветствовали белые, знакомые с местным наречием, и по обычаю страны обменялись подарками. Белые получили богатые подарки в виде жирных овец, кур, яиц, меда, сухой баранины, больших кувшинов с пивом из дурры и медовым вином. Европейцы со своей стороны тоже не скупились. Они подарили своим темнокожим друзьям массу высокоценных ими европейских мелочей. По этому случаю на Гагенбекской станции состоялся большой праздник — праздник радости и гостеприимства. Сначала было подано угощение, причем большая часть съедобных подарков была съедена самими подарившими. Затем под звуки барабана и устрашающие возгласы танцующих были исполнены военные танцы мужчин, а также танцы миловидных женщин и девушек, сопровождаемые хлопанием в ладоши присутствующих и монотонным ритмичным боем барабана. Главным «номером» программы праздника являлось соревнование в беге на быстрых дромадерах, которое продолжается до поздней ночи при свете лагерных костров.

Сегодня же вступает в свои права «дело». Рыбаки готовят под открытым небом завтрак. Туземцы предлагают свои услуги в качестве охотников и погонщиков. Обсуждаются маршруты охоты, даются инструкции, проверяется снаряжение охотников. Заново набивают седельные подушки, точат тяжелые мечи, в то время как рыбаки наполняют мешки мукой дурры, а бурдюки водой. Когда охотничья экспедиция выезжает, за ней следует несколько верблюдов, нагруженных провиантом и водой, а также стадо коз, которые должны снабжать молоком пойманных животных. Охота происходит так же, как и у туземцев, то есть так, как я описывал ее уже выше. На жирафов и антилоп и даже буйволов охота вполне безопасна, так как они большей частью, спасаясь от охотников, бросают детенышей на произвол судьбы, но нередко, чтобы овладеть молодым животным, приходится, к сожалению, убивать старых. Когда самка возвращается на крик своего детеныша и начинает защищать его, сражаясь с охотником не на жизнь, а на смерть, убийство ее становится печальной необходимостью.

Таким способом, путем преследования и отделения от стада, были пойманы первые жирафы в Кордофане¹ в 1826

¹ К о р д о ф а н — провинция в Судане.

году. В больших масштабах такая охота началась с тех пор, когда известный уже читателю Казанова завербовал себе в помощники охотников с мечами из така и при их содействии поймал первых африканских слонов. В семидесятых годах мы сами поймали 33 жирафа, 10 слонов, 13 антилоп, 4 льва, 5 леопардов, 7 гиен, 6 других мелких хищников, большое количество обезьян, страусов и всевозможных редких птиц. Кроме того, много бегемотов изловил мой брат Дитрих, к сожалению безвременно погибший в 1874 году в Занзибаре от лихорадки.

Ценными помощниками были для нас очень ловкие охотники из племени такрури, специальностью которых является охота капканами. Не менее ценные услуги при ловле бегемотов и крокодилов оказывали нам «гавати» — опытные водные охотники и смелые, превосходные пловцы. Животных они поражают гарпунами прямо в воде. Для ловли молодых бегемотов пользуются также гарпунами, но особого устройства, которые глубоко не проникают, так что причиняемые ими раны быстро заживают. По крайней мере три четверти привезенных ранее в Европу бегемотов были пойманы таким именно образом. Я с глубокой благодарностью вспоминаю этих темнокожих сынов Африки, оказавших столько ценных услуг моим ловцам и агентам.

В процессе организации выставок народностей я познакомился со многими храбрыми охотниками, которые согласно своим понятиям видели во мне своеобразного вождя посылаемых мною «воинов». По их мнению, мне, однако, недоставало представительности, потому что я имел только одну «биби» (жену), тогда как туземные вожди обладали внушительным гаремом и еще большим количеством детей. Особенно длительная дружба связывала меня с сомалийским вождем Герси Эгга, который уже знаком читателю по выставкам народностей. Он оказал мне позднее большую помощь при перевозке в Европу крупнейшего транспорта дромадеров в две тысячи голов.

Но вернемся к нашей охотничьей станции на реке Атбара. Приближается день расставания. Все стояла и двор переполнены пойманными животными. Если бы многие из них не находились в клетках и ящиках, то вся местность походила бы на крохотный рай. Прикованные цепями к деревьям, стоят молодые слоны, гиппопотамы, жирафы, буйволы. Маленькие львята играют в траве, а через них грациозно перепрыгивает мартышка. В примитивных дере-

вянных клетках хрюкают свиньи, рычат леопарды, гримасничают обезьяны, кричат попугаи. По двору важно выступают страусы и марабу. Только наши черные друзья подавлены, потому что уезжают люди Гагенбека.

Но вот все наконец готово к отъезду. И начинается более тяжелое, чем сама охота, — долгий марш от ловецкой станции к погрузочной пристани на Красном море. Несколько сот тяжело нагруженных дромадеров открывают шествие пестрого каравана, а за ними следуют 150 других животных, за которыми движется стадо коз — наша походная молочная ферма.

Взошла луна и заливает своими серебряными лучами застывшую песчаную пустыню. Днем здесь очень жарко, и потому караваны движутся ночью до рассвета. Кругом царит безмолвная тишина, изредка нарушаемая хриплым хохотом гиены. Подобно змее, извивается наш караван по однотонным склонам песчаных дюн, серебристые гребни которых мерцают в отблеске звезд. Размеренным шагом выступают друг за другом дромадеры со своим качающимся грузом, а между ними — фантастическое зрелище! — идут страусы, жирафы, слоны и буйволы, причудливые тени которых, словно немые спутники, ложатся рядом с ними на светлом блестящем песке. Поскрипывание кожаной сбруи, фырканье животных, приглушенные крики погонщиков — вот единственные звуки, которые можно уловить в этой безмолвной ночной пустыне. А над ней от горизонта к горизонту расстилается сияющий звездный небосвод Африки! Прибрежные области Красного моря издревле славятся своей жарой — летом термометр почти всегда показывает 45 градусов в тени, даже наступающее ночью охлаждение едва заметно. Злейшими врагами, препятствующими движению каравана вперед, являются, таким образом, жара и недостаток воды. Во время остановок каравана погонщики занимаются охотой, чтобы пополнить запасы продовольствия. Но главное — это вода, от нее зависит жизнь всех участников каравана — людей и животных.

Караван движется с такой скоростью, какую позволяет размеренный шаг животных. Идут несколько часов подряд, затем делают привал. Животных кормят и поят и снова идут вперед до утра.

Больших животных ведут туземцы: жирафа — трое, слона — двое или четверо, антилопу и больших страусов — также двое.

В середине каравана тяжелой поступью движется группа дромадеров, запряженных попарно. Между животными висит громадный ящик, перевязанный ремнями из сыромятной кожи, — клетка с молодыми бегемотами. Через выючные седла обоих верблюдов перекинута толстая жердь, на которых и висит эта тяжелая ноша, весящая по крайней мере 300 килограммов. Для купания бегемота дромадеры везут воду, необходимую для ванны, которую устраивают бегемоту на каждом привале из сшитых вместе воловьих шкур. Час спустя после восхода солнца караван располагается на привал под скудной сенью мимоз или акаций или под искусственным прикрытием из растянутых циновок. Часто случается, что немногочисленные водоемы, разбросанные в пустыне на сотни километров, занимают чужие кочевники. Возникает спор, и дикие сыны пустыни уже хватаются за оружие, но тут предводитель каравана обыкновенно улаживает дело при помощи бакшиша — в виде высокоценными кочевниками нескольких австрийских талеров. Драгоценная влага часто представляет собой какую-то страшную жижу, тем не менее ею наполняют бурдюки. В этих продолжающихся три-четыре дня до ближайшего оазиса маршах не менее 30—40 дромадеров занято только тем, что везут для каравана воду

Несмотря на самый тщательный уход, много животных из каравана по дороге гибнет. Даже привычные к жаре павианы-самцы нередко умирают от солнечного удара. Порой, однако, бывает, что заботы о благополучии животных и людей нарушаются каким-нибудь забавным приключением. Однажды веселый случай произошел при переходе каравана через одну долину, на севере Абиссинии. Когда караван незадолго до захода солнца остановился на водопой, он столкнулся с большим стадом епанчовых павианов, которые вскоре заметили своих пойманных товарищей и с приветственным ревом окружили их. Когда караван снова тронулся в путь, павианы сопровождали нас еще полчаса, оживленно перекликаясь со своими заключенными в клетки соплеменниками. Время от времени какой-нибудь наиболее смелый павиан подскакивал примерно на двадцать шагов к болтающейся на спине дромадера клетке, становился на выступ скалы и начинал яростную беседу. Возможно, он советовал пленнику разломать свою клетку! Но все же храбрые борцы за свободу должны были ретироваться под градом камней наших погонщиков верблюдов.

Наконец, после 35—40 дней пути караван, или, вернее, то, что от него оставалось, прибывал в один из портов на

побережье Красного моря, откуда животных переправляли в Суэц. В Суэце ценный груз берут на борт пароходы, следующие из Индии или Восточной Азии в Гамбург. Транспорт животных можно отправить и по железной дороге в Александрию, а оттуда в любой порт на Средиземном море: Триест, Геную или Марсель. После дальнейших утомительных перевозок по железным дорогам животные, наконец, прибывают в Гамбург, где и обретают заслуженный покой. Со дня отъезда с Атбары или Гаша¹ проходит почти три месяца, пока эмигранты из девственных африканских лесов снова попадут в «упорядоченные условия жизни».

Наш суданский животный «рай» был почти пятнадцать лет закрыт и врата его оберегал ангел с огненным мечом — Абдуллахи Калифат эль Махди, преемник пророка.

Когда лорд Герберт Китченер в 1896 году появился со своими войсками у Омдурмана и подавил восстание махдистов, в городе еще раздавались глухие звуки барабанов Калифа. Он не стал дожидаться вторжения победителя и бежал в горы Кордофана, где еще некоторое время держался, а затем был убит в бою. В войсках, вошедших с Китченером в Омдурман, находился также и Слатин-паша; храбрый австриец, бывший губернатор одной из провинций и раб Калифа. В течение десяти лет он должен был с бритым затылком и босыми ногами бегать рядом с лошадей тирана. Владычество Махди, возникшее подобно фата-моргане, так же быстро исчезло, — отрывок средневековой романтической истории в нашу эпоху, романтики, которая, к сожалению, привела к обезлюдению Судана. Я потерял свою резиденцию в Кассала, а мой агент Кон был растерзан фанатиками. Постепенно была восстановлена нормальная жизнь. В областях, имеющих к нам отношение, многое изменилось к худшему. Богатый животный мир, который мои агенты встречали до махдистского восстания, сильно поредел — осталось не более одной десятой доли той дичи, которая водилась там в прежнее время. Слоны попадают теперь лишь небольшими группами, носороги почти полностью истреблены, жираф к северу от Такказе стал редким животным, а столь многочисленные

¹ Г а ш — правый приток Атбары.

прежде антилопы совсем исчезли из многих областей, тысячи же буйволов стали жертвой чумы.

В этом печальном опустошении животного мира повинны махдистские войны, давшие в руки местных племен современное оружие. Целые воинские отряды, особенно арабы племени багара с Белого Нила, такие же знаменитые охотники, как и восточносуданские охотники с мечами, стали безжалостно истреблять диких животных. Началась жестокая борьба за мясо, и большое количество ценных животных пало жертвой массового убийства. Соседи суданцев, абиссинцы, также бросились на охоту, причем как деловые люди они занялись истреблением слонов, от которых наряду с мясом получали драгоценную слоновую кость. Князь пограничной провинции Эрмето со своим войском, устроив облаву, уложил только в один день 56 слонов. Это было форменное сражение с потерями с обеих сторон, так как двадцать абиссинских воинов полегли на месте побоища, убитые большей частью шальными пулями своих товарищей.

В Абиссинии, где жизнь человека ценилась невысоко и все дикие животные считались царской собственностью, охота вообще проводилась в широких масштабах. Один из моих агентов однажды участвовал в подобной охоте на зебр, предназначенных для меня. В охоте принимало участие не менее двух тысяч солдат, которые загнали стадо зебр в высохшее песчаное ложе реки, окруженное крутыми утесами. По знаку их командиров разыгралась поистине варварская сцена. Тысячи солдат с веревками в руках бросились в гущу разъяренных зебр. Спустя несколько часов животные, уступив численности, были побеждены и перевязаны веревками, но не обошлось без потерь — тридцать три солдата были убиты или тяжело ранены. Как царскую собственность зебр отвели в хижины туземцев. Через несколько дней зебры настолько успокоились, что их без особых предосторожностей можно было увести. Это были зебры Гревия, замечательные животные, обладающие превосходным характером, которых при хорошем обращении легко приручить. Гораздо труднее поддается приручению более дикая порода — зебра Килиманджаро, которая по упрямству более походит на осла¹.

¹ Здесь у Гагенбека допущена существенная ошибка: горная зебра, образующая особый вид, населяет Южную Африку. Она действительно приручается хуже, чем зебра Гревия, но на горе Килиманджаро ее нет — она встречается значительно южнее.

Когда после поражения махдистского восстания мои агенты вновь появились в Судане, они нашли наших старых друзей и помощников из местных жителей совсем в других условиях. Некоторые племена совсем исчезли или были почти полностью истреблены. Война, голод, нужда, эпидемические болезни — оспа и холера — привели к тому, что к моменту падения Махди в 1885 году осталось немногим более десяти процентов прежнего населения. Знаменитое гордое племя хамран, которое славилось своими охотниками с мечом, насчитывало всего лишь двадцать человек. Охотников с мечом вообще не осталось ни одного, так что этот благородный рыцарский вид охоты знаком новому поколению только по рассказам стариков. Повсюду теперь охотятся с ружьем. Если приемы охоты остались прежние, то есть у старых животных отбивают молодняк, то совершенно ясно, что жертвой дальнобойных ружей падает гораздо больше старых животных, чем раньше, когда охотились при помощи примитивного оружия. Наряду с ружьями при ловле зверей по-прежнему применяются западни и ямы. Например, бегемот часто попадает в руки охотника из-за своей привычки пропускать вперед молодежь. Цель такого приема легко отгадать: сзади животное защищает его собственная толстая кожа, а спереди оно может видеть опасность, грозящую молодежи. Самка бегемота так же горячо любит своих детей, как и всякая другая мать. Но когда в девственном лесу, внезапно, без всякой видимой опасности исчезает ее детеныш, она так сильно пугается, что в ужасе убегает. Если все идет благополучно, то добыча охотнику обеспечена. Однажды после удачной поимки молодого бегемота навстречу нашему охотнику вышли сияющие туземцы и весело крикнули ему: «Бана кибoko макуфа» (бегемот умер). У бегемота от возбуждения произошел разрыв сердца. Охотнику ничего не оставалось, как ответить: «Накула кибoko» (съешьте его). Этого разрешения туземцы и ждали, потому-то они так радовались. Иногда, когда приходится на ночь оставлять животное в яме, появляется «симба» (лев). Тогда наутро в яме ничего не находят, кроме кожи да костей.

Если же все идет как следует, то вокруг ямы быстро делают изгородь и через нее опускают вниз петлю, которой захватывают животное между грудью и передними ногами. Бегемоты, когда они возбуждены, потеют, выделяя скользкую жидкость; поэтому необходимо пропускать еще пет-

лю между ногами. Когда это сделано, по крайней мере двадцать человек приподнимают животное на несколько сантиметров. Затем шесть других людей спрыгивают в яму, связывают животному ноги и завязывают ему пасть, так как с бегемотами шутить нельзя. Они глупы и злы и настолько же агрессивны, насколько сильны. Совсем по-другому ведет себя носорог — если он привыкает к своему надсмотрщику, то следует за караваном, как собака. Когда бегемот уже связан, изгородь ломают, в яму прорывают покатым ходом, затем извлекают животное и кладут его на носилки из ветвей и жердей. Теперь начинается трудный путь через девственный лес или болото. Нужно прорубать тропинку для носильщиков, которые идут согнувшись под тяжестью ноши весом около 1200 килограммов. На станции, куда животное доставляют на туземной лодке по реке, его прежде чем отправить в Европу приучают к неволе и пище.

Ловля зверей и экспедиции в чужие страны столь богаты различными приключениями, что мы можем здесь лишь вскользь коснуться их, так как со времени поимки наших первых тюленей до момента написания этих строк прошло шестьдесят лет и каждый год приносил новые переживания и трагические или забавные эпизоды. Бесконечны караваны животных, прибывавшие в Гамбург из всех уголков земного шара — от Гренландии до Огненной Земли.

Да, Огненная Земля! Это там я «приобрел» трех магеллановых гусей, уплатив за них десять тысяч марок! В тиши моего рабочего кабинета несколько десятков лет назад я выискал себе новую область — Огненную Землю у южной оконечности Америки. В этнографическом и зоологическом отношении там можно было найти богатую добычу. Мое предположение вскоре подтвердилось. Опытный путешественник, побывавший во многих странах, отправился через океан в Пунта-Аренас. Отсюда он на парусной лодке объехал острова Огненной Земли и собрал ценную коллекцию предметов обихода местных жителей, стоявших еще на ступени развития людей каменного века. На обратном пути отважного путешественника застигла страшная буря, и он отдал приказание патагонскому штурману немедленно пристать к берегу. По какой-то причине патаговец отказался выполнить приказание, и путешественнику пришлось пригрозить револьвером, чтобы добиться его исполнения. Высадившись на землю, он сумел спасти свою жизнь, но коллекцию пришлось бросить на произвол

судьбы. Когда после длительного и утомительного перехода он через пампасы добрался до Пунта-Аренас, ему сообщили печальную весть: парусная лодка утонула вместе с упрямым штурманом. Собранная им в течение нескольких месяцев ценою стольких трудов, опасностей и денег этнографическая коллекция была потеряна безвозвратно. В конце концов путем долгой и утомительной охоты удалось поймать 28 больших королевских пингвинов и множество гусей, уток, лебедей и разных других птиц. Очень обрадованный, что он вернется не совсем с пустыми руками, путешественник

погрузил свой ценный груз на борт парохода «Космос». До Монтевидео все шло отлично. Но через два дня после отплытия из этого порта разыгралась сильная буря, которая за сутки разбила и смыла большое количество груза.

Спустя некоторое время после этого печального происшествия я снова сидел за своим рабочим столом и подсчитывал результаты этой экспедиции на Огненную Землю. Все что мне досталось от нее — это три магеллановых гуся, обошедшиеся в десять тысяч марок. Дороговато, не правда ли. Эта маленькая экспедиция, о которой я здесь вспомнил, никак, однако, не может сравниться по трудностям и огромным расходам с большими экспедициями, снаряженными мною в Сибирь и Монголию.

Одной из самых интересных была снаряженная мною, по почину моего покровителя герцога Бедфорда, экспедиция в Азию, с целью доставки в Европу живых диких лошадей (лошадь Пржевальского).

Все прежние попытки, за исключением одной, не увенчались успехом. Лишь Фальц-Фейну, известному любителю животных и владельцу питомника, удалось вывезти несколько экземпляров этих редких животных из азиатских степей в свое имение Аскания-Нова в Крыму¹. Мы тогда знали еще очень мало о дикой лошади и почти что ничего о том, в каких именно местах ее искать. За труд-

¹ Гагенбек ошибся: Аскания-Нова расположена не в Крыму, а в Таврических степях. С 1919 года объявлена государственным заповедником площадью в 30 тысяч гектаров.

ную задачу выяснить все необходимое, чтобы позднее отправить экспедицию в Монголию, взялись два наиболее опытных моих агента — Вильгельм Григер и Карл Вахе. Отправляя путешественников в дальний путь, я снабдил их крупными денежными суммами и ценными рекомендательными письмами от русского правительства, от китайского посла в Берлине и оказавшимся наиболее действенным — письмом от принца Александра Ольденбургского. Это рекомендательное письмо, адресованное проживавшему тогда в Петербурге высокопоставленному буддийскому ламе, содержало горячую рекомендацию Григера. Лама, доктор Радмай, считался большим знатоком Монголии и ее народа.

Сначала Григер отправился с транспортом животных к Фальц-Фейну, в Южную Россию, в надежде получить у него некоторые сведения о дикой лошади. Однако этот любитель животных, с полным правом ревниво оберегающий свои сокровища, отказался дать просимые сведения. И лишь окольным путем путешественнику удалось узнать, что дикая лошадь водится в окрестностях Кобдо, у северных отрогов Алтайских гор. Григер с добытыми им географическими ориентирами в радужном настроении поехал в Петербург, чтобы отсюда уже отправиться в свой далекий, четырехтысячекилометровый путь во внутреннюю Монголию, получив от буддийского ламы необходимые советы.

Советы его действительно оказались очень ценны. Он сообщил Григеру, что в Монголии нельзя путешествовать с европейскими деньгами. Ходовой монетой там является род серебряного слитка, необходимое количество которых нужно получить на северогерманском плавильном заводе в Гамбурге, так как туземцы предпочитают гамбургское «белое» серебро, как они его называют, темному английскому.

Эти серебряные слитки весят около одиннадцати фунтов; при превращении в деньги монголы слегка растапливают их и рубят на мелкие кусочки, которые потом взвешивают на оригинальных латунных весах. Другим важным продуктом обмена является прессованный кирпичный чай. Это совершенно особенный китайский чай, который в свежем виде с листьями и веточками прессуется в форме плиток. Двадцать семь таких плиток чая составляют тунзу, а три тунзы — это ноша верблюдов, весом 450—500 фун-

тов. Мелкие деньги, в некотором роде разменную монету, заменяют тканые шерстяные ленты, так называемые «ката», которые, не имея никакой практической ценности, при каждом удобном случае употребляются в качестве подарков. Эти ленты в метр длиной и пять сантиметров шириной одноцветны, большей частью красного или синего цвета. Желтые ленты стоят полцены. В качестве разменной монеты Григер запасся еще маленькими шелковыми платками, которые стоят от двадцати до сорока копеек.

После того как гамбургские слитки прибыли в Петербург, мои агенты Григер и Вахе сели в поезд и направились в Монголию. Ранней весной, когда матки жеребятся, экспедиция должна была уже быть на месте. Сначала они поехали через Москву по сибирской железной дороге до Оби, затем от Оби на санях 250 верст до Бийска, расположенного примерно в 75 верстах к востоку от Алтая. До сих пор еще можно было кое-как получать пищу на далеко отстоящих одна от другой ямских станциях. Но отсюда уже начались для путешественников серьезные затруднения. У туземных племен наняли проводников и вьючных животных, которые должны были доставить наших путешественников с их багажом — складными палатками, ящиками с консервами и, главным образом, слитками серебра — в глубь страны.

Частью на лошадях, частью на верблюдах, но все время в седле, путники проехали 900 километров по глубокому снегу при сильном морозе через Кош-Агач до Кобдо. Когда сняли с вьючных животных пятьдесят ящиков со стерилизованным молоком, предназначенным для выкармливания диких жеребят, то в них был лед, так как молоко при температуре в 30 градусов Реомюра ниже нуля полностью замерзло.

Кобдо было выбрано нашими путешественниками в качестве главной базы экспедиции. На карте этот отдаленный пункт хотя и значился как город, однако насчитывал всего лишь 1500 жителей. Расположенный в конце караванного пути из Пекина, он является крепостью и местопребыванием китайского губернатора. Товары, получаемые из Пекина, приходят в Кобдо с караваном, который идет почти два с половиной месяца.

В ожидании весны Григер и Вахе занялись вербовкой в долинах Алтайских гор людей, необходимых им для охо-

гы и выкармливания пойманных жеребят. Бросим еще беглый взгляд на местность, раскинувшуюся по берегам реки Зедзик-Нур, граничащей к югу с Алтаем. Она населена разными монгольскими племенами, которые управляются вождями или князьями. Григер нашел у этих кочевников дружеский прием, хотя раскинутая в снегу палатка, даже с шубами и одеялами, плохо защищала от ледяного холода. Топлива нигде нельзя было достать, так как применяемого для этой цели сушеного навоза (кизяка) в это время бывает очень мало. Монголы предпочитают в качестве топлива лошадиный навоз, который складывают просто в кучи. Кусок такого сушеного навоза монгол берет в руки и растирает в порошок, который поджигают огнивом. Если есть ветер, то монгол предоставляет ему раздувать огонь. Если же нет ветра, то он сам садится к огню и терпеливо дует до тех пор, пока огонь не разгорится.

В продолжение четырех месяцев ели одну только баранину, которую туземцы запивают «тзамба» — смесь чая, соли, масла. Это национальный напиток в Монголии и Тибете, он высоко ценится и во всех пограничных с Китаем областях. Другой любимый напиток у монголов, «арка» — нечто вроде водки, приготовляемой из сыворотки прокисшего молока. Суровые сыны природы, монголы совершенно неприхотливы в пище. Здоровую скотину режут только в случае крайней необходимости, вообще же не брезгают больными животными и даже падалью. Внутренности, очищенные от своего содержимого, просто бросают затем в котел, где варится пища. Примечательно, что они вовсе не едят рыбу, причисляя ее к змеям. Поэтому форели в монгольских реках так расплодились, что Зедзик-Нур была буквально до краев переполнена ими. Весной они плыли целыми стаями, и Григер мог их вычерпывать голыми руками. Однажды он поймал сто штук форелей, которых варил, жарил и даже, хотя и не сразу, научился коптить.

Монголы охотно попробовали бы вкусного ароматного мяса. Около палатки Григера собиралось много нищих и любопытных, но он быстро избавился от них самым забавным образом. Григер густо посыпал перцем кусок мяса и вынес его нищим, после чего началось чихание, плевки и наконец поспешное бегство. Перец был совсем неизвестен кочевникам, и того из них, кто хоть раз попробовал острое, горячее блюдо удивительного европейца, уже нель-

зя было заставить отвеждать его снова. Григер имел полную возможность наблюдать странные нравы и обычаи монголов. Своих мертвых они просто бросают в степи и оставляют на съедение собакам, воронам и хищным птицам. Земледелием монголы не занимаются вовсе. Основное занятие — скотоводство. Каждый мужчина имеет коня и вооружен ружьями старинного образца — от самопала до кремневого ружья. Мужчины и женщины носят шаровары и высокие сапоги. Шаровары шьют большей частью из синего холста, широкие же подошвы сапог — из холщовых стелек, сшитых вместе, толщиной до двух сантиметров. Самое большое удовольствие доставляет монголу табак, и обладание им составляет его заветное желание. Он придает очень большое значение внешней отделке трубки и по ней судит о состоянии ее владельца. Длинный деревянный чубук — от тридцати до сорока сантиметров — украшен мундштуком из агатового камня. Чем больше и красивее этот мундштук, тем богаче и знатнее его обладатель. Монголы очень гостеприимны, но малоразговорчивы.

Каждая монгольская юрта охраняется целой сворой очень злых собак, похожих на шакалов. Хозяин быстро отгоняет своих лающих сторожей, ласково и приветливо встречает гостя и берет у него лошадь, которую тотчас же стреножит и пускает пастись на воле. Гость входит в общую юрту, и, будь то день или ночь, монголка сейчас же приготовляет чай и постель для пришельца.

В долине Кобдо Григер весной настрелял целую коллекцию разных птиц, среди которых был новый, совсем еще не известный в Европе вид фазанов.

При всем этом Григер не забывал о главной цели экспедиции, и когда наступило время охоты, все приготовления к ней были уже закончены. С помощью вождя племени, с которым Григер успел подружиться, были подобраны охотники, однако они никогда еще в жизни не ловили животных живьем, и потому их надо было этому обучить.

Прежде всего стали на большом расстоянии наблюдать, когда животные приходят на водопой, чтобы установить количество жеребят в табуне. Можно было ясно различить три разные породы диких лошадей. Одна водилась на большом плоскогорье в восточной части горного хребта, ограниченного с севера и юга реками Кийкуюс и Урунгу, берущими начало на Алтае. Обе реки текут к западу и

впадают в озеро. Вторая порода паслась в степи, километрах в 300 к югу от Кобдо, окруженного со всех сторон горами, а третья обитала в местности, расположенной к юго-востоку на большом плато в области Зедзик-Нур. У всех трех пород густая волнистая шерсть, даже на ногах, глаза черны, очень выпуклый лоб. Они отличаются только мастью. Нельзя сказать, чтобы дикие лошади были очень многочисленны в этой местности. Григер насчитал только несколько небольших табунов — от двенадцати до пятнадцати голов в каждом. После долгих приготовлений сама ловля уже не представляла никаких затруднений. Животные имели обыкновение проводить несколько часов около воды.

Под руководством гагенбекских агентов монголы подкрадываются со своими лошадьми с подветренной стороны и по поданному сигналу бросаются с оглушительным шумом на мирно пасущееся стадо, которое в страшном испуге, поднимая облако пыли, мчится в степь, преследуемое гикающими всадниками. Постепенно из столба пыли вырисовываются перед глазами преследователей отдельные точки. Это бедные жеребята, которые не могут так быстро бегать, как взрослые животные, и вскоре останавливаются в полном изнеможении с раздувающимися от страха ноздрями и колышущимися боками. Их ловят петлей, прикрепленной к длинной жерди, и отводят в лагерь. Там уже ждет большое число монгольских кобыл с жеребятами, которые предназначены в кормилицы пойманым диким сосункам. Проходит три-пять дней, и «мачехи» привыкают к своим новым «детям». Теперь кочевники научились от гагенбекских агентов ловить диких лошадей и делают это по своей собственной инициативе. Хотя первый заказ был всего на шесть лошадей, но вскоре в лагере их оказалось уже тридцать.

Григер не знает, что делать с этим богатством, и он вынужден телеграфировать в Европу. Чтобы дать телеграмму, ему приходится проехать две тысячи километров по степи верхом, затем четыре дня плыть на пароходе и, достигнув наконец почтовой станции, ждать двое суток ответа из Гамбурга. Получив ответ, он возвращается в Кобдо, куда попадает только через двадцать суток. Несчетное число раз пришлось менять лошадей, сначала на попутных монгольских стоянках, а затем на русских почтовых станциях. По возвращении он нашел на ловецкой

станции уже 52 жеребенка. Вскоре громадный караван, состоявший, кроме пойманных молодых лошадей и их кормилиц, из вьючных верблюдов и 30 погонщиков, тронулся в обратный путь, в Европу. Месяцами странствовал он в дождь и жару по горам и долам, прежде чем достиг первой железнодорожной станции — почти три тысячи километров нужно было ему пройти в утомительном марше. Днем температура поднималась до 20 градусов тепла, а ночью падала ниже нуля. Некоторым жеребяткам, несмотря на хороший уход, трудно переносить тяготы трудного пути, и они падают по дороге. Однажды из-за недосмотра проводников убежало несколько верблюдов, и только с большим трудом удалось снова поймать их. В другой раз взбунтовались проводники, требуя прибавки против условленной платы и грозя в противном случае бросить караван. Никакие увещания не помогли, пришлось Григеру прибегнуть к помощи киргизской нагайки. Это подействовало, и караван тронулся дальше.

Одиннадцать месяцев находился транспорт в пути, и из 52 жеребят в Гамбург прибыли только двадцать восемь. Через три дня после прибытия их отняли от маток и стали кормить молотым овсом, теплыми отрубями и желтой репой. Так мною впервые были ввезены в Западную Европу дикие лошади.

Что значила моя экспедиция на Огненную Землю по сравнению с подобными экспедициями в Восточную Азию, которые я снаряжал и впоследствии! В одной из таких экспедиций мы должны были поймать нескольких аргали — крупных диких баранов — и доставить их в Европу, чтобы скрестить с домашними овцами. Предполагалось, что таким путем можно будет вывести крупную породу домашних овец, что должно было иметь значение для сельского хозяйства. За одной неудачной экспедицией последовала вторая, столь же неудачная. Хотя было поймано свыше шестидесяти животных, но все они погибли дорогой от какой-то эпидемической болезни. Обе экспедиции обошлись почти в сто тысяч марок.

Об истории дальневосточных экспедиций можно было бы написать целый том воспоминаний. Но я не желаю утомлять читателя и расскажу для разнообразия кое-что об охоте на слонов в Индии. Поскольку об этом написано немало, я не буду здесь особенно распространяться. Общеизвестно, что диких слонов пригоняют в так называе-

мый «крааль» — огороженная плотной изгородью площадка в чаще — и запирают ворота, как только стадо вступило в него. Чтобы связать пленников, пользуются услугами специально выдрессированных взрослых слонов — самцов и самок, называемых «кункис», на каждом из которых сидит всадник, или корнак. В течение двух или трех дней животных оставляют одних, пока они не успокоятся. Затем корнаки верхом на своих кункис въезжают в середину стада диких слонов. Каждому из дрессированных слонов обматывают шею и грудь сетью веревок, чтобы в случае опасности корнаку было бы за что уцепиться. Кроме того, каждому кункис придан второй домашний слон, своеобразный боксер, который награждает диких слонов пинками, если они нападают на кункис.

Теперь человек и животное работают заодно. Корнаки дают своим слонам веревки, которые те берут хоботом и накидывают на диких слонов. Некоторые корнаки под защитой своих слонов набрасывают веревочные петли на задние ноги диких слонов. С исключительной быстротой концы канатов привязывают к деревьям, так что пойманные едва могут двигаться. При отчаянных усилиях, с которыми дикие слоны пытаются освободиться, веревки глубоко врезаются в кожу. У многих слонов остаются глубокие раны. Несколько индийских слонов, отправленных в мой зоосад немедленно после поимки, пришлось лечить еще несколько недель, пока окончательно не зажили их раны.

Кроме подобной массовой ловли, практикуется и ловля слонов в одиночку, очень напоминающая охоту на молодых африканских слонов. Из засады с дикими криками выскакивают охотники и бросаются на слонов. Испуганные неожиданными криками, стадо обращается в бегство, но ловким охотникам удается оттеснить от него молодых животных. На заднюю ногу отставшего слоненка быстро накидывают петлю из воловьей кожи, затем веревкой привязывают к дереву и валят животное набок. Таким способом ловят слонов на Цейлоне. Позднее мы обычно покупали слонов на местных рынках, из которых наиболее крупным и важным была Сонпора. При ловле различных пород слонов на островах Сунда мои агенты пользовались ямами.

Переходя из индийских джунглей к Северному Ледовитому океану, я считаю своим долгом рассказать об охоте

на моржей, которой усиленно занимался мой агент, капитан Оле Хансен из Гаммерфеста. Подобно своему соотечественнику, норвежцу Адриану Якобсену, он начиная с 1886 года ловил моржей в Арктике и почти шестнадцать лет смело водил свой ледовый корабль с удивительным названием «7 июня», данным ему в честь дня именин его капитана.

Охота на моржей производится гарпунами на специально построенных для этой цели лодках. Лодки имеют в длину двадцать футов, в ширину семь футов; доски соединены в них внахлестку. Борта лодок обиты жостью. Спереди имеется платформа со столбом, закрепленным в киле лодки. На столбе укрепляют гарпуны с длинными веревками, которые расположены так, что всегда готовы к действию. Гарпунер стоит у столба, тогда как трое сидят на веслах. Гарпун бросают примерно на расстоянии двадцати двух метров. Хорошие гарпунеры метают гарпуны еще дальше — на тридцать четыре метра! Морж, в которого попал гарпун, сразу же погружается в воду, но через некоторое время всплывает для дыхания на поверхность. Хансен заметил, что загарпуненная самка обычно продолжает плыть и при туго натянутом канате, тогда как раненые самцы часто атакуют лодку своими мощными бивнями. Однажды при ловле доставленных в наш зоопарк молодых моржей экипаж маленького ловецкого судна, состоявший из четырех человек, едва не поплатился жизнью. Крупный морж, услышав крики пойманных молодых животных, яростно набросился на лодку и пробил в борту три огромные дыры.

Чтобы взять живьем детеныша, необходимо обычно уложить мать. Таким способом были доставлены находящиеся в Штеллингене молодые моржи. Убитую самку подтягивали почти вплотную к лодке и спокойно ждали, пока не появится ее детеныш. Действительно, через небольшой промежуток времени он подплывал и влезал к матери на спину. Разумеется, теперь уже было нетрудно справиться с беспомощным молодым животным.

Как мне рассказывал Оле Хансен, наиболее крупные моржи встречаются у Земли Франца-Иосифа. Охотники за моржами получают за шкуры убитых животных по весу — 1,40 кроны за килограмм. Кроме того, большую ценность имеет также ворвань. При ловле доставленного недавно в Штеллинген молодого моржа было убито шестьдесят во-

семь животных и среди них один огромный экземпляр, бивни которого были длиной 75 сантиметров и весили два с половиной килограмма. За килограмм этих бивней заплатили по шесть крон. Только в сентябре и октябре в период случки самки и самцы встречаются вместе на суше. В 1886 году Хансен видел на северном побережье Северо-Восточной Земли¹ стадо моржей в 370 голов, которое было истреблено пятью морями. Самый крупный морж, гарпунированный нашими ловцами в последнюю поездку, весил почти три тысячи килограммов. Одна только шкура имела вес пятисот килограммов. Молодняк чаще всего ловят у мыса Флора. В настоящее время самой богатой для охоты на моржей областью может считаться северное побережье Сибири.

Пройдет немного времени, и последние экземпляры этих могучих представителей арктического животного мира будут полностью истреблены, если своевременно не принять мер в международном масштабе против хищнической охоты на них. Часто мне удавалось ловить моржей для европейских и североамериканских зоологических садов, и каждый раз капитан Хансен рассказывал мне новые арктические приключения.

Моржи питаются преимущественно планктоном — «животной кашей», состоящей из мельчайших биоорганизмов. Однажды Хансен был свидетелем интересного случая — морж клыками разрывал мертвого тюленя и вылизывал его жир. Рев моржа настолько пронзителен, что по ветру он слышен за две мили, и капитан Хансен не раз в тумане направлял по нему курс судна. В 1897 году во время охоты сильный самец убил четырех людей с перевернувшейся лодки. Он несколько раз всплывал на поверхность и нападал на плывущих охотников, пробивая им спины ударами мощных клыков. Одному из охотников удалось влезть в лодку. Однако морж не успокоился до тех пор, пока снова не перевернул лодку и не убил этого человека.

Интересное зрелище представляла встреча пяти вновь прибывших моржей со своими тремя товарищами в бассейне Штеллингенской «ледяной панорамы», о постройке которой я расскажу подробнее в главе, посвященной описанию создания Штеллингенского зоопарка. Когда к бас-

¹ Речь идет о Шпицбергене.

сейну подвезли ящики, в которых находились моржи, среди старых обитателей бассейна началось сильное возбуждение. Из воды вылез самец в сопровождении своих обеих жен, и тут все вновь пойманные звери стали громко реветь и брызгать от волнения слюной, а глаза их налились кровью. Но когда вновь прибывшие увидели, что их нежно и приветливо обнюхивают встречающие, они успокоились и с аппетитом стали поедать предложенную им рыбу. А в скором времени и новички стали смирными и доверчивыми, и можно было подумать, что они живут в зверинце так же давно, как и старожилы бассейна.

Однажды несколько лет назад доктор Карл Петерс, путешествуя по Родезии, после утомительного дневного перехода попал на ферму какого-то бура. Бур рассказал об опустошении, произведенном в его стадах чумой рогатого скота и мухой це-це. Доктору Петерсу в его странствованиях бросилось в глаза, что многие фермеры не могут и думать более об обработке земли, так как не имеют необходимого рабочего скота. Бур, о котором здесь идет речь, однако нашел выход из положения. В этих отдаленных краях от некогда неисчерпаемого богатства африканского животного мира еще остались стада животных, которые в пятидесятых годах подходили даже к воротам Капштадта. По соседству с фермой водились куду, антилопы, нильгау, гну, а также страусы. Они мирно паслись вместе. Это навело умного фермера на мысль воспользоваться дарами природы, и Петерс был не слишком удивлен, когда бур повел его в загон, в котором разгуливало шесть великолепных рослых гну. «На этих животных,— сказал бур,— я буду выезжать пахать и попробую, не пойдут ли они рысью в моей тележке». Петерс засмеялся, вытащил из кармана английский иллюстрированный журнал и показал буру несколько фотоснимков гамбургского зоопарка Карла Гагенбска. «Этот человек,— сказал он,— заплатит вам за животных дороже, чем они вам стоят. Предложите их ему!» Все буры отличные дельцы, и вот вдруг я получаю телеграмму из Родезии: «Имею шестнадцать гну, предлагаю Вам их за такое-то количество марок. Телеграфируйте решение. В случае согласия приемка на месте в течение шести месяцев».

Я очень обрадовался возможности пополнить мой зверинец подобным приобретением, телеграфировал о согласии и выслал в Африку опытного агента Юргена Иоган-

ссна. Спустя девять месяцев он привез мне в Гамбург не только гну, купленных у бура, но и еще много этих ценных животных, ловле которых он научился в Родезии от туземцев и буров.

На поиски животных отправляются примерно тридцать первоклассных наездников. После длительного и утомительного марша им наконец удается набрести на место, где водятся гну, это место они окружают широким кольцом. Следует заметить, что взрослый самец весит 2400 фунтов. У него хватило бы сил опрокинуть несколько лошадей. Кто же осмелится такое животное поймать на воле и перевезти его?! И здесь задача заключается в том, чтобы отделить молодых животных от стада. Молодежь тоже пробует некоторое время принимать участие в головокружительной скачке спасающегося бегством стада. Но неуклюжие ноги и молодые легкие вскоре отказываются им служить. Взмывленные от страха, дрожа всем телом и жалобно крича, они останавливаются. Это и есть подходящий момент, когда всадник, подскочив к животному, хватает его за хвост и валит наземь. Затем быстро спутывают задние ноги, и молодого гну плотно завертывают в теплые одеяла. Неосведомленному человеку такая мера покажется излишней. Между тем она необходима, так как волнение, вызванное преследованием и бегством, приводит молодое животное в состояние полного изнеможения. В таком положении необходимо защитить его прежде всего от резких колебаний температуры, вот потому-то и заворачивают детеныша в одеяла. Но на этом дело не заканчивается. Происходят еще более изумительные вещи: природный охотник-бур становится и медиком. Завернутому в одеяло животному впрыскивают под кожу какое-то вещество, состав которого, к сожалению, мои агенты не смогли узнать. Я знаю только, что через несколько минут после впрыскивания животное теряет сознание и засыпает глубоким сном. Я полагаю, что это морфий или какой-нибудь другой алкалоид. Цель впрыскивания та же, что и завертывания в одеяло. Смертельный страх, охватывающий юное существо, так велик, что в большинстве случаев животное умирало от разрыва сердца. Этому препятствует впрыскивание. Спящее животное переносят в лагерь, где оно спит еще целые сутки. Между тем охотники пригоняют в лагерь заранее отобранных коров, и когда гну пробуждается от долгого сна, к нему подводят молочную корову со связан-

ными задними ногами. По запаху корова узнает, что это не ее теленок, и она не допустила бы гну к вымени, если бы ей не связали ноги. Спустя несколько дней мачеха привыкает к своему питомцу, который теперь следует за коровой, как следовал раньше за своей матерью. Когда пойманные животные достаточно подрастают, чтобы перенести длительный марш до моря, караван отправляется в путь. Имеющиеся в моем распоряжении многочисленные фотографии показывают воспитанных в лагере гну. В длинной упряжке по шесть-восемь голов они вместе с быками, мулами и зебрами везут двухколесную повозку к пристани.

Транспортировка диких зверей, только что пойманных или родившихся в неволе, — это целая наука, которую можно изучить лишь на практике. И так как мне всю жизнь довелось заниматься этой практикой, то пришлось и дорого платить за науку. Искусство погрузки различных животных в железнодорожные вагоны и на пароход, техника их «упаковки», выбор подходящей пищи — все это достигается ценой многих жертв. Когда транспорты из всех частей земного шара, часто после длительного морского путешествия, прибывают в Европу, начинаются новые, другого рода трудности. Перевод с корабля в стойло, из стойла на станцию железной дороги, погрузка в вагоны и выгрузка из них, да и сама перевозка в тесных, тряских вагонах связаны со многими затруднениями, неожиданными случаями и приключениями. О многих из них я уже рассказывал в главе «Развитие мировой торговли зверями». Теперь мы уже приобрели некоторый опыт в перевозке животных, хотя и дорогой ценой, и кроме того усовершенствованы и пути сообщения, а ведь было время, когда погрузка на пароход слона и его отправка в Европу казались каким-то сказочным происшествием.

Глава седьмая
**МЕЛКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
С ДИКИМИ ЗВЕРЯМИ**

К сожалению, барон Книгге не оставил нам никаких правил для обращения со зверями, мы лишены точно так же и опыта нашего доброго праотца Ноя, полученного им во время одиннадцатимесячного путешествия в своем ковчеге, приземлившемся на горе Арарат. Он спас нам животный мир, в котором успешно подвизался его правнук Нимрод — талантливый охотник. Насколько трудно было погрузить только одного взрослого слона, показывает такой эпизод.

Однажды в 1864 году я получил письмо от старого владельца зверинца Крейцберга из Люттиха, в котором он мне сообщил, что хочет продать своих животных. Я поехал в старый валлонский город, был встречен Крейцбергом на вокзале и поехал вместе с ним на станцию Шене, куда были отправлены его животные. Когда мы прибыли, животных еще не было и мы должны были там переночевать. Чуть свет нас разбудили со страшным известием, что ящик со слонем в последнем туннеле оказался слишком высоким

и при ударе о потолок туннеля был разбит вдребезги. К счастью, этот толстокожий обладал флегматичностью, соответствовавшей толщине его кожи, возможно, он был даже философ. Когда мы прибыли на место несчастного случая, то увидели его спокойно стоящим среди обломков ящика и жевавшим сено. Огромный слон был дамой и, пожалуй, самым крупным для самки экземпляром, какой когда-либо я видел. Высота животного достигала девяти с половиной футов. Сло尼ха была некогда подарена Крейцбергу русским царем. У нес, само собой разумеется, было прошлое. В сопровождении слона-самца и специального проводника она пешком направилась из Индии в Москву в качестве путешествующего подарка одного из магараджей русскому царю. Спутник этого смиренного животного оказался буяном; он в ярости убил своего сторожа, разорвал цепи и убежал. Пришлось вызвать воинскую часть. Солдаты, окружив слона, застрелили его. Так слониха-великанша осталась вдовой и после многих странствий по свету и краткого пребывания в Англии попала, наконец, в мои руки. У меня ее позднее купил владелец одного из американских зверинцев.

На память приходит еще эпизод, наглядно иллюстрирующий транспортные затруднения в те времена. Американско-Гамбургская линия была тогда очень несговорчива и неохотно соглашалась брать зверей на борт своих пароходов. После бесконечных переговоров пришли наконец к соглашению погрузить животное по пассажирскому тарифу — за пять тысяч марок. Так как у нас не было никакой другой возможности перевезти слониху, то американцы должны были согласиться уплатить эти огромные деньги. Пришлось погрузить еще деревянную клетку для слонихи — большой ящик в десять футов длины, семь футов ширины и четырнадцать футов высоты. Ящик был сколочен в Штейнверде около Гамбурга из толстых 2,5-дюймовых досок, скреплен громадными железными обручами и прикреплен к палубе парохода рядом с дымовой трубой.

Слониху должны были ввести на палубу и поместить в ящик. Для этой цели был выстроен специальный мост от берега к палубе парохода. Тогда еще не был изобретен кран, при помощи которого в 1898 году была погружена на корабль гигантская пушка, отправленная Круппом на Всемирную выставку в Чикаго. Там, где сегодня тысячи

подъемных кранов, экскаваторов и элеваторов погружают и разгружают трюмы океанских кораблей, в те времена работали лишь потомственные грузчики с вагами и лебедками.

Погрузка слонихи превратилась в чистейшую комедию. Утром в первый день Троицы я прибыл со слонихой к мосту. Животное было необыкновенно спокойно и вело себя очень смиренно, и я настолько доверился его добродушию, что мог позволить себе взять слониху за ухо и таким образом ввести на мост. Она осторожно попробовала передними ногами настил моста, спокойно сделала несколько шагов вперед и вдруг попятилась назад.

Возможно, она почувствовала легкое колебание моста, который был на понтонах. Короче, теперь ее уже нельзя было никакими силами заставить пройти через мост. После нескольких бесплодных понуканий я приказал привязать канаты к передним ногам слонихи. Каждый канат взяли двадцать человек, а все сорок — весь экипаж парохода. Я командовал «лево», и двадцать человек тянули левую ногу, а когда я кричал «право», то другая партия тянула правую ногу. Слониха спокойно позволяла это делать, пока не очутилась на расстоянии нескольких метров от палубы. Тут она вдруг потянула левую ногу, и двадцать человек как один растянулись на мосту. Я страшно испугался, но совершенно напрасно, так как слониха после неожиданного проявления силы опять спокойно направилась в свой ящик. Она словно хотела показать, что тянуть было бы бесполезно, если бы она сама не хотела идти. Я думаю, что если бы слоны умели смеяться, то эта непременно бы рассмеялась, войдя в свое стойло. В Америке моя старая знакомая достигла большой популярности под именем «Импресс» («Императрица»).

Для обращения с дикими зверями нет специальных правил. Один зверь — смирный, другой — буйный. В то время как одного представителя того же семейства можно вести рукой, другого нужно связать и перевозить в экипаже. Все зависит от обстоятельств и является вопросом практического соображения и присутствия духа, так как все эти создания руководствуются в своих действиях не разумом, а инстинктом, импульсом, и потому каждое мгновение может быть чревато какой-нибудь неожиданностью.

Допустим, нужно заставить носорога идти с парохода по сходням на берег. Ведь не достаточно же сказать ему:

«Многоуважаемый носорог, не будете ли вы настолько добры выйти наружу!» Такого языка носорог все равно не поймет. Если же ему надеть веревку на шею и тянуть и в то же время сзади подталкивать дубинкой, то и такого языка он тоже не поймет и, наверно, своим рогом больно кольнет пониже спины человека с веревкой. Но у этой бестии есть своя слабая струнка: желудок. Им следует пользоваться как международным языком, который понимают и животные. Если к пасти толстокожего поднести руку, полную корма, то уже можно не прибегать к вежливым упрощениям.

Эту мудрость я постиг очень рано, однако следование ей поставило меня однажды в очень опасное положение. У меня произошло как-то весьма неприятное происшествие с носорогом. Это было в 1871 году, когда я приехал в Лондон для приемки прибывшего на мое имя транспорта животных. Среди животных находилась почти взрослая самка носорога, доставленная в громадной, специально для нее выстроенной клетке. Этот ящик был, разумеется, нетранспортабелен, и потому нужно было так или иначе свести носорога с парохода в транспортный фургон, к которому проложили мостки, покрытые соломой. Расстояние от парохода до вагона составляло около пятисот метров, его нужно было пройти по рельсам, проложенным вдоль длинных пакгаузов ост-индских доков. Мистер Джемрач, наш опытный коллега, предложил провести носорога, поскольку он казался смирным, просто на веревке. Я согласился, не приняв во внимание всю опасность подобного способа выгрузки. Носорогу на шею надели прочный канат, а другой, более длинный, — на одну из передних ног. В запас взяли большое количество веревок. Наконец тронулись в путь. Носорог медленно шел следом за кормящим его из рук сторожем по помосту на берег. Канат, надетый на шею, я дал шести сторожам и сказал им, чтобы тотчас же по прибытии к вагону его протянули сквозь решетки боковых стенок и прикрепили к оси. Веревку, привязанную к передней ноге животного, я взял в руки сам и бодро зашагал вдоль длинных доков, сопровождаемый немалой толпой любопытных.

Когда мы почти вплотную подошли к вагону, я заметил, что к нам свистя и шипя приближается паровоз с товарным составом. С быстротой, которую можно развить только в момент опасности, я вскочил в вагон. Моя по-

спешность передалась сторожам, и в мгновение ока животное было привязано. Машинист, наблюдавший заключительную фазу погрузки, напоминавшую бегство, позволил себе глупую шутку — дал длинный и пронзительный свисток. Ужас и страх обуяли носорога и ввергли его в сильное возбуждение. С большим трудом мне удалось привязать сопевшее животное за вторую свободную ногу запасными веревками. Однако возбуждение носорога из-за повторяющихся все время паровозных гудков и шума перешло в ярость. Сильным ударом он разбил вдребезги козлы фургона. К счастью, обломки его не попали на лошадей, иначе случилось бы непоправимое несчастье. Разъяренный зверь пытался теперь разломать переднюю стенку фургона. Но я уже был начеку: взобравшись на крышу фургона, схватил конец каната и изо всей силы стал наносить им удары животному между ушей. Он, по-видимому, почувствовал, что имеет дело с силой, не уступающей его силе. В конце концов мы оба устали — и я, и мой непокорный друг, который постепенно пришел в себя и успокоился. Когда мы, наконец, прибыли к стойлам, то были вынуждены пятить его из фургона назад. Веревки, которыми был привязан носорог за передние ноги, пропустили через кольца, вделанные в стену стойла. Теперь у носорога начался новый приступ ярости, который еще усилился под действием шума собравшейся толпы. Несмотря на это, мы все же с большим трудом препроводили животное в стойло. С меня было довольно такого способа доставки, и для дальнейшей транспортировки носорога в Гамбург я заказал большой ящик. Если бы животное вырвалось у меня из рук в тот момент, когда к нам приближался паровоз, то, вероятно, в этих воспоминаниях пришлось бы рассказать о большом несчастье и нескольких погибших человеческих жизнях.

Много раз мне приходилось наблюдать, как носороги в припадке бешенства ломали себе рог и несколько от этого не страдали. Рог вырастал снова и в течение года достигал значительной величины. Как я уже упоминал в главе, посвященной ловле зверей, молодые носороги легко привыкают к людям. В нубийском караване, который я в семидесятых годах выставлял в Берлинском зоологическом саду, находилось три молодых носорога, свободно бегавших по загону. Посетители были в восторге, когда сторож в

шутку прятался где-нибудь и животные, издавая трубные звуки, начинали искать его.

В начале семидесятых годов Казанова привез в Европу первого африканского носорога. Хотя носорог был небольшого роста — всего 80 сантиметров, он в один прекрасный день оказался настоящим атлетом, который вызвал меня на единоборство. По дороге из Триеста в Вену я устроился со своим «сокровищем» в отдельном купе. Сидя в углу, я немного вздремнул, когда меня вдруг разбудил легкий толчок; проснувшись, я заметил, что животное держало в пасти край моего пиджака и совершенно спокойно жевало его. Со всей возможной вежливостью я хотел отнять свое платье у маленького повесы, но животному это очень не понравилось. В мгновение ока носорог впал в дикую ярость, издал пронзительный свистящий звук и напал на меня. Признаюсь, что, спасая свою жизнь, я одним прыжком перескочил через мешки и ящики. При этом носорогу скатился под ноги мешок весом в 150 фунтов, который он подбросил в воздух, словно маленький мячик. Само собой разумеется, я немедленно покинул своего африканского гостя, чтобы не давать ему возможности поиграть и мною, как мячиком. Другой раз во время морского путешествия я был свидетелем того, как взбесившийся носорог одним ударом разломал толстые доски своего ящика, словно это был ящик из-под сигар. Только благодаря тому, что я тут же обтянул всю клетку парусиной, удалось предупредить большое несчастье, которое иначе могло бы произойти.

Еще более милым животным, чем носорог, является бегемот — самое толстокожее и неуклюжее животное из всех толстокожих. И все же одному из моих агентов удалось однажды перевезти его в дорожном сундуке. Вся эта история может показаться басней и напоминает одного американского коммивояжера, который путешествовал по стране с чемоданом, наполненным образцами телеграфных столбов. Каким-то странным образом много лет назад в одном немецком юмористическом журнале появилась карикатура, представлявшая агента фирмы Гагенбек со множеством животных в комической и странной упаковке, как будто художник действительно хотел намекнуть на небольшой эпизод, о котором я хочу рассказать.

Однажды я послал в Бордо сторожа, чтобы принять доставленного в мой адрес маленького бегемота; сторож

просто запаковал его в сундук с дырками и привез в Гамбург как багаж. Животное — небольшая самка — весило всего лишь восемьдесят фунтов и еще много лет жило затем в Ганноверском зоологическом саду. Бегемоты прекрасно акклиматизируются в неволе и хорошо плодятся. Уже на пятом году они могут давать потомство. Случка происходит в воде. Любопытное зрелище представляет игра самки с детенышем. Когда бэби устает, он просто влезает на спину матери и там отдыхает. В американском цирке я даже видел двух взрослых бегемотов, которые были совершенно смирными. Во время больших переездов эти животные бежали по улицам рядом со своим сторожем, и никогда не было несчастных случаев.

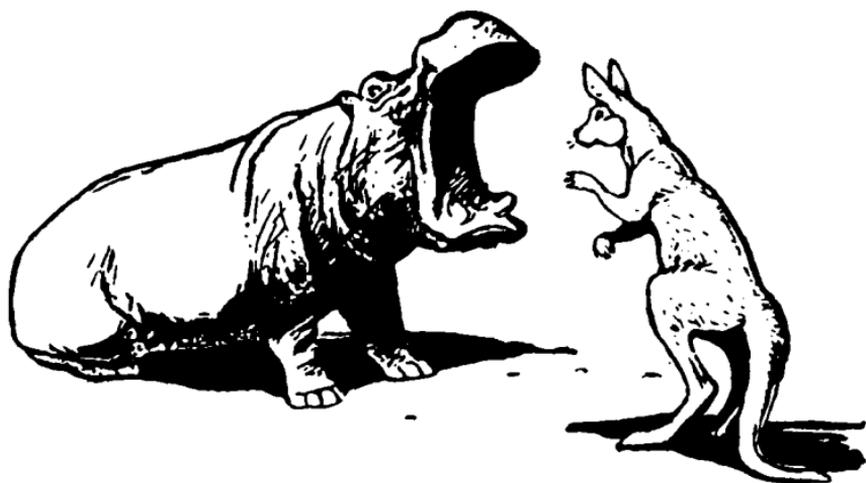
Подобное животное однажды сделало из меня скорохода! У владельца зверинца Кауфмана я как-то приобрел толстую «мадам» и хотел ее отправить в ящике вместе с кормом в Гамбург. Безуспешно! Когда все было хорошо подготовлено и небольшое расстояние от вагона до клетки загородили, я отдал своим людям приказание нанести животному сильный удар сзади большой доской, чтобы, испугавшись, оно бросилось вперед. Загородка на одной стороне состояла из натянутых деревянных рам на подпорках, позади которых стояли два сторожа. Я сам стоял внизу у помоста и манил бегемота руками, полными корма. Животное сделало два шага вперед, рвануло корм и хотело снова отступить назад, но сторож сильно угостил его сзади пониже спины. И — о ужас! Оно превратно поняло это нежное напоминание и, раскрыв широко пасть, так сильно рванулось вперед, что помост провалился под его тяжестью. Тогда зверь метнулся на проволочное ограждение и опрокинул его на обоих сторожей. В дикой ярости бросился теперь бегемот на безоружных служителей, и плохо пришлось бы им, если бы меня не осенила спасительная мысль. Не задумываясь, я со всей силы толкнул бегемота ногой в зад с целью отвлечь его внимание от упавших людей. Хитрость удалась. С быстротой молнии громадное животное повернулось и с разинутой пастью бросилось на меня. Я, ловко прыгая, словно ласка, помчался по загону. Разъяренный бегемот следовал за мной не отставая. Я перескочил через загородку, окружавшую бассейн, и уже на другой стороне перелез через железную решетку, прутья которой едва отстояли один от другого на тридцать сантиметров. Затем со скоростью ветра кинулся к загородке

назад и захлопнул дверь за преследовавшим меня бегемотом. Теперь он был пойман.

Директор Лондонского зоологического сада, доктор Слатер, и директор Британского музея, профессор Гюнтер, были случайными свидетелями этого происшествия, которое они наблюдали во всех перипетиях из безопасного места. Оба очень сожалели, что у них не было под руками фотоаппарата или, еще лучше, киноаппарата. Мое бегство от бегемота, преследовавшего меня по пятам, и его удивительное пленение могли быть сенсационным номером.

Той же упрямой нильской даме в скором времени был нанесен визит. Если бы Киплинг мог присутствовать при этом визите, он, наверное, написал бы прекрасную новеллу. Около стойла бегемота находился гигантский кенгуру, которым в один прекрасный вечер овладело желание навестить импозантную соседку с фигурой Юоны. Так как дверь в стойло была закрыта, то кенгуру совершил поистине акробатический фортель и перескочил одним прыжком через стену высотой в шесть с половиной футов. Когда сторож позвал меня, моим глазам представилось редкое зрелище. Кенгуру стоял перед бегемотихой и угощал ее непрерывно пощечинами по толстой морде. Дама не трогалась с места и не защищалась. Она могла раздавить нахала одним ударом ноги или даже просто поворотом своей массивной головы, но она, видимо, совсем ошалела и была поражена невероятной дерзостью так неожиданно вторгшегося к ней австралийского ухаживателя. Подобный столбняк нападает даже на порядочного человека, когда ему приходится вдруг иметь дело с нахальством какого-нибудь босяка. Для меня эта сцена явилась просто веселым эпизодом из жизни животных. Но все же нужно было как можно скорее удалить непрошеного посетителя, пока он окончательно не рассердил бегемотиху, ибо это было бы для него равносильно верной смерти. Я приказал поскорее принести мне сеть, которой вылавливал из бассейна тюленей, и через стену успел быстро набросить ее на кенгуру, прежде чем изумленный бегемот захлопнул свою огромную пасть.

Ни одно животное не вызывало такого интереса в цивилизованных странах, как жираф. Теперь любой мальчишка в большом городе видит его чаще, чем корову или свинью, и едва можно себе представить, какое невероятное изумление вызывали у публики первые доставленные в

Европу жирафы. Летом 1826 года первые жирафы были подарены правительствам Франции и Англии правительством Египта. Почти год продолжалась доставка в Европу этого транспорта. Можно себе представить, какие несметные толпы народа собирались на пути следования этих огромных, невиданных ранее животных, которые со своими черными проводниками шли из Марселя через Лион в Париж — в Jardin des Plantes. Жираф, предназначенный для Лондонского зоологического сада, перевозился по Африке на больших отрезках пути в связанном виде на спинах дромадеров, что, возможно, и явилось причиной заболевания у него суставов, отчего он и окошел в Лондоне в 1829 года. В последующие годы жирафы попадали в Европу единичными экземплярами. Только королевский зверинец в Шёнбрунне и зоологический сад в Амстердаме могли гордиться тем, что они имеют этих редких и дорогостоящих животных. В 1867—1877 годах в Европу было завезено уже довольно большое количество жирафов. Они доставлялись фирмой Рейхе в Альфельде и главным образом мною.

Это оригинальное животное, не отличающееся особым умом, довольно добродушно. Когда оно глядит на вас своими черными глазами с высоты пожарной каланчи или когда с широко расставленными передними ногами поднимает травинку с земли или срывает своими непомерно длинными «клещами» листок с вершины дерева, оно всегда интересно и забавно. Все, однако, изменяется для тех,

кому приходится вести одного или нескольких жирафов по улицам города. Животные легко пугаются, и тогда их длинные ноги становятся опаснейшим оружием. Я бы мог рассказать много серьезного и веселого, а часто и веселого с горьким привкусом о пережитых мною приключениях с транспортом жирафов.

В 1876 году я продал двух больших жирафов Венскому зоологическому саду и сам повел их с вокзала к новому месту жительства. Как и всегда в таких случаях, меня сопровождала огромная толпа любопытных, из которых вдруг отделился молодой вылощенный господин в блестящем цилиндре на голове и, несмотря на мое предупреждение, подошел совсем близко к животным, начавшим уже волноваться. Когда животные к неописуемому удовольствию публики стали прыгать и скакать, франт стал прыгать вместе с ними. Предвидя опасность, я громко крикнул ему, чтобы он отошел подальше. Напрасно! Вдруг один из жирафов лягнул задней ногой преследователя, но так удачно, что страшным ударом у того был сорван с головы только цилиндр. Бледный как полотно, лишенный остатков своего и без того скудного умишка, смотрел этот хлыщ ошалелыми глазами на валявшийся в пыли цилиндр, а затем... незаметно исчез. Если бы этот господин был на два сантиметра ближе к жирафам, то вместо цилиндра взлетела бы в воздух его черепная коробка.

Когда жираф бежит, он делает двенадцатиметровые прыжки, и проводник поневоле становится «скороходом», поскольку он держит животное за узду. Однажды на пути с Штерншанценского вокзала в Гамбурге меня таким образом заставлял мчаться за собой большой жираф. Со мной шел тогда заместитель директора Амстердамского зоологического сада. Желая мне помочь, он уцепился за хвост животного. А раз ухватившись, мой спутник не мог уже отцепиться и вынужден был делать самые забавные прыжки вслед за несущимся жирафом, пока наконец не упал на землю. К счастью, он отделался незначительными ушибами. Это было поистине зрелище, достойное богов.

Я далек от мысли вспоминать этот эпизод с насмешкой, так как люди, сразу берущие быка за рога, мне всегда симпатичнее тех, которые слишком долго раздумывают и взвешивают. Кроме того, и со мной случилось нечто подобное. Я припоминаю один эпизод в Суэце. Нужно было отвести на вокзал жирафа, который долго находился в

стойле. Как и лошади, жирафы после долгого пребывания без движения чувствуют себя весьма игриво. Я еще зачем-то обернул несколько раз вокруг руки длинный повод, на котором вели животное. По дороге жираф чего-то испугался и понесся, потащив меня за собой. И вот я помчался вместе с ним. Только бы не упасть, твердил я себе, иначе мне конец. Настоящее бегство Мазепы, только в другом роде. Мазепа спасался бегством... пешком. Жираф несся бешеным галопом, а я за ним через весь Суэц. Сначала мы перескочили через целую гору разбитых бутылок и посуды. Затем, словно пожарные, неслись по узким улицам, огибая дома, и промчались по базару. Число смеявшихся над нами и пугавших нас арабов и феллахов, которым наша скачка причинила немалые убытки, все увеличивалось. К счастью, я был гибок и ловок. Под конец мы промчались сквозь охваченную ужасом толпу, разбегающуюся в стороны при нашем приближении, и после двухкилометровой безумной скачки мне, наконец, удалось освободиться, и я как сноп упал наземь. Я настолько выбился из сил, что боялся, как бы со мной не случился удар. Жираф

тоже, видимо, чувствовал себя не очень хорошо, так как пробежал еще около пятидесяти метров и остановился возле телеграфного столба, к которому его спокойно привязал какой-то негритенок. С помощью шести рослых арабов я потом доставил беглеца на вокзал.

Однажды мне позвонил по телефону богатый бразилец, пожелавший приобрести у меня жирафа, чтобы подарить его зоологическому саду в Рио-де-Жанейро. Это было как раз в то время, когда доставка жирафов из Судана прекратилась из-за махдистских войн. Однако мне удалось достать в одном немецком зоологическом саду крупного жирафа-самца высотой в 12 футов. Столь огромный ящик нельзя было погрузить на телегу, и пришлось катить его на катках. К счастью, вокзал был недалеко от зоологического сада. Путешествие через океан прошло благополучно, без всяких приключений, однако по прибытии в Бразилию произошел небольшой инцидент. Загон, устроенный для жирафа, был затянут обыкновенной проволочной сеткой, какую употребляют для курятников. Животное прорвало сетку и галопом помчалось в лес, исчезнув в вечернем сумраке. Наступившая ночь лишила нас последней надежды отыскать беглеца. Тогда моему агенту пришла в голову гениальная мысль. Он повесил себе на грудь фонарь, а на спину пук сена и отправился в таком виде прочесывать лесную чащу. Жираф сейчас же заметил свет, а вскоре агент услышал звучный галоп животного, которое через несколько минут показалось из-за деревьев. Тогда хитроумный ловец повернулся к жирафу спиной, маня его лакомым куском. Животное тотчас принялось жевать сено, а агент медленно двигался по направлению к зоологическому саду, сопровождаемый жующим сено жирафом. Таким путем беглец был водворен в свое стойло под надежную охрану.

Главу «Мелкие приключения с дикими зверями» я хочу закончить рассказом о самой грандиозной поставке животных, которую я когда-либо делал в своей жизни. Германское правительство поручило мне доставить две тысячи дромадеров в Юго-Западную Африку для экспедиционного корпуса, участвовавшего в подавлении вспыхнувшего там восстания гереро¹.

Заказ был срочный! Немногочисленные автомобили не смогли пройти по пескам в Калахари. Об этом мне сказали в Управлении колоний в Берлине и предложили доставить сначала тысячу дромадеров с седлами в Свакопмунд. Я не

¹ Восстание племени гереро (языковая группа банту) в Юго-Западной Африке — бывшей германской колонии — против гнета колонизаторов происходило в 1904—1907 годах.

раз конструировал подобные седла для нужд своего зоопарка, однако тут мне было совершенно ясно, что заниматься экспериментами теперь не время. В качестве модели для заказа я взял уже испытанное туземное седло. В музее моего шурина Умлауфа я к счастью нашел нубийское вьючное седло для дромадера, оставшееся от моей нубийской выставки, которую я когда-то показывал в Европе. По этой модели на другой день после моего возвращения из Берлина был изготовлен остов седла, но крепче и прочнее оригинала. А уже к вечеру заказ на первую тысячу таких остовов, которые должны были быть изготовлены в течение двух недель, был размещен на трех предприятиях. Одновременно были заказаны подушки, ремни и подпруги разным шорникам, немедленно взявшимся за работу.

Вторая важная проблема, от успешного разрешения которой зависел успех экспедиции, — это заготовка корма. После детального обсуждения с моими помощниками было решено произвести заготовку фуража в Гамбурге и отправить в порт на Красном море, где будет производиться погрузка животных. Уже 17 декабря мой доверенный закончил все необходимые приготовления и заключил договоры с разными лицами на поставку в течение четырнадцати дней нескольких сот тысяч килограммов сена и соломы, большого количества овса, отрубей, торфяной подстилки, медикаментов, креолина и мыла в гамбургский порт. Первый зафрахтованный пароход, находившийся уже на обратном пути, запоздал вследствие тумана, и потребовалась поистине гигантская работа, чтобы в три дня построить стойла для трехсот-четырёхсот верблюдов и разместить весь груз. Это удалось, и 3 января 1906 года пароход «Мария Менцель» вышел из Гамбурга. На его борту находились мои лучшие сторожа. Они должны были нести надзор за транспортами, которые будут грузиться в портах Красного моря.

Я вызвал из Америки моего младшего сына Лоренца, руководившего там цирком, и направил его в Порт-Саид, куда «Мария Менцель» прибыла 22 января 1906 года. Главную же работу — приобретение животных — я поручил Иосифу Менгесу (уже известному читателям). Мой сын Лоренц, сообщениям которого я здесь следую, встретился с ним в Массауа. «Мистер Мунгус», как называли туземцы моего всюду известного и любимого агента Мен-

геса, уже подготовил семьдесят шесть дромадеров к отправке. «Мария Менцель», забрав этих верблюдов, последовала через «ворота слез» по направлению к Джibuти.

Быть может, не так обильно, как пот, но слезы действительно катились по коричневым щекам нашего старого друга Герси Эгга, сомалийского вождя, известного уже читателям по Лондонской африканской выставке. Он вместе со своим племенем был очень рад снова увидеть моего сына и нашего агента на своей жаркой родине; веселые танцы чередовались с праздничным угощением и песнями. Но Герси Эгга и работал тоже на совесть. Сто восемнадцать дромадеров были готовы к сдаче. Остальная часть этого транспорта была взята на борт в Бербере.

Особенно трудно проходила приемка животных в портах, где не было причалов. Дромадеров подгоняют к берегу, по возможности ближе к воде, и связывают их мягкими веревками из пальмовых волокон, как почтовую посылку. Дромадера залят набок, и не менее двенадцати человек хватают его и с оглушительными криками тащат к барке, тогда как двое людей поддерживают его голову над водой. На краю барки животное ожидает другая партия рабочих, которые поднимают его на борт и бросают на дно барки, покрытое толстым слоем пальмовых листьев.

Как только десять или двенадцать верблюдов, уложенных штабелями, заполнят барку, парус поднимают и направляют к пароходу, стоящему на рейде в нескольких километрах от берега. На борт дромадера доставляют при помощи лебедок. При погрузке верблюдов на пароход не раз случалось, что животное во время воздушного путешествия выскальзывало из петли и падало вниз головой в Красное море. Независимо от того, что «корабли пустыни» считаются хорошими пловцами, с борта парохода немедленно ныряли в воду туземцы, снимали петлю, привязанную к телу животного, и вскоре снова полным ходом работала лебедка, и погрузка продолжалась как ни в чем не бывало. Не было случая, чтобы при этом погиб верблюд или туземец, хотя море кишело акулами. Таким опасным и примитивным способом было погружено на пароход 400 верблюдов. Другая партия должна была пересечь Красное море в арабских барках, так как наш пароход не мог подойти, чтобы взять их с места отправки. В мае температура была не менее 35 градусов по Реомюру в тени и чуть-чуть падала ночью, и можно себе представить, какая

адская жара царила в трюме парохода, почти целиком построенного из железа. Дни погрузки с их суетней и спешной работой были для людей и животных почти невыносимы. В пути судно обвеивает легкий ветерок и животные страдают от жары меньше, к тому же мы установили большие мехи из парусины, подававшие под палубу свежий воздух животным, с которых градом катился пот.

6 февраля Лоренц телеграфировал мне, что пароход «Мария Менцель», имея на борту 403 дромадера, 60 туземцев и руководителя экспедиции, моего старого сибирского путешественника Вильгельма Григера, вышел в Свакопмунд. В то время как Лоренц гостил у Герси Эгта и с его помощью скупал дромедеров у дружественных племен и проходящих караванов, я снарядил точно таким же образом второй пароход «Генрих Менцель». В общей сложности я снарядил целую флотилию из пяти пароходов, которые, выйдя из разных бухт Красного моря, взяли курс на Людериц и Свакопмунд, в обход восточного побережья Африки и мыса Доброй Надежды. Выгрузка этого живого груза сопряжена с большими трудностями, потому что перевозка дромедеров на берег со стоящих на рейде далеко от берега пароходов должна была производиться на больших лихтерах, которые во время прилива втягивались на сушу канатами.

Вербовка арабов-проводников была также связана с различными инцидентами. Среди туземцев ходили о нас самые невероятные слухи, и они боялись наниматься. Лишь благодаря большому авторитету, которым пользовался Менгес в городах и селах побережья, удалось набрать нужное количество людей. Большого труда стоило уяснить туземцам, что от них требуется, но еще труднее было заключить с ними условие, которое бы их как-то обязывало. Эти бедуины из независимой Аравии строили самые невероятные предположения о том, что их ожидает. Многим внушали, что их повезут в золотые рудники, и там они должны будут провести остаток дней своих под землей. Другие думали, что из них хотят сделать солдат. Наиболее распространенной версией была та, что экспедиция направляется в страну Ньям-Ньям, где живут людоеды, которые съедают несчастных под соусом. К тому же все пришедшие вербоваться были в лохмотьях. Прежде всего их надо было одеть и дать им задаток, что и было сделано. К чести арабов нужно сказать, что все нанятые нами точно явились к отходу парохода — никто не убежал в новом

костюме и с задатком. Напротив, в открытом море мы часто обнаруживали на пароходе безбилетных темнокожих пассажиров, которые таким путем пытались искать свое счастье.

Хотя дромадеры здесь и встречаются огромными стадами, нельзя сказать, чтобы туземцы их особенно охотно предлагали.

По количеству предложений было, пожалуй, достаточно, однако далеко не всегда предлагаемые нам дромадеры подходили по качеству. Восточноафриканские туземцы исходят из того, что европейцы ничего не понимают в дромадерах, в чем они несомненно правы. Со всей восточной цветистостью расхваливают они свой живой товар, стараясь подsunуть негодных животных, и моим переводчикам и доверенным приходилось с большим трудом отбирать хороших верховых дромадеров. Их нехватка объясняется огромными потерями в последних африканских войнах. Примерно шестьдесят-семьдесят тысяч дромадеров погибло в походах англичан против махдистских войск. Итальянская кампания против абиссинцев и суданцев стоила жизни тридцати тысячам дромадеров, и столько же их погибло во время военной экспедиции против «муллы»¹ в Сомали.

Как бы ни был неприхотлив дромадер, все же он имеет один недостаток — он подвержен кожным болезням и сильно страдает от разных кожных паразитов. Моим людям была дана инструкция — всю дорогу мыть и регулярно дезинфицировать животных. При этом было израсходовано немало гектолитров креолина и много центнеров мыла. Каждая такая чистка, которая на суше обычно производилась на базарных площадях, превращалась в настоящую комедию. Кругом плотный круг галдящих и смеющихся зрителей. В середине — наши люди, с криками и бранью моющие упрямых дромадеров, рев которых превосходит гам восточных базаров. При чистке пользовались насосами, а затем животных обмывали в море. В конце концов наши люди так наострились в этом деле, что за день успевали обработать по сто животных, причем на их долю выпадали пинки и укусы, которыми их щедро награждали неохотно подвергавшиеся этой процедуре дромадеры.

¹ Мулла, которого англичане называли «бешеный мулла», поднял восстание и вел долголетнюю борьбу против колониального угнетения в Британском Сомали.

Ровно через 192 дня после первого моего разговора в Управлении колоний в Берлине мой сын Лоренц передал военному приемщику последний транспорт из двух тысяч заказанных нам дромадеров. Перевозка животных прошла очень удачно — потери от палящего зноя на Красном море и бурь у мыса Доброй Надежды составляли даже меньше предусмотренных нами пяти процентов; к тому же потери отчасти компенсировались рождением 20 молодых животных. Среди этой партии верблюдов были чистокровные беговые дромадеры, за которыми мои люди ухаживали с опасностью для жизни: арабы крайне ревниво относятся к этому, ибо считают их разведение своей монополией.

Выполнение столь грандиозного заказа требовало большого финансового напряжения. Я упомяну лишь о двух небольших побочных статьях расхода. Одни только седла обошлись в семьдесят тысяч марок, а необходимые телеграфные расходы составили кругленькую сумму в двадцать тысяч марок.

Глава восьмая

О СЛОНАХ И МЮНХЕНСКОЙ ПАНИКЕ

Индийский бог науки и искусств — Ганеза. Его изображают с головой слона, так как по индийским верованиям слон самое умное из всех животных, священное верховое животное Индры, геральдический знак Сиама, живое существо, для которого на санскритском языке имеется сотня почетных имен. Общее убеждение, что слон принадлежит к числу умнейших животных, могу подтвердить и я из собственного опыта. В большей степени, чем у каких-либо других животных, у слонов выражены индивидуальные свойства, придающие каждому отдельному экземпляру свой собственный характер. Слоны обладают поразительной памятью и быстрой восприимчивостью. Они очень смысленны и вовсе не толстокожи. У них есть что-то серьезное как в любви, так и в ненависти, и они тщательно выбирают тех, кого дарят своим расположением. Так же как велика у слонов любовь между супругами, велика и их любовь к своим детенышам. Я часто наблюдал очень нежные отношения между родителями и детьми. Но еще интереснее было для меня наблюдать, как слоны, не

принадлежащие к семье, так же играли с маленькими слонятами и вообще проявляли такую сильную нежность к детям своего мира, как мы к нашим детям. Слонята очень веселы и игривы, как козлята. Они выкидывают всякие шалости и проказы, подлезают другим слонам под живот и подталкивают их и вообще предельвают движения, которые, казалось бы, не способны выполнять такие неуклюжие животные. С моими сторожами слонята не раз устраивали форменную борьбу. И если удавалось наконец положить на обе лопатки своего противника, маленький победитель от радости танцевал всеми четырьмя ногами.

Семейная жизнь слонов, если так можно выразиться, наглядно показывает, что мы имеем дело с животными высокоразвитыми в духовном отношении. Я вспоминаю многих слонов с совершенно определенными чертами характера, как будто речь идет о людях. Много слонов прошло через мои руки, и я хорошо изучил свойства их породы и их индивидуальный характер, и все же, несмотря на это, мне от слонов несколько раз грозила смертельная опасность, хотя за это и нельзя поместить их в разряд опасных животных. Например, если бы наша обычная домашняя лошадь обладала физической силой, какая дана природой слону, то как велико было бы число ежегодно убитых кучеров в одной только Германии! Как смиренные и осмотрительные могут быть эти животные-колоссы, показывает тот факт, что на острове Цейлон слонов используют в качестве нянек и родители спокойно доверяют им своего ребенка.

Умные животные иногда бывают в плохом настроении, на которое обычно никто не обращает внимания. Кроме того, самцы в некоторые периоды бывают непослушными и даже опасными. Уже в конце шестидесятих годов прошлого столетия мне однажды угрожала смерть от слона. Я купил тогда в Триесте зверинец, в котором находилась слониха высотой восемь футов, очень добродушное животное, только иногда капризничавшее, как и все создания женского пола. Но прошло немного времени, и я подружился с Лиззи, как звали слониху. Проходя мимо нее, я всегда давал ей что-нибудь, и дама глядела на меня глазами, полными любви. Но вот однажды я проходил, как всегда, мимо слонихи, ничего не подозревая, так как всю жизнь я доверчиво относился ко всем животным, с которыми имел дело. Между тем на этот раз мне пришлось

столкнуться с бессовестным лицемерием. Лиззи нередко проделывала одну шутку, которая состояла в том, что она по команде поднимала хоботом своего сторожа, а затем тихонько ставила его на землю. Команда давалась: «Лиззи, апорт». На этот раз — а это было в обеденное время — я застал слониху одну в ее стойле. Должно быть, меня бес попутал: мне захотелось быть обласканным и поднятым красавицей вверх, как поднимала она своего сторожа. Я подошел к Лиззи, погладил ее, угостил черствой корочкой хлеба, дотронулся до ее хобота и воскликнул: «Лиззи, апорт». Моментально я очутился в воздухе. Но затем, вместо того чтобы поставить на пол, Лиззи бросила меня в сторону деревянного барьера стойла с такой силой, что я почти без сознания перелетел в зверинец. Тут я остался лежать, думая, что у меня переломаны все кости. Лиззи, к счастью, бросила меня таким местом, которое могло еще кое-как выдержать подобное обращение. Если бы я попал на барьер, то в лучшем случае остался бы калеккой. Только спустя некоторое время появился наконец старик Филипп и помог мне встать, непрерывно делая мне справедливые упреки за легкомыслие. Еще много недель я хромал после этого случая. Не знаю, смеялась ли потихоньку надо мною глупая слониха, но над моей любовью она насмеялась.

Если в данном случае я чуть не сломал себе позвоночник, то в другой раз слон-самец хотел своими клыками пригвоздить меня к внутренней стенке товарного вагона. Это случилось на гамбургском вокзале Штерншанцен, где мы грузили слонов для Америки. Мои помощники как раз отлучились, и я остался только с одним из моих людей вместе с огромным слоном высотой почти шесть футов. Вдруг ни с того ни с сего я получил страшный удар сзади и увидел у себя под боком длинные желтые слоновьи клыки. У меня молниеносно мелькнула мысль, что слон хочет пригвоздить меня к стене. Удар был сильный, но, к счастью, я попал между клыками, которые страшно сжимали мне ребра. По-видимому, я инстинктивно сделал резкий поворот и уже через секунду со стоном повалился на пол вагона, откуда меня вытащил сторож. Благодарение Богу, я отделался только ссадинами и синяками: страшные бивни прошли с обеих сторон тела через платье и панталоны.

Расскажу еще об одном злом слоне, который находился у меня в середине восьмидесятых годов. Однажды он чуть не убил человека, который был спасен только благодаря

подоспевшему к нему на помощь сторожу, привыкшему к повадкам этого слона. Животное сразу же успокоилось, вняв увещаниям сторожа. Я принес морковь и хлеб, которыми кормили слона. Кстати, принесли и прочные веревки, одну из них прикрепили к передней ноге слона, другую к задней и медленно повели его в стойло, где концы веревок прикрепили к железному столбу и закручивали их до тех пор, пока слон не очутился на предназначенном ему месте. В этот момент сторож, который пропустил уже конец веревки через железное кольцо, вделанное в стену, хотел проскользнуть сзади двух других слонов, стоявших поблизости от вновь прибывшего. Но не тут-то было. Внезапно ярость снова овладела великаном. Так как канаты держали его, он с такой силой ударил стоявшую рядом слониху, что сразу повалил ее наземь, хотя та была ростом не многим менее, чем он сам. Падая, она к тому же чуть не свалила своего соседа. Много раз я видел проявление силы у слонов, но этот «номер» превосходил все виденное мною ранее.

Трудно решиться убить дорогостоящее животное. Но в этом случае я не колеблясь принял решение. Нужно было убрать слона, не дожидаясь, пока произойдет несчастье. Однако казнь пришлось отложить, потому что на следующий день я уезжал в Англию. Там я случайно рассказал эту историю мистеру Роланду Варду, который делал чучела и препарировал черепа животных для обширного круга любителей. Мистер Вард сделал мне по этому поводу оригинальное предложение. Он сказал, что купит животное, если это недорого будет стоить, так как уверен, что найдет «спортсмена», готового заплатить пятьдесят фунтов стерлингов за удовольствие застрелить слона. И в самом деле, спустя неделю он прибыл в Гамбург в сопровождении новоявленного Нимрода, который привез с собой целый арсенал разного оружия. В десять часов утра должна была состояться «охота на слона в стойле». Чтобы создать более подходящую обстановку, я приказал вывести слона на волю и привязать его к стене дома так, чтобы он не мог вырваться и убежать.

Стену обшили толстыми досками, чтобы пуля не могла дать рикошета. Приближался торжественный момент — пришли полицейские. Часы уже пробили десять, но не было стрелка. Когда прошел еще час, я сам поехал в город и привез обоих англичан. В двенадцать мы уже были на месте. Спортсмен привез с собой весь свой арсенал смерто-

носного оружия. По-видимому, его так охватила охотничья лихорадка, что он сделался нервным и был настолько взволнован, что никак не решался выстрелить в слона. Один из моих агентов, присутствовавший здесь случайно, предложил сделать за англичанина выстрел, однако на это покупатель слона не дал своего согласия. Наконец, я предложил задушить животное; против этого он не возражал. Приговоренного связали и отвели обратно в стойло, надели ему петлю на шею, пропустили канат через кольцо, прикрепленное к балке под потолком, и шестеро моих людей, державших конец каната, приступили к экзекуции. Я командовал: раз, два, три! — и по третьему разу слон отделился передними ногами от земли. Почти немедленно после этого голова его склонилась набок, гигант потерял почву под ногами и грузно упал. Через минуту животное уже окоченело. Так кончил жизнь этот Голиаф, чтобы праздновать свое воскрешение в виде чучела в Гамбургском музее.

Перейдем теперь к более веселому! Среди моих знакомых слонов животные с плохими характерами составляли исключение. Значительно большая часть запечатлелась в моей памяти своим умом, сообразительностью, добродушием и привязчивостью. Самый сообразительный и жизнерадостный слон, который когда-либо проходил через мои руки, был самец семи футов роста, с двумя футовыми бивнями. Когда мне предложили купить слона, он еще находился на пути в Европу. По описанию это должно было быть очень смирное животное. Я принципиально не охотно покупаю самцов, так как они, достигнув известного возраста, в определенные периоды становятся злыми. Но визит на пароход, с которым прибыл этот слон, окончательно убедил меня, что он действительно был смирным.

Стояла уже поздняя осень. Бедный путешественник находился на палубе на открытом воздухе и от холода дрожал всем телом. Он был болен, что сразу можно было заметить по экскрементам. Но когда он попал в зоопарк, то хорошее теплое стойло, чистая соломенная подстилка, заботливый уход, за которым я сам тщательно наблюдал, произвели чудеса. Я никогда не видел более привязчивого слона, чем этот. Он радостно трубил, слышав мои шаги или мой голос, и выпрашивал у меня подачку, которую я ему обычно давал. Моего нового друга я назвал Боско, под этим именем он играл впоследствии важную роль в цирке.

Уже спустя месяц на Боско нашелся покупатель — владелец одного аргентинского цирка. Он купил слона с условием, чтобы Боско был обучен разным фокусам. На это я потребовал у покупателя шесть недель сроку, а пока продал ему для его цирка готовую группу красивых дрессированных львов, которая вместе со своим укротителем выехала первым пароходом в Буэнос-Айрес. Вместе с покупателем Боско мы взялись за дрессировку слона и вскоре увидели чудеса. Все слоны умны, но Боско все схватывал с поразительной легкостью. Это было не просто понимание, это был настоящий талант. В течение нескольких дней он выучился ходить по бочкам. В первый же день он стал у нас садиться и ложиться. Достаточно было самого легкого понуждения, животное буквально шло нам навстречу. Не прошло и четырех недель, как Боско ходил по бутылкам, мог стоять на задних ногах, делать стойку. Он садился за накрытый стол, звонил в колокольчик и приказывал обезьяне служить себе, пил из бутылки, ел с тарелки, короче, он сделался заправским артистом. Через шесть недель мой покупатель, очень довольный Боско, уехал с ним в Южную Америку и, выступая там в постоянно переполненных цирках, заработал так много денег, что через четыре месяца снова вернулся в Гамбург с туго набитым бумажником и купил новую партию зверей.

Мне довелось потом снова встретить своего большого друга Боско, причем самым неожиданным образом. Прошло два года, и как-то, вернувшись из путешествия, я нашел слона в нашем стойле, куда его поставил южноамериканец. Хотя уже был поздний вечер, я немедленно отправился проведать старого друга. В стойлах было темно. «Хэлло, Боско», — воскликнул я и в ответ услышал радостный крик. Когда я подошел ближе и, приветствуя его, протянул ему несколько кусочков хлеба, слон начал издавать довольные, захлебывающиеся гортанные звуки, свойственные этим животным, когда они в приподнятом настроении. Когда он смог меня достать, то притянул совсем близко к себе хоботом и стал лизать мне лицо, не переставая радостно басить. Было трогательно наблюдать радость животного при встрече со старым хозяином, которого оно не видело два года. Прекрасное доказательство поразительной памяти слонов.

Южноамериканец был большой пройдоха. После того как Боско простоял у меня год, его хозяин купил у меня

слонику со слоненком и со всеми тремя слонами вернулся обратно в Буэнос-Айрес. Там он устроил дикую, но привлекающую внимание публики рекламу. Боско был послан в Европу якобы для того, чтобы вступить в брак. Теперь он возвращается обратно с женой и ребенком, чтобы предстать в кругу своей семьи перед уважаемой публикой на Рио-де-Ла-Плата. Благодаря этой удачной выдумке аргентинец снова сорвал огромный куш.

Можно привести много примеров удивительной сообразительности слонов. Несколько лет назад директор Бреславльского театра пожелал купить у меня слона, но такого, который бы позволил ездить на нем верхом. Животное должно было участвовать в пантомиме, и его нужно было доставить не позже, чем через две недели. Это было еще в то время, когда я был директором, путешественником, корреспондентом, укротителем — все в одном лице. Всего за два дня до срока сдачи слона я вернулся из поездки в Амстердам и тут же взялся за дрессировку. Первые два часа стоили мне много труда, я даже весь вспотел от напряжения. Но уже через два следующих часа дело пошло на лад — животное ложилось по команде, позволяло мне взбираться ему на спину и опять по команде вставало. На другой день слон уже позволял сидеть на нем верхом и разъезжать по зверинцу. Вечером того же дня животное в сопровождении сторожа, помогавшего при дрессировке, было отправлено в Бреславль, и мой ученик не осрамил меня, выступая перед публикой на подмостках театра.

В моем большом нубийском караване, выставленном в семидесятых годах в Берлинском зоологическом саду, находились пять только что ввезенных в Европу африканских слонов пяти с половиной футов ростом. Профессор Вирхов, посетивший меня однажды, заметил, что было бы восхитительно, если бы этих слонов можно было так же выдрессировать, как дрессируют индийских слонов. Тогда еще был распространен ошибочный взгляд, будто африканские слоны непригодны ни для работы, ни для дрессировки. К удивлению Вирхова, я ответил, что завтра после обеда я покажу ему пять выдрессированных слонов, хотя до сих пор их еще не пытались дрессировать. Едва недоверчивый Вирхов вышел от нас, как мы немедленно начали дрессировку. Наиболее ловким нубийцам было обещано хорошее вознаграждение, если они смогут взобраться на спину слонов и удержаться там. Сначала нас пресле-

довала неудача! Слоны недовольно трубили, стараясь сбросить с себя непривычную ношу, и тряслись при этом так, что все наши черные наездники один за другим, совершив сальто в воздухе, летели на песок. Когда животные немного успокоились и их угостили хлебом и овощами, наездники снова принялись за дело. К вечеру три слона уже настолько поддались дрессировке, что совершенно спокойно позволяли сидеть на себе и ездить. Хороший пример благоприятно подействовал и на остальных слонов, и на следующий день они все позволяли ездить на себе верхом, а также класть на спину тяжести. Когда профессор Вирхов прибыл в зоологический сад около пяти часов в сопровождении нескольких членов Географического общества, он был немало удивлен, увидев превращение диких африканских слонов в верховых и грузовых животных.

О разных приключениях при транспортировке слонов я уже рассказывал в главе «Развитие мировой торговли зверями». Здесь мне приходит на память одно грустное воспоминание, которое относится к 1868 году и показывает, что и в животном мире Голиаф падает жертвой Давида. Я прибыл с большим африканским транспортом в Триест. Животные и люди очень устали и вскоре после прибытия улеглись спать. Среди ночи меня разбудил мой старый сторож, сообщивший, что один из слонов сильно стонет и, по видимому, болен. Я испугался и хотел сейчас же пойти взглянуть, что с ним такое, но усталость превозмогла, и я снова заснул. Спустя час пришел другой сторож с подобным же известием. Я моментально вскочил и отправился в стойло, но было уже поздно. Один слон околел, два других лежали и издыхали. При осмотре оказалось, что у околелшего слона пятки в трех местах были проедены крысами и невозможно было остановить кровотечение. Кто мог подумать о подобной опасности! Часто об этом узнаешь лишь ценой больших потерь. При проведенной на следующий день облаве в подполье зверинца было выловлено шестьдесят убийц, которые, разумеется, были преданы смерти. Деревянный пол был также немедленно удален.

Мои воспоминания о слонах заканчиваются, к сожалению, рассказом об опасной катастрофе, какие, к счастью, случаются исключительно редко. В сущности это был единственный случай. Речь идет о мюнхенской панике, произведенной слонами во время шествия 31 июля 1888 года, когда с локомотива, замаскированного под дракона, по не-

осторожности механика на слонов посыпались искры. Голоса очевидцев, в которых еще дрожит испуг, лучше всего могут иллюстрировать происшествие. Поэтому я привожу здесь несколько газетных заметок того времени с объяснением, данным мною тогда прессе.

*Страшная паника среди слонов
в Мюнхенском праздничном шествии
(«Магдебургишен цайтунг», 1 августа 1888 года)*

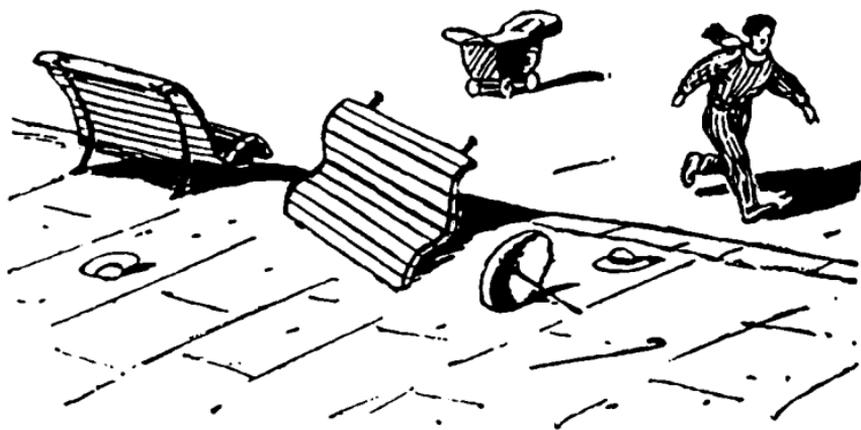
Слоны, взятые из цирка Гагенбека для участия в праздничном шествии, пройдя длинный путь, начали волноваться, а сразу после того, как процессия проследовала до Людвигштрассе мимо принца-регента, ими овладел страх. Проводники крепко вцепились в них, но обезумевшие слоны, на которых, пытаясь их оттеснить, бросились с обнаженными саблями кавалеристы, кинулись в боковую улицу, затем, прорвавшись через людскую толпу, выбежали на Бреннерштрассе и на площадь Одеон, вызвав там страшную панику. Все с криками ужаса бросились бежать. Лошади начали бешоваться, так что ни жандармерия, ни кавалерия не могли поддерживать порядок. Несколько слонов попало в колоннаду Резиденц-театра, бросилось затем на беседку, что перед придворным театром, и опрокинуло в ней несколько статуй. У слонов были скованы цепями передние ноги, но животные, видимо, разорвали цепи: С помощью кавалеристов удалось поймать четырех слонов и привести домой. Дальнейшую панику вызвали карманные воришки, которые нарочно сви-

стели, чтобы внести смятение в толпу. На Мариенплатц все стремительно бросились бежать.

Неожиданная паника началась из-за паровика городской железной дороги, изображавшего дракона, который появился как раз в тот момент, когда проходили слоны. В мгновение ока сотни зрителей уже очутились на земле, а через них перескакивали тысячи других, спасавшиеся бегством. Слоны разделились на две группы и распространили панику на прилегающие улицы. Много людей оказалось с переломанными ногами. Припертые к стене на Резиденцплатц прохожие с испуга махали на слонов своими открытыми зонтиками, чем приводили их в еще большую ярость. В Луитпольд-Паласе лежат пятнадцать пострадавших, в Одеоне множество тяжелораненых. В городе, где находится сто пятьдесят тысяч приехавших иностранцев, царит неопишное волнение. Полиция сообщает о смерти одной женщины.

Карл Гагенбек о катастрофе со слонами
(«Мюнхенер Альгемайне цайтунг», 2 августа 1888 года)

Уже почти три месяца, как я нахожусь в непрерывных деловых поездках. В последний четверг я получил в Лондоне известие от моего шурина Мермана, который руководит цирком, что большой праздник назначен в Мюнхене на 31 июля с. г. Так как я большой любитель художественных зрелищ и охотно принимаю участие в празднествах, то я сделал все возможное, чтобы прибыть вовремя.

Хотя мои дела мне этого и не позволяли, все же я кружным путем, пробыв в дороге три дня и три ночи, приехал в Мюнхен 31 июля в 9 часов утра скорым страсбургским поездом. Поскольку я предполагал в тот же день выехать вечером в Гамбург, то оставил свой багаж в камере хранения на вокзале и тотчас же отправился в цирк, чтобы застать своих людей со слонами до ухода в город. Это мне удалось: они только-только выстроились, чтобы направиться к назначенному им в процессии месту.

Я нашел все в наилучшем порядке и лишь приказал снять с одного из слонов высокое седло, которое на нем неудобно сидело; то же я сделал и у двух других слонов, так как седла видимо стесняли их. Кorteж тронулся, все шло отлично, мои животные были смирны, как овцы. Подойдя к придворной ложе, слоны по команде укротителя выстроились в ряд и отдали честь. На некоторых узких улицах, где приходилось останавливаться, их буквально бомбардировали хлебом и фруктами. Если бы публика позволила себе что-либо подобное по отношению к какому-нибудь другому зверю, он не остался бы так спокоен, как мои слоны. Животные вели себя примерно до той поры, пока на обратном пути не встретили локомотив-дракон. Дракон, спокойно здесь стоявший, вдруг начал двигаться, хотя люди, им управлявшие, были предупреждены, что должны сначала пропустить слонов. Локомотив неожиданно выпустил целое облако пара в сторону слонов; это привело их в такой испуг, что они бросились бежать. Я тотчас же устремился к задней четверке слонов, чтобы остановить ее, и это, несомненно, удалось бы мне с помощью моих людей, если бы публика вела себя спокойно; но крики еще больше испугали животных, и они ринулись вперед. Счастье, что они разделились на две группы — по четыре слона в каждой. Свою четверку слонов мне четырежды удавалось останавливать, но публика, замахивавшаяся на них палками, зонтами, ножами и т. п., гнала их все вперед по улицам. Когда слоны миновали театр, я кинулся к двум бегущим впереди, и они чуть не раздавили меня в лепешку. Все же я остановился сам и заставил их также остановиться, но это успокоение продолжалось всего несколько секунд. Бегущая публика снова перепугала животных своими криками и возгласами. Тогда я побежал к палаткам, где упал совершенно без сил. Четыре слона были загнаны двумя моими людьми в какой-то двор и там

связаны. После того как я немного отдохнул в палатке № 3 у любезно принявшего меня булочника, я поехал в цирк, где мне сообщили, что остальные четыре слона направляются уже на пути домой, куда они вскоре прибыли.

Еще в течение долгого времени местные журналисты и корреспонденты информационного бюро смаковали подробности «слоновой паники», сильно искажая во многих случаях подлинные факты. Когда страсти успокоились и «растоптанные чудовищами из джунглей» совершенно здоровые люди сидели за кружкой пива, закусывая редькой, мюнхенский репортер д-р Фридрих Трефц решил снова взяться за перо. Он сидел на трибуне на площади Одеон возле памятника королю Людовику I и ломал копыя о моих ни в чем неповинных слонов. Наконец он разразился статьей, озаглавленной:

Слон в Гофбраухаузе

...И вот мы увидели восемь пышно разукрашенных слонов, которые с Карлом Гагенбеком во главе представляли восточную торговлю. Было намечено, что торжественная процессия пройдет по Людвигштрассе — этой широкой парадной артерии Мюнхена, дойдет до Ворот Победы, там повернет и пойдет по такому маршруту, чтобы участники процессии в свою очередь могли бы видеть группы ряженых и праздничные колесницы. В одной из групп был огромный дракон, который время от времени извергал из своих ноздрей пламя. На этом огненном чудовище сидел маленький ребенок, который тянул дракона за веревочку — символ власти человека над силами природы. Случилось так, что как раз в тот момент, когда дракон проезжал мимо гагенбекских слонов, находившийся внутри дракона машинист выпустил пар, и столб огня взвился в воздух. Слонов объял ужас. Испугавшись, они вырвались из рук своих проводников, следовавших рядом с ними, и, несмотря на то что у них были связаны передние ноги, помчались по улицам. Прежде чем я сам увидел с трибуны слонов, на трибуну с плачем и криками прибежали девушки и женщины, которые стали нас умолять пойти как можно скорее на место происшествия, что мы и сделали. Но к трибуне, фыркая и сопя, уже приближались огромные животные, сопровождаемые оглушительными криками толпы. Слоны промчались мимо трибуны и, прорвавшись через плотную массу публики, направились к националь-

ному театру, на ступенях которого стояло так много народа, что негде было яблоку упасть.

Разыгрывались трагикомические сцены. Один мюнхенский советник коммерции, когда началась паника, взобрался на дракона и обнял его за шею. Один господин в цилиндре, с бело-голубым шарфом распорядителя схватил слона за хвост и попробовал его остановить. Добродушные животные, несмотря на свое волнение, прилагали все усилия к тому, чтобы никому не причинить вреда, и все, что случилось позже, было результатом растерянности и дикой паники самой толпы. Тысячи людей обратились в стремительное бегство и мчались по улицам, не обращая ни на кого внимания, даже на попадавшихся им навстречу детей. Сначала большинство публики вообще не знало, что происходит. И вот вдруг появились слоны, и панике уже не было границ. Люди жались к стенам домов, но большинство попадало друг на друга. Лежавшие на земле были частью раздавлены слонами. Некоторые были прижаты к стенам домов. Душераздирающие крики неслись со всех сторон, и царило неопишное смятение. Гагенбек, который шел между двумя слонами и изо всей силы пытался остановить животных, был ими так сдвлен, что упал без чувств. Роковую роль в этой истории сыграл один жандарм, выскочивший на лошади из группы слонов и закричавший: «Спасайтесь, сюда идут слоны!» Он, наверно, был преисполнен самых лучших намерений, но это было самое глупое, что можно было сделать.

Один очевидец, который наблюдал все перипетии этой катастрофы из окна ратуши, видел, как люди, которые

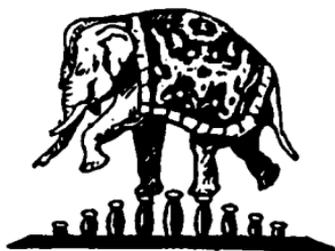
были все время спокойны, вдруг начали падать как подкошенные, оглашая воздух стенаниями. Счастье, что находившиеся в составе процессии военные музыканты оказались настолько хладнокровными, что, несмотря на смятение, продолжали играть, и это, несомненно, оказало некоторое успокаивающее влияние. Примечательно, что во многих местах порядок шествия не был даже нарушен, и участники процессии, ничего не подозревая, спокойно продолжали свой путь. Между тем в других местах паника все нарастала. Одному толстяку, который из-за своей корпуленции не мог быстро бегать, слон так наступил на мозоли, что он упал без чувств. У некоторых были переломаны руки и ребра. Принесенные многими горожанами стулья, скамейки и лестницы, опрокидываясь, создавали дополнительные препятствия для бегущих. Вся площадь Одеон была усеяна палками, тростями, шляпами, носовыми и головными платками и разными предметами туалета. Во многих местах образовались форменные баррикады из телег, скамеек и т. д.

Уже вскоре после начала катастрофы четырех слонов удалось успокоить. Другие же четыре продолжали длинное путешествие по улицам города. Один слон особенно заинтересовался старинным турниргофом, который во времена курфюрста был не раз свидетелем исключительных зрелищ. Животное сломало ворота и проникло во двор, обитатели которого, увидев слона, взобрались на крыши. Два других животных с испуга перевернули дрожки и в конце концов «приземлились» на строительной площадке, откуда их, несмотря на все усилия вызванных пожарных и эскадрон кавалерии, не могли выгнать в течение весьма продолжительного времени. Четвертый слон, продавив подгнивший пол в молочной лавке, провалился в подвал. Одна дама думала защититься от слона, раскрыв свой зонтик, чем его еще больше напугала. Некий храбрый солдат королевского гвардейского полка искренне думал, что он по-

может общему делу, если будет колоть слона штыком в хвост. Животное схватило неустрашимого вояку, подняло его вверх и потащило с собой через бегущую толпу.

Это была грубая ошибка — бить испуганных животных. Если бы слонов не трогали и дали бы им спокойно бежать, то, вероятно, не пострадал бы ни один человек. Было много и очень забавных происшествий, на которые способен не всякий комик. Один из убежавших слонов добрался до места, которое у местных жителей и иностранцев считается центром старого Мюнхена, и прямо направился в Гофбраухауз, где его завсегдатаи так и застыли с редькой в горле, когда гость-великан заслонил собой дверь. Слон не задерживаясь проследовал в бильярдную, где в этот момент, правда, не играли, но несколько тогдашних оригиналов, в числе которых был известный газетчик с длинной бородой, сидело за кружкой пива. Они ничего не сделали слону, и слон ничего не сделал лишившимся дара речи завсегдатаям этого дома. Только к вечеру гагенбекским сторожам удалось поймать животных. Как бы ни был велик страх, охвативший публику при виде обратившихся в бегство слонов, надо сказать, что слоны весьма снисходительно обошлись с публикой. Несмотря на это, было много убитых и раненых, и в полицию было заявлено о ста сорока пропавших детях. После катастрофы можно было часто слышать такую фразу: «Умнее всех вели себя слоны!»

Глава девятая
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
С ГИГАНТСКИМИ ЗМЕЯМИ И КРОКОДИЛАМИ

Когда Маугли, герой знаменитых рассказов Редьярда Киплинга о джунглях, стоял в подземной пещере среди погребенных там сокровищ, лицом к лицу с охраняющим их удавом, он сказал, что не желает иметь дело с poison people — с «ядовитым народом». Маугли — это голос природы. Животные и люди бегут от ядовитого змеиного отродья и переносят свой страх и на безвредные породы змей. Змея стоит отдельно в общем плане мироздания, и ничто духовное не связывает ее с другими созданиями. Она встречает только врагов или беглецов, у нее нет друзей. Когда однажды летом 1874 года у меня в зверинце громадной змее удалось выйти на свободу, все животные пришли в неопишное возбуждение. Это был довольно слабый экземпляр Python sebas из Африки, которому я приготовил теплую ванну в деревянном чану. Чан был снабжен затвором и кроме того покрыт сверху одеялом. Когда все приготовили надлежащим образом, я отправился в свой рабочий кабинет, чтобы заняться корреспонденцией.

Но через два часа меня оторвали от дела страшным известием: змея выскользнула из своей ванны и поползла по клеткам обезьян и попугаев. Я бросился в зверинец и застал там неопишное смтение среди зверей. Все животные без исключения находились в страшном возбуждении и не отрывали глаз от гадины. Хищники, словно одержимые, прыгали в своих клетках и с ревом и рычанием кидались на решетки. Обезьяны и попугаи кричали изо всех сил — стоял адский гвалт. Ни одно из животных не хотело иметь дела со змеей.

Поймать змею и водворить ее на место было нелегко. Наброшенные одеяла ничего не дали, пресмыкающееся так отогрелось в теплой ванне, что быстрота его движений делала все наши усилия напрасными. Наконец, мне удалось накинуть змее на голову специальный мешок, которым мы пользовались для пересадки мелких зверей и обезьян из ящиков в клетки. Я захватил ее ниже головы и с помощью сторожей упрятал в ящик.

Испуг, охвативший в тот день зверей, вполне понятен. Из всех диких животных наибольшей осторожности требует обращение со змеями. У ядовитых пород это само собой разумеется, однако и у неядовитых опасность не менее велика, так как они обладают огромной мускульной силой и в состоянии раздражения склонны нападать и кусаться. Ни от одного другого животного моей жизни не грозила столько раз опасность, как от змей.

Через мои руки прошли тысячи змей, и я досконально изучил их характер, привычки и жизнь. Не раз мне приходилось вступать в форменную борьбу с крупными экземплярами, и я убедился на собственном опыте, что змея длиной от восемнадцати до двадцати футов может за очень короткое время задушить человека. После того как я видел, сколько съедает змея в неволе, я нисколько не сомневаюсь в том, что взрослый питон с Борнео может легко сожрать человека весом от ста до ста двадцати пяти фунтов. Однако насчет прожорливости змей распространяется и много небылиц. Несколько лет назад мне прислали вырезку из газеты. Настоящий образчик «точного» научного изложения. Сообщение гласило:

«Лошадь, проглоченная змеей. Мистер Гарднер в своем «Путешествии по Бразилии» приводит поразительные сведения о том, сколько может проглотить боа-констриктор.

Боа водится во всей провинции Гойяс и особенно часто встречается в лесистой части морского побережья, близ рек и болот. Иногда, по словам автора, гигантские змеи достигают длины в сорок футов. Самая большая змея, какую я когда-либо видел в своей жизни, попалась мне именно в этой местности, но она была уже мертва. За несколько недель до нашего приезда в Капе пропала любимая лошадь синьора Лагоера, которую никак не могли найти, хотя она паслась на лужайке недалеко от дома. Вскоре после этого в лесу, в дупле большого дерева, ветви которого склонялись к воде, нашли мертвой гигантскую змею. Она, по видимому, еще живой была захвачена наводнением, и так как находилась в сонном состоянии, то и утонула. С помощью двух лошадей ее стащили на берег. Она имела длину тридцать семь футов. Когда ее вскрыли, то в ней нашли переломанные кости лошади и полупереваренное мясо. Головные кости не были повреждены, из чего сделали заключение, что боа проглотил лошадь целиком».

Здорово придумано! Впрочем, нет никакой необходимости прибегать к подобным вымыслам досужих охотников и корреспондентов, чтобы убедить читателей в силе и прожорливости змей. Для этого вполне достаточно подлинных фактов. Как-то совсем недавно я приказал убить рахитическую, а потому для коллекции непригодную китайскую карликовую свинью и бросить ее в ящик, в котором находились две большие змеи с Борнео. Свинья весила около пятидесяти фунтов и уже спустя три четверти часа была съедена одной из этих змей. Я решил продолжить опыты кормления змей, как только у нас в саду окажутся подходящие павшие животные. Вскоре последовали две антилопы-нильгау, которые были съедены змеей в течение ночи, хотя каждая из них весила около двадцати фунтов. Немного времени спустя мне пришлось наблюдать, как змея в двадцать пять футов длиной сожрала барана, весившего двадцать восемь фунтов. Оказалось, что она еще не насытилась, и спустя несколько часов я снова бросил ей тридцатидевятифунтового барана, от которого отказались три другие змеи. Она же схватила и этого и через полчаса проглотила и его. Но оказалось, что эта змея может сожрать еще больше! Когда восемь дней спустя околел сибирский каменный козел, весивший семьдесят четыре фунта, я приказал отрубить у него рога, а труп бросить змее на съедение. Сторож думал, что такое круп-

ное животное не может быть проглочено змеей, втайне и я был того же мнения. Но уже через час, когда я с волнением вошел в павильон рептилий, то к великому своему удивлению увидел, что та же самая обжора, которая неделю назад съела двух баранов, была занята тем, что заглатывала третью громадную тушу. Голова козла уже исчезла в пасти чудовища. Я немедленно послал за фотографом, чтобы заснять интересное зрелище. Глотание, видимо, требовало от змеи большого напряжения, потому что она время от времени стонала — обстоятельство, тоже совершенно новое для меня. Когда из пасти змеи торчала только одна нога туши, я приказал сделать снимок. Но, испуганная вспышкой магния, змея выдавила обратно свою жертву, на проглатывание которой она затратила почти два часа. Чтобы определить мускульную силу змеи, я велел сделать вскрытие выброшенного ею козла. Оказалось, что шея у него совершенно вывернута. Многие кости, как, например, ребра, выломаны из позвонков. Уже по этому можно составить себе приблизительное представление о мускульной силе гигантских змей.

Живых животных змея убивает очень быстро. Она хватается за голову и с молниеносной быстротой обвивается верхней частью туловища вокруг шеи, которую и вывертывает из позвонков. Пожирает змея только мертвое животное. Она до тех пор сжимает свою жертву, пока не почувствует, что всякое движение с ее стороны прекратилось, и только тогда приступает к пожиранию. Если змее попадают более крупные экземпляры, то она сперва обрызгивает слюной голову животного, чтобы та лучше скользила. При заглатывании добычи нижняя челюсть змеи расширяется, как резиновый мешок. Когда змея глотает, то она концом хвоста обвивает добычу и медленно подталкивает ее в разинутую пасть, все время двигая верхней и нижней челюстями. Время от времени наступает пауза для отдыха, продолжающаяся минут двенадцать. Тут же замечу, что одна из змей сожрала козу весом в семьдесят четыре фунта за полтора часа!

Когда видишь больших толстых змей-гигантов, спокойно лежащих в теплых стеклянных клетках, то трудно даже себе представить, какую силу, ловкость и быстроту они способны развивать. Сотни гигантских змей всех видов и пород прошли через мои руки в буквальном смысле слова. Несчетное число раз я получал от них укусы, однако уку-

сы этих змей неопасны, и я не обращал на них внимания. Обычно острые, как иголки, зубы остаются в ране, их нужно тотчас же вытащить, а рану тщательно промыть и перевязать. Однажды один из моих покупателей сам захотел выбрать себе змею, причем так неловко взял ее, что она сильно укусила его в руку, и мне стоило большого труда вызволить его из опасного положения. Застрявшие в ране зубы я немедленно вытащил и тут же промыл рану водой. Но так как сам пострадавший весьма легкомысленно отнесся к случившемуся, то ему впоследствии все же пришлось обратиться к врачу, и он несколько недель не мог владеть укушенной рукой.

Мускульные кольца у змей-гигантов несравненно опаснее пасти. Только своему хладнокровию, а также ловкости я обязан тем, что из многих опасных приключений со змеями я вышел целым и невредимым. Самым опасным приключением подобного рода была борьба со змеями, в которую мне пришлось вступить в девяностых годах. Я должен был с помощью сторожа пересадить из одного ящика в другой четырех темных питонов длиной от пятнадцати до восемнадцати футов. Как всегда в таких случаях, я вооружился большим шерстяным одеялом для защиты лица, которое змеи обыкновенно стараются укусить. Я уже успел пересадить без особых усилий две змеи, но когда занялся третьей, то четвертая как молния бросилась на меня с открытой пастью, и я, конечно, получил бы серьезные ранения, если бы не сорвал с головы фетровую шляпу и не бросил ее змее. Пока змея яростно грызла шляпу, я схватил ее за шею и приказал сторожу скорее принести мешок-западню. Тот от волнения замешкался, а змея обвилась хвостом вокруг моей правой ноги и все крепче стала ее сжимать своими кольцами, пробуя обвиться вокруг меня снизу. Я отчаянно сопротивлялся. Если бы змее удалось захватить в свои тиски верхнюю часть моего туловища, то для меня все было бы кончено. Вдруг я увидел на полу самый конец ее хвоста и с такой силой наступил на него левой ногой, что змея от боли или от испуга тотчас же отпустила меня. Однако она с быстротой молнии бросилась на меня снова, но теперь я уже успел вооружиться и отразил нападение змеи шерстяным одеялом, в которое я ее завернул и благополучно бросил в ящик. Другая змея, к счастью, во время этого эпизода свернулась клубком и глядела полузакрытыми глазами на происходившую борьбу как нейтральная сторона.

Еще более серьезную борьбу, которая обнаружила всю злость и дикость этих тварей, мне пришлось выдержать весной 1904 года. Жертвой этой борьбы чуть не стал мой старший сын Генрих. На него напала громадная змея, но и он в свою очередь вцепился в нее, мешая обвиться вокруг себя. Конечно, не могло быть сомнения в том, на чьей стороне была бы победа в этой неравной борьбе, если бы своевременно не подоспела помощь. Генрих, сторож и я, подобно известной группе Лаокоона, напрягая все свои силы, долго боролись с чудовищем. Вдруг змея схватила своим освободившимся хвостом правую ногу Генриха и стала подниматься все выше и выше. Началась борьба не на жизнь, а на смерть, и только ценой огромного напряжения нам удалось с помощью моего инспектора запрятать тварь в мешок. Она весила около двухсот фунтов и была длиной двадцать шесть футов.

Уменье и ловкость в обращении с этими опасными рептилиями приобретаются только долгим опытом. Овладению знанием, которое давалось с большим трудом, предшествовало экспериментирование, которое не всегда было успешным. В начале семидесятых годов один капитан привез из Бразилии в Гамбург двух боа-констрикторов. Когда я поднялся на палубу парохода, то стюард мне тут же сообщил, что змеи лежат неподвижно в ящике и, наверно, околели. Была середина декабря, и змей держали непокрытыми в нетопленном, холодном помещении. Они просто оцепенели. Капитан, который как раз подошел ко мне, уже распорядился, чтобы змей выбросили за борт. Когда я предложил сделать попытку оживить змей, то моряк смеясь дал свое согласие. Я завернул безжизненных рептилий в шерстяное одеяло, нанял дрожки и поехал на Шпильбуденплатц, где мы тогда жили. Отец засмеялся, увидев змей, и сказал: «Если тебе удастся воскресить этих двух змей, значит, ты можешь творить чудеса». Я положил моих змей просто у печки, в птичьем отделении. Через час мне сообщили, что среди птиц началось страшное смятение, по-видимому, случилось что-то необычайное. Действительно, у печки никого не было, змеи уползли. Крик птиц позволил легко найти место, куда «мертвые змеи» поползли на прогулку. Поразительно, какие бывают случаи на свете! В то время как я был занят охотой на змей, дверь отворилась и вошел Крейцберг, старый владелец зверинца, вернувшийся из России. Он тотчас же принял уча-

стие в охоте, и когда мы поймали беглецов, рассказал мне улыбаясь, что приехал как раз, чтобы купить змей. Он дал мне за них восемьдесят талеров. Еще двум людям был преподнесен сюрприз — моему отцу и капитану, которому я на следующий день положил на стол половину выручки — сорок талеров.

Впоследствии выяснилось, что случаи оживления змей нередки. Но не всегда у меня так удачно получалось с оживлением, как в этот раз. Наихудший случай произошел в 1883 году. В Англии я купил 163 гигантские змеи, стоившие тысячу фунтов стерлингов. Змей отправили в Гамбург. На третий день разыгрался сильный шторм, и пароходу пришлось вернуться в Лондон из-за недостатка угля. В Грейвсенде пароход набрал уголь и снова взял курс на Гамбург. Семь дней должны были змеи, привыкшие к тропическому теплу, провести в холодном Северном море. В Гамбург они прибыли совершенно застывшими, без признаков жизни, и на этот раз не помогли никакие домашние средства. Пропали все уплаченные за них деньги, пропала и возможная прибыль примерно в том же размере, так как змеи были уже проданы мною в США по соответствующей цене. При этих обстоятельствах, можете мне поверить, траур по погибшим змеям был вполне искренним.

Мое первое знакомство с «ядовитым народом» началось с гадюк. В шестидесятых годах как-то летом к нам принесли большой плоский ящик, затянутый сверху проволокой и обшитый досками. Это были гадюки. Так как этих змей нельзя было оставлять в таком ящике, я сколотил для них более удобный. Предстояло решить довольно трудную задачу — как переправить гадюк в новый ящик. Я тогда не был еще знаком с их привычками и особенностями. Думая, что можно просто перетрясти змей из одного ящика в другой, я оторвал одну доску, отогнул находящуюся под ней проволочную сетку и начал энергично трясти ящик. Гадюки моментально высунули головы в отверстие, однако они совершенно не собирались переходить в другой ящик, а направились в стороны и уже почти готовы были ускользнуть. Еще и сейчас меня охватывает ужас, когда я вспоминаю опасность, которая мне тогда грозила. Быстро приняв решение, я стал снова трясти ящик, загоняя гадюк уже обратно, после чего закрыл отверстие другим ящиком. Потом в ящике, где находились звери, я вырезал острой пилой четырехугольное отверстие,

примерно в три дюйма шириной, и поставил другой ящик таким образом, что его отверстие, закрывающееся задвижкой, пришлось прямо против отверстия ящика, где сидели змеи. С первого ящика я снял деревянную обшивку, так что через проволочную сетку стал проходить дневной свет. Я знал, что змеи предпочитают находиться в темноте. И действительно, не прошло и часа, как восемь гадюк уже переползли в другой ящик, который я просто запер на задвижку.

С этого времени у меня появилось безграничное почтение к ядовитым змеям. Все же, несмотря на всю мою осторожность, я однажды чуть не поплатился жизнью из-за гремучей змеи. Как-то летом 1898 года, вернувшись из деловой поездки, я отправился инспектировать отделение рептилий. Меня поразила запах падали, а при более детальном осмотре я нашел в одной из больших змеиных клеток, обтянутых проволокой, среди живых гремучих змей двух околелых, которые уже начали разлагаться. Нужно было тотчас же удалить их трупы. Я взял этот ящик и попробовал с той стороны, где имелась небольшая выдвигаемая дверца, пропустить внутрь ящика кусок толстой проволоки с концом, загнутым в крючок, и таким образом вытащить околелых змей. Для этого мне пришлось встать к ящику лицом, в то время как левой рукой я засовывал снизу проволоку. Мне удалось очень скоро зацепить крючком один из трупов и вытащить его наружу. До второго трупа добраться было труднее, он лежал под двумя живыми змеями. Мне пришлось их потревожить, на что оба чудовища страшно обозлились, особенно то, что было покрупнее. Когда я вплотную прислонился лицом к проволочной сетке, чтобы лучше видеть, одновременно защищая глаза от солнечного света правой рукой, змея вдруг кинулась к сетке с широко открытой пастью. В ужасе я отпрянул от змеиного ящика и выждал, пока чудовище не успокоилось, после чего как ни в чем не бывало снова принялся за работу и довел ее без всяких приключений до конца.

Только на следующий день я узнал, какой страшной опасности я подвергся и что смерть стояла со мною буквально рядом. Когда я одевался, жена обратила мое внимание на ряд пятен, видневшихся на правом рукаве, которые я принял сначала за грязь. Один внимательный взгляд на подозрительные пятна заставил меня содрогнуть-

ся. Это были маленькие тонкие зеленоватые кристаллы. Змея, укусив проволочную сетку, брызнула весь свой яд мне в лицо, и только благодаря тому, что лицо было защищено рукой, я избег смертельной опасности. Вследствие постоянного пребывания на воздухе у меня во многих местах сошла кожа с лица, и если бы яд попал на обнаженные места и проник в кровь, я должен был бы погибнуть. Мне приходилось наблюдать, как морские свинки и крысы, укушенные гремучей змеей, околевали через минуту.

Тем не менее я однажды был свидетелем случая, когда гремучая змея была побеждена крысой, которую ей бросили на съедение. Велико было наше удивление, когда мы наутро нашли огромную гремучую змею с прокушенной шеей, а крысу — сидевшей совершенно спокойно в углу клетки и закусывавшей мясом своего поверженного врага. Жаль, что не было свидетелей этой интересной борьбы. Отдав должное смелой крысе, мы в дальнейшем воздерживались давать в пищу змеям диких, только что пойманных крыс.

Борьба змей между собой — явление нередкое, они ссорятся из-за добычи, и случается, что более крупная пожирает меньшую вместе с оспариваемой добычей. Все змеи отличаются глупой, почти автоматической прожорливостью. Однажды после кормежки я на ночь покрыл шерстяным одеялом боа-констриктора, который содержался в клетке, подогреваемой горячими бутылками. И что же вы думаете? Змея в продолжение ночи стала глотать одеяло, но ей удалось проглотить его только наполовину. Наутро я нашел змею мертвой. Она буквально подавилась одеялом.

Мне не приходилось более сталкиваться с подобными глупыми происшествиями, но зато часто бывали случаи, когда одна змея проглатывала другую и из-за добычи происходили даже дикие поединки. Однажды два питона — длиной девяти и семи футов — одновременно схватили кролика. Один начал заглатывать его с головы, другой с хвоста. Кончилось тем, что большая змея вместе с кроликом сожрала и змею меньших размеров. На следующее утро можно было ясно видеть, как меньшая змея во всю длину лежала внутри большой.

В другой раз четыре крупные змеи кинулись одновременно друг на друга из-за брошенного им в клетку мертвого кролика, и тут началась такая схватка, какую не-

возможно даже описать. В одно мгновение три твари спутались в громадный клубок и начали дико кататься по клетке. Когда голова одной из змей очутилась в пасти другой, я попробовал их разнять. Немедленно все они с разинутыми пастьями бросились на меня, и мне пришлось предоставить их самим себе. После трехчасовой борьбы измотанные рептилии оставили друг друга. Казалось, что этого момента только и ждала меньшая из змей, не принимавшая участия в схватке, а только наблюдавшая ее. Она выползла из своего угла, потянулась к кролику и начала было его уже проглатывать, но тут у нее появилась соперница: другая змея, не успев отдохнуть от драки, обвила несколько раз хвостом ее шею и стала сжимать с такой силой, что меньшая змея не только выпустила кролика, но и стала неспособной к сопротивлению. Удерживая своими кольцами меньшую змею, большая тут же проглотила кролика. Покончив с ним, отпустила свою соперницу, а та, полная ярости, молниеносным движением обвилась вокруг победительницы и в свою очередь так сильно сжала ее, что чудовище застонало. Немедленно все змеи снова сплелись в отчаянной схватке, которая продолжалась целых одиннадцать часов. Такого упорного сражения у больших индийских питонов, которые считаются самыми крупными среди змей-гигантов, в зверинце еще не наблюдалось. Я готовился найти на другой день пару трупов, — ничего подобного, каждый из четырех буянов мирно лежал, свернувшись клубком в своем углу. Тем не менее подобные сражения ничто в сравнении с теми, которые происходят между гигантскими змеями с Борнео. Они не ограничиваются тем, что обвивают друг друга, но и кусаются, как собаки, своими острыми, словно ножи, зубами. Жадность служит причиной впадения их в неопишемую ярость. Я припоминаю случай, когда большая змея укусила меньшую в затылок, затем обвилась всем телом вокруг нее и вырвала у своей жертвы большой кусок мяса из шеи. Что значит подобное проявление силы, может понять только тот, кто знает о необыкновенной эластичности крупных змей. Страшная рана была нанесена раньше, чем я мог разъединить этих гадин; пока я обрабатывал острой палкой чудовище, несчастье уже произошло. Я в тот же день приказал сфотографировать укушенную змею, чтобы сохранить снимок следов этого страшного укуса. Раненая змея через несколько дней околела. За последние

годы в моем Штеллингенском зоопарке я мог часто наблюдать подобные схватки, о которых я в заключение расскажу.

Известно, что способ принятия змеями пищи и поглощаемый объем ее требуют для нормального пищеварения особых сил. Самое интересное из того, что мне довелось наблюдать,— это ожорство одного индийского питона длиной четырнадцать футов, который за одни сутки проглотил четырех ягнят, весивших от одиннадцати до семнадцати фунтов каждый, причем рога их были длиной в семь сантиметров. Через два дня змея так распухла от образовавшихся в ней газов, что у нее лопнула кожа на тридцать сантиметров в длину и на пять в ширину. Переваривание этого «обеда» кончилось только на десятый день. Шерсть была выброшена клубками в виде белого цвета экскрементов, а копыта и рога вовсе не были переварены. На одиннадцатый день змея снова сожрала ягненка. Дикая свинья, по-видимому, представляет собой более трудно перевариваемую пищу. Так, например, через восемь дней после прибытия из Сингапура в наш зоопарк огромной змеи с Борнео длиной в двадцать пять футов в ее экскрементах нашли копыта и клыки дикой свиньи.

Чувствительным людям, которых, может быть, возмущает неэстетичная прожорливость змей, известным утешением послужит то обстоятельство, что змеи могут долго голодать и иногда делают это добровольно. Очень прожорливые рептилии, которые часто по три-четыре недели подряд принимали пищу, вдруг без всякой причины отказывались от предлагаемой им еды и по полгода ничего не ели, причем без малейшего для себя вреда.

Я знаю случай, когда змея два года ничего не ела, а потом как ни в чем не бывало набросилась на пищу и после этого еще много лет прожила в Амстердамском зоологическом саду! Лучше всего и быстрее всего едят змеи в хорошую погоду на открытом воздухе. Змеи должны содержаться в теплых, всегда хорошо проветриваемых клетках, причем температура должна быть не ниже восемнадцати градусов по Реомюру, но еще лучше, если будет двадцать пять градусов. Если змеям не создают необходимой им температуры, то они не едят, не двигаются, и, кроме того, от простуды у них начинается гниение в пасти. Если крупную рептилию поместить в теплую клетку с большим бассейном, то она излечивается сама. Змея не-

делями не вылезает из воды, на поверхности торчит только кончик носа для дыхания. Вода очищает зараженную пасть, отмачивая болячки, которые животное удаляет, качая головой из стороны в сторону. Иногда мы пером помогали удалять гнилые куски и таким образом вылечили немало змей.

Порой змеиная клетка превращается в детскую. Змей, о которых я здесь рассказывал, кладут яйца и их высиживают; водяные змеи рожают живых детенышей. Лет пятнадцать назад мне как-то представилась возможность наблюдать подобное явление. Мамаша — урожденная *Eunectes muginus* — принадлежала к породе крупнейшим змей, водящихся в Бразилии. Она была пятнадцати футов длиной и необыкновенно толста. Через несколько месяцев у нее родились сорок восемь змеенышей. Щедрое семейное благословение! Я не мог известить об этом счастливого отца, так как он остался где-то в бразильских лесах. В этой истории есть и свой минус — все змееныши, из которых каждый сидел в отдельном мешочке, оказались, к сожалению, мертвыми. У змей, кладущих яйца, приплод тоже получается в громадном количестве. Я припоминаю одну змею из породы темных питонов, которая во время пути отложила огромное количество яиц. Когда я спугнул змею с яиц, то увидел трех-четыре змеенышей, которые высовывали головы из своей похожей на скорлупу вкорлупы. Змееныши пользовались скорлупками, как домиком, из которого они время от времени выползали и вползали обратно. Змею на время высиживания яиц устроили в большой, вместительной клетке. Из пятидесяти яиц она высидела двадцать одно, остальные высохли. Некоторые змееныши вообще не вылезали. Вопрос кормления вначале показался затруднительным. Лягушек змееныши не ели. Напротив, им по вкусу пришлось белые мыши, которых они убивали и глотали так же, как это делали взрослые змеи. В конце концов я продал все змеиное семейство в Париж, в *Jardin d'Acclimatation*. К сожалению, за змеенышами не было надлежащего ухода, и они все околели. Из них сделали чучела, положили обратно в скорлупу, и интересующиеся могут еще и теперь увидеть их в зоологическом саду Парижа.

Чем больше и дольше я наблюдал за змеями, тем мне становилось непонятнее, почему змеи считаются символом премудрости. Прожорливость, лень и при некоторых об-

стоятельствах необузданная ярость — вот, по моему мнению, те проявления, из которых в основном складывается жизнь змей. Несмотря на это, я не берусь утверждать, что змеи лишены каких-либо дарований. Это показывают результаты работы заклинателей змей, но я все же сомневаюсь, что со змеями можно, хотя бы приблизительно, добиться того, что достигается с животными высшего порядка, и что укротитель змей может быть в таких дружеских отношениях со своими питомцами, как дрессировщик с другими зверями. В отличие от индийских заклинателей змей их коллеги европейцы или американцы никогда не работают с кобрами или индийскими очковыми змеями. Я прошу извинения у них, что выдаю их секрет, но работают они почти исключительно с молодыми экземплярами гигантских змей, вроде индийского питона или американского боа.

Как ни часто видит публика змей, она их знает так же плохо, как и многих других животных, выступающих в цирке или находящихся в зоологических садах. Мне нередко приходилось слышать в моем зоопарке такие реплики: «Посмотри, друг мой, на этого красивого страуса, какие у него чудесные павлиньи перья!» Или как-то в Триесте при перевозке небольшого африканского носорога я слышал разговор двух мужичков: «Гляди, вот идет маленький слон». — «Глупости, ты что, не видишь, у него ведь нет хобота». — «Ах ты, глупая башка, он у него еще растет!» Я могу держать пари, что из сотни зрителей только очень немногие могут судить о том, каких змей им показывают.

Сегодня профессия заклинателя змей за редкими исключениями принадлежит уже прошлому. А между тем было время, когда я импортировал змей в большом количестве. Однажды я сразу получил 276 экземпляров *Python bivittatus*, которые нашли хороший сбыт в США. Укротитель змей никогда не станет работать с экземплярами ядовитых пород, у которых целы зубы. Прежде всего он вырывает им все ядовитые зубы. Несмотря на эту предосторожность, укротитель все же в опасности, он должен быть всегда начеку, так как ядовитые зубы вырастают вновь. Само собой понятно, что ядовитая змея, у которой вырваны зубы, менее опасна, чем обыкновенный молодой экземпляр змеи-гиганта, не говоря уже о ее взрослом экземпляре. Кроме того, челюсть гигантской змеи гораздо сильнее, чем у кобры.

Я никогда не видел, чтобы со змеями проделывали какие-нибудь фокусы. Единственный трюк, который практикуется с ними, состоит в том, что змею берут из темноты, в которой ее держали, и вытаскивают на свет. Раздраженное пресмыкающееся начинает быстро ползти, и кажется, что оно хочет напасть на своего укротителя, который успокаивает его музыкой. Однако я со всей категоричностью утверждаю, что нет в природе такого создания, на которое бы так или иначе не действовала музыка. Я, конечно, не говорю, что голодная змея охотнее удовлетворится Лунной сонатой, чем кроликом, но считаю несомненным, что змеи также охотно слушают музыку.

В этой главе мне хочется еще поделиться с читателями воспоминанием об одной прекрасной уроженке Прованса, которая в свое время доставила мне много удовольствия. Это было еще в начале моей карьеры, когда я выступал в роли директора цирка. Тогда среди моих артистов был человек, выступавший перед публикой с головокружительным номером — он ходил по потолку. В присутствии изумленной публики он держался на потолке, как муха, и затем обегал его кругом. Секрет номера заключался в специально сконструированных ботинках, подошвы которых, полые изнутри, наполнялись воздухом и потому присасывались к потолку. В течение нескольких лет он заработал на своем номере много денег и собрал приличный капитал. Наконец, он устал работать, к тому же ему несколько раз приходилось падать на голову. Короче говоря, он как-то познакомился с моей красавицей из Прованса, о которой я хочу рассказать подробнее. Это была девушка с необыкновенно хрупкой фигурой, с большими, очень красивыми темными глазами и длинными, изумительно черными локонами. Он женился на этой девушке и сделал ее укротительницей змей, что приносило молодой чете хороший заработок в течение многих лет.

Молодая дама под мелодраматическим именем Налада-маянта снискала себе большую известность в США, где долго выступала в цирке у Форепога, получая крупный гонорар за свои выступления. Она выработала особый метод дрессировки и обезвреживания змей. Были заказаны сетки, изготовленные из тонких каучуковых нитей и похожие на сетки, которые наши дамы носят для шиньона. Эти каучуковые сетки она надевала своим питомцам как намордник и укрепляла их сзади головы, в самой широкой

части затылка. Через несколько дней змеи поняли бесполезность сопротивления своей укротительнице и стали позволять ей спокойно к ним прикасаться и класть их в любое положение, причем представление сопровождалось восточной музыкой. Она приказала изготовить по своему собственному проекту особые ящики для змей и брала их с собой в спальню. Наладамаянта добивалась наибольшего успеха у публики тем, что пускала в конце представления некоторых змей по арене и под звуки бравурного марша, дразня их все время палками, позволяла бросаться на себя с разинутыми пастьями. Прошло уже много лет, и я не испорчу репутации моей прекрасной южанки, если расскажу, что эти змеи уже не имели ядовитых зубов и большей частью были простыми питонами. Интересно отметить, что даже и эти довольно глупые змеи наконец поняли неоднократно повторяемый трюк. Спустя четыре-шесть недель самые злые из них и те не делали эффектных прыжков и не кидались с разинутой пастью на укротительницу, когда она их дразнила. Наладамаянта поэтому должна была часто приобретать новых змей и в течение многих лет была моей лучшей покупательницей. Почти каждые два месяца я посылал ей в Америку ящик с разными змеями. Что она делала с мудрыми змеями, которые не давали себя дразнить, я не знаю, но думаю, что она их перепродавала с барышом.

Теперь я хочу немного рассказать о еще более непривлекательном «обществе». Это животные, с которыми не может быть никакой дружбы, напротив — от них нужно всегда держаться на почтительном расстоянии, если не хочешь причинить себе вреда. Я говорю о крокодилах, предки которых уже миллионы лет назад населяли первобытные леса. При всем уважении к почтенному родословному древу этих прожорливых бестий я всегда держался от них подальше. Может быть, для меня было счастьем, что я еще в юности получил от крокодила памятку, которая всю жизнь служила мне вечным напоминанием об опасности при обращении с ними. Однажды небольшой кроводил длиной всего в два фута укусил меня в указательный палец, и только благодаря своевременно оказанной врачебной помощи я избежал ампутации руки. С тех пор через мои руки прошло более двух тысяч крокодилов, и, как видите, ни один из них не проглотил меня. А ведь однажды при упаковке двадцати аллигаторов для Дюссельдорфской вы-

ставки я упал вниз головой в бассейн, кишевший крокодилами! Непостижимо, с какой быстротой может соображать и действовать человек в момент грозящей ему опасности. Мысль и действие словно молния и гром. Прежде чем крокодилы успели опомниться, я уже выбрался из бассейна. Если бы меня схватил хотя бы один крокодил, я бы, несомненно, погиб. Я знаю по опыту, что стоит одному крокодилу схватить свою жертву, как в тот же момент в нее впиваются острыми челюстями все остальные.

Мне неоднократно приходилось наблюдать борьбу аллигаторов, испытывая при этом жуткое ощущение, тем более что в подобных схватках к тому же погибал ценный товар. Эти животные неумолимы в своей ярости. Они, как и муравьи, вгрызаются друг в друга и не успокаиваются до тех пор, пока совершенно не размозжат голову противника. Я был свидетелем подобной яростной схватки в восьмидесятих годах, когда мы получили большую партию аллигаторов — триста штук. По дороге животные стали страшно злыми, они словно накопили в своих ящиках запасы злости. Их яростное сопение напоминало шум паровой машины, когда она выпускает пар. Прибывшие ящики были вдвинуты вовнутрь специальной изгороди и расставлены вокруг большого бассейна. Как только пятый или шестой аллигатор вылез из своего ящика, то без всякой видимой причины все они, словно бешеные собаки, сцепились друг с другом. В одно мгновение шесть крокодилов сплелись в катающийся клубок, который со странным сопением и всплескиванием, с дико бьющими по воде хвостами, кружился по бассейну. Животных охватила неопишуемая ярость. С хрустом и скрежетом челюсти дробили кости и рвали мясо. Высоко летели брызги, и вода постепенно окрашивалась кровью, вытекавшей из множества глубоких ран. Попытка разнять крокодилов не увенчалась успехом. Все что мы могли сделать — это наполнить до краев бассейн, чтобы животные могли найти под водой себе лучшую защиту. На другой день, когда спустили воду, можно было определить ущерб. Почти все сражавшиеся остались на месте, хотя некоторые из них были еще живы. Но в каком виде! У двоих были разбиты обе челюсти, у двух других были вывернуты передние лапы, державшиеся только на коже. У пятого вытек глаз, а шестому милые товарищи отгрызли кусок хвоста. Это единственный крокодил, который поправился и был впоследствии продан.

Позднее всем новоприбывшим крокодилам я стал надевать намордники, сплетенные из тонких веревок. Хотя они всегда кидались друг на друга, полные воинственного задора, однако уже не могли наносить увечья, так как их страшные пасти были закрыты. Через шесть-восемь дней наступало успокоение, и я мог снимать намордники. Острым ножом, укрепленным на длинном шесте, я перерезал веревку на шее крокодила, находясь с целью безопасности на некотором расстоянии от него. Затем длинным крючком ловил петлю и стягивал ее с носа животного. Само собой разумеется, что не со всех крокодилов намордники снимались одновременно. Проходили долгие дни, прежде чем все они получали возможность широко разевать свою пасть.

Крокодилы могут неделями, даже месяцами находиться без пищи. Для кормления аллигаторов я выбирал по возможности жаркие дни, предпочитая вечерние часы. С ведром, наполненным кусками мелко нарезанных конских и коровьих легких, я подходил к бассейну и постепенно один за другим начинал бросать куски в воду так, чтобы они падали с плеском. Тогда крокодилы высовывали свои головы из бассейна и хватали мясо. Позднее я стал насыщать кусочки мяса на конец длинного деревянного шеста, которым водил по воде до тех пор, пока мясо не исчезало в пасти. Постепенно я стал подходить к бассейну все ближе и ближе и, наконец, добился того, что некоторые из этих дикарей через четыре-шесть недель стали брать у меня пищу из рук. Дружеские отношения между этим пресмыкающимся и человеком, конечно, совершенно невозможны. Если не принимать известных предосторожностей, то крокодилы вместо мяса без всяких обиняков отгрызут руку. Когда их кормили, они всегда сопели, но без особой злости.

Маленьких аллигаторов я часто приучал уже на восьмой день брать пищу из рук. Девятифутовый крокодил, то есть не такой уж большой экземпляр, у меня на глазах сожрал однажды сорок три фунта мяса. При хорошем уходе крокодилы растут очень быстро. Я полагаю, что они достигают полного роста к восемнадцати или двадцати годам.

Самый большой аллигатор, которого мне лично приходилось видеть, имел в длину двенадцать футов, хотя уже давно стреляют четырнадцатифутовых крокодилов. Боль-

шая часть импортированных мною крокодилов принадлежала к обыкновенному виду *Alligator mississippiensis*, которые водятся в южных штатах США. В первый раз мы получили транспорт этих животных в 1856 году; его привез нам старый гамбуржец по фамилии Тишер. Он жил в Новом Орлеане и занимался ловлей крокодилов, черепах и других животных. В Бремене закупленные моим отцом звери были перегружены на специально зафрахтованный нами небольшой корабль. На его палубе я доставил в Гамбург около тридцати ящиков с аллигаторами всех размеров, черепахами разных видов и другими существами, среди которых были также жабы, гремучие змеи и американские ужи. После долгих переговоров мы приобрели этот транспорт за шестьсот прусских талеров. От довольного исходом сделки торговца я получил в подарок небольшого аллигатора — трех с половиной футов длины. Хотя мой «подарок» был слеп на один глаз, но даровому коню в зубы не смотрят.

Помещения для животных находились в старом здании музея в Сан-Паули и были очень примитивны. Часть аллигаторов посадили в чаны для тюленей. Черепах я продал почти целиком в Гамбургский музей. Смотритель Зигель, впоследствии инспектор гамбургского зоологического сада, был большой знаток этих животных, большую часть которых он перепродал затем в другие европейские музеи. Легче всего было тогда сбыть крокодилов, которые в те времена в музеях и зверинцах еще считались редкостью. Моего одноглазого аллигатора я продал за восемь прусских талеров — для двенадцатилетнего мальчика целое состояние. С транспортами подобных животных Тишер приезжал и в последующие годы в Гамбург, но затем исчез с горизонта. Мы впоследствии узнали, что он умер от укуса змеи.

По сравнению с большими индийскими крокодилами, которые водятся в Ганге и Брахмапутре, американские аллигаторы — просто карлики. Одно из этих гигантов Киплинг описал в чудесном рассказе «Погребатель трупов», сделав его героем своего произведения. Молодой крокодил из породы гавиалов (*Gavialis gangeticus*), гигант длиной двадцать четыре фута, живет в реке неподалеку от одного индийского селения и с незапамятных времен берет с него дань. Это был «Мугер Муггергат». Чудовище лежало в футляре, как пишет Киплинг, имевшем вид трижды за-

клепанного пароходного котла, обитого гвоздями, замазанного и засмоленного. Желтые острия верхних зубов выступали над флейтообразной нижней челюстью. Я думаю, что английский писатель в своем описании недалек от истины. Две шкуры подобных животных приобретены мною много лет назад. Мой будущий агент Иогансен, бывший тогда старшим офицером ганзейского судна, привез их с собой, и эти крокодиловые шкуры в настоящее время находятся в королевском музее в Вене.

Вот что рассказывал Иогансен по этому поводу. Когда он несколько лет назад спускался с транспортом слонов из Ассама по реке Брахмапутре, то заметил двух гавиалов длиной по крайней мере двадцать пять футов. Он выстрелил в крокодилов и предложил капитану барки триста рупий, если тот поможет вытащить ценную добычу и возьмет ее на борт. К сожалению, все было напрасно, вследствие сильного течения крокодилов найти не удалось: их отнесло в сторону. Иогансен утверждает, что он видел еще более крупных крокодилов-гигантов длиной тридцать футов. В следующую поездку он получил от меня задание привезти гавиала. В те времена перевозка такого животного живьем представляла большие трудности. Молодые экземпляры при перевозке обычно погибали. В Белом Ниле и в больших африканских озерах водятся крокодилы длиной в двадцать футов. Я полагаю, что самым крупным является все же индийский. Но удастся ли увидеть когда-нибудь подобного гиганта в неволе?

Глава десятая
**О РАЗВЕДЕНИИ
И АККЛИМАТИЗАЦИИ ЖИВОТНЫХ**

Когда в середине шестидесятых годов я впервые совершил поездку в Англию, то увидел зимой в одном зверинце, принадлежащем некоему Дею, большого шимпанзе. Животное каталось в снегу на крыше парусиновой палатки. Когда ему становилось холодно, оно забиралось обратно в палатку и искало место у печки. Шимпанзе поступал так же, как человек, ищущий тепла после того, как он добровольно померз и сознает, что это полезно для его здоровья. Этот маленький эпизод заставил меня призадуматься.

Впоследствии в Мюнстере (Вестфалия) я наблюдал, как обитателей обезьяньего домика выпускали среди зимы на открытый воздух. Наружные клетки соединялись задвижками с внутренними, которые животные сами открывали, когда хотели переменить помещение. Во внутреннем помещении температура всегда поддерживалась от десяти до пятнадцати градусов по Реомюру, но животные не боялись выходить гулять даже тогда, когда было около двадцати градусов мороза.

Меня всегда интересовал вопрос, можно ли подвергать действию нашей зимней температуры животных жарких стран без вреда для их здоровья. Эта мысль уже давно у меня зрела, но проверить ее мне помогли моя безграничная любовь к животным, над которыми я проводил наблюдения, и случай. Это было еще в начале организации моего предприятия на Нейен-Пфердмаркте, когда я как-то в сентябре получил из Индии сарузского журавля, красивую, большую серо-голубую птицу с щеками, словно разрисованными красной краской. Птицу поместили в открытом вольере близ так называемого тюленьего пруда, где она оставалась вплоть до самой зимы. В один прекрасный день, как это часто случалось в моей жизни, я должен был неожиданно уехать. Когда через неделю вернулся, зима уже наступила. Была ночь, я устал с дороги, хотел спать и против обыкновения поленился сделать вечерний обход животных. Рано утром меня разбудил своеобразный, характерный крик журавля. Я вскочил с постели, взглянул сквозь покрытое морозными узорами окно и с ужасом убедился, что наступило холодное зимнее утро. Термометр на окне показывал шесть градусов ниже нуля. Мой бедный журавль, — думал я, — он, наверно, обратился в сосульку, у него отмерзли ноги, и он лежит недвижимо на замерзшей земле. Я бросился едва одевшись наружу, и можете представить мое радостное удивление, когда я увидел хитрого журавля, который, казалось, посмеивался над моим испугом и состраданием. Весело прыгая, танцуя и оглашая громким воинственным криком свежий зимний воздух, хлопая крыльями, приветствовал он меня. Ну, смотри же, мой милый журавль, если ты так хорошо чувствуешь себя при шести градусах мороза, мы не будем лезть к тебе с состраданием, не станем из-за нашей зимы лишать тебя свободы и укрепляющего действия зимнего воздуха. Я выстроил в его вольере защищенный от ветра, но открытый в южной части домик, покрыл его изнутри и снаружи соломой. Зима в тот год была долгой и холодной, однако моему журавлю и в голову не приходило забираться в домик. И в ветер, и в бурю, и в снег, и в дождь он оставался на воле и прекрасно себя чувствовал. Этому журавлю я обязан своим первым опытом разработанной мною теперь системы предоставления животным возможной свободы при содержании их в неволе.

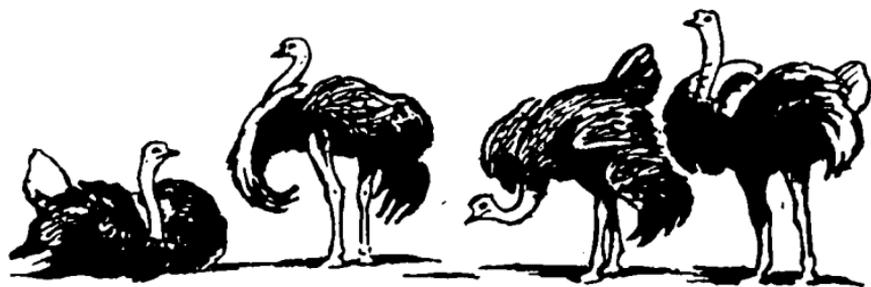
После этих первых наблюдений я начал опыты по акклиматизации животных по своей собственной системе. Они приняли широкий размах и дали успешные результаты при проведении их в Штеллингене. Искусство акклиматизации чужестранных животных явилось одним из основных условий в торговле зверями уже при ввозе первого транспорта диких зверей в Европу, хотя вначале дело шло ощупью, без определенной системы. Практический уход за животными должен был выработать такие способы и приемы, при которых перенесенные в чуждую обстановку животные приучались бы к изменившимся условиям жизни и климата и к искусственно приготовленной пище.

Трудно представить себе, какой огромный переворот происходит с животными при помещении и разведении их в неволе. На воле хищный зверь свободно бродит на просторе, и во всем его существе развиваются мужество, хитрость и сила, так как день и ночь он должен выслеживать и сторожить добычу и тащить ее с собой. В неволе же нет более места проявлению важнейших его привычек и даже самое движение, необходимое для его здоровья, ограничено. Травоядные животные степей и лесов — жирафы и слоны, нежная газель, — привыкшие жить стадами и передвигаться на большие расстояния, вдруг видят себя оторванными от привычной обстановки и обреченными на одиночество. Все жизненные привычки нарушены, свободная воля парализована. Ясно, что такой переход от естественных к искусственным условиям вызывает ослабление организма, порождает болезни и понижает жизнеспособность. Часто у только что пойманных животных наблюдается заметная депрессия, требующая противоядия. Высокоразвитые животные, особенно гориллы, очевидно, погибают в неволе от тоски по родине.

Акклиматизация должна бороться со всеми этими враждебными силами. Способность к акклиматизации у разных пород животных неодинакова, да и в каждой породе отдельные особи реагируют на производимые с ними опыты также различно, хотя общие черты остаются теми же. Легче всего привыкают к перемене климата животные родом с больших континентальных равнин, так как они уже приучены переносить колебания температуры от дня к ночи. Когда речь идет о континентальных животных, обитателях высокогорных районов или жителях степей или морских животных, то степень пригодности к новым условиям у всех совершенно различна.

Уже в семидесятых годах я начал ставить опыты по акклиматизации жирафов и слонов в моем зоопарке на Нейен-Пфердмаркте. Уже тогда я убедился, что низкая температура не причиняет животным никакого вреда. Зима была очень суровая; несмотря на усиленную топку, температура в помещении жирафов не поднималась выше четырех градусов по Реомюру. Ночью температура падала до трех градусов, однако на жирафах это никак не отражалось.

Наблюдения и опыт, накопленные мною в течение ряда лет, а также мысли и идеи, развившиеся из них, смогли быть претворены в жизнь лишь после основания мною «рая животных» (о нем будет рассказано ниже). Да, одной из главных задач всего моего штеллингенского предприятия было проведение опытов по акклиматизации, а также созданию новых видов животных для зоологических садов. Я руководствовался тогда основной идеей: на первом плане должно быть животное, необходимые же для защиты его от непогоды помещения и загоны должны играть вспомогательную роль. Главное внимание уделялось созданию та-

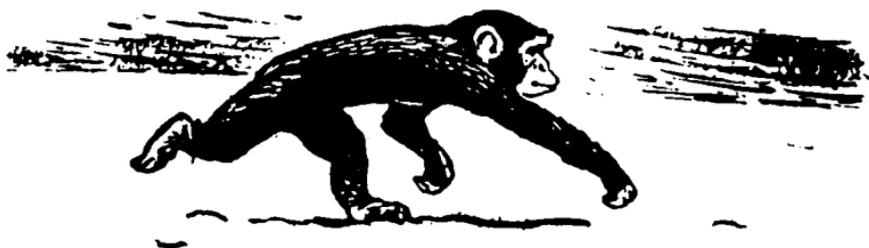

ких условий жизни животных в зоопарке, которые по возможности позволяли бы им проявлять свои естественные привычки.

Три года назад в октябре ко мне в Штеллингсден прибыл транспорт молодых страусов из Африки. Этим птиц поместили не так, как это было раньше принято, — в закрытом и отапливаемом помещении, приспособленном для этого времени года, а прямо на воле. В большом огороженном загоне для них был построен деревянный домик, в который они могли прятаться ночью. Птиц держали таким образом в течение всей зимы, и они отлично переносили все холода, хотя иногда температура падала до десяти градусов мороза по Реомюру. Первого января 1906 года страусы при четырнадцатиградусном морозе провели на воздухе почти пять часов — с десяти утра до трех часов дня, и я был весьма удивлен, что они принимают снежную ванну. Всего их было двенадцать штук.

Само собой разумеется, необходимо, чтобы животные имели возможность укрываться в своем домике. В этом помещении был насыпан десятисантиметровый слой торфа, густо покрытый соломой. Для вентиляции окна в домике день и ночь держали открытыми, так что даже днем там было довольно холодно. В продолжение всей зимы птицы оставались в домике всего восемь дней по случаю гололеда: они могли поскользнуться и поломать себе ноги. В это время погибла одна птица, которая сломала ногу, прыгая внутри домика.

Чтобы достичь успеха при проведении опытов по акклиматизации животных, я заранее устроил в своем зоопарке соответствующие сооружения. Были построены специальные помещения, снабженные различными приспособлениями. Сюда относятся навесы, под которыми животные могли лежать на сухом грунте, защищенные от дождя и снега. Некоторые постройки имели выходы, устроенные под углом, чтобы ветер не мог иметь прямого доступа в помещение, где находились животные. Двери в постройках устроены сбоку и ведут сначала в коридор, а отсюда уже в помещение. Эти павильоны не отапливаются, двери в них никогда не запираются — ни летом, ни зимой, ни днем, ни ночью, и животные имеют полную возможность по своему желанию уходить и снова приходить в свои помещения. Все же в этих павильонах тепло. В таких акклиматизационных помещениях оставляют навоз слоем

до фута высотой и покрывают его каждый день сухой соломой. Образующаяся при разложении навоза тепло создает животным теплос ложе, а свежий воздух, попадающий в помещение, сушит верхний слой соломы.

Подобные же опыты ставились и с хищными зверями, причем выяснилось, что львы и королевские тигры хорошо переносят холод на открытом воздухе в устроенном им в зоопарке логовище. В павильоне, расположенном позади открытого вольера, имеется специальное приспособление для отопления, которое используется только в очень холодные дни для нагрева вольера, то есть для того, чтобы не дать замерзнуть почве. Животные ежедневно выходили на волю и в дождь и в снег бегали на открытом воздухе. Один индийский леопард до того привык к холоду, что только изредка уходил в свою клетку, большую же часть дня зимой он проводил снаружи, лежа на суку большого дерева. Поразительный результат дало пребывание на воздухе двух молодых львов, которые сначала воспитывались в закрытом помещении и все время чахли и болели. Их посадили в большой ящик и выставили его на волю — простой ящик служил им убежищем. С этого времени они стали быстро поправляться и теперь чувствуют себя великолепно. Я намерен в ближайшие годы устроить в моем зоопарке такие вольеры для леопардов, пантер, пум и тигров.

Эти опыты по акклиматизации можно будет распространить и на обезьян, когда будет закончена постройка для них соответствующего здания. До сих пор в этом направлении мы сделали очень мало, за исключением нескольких опытов с двумя орангутангами, которые отлично акклиматизировались. Когда эти животные, родом с западного побережья Борнео, прожившие уже шесть лет в неволе, прибыли в Штеллинген, их сразу поместили в большой клетке-вагоне, открытой с южной стороны, причем внутри вагона им поставили ящик в качестве убежища от холода.

Ежедневно обезьяны ходили гулять со своим сторожем по парку и все время были здоровы.

Этими примерами далеко не исчерпывается перечень всех тех животных, над которыми ставились опыты по акклиматизации. Зимой у меня в зоопарке царит такое же оживление, как и летом. Сарузские журавли, венценосный журавль, нумидийские журавли, много чужеземных фазанов, австралийские черные лебеди бегают всю зиму на свободе. Марабу и ибисы хорошо переносят морозы до пяти градусов. Австралийские какаду-ганга и ара не считают нужным прятаться вовнутрь клетки даже при восьми градусах мороза. Разумеется, невозможно будет акклиматизировать всех тропических млекопитающих и птиц — больших и малых, а также многих пресмыкающихся и амфибий, тем не менее дальнейшие опыты в этом направлении дадут еще много поразительных результатов.

Основным условием акклиматизации является предоставление животным большого помещения или загона, в котором они могли бы свободно двигаться. В Штеллингене я попробовал приспособить местность сообразно привычкам и особенностям каждой отдельной породы животных, создавая им иллюзию свободы. При этом принималось во внимание и настроение пойманных животных. Звери, которые находились в больших загонах со своими «родственниками» или с животными других пород, чувствовали себя гораздо бодрее и быстрее привыкали к климату, чем находившиеся в одиночестве. Злейшим врагом здоровья животных в неволе является тоска. Движение возбуждает задор и игривость, а также аппетит, и при этом тело сохраняет свою гибкость. Рядом с большими площадками, которые дают возможность быстроногим лесным и степным животным резвиться на просторе, можно увидеть в Штеллингене поднимающиеся амфитеатром лужайки, на которых многочисленные животные разных пород разгуливают вместе, хотя при неблагоприятной погоде они прячутся в свои убежища. Далее расположены искусственные скалы, населенные животными — обитателями гор севера и юга. Вот на горном плато виднеется целое стадо северных оленей, привыкших у себя на родине не бояться ветра, а вот белые медведи карабкаются по камням, похожим на ледяные скалы. Большие пруды со множеством плотин способствуют быстрой акклиматизации водяных птиц, тюленей, пингвинов.

Практический опыт нового времени показывает, что устройство зоологического сада теперь обходится гораздо дешевле, чем раньше. Большие, массивные здания, как и дорогостоящие приборы отопления, теперь излишни. Значительно проще и, что самое главное, значительно практичнее строить дешевые постройки нового типа. Я надеюсь, что в очень скором времени любой город с населением в сто тысяч будет иметь зоологический сад, устройство и содержание которого при правильной постановке дела не сопряжены ни с каким риском.

Описывая опыты по акклиматизации, я вторгаюсь в область, которая тесно соприкасается с разведением и скрещиванием пород животных, чему в моем заведении уделяется большое внимание и что в будущем должно принять еще более широкие размеры. Одновременно с проблемой акклиматизации возникает и проблема разведения животных, играющая не меньшую роль. Накопленный опыт по уходу, разведению и акклиматизации диких зверей в неволе может пригодиться и для работы с домашними животными. Значительно расширяется возможность выбора производителя, если пользуются результатами акклиматизации диких животных. Наряду с привлечением существующих пород диких животных, пригодных для скрещивания с расами наших домашних животных, нужно в широком масштабе использовать туземный скот нецивилизованных стран. Эти животные, хотя и живущие в неволе, но в условиях более или менее приближающихся к естественным, ввиду того что они далеко не в такой степени оторваны от природы, как наши, обладают значительно большей сопротивляемостью плохим последствиям перемены климата. Изучение их способности к размножению и правильный, сообразно потребностям того или иного хозяйства выбор при скрещивании нужных экземпляров дадут новую ценную породу животных. Так, в Штеллингене серьезно внимание уделяется, например, скрещиванию индийского зебу с аргентинскими и бразильскими породами. Скрещивание с зебу повышает выносливость и улучшает качество рабочего скота. Все эти вопросы представляют большой интерес для сельского хозяйства.

Уже много лет, как я занимаюсь опытами скрещивания дикого барана из Центральной Азии с нашей европейской овцой. Мне неоднократно удавалось доставать крупных диких баранов, отдельные экземпляры которых весили по

пятьсот фунтов, а также и более мелких; однако до сих пор опыты скрещивания удавались только с мелкими овцами. Представители крупных пород быстро погибают, так как плохо приспособляются к нашему климату и новым условиям жизни. Это наблюдение привело меня к заключению, что диких баранов, так же как и диких лошадей, необходимо ловить только в юном возрасте. Для этой цели я послал несколько экспедиций в Центральную Азию, которые ценой больших усилий добыли молодых баранов, но все они погибли во время перевозки.

Впрочем, все это не ново и неоднократно повторялось при импорте диких животных из Центральной Азии. Но, так же как в конце концов удалось вывезти оттуда в Европу дикую лошадь, оленя, козулю и прочих животных, я надеюсь, что удастся привезти живым и здоровым и дикого барана. Первые козули, привезенные моим агентом из Сибири, были взрослыми, их поймали зимой в снегу. Они прибыли живыми в Северную Германию, как и большие сибирские маралы — крупные красивые животные. Однако в течение года все они погибли. После этого опыта я распорядился привозить только молодые экземпляры козуль и маралов, и к моей великой радости я достиг прекрасных результатов, за которые в недалеком будущем мне будут очень признательны охотники-любители.

Очень хорошие результаты получаются при скрещивании этих животных с нашими козулями. Сибирские бараны, привозимые молодыми, удовлетворительно переносят наш климат и прекрасно размножаются.

Крайне выгодным оказался импорт монгольских фазанов. Скрещивая этих птиц с обыкновенными охотничьими фазанами, удалось получить совершенно исключительные результаты — гибриды на тридцать процентов тяжелее своих родителей. Если принять во внимание, что в Англии ежегодно убивают около ста тысяч фазанов, то можно приблизительно вычислить, какую громадную пользу принесло подобное скрещивание и еще принесет в будущем.

Здесь следует упомянуть о продуктах скрещивания зебры с лошадью и лошади с ослом — о зеброидах и мулах, которые заслуживают гораздо больше внимания, чем им уделяют в Германии. Зеброиды могут поднимать большие тяжести и во всяком случае так же выносливы, как мулы, которых бы также следовало больше разводить в Германии. Американцы лучше оценили выгоду разведения

мулов, так как согласно статистическим данным, которые несколько лет назад попались мне на глаза, в Соединенных Штатах ежегодно выращивается около четверти миллиона голов этих ценных животных.

Глава одиннадцатая
**СОЗДАНИЕ
ШТЕЛЛИНГЕНСКОГО ЗООПАРКА**

Подобно тому как путь развития нашего торгового дома берет свое начало от деревянного чана для тюленей в Сан-Паули и проходит через гамбургский Шпильбуденплатц, зверинец и цирк к Штеллингенскому зоопарку, так и мой собственный жизненный путь вел меня через общество странствующих артистов и агентов, далее через научные круги и, поднимаясь все выше, не раз доводил до кругов правительственных.

При разнообразной, раскинувшейся во многих странах мира деятельности мне приходилось встречать много различных людей, немало дружеских рук протягивалось ко мне с доверием, и мне выпало на долю большое счастье приобрести друзей и помощников среди людей разных положений и рас.

Когда я теперь мысленно перебираю лица, которые запечатлелись в моей памяти, я сам поражаюсь их количеству. Коронованные особы, сильные мира сего, предводители диких племен, ученые и укротители, знаменитые пу-

гештвенники и артисты, философы и шуты — все они как-то вошли в мою жизнь, и моя старая гостевая книга сохраняет для потомства много имен тех, кто оказывал немалое влияние на судьбы нашего мира. Рядом с перелюстленным в слошовую коожу томиком моих воспоминаний лежат в одном из отделений несгораемого шкафа голубые фарфоровые часы моего дорогого отца, на которые он однажды строго посмотрел, сурово наказывая меня за первую неаккуратность. Там же хранится и моя первая вывеска «Карл Гагенбек», написанная красивыми буквами на маленькой табличке, когда я, только что женившись, 11 марта 1871 года основал свое собственное предприятие. Сегодня я уже сам «старый Гагенбек» и у меня седая борода. В предыдущих главах этой книги я кое-где упоминал нескользь о различных приключениях и эпизодах, связанных со Штеллингенским зоопарком, здесь же я хочу остановиться на них подробнее.

Как дерево разбрасывает свои ветви в разные стороны, так и из ствола торговли зверями выросли молодые побеги: выставки народностей, школа дрессировки, многочисленные опыты разведения животных и различные проекты, которые давали цветы и плоды. Чтобы дать возможность расцвести одной из отраслей моего предприятия пышным цветом, возникла настойчивая необходимость в приобретении большого участка земли. Уже начался ввоз диких животных из дальних стран, импорт и экспорт домашних и промысловых животных. Рука об руку шли акклиматизация, разведение и скрещивание местных пород с чужими расами. Крупные поставки зверей для вновь организуемых тогда зоологических садов в Северной и Южной Америке также требовали больших площадей для размещения животных.

О степени развития нашей торговли зверями, охватывающей несколько зоологических садов и зверинцев в разных частях света, можно судить хотя бы по тому факту, что в самом конце прошлого века меня почтили своим посещением: германский император, австрийский император, русский царь, султаны Турции и Марокко, а также японский микадо. Поэтому я должен был приискать себе такой участок земли, который не ограничивал бы моих широких планов на будущее.

Но где же в Гамбурге мог я найти площадь, которая по величине и местоположению удовлетворила бы наме-

ченной мною цели! Был у меня большой кусок земли в предместье Гамбурга — Хорн, но все прилегающие к нему земельные участки принадлежали городу, что практически исключало возможность расширения моих владений. Кроме того, еще раньше на мой запрос, не может ли быть продана мне эта земля, был получен категорический отрицательный ответ. Напрасно я пытался в течение ряда лет приобрести близ Гамбурга подходящий по размеру земельный участок, и мне было горестно сознавать, что в моем родном городе нет для меня места.

«В Штеллинген», — крикнул я кучеру, когда в одно прекрасное солнечное воскресное утро сел в дрожки, чтобы навестить моего старого друга Вагнера, который жил в прусских владениях вдали от городских ворот, в деревенской глуши. Дважды мой кучер в течение этого долгого пути вынужден был спрашивать у прохожих дорогу, прежде чем удалось, наконец, добраться к дому моего друга и поделиться с ним заботами. Со мной тогда происходило то же, что с человеком, ищущим очки, находящиеся у него на носу. Посреди разговора Вагнер вдруг взял меня за руку и сказал: «Пойдем, я покажу тебе прекрасный кусок земли с небольшой виллой, который можно дешево приобрести тотчас же». Мы вышли из двери, Вагнер повел меня к изгороди, за которой в густо заросшем саду видна была небольшая вилла. Владение имело площадь в двести тысяч квадратных футов и продавалось за тридцать пять тысяч марок. Спустя два дня этот участок земли стал моей собственностью. В следующую среду — 9 сентября 1897 года — я узнал от своего друга, что еще два прилегающих участка земли продаются по сходной цене, а через сутки и эти куски земли перешли в мое владение.

То, что я так долго искал, было приобретено мною благодаря случаю в течение нескольких дней. Ну вот, теперь, наконец, я имел в своем распоряжении роскошный высоколежащий участок, который вполне годился для устройства на нем зоопарка. У меня в голове сразу же оформился весь план распределения территории, который нашел свое первое практическое выражение в чертеже, так что уже через пять месяцев в парке были построены двенадцать больших загонов и пять красивых павильонов.

Дело понемногу росло. Загоны и здания прекрасно подходили для намеченных мною целей; единственным недостатком была удаленность зоопарка от моего основного

предприятия, учитывая к тому же, что между Гамбургом и Штеллингеном было плохое сообщение. Поэтому мне пришла в голову мысль, нельзя ли приобрести по дешевой цене земли, расположенные между моим владением и границей Гамбурга, а затем перепродать их какому-либо консорциуму, чтобы открыть доступ в эту местность и наладить прямое сообщение между прусским Штеллингеном и гамбургским Эйсмюттелем. Но совсем не так легко можно было повернуть это дело, как мне представлялось. Далеко не все смотрели на вещи моими глазами.

Пять месяцев прошли в бесполезных поисках, когда наконец на помощь пришел мой старый друг — случай. Однажды меня посетил один весьма расположенный ко мне гамбуржец, живший в Англии. Он приехал в мой зверинец на Нейен-Пфердмаркте в сопровождении своего брата, чтобы купить нескольких венгерских оленей. Не могло быть ничего естественнее, как пригласить гостей осмотреть мой новый зоопарк. В Штеллингене, показывая им только что прибывших оленей и коз, я стал развивать перед ними мысль относительно приобретения новых земельных участков, с тем чтобы осуществить мой заветный проект и организовать большой зоопарк по своей собственной системе.

Когда я закончил свой краткий «доклад», один из гостей задумчиво посмотрел на меня и просто сказал: «Мне кажется, что это хорошее дело. Я со своей стороны дам сто тысяч марок». Другой брат также согласился участвовать в подобном предприятии, предложив пай в таком же размере, прибавив при этом, что нетрудно будет составить небольшое общество для осуществления подобного проекта. Через два месяца все дело уладилось. Я сам обязался перевести все мои предприятия в Штеллинген, внести в общее дело по крайней мере сто пятьдесят тысяч марок и заложить в Штеллингене зоопарк нового типа.

Чтобы не быть многословным, скажу лишь, что основной идеей моей системы было предоставление животным максимальной свободы и показ их в загонах без решеток на волс, с тем чтобы одновременно продемонстрировать, что может сделать акклиматизация. Сооружение большого, практичного и долговременного зоопарка должно было служить примером, на котором я хотел показать любителям животных, что нет необходимости строить роскошные и дорогостоящие помещения с большими псами и что содержание животных на свежем воздухе и приучение к

климату дают гораздо лучшие результаты. Я собирался построить «рай животных» на том месте, где рос бурьян. С определенного пункта зоопарка можно будет видеть зверей разных поясов, причем для каждой разновидности будет создана возможность жить в привычных для них природных условиях. Серны, дикие овцы и каменные козлы — на искусственных горах, степные животные — на широких открытых лужайках, хищники — в неогороженных лощинах, отделенных от посетителей только глубоким рвом. В центре зоопарка должно было возвышаться главное здание с большой ареной для дрессировки и рядом большие помещения для транзитных надобностей, связанных с торговлей животными. Нам предстояло проделать огромную работу.

В октябре 1902 года планы были настолько отработаны, что можно было приступить к разбивке местности. Вскоре наш будущий зоопарк стал похож на сцену из сказки «Волшебная лампа Алладина». К сожалению, у меня не было возможности потерять сказочную лампу, чтобы тут же претворить в жизнь все желания. Над осуществлением моих планов долго и упорно трудился небольшой штаб художников, архитекторов, инженеров, садовников и рабочих, и мое создание лишь постепенно приобретало желаемую форму.

Блестели лопаты, сверкали кирки в руках землекопов, громыхали телеги и плавно катились по рельсам узкоколейки вагонетки, которые тянули рабочие слоны. Сорок тысяч кубометров земли пришлось убрать строителям для того, чтобы главный садовник Гинш с помощниками смог превратить эти пустыри в живописный парк. Высоко на вздымающихся ввысь остовах будущих горных сооружений гениальный швейцарский скульптор Урс Эггеншвилер с бригадой каменщиков и плотников при помощи резца и штукатурной лопатки изобразил альпийские утесы. Полые изнутри, они скрывают в недрах насосные станции и стойла для будущих обитателей зоопарка — диких животных из горных районов Гималаев. Одновременно вырастали стены современных отелей, павильонов и главного здания парка.

Работа непрерывно подвигалась, но в отличие от Берлинской ремесленной выставки или Промышленной выставки в Сан-Луисе строили не бутафорию из гипса и материи, а стремились впервые в мире создать животным всех широт возможность акклиматизации в северных условиях.

Когда 7 мая 1907 года гостеприимные ворота моего зоопарка открылись, деревня Штеллинген проснулась, словно спящая красавица, от своего векового сна. Тысячи людей устремились по открытой к этому дню городской железной дороге в Штеллинген и направились через монументальный главный вход в зоопарк, украшенный скульптором Иозефом Палленбергом огромными вазами, поддерживаемыми бронзовыми головами слонов. Львы и белые медведи олицетворяли животный мир тропического и арктического поясов, тогда как бронзовые статуи сомалийских воинов и индейцев сиу, отлитые Франке-Берлином, символизировали выставки народностей двух континентов.

Я стоял у входа с цилиндром в руках и приветствовал почетных гостей, которые, следуя моему приглашению, проезжали в экипажах и автомобилях. Среди них были обер-бургомистры Гамбурга и Альтоны, сенаторы, послы и консулы иностранных держав, представители властей и знаменитости, владельцы пароходных компаний и торговых домов и особенно заметные гости — директора европейских зоологических садов, зоологи и любители животных. Упомянуть хотя бы одно имя из этой массы народа значило бы обидеть многих милых друзей, которые помогали мне советом и делом и благодаря чьей помощи я имел возможность торжественно передать сегодня обществу мое создание — «рай животных». Кульминационным пунктом осмотра зоопарка был показ Фрицем Шиллингом в новом манежном зале замечательных достижений дрессировки по новой системе большой смешанной группы хищников, царей пустыни и вечных льдов, под командой их хозяина — человека. Позднее на торжественном банкете, посвященном открытию Штеллингенского зоопарка, директор Копенгагенского зоосада произнес полный юмора тост за процветание «рая животных», шутливо проведя параллель между этим «раем» и Эдемом, а меня и мою жену сравнив с Адамом и Евой.

Голоса прессы и критиков, а таких тоже было достаточно, образовали впоследствии несколько пухлых томов. Штеллинген вступил в число зрелищных предприятий, и ежедневно толпы новых посетителей устремлялись в зоопарк, посещение которого наряду с непременною поездкой вокруг гавани и осмотра океанских пароходов стало обязательным для каждого приезжающего в Гамбург хотя бы на один день. Штеллинген был включен во все гамбургские

путеводители как главная достопримечательность города. В Троицын день в первый год открытия в зоопарке побывало сорок три тысячи посетителей, а во второй год существования штеллингенского «рая животных» это число уже удвоилось. К этому времени с целью лучшей экспозиции выставок народностей и расширения новых помещений я соединил вторую часть земельного участка висячим мостом через Кайзер-Фридрихштрассе с нынешним большим парком площадью около двухсот пятидесяти тысяч квадратных метров.

Там, где несколько лет назад можно было видеть лишь картофельное поле да заброшенные, поросшие бурьяном пустыри, теперь красуется цветущий ландшафт, характер которого хотя и не соответствует ландшафту Северо-Германской равнины, но зато отвечает той цели, для которой его создали. Горные формации и скалы подымаются ввысь, у их подножий расстилаются обширные зеленые луговины, блестят зеркальные воды прудов, через которые на японский островок между покрытыми красным лаком храмовыми воротами перекинута причудливые мостики. Горы, лощины и воды наполнены своеобразной жизнью, находящейся в непрерывном движении и открывающей перед взором зрителя все новые и новые восхитительные виды. Если направиться к большому зданию, где находится главный ресторан зоопарка, и затем, повернувшись к нему спиной, взглянуть прямо перед собой, то взору откроется редкая и грандиозная панорама: «рай животных».

На переднем плане, замкнутое в широком кольце невысоких скал, блещет зеркало большого птичьего пруда, по обоим берегам которого прогуливаются фламинго, журавли, пеликаны и ибисы, а поверхность воды усеяна бесчисленным множеством лебедей, уток и гусей разных пород. Вдали простирается африканская степь. Дромадер раскачивающейся походкой догоняет бегущее стадо зебр. Длинноногие страусы гордо выступают среди нежных газелей и антилоп. Но то, что представляется взору по ту сторону продолженной в глубине парка дорожки для посетителей, ближе к виднеющемуся загону, кажется совсем невероятным и сказочным. Лишь в нескольких шагах от описанных выше травяных в открытом ущелье расхаживает группа львов, а еще дальше вырастает широкий гребень высоко вздымающихся гор, отроги которых до самой вершины кишат разными породами горных животных.

Неподвижно стоит на откосе маркорский козел, волнистая шерсть которого красиво выделяется на фоне голубого неба, но вдруг животное откидывается назад и в следующее мгновение, словно парящая птица, перескакивает через расщелину. Густорунные овцы из Северной Африки и знаменитые сибирские дикие бараны, гималайские дикие козы и множество других животных карабкаются по утесам со всех сторон. Свобода, которой радуются все эти создания, и призрачна и в то же время действительна. Львы могут в гроте свободно развивать свои силы, их отделяет от окружающего мира не решетка, а лишь широкий ров, который сделан невидимым благодаря густо посаженным деревьям. Иллюзия полная, так что большинство посетителей убеждаются в действительном существовании рва, только пройдя предварительно по вешущему к нему вдоль края утеса узкому ходу.

Мои первые попытки держать животных в условиях такой свободы я предпринял еще в 1896 году на выставке в Берлине, где мне Королевским патентным бюро был выдан патент за № 91492 на «панораму». Раньше чем строить подобные открытые помещения для зверей, я детально изучил способность к прыжку у разных пород животных. Хищники кошачьей породы были подвергнуты испытанию еще в моей большой наружной клетке на Нейсен-Пфердмаркте. Чтобы установить, как высоко могут прыгать эти животные, мы укрепили на высоте трех мет-

ров от земли на пальмовой ветке чучело голубя. Впущенные в клетку львы, тигры, пантеры и леопарды заметили голубя и старались наперебой стащить добычу с дерева. Львы и тигры прыгали не выше двух метров. Черная пантера и леопард делали

прыжки в три метра высоты, так что могли схватить ветку, однако достать голубя, который был укреплен еще выше, они, несмотря на самые энергичные старания, не смогли. Самый большой прыжок из животных кошачьей породы, которых мы специально дрессировали, удался на арене леопарду: он прыгал без разбега на три метра. Я убежден, что с разбегом он мог бы прыгнуть на четыре и даже на четыре с половиной метра.

Результаты этих испытаний были приняты во внимание при устройстве зоопарка в Штеллингене. Если бы звери при разбеге в десять метров попробовали перескочить через ров, то уже на половине прыжка они упали бы в него. Для еще большей безопасности я приказал сделать узкую канавку на внешнем крае загона. Она проходит несколько глубже, так что у животного, готового к прыжку, передние лапы будут расположены ниже, чем задние; такое неудобное положение препятствует длинному прыжку. Если же зверь пойдет вдоль этой канавки, то он будет находиться под прямым углом к направлению прыжка, — положение, которое исключает для него возможность перепрыгнуть через ров.

Панорама арктического моря, также созданная строителем искусственных гор Урсом Эгтеншвилером как свободный уголок для моржей, морских львов, белых медведей, северных оленей и водоплавающих птиц, состоит из многих гротов, ущелий и прудов. Искусственные ледяные торосы создают иллюзию полярного ландшафта, который населен всеми представителями арктического животного мира, однако так, чтобы белые медведи не могли выудить себе вкусного жаркого из бассейнов, кишаших тюленями и морскими котиками.

Всем животным, как и людям, свойственна любовь к играм. Стремление к играм пронизывает весь зоопарк, и

с этим уже насколько возможно считаются, а для удовлетворения этой потребности в будущем предполагается устройство специальных приспособлений. Для калифорнийского морского льва, который обладает прирожденным талантом к эквилибристике, достаточно бросить в воду полсно, как он сейчас же начинает им жонглировать. Носорог, напротив, по своей природе атлет, и ему нужно давать снаряды, на которых он может пробовать свою силу. Я велел повесить в стойле носорога туго набитый сеном мешок, получился своеобразный «панчинг-бол», которым пользуются в настоящее время американские боксеры для своих упражнений. Видимо, мой носорог правильно понял назначение этого приспособления: он немедленно начал ожесточенно боксировать с мешком и оказался неутомимым в этой игре. Бизоны, которые также отличаются громадной физической силой, получили для игры бочонок. Они его неустанно катали и подбрасывали рогами в воздух. Требование «Panem et circenses»¹ оказалось применимым и к животному миру для поддержания населения зоопарка в хорошем настроении.

Наряду с кормом и игрой большое значение в жизни животных имеет и третий могущественный фактор — любовь и дружба. Если бы среди животных могли существовать сплетни, широко распространенные среди людей, зоопарк был бы полон ими. Главным образом они касались бы, конечно, мезальянсов, которые здесь происходят. Что может быть несообразнее склонности кенгуру к слонихе! И все же у нас наблюдался подобный случай, причем дружба была очень тесной. Ежедневно животные играли вместе. Слониха ласкала кенгуру своим хоботом, и они не могли жить друг без друга. Другой слон, на этот раз самец, подружился с изящной самкой пони, о чем я уже упоминал. Необыкновенно часто подобные случаи наблюдаются и у птиц разных пород. Неразлучны были журавль и южноамериканский страус, а также селезень и гага; хотя я не знаю, была ли это просто дружба

¹ «Хлеба и зрелищ» (лат.).

или любовь. Там, где много солнца, там много и тени — и сценам ревности нет конца.

К наиболее интересным животным моего зоопарка принадлежат моржи, о ловле которых я со слов моего агента Оле Хансена уже рассказывал раньше, в другой главе. Морж принадлежит науке, так как пока над его жизнью в неволе еще мало сделано наблюдений. Он весьма чувствителен и требует хорошего ухода — он очень легко простуживается. Однако такого моржа мы вылечили паровыми ваннами. Моржей кормят ежедневно, как детей: сторож держит корм перед мордой, и они постепенно заглатывают его. Однако аппетит у них совсем не детский. Три молодых моржа, пойманных в октябре 1907 года вблизи острова Вайгач, съели за месяц 5035 фунтов трески и семги на сумму 710 марок. Довольно дорогие нахлебники!

Может быть, читателю будет интересно познакомиться здесь с населением города животных и их жизненными потребностями. Так, в августе 1908 года в зоопарке вместе с группами дрессированных животных находились: 91 хищник кошачьей породы, из них 49 львов, 26 тигров и 3 гибрида льва и тигра, 18 белых медведей и 12 медведей других видов, 40 гисн, волков и собак пятнадцати пород; 15 антропоидов, 109 обезьян двадцати двух различных видов, 13 слонов, 3 бегемота, 2 африканских носорога, 4 тапира, 3 жирафа, 21: верблюды, дромадеры и ламы, 57 олсней и косуль, 43 быка, бизона и буйвола, 84: дикие бараны, каменные козлы и козы восемнадцати различных пород, 43 антилопы и водных козла, 73 однокопытных, среди них 21 зебра. Далее — 3 моржа, 8 тюленей, морских котиков, морских львов и т. п. Грызунов было 96 экземпляров восьми видов; имелись 8 броненосцев, 12 кенгуру, 36 черепах, 12 игуан и т. д., 11 крокодилов и аллигаторов, а также 68 змей. Царство птиц было представлено 1072 экземплярами, из них 48 африканских страусов, 18 южноамериканских страусов, 11 австралийских страусов и 13 казуаров; кроме того, 295 водоплавающих птиц, 273 голенастых, из них 90 фламинго и 82 журавля; кроме того, 187 куриных птиц, 69 попугаев, 21 тукан, 16 хищных птиц и т. д. Всего в зоопарке находилось свыше двух тысяч животных, общая стоимость которых превышала 1 125 000 марок.

Чего требует кухня этого города, читатель сможет себе представить, когда узнает, что взрослые львы и тигры еже-

дневно съедают 10—15 фунтов мяса, что каждый взрослый слон, даже не работая, поглощает 10 фунтов овса, 5 фунтов отрубей, 40 фунтов рспы и 60 фунтов сена, к тому же он выпивает 6—8 ведер воды. Эта порция еще увеличивается, если животное работает. К деликатесам неиспорченные желудки животных не приучены, тем не менее их меню состоит из разнообразной пищи, что наглядно видно из перечня продуктов, израсходованных на содержание обитателей Штеллингеновского зоопарка в течение года:

85	107 кг конины	88	857 * овса
34	945 * говядины	7	600 * ячменя
	120 голубей	44	650 * отрубей
	270 кроликов		800 * гороха
	150 кур	8	600 * лошадиных галет
55	128 кг рыбы	7	600 * собачьих галет
	Из них:	16	700 * кукурузы
28	825 * для моржей	18	300 * кукурузной
18	156 * белого хлеба		мешанки
15	425 * ржаного хлеба	7	000 * картофеля
4	300 * капусты		850 * лошадиной
	250 * салата		мелассы
	400 * рожков	4	500 * кореньев
	800 * льняных жмыхов	99	555 * рспы
3	000 * каштанов и желудей	1	225 * конопли
	210 * фиников	1	205 * гречихи
4	500 штук яиц		975 * проса
1	104 кг овсяной муки	1	625 * риса
13	838 л молока	60	000 * прессованной
12	110 кг пшеницы		соломы
86	000 * прессованного сена	12	400 * тимофеевки
76	559 * лугового и горного	6	000 * лишайников
	сена	6	850 * рубленого сена
15	000 * клевера	22	980 * овсяной соломы

К этому нужно еще добавить 50 000 килограммов ржаной и овсяной соломы, 30 000 килограммов торфяной подстилки и около 240 000 килограммов кокса и угля. Общая стоимость перечисленных в этом списке товаров составляла 150 000 марок. В эту сумму входят и затраты на мясные супы, молочные и фруктовые супы, ягодное вино, муку, вишни, виноград и другие южные фрукты для человекоподобных обезьян, представленных в зоопарке шимпанзе Морицем и четой орангутангов Якобом и Розой.

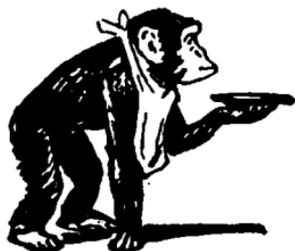
Обоих орангутангов я купил у фермера, который привез их совсем маленькими с острова Борнео и выкормил с рожка. Они прожили у него семь лет и с детского возраста

привыкали к обществу людей. Во время обеда они сидели за общим столом и ели то же, что ели фермер и члены его семьи. Короче, на них смотрели, как на детей, и они держали себя за столом прилично и благонаравно. Эту привычку они сохранили и в Штеллингсене. Чтобы возместить им недостаток общества, я приставил к ним отдельного сторожа, которому поручил уход за животными и заботы об их развлечении. Я надеялся этим заставить животных забыть о потерянной свободе и не дать им скучать. Мои предположения оказались правильными. Я был бесконечно рад, когда убедился, что обезьяны не только хорошо себя чувствовали, но и очень развивались в умственном отношении. Когда сторож отсутствовал, Мориц скучал и пытался развлечь себя разными проделками, преимущественно со своими соседями — орангутангами. В забавных схватках Мориц почти всегда оставался хозяином положения, ловко увертываясь от объятий Якоба. Хотя Якоб стремительно бросался вслед, но ему редко удавалось схватить Морица, так как орангутанги никогда не прыгают и вообще гораздо медлительнее в своих движениях, чем шимпанзе.

Исключительную находчивость показал шимпанзе в своем стремлении выйти на свободу. Поскольку павильон для жирафов, в котором живут обезьяны, очень высок, то деревянную перегородку не довели до крыши, так как полагали, что обезьяны не смогут перелезть через нее и таким образом выбраться наружу. Мориц был, однако, другого мнения. Он не только сам решил выбраться на свободу этим путем, но склонил к побегу свою подругу Розу, что свидетельствует о действительно высоком взаимопонимании среди обезьян. В обезьяньей клетке находился большой полый металлический шар. Мориц убедил Розу поднять вместе с ним этот шар на стоявший в другом углу спальный ящик. Как только Роза стала на шар и прислонилась во весь рост к стене, Мориц вскарабкался к ней на плечи и одним прыжком перескочил через перегородку к жирафам. Те не обратили никакого внимания на шимпанзе. Если же они близко подходили к нему, то Мориц меткими ударами своих кулачков избавлял себя от их назойливости.

Когда сторож вернулся, он никак не мог понять, как Мориц убежал. Лишь когда Морица поймали при второй попытке к бегству, высоту перегородки пришлось уве-

личить. Но шимпанзе не растерялся, он придумал нечто другое. Не напрасно в клетке висела прикрепленная к потолку толстая веревка. Мориц знал, что если на ней сильно раскачаться, то можно ловким прыжком очутиться на свободе. Но в конце концов и этот путь был отрезан, потому что доски перегородки довели до самого потолка. Однако Мориц не унывал и однажды удивил своего сторожа тем, что, отобрав у него ключи, стал пробовать по очереди, какой из ключей подходит к замку. Наконец, он нашел нужный ключ. Я как раз случайно проходил мимо, и когда мне рассказали, как было дело, я невольно спросил: «Мориц! Как ты это сообразил?» И как будто в ответ на мои слова по лицу обезьяны пробежала лукавая усмешка — показывая мне на ключ, он словно хотел сказать: «Отпер вот этим ключом».

О высоком интеллектуальном развитии обезьян свидетельствует еще и такой факт, что Якоб, для того чтобы вывернуть всякий замок из железного засова, стал пользоваться как рычагом выломанным им железным прутом. Каждому любителю животных, несомненно, доставило бы большое удовольствие наблюдать, как обедают человекоподобные обезьяны. Три обезьяны получали на завтрак, кроме сладких плодов, молоко и хлеб, а к обеду те же блюда, которые подаются к столу в любой семье. Они любители покушать и привыкли к хорошей домашней кухне, которая им очень нравится. Иногда им дают к обеду красное вино пополам с водой. Причем Якоб оказался более тонким ценителем вина, чем Роза, она, как и поло-

жено даме, меньше любила алкоголь. Сторож обучил всех трех обезьян так хорошо сидеть за столом, что смотреть на них доставляет большое удовольствие. Мориц разыгрывает при этом роль старшего официанта. Он разносит блюда, относясь к этому делу с большой серьезностью. После обеда он должен убрать со стола. Суп обезьяны ловко черпают ложками, однако если сторож перестает за ними наблюдать, они забываются и начинают хлебать суп без ложки. Но одно слово сторожа — и ложки снова в действии, к огромному удовольствию всегда толпящихся у клетки зрителей.

Когда однажды мой внук Фриц Вегнер и молодой английский укротитель Ройбен Кастанг проезжали мимо обезьяньей клетки на велосипедах, четверорукие как сумасшедшие начали копировать их движения. Что могло быть проще, как направить этот открыто выражаемый интерес на правильные рельсы! И спустя несколько дней Мориц уже усердно нажимал на педали, разъезжая на своем детском велосипеде по дорожкам Штеллингенского зоопарка. Природным сангвиникам катание на велосипеде доставляет много удовольствия. Часто он так быстро едет, звоня и громко крича, что сопровождающий его сторож едва за ним поспевает.

Я не могу перечислить всего, чему удалось обучить это умное животное. Одним словом, он ведет себя совсем как человек и выполняет такие трюки, которые можно увидеть только у артистов. Мориц даже одет как человек. Он носит чулки, ботинки, белье, жилетку, пиджак и шапочку. Он ест те же блюда, что и его верный учитель и спутник Р. Кастанг. Он спит в его кровати, курит его сигареты, пьет его вино, а когда путешествует, то едет во втором классе!

Весной Мориц выезжал на короткое время в Штеллинген. Когда он меня увидел, то буквально бросился мне на шею, и очень трогательно было наблюдать, что он радовался нашей встрече. Теперь он снова путешествует, так как ангажирован в разных городах Европы.

По моему мнению, гибель человекообразных обезьян, особенно горилл, в неволе объясняется не столько плохим внешним уходом за ними, сколько неумением действовать на их духовное состояние. Слишком мало значения придавали до сих пор чувствительности этих высокоорганизованных обезьян, и я убежден, что большинство горилл

погибло в неволе от тоски по родине. Интересное зрелище представляла встреча моих трех обезьян с гориллой, которую вместе с двумя ее спутниками, маленькими неграми, привез к нам в зоопарк из Камруна господин Генике. Шимпанзе выражал свое восхищение сначала громкими возгласами, а затем попытался просунуть свои руки через решетку и притянуть к себе гориллу. Когда ему это не удалось, он рассердился и закидал ее песком и камнями. Орангутанги тоже проявили большой интерес к пришельцу и со своей стороны пробовали через решетку ухватить его. Орангутанг Якоб, подражая шимпанзе, стал также кидать в него песок и камни, тогда как Роза от волнения начала играть, что выглядело очень забавно. В общем это было редкое зрелище — встреча трех представителей человекоподобных обезьян со своим дальним родственником. Игра обезьян на музыкальных инструментах всегда вызывает у публики взрывы хохота. Только дай им в руки барабан, бубен, цимбалы... и пошло! Они работают всеми четырьмя руками, дают фортиссимо во всех тонах, и когда оторвешься от гримасничающих, объятых музыкальным пылом исполнителей и посмотришь на умирающую от смеха публику, то не знаешь, кому эта музыка доставляет больше радости — сидящим перед решеткой обезьяньей клетки или находящимся внутри нее.

Само собой разумеется, что невозможно при наличии тысяч различных животных уберечься от болезней. Не всегда болезни бывают так опасны, как холера, которая, как я уже упоминал об этом раньше, в течение короткого времени почти уничтожила всех моих животных. Я не причисляю к особым проявлениям болезненности и те, которые обнаруживаются у многих животных после утомительного перехода из глубин далеского континента и переезда через несколько морей и океанов. Читатель припоминает из главы «Ловля диких зверей...», какое сильное возбуждение и изнеможение вызывает это у многих животных. Когда новый транспорт животных поступает в зоопарк, то первой задачей тех, кому поручен уход за животными, является успокоение их нервов и восстановление их нормального здоровья при помощи размеренного питания и постепенного приучения к климату. Когда животные придут в нормальное состояние и несколько акклиматизируются, им начинают давать пищу в соответствии с твердыми, установленными мною правилами. Взрослый

лев получает предписанный ему рацион. Три раза в неделю ему дают конину и раз в неделю — говядину, включая голову и сердце. Один раз в неделю для хищников устраивается постный день. Это делается не ради экономии, а потому, что и на воле хищники не каждый день «обедают» мясом и такое кормление ближе подходит к естественным условиям. Я даю также много костей, так как справедлива пословица, что «кости помогают образованию костей», и кроме того они укрепляют челюсти. У меня был удивительно красивый берберийский лев, который страдал от фистулы на передних клыках, и кроме того у него была поражена верхняя челюсть. Сначала ему давали молоко, яйца, рубленую говядину — такую пищу, которая не раздражала воспаленного места. Вспухшие губы скоро приняли свой нормальный вид, животное снова окрепло, и тогда я стал давать ему кости, причем испорченные зубы сломались и выпали сами собой.

Очень интересный случай, подробности которого больше могут интересовать специалистов, чем читателя, произошел у меня во время болезни индийской буйволихи, которая заболела у себя на родине еще до отправки. У нее по невыясненной причине началось сильное воспаление носа. Животное сильно лихорадило, и оно худело на глазах. Исследование показало, что воспаление произошло от нарыва, наполненного червями. Бедную буйволиху сначала стали лечить научными методами, однако улучшение не наступило. Но вот однажды пришел старый индус, который заинтересовался больным животным. Когда ему сказали, что было испытано много разных средств и все оказались напрасным, он улыбнулся в ответ и сказал, что вылечит буйволиху за один день. Мы все равно считали животное потерянным и охотно дали согласие на опыт. Он исчез и вернулся через несколько дней с пучком цветущих веток неизвестного нам кустарника. Все, что я могу сказать об этом растении, это то, что его цветы распространяли довольно резкий, одуряющий запах. Этот пучок индус крепко привязал к хвосту животного. Буйволиха, обеспокоенная этим, начала обмахиваться хвостом и бить им себя по голове, пытаясь сорвать ветки с хвоста. Тем самым она приводила их в соприкосновение со своим носом и пастью. Через некоторое время черви, словно одурманенные, посыпались сами из носа. Нарыв вскоре зажил, и животное выздоровело окончательно.

Так же просты, как этот домашний способ,— конечно, когда их знают,— и все другие лечебные средства, которые я сам нашел, создав со временем стройную систему подобных методов лечения. Я всегда при лечении различных болезней, кроме заразных, старался пользоваться старинными домашними средствами. Да было бы совершенно невозможно звать каждый раз врача, когда кто-либо из моих тысяч питомцев заболел насморком или повреждал себе ногу. В качестве примера, когда в подобных случаях благодаря наблюдательности и сообразительности я добивался успешного результата, могу привести случай с белым медведем. У него вследствие недостатка движения — а у прежнего хозяина медведь содержался в тесной клетке — когти на задних лапах не только вросли в мясо, но прямо-таки прошли насквозь и вышли наружу. Подобные неприятности случаются с белыми медведями довольно часто, так как они имеют привычку при каждом повороте садиться на задние лапы всем туловищем. Я приказал сколотить большой пересадочный ящик и заставил медведя перейти в него из большой клетки. Спереди ящик был снабжен решеткой, на которую медведь становился, когда я с несколькими сторожами кантовал ящик. Это было сделано для того, чтобы обрезать животному когти, не связывая его и не подвергая наркозу. Когда медведь встал на ноги, ящик при помощи веревок подняли на козлы. Затем я подлез под решетку и стальными щипцами для резки проволоки обрезал ему когти, предварительно крепко привязав сначала одну, потом другую ногу. Отрезанные когти можно было сравнительно легко отделить от воспаленного гниющего мяса. После того как операция была закончена, медведь перекочевал в другую клетку, пол которой был выложен цинковыми листами. Я приказал наполнить клетку наполовину водой; таким образом, медведь был вынужден лежать задними лапами в воде, которую постоянно меняли и охлаждали. Через две недели медведь совсем выздоровел и был продан по высокой цене в один из зверинцев.

В животном мире широко распространена также любовь к алкоголю и сахару. Я не скажу ничего нового, отметив, что скаковым лошадям дают перед скачками шампанское и этим же вином протирают им ноздри. Давно всем известно, что обезьяны охотно пьют вино и водку, а читатель вспоминает подвыпившего слона, который при перевозке

причинил мне много неприятностей и наконец во хмелю уснул, растянувшись на соломе. О спаивании водкой медведей — к тому же с очень жестокой целью, вызывающей возмущение каждого любителя животных, — я узнал случайно при продаже нескольких европейских медведей владельцу одного зверинца Мальфертснейеру. Когда я передавал ему медведей, то заметил, что его клетки были ненадежны для таких необыкновенно крупных и сильных экземпляров. В это время подоспел как раз цыганский табор, проявлявший большой интерес к медведям. Мальфертснейер узнал, что у них водятся деньги, и перепродал приобретенных медведей этой компании предсказателей будущего и бродячих лудильщиков. На вопрос, как они думают везти купленных медведей, которые еще не были дрессированы, без клеток и каких-либо вспомогательных средств, цыгане только лукаво улыбнулись и ответили, что это уже их дело. Первое, что сделали цыгане, когда звери перешли в их собственность, — это заставили их два дня голодать. Затем они притащили бочку сельдей. Несмотря на отвращение к подобной пище, косолапым пришлось покориться. Голод сильнее отвращения. На третий день медведи съели все сельдки и почувствовали страшную жажду. Однако их новые жестокие хозяева воды не дали, а подсунули чан с подслащенным спиртом. Медведи жадно набросились на вкусную жидкость, перепились и уснули крепким сном. Тогда цыгане бесстрашно вошли к ним в клетку и клещами выломали у совершенно безопасных зверей клыки и вырвали когти. Они не думали о том, что медведи могут проснуться во время операции. Вырывая животным когти прямо с мясом, эти люди не испытывали никакого сострадания. Одновременно обоим медведям продели сквозь ноздри железные кольца и на шею надели цепь, проходящую через носовое кольцо. Закованных и теперь уже беззащитных животных цыгане погрузили на телегу и уехали с ними. Через несколько часов, уже в пути, медведи проснулись, упали с повозки и должны были на цепи следовать за своими хозяевами. В довершение всего цыгане надели им намордники, которые были, впрочем, совершенно излишни, так как наполовину еще пьяные и слабые от боли животные и не думали о нападении на своих мучителей.

В 1908 году я задумал основать в Штеллингене первую немецкую страусовую ферму. Спустя год мой проект уже

был претворен в жизнь. На большой поляне разгуливали сотни страусов всех африканских видов, обитающих на пространствах от мыса Доброй Надежды до Голубого Нила. Среди них уже было много молодых птиц, выросших в Штеллингене. Наибольшее удивление вызывал, однако, инкубатор с такими же инкубационными аппаратами, как на калифорнийских страусовых фермах. Мы наблюдали, как страусы вылуплялись из яиц, подсушивались на песке, обогреваемом змеевиками с паром, и первые дни питались крошечными кусочками яичной скорлупы. Хорошо обогреваемое помещение было окружено толстыми стеклянными стенами. Внутри инкубатора был устроен небольшой засеянный люцерной луг, на котором молодые страусы паслись первые дни. Позднее они по своему желанию могли через стеклянные двери выходить наружу и получать на волю ту же пищу, что и взрослые птицы. Спустя полгода у подросших молодых страусов обрезали перья — мучительная процедура, повторяемая каждые девять месяцев.

Любителям животных я открою секрет, что страусы, если они здоровы, всегда находятся на открытом воздухе, благодаря чему у них и вырастают такие пышные перья. Ежегодные снежные ванны этих забавных тропических птиц, несомненно, относятся к наиболее интересным зрелищам моего зоопарка.

Если моя профессия и грандиозность моего предприятия заставляют меня часто делать скачки из области ветеринарии в область дамских мод, то еще чаще мне приходится выходить за пределы научной зоологии, затрагивая смежные отрасли науки. *Panta rhei* — все течет, — говорил Гераклит¹, признавая тем самым, что фауна, населяющая в настоящее время земной шар, не была создана в один день, а непрерывно развивалась из неизвестных начал в течение различных геологических эпох. На протяжении существования Земли возникали в соответствии с климатическими и биологическими условиями различные животные миры, которые, как это доказывает нам палеонтология, исчезали с лица Земли, когда изменялись условия жизни. Находки скелетов исчезнувших животных и окаменелостей дают нам представление о тех доисторических гигантах, которые некогда населяли нашу планету. В 1861 году у Зо-

¹ Г е р а к л и т — древнегреческий философ, живший в V веке до нашей эры.

лингофена был найден окаменелый отпечаток летающего ящера. Дальнейшие находки привели к реконструкции доисторической птицы археоптерикса. В Америке находка хорошо сохранившегося целого скелета диплодока произвела подлинную сенсацию, а меня навела на мысль поставить это чудовище, вытесанное из камня, на новой территории моего зоопарка.

Для осуществления этого замысла я нашел подходящего скульптора в лице Иозефа Палленберга, который еще раньше вылепил замечательные, привлечшие всеобщее внимание барельефы крокодилов и ящериц для павильона рептилий в моем предприятии на Нейен-Пфельдмаркте. Я отправил молодого дюссельдорфца, который был в восторге от моего предложения, в Аргентину, в музей Ла-Плата для изучения на месте найденных останков доисторического гиганта. Палленберг внимательно изучал находки доисторических животных в музеях Берлина, Парижа, Лондона и Нью-Йорка и так удачно восстановил их облик, что его модели заслужили признание и удостоились похвалы знаменитых европейских и американских палеонтологов.

В 1908—1909 годах Палленберг совместно с целым штабом сотрудников создал скульптуры допотопных чудовищ в натуральную величину. Вот доисторический носорог схватился не на жизнь, а на смерть со стегозавром. А вот аллозавр пожирает труп бронтозавра и над вершинами деревьев поднимается страшная голова игуанодона, который своим длиннохвостым туловищем немного напоминает гигантского кенгуру. Из мутной воды высовываются пасти покрытых твердой чешуей предков современных крокодилов. Летающие драконы, зацепившись своими крыльями за выступы утесов, взирают на сказочное создание — трехрогого быкозавра и других доисторических животных, среди которых двадцатичетырехметровый диплодок привлекает к себе особое внимание зрителей. Этот ископаемый ящер, весивший свыше 20 000 килограммов, должен рассматриваться как самое крупное млекопитающее, когда-либо жившее на суше. И только гигантский, или голубой, кит, который в семь раз тяжелее диплодока, но немислимый вне просторов Атлантики, является, несомненно, самым грандиозным млекопитающим, которое когда-либо создавала природа. Огромные размеры этого морского колосса посетитель зоопарка может лишь тогда полностью осоз-

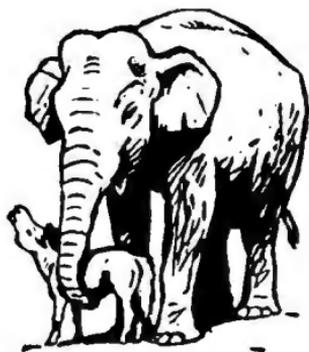
пать, когда он проходит через выставленную рядом с ар-
хитектурной панорамой челюсть гренландского кита, подо-
бную portalу собора.

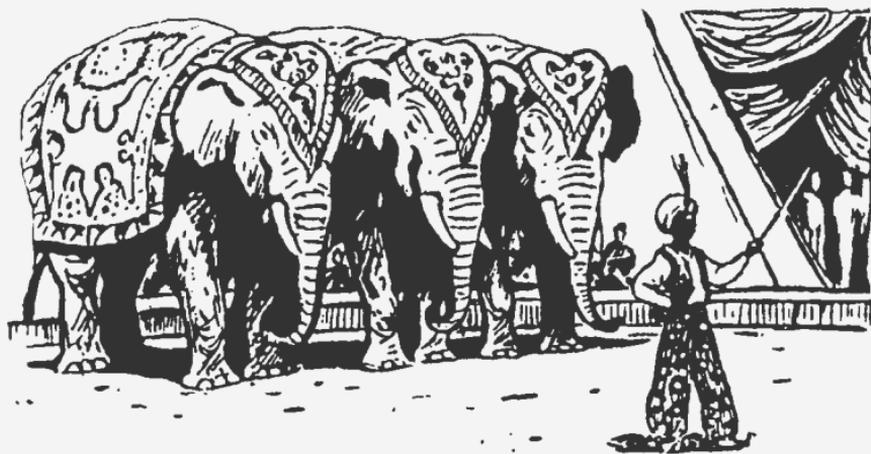
Разве океанские просторы, не исследованный еще под-
водный мир или очаги лихорадки — болота глубинной Аф-
рики, где еще не ступала нога человека, — не хранят следы
исчезнувших эпох, к которым перебрасывает мостики хра-
нительница древностей нашего животного мира — Австралия.

Не раз привозили мне мои экспедиции из глубин боль-
ших континентов полученные от туземцев сведения о не-
известных нам видах животных. Не так часто, как многие,
может быть, думают, эти рассказы являются обманом или
преувеличением, гораздо чаще тщательная их проверка
приводила к новым важным открытиям. Большой извест-
ностью пользуется в современном животноведении находка
останков гигантского тихохода в Южной Америке. У всех
еще свежо в памяти возбуждение в научных кругах, вы-
званное открытием окапи. Очень часто примитивные об-
разцы произведений искусства туземцев дают указания на
существование неизвестных видов животных. Так, напри-
мер, несколько лет назад я получил из разных источников
сведения о рисунках на скалах и в пещерах Родезии. Одно
сообщение исходило от моего агента, а другое — от одного
высокопоставленного англичанина, который съездил туда
охотиться на крупную дичь. Первый прибыл в центр кон-
тинента с юго-запада, второй — с северо-востока. Приме-
чательно, что показания обоих совпадали с рассказами ту-
земцев о появлении чудовища, наполовину слона, наполо-
вину дракона, которое обитало в непроходимых болотах.
Еще несколько десятков лет назад мой замечательный
агент Менгес сообщал о подобном сказочном чудовище. В
Центральной Африке на стенах пещер были также обна-
ружены сделанные туземцами примитивные рисунки, изо-
бражающие это чудовище. Из всего того, что я узнал,
следует, что речь идет о каком-то виде бронтозавра. Све-
дения, полученные мною из столь разных источников и
тем не менее хорошо согласующиеся между собой, убеж-
дают меня в том, что это животное существует и поныне,
тем более что, по уверениям местных жителей, ни кро-
кодилы, ни бегемоты в этой местности не водятся. Я при-
вожу все эти сообщения с оговоркой, так как мои агенты
утверждают, что подобное животное не встречается в этих
районах. Затратив большие средства, я тотчас же снарядил

экспедицию в этот район Африки, однако ей пришлось вернуться ни с чем, во-первых, потому, что в этих непроходимых, тянущихся несколько сотен километров болотах мои люди заболели тяжелой формой лихорадки, а во-вторых, продвижению экспедиции сильно мешали частые нападения воинственных туземцев. В другой раз я принял участие в многообещавшей экспедиции Тендагуру, которая хотя и не нашла неизвестное болотное чудовище, но зато привезла останки доисторического животного огромных размеров.

Несмотря на это, я не теряю надежды, что мне удастся доставить нашим зоологам доказательства существования такого животного и тем самым дать толчок новым открытиям. Ибо когда люди убедятся в том, что и теперь еще существует животное, которое уже несколько тысячелетий считают вымершим, они с новой энергией примутся за поиски неизвестных еще видов животных суши и моря.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(из предисловия и послесловия Лоренца Гагенбека
к опубликованному в 1948 году
юбилейному изданию книги)

«Вся моя жизнь прошла в практической работе. Я впервые пробую в этих набросках перейти из области дела в область слова. Я не профессиональный писатель и должен просить снисхождения у опытных литераторов, а также и у публики. Я надеюсь, что содержание настоящего труда искупает его форму изложения, с которой мне нелегко было справиться в этой первой и последней моей книге», — так писал мой отец в 1908 году в предисловии к первому изданию воспоминаний о своей жизни.

Еще четыре года нам было суждено работать втроем над расширением уже тогда широко разветвленного по земному шару нашего предприятия. Мне, Лоренцу Гагенбеку, было поручено управление нашим цирком, находившимся в Северной Америке на гастролях после окончания Всемирной выставки, а также руководство заморской торговлей зверями. В то время как Генрих устраивал по образцу Штеллингена зоологический сад в Риме и снабжал его зверями через Гамбург, я снаряжал по случаю гастролей нашего цирка в Буэнос-Айресе в 1910 году первую экспе-

дицию в Антарктику. Удачливый путешественник Иоганн Палленберг, брат известного скульптора, привез в Штеллинген впервые трех морских слонов и несколько редких видов пингвинов, которые, будучи выставлены в новом бассейне панорамы Южного полюса, вызвали сенсацию. Другой достопримечательностью сезона были привезенные Гансом Шомбургком из Либерии карликовые бегемоты.

К сожалению, в первые сорок лет существования нашего предприятия по торговле животными многие из привозимых редких экземпляров не были еще достаточно изучены зоологами. Брауншвейгский профессор доктор Ноак был первым зоологом, изучавшим сомалийского ослика (*Asinus somaliensis* Noak), который в свое время привлек внимание Бисмарка, и после этого всегда проявлял интерес к вновь поступающим к нам животным, разделяемый также и Лидеккером в Англии. К 1913 году уже насчитывалось 60 новых видов млекопитающих животных, которые впервые были живыми ввезены в Европу Гагенбеком. Позднее, когда находившийся у нас на службе зоолог — доктор Соколовский, доктор Кноттнерус-Мейер, профессор доктор де Бо и Жуковский — посвятили себя изучению этой области зоологии, число новых видов значительно увеличилось и не ограничивается доставленным впервые в 1937 году живым морским леопардом (*Ogmorhinus leptonych* Blainville). Если столь большой интерес вызвали млекопитающие животные, хотя и известные ученым, но никогда не показанные в неволе ни в Германии, ни в Европе, ни вообще где бы то ни было, то еще большее внимание со стороны зоологов было обращено к тем видам животных, которые благодаря нашему импорту демонстрировались впервые. В научной литературе таким животным давали названия с приставкой «hagenbecki», как, например, гигантскому кенгуру (*Macropus hagenbecki* Rotschild, Северная Австралия), которого в данном случае так классифицировал английский любитель животных сэр Уолтер Ротшильд.

Сотнями насчитываются новые виды животных, которые обнаружил в Восточной Сибири наш старейший, ныне здравствующий 97-летний путешественник Фриц Дорриес, собравший за двадцать семь лет своего пребывания в этой части России около 87 000 экземпляров одних только насекомых, бабочек и т. п. Он был другом детства моего отца и сыном упомянутого в первой главе книги булочника, которому мой отец показывал свою коллекцию жуков из Вест-Индии. Когда оба приятеля поймали своих первых лягушек у гамбургских городских стен, то стража

с алебардами, охранявшая Миллернские ворота, брала еще с прохожих по шиллингу за право прохода через эти ворота, а спустя 25 лет молодой энтомолог исходил для Карла Гагенбека вдоль и поперек остров Сахалин, и это было в то время, когда мой отец снабжал животными устроенный по его плану североамериканский зоологический сад в городе Цинциннати (штат Огайо).

К началу нашего века имя Карла Гагенбека стало нарицательным во всем мире. Дело, которому он посвятил свою жизнь, получило заслуженное признание. Зоологические и научно-естественные общества Франкфурта-на-Майне, Копенгагена, Лондона, Москвы, Парижа, Амстердама и Нью-Йорка выбрали его своим почетным членом. Парижская Академия наук присвоила ему почетное звание *Officier d'Academie de France*. Бесконечное число знаменитостей посетило моего отца, выражая ему свое восхищение и признательность. К сожалению, нет больше среди нас моего брата Генриха — прирожденного летописца... Он был оформителем многих европейских и североамериканских зоологических садов и строителем новых громадных загонов в Штеллингене, тогда как мне было предопределено объехать с цирковым балаганом девять раз вокруг земного шара и зарабатывать в мильрейсах, долларах, иснах и пиастрах деньги, которые были жизненно необходимы для подобного предприятия.

Последние месяцы жизни Карла Гагенбека все мы вспоминаем с глубокой скорбью. Он предчувствовал близкий конец и своевременно составил завещание, не забыв в нем никого из своих старых сотрудников. До самого последнего дня он выезжал в зоопарк к своим любимцам, которых он всех хорошо знал.

Вечером 14 апреля 1913 года газетные телеграфные агентства разнесли по всему миру весть о смерти Карла Гагенбека. Еще в течение долгого времени после этого международная пресса посвящала «королю зоологических садов и торговцев зверями» обширные статьи и длинные некрологи, в которых отображались жизнь и деятельность моего отца. Знаменитые писатели брались за перо, составляя прочувствованные некрологи. На третий день наши сторожа еще раз пронесли через весь зоопарк гроб на его пути к Ольсдорфскому кладбищу, останавливаясь согласно последней воле моего отца на его любимых местах.

Нам после его смерти остался как самое дорогое завещание плод труда всей его жизни — Штеллингенский зоопарк. На наших плечах лежала тяжелая задача: необхо-

димо было спасти и по мере сил восстановить наше разветвленное по всему миру предприятие, жестоко пострадавшее в результате двух разорительных мировых войн. После Первой мировой войны мы еще располагали, хотя и сильно поредевшим, зоопарком и источником для его восстановления в виде успешно гастролировавшего в нейтральных странах «Цирка Карла Гагенбека», а после второго мирового пожара казалось, что новаторскому делу моего отца был нанесен смертельный удар.

Сотни ценных и требующих долгого времени для их выращивания животных вместе со многими павильонами и загонами Штеллингенского зоопарка были уничтожены за 90 минут бомбардировкой в 1943 году. Разрушено было и здание нашего цирка в Вене, а также почти все оборудование странствующих цирков. Смерть вырвала из наших рядов ближайших сотрудников. Нет больше среди нас моего незабвенного брата Генриха и моего любимого сына Герберта.

На фоне чадающих груд мусора, несмотря на невероятную нужду в самом необходимом, мы немедленно начали работу по восстановлению Штеллингена. Наши brave рабочие слоны совместно со старыми сторожами и служащими убирали обломки зданий и развалины павильонов. Спустя год уже зеленели свежие газоны на сожженных бомбами участках зоопарка и цветочные клумбы распространяли аромат на месте воронок от бомб. Подобно эмблеме Штеллингена, карабкаются каменные козлы по вздымающимся ввысь зубцам утесов, взирая с высоты на животный мир всех частей земного шара, который хотя и сильно поредел по сравнению с прошлыми временами, но снова будет ежегодно приносить миллионам посетителей удовольствие и давать им знания. Мой племянник Карл Генрих и мои сыновья Карл Лоренц и Эрих делят со мной как четвертое гагенбекское поколение все заботы по восстановлению и поддержанию в надлежащем порядке нашего основанного в 1848 году предприятия.

Пусть эта вновь изданная книга найдет путь к любителям животных во всем мире. И тогда эти воспоминания о жизни Карла Гагенбека, которого называли «королем зоологических садов», выполнят свое назначение: они пробудят у людей любовь к животному миру, научат их понимать его и откроют им глаза на этот мир во всем его чудесном великолепии.

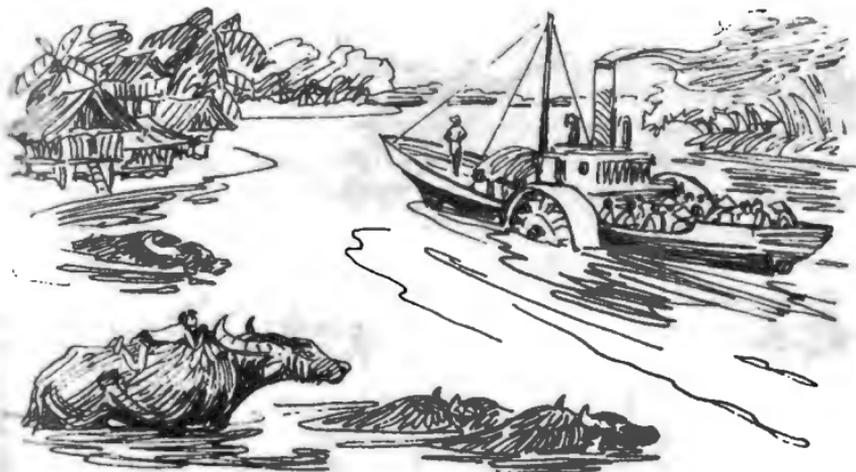
ЧАРЛЬЗ МАЙЕР

Как я ловил диких зверей

Перевод с английского
Т. Л. ШЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

Charles Mayer
HOW I CAUGHT WILD ANIMALS

Глава первая ГОРА ДУХОВ

Восемнадцать лет жизни я провел на Малаккском полуострове, ловя диких зверей; возвратясь в Америку, я написал книгу о моих приключениях. Я получил много писем от читателей со всевозможными вопросами: «Какое животное может считаться самым сильным в мире?», «Каковы размеры грудной клетки у большого орангутанга?», «Может ли орангутанг победить слона?» Мне писали врачи, интересовавшиеся причинами и историей обычной в джунглях лихорадки, которой я переболел. Дрессировщик слонов просил у меня сведения о способах дрессировки.

У меня было много дел. Я отправил в Сиднейский зоологический сад целый корабль диких зверей. Но мне очень хотелось раздобыть носорога и нескольких тигров и леопардов, в которых нуждался Гамбургский зоосад Гагенбека. Я решил опять поехать в Тренгану¹, изобиловавшую дикими зверями.

¹ Т р е н г а н а — туземное княжество в восточной части Малаккского полуострова. Входит с 1948 г. в Малайскую Федерацию.

Прибыв в куалу (столицу) Тренганы, я сразу направился к знакомому султану. Он был очень рад мне, потому что я привез ему подарок — фонограф. Фонограф необычайно занял его. Он уже успел создать должность «мастера музыки», чтобы управляться с шарманкой (снабженной барабаном, цимбалами и другими усовершенствованиями), которую я ему привез в прошлый свой приезд. Султан призвал «мастера музыки» и приказал ему заставить фонограф играть на расстоянии. «Мастер» дрожал от страха при виде нового таинственного, как духи, существа, воспроизводившего человеческий голос. Султан, однако, не боялся ничего и очень забавлялся страхом своих приближенных. Банджо и оркестр их положительно пугали. Зато смех им очень понравился. Женщины, впрочем, были от всего в восторге.

Я сказал султану, что хочу ехать в глубь страны — попытаться половить зверей. Он пожелал удачи и предложил мне своих людей.

После пятидневного пути вверх по реке Тренгане мы достигли последнего кампонга (становища) на северо-западе. Дальше не проникал ни один туземец. Там лежала Букит-Ханта — Гора Духов. О ней шла дурная слава. Я давно стремился в эти края, потому что, по рассказам туземцев, они изобилуют дикими зверями. Но туземцы говорили, что там водятся духи. Тот, кто отважится подняться на эту гору, или будет съеден тигром, или — что еще хуже — будет превращен в тигра...

Когда я начал расспрашивать о дороге на гору, я наткнулся на непроницаемую стену молчания. О Горе Духов даже говорить не полагалось. Я решил бороться с суевением тем же оружием, то есть с помощью суеверия же, и рассказал всей деревне, что я — пауанг (заклинатель духов). Уверив туземцев, что с самого дня рождения меня никогда не преследовал ни один злой дух и пообещав им защиту и безопасность, я попросил их только дойти со мной до подножия горы и взялся достать проводников из племени сакаев, живших поблизости в джунглях, и говорил так уверенно, что убедил туземцев. В конце концов мне удалось собрать достаточное число мужчин, пожелавших пойти со мной. Я решил подняться на Гору Духов, если только это вообще возможно человеку, в надежде найти какую-нибудь реку, текущую оттуда к морю. Ведь я находился в глубине страны, и, если мне удастся пой-

мать каких-нибудь зсрей, мне необходимо будет найти средства доставки.

Мы дошли до ближайшего кампонга и застали его пенгулю (старейшину) в состоянии сильнейшего смятения. Его окружали плакавшие и кричавшие женщины и дети. Он метался из стороны в сторону, тщетно приказывая: «Тише!.. Тише!..»

Мне он крикнул: «Бсда, бсда, туан (господин)! Ох, какая беда!..»

Я спросил у него, в чем дело. Его ответ удивил бы меня, если бы я не знал так хорошо обычаев этих краев. Оказалось, только что был страшный бой за обладание деревом дюриан¹, в диком виде росшем в джунглях. Туземцы готовы на любой подвиг, на любую жертву, чтобы только добыть необыкновенные плоды этого дерева. В боище было убито четверо мужчин и одна женщина, а двое мужчин и одна женщина тяжело ранены. Убитых только что похоронили. Теперь старейшине предстояло отправиться в куалу и донести обо всем случившемся султану. В данную минуту он собирался отправить раненых в столицу, чтобы там заключить их в тюрьму. Они лежали тут же на грубых носилках; состояние их казалось мне безнадежным. Я уверен был, что они не вынесут дороги и умрут раньше, чем прибудут в куалу. Я так и сказал старейшине, но он отвечал, что ему нет дела до страданий раненых. Если они умрут по дороге, значит, такова воля Аллаха. Но они должны быть в куале, все равно, живые или мертвые, иначе султан накажет его. Как старейшина он за все отвечает.

Отчаянные битвы за обладание дюриановыми деревьями случаются там постоянно. Если такое дерево попадается на пограничной линии, то бывает, что целые племена истребляют друг друга в борьбе за захват его.

Плод этого дерева видом и размером немного напоминает ананас. Он заключен в зеленую кожуру, утыканную твердыми колючими шипами. Хотя кожура очень плотная, но режется или отрывается легко. Сам плод внутри делится на пять-шесть долей, вроде апельсина. К сожалению,

¹ Д ю р и а н, или дурьян — *Durio zibetinus*. Плоды этого дерева из-за своего чрезвычайно резкого запаха не допускаются на английские пароходы, объедки их запрещено выбрасывать на улицы. Оценка вкусовых качеств крайне противоречлива.

никто не может попробовать этого плода, не побывав в джунглях: он портится слишком быстро, и вывозить его невозможно. Дерево, на котором плоды растут, похоже на наши вязы, только кора у него глаже; оно достигает шестидесяти — семидесяти футов вышины. Созревая, плоды сами падают на землю, так что туземцам не надо взбираться за ними на дерево. Когда приближается пора созревания, туземцы строят шалаши вокруг дерева и ждут. При этом они очень остерегаются, чтобы плоды, падая, не задели людей, так как острые шипы дюриана причиняют опасные, кровавые раны.

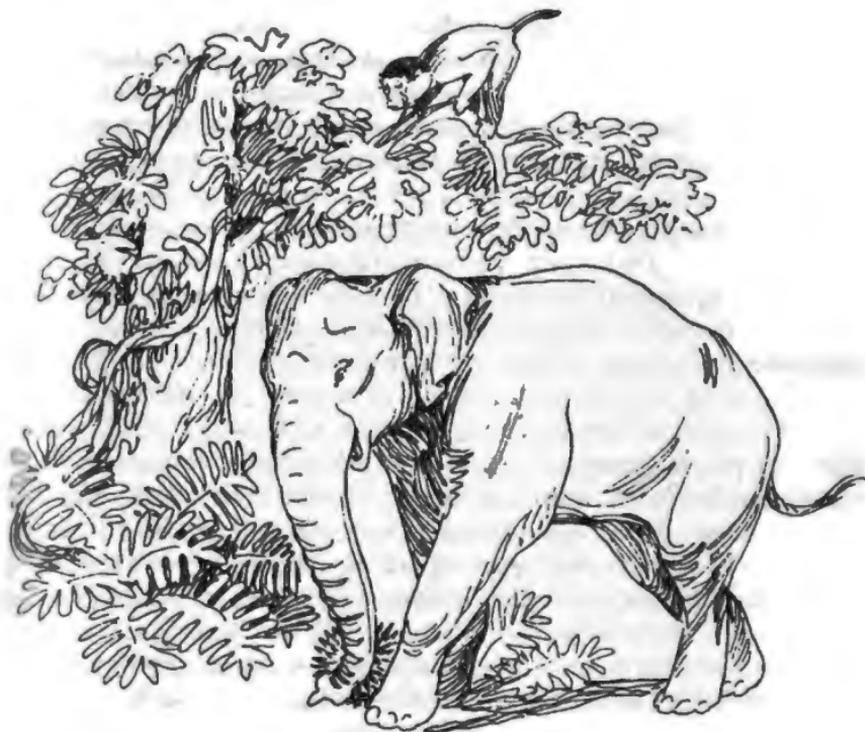
У этих плодов необыкновенный вкус и запах. Когда везут повозку с дюрианами, запах слышен задолго до того, как она появится в виду. Для европейца запах отвратителен. Мне он был так противен, что я только на восьмой год моего пребывания на Малаккском полуострове отважился попробовать его. Туземцы уговаривали меня:

— Попробуй... хорошо... станет жарко.

Но стоило мне понюхать, как я отворачивал голову. В первый раз, когда я решился его попробовать, то проделал это с величайшей осторожностью, заткнув нос. Группа туземцев собралась вокруг меня, им очень хотелось, чтобы мне понравилось их любимое лакомство, и они смеялись над моими гримасами. Первый глоток показался мне сомнительным; после второго я подумал, что, может быть, это и вкусно; после третьего я понял, что это очень вкусно. Мякоть плода напоминает по мягкости крем; если растереть мякоть банана, смешать с равным количеством густых сливок, прибавить немного шоколаду и сильно сдобрить... чесноком, то получится смесь, напоминающая дюриан. В то же время запах чрезвычайно тонок и вместе с тем силен; до моего отъезда я прямо-таки пристрастился к дюриану; и вот сейчас, когда я пишу о нем, мне нестерпимо хочется тут же, сейчас же, съесть спелый дюриан.

В разгаре лета и люди и животные чувствуют такую потребность в плодах дюриана, что доходят прямо до какого-то исступления.

Как зверолову, дюриан мне служил очень хорошую службу: где он растет, там и место для охотничьей западни; ни один зверь, по-видимому, не в силах противостоять искушению его запаха. Слон катает плод по земле, пока не притупятся все его острые шипы, затем разрывает плод, осторожно наступив на него, и съедает сперва мякоть, а

потом и самую кожуру. Носорог, тапир, дикий кабан, буйвол и лань топчут его, пока он не треснет. Медведь же, тигр, леопард и меньшие звери кошачьей породы раздирают плоды своими острыми когтями.

Очень забавно наблюдать, как справляется с дюрианом маленькая обезьяна. Обезьянам, конечно, не нужно ждать, когда плод упадет на землю, и часто случается, что малютка-обезьяна ухватит не совсем созревший плод и сорвет его с ветки. Но тут встает вопрос: как очистить его? Нужна всего-навсего маленькая трещинка, чтобы обезьяне только просунуть в нее палец, и тогда кожура порвется. Обезьяна взбирается по ветвям наверх, бросает плод на землю и кидается за ним вслед. Но может случиться, что другой, находящийся под деревом зверек схватывает добычу и уносит, пока обезьяна еще не успела спрыгнуть с дерева. Тогда ее крики раздаются на все пространство джунглей. Крик, гам и ссоры обезьян часто помогают найти дюриановое дерево.

Один кампонг, где я остановился, имел редкое счастье — насчитывал в своем владении целых четыре дю-

риановых дерева. Он был обнесен высокой оградой из бамбука, оплетенного тростником и усаженного длинными острыми зубцами. Это делало частокол недоступным для ланей и диких кабанов, которыми изобиловала местность. Я как-то застрелил там восемнадцать кабанов в течение одного часа.

Но никакие ограды не защищали от птиц и обезьян, и необходимо было что-нибудь придумать, иначе не осталось бы ни одного дюриана. То, чего не могли достигнуть никакие шипы и острия, достигалось шумом. Туземцы остроумно устроили огромные трещотки из бамбука. Полый внутри ствол бамбука крепился к ветви дюрианового дерева, а второй висел свободно, но так, что, если резко дернуть за веревку, второй бамбук ударялся о первый и производил оглушительный шум. Одним из моих любимых развлечений было наблюдать за детьми, которые усаживались с раннего утра группами, по семь-восемь человек, под каждым деревом и по очереди дергали за веревку. На вид это была простая детская игра, но действие ее на обезьян и птиц было неотразимым и вызывало у них панику. Позже, днем, когда солнце было в зените и жара невыносимой, обезьяны и птицы переставали искать корм и дети мирно засыпали.

Случается, что туземцы заставляют дрессированных обезьян собирать плоды дюриана так же, как в других местностях кокосовые орехи. Когда я в первый раз увидел обезьяну за этим делом, то был очень удивлен. Что обезьяну, которую хозяин держит на длинной веревке, можно заставить взобраться на известное дерево, это совершенно естественно, но как заставить ее выбрать именно желаемый плод? Это мне казалось трудным. Однако обезьяна легко положила лапку на первый колючий плод, который она могла достать, и боязливо взглянула вниз. Но это был не тот плод, который хотел ее хозяин. Он резко дернул за веревку и закричал: «Тидак, тидак!» (Нет, нет).

Обезьяна тронула другой, потом еще один...

Наконец она попала правильно, и ее хозяин крикнул: «Иа!» (Да).

Отлично, но плод-то оставался еще на дереве!

Осторожно, чтобы ее не поранили колючки, обезьяна крутила плод в одну сторону; время от времени она принуждена была останавливаться, чтобы быстрым движением лапок отогнать мошкарку от глаз и носа.

Когда стебель ослаб, она перекусила его зубами. Плод упал вниз. Надо было видеть мордочку обезьяны в это время — в ней было все: и страх, и истерпение, и, наконец, радость, когда хозяин закричал ей слова одобрения.

Мы покинули селение, куда дюриан принес смерть, и продолжали наш путь к Горе Духов. Со мной были старейшина, десятеро его людей, три моих лодочника и китайский бой. Нам пришлось прокладывать себе дорогу сквозь девственную чащу джунглей. Каждый человек нес тридцать фунтов риса и сушеной рыбы.

Пройдя около трех часов, мы вдруг вышли из леса на опушку поляны, усыпанной чистым песком. Она тянулась футов на сто двадцать пять. Я только что хотел идти вперед, как старейшина Уэн-Мэт схватил меня за рукав и воскликнул:

— Берегись, туан! Полосы зыбучего песка!..

Он спас меня и моих спутников от скверного приключения. Впрочем, я никогда не слышал, чтобы животные погибали в зыбучих песках.

Мы продвигались вперед гуськом, десятеро мужчин из кампюнга вели нас. Вскоре передовые начали громко браниться и кричать. Они наткнулись на острые бамбуковые колышки, которые обыкновенно сакаи¹ втыкают в землю, чтобы обезопасить себя от босоногого врага. Послышался невообразимый шум: удары о выдолбленное бревно, крики, проклятия. Откуда ни возьмись, с деревьев посыпались люди.

Уэн-Мэт крикнул: «Не стреляйте — это я, Уэн-Мэт!»

Он стоял неподвижно и вызвал старейшину сакаев. Он объяснил ему, что я — белый раджа, и потом проделал свой салам (приветствие). Он сказал, что я нахожусь под покровительством султана, и тогда все проделали салам. Они все должны помогать мне, что бы я ни потребовал, иначе они навлекут на себя гнев султана.

Если бы он не защитил меня, спрятавшиеся сакаи подстрелили бы меня из своих воздушных трубок... Воздушная трубка, стреляющая отравленными стрелами, сделанными из средней жилки пальмового листа, — опасное оружие.

¹ Сакаи — условное наименование племен охотников-собирателей в северной части Малаккского полуострова. По антропологическому типу близки к веддам о. Цейлон. Охотятся с помощью копья и духового ружья — сумпитана.

Когда мы пришли в становище, женщины и дети рассыпались во все стороны. Это было не из скромности: они просто боялись меня. Они никогда до сих пор не видали белого человека. Но хотя через минуту после моего появления никого не было видно, я чувствовал, что десятки глаз подсматривают за мной из-за деревьев или из чащи листвы.

Туземцы сносятся с внешним миром через старейшину ближайшей деревни, которому они продают сырой каучук в обмен на рис и сушеную рыбу. Старейшина ведет торговлю и является представителем своей деревни. Он продает резину в виде шаров: сырой каучук кладут в горячую воду, он становится мягким, как патока, тогда из него скатывают шары и прибавляют слой за слоем. А так как его покупают на вес, в него зачастую подкладывают камешки. Таким образом туземцы надувают местных торговцев. Но им никогда не удастся надуть китайца. Китаец берет длинный, острый, как бритва, нож и перерезает шар в четырех местах, так что камешки оказываются на виду.

Сакаи считаются исконными жителями этих мест. Они темнее малайцев. Волосы у них курчавые, часто сбивающиеся в колтуны. Это беспокойный кочевой народ, не любящий оставаться на одном и том же месте дольше нескольких недель; они нередко перекочевывают и строят свои высокие шалаши (вроде свайных построек) в разных частях джунглей. Вместо лестниц они употребляют бамбуковые стволы, на которых делают зарубки. Мужчины, женщины и дети взбираются по этим столбам, как обезьяны. Вместо всякой одежды сакаи носят кусок грубой ткани вокруг бедер, а женщины — нечто вроде передника или же кусок кожи, который свешивается у них от талии.

Сакаи очень суеверны. Раз я протянул одному сакаю бритвенное зеркальце. Он взглянул в него, потом просунул за зеркало руку и с вытаращенными от страха глазами принялся твердить сакайское слово, которое означало «духи». Сакаи считают, что душа покойника остается на месте своего погребения; поэтому после похорон все становище собирает свои пожитки и в ужасе отправляется подалее — искать себе новое место.

Мы, однако, были не «духи», а вполне живые люди, друзья султана. Поэтому сакаи разрешили нам остановиться у них и расположиться лагерем. Мы выбрали четыре молодых деревца, чтобы из них построить себе шалаш. Нам пришлось срубить окружающие деревья, чтобы в слу-

час бури они не повредили нашей хрупкой постройке. Потом мы сделали навес из ветвей футов на двадцать от земли. После этого мы покрыли постройку крышей из бамбука, который захватили с собой. Затем разостлали наши «тикары» — циновки для спанья, — прикрепили пологи от москитов, и наша квартира на ночь была вполне устроена.

За все мои похождения в джунглях я никогда еще не встречал такой москитной дыры. Всякий разговор прерывался постоянным «шлеп... шлеп... шлеп...» и проклятиями. Я хотел спастись под пологом, но едва я на минуту приподнял его, чтобы взять свой ужин, как москиты налетели целыми тучами. К счастью, я позаботился, чтобы мои люди из куалы и бой запаслись пологами, но Уэн-Мэт и его спутники прямо измучились. В реке под нами лежало множество крокодилов. Они открывали пасти и так держали их, пока влажные языки, липкие, как бумага от мух, не покрывались сплошь москитами и ночными насекомыми. Тогда они с шумом захлопывали пасти. И снова открывали, как живую западню, и опять захлопывали с шумом, — и так всю эту долгую, бессонную, бесконечную ночь. Этот звук смешивался с непрестававшим «шлеп, шлеп, шлеп»: это туземцы били москитов, опасаясь, что те заживо их съедят. Единственно только страх перед мраком джунглей удерживал людей от того, чтобы не вскочить и не бежать из этих мест. Утром на них страшно было смотреть.

И, однако, сакаи добровольно жили в этой москитной дыре, без каких бы то ни было признаков москитных сеток: вероятно, их кожа непроницаема для укусов.

Пользуясь Уэн-Мэтом как переводчиком, я побеседовал с Нэйзаром, вождем сакаев. Он сказал, что видел следы слонов, носорогов, тапиров и тигров, и указал направление, противоположное тому, откуда мы пришли. Нэйзар объяснил, что они никогда не отходили от своего становища дальше, чем на полдня пути. Как пробраться на Букит-Ханту, он не знал:

— Нет, нет, туан! Никто не ходит на Гору Духов, никто никогда там не был!

Вождь смотрел на меня с каким-то тупым изумлением. Я взял с него слово, что он придет на днях в становище Уэн-Мэта, и обещал ему, что я покажу ему, как ставить капканы для тигров и леопардов и как рыть западни. Я убедился, что по части сетей, тенет и силков он был замечательным мастером.

Во время этого разговора люди приготовили все для нашего обратного путешествия. Они страшно обрадовались, когда я подал сигнал к отправлению в путь. Идти назад казалось шуткой — дорога была открыта нам. Когда мы приблизились к нашему становищу, мужчины, женщины и дети выбежали нам навстречу, напуганные, уверенные, что наше неожиданное возвращение означает какую-нибудь беду по дороге к Горе Духов. Узнав, что все благополучно и что все наши раны от москитов, они принялись хохотать и отпускать грубые шутки; но мы не могли смеяться с ними: мы шатались от усталости и хотели спать.

На следующий день явился Нэйзар, старейшина сакаев, в сопровождении шестерых мужчин, учиться строить капканы. Мы построили грубую западню, они с интересом смотрели. Капкан напоминал огромную мышеловку: полом служила земля, а вместо проволоки были врыты в землю кольца. Все было прикрыто ветками. Мы показали, как действует дверца и почему она захлопывается, как только животное войдет в капкан. Сакаи наблюдали за каждым нашим движением, и я по их лицам видел, что они схватывают суть дела. Это был практический урок без слов. Потом мы предложили сакаям угощение: чай в кокосовой скорлупе вместо чашек и белый сахар. Они видели все это в первый раз и пить чай побаивались, попробовали на язык и сказали: «Горько». Мы положили сахар в чай — это им понравилось, и они стали его пить большими глотками, но один сахар нравился еще больше; им казалось, что это расточительность — тратить его на то, чтобы подслащивать горький чай. Сакаи радовались угощению, как дети. Ушли они от нас в прекрасном расположении духа и надеясь заработать «рингиты» (доллары) ловлей животных для туана.

Пока ожидали возвращения Нэйзара, мы расставили силки и тенета в разных местах по соседству, но без блестящих результатов. Целую неделю мы ждали, как вдруг появился Нэйзар. Он бежал галопом и кричал:

— Тигр!.. Тигр в западне!

Мы тут же принялись мастерить переносную клетку. Делали ее из ветвей и стволов молодых деревьев. Для пола мы скрепляли их плотно и связывали ратаном (тростником). Крыша и стенки были сквозные: ветки отстояли одна от другой на полтора дюйма. Все соединения связывались ратаном. Туземцы делали эту работу с удивительной быстротой, до вечера клетка была окончена. Она была

длинная и узкая, то есть достаточных размеров для того, чтобы в ней поместился большой тигр, но такая, чтобы повернуться он не мог. Она была прикреплена к двум длинным шестам, которые с обоих концов далеко выдавались вперед. На одном конце клетки было отверстие, в которое тигр должен был войти.

На следующее утро, на рассвете, мы отправились за нашей добычей. Внутри клетки привязали живую курицу для первого угощения тигра в его темнице... Нэйзар вел нас, и приблизительно через четыре часа мы дошли до того места, где он устроил западню. В западне находился великолепный взрослый тигр, самец, ростом около девяти футов. Животное было в превосходном состоянии — один из красивейших образчиков кошачьей породы, какой когда-либо попадался мне на глаза.

Мы поставили клетку входом к западне, вытащили часть кольев из земли и стали гнать тигра, пока он не прополз в отверстие клетки. Закрыть клетку было уже легким делом. Вообще в переводе тигра из западни в клетку нет ничего трудного — для охотника с ним гораздо меньше возни, чем с суевающейся и вопящей обезьяной.

Войдя в клетку, тигр припал к полу, крепко прижав уши к голове и полузакрыв глаза. Его верхняя губа приподнялась, открыв великолепные клыки. Дыхание со свистом вырывалось из его груди. Живая курица, трепыхавшаяся над его головой, раздражала его. Одним ударом лапы он убил ее, но был слишком взбешен, чтобы съесть курицу в эту минуту. В лучшем настроении, если бы не был голоден, он принялся бы играть с ней, как кошка, подкидывая ее и представляя себе, что она жива и старается спастись от него.

Ловля животных для меня не спорт, а профессия, но я всегда чувствовал волнение от охоты и всегда наслаждался грацией и странными повадками самих животных. Этот тигр был полон тайны, тайны его породы. Я глядел ему в глаза, но он избегал моего взгляда; я старался угадать степень его свирепости, в неволе она обратится против него самого. Случается, что пойманные тигры в клетке пожирают собственные хвосты. Они делают это, когда доведут сами себя до безумного неистовства. Я никогда сам не видел подобного приступа бешенства, но один туземец описывал мне такой случай.

Я решил обращаться как можно осторожнее с моей драгоценной добычей. Переноску клетки поручил шестнадцати носильщикам: восьми малайцам из кампонга и восьми сакаям. Уэн-Мэт, еще один мужчина с ружьем и я — вели шествие. Дорога перед нами лежала открытая. Мы получили то, за чем пошли, и во всей маленькой процессии царило праздничное настроение.

Вдруг из чащи джунглей послышался рев, вопль...

Оруженосец быстро опустил мой винчестер, обернувшись, чтобы передать его мне, но нечаянно так ударил меня дулом, что я свалился с ног. Я запутался в чаще кустарника и лиан и тщетно старался подняться на ноги, а в это время кругом раздавались крики, вопли и вой. Приподнявшись наполовину, я увидел, что мимо меня несетя огромная масса. Первое слово, которое я мог разобрать в этом хаосе, было «бадак» (носорог).

«Бадак!» — кричали люди на все лады в диком ужасе. Кое-как я высвободился из цепкой чащи кустарника и выбрался опять на дорогу. Передо мной валялись обломки переносной клетки, тигр был погребен под ее развалинами. Большая рана зияла у него в боку, кровь лилась из нее потоком, и с каждым вздохом он жалобно ревел. Его рев почти заглушался страшным человеческим криком. Сажених в трех на земле лежали три сакая. Один из них был уже мертв, двое других тяжело ранены. Остальные кричали и размахивали руками.

Все произошло так мгновенно, что люди не успели поставить клетку на землю и убежать. Носорог вырвался из джунглей, пригнул к земле голову и ринулся в атаку. Стараясь добраться до тигра, огромное животное убило одного сакая и свалило двух других. Одним ударом головы носорог разбил клетку как игрушку, рогом своим он распорол тигру бок, и затем стопудовая туша протащила за собой и клетку, и тигра сажени на четыре. Потом с ревом он отбросил их от себя и, рыча и ворча, скрылся в джунглях. Он, вероятно, не понял даже, что, в сущности, встретил вещь необычную: тигра, которого несли в клетке, как даму в старомодном портшезе. Он просто почуял запах тигра, нанес ему смертельный удар и отправился дальше по своим делам.

Носорог — животное близорукое, но у него необычайно тонкое чутье. Он всегда по запаху находит и нападает на тигров. Со слоном он в борьбу не вступает. Оба огромных животных боятся друг друга, хотя, конечно, носорогу не

справиться со слоном, когда тот, отведя свой хобот, чтобы он ему не мешал, пускает в ход клыки. Но тигру не одолеть носорога, и он даже не пробует бороться с ним: у него нет для этого достаточно сильного оружия. Его способ убивать больших животных, когда он нападает на них, — это ломать им шеи, например, быку. Тигр встает на задние лапы, а передними хватает быка — одной за плечо, а другой за бедро, потом захватывает зубами за шею, откидывает голову и дергает шею быка взад и вперед, пока она не хрустнет. Конечно, с носорогом этого тигр проделать не может: его шкура слишком плотна. Поэтому он всячески избегает встречи с названными двумя животными. Вообще тигр далеко не такой мощный и бесстрашный зверь, как это думают. И, несмотря на то что леопард старается не попадаться ему на глаза, я думаю, что два небольших леопарда легко справятся с большим тигром. Они в течение одной минуты могут искушать и исцарапать втрое больше, чем тигр. Я не встречал ничего похожего на дружбу или союз между разнородными или даже однородными зверями: дикие животные — инстинктивные враги.

Наш тигр, раненный носорогом, делал отчаянные усилия, чтобы высвободиться из клетки. Не было ни малейшей надежды спасти его. Единственное, что я мог сделать для него, это сократить его страдания. Я отнял мое ружье у туземца, который проделывал им какие-то бессмысленные движения, и пристрелил зверя разрывной пулей. Он кашлянул, захрипел — и умер. Я не стал тратить времени на бесплодное сожаление и занялся одним из раненых сакаев. Сделал перевязку из наиболее чистых клочков собственного белья и наложил хирургические лубки из обломков клетки на сломанную ногу. У второго сакая была так тяжко повреждена спина, что я уже не мог помочь.

Я заставил малайцев сделать пару носилок из сохранившихся частей клетки. Они были так возбуждены, что успокоить их было выше моих сил. Старое суеверие всецело владело ими. Они все были твердо уверены, что носорог был злым духом и Гора Духов выслала его, потому что не хотела, чтобы хоть один из ее тигров живым покинул ее сень. Разговоры их представляли смесь из действительных фактов, фантазий и явной лжи. Один из них уверял, что носорог был белый, — белый, как все духи, или, как он выразился, «белый, как детские зубы». Другой настаивал на том, что это была кормящая самка. Он видел

хорошо, рассказывал он, что носорог, после того как повернул в джунгли, погнался вперед своего детеныша, подталкивая его сзади своим рогом. Правда, в открытых местах можно видеть, как самка носорога таким образом ведет своего детеныша, но в густой заросли кустов он, конечно, никак не мог этого разглядеть.

Самка носорога примерная мать; она держит детеныша при себе и водит его, как заботливая нянька.

Носорог в джунглях часто раздражается. Он жестоко страдает от укусов насекомых, которые устраиваются в густых складках его шкуры. Когда пойманного носорога купаешь, то следует проводить палкой по этим складкам — это прогоняет насекомых и доставляет ему большое облегчение.

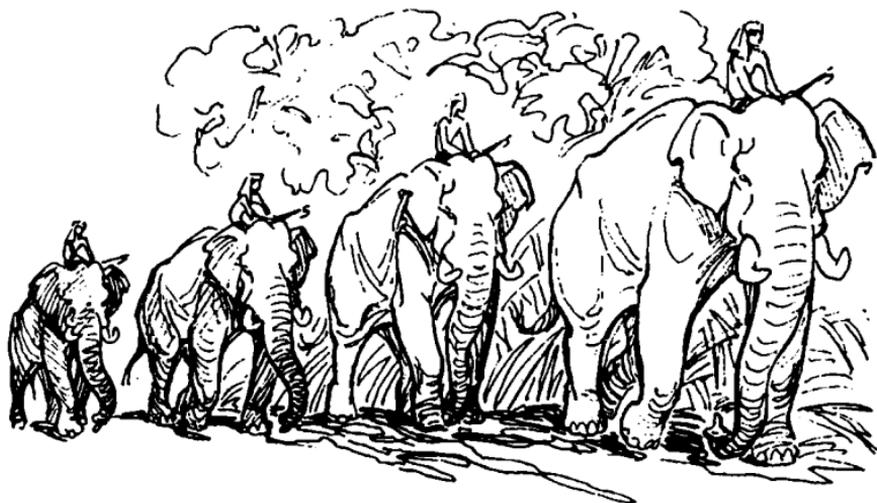
Убитого сака унесли трое его товарищей. Их осталось слишком мало — только пятеро, уцелевших после нападения носорога, — чтобы заботиться о раненых. Кроме того, так как я считал себя ответственным за постигшее их несчастье, то решил, что сделаю все что в моих силах, чтобы они получили наилучший уход. Если бы я и хотел отнести их в становище, построенное на деревьях, подобно гнездам, я не мог бы заставить малайцев вернуться опять на дорогу к Букит-Ханте.

И вот снова мы двинулись в путь, на этот раз с двумя носилками вместо клетки с великолепным тигром. Уцелевшие сакаи, которые тупо глядели на наши приготовления, простились со своими соплеменниками странными односложными звуками. Одного из них им не суждено было больше увидеть. У него оказалась сломанная спина, и он умер, когда мы пришли в кампонг.

Малайцы завернули его тело в холст и пропели над ним какую-то печальную песнь. Может быть, это была песня благодарности за то, что все их земляки уцелели.

На время я оставил мысль о восхождении на Гору Духов. Я решил, что если я когда-нибудь опять задумаю это предприятие, то возьму с собой даяков — охотников, которые не боятся ни людей, ни зверей, ни духов.

Глава вторая ОБЛАВА НА СЛОНОВ

Мой дом в Тренгане стоял на песчаной полосе между речкой Тренганой и Южно-Китайским морем. Я отдыхал там после своей неудачной попытки взобраться на Гору Духов, размышляя, что в дальнейшем я должен более основательно обдумывать мои планы. Сидя на веранде, я лениво глядел на реку. В отдалении я заметил что-то, подсказавшее мне, что, может быть, мои планы уже кем-то обдуманы за меня. Восемь коричневых гребцов, обнаженных до пояса, приближались в белой лодке прямо к моему дому. В лодке был один пассажир, над ней развевался белый флаг без всяких рисунков или украшений, похожий на тот, который поднимают в знак перемирия. Но это просто был флаг султана Тренганы: не фамильный, а его личный. Пассажиром же оказался Абдул, доверенный слуга султана.

Когда лодка причалила к берегу, Абдул подошел к веранде. Не осмеливаясь взойти на нее, он поднес руку ко лбу в знак приветствия и сказал:

— Табек, туан! (Здравствуй, господин!)

— Апа хабар? (Что нового?) — спросил я.

— Султан мау джумпа, туан! (Султан хочет тебя видеть, господин!)

— Баик! (Хорошо!) — ответил я. — Сейчас буду готов.

Гребцы (не знаю, можно ли их так называть, у них вместо весел были шесты) быстро доставили нас к пристани, ближайшей ко дворцу. Это был скромный кирпичный дом недалеко от реки. Дом был обнесен кирпичной оградой с деревянными воротами, у которых стоял на страже привратник. Он меня знал и, когда я подошел, молча проделал салам. Я направился мимо приемного павильона прямо в аудиенц-залу султана и вошел к нему без доклада. Он сидел на красной с желтым подушке и курил местную папиросу, сделанную из грубого табака, завернутого в пальмовый лист.

Спокойно приветствуя меня, он хлопнул в ладоши и приказал появившемуся слуге:

— Бауа туан крази! (Принеси господину стул!)

Принесли стул: жесткий стул с прямой спинкой. Взглянув на него, я сказал: «С вашего разрешения я сяду напротив вас на подушку». И уселся на пол.

Он опять хлопнул в ладоши — резким, властным звуком.

Принесли кофе и печенье. Печенье представляло собой маленькие четырехугольники из сахара и рисовой муки, сахара было очень много, муки очень мало. В кофе было почти столько же сахара, сколько и самого кофе, состоящего, главным образом, из гущи. Султан пил его с очевидным удовольствием.

— Туан, — сказал он, — есть слоны! — И улыбнулся.

Улыбка эта выражала уважение, которое я приобрел тем, что поймал шестьдесят слонов в мою первую большую поездку в Тренгану. Она не только сделала меня знаменитостью в один день, но и доставила мне неофициальный титул «Господин слонов».

— Где? — спросил я.

— В округе реки Тар-пу. Там их десять, а может быть и пятнадцать. Один человек их видел, и еще один и еще один, и все это люди, которые не делают из маленькой правды большой лжи, как большинство моих подданных. Слоны точно есть. И ты, который ловишь диких тварей и которого так же трудно поймать, как тех, кого тыловишь, здесь, налицо. Это послано мне Аллахом, чтобы я

получил слонов. Слоны, я заметил, как рингиты: у кого их много, тот хочет еще и еще.

— Я отправлюсь и поймаю их,— ответил я.

Он медленно кивнул головой.

— Я возьму с собой,— сказал я,— четырех ваших больших слонов и четырех, принадлежащих Тунку-Безару.

Он опять важно кивнул головой.

Тогда я назначил ему свои условия: он должен был предоставить мне необходимое количество людей. Я обязуюсь поймать все стадо. Всех больших слонов я отдам ему, а всех маленьких возьму себе.

Он принял мои условия. Это был «джентльменский» договор: ничего не было написано черным по белому, никаких специальных оговорок не было предусмотрено, каких животных считать большими и каких маленькими.

Ручные слоны, с которыми мне предстояло работать, были прекрасные экземпляры. Четверо, принадлежавшие султану, были с клыками, и каждый из них вышиной футов восемь или выше. Слоны Тунку-Безара, его шурина, были почти так же велики и все — самцы. Их я поймал в мою первую поездку. Я смотрел на них с авторской гордостью. Со времени поимки за слонами был прекрасный уход и их хорошо приручили. Но было одно обстоятельство, которое могло в моем предприятии представлять опасность для их жизни: эти слоны никогда еще не принимали участия в охоте на слонов. Впрочем, они были очень сильны, вожаки хорошо их понимали, а они отлично понимали своих вожаков. К тому же элемент опасности прибавлял к предстоявшей охоте тот привкус спорта, благодаря которому я с нетерпением ожидал ее.

Я был очень рад в ту минуту, что Тренгана не Сиам. В Сиаме все дикие слоны составляют собственность короля. Горные слоны предоставляются горцам. Те же, которые блуждают в долине, вряд ли могут считаться «дикими». Они находятся под специальным наблюдением правительства. Стадам, которые часто состоят из четырехсот голов, предоставляется бродить на свободе, но они всегда находятся под надзором, и время от времени их окружают и подвергают осмотру. Каждые два-три года происходит большая охота; в это время отбираются слоны с клыками, а остальные отпускаются на развод.

Что касается моего дома, мне оставалось просто запечатать дверь: внутри не было ничего такого, что соблазнило бы воров.

Я послал моего боя за реку раздобыть припасов: рису, рыбы и две дюжины кур. Куры продавались дюжинами по доллару, поэтому я накупил сколько мог захватить с собой.

Одежда моя была приблизительно та же, в какой я был у султана. Только сапоги я надел высокие и с двойными подошвами, а кроме того, я взял еще шерстяные обмотки, чтобы надеть на ноги, перед тем как пуститься в джунгли.

Затем я собрал несколько перемен платья, необходимых в этом жарком, но сыром климате. Но самая важная часть багажа — это сетки от москитов. Их я навешивал обыкновенно над матрацем, тоненьким и благодаря этому легко свертывавшимся в трубку, удобную для переноски. Эти вещи всегда следовали за мной, куда бы я ни отправлялся.

Во время моего свидания с султаном мы условились, что я поеду в кампунг по реке Тар-пу на следующий же день, а людей и слонов он отправит мне вслед на второй день после моего отъезда. Я проделал свой салам и переправился через реку к своему дому, чтобы заняться несложными приготовлениями к экспедиции.

На закате следующего дня мы начали путешествие вверх по реке, против быстрого течения. Кроме шести гребцов, которые должны были управлять моей круглодонной лодкой, и рулевого, со мной был только мой китайский бой Хси Чуай. Он служил мне дворецким, лакеем и поваром одновременно. Я устроился на корме лодки под навесом из пальмовых листьев, укрепленным на бамбуковых шестах.

Бой занялся приготовлениями к чаю. Как бы ни было быстро речное течение, я никогда не пил сырую речную воду. Сколько бочек чаю я выпил за свое пребывание на Малаккском полуострове в течение восемнадцати лет, страшно подумать! Плитой Хси Чуаю служил ящик с песком, помещавшийся на противоположном конце лодки. Он воткнул в песок три палки, подвесил к ним котел и развел под котлом огонь. Способ первобытный, но вполне удовлетворительный.

Гребцы ударили веслами в лад, а рулевой у кормы правил ими. «Оранг камуди» (человек руля) называли его. Он правил при помощи большого плоского шеста, который

держал обеими руками. Должность его была ответственная, и я платил ему двадцать пять мексиканских долларов в месяц. Обыкновенные гребцы получали только двадцать. Всем я давал рис, сушеную рыбу и чай. Кроме набедренной повязки, гребцы не носили никакой одежды, по крайней мере во время работы.

Через шесть часов после захода солнца рабочий день был окончен. Лодка остановилась. Я сбросил одежду и кинулся в реку, чтобы выкупаться и поплавать. Мои спутники все поскакали за мной. Все были превосходные пловцы. И естественно, потому что каждого из них в свое время окунули в реку, когда ему еще не было и часа времени. «В мир — и сейчас же в воду» — таков девиз малайца. Зато у моего боя не было страсти к речному купанию. Его пришлось уговаривать. У него «хати сама айам» (куриное сердце) — был приговор малайцев.

После купания лодку вытащили на песок и прикрепили к колу. Поставили на огонь варить рис и начали готовить чай.

Я пил чай с сахаром. Малайцы потихоньку подкрадывались в полумраке к моему бою и просили шепотом: «Дай сахарку!»

На что следовал ответ: «Ступай ешь песок!..»

Во время ужина шутили, смеялись и забавлялись совершенно детскими играми. Когда истощались все игры, я был уверен, что услышу:

— Мэн хобатан, туан! (Поиграй в колдовство, господин!)

Я выучился множеству фокусов, основанных на проворстве рук, когда еще мальчиком служил в цирке. Этим я заслужил большое уважение среди малайцев.

Мои люди собирались в кружок около меня, а я показывал им несложные фокусы с монетой или с тремя картами при свете костра. Раздавались крики изумления. Когда кто-нибудь из них брал не ту карту, которую следовало, его дразнили: «Акаль сам айма!» (Куриные мозги).

— Кончено! — восклицал я и отправлял их на краткий ночной отдых под каянг. Это было нечто вроде навеса из пальмовых листьев. Они возили его с собой свернутым на дне лодки, а потом устанавливали на вбитых в землю шестах. Спали они на другом каянге, разостланном на песке в виде циновки, в то время как я возвращался в

лодку, раскладывал там матрац и вешал свою сетку от москитов.

Все мы вставали на заре и плыли по реке до восьми часов утра, когда солнце прогоняло нас на берег; там мы ели и спали до заката солнца. Наше путешествие против течения отняло у нас три ночи.

Когда мы прибыли в кампунг в округе реки Тар-пу, на берегу стояли женщины и дети и громкими криками приветствовали нас. Все они меня знали. Маленькие голые ребятишки бежали перед нами, крича: «Туан датанг!» (Господин приехал).

Старейшина вышел мне навстречу. Он проделал салам, улыбаясь во весь рот.

— Рума апа? (В какой дом?) — спросил я его.

— В мой дом, господин, — быстро ответил он.

Мой бой занял для меня лучший дом в деревне. Прежде чем повесить мою москитную сетку, он вымел пол, дощатый, выструганный вручную и гладкий от времени. Это был великолепный пол, так как в нем не было дыр и щелей. В обычных малайских жилищах в полу проделывают широкие дыры, в которые сбрасывают сор и всякие остатки. Так как дома строят на высоких кольях и под ними помещаются куры и утки, то это устройство очень практично.

Никаких «верительных грамот» у меня с собой не было. Всем было известно, что я приехал от султана и что слово мое — закон. Первым моим приказом я отправил четверых людей набрать ратана для изготовления петель и канатов.

Мои посланные возвратились с полными руками колючих стеблей, из которых многие достигали футов двадцати в длину. Их снесли на реку и там очистили, то есть сняли с них колючую верхнюю кору.

Потом начали готовить петли и канаты. Это было довольно просто. Петли, сплетенные из ратана, были достаточно широки для того, чтобы захватить ногу слона и держать ее, как в кандалах. Другого вида петля (я велел изготовить оба) делалась в виде простого кольца, которым можно было бы охватить обе ноги слона. Ко всем петлям были прикреплены канаты, придерживавшие их. Эти канаты предназначались для того, чтобы, перекинув их через плечи слону, образовать нечто вроде сбруи. Канаты делались из плетеного сырого тростника. Иногда, если стебли

были расщеплены или слишком тонки для плетения, они брались вдвойне. Один конец прикрепляли к дереву, и стебли заплетали, как косы, причем туземцы, особенно если их усердие подстегивалось присутствием зрителей, необыкновенно быстро сплетали такую косу в три пряди.

К тому времени, когда прибыли ручные слоны (им пришлось пробираться сквозь чащу джунглей вдоль берега реки), петли и канаты были готовы, и я послал двадцать загонщиков, чтобы зайти в голову дикому стаду — заставить его двигаться по кругу. Этого они должны были достигнуть шумом тамтамов (барабанов). Я предостерег их, что если они хотят остаться в живых, то пусть помнят, что животные не должны видеть их. Я постарался вбить им в головы, что если слоны их заметят, услышат голоса или хруст сухой ветки под ногой, то кинутся в паническом страхе и растопчут загонщиков; те же, кто уцелеет, будут жестоко наказаны султаном за то, что распугали стадо и лишили его слонов.

Выборный от загонщиков выступил вперед, поднес руку ко лбу и сказал: «Господин, мы пойдем, как змея, которая ползет на брюхе!»

— Хорошо, — ответил я, и они отправились на свое трудное и довольно опасное дело.

Мне пришлось сказать, что по реке приближается лодка. Я побежал на берег. Четырнадцать сильных лодочников гребли в лад, помогая себе монотонным пением. Лодка быстро неслась против течения. На ней развевался желтый флаг. Это было судно Тунку-Безара — Большого Принца. Он был шурином султана и его премьер-министром. Принца любили, но и боялись во всем государстве. Он был неподкупен в деле правосудия. Я никогда не встречал на Востоке человека веселее, искреннее и великодушнее, чем он. Я был очень рад повидаться с ним. Знакомы мы были много лет. В наших откровенных беседах его любимым вопросом было:

— А что вы думаете об этом?

И я всегда чувствовал, что в моем ответе он видел не столько мое личное мнение, сколько выражение западной точки зрения.

Я несколько не был удивлен, что перспектива охоты на слонов привела его сюда; с ним была его любимая жена Асай и ее четыре прислужницы.

Я помог Асай выйти из лодки. Она взяла мою руку совсем спокойно, и лицо ее не было закрыто. Мы были старые друзья, часто разговаривали и смеялись.

Малайская любовь измеряется количеством подарков. Однажды Асай показала мне шелковый саронг — прямую малайскую юбку, которую принц подарил ей и которая, по ее словам, стоила сто пятьдесят долларов. Первая жена не могла похвалиться таким же ценным даром. Я плохой знаток женских туалетов, но даже я видел, что это очень красивая вещь. Шелковая ткань была малайского красного цвета с желтым и лиловым и расшита узором из золотых нитей; узор шел кольцами. И сейчас, хотя она приехала на окраину джунглей, ее баджу (кафтан) застегивался тремя брошками в виде пряжек, называющимися «крузанг» и сплошь усыпанными брильянтами.

С приездом Большого Принца весь кампонг пришел в неопишное волнение. Старейшина приказал установить открытую беседку и велел женщинам приготовить пир. Охота на слонов становилась торжеством.

Я собрал погонщиков и держал перед ними длинную речь. Суть ее заключалась в том, что каждый ручной слон должен был везти трех человек: своего погонщика и двоих охотников, которые будут вязать дикого слона.

Достигнув окруженного стада, вожаки должны были работать попарно. Им предоставлялось выбрать какого-нибудь слона и осторожно, так чтобы не напугать остальных, отогнать его от стада прочь, поближе к какому-нибудь дереву. Тогда ручные слоны, на которых они ехали, должны были удерживать его с обеих сторон, пока двое охотников соскочат на землю, опутают слону ноги и привяжут канаты к высокому дереву. Погонщики хорошо поняли мои указания, но и для слонов, и для охотников надо было устроить репетицию — генеральную репетицию, так сказать, со всеми костюмами и бутафорскими принадлежностями.

Приготовления к этой пробе были очень забавны. Место для нее мы выбирали так тщательно, словно для цирковой палатки. Оно находилось как раз напротив праздничной беседки. В беседке, усевшись на циновке на корточках, расположился Тунку. За ним так же уселись Асай и ее четыре прислужницы. Из уважения к их великой скромности, их отделили занавесками, сделанными из материи,

предназначенной на саронги, но эти занавеси были отдернуты в стороны.

Я выбрал самого понятливого из ручных слонов и поручил ему роль «дикого слона». Его загнали спиной к дереву, и к его очевидному изумлению два других слона сжали его по бокам. Тогда я приказал людям, которые должны были спутать ноги слона, соскользнуть наземь. Соскользнуть со спины слона — вещь нелегкая. Малайцы свалились как мешки. Из беседки послышался женский смех.

— Тидак баик! (Не годится!) — воскликнул Большой Принц. Он трясся от хохота.

— Чобы лаги! (Еще раз!) — закричали женщины.

Я решил, что если этот трюк удастся моим малайцам при таких условиях, то целые стада диких слонов их уже не испугают. Я крикнул им: «Держитесь за веревки от седла!»

Вторая попытка удалась отлично. Они соскользнули на животах и отпустили веревки, как только коснулись земли. В первый же раз, как только «дикий» слон приподнял ногу, вокруг нее захлестнулась петля, и сейчас же конец пстли прикрепили к дереву. Тут требовались быстрота и ловкость. Малайцы были грациозны, как кошки. Весь день мы посвятили этой репетиции, занимались с животными, пока все не пошло без сучка и задоринки. И весь день, кроме часов величайшего зноя, наша публика в беседке смотрела на представление и шумно одобряла нас. Не думаю, чтобы люди чувствовали усталость: они были счастливы, как играющие дети, которыми любят взрослые.

На другой день после нашей репетиции мы на рассвете тронулись в путь. С нами было пятьдесят пеших загонщиков, которые должны были окружить дикое стадо и держать его.

Несмотря на ранний час, Тунку-Безар встал проводить нас.

— Подумали бы вы, да поехали бы с нами! — крикнул я ему со своего слона.

— Если я проеду на слоне, — ответил он, — я целый мсяц не в состоянии буду есть!

— Это верно, — сказал я. — Помню, как я в первый раз сехал на слоне. Это было в цирковой процессии. Я сидел в великолепном паланкине. И мне было так дурно, что одной из цирковых наездниц пришлось поддерживать мне голову. Публика думала, что это любовная сцена.

— Здесь нет цирковых наездниц, — заметил принц, — и вы меня не заманите на слона!

Между верблюдами попадаются хорошие и плохие для езды; слоны все плохие.

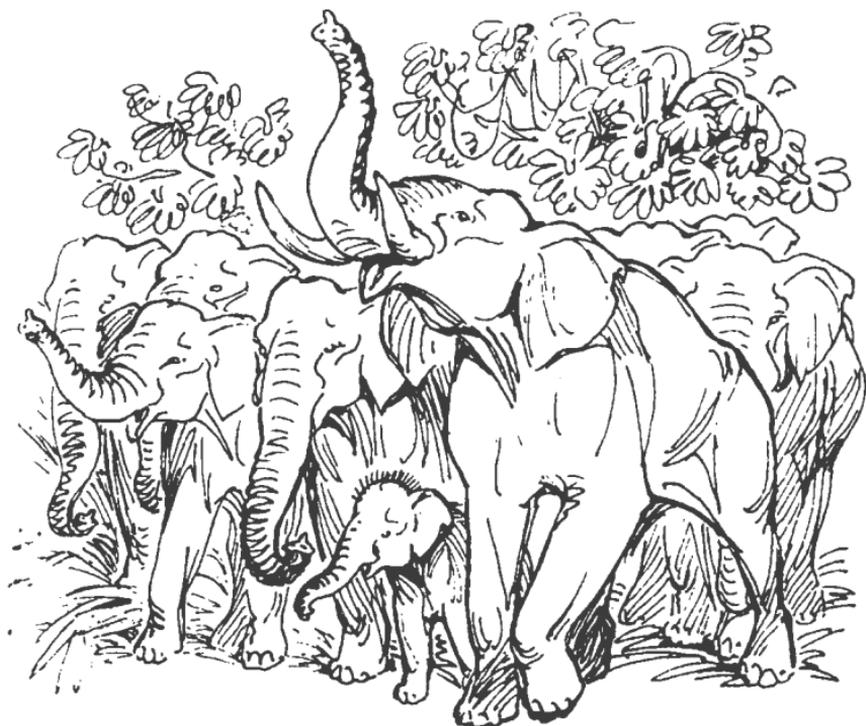
Поездка на слоне — самая несносная поездка в мире. Шкура слона никуда не годится. Она так широка для него, что скользит и свисает при каждом его движении. Кроме того, поступь слона — пытка для наездника. Поездка в маленькой лодке по бурному морю не так губительна для пищеварения. В цирке женщины, которые ездят на слонах, посылая публике воздушные поцелуи, требуют добавочной платы; они ее заслуживают.

На этот раз я уселся на слона позади вожака. Двое людей, которым предстояло спутывать слона, поместились за мной. Остальные слоны следовали вереницей.

Проехав часа два, мы увидели наших загонщиков. Я отдал приказ «полного молчания» и выстроил в линию пятьдесят человек, которые должны были окружить диких слонов. Я скомандовал им расширить круг за «анак сунгай» (маленькая речка), откуда хотел начать ловлю, и дал им полчаса на то, чтобы установить круг. Время они прекрасно считают по солнцу — по изменению солнечного света, проникающего сквозь густую листву, и по углу падения и отражения лучей на листьях. По прошествии получаса они должны были начать смыкаться очень медленно и, главное, без всякого шума. Но если бы, несмотря на все предосторожности, слоны все же испугались и побежали по направлению к ним, им следовало бы начать бить в тамтамы, кричать и отгонять их. После этого наставления я отправил их.

Когда я высчитал, что они уже успели окружить животных, я подал сигнал, и мы тронулись вперед. Восемь ручных слонов были вытянуты колонной почти в прямую линию, каждый на расстоянии футов в десять от другого. Всего у нас получился фронт в восемьдесят футов. В таком порядке мы дошли до стада. Я насчитал двенадцать взрослых слонов и пять молодых, между ними одного сосунка.

Когда мы приблизились, старый самец повернулся и посмотрел на нас. Остальное стадо стояло неподвижно, ожидая его первого движения. Ни один не издал ни малейшего звука. Медленно мы стали продвигаться среди них. Вожакам было внушено начать ловлю с самок и детенышей: обыкновенно в девяти случаях из десяти моло-

дые слоны первые начинают панику и кидаются в разные стороны.

Я приказал следующему за мной погонщику начать со старого самца, который теперь стоял подняв голову, наострив уши, глухо ворча. Он был в бешенстве. Заворочал головой, сильно постучал хоботом о землю и резко протрубил. Мы пробилась среди остального стада. Я говорил раздельно, пониженным голосом, отдавая приказания тому погонщику, который должен был работать вместе с моим. Постепенно нам удалось окружить слона с двух сторон. Я тихо сказал ближайшим погонщикам:

— Йага, диа мау бер-пранг! (Берегитесь, он будет драться!)

Перед схваткой со старым самцом я уже больше не мог обращать внимания на остальных. Мне оставалось только надеяться, что они исполнят все мои указания.

К этому времени круг загонщиков приблизился к нам. Они стояли с вытаращенными глазами, готовые каждую минуту взобраться на дерево в случае, если бы началась паника.

Когда мы с двух сторон окружили старого самца, он вдруг повернулся и хотел вонзить свои клыки в того слона, который был налево от меня; но в одно мгновение, быстрее молнии, тот нанес ему сильнейший удар хоботом, заставивший его остановиться. В ту же секунду мой слон ударил его клыками в грудь. Я закричал второму погонщику, чтобы он повернул своего слона и заставил его драться. Старый слон одновременно и хрипло ворчал и трубил, бешенство и страх слышались в этих звуках, в то время как оба ручных слона без перерыва то вонзали в него клыки, то колотили его хоботами. Убедившись, что слон уже не в состоянии заметить того, что делается на земле под его ногами, я сказал моим охотникам: «Скорей следуйте, спутайте ему обе ноги, привяжите его к дереву!»

Ручные слоны, прижав головы к шее дикого слона, удерживали его, пока мои люди соскользнули на землю, накинули петли на его задние ноги и привязали его к дереву. Дело опасное, но оно потребовало всего нескольких минут. Сперва один, потом другой крикнули:

— Хабис, туан! (Готово, господин!)

Ручные слоны в последний раз хорошенько стиснули своего противника и отошли в сторону. Он рванулся за ними вперед и упал на колени, трубя от бешенства и ужаса и изо всех сил натягивая державшие его канаты. Но порвать сырой ратан невозможно.

Теперь я мог подумать и об остальном стаде. Наш самец был единственным, выказавшим воинственность характера; остальные сбились в кучу в полнейшем недоумении; это сделало их поимку легкой. Погонщики и вязальщики делали свое дело хорошо и быстро.

Загонщики начали пробираться ближе и тесниться к нам. Им хотелось видеть добычу.

Но я крикнул им: «Стоп! Не подходите близко и стойте смирно!»

Мне надо было осмотреть канаты и петли: убедиться, что все надежно. Связаны были все слоны, кроме четырех детенышей: они все равно не ушли бы от своих матерей. Когда я удостоверился, что ни один из пойманных слонов не сможет вырваться и освободиться, я позволил людям подойти ближе. Одного из ручных слонов я отправил обратно с донесением к Тунку-Безару. Я велел передать ему, что охота была очень успешна, и прибавить, что я

не скоро еще попаду к нему, так как у меня очень много дел.

Наша добыча состояла из трех самцов и девяти самок, вполне взрослых, одного сосунка, одного пятилетка и двух слонят поменьше. Самки были приблизительно футов по семи с половиной высоты. Большой старый самец был ценным призом; клыки у него были длиной фута в четыре.

Я отправил людей вырубить часть деревьев. Надо было построить загон, чтобы в нем поместить слонов и некоторое время их тут и держать. Люди вырубали чашу своими парангами — короткими, прочными ножами. Работа была тяжелая. Раньше чем они кончили ее, я скомандовал:

— Довольно работы на сегодня; пока диких слонов будут держать деревья. Домой!

Не было ни одного циркового парада, который мог бы сравниться с нашим торжественным возвращением в кампунг. Ручные слоны шли вереницей один за другим. За исключением моего слона, все они везли на своих спинах

все количество людей, какое только могло там уместиться. Мой слон шествовал впереди всех, а перед ним в виде авангарда шли пешие охотники; они смеялись, пели, кричали и били в тамтамы. Вся деревня высыпала к нам навстречу. В эту ночь не спал никто. Устроили целое празднество. Началось с роскошного пира: подали рис, рыбу, кур и как особое лакомство уток, жаренных на углях, причем вместо вертела служил сахарный тростник. Все это готовили женщины. Они и прислуживали, но принимать участие в трапезе вместе с мужчинами им не дозволялось. Тунку-Безару и мне подавали первым. Мы сидели на циновках на корточках. Нашу еду подавали на тарелках: их привез с собой Большой Принц. Особе его ранга не подобало есть с листьев, как ели остальные пирующие. Впрочем, ел он руками, в этом не было ничего необычного. Он ловко скатывал из риса шарики и отправлял их себе в рот. Я сам научился этому искусству после долгой и усердной практики. Дичь и птиц мы раздирали руками и обгладывали кости. Никогда я не ел ничего вкуснее! Пили мы воду и чай из кокосовых чаш, спиртных напитков никаких не было. После трапезы началось пение. Один особенный мотив пели всю ночь напролет. Голоса поющих повышались и понижались в бесконечно монотонном однообразии. Большой Принц объяснил мне, что это была любовная песня. Мне после трудной работы это казалось каким-то с ума сводящим жужжанием.

На следующий день тридцать человек под наблюдением старейшины отправились обратно на место поимки слонов, чтобы окончить вырубку чащи и построить загоны для стада, в которых животные будут содержаться и приручаться.

Тунку-Безар непременно хотел видеть мою добычу, но вместе с тем ни за что не хотел ехать на слоне. Он был грузный человек и не слишком подвижный: пройти пешком это расстояние для него также было бы невыносимо. Поэтому я постарался наспех устроить два паланкина. Из бамбука сплели два грубых кресла и привесили их к двум параллельным шестам. Такие паланкины употребляются в некоторых местностях Китая. Я выбрал шестнадцать человек носильщиков — по восьми на каждого из нас, причем восемь самых сильных для Тунку. На сиденья положили подушки. Носильщики двигались легко и быстро.

Легкое покачивание было даже приятно, и Тунку решил, что я изобретательный человек.

Когда мы пришли на место, Тунку был изумлен количеством пойманных животных и проделанной за такое короткое время работой.

Почва под деревьями, к которым были привязаны слоны, была вся взрыта и истоптана. Все они натягивали свои канаты, ревели, выпускали трубные звуки и гневное ворчание. А детеныши гуляли тут же, совершенно невозмутимо и безмятежно.

Тунку слез со стула и протянул одному из маленьких банан. Тот жадно съел его. Тогда Тунку попросил подать ему вареного риса. Ему принесли рис, и он стал кормить с ладони слоненка. Слоненок, очевидно, находил эту новую пищу восхитительной. Большой Принц был счастлив, как ребенок.

— Смотрите! — восклицал он. — Он думает, что я тоже слон! Он доверяет мне!

Может быть, это было и так, но мать слоненка не разделяла этого доверия. Она испустила предостерегающий крик, обращаясь к своему детенышу. Он не обратил на это ни малейшего внимания.

Но больше всех очаровал Тунку сосунок, которому он принес молока и в ведре размешал его с теплой водой,

потом окунул хобот слоненка в молоко и затем сунул ему в рот. Слоненок наполовину понял в чем дело. Он обсосал хобот, но вместо того чтобы проглотить жидкость, выпустил ее опять через хобот и обрызгал принца. К счастью, тот снял свой баджу и стоял в одном саронге и широких китайских шароварах. Молоко потекло по его коричневому телу.

— Смотрите! — воскликнул он. — Он думает, что у меня тоже шкура.

Я никогда еще не видел его в таком восхищении. Он отвел меня в сторону.

— Я думаю, — сказал он, — что слоненок смешнее обезьянки, если бы подарить его Асай, это прогонит от нее все печальные мысли.

— Верно, — согласился я. — Это смех на четырех ножках. Он по условию принадлежит мне. Но первым идет султан. Если он позволит, чтобы слоненка получила Асай, он будет ее.

— Отлично, — ответил он, — там посмотрим!

Тем временем тридцать человек, которых я послал утром на работу под наблюдением старейшины, трудились вовсю. Некоторые из них распиливали срубленные деревья на бревна для постройки загонов, другие собирали пальмовые листья для «атапа» (крыши), а десяток малайцев заготавливали кокосовые орехи, мягкую кору и банановые растения на корм слонам.

Работа шла так хорошо, что я оставил их под надзором старейшины и вернулся в кампунг с Тунку-Безаром. Я объяснил ему, что пройдет по крайней мере неделя, пока мы устроим животных в их помещениях. Он решил не дожидаться этого, а возвратиться в куалу на следующий день.

Я был в числе провожавших его на берег реки и присутствовал при торжественном отплытии принца и его дам.

— Саламат джалан! (Счастливого пути!) — долго кричали мы им вслед.

Асай на прощание крикнула:

— Когда вы мне привезете моего слоненка?

— Ини мингто (На будущей неделе), — ответил я.

Я отвечал несерьезно, да и она не принимала моего ответа буквально: просто она увозила с собой приятное ожидание.

Загоны были готовы, и я решил начать со старого самца и его первого перевести в закрытое помещение. Я нашел

его в состоянии «воинственного безумия». Глаза у него были налиты кровью, и он не переставал угрожающе реветь. Он был слишком опасен для того, чтобы его связывать, опасен и людям и ручным слонам. Я счел лучшим оставить его привязанным к дереву еще на день-два и испытать на нем действие голода и одиночества...

Пока что мы загнали более спокойных животных в сараи. Для этого мы употребляли следующий способ: подводили двух ручных слонов к дикому; они с обеих сторон сжимали шею пленника в то время, как мы привязывали ему веревку к задней ноге. Только разъяренному старому слону мы сочли необходимым связать сразу обе задние ноги. Потом животное отвязывали от дерева. Десять или двенадцать человек держали веревку от задней ноги, и эта веревка должна была служить якорем в случае сопротивления. Один ручной слон шел впереди пленника, чтобы помешать ему кидаться вперед, другой — сзади, и с каждой стороны тоже шли ручные слоны. Ручные слоны подталкивали пленника и ударяли его клыками, а если он упрямылся, то слон, шедший позади него, изо всей силы ударял его головой в зад, и тот невольно от толчка летел вперед.

В общем, со стадом справиться нам было совсем не трудно. Две или три самки попробовали бороться, но ручные слоны быстро усмирили их. Мать сосунка упиралась сильно. Людям пришлось колоть ее заостренными шестами, а шедшему за ней слону приходилось изо всей мочи толкать ее. Слоненок все это время веселился и играл: очевидно, вся процедура казалась ему очень занимательной. Когда все остальные животные уже находились в загонах, мы решили взяться за старого слона. Шел уже четвертый день, как он был пойман. Он был голоден и томился жаждой. Мы не давали ему пить. Он рвался и старался ударить всякого, кто подходил к нему. Слон то вставал, то падал на колени, рыл клыками землю и натягивал изо всех сил канаты, спутывавшие его задние ноги. Он совершенно изнемогал, и как это ни жестоко было, но я добился того, чего хотел: не мог же я рисковать жизнью моих людей. Я решил не действовать с ним наудачу и выждать, пока его ярость пройдет от усталости.

Я приказал поставить перед ним одного из ручных слонов, чтобы отвлечь его внимание, в это время два других слона набросились на него сбоку и свалили его на землю.

Он тяжело рухнул на землю, дыхание у него перехватило. Четверо людей бросились к нему с плетью из ратана и били его минуты три. После этого слону дали подняться. Он, шатаясь, встал на ноги и стоял ошеломленный; его голова качалась из стороны в сторону. Я подал сигнал, и опять его свалили и начали бить. На третий раз, когда побой еще сыпались на него, он вдруг испустил рев, страшный рык, и уступил. С него довольно было наказания: сопротивление его было сломлено.

Я приказал, чтобы ему дали встать. Все его огромное тело тряслось, но по взгляду его маленьких глаз я понял, что вряд ли безопасно прибегнуть к обычному способу загона в сарай, и выбрал другой способ, более медленный, но и более надежный. Мы врыли в землю двойной ряд столбов, начиная от того места, где он стоял. Каждый был от другого на расстоянии обычного слоновьего шага — шесть футов в длину, и они чередовались в шахматном порядке.

К этим столбам привязали ноги пленника. Один ручной слон стоял впереди него, другой сзади. По сигналу люди быстро отвязали его левую переднюю ногу и правую заднюю, дернули за веревки и привязали их сразу к столбам, вколоченным на шесть футов впереди тех первых столбов. Прюделав это, таким же способом передвинули на один шаг вперед его правую переднюю ногу и левую заднюю. Старый слон шел, сам того не желая. Хобот его качался взад и вперед, но он был слишком обессилен для того, чтобы управлять им по собственной воле. Он не переставал глухо рычать.

Через два часа слон очутился в крытом помещении. В земляной пол вколотили два длинных, тяжелых столба. Между ними поместили его голову, и затем столбы связали между собой верхушками. Столбы крепко держали слона позади ушей. У него не было ни сил, ни охоты сопротивляться. Под брюхом у него тоже привязали в длину шест, устойчиво прикрепленный снизу. Кроме того, поперек этого шеста укрепили еще две палки: одну позади передних ног слона, а другую впереди задних. В первый раз за всю его долгую жизнь он оказался беспомощным. Он мог приподнимать ноги и немного двигать ими взад и вперед, мог делать что хотел хоботом, но это и все. Лечь или сделать несколько шагов было невозможно.

Когда мы привели все в надежный порядок, его худшие мучения кончились. Ему налили питьевой воды в колоду,

которую поставили прямо перед ним. Он 'жадно' погрузил в воду свой хобот и выпил не отрываясь пятьдесят галлонов (пятнадцать ведер). Потом он начал обливаться водой, поливая из хобота себе спину и повизгивая от удовольствия. Это было началом его примирения с жизнью, довольно быстрого, по правде сказать. Ему набросали свежих банановых побегов, зеленой коры и кокосовых веток. Никогда еще ему не приходилось так пировать.

Тело его было сплошь покрыто ранами, но, кажется, они ему не очень докучали. Хоботом набросал он на них земли, чтобы предохранить их от мух; они начали уже заживать. Я приказал, чтобы его разодранную кожу натерли марганцевым кали, я начинал чувствовать к старику уважение и даже восхищение. Как все его сородичи, он уступил физическому страданию, но не так скоро, как обыкновенный слон...

Работа моя была в разгаре, как вдруг прибыл посланец с письмом от Джона Андерсона, находившегося в то время в Сингапуре. Он просил меня понаблюдать за отправкой морем партии животных, которых из Сиама надо было переправить в Испанию. Поручение было очень ответственное и важное. Я видел, что наш старейшина отлично справляется со слонами. Поэтому я поручил ему смотреть за животными во время моего отсутствия, чтобы люди хорошо кормили, мыли и вообще ухаживали за слонами и особенно заботились о маленьких слонятах.

Он дотронулся рукой до лба и сказал торжественно:

— Господин, с ними будут поступать как с единственными сыновьями!

Я решил отправиться в куалу и попросить Тунку-Омара поехать вместо меня присмотреть за воспитанием слонов; он был со мной во время моей первой охоты и хорошо знал, что делать с неприрученными животными. Прибыв в куалу, я прямо направился к султану. Он осыпал меня поздравлениями. Я ему рассказал все с начала до конца. Он хотел знать все подробности.

— Еще! — потребовал он. — Расскажи еще!

Я объяснил ему, что у меня очень мало времени, так как мне предстоит работа для сямского правительства.

Это произвело на него сильное впечатление, но все-таки он не отпустил меня, пока я ему не повторил всего про старого слона, о котором Тунку сказал:

— Иту гаджа баньяк джахат: диа би-кин союза (Этот слон очень плохой: он наделает беды).

Я уверил его, что животное никакой беды уже не наделает, что с ним справились и что это великолепный экземпляр. По-моему, ему было между сорока пятью и пятьюдесятью годами: я основывал свое мнение на его впалых висках и на том, как выглядели его уши. Они были очень откинута назад и ободраны на краях, со многими рубцами — следами былых битв. Один из его клыков имел почти четыре фута в длину, а другой четыре фута два дюйма. Рост его был девять футов, восемь и три четверти дюйма, а весил он полных три тонны.

Я предсказывал, что он станет вполне ручным. Это предсказание блестяще оправдалось впоследствии. Я много раз видел старого слона перед моим отъездом в Америку. У него оказался кроткий характер, и он был совершенно доволен своей новой жизнью. Он сделался государственным слоном. Султан прозвал его Чантек-Куат, что в переводе значит «красивый и сильный». Надеюсь, что ему еще много лет предстоит «покрывать славой» государство Тренгану.

Он был единственным из всего стада, которого султан сохранил за собой. Остальные, кроме маленьких слонят, отошедших по уговору ко мне, были разделены между Тунку-Безаром, младшими принцами и наследником Раджа Муда, в то время тринадцатилетним мальчиком. Отец подарил ему двух слонов. С собственными двумя слонами он сразу стал необычайно важной особой.

В конце беседы я намекнул султану о желании Тунку-Безара получить маленького слоненка. Большой Принц, вероятно, уже подготовил почву у султана, потому что тот ответил мне:

— Этот малютка-слоненок просто околдовал его. Отдай ему слоненка.

И вот младенец из джунглей, когда его окончательно отняли от матери, проводил почти все свое время на террасе дома Тунку. Он бегал вверх и вниз по ступеням и визжал от удовольствия. Слоненок считался любимцем Асай, он как собачка следовал всюду за самим принцем. Тот играл с ним целыми часами и даже позволял ему входить в дом. Вероятно, «ребенок» в настоящее время уже вырос и лишился этой привилегии, так же как и своего мягкого красного ошейника из плетеного ратана, обернутого материей.

Тунку-Безар любил разговаривать со мной о слонах. Они чем-то притягивали его и занимали его воображение. Как-то он спросил меня:

— Но почему же, когда загоняют дикое стадо, слоны не стаскивают людей с ручных слонов? Ведь они ломают ветки деревьев, почему же им не сбросить человека на землю и не растоптать его, ведь они могли бы это легко сделать?

Этот вопрос я часто задавал себе сам. Я не могу на него дать ответа. Все, что я знаю,— это что человек, который сидит на спине ручного слона, остается посреди дикого стада в полной безопасности.

Если бы это было не так, старый слон не выпустил бы меня живым, и эта история не была бы написана.

Глава третья КЛЕТКИ ЗА БОРТ

Поручение от сиамского правительства — большая удача. Если оно доверяет кому-нибудь, то этому человеку оно дает все полномочия и приказ денег не жалеть. Я был в восторге, получив от Джона Андерсона письмо из Сингапура, в котором он сообщал мне, что Сиам намерен послать в подарок Испании большую партию диких зверей и ответственность за их доставку возложить на меня. Тут же я решил отправиться в Бангкок, чтобы руководить погрузкой и отправкой животных и ни на минуту не отлучаться от них до конца путешествия. Поручение это совпадало с моими планами. Скоро должен был наступить сезон муссонов, а это всегда прерывало мою работу. Я любил проводить зимы в Европе, и обыкновенно мне это удавалось.

Когда я возвратился в Сингапур после моей удачной охоты на слонов, оказалось, что на другой день отходил в Бангкок маленький паровой катер.

Я приказал моему китайскому бою Хси Чуаю укладываться. Мне достаточно было для этого сказать: «Кемас-кан

накиан» (Уложи одежду). Но я прибавил: «Мау перги Бангкок» (Еду в Бангкок).

Мы прекрасно доехали до Бангкока за четыре дня. Министра, давшего мне поручение, в Бангкоке не было: он часто совершал поездки, и, таким образом, мне пришлось вести переговоры с его братом, министром внутренних дел. Он говорил со мной всегда по-английски, и очень хорошо, если не считать легкого акцента. Мы условились, что за поездку я получу две тысячи пятьсот мексиканских долларов и проезд в первом классе в Испанию и обратно в Сингапур. Он припомнил одну мою очень удачную поездку несколько лет тому назад, когда я также отвез и доставил в Австрию партию диких животных. Это были большей частью хищные звери кошачьей породы; я доставил их в целости, шкуры лоснились и глаза блестели; такими я их передал представителям австрийского правительства в Триесте.

Когда я ознакомился с теперешней партией, оказалось, что она состояла из двух тигров, великолепных больших животных, шести леопардов, из них четыре пятнистых и два черных, одного тапира, четырех цивет¹, четырех небольших тигровых кошек, двух гиббонов и двадцати обезьян других пород, нескольких длиннохвостых и нескольких короткохвостых. Компания достаточная, чтобы открыть небольшой зоологический сад.

В Сиаме встречаются разнообразные животные, которые рассылаются оттуда почти по всей Европе, в самые различные страны: начиная от Португалии и кончая скандинавскими государствами; животные кошачьей породы легко переносят холод.

Но есть одно животное, с которым Сиам не расстается; ни при мне, ни после моего отъезда не случалось, чтобы из Сиамы послали куда бы то ни было слона. Хотя сиамцы и не поклоняются слонам, как это обыкновенно предполагают, но они питают к ним большое почтение. А среди суверенной части населения это почтение к белым слонам недалеко от поклонения, потому что считается, что в них переселяются души предков короля.

¹ Цивета — хищный зверек, виверра цветочная, или азиатская. Принадлежит к семейству виверровых, разводится как домашнее животное ради ценного выделения анальных желез — циветина. Циветин применяется как закрепитель запахов в парфюмерной промышленности.

Белые слоны, в сущности, не что иное, как альбиносы, и представляют ненормальное явление. Называя их «белыми», грешат против истины: они розоватые, и глаза у них розовые. Единственные четыре белых слона, которые были найдены в Сиаме, живут во дворце в Бангкоке. Я нередко видел их торжественно прогуливающимися по дворцовому парку, но они были так закутаны в разные попоны, сбрую и украшения, что невозможно было рассмотреть, на что они, в сущности, похожи.

Погонщики белых слонов наживают большие деньги, продавая волосяные кольца, якобы сделанные из волос с хвоста их питомцев. Но, принимая во внимание, что кольца эти делаются и продаются десятками, а у слона на хвосте совсем немного волос, ясно, что почтение погонщиков к слонам не мешает им прибегать к мошенничеству.

К счастью для меня, животные, поступавшие на мое попечение, священными отнюдь не были. Они помещались в сарае, в тюремном дворе, в нелепых клетках, предназначенных для отправки на корабле. Это были огромные железные сооружения с полусгнившими деревянными полами. Один леопард, например, помещался в клетке шесть футов на шесть, сделанной из железных перекладин, отстоявших одна от другой не больше чем на дюйм. Тут животному было достаточно места, чтобы на все лады себя портить. Пол клетки был для путешествия совершенно непригоден, а вес всей постройки прямо немыслим. Мне предстояло пересаживаться со всем грузом в Сингапуре, где остаются местные суда. Значит, надо было грузить клетки на плашкоуты, выгружать на землю, нагружать на повозки, запряженные быками, и затем опять грузить на большой пароход, отправлявшийся в Европу. Понятно, что в таких условиях каждый лишний фунт веса — опасность. Не мудрено, что сиамскому правительству обыкновенно не везло с отправкой своих зверей.

Я решил раздобыть лучшего китайского мастера-плотника, какой только был в Бангкоке, и заказать ему сделать все клетки заново, и как можно скорее. Хси Чуай взялся найти нужного человека, так как в Бангкоке все плотники говорили на его языке. Он сразу почувствовал всю важность возложенного на него поручения и научил меня несколькими китайскими выражениями, которые мне предстояло употреблять в беседе с плотником. Особенно ему нравилось слушать, как я твержу фразу, о которой он выражался,

что это «очень сильные слова»; к ней я должен был прибегать в случае, если работа пойдет медленно.

Я нарисовал эскиз и внушил, что заказ идет от самого министра. Клетки должны были быть сделаны из крепкого дерева серайи толщиной (пол, стенки и потолок) в полтора дюйма со скреплением по краям дюймовыми железными перекладинами. Высота их должна была быть достаточной для того, чтобы животные могли стоять в клетках, но не имели бы возможности поворачиваться в них.

Каждому экземпляру полагалась отдельная клетка, за исключением обезьян, которых можно было разместить в двух больших клетках: в одной длиннохвостых, а в другой короткохвостых. Обезьянам всегда следует предоставлять достаточное пространство, чтобы они могли лазать и скакать, но с животными кошачьей породы узкие клетки дают в пути лучшие результаты. Некоторое время после выгрузки животные еще чувствуют себя одеревеневшими, но скоро приходят в себя. Я заказал, кроме того, деревянные щиты, чтобы закрывать железную решетку на время погрузок. В них были проделаны дыры для воздуха.

Переместить дикое животное из одной клетки в другую — дело несложное. На пол новой клетки ставится пища, потом клетку придвигают вплотную к старой — решетками одна с другой. Потом решетки поднимают, и животное переходит в новое помещение. Кажется, ничего не может быть легче. И однако в то время, о котором идет речь, я еще полон был ужасным воспоминанием об одном случае, когда переводил в новую клетку большого орангутанга в моем зверинце в Сингапуре. Это был уже почти взрослый, очень мирный малый. В его новую клетку положили его любимую еду — большую луковицу — и придвинули к старой. Я стоял на ее крыше и поднимал решетку, чтобы дать ему выйти. Железные пазы заржавели, и железные прутья вытаскивались с трудом. Наконец остался всего один, но он не поддавался моим усилиям. Я тряс и тащил его обеими руками, и вдруг прут подскочил, как живой, и я получил страшнейший удар в нос, совершенно сплющивший его, такой удар, что, ошеломленный, без сознания свалился с клетки. Мои рабочие, не понимавшие, что случилось, хохотали.

Выяснилось следующее: орангутанг, наблюдавший, как я вытаскивал прутья, понял, что я делаю, и, так как ему не терпелось скорей добраться до соблазнительной луко-

вицы, решил помочь мне — схватил прут и подтолкнул его кверху изо всех сил. Если бы я не держал в это время острого конца прута левой рукой, прикрыв его верхушку, я был бы убит на месте. Когда я в следующий раз увидел моего оранга, Хси Чуай кормил его вареным рисом и разговаривал с ним по-малайски. «Если бы я мог заставить тебя работать, сын джунглей, я бы сам не делал ничего целый год!» Действительно, животное было непомерно сильное. Доказательство этому — легкая кривизна моего носа, оставшаяся у меня на память от этого удара.

С животными всегда случаются самые неожиданные вещи. Однако люди, помогавшие мне в Бангкоке, были так же спокойны и относились к своему занятию так же небрежно, как будто имели дело с домашними любимцами, и я не мог выругать их как следует. Я мог только изливать целые потоки наставлений и предостережений через переводчика. Этот переводчик был одновременно и тюремным надзирателем, а помощники мои все были арестанты. Министр разрешил мне использовать любое число арестантов. Я попросил вызвать мне шестерых. Они явились, закованные в тяжелые ножные кандалы. Чтобы кандалы не гремели, они подвязали их веревкой к другой веревке, обмотанной вокруг пояса. Кандалы как будто не очень мешали работать, только придавали своеобразие их походке. В Сиаме вы узнаете человека, который долго просидел в тюрьме, так же легко, как моряка: по его походке. Это были здоровые и веселые парни; они очень заинтересовались животными, все время смеялись и шутили.

Готовые клетки были доставлены из плотницкой мастерской на повозках, и вместо быков тащили их тоже арестанты, скованные и впряженные попарно. Их «одолжил» департамент уличного благоустройства. Судьба этих арестантов была такова: в течение года они должны возить повозки, а затем их ждет смертная казнь. Так наказывают в Сиаме убийц и бандитов.

Во время доставки первой партии клеток слышалось много крику, смеху и шуток. Хси Чуай объяснил мне — он узнал это от одного из китайцев, — что все люди, привезшие повозки с клетками, на другой день будут казнены.

— Они шутят, господин, — сказал он, — потому что завтра у них будет пир. Их накормят вволю, господин, больше, чем каждый может вместить.

На следующий день было столько разговоров о казни, что я решил приостановить работу, чтобы посмотреть на жизнь. Сиамцы из казни делают нечто вроде праздника. Пиршество должно было продолжаться три дня. Приговоренных было тридцать шесть человек; казнить предполагалось по двенадцати человек в день. Осужденные сидели на полу на циновках в открытом павильоне, окруженные всеми своими родственниками и друзьями, и тут им устраивали последнюю трапезу. Приносили всевозможные блюда, лакомства и редкости, и всем принимавшим участие в пиршестве разрешалось наесться до отвала. Единственное, что не разрешалось на этой пирушке, — это алкоголь (ни в каком виде) и опиум. Специальные чиновники проверяли пищу и удостоверяться, что все было в порядке.

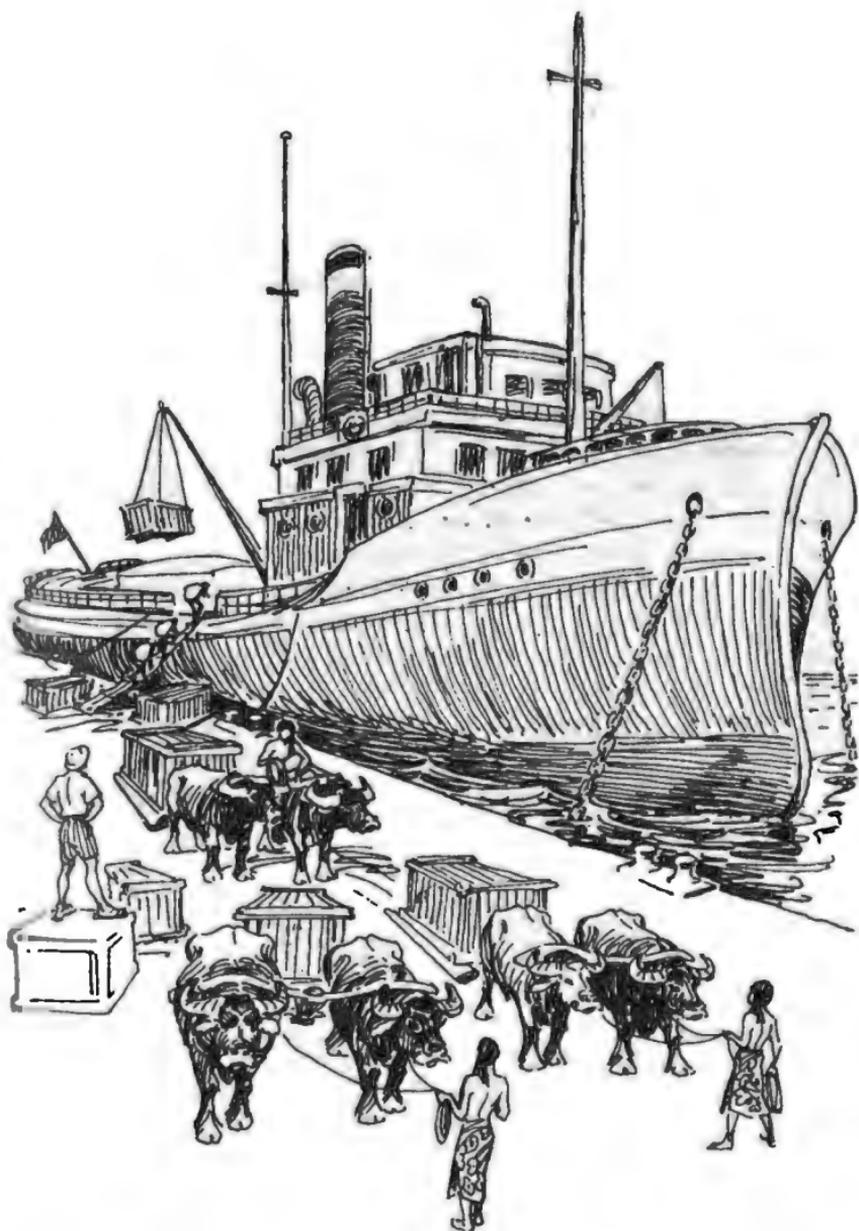
В назначенный час из павильона вышла процессия и пошла к месту казни, находившемуся приблизительно в одной миле, около дворца. Впереди шел человек с большим колоколом, который он раскачивал во время ходьбы. За ним следовали приговоренные между двумя рядами полицейских. Рядом с полицейскими, или замыкая шествие, шли друзья и родственники. Когда мы приблизились к месту казни, там уже набралась тысячная толпа, помещавшаяся в тени пальмовой рощи. Полиция вежливо предоставила родственникам и друзьям осужденных лучшие места, с которых все можно было хорошо видеть. Я тоже нашел себе хорошее место.

Посреди просторной площадки, шириной футов в триста — четыреста, положили с трех сторон по двенадцать банановых листьев. На каждый из них усадили по приговоренному. Они сидели скрестив ноги. За спиной у каждого был столб с перекрестной палкой, к которой были привязаны их локти. Руки их были скованы, но кисти могли двигаться. За столбом с перекладиной возвышался еще столб. Назначение его я понял позже. Осужденным дали папиросы, и они усердно задымили. Когда все они были привязаны, один из полицейских стал подходить к каждому поочередно; наклонившись, он брал с земли ком грязи и забивал этой грязью сперва одно ухо осужденному, потом другое. Мне объяснили, что это делалось затем, чтобы они не слышали шагов подходящего к ним палача. Потом он наклонил им головы и смазал затылки грязью. Все это время, даже когда он наклонял им головы, они продолжали курить. Когда все двенадцать были намазаны

грязью и все головы были склонены, подали сигнал, и выступили двенадцать палачей. Они подходили танцуя и размахивая над головой длинными прямыми саблями. Одежды они были в ярко-красное, их саронги были перехвачены так, чтобы походить на шаровары, а лица их были разукрашены полосами и пятнами красного и желтого цветов. Они заняли свои места, каждый позади своей жертвы. Толпа волновалась: бились об заклад, который из палачей чище исполнит свое дело. Подали опять сигнал. Двенадцать сабель описали в воздухе фантастический круг и опустились все сразу. Этим ударом были разделены пополам пятна грязи на затылках приговоренных и перерезаны их шеи, но головы еще не отделились от тела. Это предоставлено было сделать следующим двенадцати палачам, они покончили все и насадили головы на острые столбы, находившиеся позади казненных. Пока раздавались удары — толпа замерла. Как только головы были насажены на столбы, несколько женщин с воплем убежало. Я взглянул на ближайшую голову: из ноздрей у нее еще шла тоненькая струйка табачного дыма. С меня было довольно...

После казни мне очень трудно было сосредоточить мои мысли на посадке животных в клетки. Тем не менее дело было закончено без приключений. На решетки были надеты деревянные щиты, и клетки погружены на повозки. Приговоренных к смертной казни оставалось, по-видимому, больше чем достаточно у департамента уличного благоустройства в Бангкоке, и для перевозки животных нам дали их сколько потребовалось. По двое спереди каждой повозки и по двое сзади, связанные попарно, они везли диких животных к докам, где ожидала нас «Пу-Анна».

Я еще не видел парохода, но уже чувствовал, что на нем груз копры. Копра — это мякоть кокосовых орехов, высушенная на солнце. Для западного обоняния это почти самый отвратительный запах в мире. Самый же отвратительный — это блачан (гнилая рыба), восточный деликатес, но копра еще хуже, чем дюриан, вполне заслуживающий прозвище «вонючего дюриана», которое ему дали путешественники с Запада. Однако для туземцев все эти вещи — прекраснейшие «айер ванги» (ароматы). В заднем трюме «Пу-Анны» находилось шестьдесят тонн копры. «Пу-Анна» везла еще партию быков (всего сто голов) для сингапурского рынка; их как раз только что погрузили, когда мы явились с нашими клетками. Быков грузили так:

к рогам их привязывали канаты, животных на канатах поднимали в воздух и втаскивали прямо на палубу. Там их привязывали к перилам веревками, пропущенными в кольца в носу. Мои клетки подняли на борт и опустили в средний люк. Я сам присмотрел за тем, чтобы клетки стояли устойчиво и к ним был легкий доступ для того, чтобы

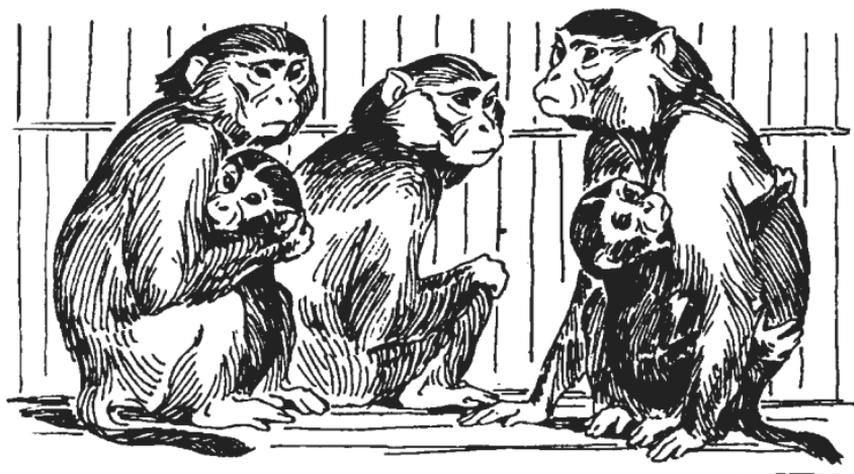
кормить, поить и чистить зверей. Так как было восемнадцать клеток, то задача моя была довольно трудной.

После того как погрузили животных, приняли на борт людей. Пассажиров было около ста, не считая детей, все малайцы, ехавшие в Сингапур. Они везли свои пожитки и еду, упакованные в бесчисленные узлы. У некоторых были в руках маленькие сундучки, служившие им сиденьями и подушками. Все они столпились на верхней палубе у кормы. Иного помещения для них не было, не было и достаточно места, чтобы улечься на ночь. Им давали рис и воду — больше ничего. Им предстояло просидеть под брезентовым навесом все пять дней.

Мои животные находились в гораздо лучших условиях. Обезьянам давали не только рис, но еще и ямс (вид тропического картофеля), сырой или вареный, и лук — любимое лакомство обезьян. Для тапира я запасся большим количеством плодов хлебного дерева, растущего в джунглях: плоды эти часто достигают двух с половиной футов длины и восемнадцати дюймов толщины, причем разделяются на доли, размером каждая с грушу.

Тапир очень труслив и необыкновенно прожорлив. Что касается корма моим хищным зверям, то при наличии сотни голов рогатого скота на пароходе в нем недостатка быть не могло. Не успели мы отплыть, как мясник-китаец хватил одного из быков молотком по голове, чтобы оглушить его, и потом перерезал ему горло. Так как мои мясоядные не имели никакого моциона, я с мясом давал им серу. Это очень полезно в таких случаях. Над клетками я разостлал просмоленный брезент и для прохлады велел поливать его. «Пу-Анна» была старым железным судном, и ее металлические палубы очень нагревались. Необходимо было постоянно их поливать.

Хси Чуай не хуже меня понимал, что нужно животным. Я смело мог оставлять животных на его попечение, доставив ему двух-трех помощников. Поэтому у меня было достаточно времени, чтобы играть в криббедж (карточная игра) с английским капитаном Беском. Я его давно знал, он мне был очень симпатичен, и с ним я разделял каюту. Он готов был играть в криббедж с утра до ночи. Мы уселись за криббедж, не успев выйти из реки Менам, а когда корабль вошел в Сиамский залив, мы все еще объявляли: «Пятнадцать и два, пятнадцать и четыре»...

Шла первая неделя ноября. Уже начались северо-восточные муссоны, но серьезных бурь еще рано было ждать. Однако на второй день пути я услышал, как один из тигров завыл долгим протяжным воем.

— Майер, — сказал капитан, — будет погодка! Тигр это знает.

— У него морская болезнь, — ответил я, — оттого он и вост, больше ничего.

— Ну нет! У него еще нет морской болезни, она у него будет. А когда мы прибудем, он будет настоящим морским тигром, старым моряком.

Я пошел взглянуть на обезьян. Некоторые из них болтали между собой, но большинство сидело с закрытыми глазами, головы их качались из стороны в сторону. Я держал в руке луковицу. Но обезьяны не обратили на нее никакого внимания, даже болтавшие. Многие из них хватились руками за животы. В других клетках хищники тоже почти все были больны.

Я пошел на поиски Хси Чуая. Он валялся у штурмана на койке, скорчившись в три погибели. Я решил прилечь тоже, а когда я встал, ветер свежел. Я пошел в каюту и застал там капитана в хлопотах. Кругом были разбросаны несвозможные части его туалета.

— Вы что это — к балу готовитесь? — спросил я его.

— Да, бал будет чертовский!

Я понял, чем он занят: он вынимал все свои бутылки с виски и джином, заворачивал их в белье и платье и плотно укладывал в свой шкафчик. Потом он захлопнул его, повернул ключ и вышел, не говоря ни слова. Я бро-

сился на свою койку. С каждой минутой ветер все крепчал. Мы уходили от него. Ясно было, что Беск боится повернуться и встретить шторм лицом к лицу. Сквозь рев бури я слышал крики и вопли с палубы: ветром сорвало брезентовый навес, и пассажиры были во власти ветра и дождя.

Мои звери понемногу выходили из своего оцепенения. Один из тигров жалобно завыл. Другие хищники скоро присоединились к нему. Но ветер все усиливался, и вскоре уже стало невозможно различать звуки — все слилось: шум бури, вой зверей и вопли палубных пассажиров.

В середине третьей ночи, перевернувшись на своей койке, я увидел, что капитан лежит на полу и разглядывает свою карту, стараясь разобрать, где мы находимся.

— Где мы? — проревел я ему.

— Если так будет продолжаться, то мы высадимся в Борнео или Австралии.

Он свернул карту и потянулся к пятифунтовой жестянке с сухарями. Взял горсть сухарей и нацедил немного воды из каменного фильтра. Я развязал ремни, удерживавшие меня на койке, выполз и тоже лег на пол. Я прислонился спиной к шкафчику, а капитан — к стенке каюты. Ногами мы уперлись для устойчивости друг в друга и начали медленно «кормиться». Мы жевали сухари, пока не начало светать. Штурман-малаец просунул голову в дверь. С ним ворвался ветер, но штурман крепко держался за косяк двери. Он шатался, стараясь удержать равновесие, и все же умудрился отсалютовать капитану. Это рассмешило меня.

— Союза (Беда), капитан! — прокричал он.

— Что?.. Какая еще беда? — заорал капитан в ответ.

— Быки! — завопил штурман. — Некоторые сорвались с привязи. Поломали ноги... Сваливаются за борт... Бьют все кругом. Другим ломают ноги.

— Майер, — проревел мне Беск, — эти проклятые быки разобьют нашу старую железную посудину!..

Он вел себя так, как будто бы на мне была ответственность за происшедшее: толкнул меня ногами, точно хотел, чтобы я провалился в шкаф.

— Валяй их за борт! — прорычал он.

— Как это сделать, капитан? — заорал в ответ штурман.

— Выбросить каждого быка в море!

Положение было так скверно, что я даже забыл морскую болезнь. Я выбрался на мостик, откуда мог наблю-

дать, что происходило внизу. Быки с ревом катались по палубе, ударялись друг о друга, били в стенки... Очутиться между ними — смерть. И вдруг я увидел, как один парень скользил по борту, он был обвязан канатом под мышками, два других матроса, стоявших неподалеку от меня на мостике, держали канат. К его руке был привязан молоток: он пытался открыть шкафут (ступени по борту). Не думаю, чтобы кто-нибудь, кроме малайского матроса, решился на подобную попытку. Пока я следил за ним, он вдруг поскользнулся и упал в море. Матросы, стоявшие на мостике, вытащили его обратно. На этот раз он дошел до шкафута. Борт поднялся вверх, матрос стал бить молотком по железным болтам, запиравшим дверцы. Мне казалось, что дело у него не подвигается, как вдруг дверца распахнулась, и в море вылетели бывшие поблизости быки. На «Пу-Анне» было четыре шкафута — по два с каждой стороны нижней палубы. Один за другим они отпирались. Некоторые из злополучных быков, в которых еще оставались признаки жизни, видя, как их товарищи исчезают в отверстиях, пробивались к ним и тоже падали в море. Бедняги!

После того как палуба была частью расчищена, четыре матроса отважились войти на нее и начали сваливать в отверстия мертвых и полумертвых животных. Иногда — когда они подтаскивали быка уже к самой дверце — качка вдруг перекидывала его обратно. Я услышал страшные звуки из моих клеток. Клетки начали двигаться... Они ударялись одна о другую и потом общей массой скользили по палубе. Собственно, сами животные не были опасны. Даже если бы клетки сломались, тигры и леопарды были так обессилены последними днями, что были бы не опаснее обыкновенных кошек. Но скверно было то, что клетки начали своими ударами и толчками грозить целостности старого судна.

Я не был удивлен, когда Беск подошел ко мне и заорал у меня над самым ухом:

— Выкидывайте ваш зверинец!

— Пусть лучше бы разбилась ваша посудина! — заорал и в ответ.

Быки с сломанными ногами, клетки, полные воющих животных, — все смешалось в копошащуюся, живую кашу, от одного вида которой мне становилось дурно. Были вылианы свистком все наверх, чтобы помочь «Пу-Анне» освободиться от своего полуживого груза... Люди делали что могли, но главную работу сделали качка и открытые шка-

футы. Одна за другой мои клетки из серайи сами сваливались, или соскальзывали, или же их скидывали в море. Они держались на воде, конечно. Я видел, как они качались на волнах. Некоторое время я глядел им вслед, потом ушел в каюту. Я привязал себя ремнями к койке и много часов пролежал в полузабытьи. Время от времени я приподнимался и дотягивался до воды или брал сухарь и жевал его. Почти все время капитан был тоже в каюте. Я не отличал ночи от дня. Вдруг я услышал, как капитан сердито разговаривает с шотландцем-механиком. Шторм успокоился, и им уже не надо было орать до хрипоты. Шотландец пришел доложить, что уголь почти на исходе.

— Жгите дерево! — командовал Беск. — Сожгите эту дверь, сожгите койки, вообще все, что есть.

Это не было выходом из положения, и шотландец отлично это знал. Капитан тоже знал это. Деревя на всем этом старом железном судне едва хватило бы, чтобы мы продвинулись на десять узлов. Но как ни бесполезна была эта идея, пришли матросы с топорами и унесли с собой дверь.

Когда ее унесли, пахнуло отвратительным запахом. Меня так и сбросило с койки. Я пошел искать капитана и наткнулся на него на мостике.

— Майер, — сказал он мне, — подлая старая лохань течет. Мы пропали!

— Копра! — ответил я. — Копра!

Он посмотрел на меня, как на помешанного.

— Жгите копру, о чем вы думаете? Жгите копру!

— Черт меня побери,— заревел он,— как же это штурман не подумал об этом? И как это мне самому не пришло в голову?

Он воззрился на меня с глупым недоумением.

— Майер,— спросил он,— но я никогда не видал, чтобы топили копррой. Как она горит?

— Как сальная свечка.

Он посмотрел на меня, словно я подарил ему тысячу долларов.

Капитан Беск был человек лет пятидесяти, но тут он побежал, как мальчишка. «Пу-Анна» через два дня вошла на сингапурский рейд, извергая тяжелый черный дым из топок, набитых кокосовыми орехами. Китайские сампаны (маленькие лодки) собрались кругом судна, чтобы свезти нас на берег. Мы уселись в них. Но лодкам, рассчитывавшим на груз, пришлось отплыть ни с чем. Мы оставили морю сотню быков, тридцать девять хищных и диких зверей и трех палубных пассажиров, смытых в море, когда откололась часть борта.

Когда я появился в конторе Джона Андерсона, он так и вскочил, увидав меня.

— Майер! — воскликнул он. — Я думал, что вас и в живых нет! Мы получили сообщение, что «Пу-Анна» затонула.

— Она стоит на рейде,— сказал я,— но двенадцать клеток с дикими животными носятся по волнам Китайского моря.

Мне ужасно было сказать ему это. Я чувствовал себя так, будто я ограбил сиамское казначейство.

— Не делайте такой кислой физиономии! — воскликнул он. — Вы должны благодарить судьбу, что живы остались! Я по крайней мере этому очень рад.

— Ну, если вы рады,— ответил я,— так и мне остается только радоваться.

Глава четвертая ВОЛШЕБНАЯ СЕТЬ

Это случилось в то время, когда я лениво нежился и отдыхал в Тренгане, каждый день посещая султана. У меня вдруг блеснула идея, захватившая меня настолько, что сразу отбила вкус к мягким подушкам, табаку и медлительным беседам. Я немедленно решил отправиться в Палембанг, на Суматру, и приняться за дело.

— Укладываться! — приказал я Хси Чуаю, а султану сообщил: — Теперь мне пора уехать.

— Ты похож на человека, — сказал он, — которого манит какая-то рука. Кто делает тебе знаки? И добрые ли это знаки?..

— Не могу ответить вам на это словами, — ответил я, — потому что это мне привиделось как картина. Я нарисую ее вам.

Я взял карандаш и бумагу и начал чертить ему план. Тут черным по белому была изображена моя новая идея: как ловить тех диких животных, что лазают по деревьям. Все было необыкновенно просто. Странно было одно, что никто раньше не додумался до этого. Я давал султану

краткие пояснения, пока рисовал, и закончил словами: «Вот леопард и попался». Султан взглянул мне прямо в глаза.

— Ты очень умен,— медленно промолвил он.

В эту минуту я так был доволен своей выдумкой, что готов был с ним согласиться.

От Тренганы до Палембанга путешествие долгое. Но я знал Суматру, знал, что это рай для охотника на диких зверей, и мне не терпелось испробовать мою новую выдумку. Я поехал в Сингапур и сел на небольшой катер, который в два дня доставил меня в Палембанг.

Со мной высадилось человек двадцать пассажиров, малайцев и голландцев. Я был единственный американец. Когда я увидел знакомые места, кучки низеньких домишек, ютящихся на песках на фоне густых джунглей, то понял вдруг, что меня привело сюда не только намерение ловить диких зверей, но еще и сильнейшее желание повидать старого хаджи, моего первого настоящего друга в Малакке. Я не видел его с того раза, как посетил после трагической смерти Али, его племянника и моего верного слуги, которого на моих глазах забодал селаданг¹.

Как ни спешил я в малайский квартал, мне все же пришлось сперва представиться властям. Я отправился вместе с остальными пассажирами к двухэтажному зданию, где меня стал допрашивать чиновник в белой парусиновой военной форме. В далекие мои «цирковые» дни, когда я был очень молод, я бы поколотил всякого, кто осмелился бы так расспрашивать меня, как этот чиновник. Сколько вопросов он мне задал! После того как я успокоил его, что не собираюсь вызывать никаких волнений, что понимаю малайцев и их обычаи и что не употреблю во зло никаких дарованных мне прав, он отпустил меня, предоставив некоторую свободу: так, например, я не только мог ходить в малайский квартал, но мог по желанию и покидать его — даже ночью — и идти в квартал китайский или голландский. Малайцам это не разрешается. Если они

¹ С е л а д а н г — местное, малайское название одного из видов диких буйволов Малайского архипелага. Встречается на Малаккском полуострове, Суматре и Борнео. Отличается смелостью и злобным нравом. Малайцы говорят, что у смелого человека сердце селаданга. Селаданг забодал слугу Ч. Майера — Али. К какому именно виду буйволов относится название «селаданг», из книги Майера установить невозможно.

хотят выйти за пределы своего квартала после захода солнца, они должны испрашивать разрешение от старейшины и брать с собой зажженный фонарь. Я не мог прийти в себя от удивления, встретив такие строгие законы на окраине джунглей.

Пока я шел к жилищу хаджи, я видел, что меня узнали. Мужчины, помнившие меня, вставали, чтобы дружелюбно меня приветствовать. Хаджи вышел мне навстречу. Он поднес руку ко лбу, потом к груди, и его морщинистое, добродушное лицо просияло от удовольствия. Он никогда не возлагал на меня ответственность за смерть Али. Малаец не так смотрит на смерть, как мы.

— В смерти нет проклятия,— говорил хаджи.— Эта жизнь вся наводнена дьяволами.

Когда мы пришли к дому, хаджи кликнул вдову Али. Хорошенькая молодая женщина показалась в дверях и стала спиной к нам спускаться по короткой лесенке. Ее звали Нанг. Я с трудом узнал ее — так она выросла и развилась. Ей было теперь около двадцати двух лет, а когда Али на ней женился, ей только что минуло тринадцать.

Она посмотрела на меня с улыбкой.

— Табек, туан! (Здравствуй, господин!) — сказала она.

— У меня для вас есть подарок,— ответил я и протянул ей стодолларовую бумажку мексиканскими деньгами.

— Не будьте неблагоразумны, господин! — воскликнул хаджи, но я уловил нотку удовольствия в его голосе.

— Это было бы желанием Али,— ответил я.

Нанг грациозно поблагодарила меня. Малайцы — и мужчины и женщины — умеют не только делать подарки, но и принимать их.

Собравшаяся кругом нас толпа очевидно наслаждалась происходившей сценой. Я узнавал знакомые лица и раздавал маленькие подарки — по одному, по два, по три доллара — соответственно близости наших прежних отношений. Я видел, что этим людям доставлял большое удовольствие, но, что несомненно, для них гораздо больше, чем деньги, значило то, что я узнал их, и та манера, с какой раздавались подарки.

Когда я выразил удивление, что Нанг не вышла вторично замуж, она объяснила мне, что не взяла другого мужа потому, что ей незачем торопиться: она в любое

время может выйти замуж. Боюсь, что я был отчасти виновником ее разборчивости. Али трагически погиб во время службы у меня. Нанг, юная вдова, трогала меня своей печальной судьбой, и я часто посылал ей деньги. Она тратила их на дело: покупала краски и сделалась первоклассной художницей в технике «батик» (особенный, местный способ художественной окраски материй). Ее саронги славились, и китайские купцы дорого платили за них. Она понимала, что, выйдя она теперь замуж, ей придется кормить мужа. Она посылала мне множество саронгов. Хотя я любовался их красотой, но носить не мог: они делались из бумажной ткани и казались мне жесткими и неудобными.

Хаджи не только любил Нанг, но и на меня смотрел как на сына. Поэтому меня не удивило, что у него появились брачные планы. Он спокойно отвел меня в сторону и сказал мне:

— Она красивая девушка и добрая. Руки ее дружны с работой. Почему тебе не жениться на ней?

Я не нашелся сразу, что ответить ему, и только медленно покачал отрицательно головой. Хаджи, не желая больше смущать меня, кротко вздохнул и сказал своим приятным тихим голосом:

— Такие вещи в руках Аллаха...

Потом опять вздохнул и прибавил:

— Ты приехал навестить меня, старого человека, доставить мне честь твоим посещением, но тебя привело и что-то другое. Что именно?

— Мне явилась картина, я увидел себя, будто ловлю диких зверей на деревьях новым и странным способом, — ответил я.

— Ты всегда был искусным волшебником, туан, — ответил он. — Расскажи мне эту картину словами.

Мне так хотелось, чтобы он одобрил мой план, что я медлил с рассказом, пока мы не уселись удобно на его веранде, поджав ноги. Тогда я начал:

— Когда я хочу поймать носорога, я стараюсь заманить его в такое место, чтобы он думал, что у него под ногами твердая земля, а когда он ступит туда, почва провалится у него под ногами. То же самое будет с леопардом. Он вскочит с полным доверием на ветку, которая ему покажется надежной, но она будет надпилена пополам и подломится под его тяжестью.

— Тогда он свалится на землю, на все четыре ноги по своей привычке, и убежит...

— Нет, нет!.. Прежде чем убежать, привлеченный запахом живых кур, он попадет в сетку, растянутую на надпиленной ветке во всю длину.

— И тогда и сетка, и животное свалятся на землю?

— Опять-таки нет. Кругом, в крайние отверстия сетки продета веревка. Ее конец прикреплен к крепкой ветке выше той, на которую зверь вскочит. Когда нижняя ветка подломится и упадет, она в своем падении и благодаря тяжести попавшегося в сетку животного потянет веревку, которая затянет отверстие сетки... Сетка будет висеть, пока я не приду с моими людьми и не обрежу ее.

Пока я рассказывал, я нарисовал ему чертеж. Он обрадовался, как ребенок, которому показали новую игру.

— Опять ты будешь творить волшебные чары, туан? — воскликнул он.

— Завтра,— сказал я,— мы сделаем сетку, подпилим ветку и испытаем эти чары.

Хаджи со всеми удобствами устроил меня в своем доме. Для меня отделили занавесью угол комнаты. Хси Чуай, последовавший за мной с парохода с моими многочисленными пожитками, разложил матрац и повесил сетку от москитов. Мне приготовили купание. Это было делом несложным: в огромном китайском кувшине принесли воды; я встал на решетчатый пол и кружкой обливался с головы до пят. Очень жаль, что нельзя было поплавать как следует в реке: она как раз в это время кишела крокодилами. Туземцы делали купаленки в реке, втыкая в ил бамбуковые колья в виде ограды, за которую крокодилы не могли проникнуть, и так купались, но этот способ меня не соблазнял. Мысль о голодных крокодилах, фыркающих за оградой, портила бы мне удовольствие от купания.

Ночью мы все четверо спали в одной комнате, разделенной занавесками: хаджи, его первая жена, отягощенная годами, как и он, Нанг и я. И все же хаджи, для малайца, жил богато. Он был человек уважаемый и со средствами. Он отвечал за порядок перед голландским резидентом. Никто из туземцев не имел права уйти из малайского квартала без его разрешения. Он был старейшиной и получал на этом посту двадцать пять фунтов в год. К тому же хаджи был еще и ученый человек и зарабатывал некото-

рые средства тем, что писал по-арабски документы и письма. Все эти заработки были только дополнением к его доходам от торговли — в небольших размерах — каучуком, ратаном и живыми зверями. Своим остальным трем женам он давал гораздо больше, чем полагавшиеся им в месяц пятьдесят центов.

Хси Чуай приготовил завтрак в своем ящике с песком, воткнув туда палки и подвесив на них котелок для варки риса. Никогда, с тех пор как я вернулся в Америку, не случалось мне есть так чудесно сваренный рис, где отделялось каждое зернышко.

После утренней трапезы началось плетение пробной сетки из ратана. Хаджи выбрал двух искусных работников. Кругом собрались зрители: пальцы плетельщиков так и летали. Сетка была быстро окончена. Длины она была достаточной, чтобы вместить большого леопарда, а круглое отверстие имело в диаметре три фута. Вокруг отверстия была продета плетеная веревка из ратана с длинным свободным концом. К тому времени, когда все было готово для пробы, слава обо мне проникла во все уголки малайского квартала, и, когда мы отправились выбирать дерево, за нами уже шла толпа.

На окраине кампонга мы нашли подходящее дерево, выбрали на нем две прочные ветки, одну над другой, нижнюю надпилили на середине, а вдоль ветки положили сетку, так что надпиленное место приходилось посередине сетки. Сетка и отверстие удерживались в открытом виде

тоненькими бечевками из ратана, привязанными к веточкам. Конец веревки прикреплен был к верхней ветви. Тогда один из людей забрался на дерево и уселся верхом на ветке, прямо перед отверстием сетки, ему подали камень весом фунтов в двадцать. Он с минуту подержал его в руках и затем опустил в сетку. Раздался треск. И все полетело вниз: ветка, сеть и камень. Люди отпрыгнули прочь, но сетка не упала на землю: она осталась висеть на верхней ветке, не касаясь земли, отверстие ее было туго стянуто. Пока что мое изобретение действовало хорошо. Хаджи объяснил изумленным зрителям, что это репетиция и что вместо камня в сетке будет впоследствии леопард. Интересно было наблюдать за выражением их лиц, по мере того как они начинали понимать суть дела. «Бетюль» (верно), — говорили они. И опять повторяли: «Бетюль, бетюль!», медленно покачивая головами.

Для меня было большой удачей, что среди присутствующих находился некий Абдул Рахман, приехавший с юго-запада, с реки Муси, из местности в шести днях пути отсюда. Он приплыл на бамбуковом плоту и привез с собой на продажу сырой каучук и лучший сорт ратана, называемый «сэга айер», приготовленный уже на продажу в шестнадцатифутовых связках по сто штук в каждой связке. Плот тоже должен был быть разобран, и бамбуковые колья, из которых он был сделан, проданы. Он со своими рабочими собирался ехать обратно в лодке, которую привели на буксире, и забрать в обратный путь запасы риса, сушеной рыбы и ножей. Таков был первоначальный план, но так как он был человек смелый и решительный, то он тут же решил изменить план и взять меня с собой. Он прямо влюбился в мою сетку.

Абдул Рахман был старейшиной над тремя кампонгами и очень уважаемым человеком в своем округе. Он обыкновенно доставлял свои официальные донесения голландскому резиденту в Палембанге и писал: «Все спокойно». Потому что, если и не все было спокойно, он уж умел успокоить, и без промедления.

Ни один губернатор не мог бы с большим достоинством пригласить меня в свои владения, чем Абдул Рахман, пригласивший меня в свой кампонг.

— Там много зверей в джунглях, — сказал он, — много-много; и шкуры у них блестят, как тихие воды на солнце.

Я посоветовался с хаджи, мнением которого я очень дорожил. Он уверил меня, что этот человек говорит истину.

Банбукковый плот Абдула Рахмана и та легкость, с которой он передвигался по реке, послужили мне главной приманкой. Самые лучшие животные в мире не стоят ничего для меня, если их нельзя легко перевезти, куда следует.

— Я поеду, — согласился я.

Абдул Рахман поклонился так, будто бы я оказал ему великую честь.

Хаджи сам выбрал для меня лодки. Та, в которой я должен был ехать сам, имела сорок футов в длину, а лодка для запасов и багажа — тридцать пять. Грузовая лодка могла поднять полторы тонны груза. Лодки были сделаны из огромных выдолбленных стволов, отлично сработаны и формой напоминали индейские пироги.

Когда наступило время выбирать помощников, положение стало затруднительным. Почти все мужское население кампюнга предлагало свои услуги. Обо мне шла слава не только искусного волшебника, но еще и человека, щедро раздававшего деньги. Хаджи отобрал для меня десять человек — великолепных парней — по пяти на каждую лодку. Каждому из них я выплатил жалованье вперед за месяц — пятнадцать мексиканских долларов — с тем, чтобы они могли оставить деньги, все или часть, своим женам. Я предупредил их, что мы будем в отлучке не меньше месяца.

Малайцы путешествуют налегке. Они взяли с собой только по лишнему саронгу, скрутив его на голове в виде тюрбана. Некоторые из них захватили остроконечные китайские шляпы. Они иногда надевали их от солнца, но чаще употребляли вместо корзин, чтобы держать в них орехи бетеля и табак. У всех за поясом были паранги — тяжелые восемнадцатидюймовые ножи. Малаец без ножа — не малаец.

Я привык сводить мои запасы к минимуму. Рис, сушеные фрукты, ружья, большое количество патронов, рубахи, брюки хаки, носки, сапоги, матрац, непромокаемые одеяла и сетка от москитов — вот почти и весь список. Я также брал с собой заступы и кирки для рытья ям. У кормы пристроили каянг, чтобы защищать меня от паля-

щего солнца. В грузовой лодке Хси Чуай поместил свой неизменный ящик с песком для стряпни.

На закате мы тронулись в путь. Хаджи и толпа провожающих стояли на берегу и желали нам счастья. «Саламат джалан» (счастливого пути) и «энтонг» (всякой удачи) неслись нам вслед.

Лодка Абдула Рахмана шла впереди, указывая фарватер. Для того чтобы править рулем, не требовалось особого знания реки. Она была достаточно глубока для наших лодок, которые сидели в воде всего фута на полтора. При обыкновенном течении лодка с четырьмя гребцами шла очень быстро. Когда течение было чересчур сильно, гребцы оставляли весла и брались за шесты. Двое гребцов становились на нос, втыкали свои бамбуковые шесты глубоко в дно реки, потом напирали на них плечом и шли по направлению к корме по краю выдолбленной лодки, имевшему около шести дюймов в ширину. Они отбивали такт своими босыми ногами, всей тяжестью налегая на шесты, и лодка спокойно продвигалась вперед. Когда они доходили до конца, где уже не было опоры, вторая пара гребцов начинала то же от носа, и таким образом ни минуты перерыва не было. Сменяя друг друга, они вели лодку и выводили ее против сильного течения в более спокойные воды.

Час за часом мимо нас проплывали все те же картины: густые джунгли, спускавшиеся к самому берегу реки, точно две бесконечные зеленые стены, изредка прерываемые песчаными отмелями. В тех местах, где река становилась уже, ветки и вьющиеся растения смыкались над ней, образуя над нашими головами зеленые арки. Порой слышались вой тигра или леопарда, неприятный крик павлина или карканье и трескотня клюворога. Иногда доносились нежные звуки — песни певчих птиц, но их скоро заглушала болтовня обезьян. Большой журавль торжественно смотрел на нас несколько минут, потом захлопал крыльями и снялся с места. На песчаной косе стоял кабан, пришедший напиться.

Мы плыли ночью и ранним утром, а в зной спали.

Только на второй день нам встретился кампонг. Мы причалили к берегу. Приятно было выйти и размять ноги. Абдул и его люди отправились за бамбуковую ограду навестить своих приятелей. Мои люди остались со мной перед оградой. Забавно мне было смотреть на их кривлянье!

Они отлично знали, что за ними наблюдают женские глаза. Все они выставили напоказ свои ножи. Головы держали гордо, спину выпрямили. Отпускали для невидимых слушательниц шутки, очень вольные притом. Время от времени слышался подавленный девичий смех. Мои молодцы

даром тратили драгоценное время, им давно следовало спать.

Вечером на шестой день мы приблизились к кампону Абдула Рахмана. Даже на расстоянии я увидел, что его расположение на редкость удачно. Почва была песчаная. Река в этом месте неглубока. Кокосовые деревья растут в песке, а крокодилы его ненавидят. Они любят глубокую воду и густой ил. Племя Абдула Рахмана сумело выбрать себе жилище.

На берегу собралась толпа. Кампонт, конечно, ждал возвращения своего старейшины и готовился к нему: и вдруг — вместо одной лодки — целых три. Мой каянг сразу сказал им, что едет европеец, потому что туземцы никогда не стараются защититься от солнца. Когда мы приблизились на достаточное расстояние, я увидел испуганные лица. Единственное, что они могли подумать, это то, что я прибыл от голландского начальника для сбора какого-нибудь налога или какого-нибудь допроса, о чем — они не знали. Я никогда не видел туземцев в таком испуганно-встревоженном состоянии. Однако со всеми проявлениями почтения они вытащили мою лодку на берег.

Абдул Рахман подождал, пока мы все высадились и толпа окружила его. Тогда он возвестил:

— Туан — мудрый пауанг. Никакой зверь не может отнять у него жизнь. Он приехал, чтобы убить всех диких зверей в джунглях. Он свершает чары — я видел сам.

Толпа молчаливо расступилась, чтобы пропустить меня и моих людей. Туземцы были преисполнены благоговейного ужаса.

Абдул поместил меня в своем жилище. Пока я сидел на веранде, его женщины занялись отчаянной чисткой и уборкой. Мои пожитки вносило множество народу. Хси Чуай позволил им нести все, кроме ружей: за ними он присматривал лично. Каждый мужчина, юноша и мальчик добивался чести нести какую-нибудь вещь, принадлежащую туану. Я слышал, как они переговаривались: «Он не голландец», и добавляли: «Он может совершать чудеса: пенг-хулю видел сам».

Абдул Рахман в Палембанге слышал очень преувеличенные рассказы о моих подвигах и сам еще приукрасил их. Если бы тут был кто-нибудь из людей моей расы, я, наверно, испортил бы всю свою игру: не удержавшись,

переглянулся бы и засмеялся. Но теперь я торжественно разрешил вознести себя на пьедестал и поклоняться мне. Они хотели, чтобы я сейчас же отправился в джунгли, но я объяснил им, что нуждаюсь в отдыхе. Им всем, однако, задал работу. Я сказал Абдулу, что мне нужно огромное количество ратана длиной, по крайней мере, футов в тридцать и что, кроме того, его люди должны нарубить мне прямых молодых деревьев дюйма в два толщиной и не меньше двенадцати футов длиной.

Пока все это делали, я решил пройтись в джунгли на разведку и осмотреться хорошенько. Я взял с собой десять человек и Абдула с тремя из его людей.

Нигде я не видел столько красных муравьев, как в этой местности. Мы все время только и смотрели, чтобы не наступить на их кучи. И нигде в джунглях не видел я столько змей. Пифоны¹ свешивались с деревьев, как толстые канаты, и так похожи были по окраске на ветки и листья, что требовалось огромное напряжение зрения, чтобы уберечься от них. Мы прошли очень немного, как вдруг передовые стали как вкопанные.

— Римау ада! (Тигр!) — закричали они.

Тигра застали врасплох, и он был, вероятно, удивлен не меньше нас, потому что этот зверь редко встречается

¹ П и ф о н (чаще употребляется название «питон») — очень крупная, до десяти метров длиной, неядовитая змея из семейства удавов. Вероятно, здесь речь идет о сетчатом питоне, самом крупном.

днем. Люди отскочили назад, и я остался впереди всех. Обыкновенно в джунглях я в руках не ношу ничего, кроме паранга. Мое ружье нес Абдул, который шел позади меня. Он протянул мне ружье вперед, и я схватил его. Это было мое первое испытание на глазах у туземцев. Момент был крайней важности. Тигр-красавец был от нас футов в ста. Он поднял хвост. Я знал, что тигры всегда поднимают хвосты перед тем, как кинуться на жертву. Через секунду он испустит свой, похожий на кашель, рев и одним прыжком отделится от земли. Я десятки раз слышал этот рев. Он положительно парализует. Ни человек, ни животное не могут слышать его спокойно. Но рев так и не раздался. На груди полосатого красавца было снежно-белое пятно, как всегда у тигров, будто созданное специально для охотников. Я быстро, но внимательно прицелился и прямо в это пятно всадил страшную разрывную пулю. Тигр взвыл, захлебнулся и покатился по траве.

Я подбежал к нему, туземцы за мной. Пуля нанесла смертельную рану и жестоко разорвала шкуру.

Люди начали осыпать оскорблениями убитого тигра. Они плевали на него и выкрикивали ругательства.

— Чего дома не сидел! — кричали они. — Хотелось посмотреть, кто приехал? Ну что же, вот и увидел! Курицы захотелось, а?.. Вот покушай свинца теперь.

Они повесили убитого тигра так, чтобы до нашего возвращения его не съели другие животные. Когда мы вернулись часа через два, все начали помогать нам сдирать кожу. Малайский способ сохранять шкуры — это зачищать их и солить. Это, правда, сохраняет шкуру, но делает ее очень твердой. Если шкура достаточно хороша, чтобы ее купил китайский торговец, ее всегда дубят.

Усы тигра осторожно вытащили. Их продают малайским и китайским докторам, которые жгут их и золу употребляют как лекарство. Внутренности также сохраняются: их сушат, и китайцы считают их хорошим лекарственным средством. Зубы берут на амулеты.

У туземцев был свой порядок, как делить добычу. Все обошлось вполне дружелюбно. Я взял себе когти. Для них всегда есть сбыт: суеверные люди и в Европе, и в Азии употребляют их как талисманы. Тот, у кого на часовой цепочке висит тигровый коготь, может быть спокоен, что он застрахован от бед! В зоологических садах и зверинцах зверям в клетках делают «маникюр». Их веревками при-

тягивают к самой решетке, так чтобы лапы высовывались наружу, и в это время обрезают им когти почти до самого мяса. Как они воют! Но для сторожей было бы слишком опасно оставлять когти в их естественном состоянии.

Наша компания возвратилась в кампунг с ликованием — не столько оттого, что убили тигра, сколько оттого, что я выдержал испытание. Когда под моим надзором сделали несколько сеток, я созвал мужчин, чтобы объяснить им, как эти сетки должны быть пущены в дело.

Настала ночь. Принесли факелы. Они были сделаны из дамара, горючей древесной смолы, вложенной в скрученные пальмовые листья, и давали дымный красный свет. Я начертил схему на песке при свете этих факелов и объяснил им так, как объяснил бы у нас, чтобы понял восьмилетний ребенок. Они кивали головами. Говорили: «Иа, иа», но, очевидно, не понимали ничего. Усилие утомляло их.

Абдул Рахман дотронулся до своего лба:

— Туан, они не могут понять на песке, что тут изображены деревья в джунглях и сетки. Когда их глаза увидят это, они поймут.

На следующий день я отправился выбрать деревья, пригодные для сеток, и нашел по крайней мере десятков таких, у которых на коре были свежие следы леопардовых когтей. Леопард, как кошка, привыкает к месту, и, где побывал раз, наверно, опять пойдет туда же. К счастью, пока я еще не взялся за дело, я вспомнил об обезьянах. Местность кишела ими, и любопытству их нет пределов. Если обезьяна заметит одну из моих веревок, привязанных к верхней ветке дерева, она постарается развязать узел или начнет лазать по веревке, чтобы разузнать, в чем дело. Чтобы избавиться от этой опасности, мы решили — после того как вся предварительная работа с сетками была закончена — смазать и верхнюю ветку и самую сетку птичьим клеем, который сделан из смолы и каучукового дерева. Этот клей употребляется туземцами как средство для ловли обезьян и даже тигров и леопардов. Способ ловли животных очень прост: охотник смазывает листья птичьим клеем. Животное наступает на них, и как только его лапа попадает в клейкое вещество, оно уже не может ее вытащить. Зверь старается откусить лист, но тогда он попадает в клей мордой, и в конце концов он весь оказывается

вымазанным клеем. Это приводит его в полное бешенство и делает таким беспомощным, что поймать его уже ничего не стоит.

В данном случае мы могли защитить всю нашу ловушку при помощи клея, кроме, конечно, места у самого отверстия. Это оставляло обезьяне возможность забраться в сетку и, прыгнув, сломать ветку; но на этот риск приходилось идти.

Я с величайшей заботливостью устроил все сетки, относясь к делу с интересом и волнением изобретателя.

В каждую из сеток мы привязали по паре хороших бойких кур и вернулись в кампунг, где, должен сознаться, я провел бессонную ночь.

Около восьми часов утра на следующий день мы отправились взглянуть, что-то нам послала судьба. Со мной было человек двадцать. Первая сетка была пуста. Но на ней сидела глупая обезьяна и без умолку болтала. Она вымазала лапу в птичьем клее и испортила бечевки из ратана, которые держали отверстие открытым. Мы поправили ловушку и отправились к следующей. Тоже пуста. Мы приближались к третьей, Абдул Рахман шел впереди. Завидев ее издали, он остановился как вкопанный, поднял предостерегающим движением обе руки и продолжал стоять безмолвно и не двигаясь. Я подбежал к нему. Он обернулся и взглянул на меня странным, точно помраченным взглядом. Этот человек, выросший на окраине джунглей, увидел что-то, что испугало его... С минуту я ничего не понимал. Я ясно видел сетку: она мешком свешивалась с верхней ветки, сильно растянутая. Очевидно, в ней было какое-то животное. Но тут случилось нечто странное, чего мне еще в жизни видеть не приходилось. Мешок медленно покачнулся сперва вправо, потом влево и наконец поднялся прямо вверх. Когда он приостановился в воздухе — без всякой точки опоры снизу или сверху, — то опять покачнулся пугающим движением, медленно опустился и повис. Люди столпились, глядя на чудо. Я слышал их прерывистое дыхание.

— Ханту!.. Иа, ханту! (Дух!.. Да, дух!) — перешептывались они.

Все кругом было полно суеверного ужаса. Такие вещи заразительны. Я никогда не видел до тех пор, чтобы так необыкновенно нарушались законы притяжения. Абдул Рахман заговорил:

— Уйдем, уйдем, ту-ан!..

Тут я словно очнулся и кинулся вперед. Солнечные пятна мешали мне видеть хорошо, и я все понял, только когда почти вплотную подбежал к сетке. Облегчение мое выразилось в том, что я заговорил по-английски, — на языке, на котором я не говорил месяцами. Я поймал себя на том, что закричал во всю глотку: «Этого и спяну не увидишь!»

В сетку попался громадный пифон: он полез в нее за курами и одну успел проглотить. В это время под ним обломилась ветка, затянулась веревка и, перехватив его пополам, врезывалась в него все сильнее и сильнее. Хвостом он еще держался за верхнюю ветку. Он опять стал делать невероятные движения в воздухе. Я не мог удержаться и захохотал. Ничего успокоительнее хохота быть не может. Туземцы подбежали ко мне. Когда они поняли в чем дело, их полуголые тела тоже начали корчиться от хохота.

Мой смех, впрочем, скоро прекратился. Мне пришла мысль, что хотя у нас недурная добыча, но что ведь в сущности больше трех ярдов змеи было еще на свободе. Эта мысль подействовала на меня охлаждающе. Хвост пифона может быть опасным для жизни. У нас, к счастью, было с собой много крепких веревок. Я послал энергичного, сильного малого на дерево с подробными наставлениями. Он должен был завязать на хвосте у пифона веревку затяжной петлей и поближе к концу хвоста стянуть ее. Он выполнил это; затем, пропустив веревку под веткой, кинул ее свободный конец стоявшим внизу. Они дернули за нее и таким образом на одно коль-

цо сняли хвост с ветки, притянув конец его вниз. Держа веревку, привязанную к хвосту, туго натянутой, они опять бросили свободный конец человеку на дереве. Он снова пропустил ее под ветку и бросил вниз. Дернули еще раз — и второе кольцо вытянулось. Словом, они «отвинтили» змею кольцо за кольцом веревкой, служившей как бы продолжением хвоста. Второй веревкой, тоже с затяжной петлей, охватившей туловище удава там, где оно высывалось из сетки, его заставили ослабить хватку. Другой человек стоял, держа веревку, которой сетка была привязана к верхней ветке, готовый вовремя спустить ее вниз. Дело было трудное и очень опасное. Хотя половина тела пифона была в плену, но и хвостом он мог нанести смертельный удар. Когда распрямили последнее кольцо, люди туго натянули все веревки и сетку опустили на землю.

Пока она еще не совсем касалась земли, мы занялись мордой пифона. Ему удалось просунуть ее сквозь петли сети, и он угрожающе шипел. Пифон не ядовит, но он может крепко укусить. Один из мужчин снял свой саронг. Его сложили и, набросив на голову, втолкнули морду змеи обратно в сетку. Потом все принялись наворачивать свободный конец змеи на сетку с его другой половиной, как наворачивают шпильку. Всеми имевшимися в наличии веревками его опутали так, что он пошевелиться не мог. Потом весь этот приятный сверток привязали к шесту. Сверток оказался длиной футов в восемь, его прикрепили с двух концов к шесту, чтобы удобнее нести. Пифон весил фунтов двести. Длины он был в двадцать футов. Мы провозились над ним два часа без перерыва. Заставить малайцев работать в течение двух часов без остановки — само по себе чудо. Пот лился с них градом. Я решил, что им надо отдохнуть, прежде чем идти в обратный путь. Мы уселись на землю. Я курил, а они жевали бетель. Каждый рассказывал, что именно он подумал, когда увидел, как мешок, словно живой, шевелится в воздухе.

Абдул Рахман наклонился ко мне. Он смущенно дотронулся до лба рукой:

— Не сделает ли туан чести,— сказал он,— открыть мне, какое заклинание он произнес, когда увидел, как поднялся мешок? Это были слова могущественных чар?..

С минуту я не мог припомнить. Потом вдруг вспомнил, что я закричал по-английски: «Этого и спяну не увидишь!»

— Абдул Рахман, — торжественно ответил я, — это такое заклинание, которое умирят самого страшного дьявола.

Глава пятая
БИТВА ТИГРА С БУЙВОЛОМ

Когда в кампунг моего друга Абдула Рахмана принесли огромного пифона, все население собралось полюбоваться добычей. Даже грудных младенцев принесли посмотреть на пифона. Рассказы о его поимке разрослись, и говорили уже, будто мешок со змеей поднимался до самой верхушки дерева.

Для пойманного пифона сделали нечто вроде корзины из прямых древесных стволов, переплетенных ратаном. Корзина была длиной в шесть футов, шириной и высотой три на три. Пифона так и положили в виде свертка, как несли, только отрезали петли, прикреплявшие его к шесту. Потом наложили крышку и крепко-накрепко завязали. Освобождение змеи от веревок и сетки потребовало много времени и терпения. Люди просовывали руки сквозь отверстия плетенки, перерезали бечевки и ратан и по кусочкам вытаскивали их. Змея время от времени угрожающе шипела, но, в общем, была спокойна. Вероятно, она успела обессилеть во время своего пленения, когда старалась высвободиться из ловушки, мы ведь не знали, сколько

время она пробыла в сетке: может быть, час, а может быть, и двадцать часов. Особенного ухода за змеей не требовалось — они вообще редко едят. В пути — даже и продолжительном — я их никогда не кормлю. Когда пифон хорошо пообедал — съест, например, целую свинью или барана, — он может месяц обходиться без пищи.

Аппетит змей — необыкновенно капризная вещь. Он как будто всецело зависит от ее настроения духа. Иногда кролик может много дней подряд прыгать в клетке у змей, и она и не трогает его, хотя сама не ела несколько недель.

Удавы болеют в неволе раком пасти. Заболевая, они отказываются от какой бы то ни было пищи, и их приходится кормить насильно. Куры, сырое мясо — вообще, что есть под рукой, — заворачивают в кусок кожи, затем змее насильно раскрывают пасть и опускают туда сверток с пищей. Когда он попадет в глотку, глотательные мускулы невольно начинают делать свое дело, и в конце концов змея проглатывает пищу. Раковое заболевание пасти не нарушает удивительного пищеварения змей: змея переваривает все — перья, волосы, кожу, кости и когти. Змеи могут проглотить животных больше себя величиной, и это станет понятным всякому, кто видел их пасть открытой. Я не естествоиспытатель, но мне объясняли, что у них кости нижней челюсти укреплены растяжимыми связками. Мне случалось насильственно кормить змей, и я убедился, что это так и есть. Их пасть открывается невероятно широко. А когда после кормления я наблюдал, как опухает у них туловище, я готов был поверить, что все их туловище тоже эластично, а ребра — на шарнирах. Природа снабдила змеенышей приспособлением, которое всегда занимало меня: чтобы им было удобнее разбить свое яйцо и появиться на свет, у них на конце рыльца помещается специальный зуб, похожий на пробойник для консервных жестянок.

Пифон, которого я поймал в мою «волшебную сеть», достался Пертскому зоологическому саду в Западной Австралии. Если бы его возможно было выдрессировать и вообще направить его силу на полезные вещи (силы в нем было достаточно, чтобы переломать все кости у лошади или буйвола, обвейся только он вокруг их туловища), он мог бы проделывать огромную работу. Но он провел свою жизнь, привлекая толпы зрителей к своей клетке.

Все время, пока мы ловили пифона, между туземцами и мной царили самые дружественные отношения. Я чувствовал, что эти суматрские жители не только приняли меня в свой круг, но и нисколько не стеснялись меня. В этом было одно маленькое неудобство. В тропиках для меня самыми счастливыми часами дня были всегда часы купания. Но в кампунге Абдула Рахмана мне не пришлось наслаждаться купанием; независимо от того, купался ли я в реке с ее прекрасным песчаным дном или просто обливался из кувшина — той минуты, когда я начну раздеваться, ждали со страстным нетерпением все жители деревни.

Эти люди мало видели в жизни нового или странного, и человек с белой кожей был для них зрелищем, от которого они не могли легко отказаться. Мужчины и мальчики торжественно, точно соблюдая какую-то церемонию, собирались все вокруг меня, и я должен был смотреть на это, как на большую любезность. Но в выражении их лиц было что-то, что вызывало во мне неприятное чувство: мне казалось, что они смотрят на мою бледную кожу совершенно так же, как мы, например, глядим на белое брюшко лягушки. И, кроме того, меня вовсе не прельщала мысль, что издали на меня тайком смотрят женские глаза. Но, по крайней мере, женщины хоть не могли рассмотреть подробностей, например, синих жилок под кожей, которым мужчины так дивились.

— Точно большие синие реки, соединенные маленькими синими ручейками, — говорили они.

Очень их интересовала также моя борода, которую я начал отпускать. У малайца такая ничтожная растительность на лице, что, когда у него появляется несколько волосков, он их просто выщипывает.

Как-то раз, когда я подвергался подробнейшему осмотру, вдруг вспомнил «феноменов», моих приятелей из тех дней, когда я, много лет тому назад, работал в цирке Фрейера в Лондоне. «Живой скелет» и «каучуковый человек» с «самой толстой женщиной в мире» вдруг забастовали. Они запротестовали против того, что их в афишах называли «феноменами», а желали, чтобы их именовали каждого «чудом природы». Теперь, когда я очутился в положении единственного белого человека на много дней пути кругом, я понял, как неприятно быть «феноменом».

Абдул Рахман еще больше раздосадовал меня. Приложив руку к груди с почтительнейшим «саламом», он сказал мне, что мать его второй жены, женщина мудрая и собирающая мудрость, желает знать: то, что туан явился в мир с волосатой грудью, не знак ли того, что он будет повелителем диких зверей?

— Она случайно видела это,— прибавил он,— и весьма восхищается.

Я ответил, боюсь, не очень любезно:

— Скажи матери твоей второй жены, что Аллах дал мне это затем, чтобы кровь моя всегда была горяча и я не знал страха.

Абдул, вероятно, уловил некоторую ноту неудовольствия в моем ответе.

— Я передам ей это,— сказал он.— Мать моей второй жены очень любопытная женщина, до всего любит допытываться.

На другой день мне удалось, спрятав полотенце и притворившись, что я просто иду прогуляться, уйти на реку незаметно и без свиты. На реке было только двое голых ребятишек, игравших в воде, да большой водяной буйвол. Он, очевидно, закончил свои дневные труды и лениво лежал в воде, высунув на воздух только морду. Я сбросил одежду и только что хотел кинуться в реку, как вдруг огромный зверь заревел и двинулся по направлению ко мне. Дети закричали:

— Берегись, берегись, туан!

Буйволу не понравилась моя белая кожа. Он решил меня прогнать. Я оставил на берегу свое платье и бросился бежать в безопасное место. Ребятишки собрали мои брюки, рубаху, носки и башмаки и притащили их мне. Они сочли нужным извиниться:

— Буйвол дурак, туан,— сказали они.

Но если даже водяной буйвол так относился ко мне, мне ничего больше не оставалось, как примириться со своим положением и согласиться с тем, что я феномен. Об одном я жалел: что не могу взять с моих зрителей входную плату...

Следующей нашей добычей, попавшейся в сетку, был великолепный экземпляр пятнистого леопарда, самец лет шести. На этот раз никаких сюрпризов не было: все шло как по маслу. Мы слышали зверя задолго до того, как подошли к нему. Он то рычал, то выл. И неудивительно,

потому что он буквально висел вниз головой. Он даже не мог грызть веревки. Туземцы прямо с ума сошли от восторга. Судя по их поведению, можно было подумать, что мы победили все джунгли. Сетку опустили, отверстие надежно затянули и привесили к шесту. По пути в кампунг все мужчины пели радостные песни. Быстро построили клетку. Потом начался импровизированный праздник. Все это было так внезапно, а мне так важно было поддержать энтузиазм моих помощников, что я вошел в общий тон и решил организовать игры. Принесли банановое дерево и вбили его как мишень для состязания в бросании копий. Меня уговаривали принять участие в состязании. Я очень таинственно объявил, что в этом состязании я не должен принимать участия, что у меня есть важная причина. Причина действительно была: я в этом деле ничего не смыслил. Зато люди Абдула Рахмана не имели себе равных в этом спорте. Копья их были длиной около шести футов. Они бросали их на расстояние от пятидесяти до ста футов и даже дальше. Я раздавал призы — небольшие денежные суммы.

Потом, к счастью, я вспомнил одну игру, которую очень любят матросы на кораблях: игру в «перетягивание каната». Я потребовал веревку и сказал каждому из играющих, где ему надо стоять. С каждой стороны было по десять человек, причем мне удалось отобрать почти равной силы молодцов. К этому времени я уже хорошо знал моих приятелей и выбирал очень осторожно, в смысле силы и веса. И вот поднялось веселье: тянули, тащили, врывались ногами в песок, чтобы не уступить. Пот лил с них ручьями. Женщины кричали и ахали. Все с облегчением вздохнули, когда одна партия наконец одолела. Тогда я роздал призы: по десяти центов на брата, всего-навсего доллар на всех. Но я вручал монетки с поздравлениями и с такой важностью, будто это были серебряные призовые кубки.

После нашего праздника ловля пошла всерьез. Я взял с собой в джунгли всех самых сильных мужчин в кампунге, чтобы рыть ямы. Работали кирками и лопатами. Инструменты были отличные, китайской работы. Так как мы всегда путешествовали налегке, то рукоятки к лопатам мы делали на месте.

Оставшиеся в кампунге мужчины целые дни были заняты постройкой клеток и плетением сетей. Женщины работали над более тонкими сетками, которые были по-

хожи на рыболовные сети и делались по давно известному способу. Я платил женщинам хорошо и отдавал деньги за работу не их мужьям, а им самим. Для них это было новостью: самим зарабатывать деньги, — и они принялись за работу с энтузиазмом. Даже ребятишки помогали: таскали легкие предметы, связывали, обертывали что-то.

Абдул задумчиво спросил меня:

— Не даст ли мне туан свой талисман, которым он заставляет людей работать так усердно?..

— Этот талисман действителен только в руках у того, кто родился в стране, где людей кусает холод, — ответил я.

Абдул вздохнул и лениво потянулся. День был особенно душный, и отдых был сладок...

Пока почти все члены пятидесяти семей, составлявших население кампонга, работали изо всех сил, Мохаммед Тай, зять Абдула, молодой человек лет двадцати пяти, стройный, смелый, первый победитель в бросании копий, решил показать мне свое искусство в охоте на тигров. Побудило его к этому мое любопытство при виде какого-то приспособления, почти разрушенного, на которое я наткнулся в джунглях. Это была двойная клетка из бамбуковых кольев, врытых в землю футов на три-четыре в глубину. Клетка в клетке — такую вещь я видел в первый раз. Все сооружение имело приблизительно восемь футов в высоту, восемь в длину и четыре в ширину. Брусья решетки отстояли один от другого не больше, чем на два дюйма, и — что мне показалось особенно странным — в каждой клетке они были размещены как раз один против другого. Мне казалось, что они должны бы были чередоваться.

— Кто же это сидел в этой двойной темнице? — спросил я у Абдула Рахмана.

— Человек и собака, туан, — ответил он, — а иногда, в другие ночи, человек и козел: в козле все ценно — и запах и бляение его.

Я начал понимать.

— Человек приходит сюда охотиться? — спросил я.

— Да, туан. Приходит убивать.

Теперь со слов Абдула я ясно вообразил всю жестокую картину. Охотник приходит в это место в джунглях незадолго до захода солнца. Он берет с собой собаку или козла и приносит каянг — плетенную из пальмовых листьев циновку — для того, чтобы спать на нем. Он приподнимает несколько брусьев, входит, устраивается на ночь и спит

до тех пор, пока его сна не потревожат. Животное с ним. Когда голодный тигр почует их и подкрадется — собака залает или заблеет козел — охотник проснется. Он вскакивает наготове со своим парангом — длинным, похожим на меч ножом с двухфутовым лезвием, отточенным, как бритва, и вделанным в деревянную рукоятку. Брусья в обеих клетках не случайно помещены один против другого, а для того, чтобы предоставить ножу больше простора.

Когда терзаемый голодом зверь встанет, по привычке тигров, на задние лапы, упираясь передними в решетку, нож быстро вонзается в его брюхо, и быстрым движением кверху охотник распарывает ему внутренности.

— Для охотника это безопасно, — объяснил Абдул, — и ни собаке, ни козлу тоже не грозит беда.

Подумав, он прибавил:

— А если у него хороший талисман, то ни духи, ни дьяволы ничего не могут ему сделать, хоть он и один в лесу ночью.

При помощи этой ловушки Тай и надеялся убить тигра. Он направился в джунгли с несколькими своими друзьями, помогавшими ему нести колья и ратан для починки полуразрушенной клетки. Они пошли днем с таким расчетом, чтобы еще засветло успеть ее привести в порядок. Когда все было готово, Тай вошел в клетку с собакой. Козла в то время у него под рукой не оказалось, поэтому он просто накинул веревку на шею первой попавшейся бродячей собаке — около кампонга было десятка два таких злополучных псов, своего рода мусорщиков, которых из-за этих услуг терпели в кампонге, — и потащил ее с собой. Он разостлал в клетке свою пальмовую циновку и закутал голову саронгом; чтобы защититься от moskitов. Потом его друзья врыли опять брусья, укрепили их, как следует, и оставили его одного. Я воображаю, как они спешили проститься с ним и радовались, что уходят. Эта охота не пользуется популярностью среди населения. Мужчины придумывали разные объяснения, почему они не любят ее. Дело в том, что никто из них не любит оставаться ночью один в джунглях.

Утром друзья Тая отправились помочь ему на случай, если бы он поймал тигра, и просто проведать его, если он не поймал. Вернулись они и Тай с пустыми руками и в плохом настроении. Собака рвалась из рук у них. Мы встретили их, когда шли проверять наши ямы и сети.

На другое утро мы опять встретили их, почти в то же время и у того же места, без добычи и в еще более подавленном настроении. Пять ночей подряд Тай ходил в свою засаду — и все безрезультатно.

Потом ко мне пришел Абдул Рахман и спросил:

— Не сделает ли господин хорошего талисмана для Мохаммеда, чтобы он мог его повесить на клетку и приманить тигра?

Мне это не очень понравилось. Я заподозрил, что в их суеверные головы закралась мысль, что я наложил заклятие на клетку, заколдовал ее, так как не хотел, чтобы кто-нибудь, кроме меня, поймал добычу. Я согласился — хотя довольно неохотно — «свершить чары» для Тая, но поставил условием, чтобы он в течение трех ночей не подходил к клетке, чтобы взял с собой козла вместо собаки и чтобы его провожали вечером два человека, не больше, а встречали утром трое.

Когда наступила ночь, я дал ему мои серебряные часы, которые отполировал до яркого блеска. Я объяснил, что они принесут ему счастье и дадут ему сердце селаданга. Я немножко нервничал относительно исхода его предприятия; но мое счастье, сопутствовавшее мне до сих пор на Суматре, не покинуло меня и на этот раз. В первую же ночь мой талисман подействовал, и Тай добыл своего тигра, хоть и не с таким блеском, как он надеялся. Тигр явился поздно ночью. Козел заблеял. Тай приготовил свой паранг. Тигр обошел клетку кругом, обнюхивая почву, потом поднялся на задние лапы, и Тай нанес свой удар.

Удар был хороший, настаивал Тай, достаточный, чтобы убить трех тигров, но зверь обоими глазами смотрел на иркий талисман и оттого не мог умереть! Тай говорил, что туан «забыл сказать талисману не действовать на пользу тигру».

И для охотника, и для зверя настали скверные часы. Тигр с ревом упал как раз так, что длинный нож не доставал до него. Тай не смел выйти из клетки, чтобы покончить с ним, так как воображал, что мой талисман охраняет тигра. Когда утром пришли его друзья, он все еще сидел в клетке, закрыв голову саронгом, а тигр валялся при последнем издыхании и страшно выл. Они сразу добились его. Все вместе ободрали его шкуру и вынули его драгоценные внутренности. Я встретил их, когда они воз-

вращались со своей добычей. Моих часов никто не посмел снять с клетки; мне пришлось пойти за ними самому.

Решив больше не рисковать своей репутацией мага и волшебника, я расхвалил Тая и сказал ему, что прошу его работать у меня все время, пока я останусь тут. Тигровую шкуру я у него купил на месте за двадцать долларов. Она не стоила больше десяти и была мне не нужна, но мой успех зависел от общего доброжелательства.

Самым серьезным моим предприятием в этой экспедиции были клинообразные западни для ловли носорогов и тапиров. В этих ямах были покатые внутренние стены, чтобы животные не ломали себе ног, что было бы неизбежно в ямах с прямыми стенками. Замаскировать эти огромные ямы было делом, требовавшим огромного умения — почти искусства. Кроме ямы, приходилось сделать нечто вроде решетки из ветвей, положенных накрест; решетка замазывалась глиной или землей. Потом вырывали траву с корнями и буквально сажали ее туда, да еще рассыпали листья. Когда эту решетку совершенно невозможно было отличить от обычной почвы джунглей, ее поднимали и помещали над ямой. Люди работали, как будто устраивали декорацию для театра или играли, — только делали все очень тихо и спокойно, в то время как обезьяны смотрели на них с деревьев и, не умолкая, болтали. Мы взяли с собой козла и привязали его по ветру, чтобы его запах заглушил неприятный запах человека, отпугивающий животных.

Целую неделю мы проработали над устройством ям. Мы сделали целых шесть. Уходили мы из кампонга в восемь часов утра, когда роса уже высохнет. В одиннадцать мы уже были в разгаре работы. Около трех мы шли домой. Сумерек не было. Как только заходило солнце — словно кто-то спускал темный занавес — и в джунглях человеку уже нельзя было оставаться. Кроме ям и сетей, я еще устраивал временные западни для тигров и ставил силки, а для маленьких животных размещал тонкие сетки на деревьях, так что они почти касались земли. Животные попадались в них и запутывались, очевидно не умея высвободиться. Некоторые, впрочем, освобождались, перегрызая сетку. Западни, ямы и ловушки я расставлял по пути к тем местам, где животные пили воду; дальше чем на расстоянии радиуса в милю я их не помещал, так что всю нашу «военную зону» можно было обойти в один день.

Дикие кабаны и лани доставляли мне много хлопот. Они запутывались в сетях, разрывали плетение. Если только это были не какие-нибудь особенно хорошие экземпляры, я их пристреливал.

Поймал я множество так называемых мышинных ланей¹ — прелестных маленьких созданий, ростом от девяти до двенадцати дюймов. Они очень похожи на больших ланей в миниатюре, только ни у самцов, ни у самок нет рогов; они идут на очень вкусное и тонкое жаркое.

Поймал я еще четырех тапиров. У одного из них был теленок — прехорошенькое маленькое животное, которое на первый взгляд не имело ни малейшего сходства со своими родителями. Тапир-мамаша, принадлежавшая к породе, которую малайцы называют «с седлом на спине», была почти вся черная: морда, шея, ноги, бока, только брюхо было серое. А детеныш был карий с белыми пятнышками, полосатый. Мать имела пять футов в длину и четыре с половиной в высоту, весила фунтов двести. Но, несмотря на внушительные размеры, защищаться она не могла. Лучшее, что тапир может сделать, — это спрятаться или убсжать.

Мой успех превзошел все мои надежды. Правда, случилось со мной одно несчастье при начале перевозки животных: плот наткнулся на скалу, разбился, и четыре клетки затонули. Несколько маленьких ланей, цивет, обезьян, дымчатый тигровый кот, которого мне было очень жаль, и прекрасный экземпляр бинтуронга² погибли при этом. Люди влезли по грудь в воду, и им удалось спасти остальных животных. Кроме этой неудачи, все обстояло отлично. Дело шло полным ходом, я посылал плот за плотом в четырехдневный путь к старому моему другу хаджи, в Палембанг.

Когда я, наконец, решил, что с меня довольно, я отправился с десятком людей в последний обход той части джунглей, которая доставила мне такую обильную добычу. Когда мы приближались к одной из ям, устроенной около

¹ «Мышинные лани» — вероятно, автор имел здесь в виду очень маленьких безрогих копытных зверьков — оленьков из особого подряда Traguloidea, возможно, «нану», или иначе канчиль, *Tragulus vicinus*, но есть и другие виды. Термин «лань» автор вообще все время применяет неправильно. Настоящих ланей, или данизлей, в Юго-Восточной Азии нет.

Какой вид из семейства кошек автор имел в виду под названием «дымчатый тигровый кот», сказать невозможно. Бинтуронг — хищник из семейства виверр, иначе именуемый пальмовой куницей.

мутной лужи в прогалине джунглей, я вдруг услышал что-то странное: целый хор звериных криков. Различить можно было только рев буйвола и рычание и кашель тигра. Абдул Рахман дал мне мое ружье, и я пошел вперед. Люди теснились за мной. Я двигался медленно, очень осторожно и наконец завидел вдалеке водяного буйвола. Он кружил, нагнув голову, около чего-то, но я не мог сперва разобрать, около чего именно. Но вдруг я увидел большого полосатого тигра, полускрытого густой травой. Из черной, гладкой кожи буйвола текла кровь: красные пятна виднелись на его боках и затылке. Тигр вспрыгнул с земли. Буйвол наклонился на один бок и боднул своим рогом тигра так, что тот отскочил.

— Хотите видеть битву? — закричал я людям.

— Иа, иа!

— Тогда на деревья!

Малайцы из джунглей лазают по деревьям как кошки. Они обыкновенно надрубают своим ножом небольшую зарубку в коре, которая позволяет им придерживать пальцами ног. Затем взбираются и протягивают руки вниз, чтобы помочь взобраться приятелю. Абдул Рахман, взобравшись на сук над моей головой, схватил у меня ружье, потом быстро сбросил свой саронг и протянул мне его конец. Я ухватился за него и наполовину влез, наполовину был поднят на дерево. Мне очень мешали мои башмаки.

Я устроился на ветке и мог наблюдать за поединком. Оба противника выжидали. Тигр приседал, рычал, а буйвол все кружил. Так прошло несколько минут, вдруг буйвол кинулся и пронзил тигра своими рогами. Тигр отпрянул, потом прыгнул на буйвола и вцепился клыками ему в бок. Потом он вихрем откатился, и я видел только пестроту травы и полос его шкуры.

Малайцы наблюдали за битвой так же страстно, как они обыкновенно смотрят на петушинные бои. Они переговаривались и бились об заклад, чья возьмет.

Тигр собрал все силы, испустил свой кашляющий рев и кинулся на голову буйвола. Буйвол встретил это нападение, наклонив свою толстую шею. Но сила удара заставила его присесть на задние ноги. Он потрясал рогами, но тигр так вцепился в его голову, словно составлял с ней одно целое. Пока огромная кошка кусалась и царапалась, буйвол старался опять найти равновесие. Наконец, качая на рогах свой ужасный головной убор, он умудрился встать

на ноги. С минуту он держал тигра в воздухе, потом, нагнув голову, сбросил его наземь. Медленно, согнув колени, он прижал тигра всей своей тяжестью к земле. Рев... рык... и протяжный кошачий вопль... Буйвол тряс освобожденной головой, фыркая и мыча. Ноги его дрожали, но, так как тигр лежал ничком, он опять кинулся на него с такой силой, что, очевидно, сломал ему спинной хребет. Вой тигра становился все слабее и слабее. Вид его безжизненного тела словно придавал буйволу новые силы. С фырканием, гневным и торжествующим, он топтал его копытами.

Когда бешенство буйвола утихло, он приостановился. Вся его огромная туша тряслась мелкой дрожью. Из носа и из ран у него текла кровь. И вдруг он начал мычать, жалобно, протяжно мычать.

— Это буйволица, — шепнул мне Абдул Рахман. — Она ловит телят... Взяберемся повыше, туан, и мы увидим.

На месте битвы трава была совсем примята, но дальше она достигала большой высоты, и если мы хотели что-нибудь рассмотреть вдаль, то надо было взобраться выше. Мы лезли по ветвям все выше и выше.

— Смотрите! — закричал Абдул.

Он указал на маленькое, темное, лоснящееся тело, лежавшее в густой траве. Это был теленок буйволицы, лежавший на боку и залитый кровью: тигр, вероятно, убил его одним прыжком. Буйволица, шатаясь, пошла к нему. Она стала над ним и начала его звать. Увидев, что он не движется, она нагнула голову и осторожно, бережно приподняла его рогами. Он повис беспомощно, безжизненно.

Абдул сказал мне, и его тон был очень нежен.

— Буйволица и женщина, туан!.. Аллах создал их одинаково!

— Верно, — ответил я. — Но когда женщина в горе, помочь ей трудно. А что касается буйволицы, то с ее горем можно быстро покончить. Сделать мне это?

— Да, туан, — ответил он. — У нее слишком много ран. Пошли ей ту пулю, которая скажет «прощай».

Он протянул мне ружье. Я нацелился и спустил курок. Буйволица не издала ни звука. Она опустила на колени и упала на тело своего детеныша.

Мы все спустились с деревьев. Мои люди были страшно изволнованы. Они плевали на тигра и проклинали его, даже те, кто держал пари за него. Буйволицу они хвалили

и называли ее красавицей, хотя она в сущности была некрасива. Детеныш, с его длинными ногами, был еще хуже. Может быть, высшим доказательством уважения туземцев к погибшей буйволице было то, что они наклонились и кричали в ее неслышащее ухо, что у нее сердце быка.

Мясо буйвола слишком грубо для еды. Трупы были оставлены там, где лежали. Тигр был так разодран, представлял собой такую массу поломанных костей и растерзанного мяса, что людям даже не удалось снять его шкуру и голову, чтобы получить те десять долларов, которые голландское правительство дает за каждого убитого тигра. Даже усов нельзя было вытащить. Но один предприимчивый малаец нашел нетронутым одно ухо. Он отрезал его. Абдул сказал мне, что хоть он и не всем талисманам доверяет, но одно несомненно верно: если ухо такого свирепого тигра высушить и носить как амулет на поясе, то ни один живой тигр не осмелится напасть на человека, у которого такая надежная защита.

Когда я вспоминаю о моих приключениях в девственных джунглях Суматры, вспоминаю мои многочисленные удачи и неудачи, ярче всех других встает перед моими глазами картина, как буйволица швыряет своего полосатого врага наземь.

Глава шестая НОСОРОГ

Прошло две недели с тех пор, как я уехал из кампонга Абдула Рахмана. Как-то я сидел на балконе у хаджи Сини и полудремал, выздоравливая от сильнейшего приступа лихорадки,— следствия моей поездки в глубь страны. Я погрузился в мечты о Европе, из которых меня внезапно вывел тихий голос хаджи: «Туан, Абдул Рахман здесь».

Абдул был так же рад повидать меня, как я его. Но узнав о том, что я только что начал оправляться от болезни, он не решался сказать мне, что в сущности привело это ко мне. Расспросив его, я, однако, узнал, что два дня тому назад он выехал из своего кампонга (весь путь вниз по реке отнял у него тридцать часов, тогда как вверх по течению мы к нему проплыли то же расстояние в шесть дней, усиленно работая веслами и шестами). Один из его людей сообщил ему, что видел самку носорога с детенышем. А он знал, что, хотя за все время моей предыдущей экспедиции мне удалось поймать множество змей и всевозможных зверей, детеныша носорога я никак не мог издобыть, а мне его-то и хотелось.

Абдул был прямо взволнован перспективой поимки носорога, да и я совершенно забыл о своей лихорадке ввиду такой возможности. Я решил отправиться в путь на другой же день, к большому огорчению хаджи Синга, который качал головой и уговаривал меня: «Туан, лучше вернись в Сингапур».

Но из-за носорога это отпадало. И на другой же день мы отправились налегке, в сопровождении еще одной лодки, нагруженной рисом, сушеной рыбой, сгущенным молоком и чаем. Кирки и лопаты, необходимые для рытья новых ям, — капканов для носорога, как только будут разысканы лужи, в которых он водится, — уже были в кампонге Абдула.

Носорог — одно из самых трудных для поимки животных. Зрение у него плохое, но зато необычайно тонкое чутье. Для того чтобы вырыть для него капкан или расставить сети так, чтобы он пошел на обман, требуется величайшее терпение, осторожность и труд. В густых джунглях Суматры очень трудно ловить их и почти невозможно загнать в капкан или по направлению к нему.

Существуют два способа ловли носорогов: в ямы-капканы или при помощи сетей. Яма труднее, во-первых, из-за связанных с ее приготовлением больших хлопот, а во-вторых, из-за трудности подъема провалившегося в нее носорога. Но для зверолова она безопаснее. С другой стороны, сеть не всегда отвечает своему назначению, так как из нее легче освободиться, если животное не поймалось, а только запуталось в ней. Те же, кто должен связать животное и втащить его в клетку, всегда подвергаются большой опасности. Сеть требует неусыпного наблюдения, по крайней мере двух человек, спрятанных на деревьях. Как только они завидят, что животное попало в сеть, они бьют в тамтамы и сзывают всех остальных помогать справиться с носорогом.

Но даже когда носорог попался в яму или в сеть, его труднее сохранить, чем какое-либо другое животное. Трудность и опасность заключаются в том, чтобы загнать животное в клетку для перевозки к реке. Клетки тут нужны исключительно крепкие и такого размера, чтобы носорог не мог свободно двигаться в клетке или же сломать ее благодаря своей силе, весу и смертоносному рогу. Носорога нельзя гнать или ехать на нем, как на слоне. И загнать такого зверя, всячески сопротивляющегося, в клетку — де-

ло и опасное, и волнующее. Легко понять, что туземцы того района, в котором поймают носорога, считают это выдающимся событием в своей жизни.

Обитатели кампонга Абдула Рахмана взялись за приготовления к экспедиции с характерным для них страстным интересом. Весь кампонг зашевелился: мужчины и мальчики собирали ратан и плели из него веревки для ссетей. Я выбрал зятя Абдула Рахмана, Мохаммеда Тая, который выказал себя очень смелым и энергичным, служа мне в последней экспедиции оруженосцем и помощником. Он заменил Али, моего храброго друга и товарища, погибшего на службе у меня. Мохаммед не верил своему счастью, когда я сказал ему, что возьму его с собой в Сингапур и в другие места.

В течение следующих дней мы деятельно готовились к нашей ловле. В предыдущую экспедицию мы вырыли множество ям во всем округе Абдула, но безуспешно. Теперь у нас появились новые надежды, потому что на этот раз носорожиха со своим детенышем оказалась совсем в другом, более далеком районе округа. В этих новых местах мы вырыли наши ямы, расставили сети и разместили дозорных на деревьях, чтобы получить вовремя сигнал, если что-нибудь случится.

Неделя прошла без всяких событий. Только раз вечером я наблюдал забавный эпизод. Мне сказали, что туземцы собираются поохотиться на зайцев и маленьких ланей, которые портили им рисовые поля. Способ охоты у них был такой: один из них нес на плече длинный шест, с переднего конца которого свешивалась глиняная сковорода, полная горящих веток и освещавшая дорогу как факел. Сковорода для этого бралась обыкновенная, только один край у нее отбивался, чтобы удобнее уложить горящие сухие ветки. На другом конце шеста привязана была для равновесия корзина с хворостом. Другой нес длинный железный прут, на который надеты были железные кольца, производившие при ходьбе невероятный шум. Еще трое или четверо шли с длинными бамбуковыми кольями футов в пятнадцать — двадцать. Вся эта компания направлялась к окраине заросли, куда ничего не подозревавшие зайцы и маленькие лани обычно приходили кормиться с наступлением ночи. Как только какой-нибудь зверек появлялся в яркой полосе света, отбрасываемой на землю пылающим хворостом, все кидались вперед, шумя, звеня железными

кольцами и окружая перепуганное животное огненным кругом. Бедный зверек редко даже старался спастись, а сидел совершенно оглушенный и ослепленный шумом и светом, пока удар бамбуком по спине не заканчивал его существования. После этого устраивался обильный ужин из свежего мяса.

Почти две недели прошли, пока тамтамы наших сторожевых не возвестили во время нашего ежедневного обхода ловушек, что в сетях что-то есть. Приблизившись, мы услышали шорох ломаемых молодых деревьев и рвущихся лиан, храпенье и хрюканье носорога. Тай, передав мне ружье, побежал вперед с Абдулом.

Но дозорный с дерева крикнул, чтобы мы были осторожнее, так как в сети запутался детеныш-носорог, а мать кружила и кружила рядом, стараясь приподнять его рогами и разорвать сеть. Заслышав шаги Абдула и Тая, она обернулась и кинулась на них. Они едва успели отскочить и укрыться за деревьями, она погналась за ними, мыча и фыркая. Я скомандовал им разделиться и влезть на деревья. Услышав мой голос, носорожиха остановилась как вкопанная и, быстро обернувшись, кинулась ко мне. Так как нас разделяли огромные деревья, то я просто спрятался за одним из них, притаился, а потом потихоньку перебежал за другое, и так все дальше и дальше. Она остановилась, стараясь найти нас по запаху. К этому времени все уже собрались тут, окружив ее, и она не знала, в какую сторону броситься и на кого напасть. Наконец она, очевидно, решила спасти своего детеныша. И, быстро повернувшись, помчалась к сети, развешенной между двух деревьев и крепко державшей маленького носорога.

Теперь моей единственной целью было во что бы то ни стало удержать мать около детеныша и там ее и поймать. Я скомандовал Абдулу взять несколько человек и как можно скорее принести сюда еще одну или две сети, из расставленных поблизости. Идея моя была такова: расставить сети в двух различных направлениях, затем разместить за ними людей и этим приманить носорожиху, так что, когда она кинется на них, она неминуемо попадет в какую-нибудь сеть раньше, чем успеет добраться до людей. Абдул и его люди поняли и одобрили мой план и поспешили за сетями. Около десяти человек, Тай и я остались на деревьях.

Детеныш, изнемогший к этому времени от напрасных усилий освободиться, лежал тихо. Тяжело дыша и фыркая, мать стояла около него подняв голову, ее маленькие свиные глазки угрожающе сверкали, уши были навострены, хвост вытянут, она готова была кинуться в атаку в любой момент. Когда люди, сидевшие на деревьях, начинали переговариваться, она быстро оглядывалась назад, трясла головой и фыркала. Время, пока Абдул и остальные возвратились с двумя сетями, показалось нам очень долгим.

Как только я слышал их приближение, я крикнул Абдулу, где расставить сети, как можно быстрее и осторожней. Носорожиха, почуяв людей, обернулась и готовилась кинуться на них, но в эту минуту один из людей, сидевших на дереве над самой сетью, ткнул детеныша в бок длинным, специально срезанным для этой цели колом. Когда мать услышала жалобный рев детеныша, она обернулась и опять кинулась к нему. Таким образом мы мучили и удерживали ее до тех пор, пока обе сети не были расставлены, натянуты и крепко привязаны к деревьям. Когда Абдул крикнул «Готово!», я приказал ему стать за сетью, не слишком близко, и дать носорожихе кинуться в атаку. Вместо одной сети мы расставили две, так сказать, двойную сеть, потому что животное успело уже очень разъяриться и было настолько опасно, что приходилось прибегать к сетям особой крепости. Но я знал, что, попадись она только в сети, она наша.

Когда Абдул и его люди поместились за сетями, на расстоянии одного прыжка от нижних веток деревьев, мы были готовы к нападению носорожихи. Я командовал: «Полное спокойствие!» В джунглях воцарилось мертвое молчание. Вдруг раздался громкий возглас Абдула. Нагнув голову и фыркая, животное понеслось прямо на сеть. Оно

промчалось около десяти ярдов и тут упало, запутавшись в сети, и начало кататься, стараясь высвободиться и запутываясь все больше и больше. Носорожиха боролась изо всех сил, все ее огромное тело корчило и содрогалось от усилий, приподнималось, снова валилось наземь. Она вставала и опять падала, с ревом и фырканьем.

Не стану описывать возбуждения зрителей: они обезумели от волнения. Мне пришлось прибегнуть к помощи Абдула и Тая, чтобы успокоить их и заставить взяться за самое трудное дело — за изготовление клетки, достаточно крепкой и поместительной, чтобы в ней устроить и мать и детеныша. Детеныш был приблизительно полуторагодовалый, ростом в два с половиной фута и весил больше двухсот фунтов. Мать весила от тонны до двух и высотой была приблизительно в четыре с половиной фута.

Как только Абдулу и Таю удалось успокоить людей, Абдул отправил часть из них рубить молодые деревья, другую часть — срезать и собирать ратан, еще нескольких он послал в кампонг, чтобы запрячь четверку буйволов и привести их сюда, а остальных — расчистить дорогу в джунглях и расширить ее так, чтобы мы могли провезти сани, на которых установим клетку, в кампонг.

Я сказал Абдулу, что, может быть, придется проработать всю ночь, пока мы не доставим добычу в целостности и невредимости в кампонг. Я боялся не столько того, что животные высвободятся из сетей, сколько того, что они останутся всю ночь под угрозой нападения тигров и леопардов, которые, если не до матери, то до детеныша уж непременно доберутся. Так случилось у нас за несколько дней до того с попавшим в яму тапиром. К тому времени, как мы вернулись утром к капкану, чтобы забрать тапира, от него не осталось почти ничего. А я вовсе не желал предоставить пятнистым и полосатым друзьям такое дорожное угощение.

Я не видел нигде дровосеков, которые могли бы сравниться по быстроте работы с малайцем, управляющимся при помощи своего паранга. Меньше чем за три часа клетка была готова и установлена.

Загнать детеныша в клетку было делом неопасным и нетрудным. Не так было с матерью. Пришлось пропустить веревку позади клетки в переднюю дверцу, затем прикрепить ее к задним ногам носорожихи. Другой конец был привязан к двум подъяремным буйволам, которые и втя-

гивали животное в клетку. По мере того как его продвигали вперед, с него срезали сеть. Теперь оно было совершенно беспомощно и поэтому безопасно для стоявших у дверцы людей, обрезавших сеть. Когда его втянули в клетку, дверь заперли, веревку сняли с буйволов и привязали к дереву с таким расчетом, чтобы животному можно было подняться на ноги. Как только носорожиха встала на ноги, подтянули веревку, связывавшую ее задние ноги, и она очутилась в самом заднем конце клетки.

Детеныша держало несколько человек, которые сняли сеть с его морды и обвязали его шею веревкой. Малыш хотел было повосвать немного, но сил у него не было, и люди без особого труда втащили его в клетку с матерью. Потом окончательно заперли дверь, выдернули врытые в землю колья, придерживавшие клетку, и взгромодили ее на нечто вроде примитивных саней, сделанных для этой цели. Четверо буйволов тянули их. Путь в кампонг начался под веселые крики, пение и пляску счастливейших из туземцев, каких я когда-либо видел.

Было около десяти часов утра, когда мы слышали первые звуки тамтамов, когда мы добрались до кампонга с нашей добычей, была уже почти полночь.

Глава седьмая НА БОРНЕО

Я только что составил список всех зверей моего зверинца в Сингапуре. Диких зверей у меня оказалось немного. Я недавно продал многих своих животных, и мне надо было пополнить зверинец, так что я решил опять отправиться в экспедицию. Странно, как раз в этот день, в трех или четырех письмах, принесенных мне, содержались заказы на взрослых орангутангов. Америка, Голландия и Австралия — все требовали орангутангов. В последнем письме заключалась настоятельная просьба доставить дымчатого тигра.

Как я мог заметить, эта особая порода тигров — называемая дымчатой по цвету шкуры — очень недолго живет в неволе, и потому на нее постоянный спрос в зоологических садах.

Орангутанги ловятся только в двух местностях во всем мире, а именно на островах Борнео и Суматре — и только в определенных местах этих островов. Дымчатого тигра я рассчитывал найти там же, где я буду охотиться на орангутангов. Моя утренняя почта показалась мне настоящим

«перстом провидения», указующим мне на голландский Борнео. Я взглянул на расписание пароходов и позвал Хси Чуая.

— Чу,— сказал я ему,— через три дня мы едем в Понтианак¹. Я хочу раздобыть несколько взрослых орангутангов.

По невозмутимому лицу Хси Чуая я умел узнавать, о чем он думает. На этот раз он был подавлен. Он опустил глаза и взглянул на мою правую ногу, которой я чуть не лишился пять лет назад, когда большой оранг сдвинул мне щиколотку:

— А твоя неудача, туан...— пробормотал он.

Я засмеялся и напомнил ему малайскую поговорку: «Что вчера принесло неудачу, завтра может принести золото». Хси Чуай не изменил своего мнения, но проделал салам и пошел готовить все, что надо для пятидневного пути. Я взял место на «Циклопе». Несмотря на громкое название, это было простое китайское грузовое судно, голько капитаном его был англичанин. Существует закон, по которому всякое судно, вместимость которого превышает сто тонн, должно управляться европейцами — европейцем капитаном и европейцем главным механиком. Капитаны почти всегда были англичане. С капитаном «Циклопа» я проделал не один переход. Его звали Уилькинсон. Одна особенность была у него, которую никто не мог забыть, кто хоть раз встретился с ним,— это его рукопожатие. Не рукопожатие, а тиски.

Когда я взошел на борт, я протянул ему два пальца.

— У вас лапа орангутанга,— посмеялся я.

— За то, что у меня лапа орангутанга, вы должны рассказать мне какую-нибудь охотничью историю,— со смехом ответил он.

Он пригласил меня пообедать вместе с ним на капитанском мостике. За обедом он спросил у меня:

— Поняли ли вы, наконец, что орангутангов вам следует оставить в покое?

— Если бы не орангутанги,— ответил я,— я бы с вами тут не сидел.

— Послушайте доброго совета, Майер. Ведь это правда, что вы тогда срубили дерево, на котором сидели две огромные обезьяны, и накинули на обезьян сетку?

¹ П о н т и а н а к — город в западной части о. Борнео. Отсюда Майер поднимался вверх по реке.

Я кивнул головой.

— И одна из них схватила вас за щиколотку и чуть-чуть не откусила вам ногу?

Я должен был признаться, что, действительно, после этой истории я месяца четыре ковылял, переваливаясь, как хромая утка.

— Ладно,— сказал он,— послушайте старого моряка: воспользуйтесь этим уроком и держитесь подальше от стариков орангутангов. Уж если так необходимо, ловите младенцев и вскармливайте их на рожке.

— Слишком медленно, не по моему вкусу,— возразил я.— Маленький оранг растет не скорее, чем человеческий ребенок. Мне нужны взрослые.

По этому поводу капитан передал мне рассказы туземцев о необыкновенной силе орангутангов. Туземцы ему рассказывали, что орангутанги даже на крокодилов нападают, что они хватают крокодила одной лапой за верхнюю челюсть, а другой за нижнюю и разрывают чудовище на две части... Я сам слышал такие рассказы на голландском Борнео. Я им не верил, но мои даяки верили, и Уилькинсон верил. Уилькинсон верил также рассказам о нападениях орангутангов на удавов. Туземцы рассказывали капитану, что оранги хватают удавов лапами и загрызают их насмерть. В последний день плавания, выпив три стаканчика джина, Уилькинсон попытался выудить у меня обещание, что я не буду рисковать собой. Я никак не мог убедить его, что некоторая доля риска — неотъемлемая принадлежность моей профессии.

Приехав в Понтианак после пяти лет отсутствия, я нашел там мало перемен. Он был похож на любой большой город в этой части света. Был там туземный квартал, китайский квартал и европейский квартал. В европейском квартале — низкие каменные дома и дворы, заросшие тропическими деревьями и цветами.

Голландцы поддерживали порядок, издавая законы, простые и несложные, но наблюдая за тем, чтобы они исполнялись буквально. Была тут и армия, состоявшая главным образом из человеческих отбросов: европейцев, бежавших на Восток, чтобы жить отчаянно и бесшабашно, всевозможных метисов и полукровок, но все они были облачены в военную форму и выдрессированы так, что имели вид хорошего войска, внушавшего некоторое почтение.

Я прежде всего отправился в голландскую резиденцию представиться и получить официальное разрешение на по-

ездку в глубь страны. Там я нашел моего старого приятеля, доктора Ван-Эмана, занимающего пост резидента. Пять лет назад он был тут же окружным врачом, и я в его доме и под его наблюдением поправлялся от последствий моей схватки с орангутангом. Когда доктор услышал, что я снова приехал охотиться на орангутангов, он и развеселился и возмутился одновременно. Сначала мы с трудом понимали друг друга: он плохо говорил по-английски, как и я по-голландски, но в конце концов мы перешли на малайский — и тут оба уже чувствовали себя как дома.

Он подробно стал расспрашивать меня о нравах орангутангов, которыми интересовался с научной точки зрения. Когда я спросил его, кто всего ближе по анатомическому строению подходит к человеку — шимпанзе, горилла, гиббон или орангутанг, он ответил:

— Если вы ищете своего прадедушку, то я, к сожалению, точно указать вам на него не в состоянии. У гиббона зубы всего больше похожи на наши с вами; горилла приближается к человеку по величине; у шимпанзе позвоночный хребет почти такой же, как у человека; но у орангутанга мозг представляет наибольшее сходство с человеческим мозгом. Впрочем, мозг любого человека — ваш, например, — гораздо тяжелее по весу, чем мозг взрослого орангутанга.

— Очень благодарен, доктор, — сказал я.

Он улыбнулся и пригласил меня остановиться у него, пока я не отправлюсь на охоту вверх по реке.

К сожалению, я вынужден был отказаться: я не взял с собой приличного одеяния. У меня были только брюки «хаки» и мягкие рубахи. Голландские чиновники ходили в белых кителях с военными воротниками. «Дхоби» их мыли, колотили камнями и белили на солнце, пока они не делались белоснежными.

Я отправился в гостиницу, и мне отвели маленькую каменную комнату с ванной и отдельной верандой. Я лежал на веранде в пижаме, удобно развалившись на кушетке, беседовал с туземцами и отдавал им распоряжения для предстоящей экспедиции. Особенно долгие собеседования у меня были с Мохаммедом Таем, моим большим приятелем, торговцем дикими зверями. Он за меня сделал все приготовления и отправил заранее лодку, — двенадцать дней пути вверх по реке — чтобы предупредить о моем приезде моего старого друга Мохаммеда Мунши. Мунши был главой кампонга. Еще выше по реке у меня был

другой старый друг — Омар, тоже старейшина кампонга; его-то деревню я и хотел избрать своей «операционной базой» для ловли орангутангов.

Тай радовался, как ребенок. Он закупал для меня соль, рис, сушеную рыбу и уговорил меня удвоить мой заказ на спички и табак.

— Маленькие огненные палочки принесут большое счастье моим друзьям, что живут вверх по реке, — говорил он. — А табак годится для зубов, привыкших жевать бетель.

— Когда я буду дарить им эти вещи, — ответил я, — я скажу им, что это сердце Тая широко открыло кошелек туана.

Он схватил мою руку и прижал ее ко лбу. Я убедился, что он сделал все, что мог, для моего удобства во время пути. Для припасов была отдельная лодка, а в моей лодке был устроен длинный шалаш с крышей из тростника. Мой китаец-бой привык к таким путешествиям. Когда мы тронулись в путь, у него уже кипел чайник на огне, разведенном в ящике с песком. Я завидовал ему, что у него есть занятие. Я с восторгом стал бы помогать ему в работе, но это было невозможно: в глазах туземцев я «утратил бы касту». И мне предстояли двенадцать дней полного ничегонеделания.

Тропические реки мертвенно однообразны. Вы все время плывете между двумя зелеными стенами. Когда справа или слева в реку вливается ручеек, растительность над ним так густа, что вам кажется, будто перед вами зеленый туннель. А дальше, ярда на три, полный мрак. Слышатся крики и болтовня обезьян, иногда раздаются резкие голоса павлинов, изредка — пение птицы.

Павлины гуляют по берегу, распуская пестрые хвосты, летучие рыбы поднимаются над водой, но все-таки долги дни текут однообразно.

Я привык молчать. Если я заговаривал с гребцами, они переставали грести, чтобы слушать и отвечать, — и нас относил вниз по течению, так что, если бы я был разговорчив, — мы живо вернулись бы в Понтианак. Капитан Уилькинсон на прощание подарил мне старый экземпляр «Эдинбургского журнала» Чэмберса, — весь 1848 год, переплетенный в толстую книгу. Это были годы первых локомотивов и пароходов. Во время моего путешествия мне казалось, что время пошло назад. Я лежал на матрасе и перевертывал пожелтевшие страницы под мерное, странное и негармоничное пение гребцов.

Вечером на двенадцатый день я зашел издали кампонг Мохаммеда Мунши. Я вынул пистолет и выстрелил в воздух. Очевидно, Мохаммед Мунши ожидал меня, потому что дуло пистолета еще дымилось, когда показался длинный челнок, сделанный из выдолбленного дерева. Сидевшие в челноке люди с криком втыкали шесты в дно реки так сильно, будто хотели разогнать всю воду. Через несколько минут они были около нас: не только Мунши, но и Омар вскочили с мест, схватились за тростниковую крышу моего навеса и впрыгнули в мою лодку. Они поочередно подносили мою руку ко лбу, сияя улыбкой, как счастливые мальчуганы. Их радостный привет заставил меня взволноваться.

Оказалось, что Мунши отправил к Омару, в четырехдневный путь, посла, чтобы предупредить его о моем предположимом приезде, и Омар приплыл вниз по течению, чтобы встретить меня. На берег высыпали мужчины, женщины, дети, веселые и радостные, — одна сплошная улыбка.

Южные даяки не похожи на своих северных сородичей. Это народ простой, доверчивый и честный. Трудно поверить, что каких-нибудь двадцать лет назад они охотились и человеческими головами и для храбрости поедали сердца врагов. Они были выше ростом, чем обыкновенные малайцы, и цвет кожи у них был изжелта-коричневый.

На мужчинах был кэйн, кусок набедренной ткани. Женщины, тоже обнаженные до пояса, были одеты в прямые ситцевые юбки, перехваченные поясами из ратана. Они носили меньше поддельных украшений, чем жители других частей острова, но все-таки на их руках и ногах висело множество тяжелых браслетов. Детишки бегали совсем голышом.

Я был очень доволен, что для меня уже построили дом на сваях с крышей из пальмовых листьев. Он состоял из одной бамбуковой комнаты. К счастью, в этой части Борнео уже исчезли страшные языческие обычаи. У кайанов и у кениев много лет назад был обычай, от которого волосы дыбом встают: при закладке первой сваи дома зарывать в яму, вырытую для сваи, молодую девушку, рабыню. Ее убивали, вкапывая столб; это была умиловительная жертва злым духам, чтобы они не делали вреда семье, живущей в этом доме. Впоследствии вместо девушки стали приносить в жертву животное или птицу.

Во всяком случае, меня незачем было оберегать от демонов: за мной ведь была слава волшебника. Пять лет

назад я здесь взорвал речку динамитом. Оглушенную рыбу вылавливали сотнями и заготавливали впрок. Оглушенный взрывом, всплыл даже крокодил брюхом кверху. Ну, что могли поделывать дьяволы с жилищем такого могущественного белого человека?!

Все начали просить меня опять сотворить такое же чудо. Я заранее приготовился к этой просьбе и с легкостью устроил им еще один чудесный улов. Мне всегда было стыдно ловить рыбу таким неспортсменским способом. Но что поделаешь? Такая ловля заставляла туземцев видеть во мне чудотворца, и они смотрели на меня с благоговением, доходившим почти до поклонения.

Одно затрудняло мое общение с даяками — я плохо владел их наречием. Правда, в их наречии попадалось много малайских слов, но в целом оно настолько отличалось от малайского, что мне приходилось прибегать к переводчикам — Мунши и Омару.

Я попросил Мунши объявить всем, что, как только стемнеет, я покажу что-то интересное всему кампунгу.

— Скажи женщинам, чтобы они не укладывали детей спать, пока они не увидят и не услышат моего чуда.

Я пригласил детей не только потому, что хотел доставить удовольствие мальчикам и девочкам, но еще и потому, что не хотел их напугать во сне неожиданным грохотом.

Тьма спустилась внезапно — как всегда в тропиках. Чу с непроницаемым лицом китайского идола принес мне ящик. В ящике были все материалы для фейерверка.

Я разместил обитателей кампунга полукругом (я забыл сказать, что их было всего человек полтора), причем преподавал им наглядный урок вежливости: в первом ряду уселись ребяташки на корточках, за ними женщины на коленях и мужчины позади стоя.

С помощью моего Чу я насыпал маленькие кучки бенгальского огня. Кучки эти я расположил правильным углом, а от того места, где я сам стоял, провел дорожки пороха. Когда все было готово, я решил, что необходимо проделать какой-нибудь обряд. Поэтому я начал торжественно размахивать руками и петь:

Жил-был у бабушки
серенький козлик.

Вот как... вот как...

Се-рень-кий ко-о-о-о-о-о-злик.

После этого я поднес спичку к той точке, в которой сходились мои пороховые дорожки. Огоньки белого пламени побежали по земле... И вдруг вся местность осветилась сперва красным, потом зеленым светом.

Наступило мертвое молчание. И вдруг тишину прорезал женский крик... Очарование было нарушено: крики, шум, смятение, ребятишки кинулись бежать, матери последовали за ними. Из мужчин никто не убежал. Да и надо было иметь больше храбрости для того, чтобы убежать, чем для того, чтобы остаться.

Даяки ненавидят трусость. Они смеялись, чтобы показать свое мужество, а может быть — чтобы скрыть свой страх. Один сморщенный старик закинул голову и испустил старинный воинственный клич даяков... Это было очень странно. Звук начинался тихо, разрастался, опять стихал и снова креп.

После этого я показал им лучшее, что у меня было: китайские ракеты длиной в два ярда. Я поджег концы фитилей, и ракеты начали взрываться, взлетали кверху по две и по три и лопались в воздухе. Публика обезумела от восторга. Молодые люди начали дикую пляску и плясали, пока не лопнула последняя ракета.

Когда все успокоилось, я пригласил толпу собраться вокруг меня и поручил Мунши переводить. Я сказал, что приехал за орангутангами и что орангутангов хочу ловить живьем.

После переговоров с туземцами Мунши сказал мне:

— Я объяснил им, туан, и они готовы служить тебе, как пальцы твоих собственных рук. Но они говорят, что эти дикие животные некрасивы, что у них пустые желудки, которые требуют много пищи, и что, когда их накопят, они не работают. Они спрашивают, зачем туан хочет увезти с собой этих гадких животных и держать их в пленности и сытно кормить?

Подумав, я ответил ему:

— В далеких краях считается хорошим, чтобы глаза взрослых и детей видели настоящих зверей из джунглей.

Он проделал салам.

— Я скажу им, туан, что на твоей родине лечат болезнь глаз тем, что смотрят на диких зверей.

Этот ответ их вполне удовлетворил, и двадцать человек вызвались помогать мне делать сети и западни. Мне так не терпелось скорей отправиться вверх по реке за моими

орангутангами — я уже считал их моими, — что все приготовления достались Мунши.

В кампонге Омара жители были еще добродушнее и проще, чем у Мунши. Мне совестно было разыгрывать перед ними роль мага, дурача их динамитом и фейерверками, но ничего не поделаешь — пришлось и там начать все сначала.

Один из юношей по имени Юсуп был совершенно очарован всеми моими чудесами. Он исполнял мои приказания с таким благоговением, как будто они исходили из уст божества. Его товарищи заразились почтительностью, и у меня еще никогда не было таких усердных работников.

Я объяснил Омару, что хочу поймать хорошей величины взрослого орангутанга-самца при помощи западни, расставленной на дереве. Рисуя на песке чертежи, я объяснил им, что эта ловушка должна быть устроена в виде четырехугольного ящика с подъемной дверкой на одном конце, поднимающейся и опускающейся в пазах. Над ящиком с обеих сторон будут приделаны две палки с поперечной перекладиной. На ней будет лежать в виде качелей шест, придерживающий дверку. К свободному концу шести (не прикрепленному к дверке) будет привязана бамбуковая ветка, просунутая в клетку, а там удерживать ее будет петля. К этой петле я привяжу какой-нибудь фрукт. Когда обезьяна схватит фрукт, петля освободится, отпустит шест, и дверца захлопнется (система мышеловок).

Большое преимущество подобных ловушек состоит в том, что ими можно пользоваться и как переносными клетками. Я их делал из плотных бамбуковых палок. Они крепко переплетались ратаном и укреплялись перекладинами. Пазы, в которые вкладывалась дверца, были из толстых бамбуковых стволов, срезанных с одной стороны так, что в поперечном сечении получалась как бы буква «с». Пазы были отполированы до гладкости. Наверху дверцы были крепкие петли, которыми она запиралась. Я очень внимательно проследил за тем, чтобы клетки были в полном порядке, помня неприятное приключение, которое мне пришлось пережить в Сингапуре.

Я тогда продал двух почти взрослых животных. Покупатель поместил их в транспортные ящики из досок. Мистер Гаас, хозяин гостиницы, разрешил ему временно оставить их в гостинице, в зале, служившем для театральных представлений, где была устроена сцена и декорации.

В одно злополучное утро меня разбудили спозаранку: оба орангутанга вырвались; не могу ли я прийти и поймать их? Пока я одевался наспех, я велел привести побольше людей с ратановыми тростями и во что бы то ни стало разыскать побольше тамтамов. Мой рикша был в полном изумлении, но покрыл дистанцию до гостиницы в рекордное время.

Положение оказалось не таким уж безнадежным. Животные, правда, вырвались из клеток, но из зала они еще не успели удрать, а окна и двери в зале были закрыты. Несколько туземцев — прислуга гостиницы — готовы были помочь в поимке. У каждого была трость и почти у каждого тамтам. Один из них, кажется повар, вооружился огромной сковородой и металлической ложкой вместо тамтама. Я тоже взял тамтам и трость, открыл дверь в зал и быстро запер ее за собой. Оранги, самец и самка, года по четыре или по пять каждый, совершали обход помещения. Они чувствовали себя как рыбы, вынутые из воды: их стихия — деревья. Они чувствовали себя дома только там, где были деревья и где в чаще листьев можно найти воду. Здесь, в зале, они медленно прогуливались, поворачивали головы из стороны в сторону и смущенно мигали маленькими темными глазками. Когда они стояли во весь рост, их необыкновенно длинные руки касались пола. Сжав кулаки, они ходили на руках как на костылях.

Когда я вошел, орангутанги прекратили свою прогулку, прижались один к другому и уставились на меня. Я ударил и тамтам. Они вытянули вперед по одной руке, словно мищащаясь от удара.

— Уф! — фыркали они своими грубыми голосами, — уф!..

Я позвал людей. «Загоняйте их в открытые клетки! — приказал я. — Не бейте их, но шумите как можно сильнее».

Я упустил из виду, что мне нужно было всех моих помощников расставить перед сценой. Оранги с изумительной быстротой взобрались на сцену и полезли на картонные деревья. Там они и засели, смотря на нас сверху вниз и фыркая.

— Бейте в тамтамы! — закричал я людям. — Больше шуму!..

Я понял, что должно неминуемо произойти. Оранги перскакивали с одной нарисованной ветки на другую. Кра-

шенный холст разорвался во всю длину, непрочные деревянные подрамники рухнули с треском на пол, апельси свалились вместе с ними.

Ушиблись они не сильнее, чем ушиблись бы резиновые мячики. Через секунду они уже раскачивались на другой ветке. Как только ветка начинала трещать, они вытягивали свои длинные руки и хватались за соседнюю. Они перелетали с ветки на ветку до тех пор, пока все то, что изображало роскошную тропическую и романтическую местность, не превратилось в лохмотья и клочки. Сквозь барабанный бой я услышал крики и стук в дверь зала.

— Нельзя входить! — завопил я в ответ.

Это был хозяин, мистер Гаас.

— Берегите декорации! — взывал он. — Смотрите, чтобы с ними ничего не случилось!

— Постараюсь, как могу! — прокричал я ему в ответ.

Когда от декораций ничего не осталось, дело пошло на лад. Мы пустили в ход весь имевшийся в нашем распоряжении шум, а также палочные удары. Самец схватился за мою бамбуковую палку; я не стал оспаривать у него своей собственности, а сейчас же схватил новую. Он испугался и бросил свою. Погонись за нами с палкой, он, может быть, и остался бы победителем. У этих животных колоссальная сила, но они совсем не умеют пользоваться ею. Мы порядочно устали, когда наконец загнали их в клетки. Для тропиков дело было слишком горячее. Апельси пили большими глотками воду, ели плоды хлебного дерева и говорили «уф», как будто они здорово повеселились.

Вышли они из клеток — по крайней мере самец — очень простым способом. Он нашел в одной из досок клетки расщелину и начал забавляться, раздирая ее своим клыком; после этого он еще отодрал кусок щепки и еще, и еще — и так буквально прогрыз доску. Тогда он сломал ее. Влезая на другую клетку, он, может быть и случайно, открыл дверную петлю.

Я с удовольствием соображал, что никаким клыком нельзя расщепить бамбук. И вообще я был совершенно спокоен за те клетки, которые мне приготовили люди Омара. Конечно, я понимал, что, если бы взрослый самец пустил в ход свои мощные руки, не удержались бы никакие ратановые веревки и все полетело бы к черту. Но апельгутанги не пускают в ход руки, они не умеют драться руками и наносить удары вперед. Их способ нападения

таков: они тащат к себе и кусают жертву. Когда они ломают ветви, чтобы строить себе площадки для спанья, то и это они всегда делают движением к себе — притягивая ветку. Они не ломают их, как это делает человек. Потом они с невероятной быстротой кое-как укладывают их крест-накрест на ветвях дерева. Но меня всегда удивляло не то, что они делают, а то, как мало они умеют делать, несмотря на свою чудовищную силу. Даже в неволе, когда их дрессируют, они выучиваются очень туго. Шимпанзе можно научить многому, чего никогда не одолеет орангутанг.

Омар приготовил по тому образцу, за постройкой которого я лично наблюдал, несколько ловушек из бамбука, а также и клеток для пойманных животных. Потом я вернулся в кампунг Мунши, чтобы посмотреть, как у него идут дела. Я был очень обрадован: там меня уже ожидал великолепный дымчатый тигр, о котором я мечтал. Если бы я увидел его в зоологическом саду, я принял бы его с первого взгляда за мексиканскую дикую кошку. Но он был темно-серого цвета с неправильными черными полосами, тогда как у мексиканской кошки полосы обыкновенно идут кругами и сходятся в центре в пятно вроде цветка.

Пятнистый (дымчатый) тигр¹ — самое большое животное кошачьей породы на Борнео, но он не больше леопарда и не очень свирепого нрава. Я знал жену одного капитана, которая держала такого тигра у себя в доме. Она получила его тигренком. Он, правда, ходил всегда в ошейнике и на цепочке, но только потому, что был очень падок до кур, во всем остальном с ним обращались как с большой кошкой. Он и вел себя как кошка. Он мяукал, ложился на спину, чтобы ему погладили брюшко, мурлыкал, когда был доволен, и выгибал хвост, если слишком близко подходили к его еде.

Мунши поймал для меня великолепный экземпляр. Впоследствии мы отправили его в Австралию.

Между пойманными Мунши животными была еще длинноносая обезьяна². Она была ростом в два с половиной

¹ П я т н и с т ы й (д ы м ч а т ы й) т и г р в действительности не тигр, а так называемый дымчатый, или туманный, леопард — *Felis nebulosa*.

² Д л и н н о н о с а я о б е з ь я н а — *Nasalia larvatus*, или обезьяна-носач. Это очень редкий вид тонкотелых обезьян, свойственный только о. Борнео. Какое зверя Майер называл «медовым медведем», определить по его описанию нельзя.

фута, а нос у нее был длиной в целых три дюйма. За всю мою долголетнюю работу я только четырех таких обезьян поймал. Они самые боязливые из всей обезьяньей породы, не исключая гиббонов; и у них очень некрасивые морды и скверный характер. Даяки считают их потомками людей, убежавших в леса, чтобы избавиться от налогов и податей.

Люди Мунши поймали для меня еще нескольких бинтуронгов, полдюжины мышиных ланей — самых маленьких ланей в мире (эти крошечные создания не бывают больше девяти дюймов вышиной), двух «медовых медведей» (местное хищное животное величиной с кошку, с длинным, выдвигающимся далеко вперед языком, который служит ему для того, чтобы опустошать ульи диких пчел) и множество других небольших зверьков.

Когда я осмотрел всех попавшихся зверей, то некоторых пришлось подстрелить за негодностью, а остальных я поручил заботе Мунши, указав, как с ними надо обращаться, и опять отправился вверх по реке Меларир к Омару, чтобы закончить свою ловлю орангутангов. Работа ловушек была превосходной. Юсуп взял на себя ответственность за каждую из них. Когда я расхвалил их, он был

очень горд и доволен. Пока я пробовал, как поднимаются и опускаются дверцы, он не спускал с меня глаз. Я сказал ему по-малайски: «Идут свободно, как текучая вода».

Он понял мои слова и громко рассмеялся от радости.

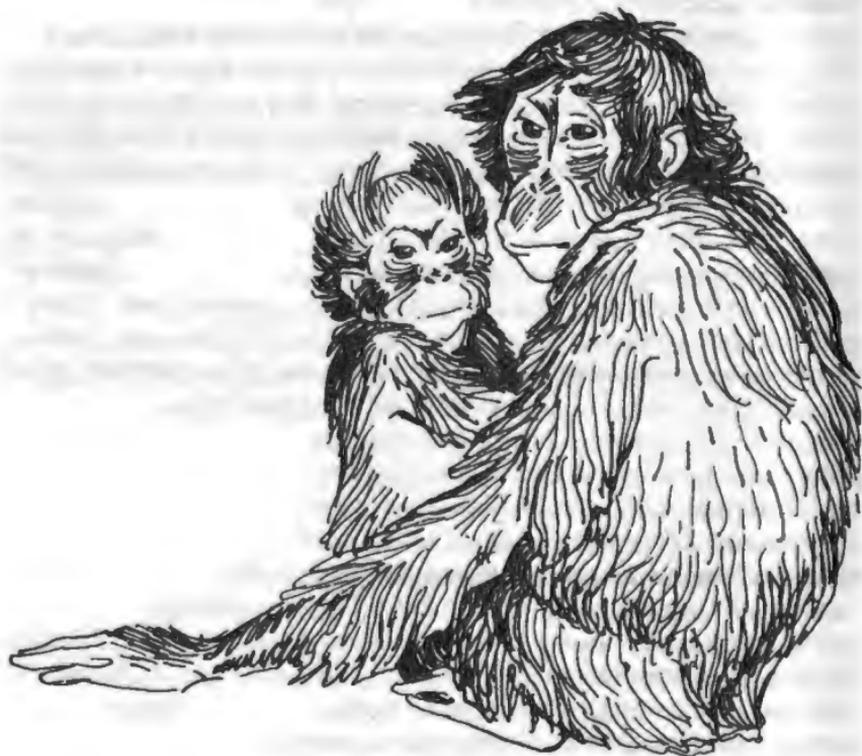
Установка ловушек в джунглях заняла у нас целый день. Мы не выбирали такого дерева, где орангутанг уже устроил себе платформу, вроде гнезда, для ночлега; но дерево все же должно было быть поблизости от такого ночлега и, кроме того, иметь удобное разветвление, чтобы привязать ловушку. Обычно Юсуп первый находил подходящее дерево. У него точно был какой-то инстинкт, который вел его. Как только он нападал на такое дерево, он приставлял к стволу свой длинный бамбуковый шест с зарубками и взбирался по нему, как кошка. Трое или четверо мужчин следовали за ним. Потом на ратановых шревках втаскивали на дерево клетку, дверцей внутрь. Ловушка укреплялась так прочно, будто она выросла на этом дереве. Потом ее замаскировывали листьями и ветками и прикрывали зеленью и ползучими растениями. После этого Юсуп привязывал внутри какой-нибудь плод и открывал дверцу. Ловушка была готова.

Я задумал сперва устроить из наших ловушек, так сказать, даровые рестораны. Я полагал, что ни один орангутанг не отважится войти в ловушку, пока не увидит, что другие обезьяны делают это и выходят целыми и невредимыми. Обезьяны никогда никаких своих открытий не проделывают молча, наоборот, сопровождают все свои действия громкой болтовней. Их крики наверно привлекут внимание орангутангов, рассчитывал я. А когда орангутанги заинтересуются нашими клетками, они живо прогонят остальных обезьян. Итак, мы поместили семь таких ловушек на протяжении всего полумили. Мы каждый день осматривали их, и если плода не оказывалось, подвешивали новый. Как-то, во время одного из моих обходов, я завидел в листе ржаво-бурую шкуру старого оранга. Он сидел скорчившись на ветке, держась за другую ветку одной рукой. Я видел, что в свободной руке у него шевелилось что-то живое. Он сидел около птичьего гнезда: очевидно, он поймал птицу. Он перебрался повыше и устроился понадежнее. Потом сверху начали сыпаться перышки, и затем и кости. Он съел птицу.

Я слышал, что оранги едят птиц, но не верил этому до сих пор. Я делал опыты в своем сингапурском зверинце:

клар орангам в клетки и сырое, и вареное мясо, они не дотрагивались до него. Может быть, если бы я предложил им живую птицу в перьях, они бы соблазнились ею. Когда старик заметил, что я стою тут и наблюдаю за ним, он заворчал, показав мне все свои некрасивые зубы, и прыгнул прочь.

Когда наши плоды начали регулярно исчезать — настало время по-настоящему оборудовать наши ловушки. Срезаны были все ветки, мешавшие дверцам двигаться, и повешены были свежие плоды. Юсуп всегда настаивал на том, чтобы самому влезать в ловушку, схватывать плод и проверять, хорошо ли действует дверца. Самой трудной ловушкой была та, в которой мы вешали гуавы: Гуава имеет крепкие плоды, которые не скоро портятся. Орангутанги очень разборчивы по отношению к фруктам: они, например, никогда не дотронутся до неспелого плода. Юсуп привязывал гуавы к ратановым веревкам и развешивал их фестонами. Он не старался, чтобы они имели естественный вид. Ловушка была не на дереве гуавы. А

животные в диком состоянии осторожны только там, где сама природы учит их быть настороже.

На следующий день мы нашли дверцу этой ловушки захлопнутой. Юсуп влез на дерево и заглянул в ловушку. Он не закричал громко, потому что это было строго запрещено, но по движениям его стройного тела я уже видел, что он в восторге. И неудивительно, когда клетку опустили, оказалось что у нас двойная добыча: в ловушку попала самка орангутанга с детенышем, который прижимался к ее груди. Я был в таком же восторге, как и Юсуп. К тому же я знал то, чего он не знал, — это будет особенно ценная парочка для продажи.

Все были в восторге. Клетку опустили, привязали к ней шесты для переноски и торжественно понесли ее в кампонг, где добычу ожидала большая удобная клетка. Ее стенки были сделаны из тонких стволов молодых деревьев, обтесанных и врытых в землю, потолок был также из жердей, а над клеткой — и над этой и над другими — был устроен навес с крышей из тростника, чтобы защитить пленников от солнечного зноя, дождя и росы.

Мне стоило больших трудов удержать туземцев от разных поступков, которые могли бы напугать моих орангов. Первые дни неволи были трудными как для животных, так и для меня.

Я узнал, что туземцы совершенно не понимают заботы о животных. Поэтому я прибегнул к маленькой хитрости. Я начал хвататься за голову обеими руками и попросил Омара сказать людям, что у туана больные уши и что для него всякий шум — все равно что раскаты грома... После этого в кампонге стало тихо, как в пустой церкви.

Когда самку орангутанга с детенышем заперли в клетку, она пришла в неопишное бешенство. Ее рот все время искажался злобной гримасой. Я отправил всех прочь и поручил ее заботам того старика, который во время фейсверка издавал воинственный клич.

Никому не позволялось подходить даже к забору, которым мы обнесли навес. Пленнице давали кипяченую воду, но еды пока не давали. Этому я выучился с моими зверями: если сразу дать пойманному животному пищу, то в девяти случаях из десяти оно будет отказываться от еды, капризничать и скучать. Но если ему дать хорошенько проголодаться и тогда накормить, оно будет есть и сразу повеселеет. В скором времени наша пленница при-

выкла к своему старому сторожу и даже привязалась к нему. Она перестала сердиться. Но она никогда не была так весела, как другие породы обезьян, попавшие в неволю.

Позднее я поместил в соседнюю с ней клетку небольшого орангутанга, пойманного при очень странных и страшных обстоятельствах, укрепивших меня в моем мнении, что орангутанги — животные общественные, а не одиночные.

Если охотник идет с ружьем и, увидев оранга, выстрелит в него, то больше он уже ни одного оранга не увидит. После хотя бы одного выстрела их не найти. Они словно по волшебству исчезают в джунглях. Но моя тихая работа их не пугала. И мне случалось их видеть группами — по восемь, десять, даже по двадцать штук; пока мы не поймали молодого оранга, о котором упоминал, я не разделял уверенности туземцев, что оранги — опасные звери, даже когда на них не нападают. Мне предстояло еще многому научиться.

В этот день мы отправились из кампонга в количестве шестнадцати человек. Надо было осмотреть много ловушек, и мы разделились на группы. Омар и еще шесть человек пошли со мной. Мы миновали две пустых ловушки. В третьей оказался хорошей величины самец. Как раз когда мы стали спускать клетку наземь, мы услышали крики о помощи. Двое туземцев прибежали к нам и, задыхаясь, объяснили что-то; я не понимал их взволнованных слов. Они были в крови и изранены, так как кинулись напролом через чащу джунглей, не обращая внимания на колючки и шипы. Я уловил имена Юсупа и Абдула. Омар перевел мне их слова: Юсуп и Абдул были убиты.

Старейшина ударил тревогу, выкрикивая странные слова, кончавшиеся чем-то вроде воинственного клича даяков: это означало, что он сзывает всех, кто услышит.

Тем временем, немного отдышавшись, прибежавшие стали рассказывать на своем резком даякском наречии, а Омар переводил мне на малайский язык. Оказалось, что их группа с Юсупом во главе напала на занятую ловушку. Юсуп быстро взобрался на дерево. Он заглянул в щели и крикнул вниз, что оранг попался совсем молодой. Потом начал своим парангом разрезать ратан, державший клетку. Раньше, чем остальные успели влезть к нему на дерево, мать пойманного детеныша, прятаясь в верхних ветках, кинулась на него и вонзила острые зубы ему в плечо.

Он схватился за клетку, которая свалилась вниз, увлекая его и самку оранга в своем падении. Юсуп ударился головой о землю, а клеткой придавило его тело. Товарищи поспешили к нему на помощь, с криками они вонзили свои копыя в самку оранга. Абдул стоял под деревом. Совершенно неожиданно, без какого бы то ни было крика или звука, на несчастного прыгнул огромный самец-орангутанг и свалил его на землю, прокусив ему горло, и затем, сдавив огромными лапами голову, убил его.

Оставшиеся в живых думали, что джунгли полны орангутангами. Однако, несмотря на страх и утомление, они отправились с нами на место катастрофы. Омар шел во главе. Я за ним с ружьем наготове.

Внезапно старейшина остановился и указал вперед. Я увидел картину, которую никогда не забуду. Под клеткой, упавшей дверцей вниз, лежало бездыханное тело Юсупа. Раненая самка трясла перекладки клетки и старалась высвободить своего детеныша. Самец скакал по трупу Абдула. Он схватил лапой густые волосы даяка и приподнял его голову с земли. Я прицелился и уложил его на месте. Раньше чем я успел прицелиться в самку, она сама упала и издохла от ран. Мы починили ловушку, которая была сильно повреждена, и взяли детеныша орангутанга с собой. Убитых Юсупа и Абдула мы на носилках донесли до окраины джунглей. Там, по моему совету, и схоронили их, зарыв глубоко в землю.

Это двойное несчастье переполнило меня чувством невольной вины. Юсуп совершенно не берегся. Он взобрался на дерево, даже не посмотрев, нет ли поблизости других орангутангов.

Но ведь он исполнял поручение белого человека, а белый человек был волшебник... Юсуп встретил свою смерть потому, что слишком верил в мое могущество; эта вера возникла в нем, боюсь, благодаря чуду с красными и зелеными огнями.

Глава восьмая ИСТОРИЯ ПИРАТА

Пока я ожидал в кампонге окончания изготовления моих ловушек, я заметил там одного туземца со шрамами на лице, который держался как-то в стороне от других. Омар рассказал мне, что его зовут Кассин и он болен странной, очевидно, нервной болезнью, которая выражается в потере власти над собой. Например, если при нем произносилось определенное слово, это заставляло его вскакивать и кричать, или же, если вдруг кто-нибудь громко вскрикивал и делал вид, что начинает драться, больной немедленно издавал такое же восклицание, начинал избивать всех окружающих и не мог никак остановиться, пока не пройдет припадок. Когда припадок кончался и Кассин приходил в себя, он начинал горько упрекать шутника, вызвавшего этот приступ.

Омар засмеялся, когда я спросил у него, откуда у старика такие шрамы. Он сказал: «Кассин не из нашего кампонга. Он с севера. Он из «племени пиратов» или, вернее, его остатков. А когда-то это были самые жестокие, наводившие ужас по всему побережью Борнео пираты».

Он позвал Кассина и приказал ему рассказать туану, как он был пиратом под предводительством раджи Сэида Рахмана и каким образом раджу и его пиратов уничтожили. Беззубый рот Кассина расплылся в улыбке и его единственный глаз засверкал, когда старик уселся перед нами на корточки, чтобы рассказать свою историю. Другие туземцы столпились вокруг нас. Даже женщины и ребята бродили поблизости, надеясь услышать, как Кассин будет рассказывать о своих пиратских и разбойничьих днях. Потому что они — сущие дети в своей суеверии и поклонении героям — считали Кассина заклинателем, не боящимся никакого ханту (духа). Кроме того, сами они были уроженцы джунглей, редко попадали на берег моря и страшно любили рассказы о морских приключениях.

— Кассин, — сказал Омар, — расскажи, в какой части Борнео был ваш кампонг, сколько народу было у вашего раджи, сколько морских судов, и что вы делали, когда нападали на какой-нибудь корабль и брали в плен матросов. И про сухопутные набеги... Про все ты расскажи туану, что вспомнишь.

Кассин кивнул головой, приговаривая:

— Би, туан, би! (Хорошо!) — Потом он положил в рот «сери» и начал свою историю. Я хотел бы передать ее его словами: рассказ был полон картинных выражений; эти люди видят вещи по-своему и выражают их тоже своеобразно. Но после стольких лет я могу только пересказать содержание его рассказа.

«Когда мне было двенадцать или тринадцать лет, — начал Кассин, — меня вместе со всеми женщинами, детьми и рабами нашего кампонга захватил во время своего налета Сэид Рахман и увел в свое укрепление на северном берегу Борнео. Люди племени Сэида Рахмана были самые могущественные пираты в этих водах. Сэид Рахман был раджей над четырьмя тысячами подданных. Говорили, что жизнь его заколдована, у него был амулет, который хранил его от всякой опасности. У него было двенадцать военных судов, каждое восьмидесяти футов в длину и в ссмыдесят весел. А шесть из них имели по две четырехфутовые медные пушки.

Не было такого торгового судна, на которое он боялся бы напасть и увести в плен, а когда это случалось, груз и все ценное он забирал себе, капитана убивал, а матросов обращал в рабство. Потом он сжигал корабль. В этих водах

мало судов принадлежало белым. Он собирал дань с каждой лодки, главным образом с китайских джонок; с этих он всегда получал богатую добычу. Китайцы сражались храбро: из них половина сами были пираты. Они привязывали к бортам сети из ратана, чтобы помешать нам брать их на abordаж, и лили на нас кипяток и кипящее масло, когда мы приближались. Я так потерял глаз из-за одного китайца. Но он заплатил мне за это своей головой.

Для Сэида Рахмана было все равно — большое судно или маленькая лодка, он одинаково нападал и на те и на другие. Однажды он напал на английское судно, убил капитана и офицеров и сжег корабль. Но это не прошло ему даром. Вскоре его укрепление разрушили, его самого казнили, а народ его рассеяли по всем концам страны. Вот как это было.

Английский капитан и собственник судна в сто пятьдесят тонн вышел в одно утро из Биуни с грузом, за который было заплачено наличными. Сэид Рахман, прослышав, что у капитана на борту с собой много денег, решил взять его в плен. Не отошел корабль и пяти миль, как Сэид Рахман напал на него на четырех семидесятивесельных судах. Англичане пробовали сопротивляться, но что могла поделать горсточка людей с тремя сотнями вооруженных пиратов?.. Сэид Рахман привязал сына капитана к якорю и пригрозил капитану, что, если он не отдаст ему денег или не скажет, где они спрятаны, он спустит мальчика на якорю в воду. Капитан отрицал, что у него на судне есть деньги. Тогда Сэид Рахман без долгих слов выбросил мальчика в море, а капитана подверг жестоким пыткам. Он пытал его в продолжение многих часов. Отрезал ему пальцы, сустав за суставом, подверг его неслыханным зверским истязаниям, наконец оставил окровавленное бездыханное тело на палубе. Все офицеры были перебиты, а туземные матросы забраны в плен. Потом корабль подожгли и покинули его.

Это, туан, один из сотен подвигов кровожадного Сэида. Все торговые суда гибли от его рук. Но самые ужасные жестокости творил он среди туземцев. Он и его пираты не только грабили по морскому побережью, они проникали и в глубь страны по рекам. Туземцы никогда не были в безопасности. В любую минуту они могли ждать нападения. Лодки их уводились или уничтожались, поселения их выжигались дотла, их нивы опустошались, а женщин и

детей победители уводили с собой. Пираты собирали отрубленные головы своих жертв в корзины и уносили их в свои владения.

Главный дом Сэида Рахмана представлял вытянутое в длину строение, балки которого были украшены головами врагов, повешенными в ряд, точно бусы, нанизанные на веревку. Они были раскрашены самым фантастическим и страшным образом. В орбиты у них были вставлены искусственные глаза из дерева, и от этого они казались еще страшнее. Черепа постоянно двигались от ветра и стучали один о другой. Сталкиваясь, они кивали и показывали зубы в злобной усмешке, точно живые.

Жестокость Сэида Рахмана была невероятной. Для него подвергать беспомощного человека — мужчину или женщину — продолжительным пыткам было самым любимым развлечением и забавой; и всякую выдумку, которая могла прибавить еще мучений к агонии его жертв, он щедро награждал.

Мужчины и женщины, сидевшие кругом и слушавшие Кассина, дрожали, качали головами и ближе прижимались друг к другу.

Кассин хихикнул и продолжал:

— Когда вести об убийстве английского капитана дошли до англичан, они послали военное судно и охотились за нами много дней. Они поднялись за нами по реке вплоть до укрепления Сэида Рахмана.

Тут мы дали нашу последнюю битву. Шесть наших военных судов, снабженные пушками, были расставлены по реке, сети из ратана протянуты, чтобы помешать англичанам взять нас на абордаж. На берегу позади шести домов было сделано ограждение из бамбука, а за ним размещены легкие орудия. И вот, туан, когда Сэид Рахман расставил свои лодки по реке и медные пушки его обращены были дулами к английскому судну и когда он срезал канаты, укреплявшие ограждение, за которым помещались пушки, он подумал, что английское военное судно в его руках. Он собрал всех своих людей, чтобы они были готовы взять английское судно на абордаж, как только он пустит в ход свои пушки и разобьет судно.

Тут Кассин опять засмеялся и положил в рот еще порцию «сери».

Слушатели, сидевшие с открытыми ртами, закричали ему: — Арбис, арбис! (Кончай, кончай!)

— Но, туан,— продолжал Кассин,— он не знал, с каким судном он имеет дело. Он командовал открыть огонь из восьми пушек, но ядра только стукались о стенки судна и падали в воду. Вдруг, в одно мгновение, английское военное судно точно вспыхнуло. Огненный язык взвился у него с одной стороны, и с грохотом, который и теперь

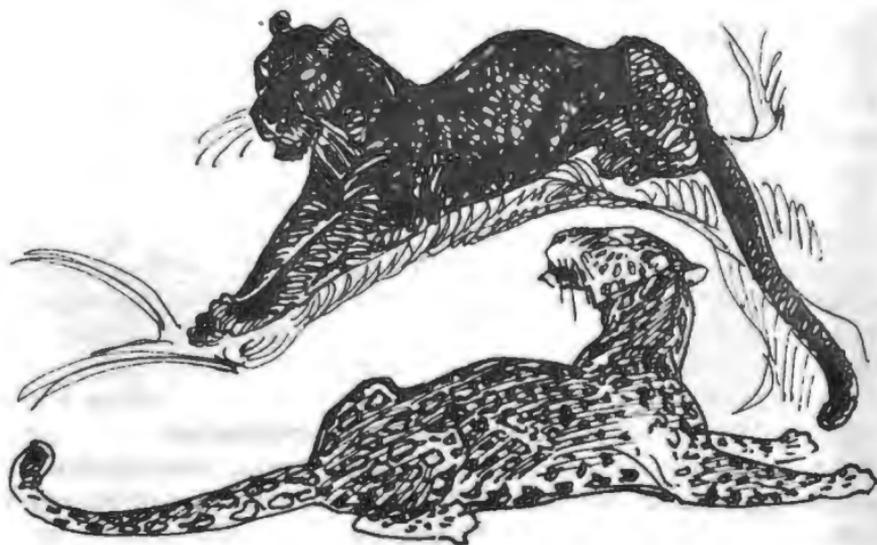
звучит в моих ушах, — все обрушилось... Там, где минуту назад были лодки, пушки, люди, сейчас не было ничего. Двести человек было убито сразу. Рухнувшие дома начали загораться. Те из нас, кто каким-то чудом спасся, разбежались во все стороны. Пока мы бежали к джунглям, матросы преследовали нас ядрами легких орудий. Теперь мы остались без вождя, потому что Сэид Рахман был убит одним из первых выстрелов большой пушки. Суда наши затонули, а люди почти все были перебиты, те же, которым удалось выплыть, стали добычей крокодилов, привлеченных запахом крови.

Англичане высадили своих солдат и предали огню всю деревню. Через час после первого пушечного выстрела не было видно на всем берегу ни одного дома, ни мужчины, ни женщины, ни ребенка. Все было сметено с лица земли. Как будто могущественный пират Сэид Рахман и его укрепление пирата никогда не существовали на свете.

Немногие уцелевшие мужчины бежали с жнами и детьми в джунгли и оттуда отправились дальше по реке. Рабы погибли в джунглях; лишь некоторые из них пробрались к своим племенам. Я спасся и бежал, работал в Сингапуре матросом, потом в Понтианаке и наконец вместе с Омаром приехал в его кампонг, где и надеюсь кончить свои дни».

Я часто слышал от малайцев рассказы о жестокостях малайских пиратов, но все это были рассказы с чужих слов. А здесь был живой очевидец, обломок прошедших времен, который рассказал свою историю без всякого хвастовства и прикрас, именно так, как было дело. Кассин был одним из моих плотовщиков, и я обещал сделать ему подарок в Понтианаке в награду за его рассказ. Он был очень доволен и осклабился в знак благодарности. Определить его возраст было невозможно, потому что совершенно невозможно было разобрать, где были рубцы и шрамы, а где морщины. Но его единственный глаз блестел добродушным, веселым задором, и мне не верилось, что человек с таким ласковым взглядом рубил наотмашь головы своим врагам.

Глава девятая

МЫ ПОБЕЖДАЕМ ГОРНЫХ ДУХОВ

Одно темное пятно оставалось на истории всех моих походов, которое я должен был, как бы то ни было, уничтожить: моя неудача с восхождением на Гору Духов не давала мне покоя. И через три года после моей первой злополучной попытки мне представился случай загладить неудачу, поправить свою репутацию и удовлетворить любопытство, взобравшись на вершину горы.

С шестью даяками, так великолепно помогавшими мне в охоте на орангутангов в Борнео, и моим боем Чуаем я прибыл в куалу Тренганы. Султан и Тунку-Безар встретили нас очень сердечно. На них, как и на всех жителей куалы, большое впечатление произвели мои даяки: они были светлее кожей и выше ростом, чем обыкновенные малайцы, но одевались так же, как и те — в саронги и тюрбаны на головах. Туземцы приняли их дружелюбно и гостеприимно. Интересно было наблюдать за Чуаем, когда он повел даяков с собой на местный рынок. Султан дал им четырех телохранителей, и они, точно целый полк, выступали по улицам, нагруженные провизией.

Я сообщил султану мой план восхождения на Гору Духов. Он постарался отговорить меня, и когда я попросил у него людей, он покачал головой и сказал:

— Туан знает, что на этой горе есть злые духи. Они опять пошлют туану неудачу. Из-за полосы зыбучих песков еще никто не возвращался назад... Мои люди не пойдут.

Но я твердо решился выполнить свое желание. Бесплезно было бы убеждать людей султана сопровождать меня: они все равно дезертировали бы. Впрочем, он согласился дать лодки и людей в мое распоряжение, чтобы проводить меня до кампонга Уэн-Мэта, откуда в сущности и начиналось самое путешествие.

Я оставался в куале четыре дня, заготавливая запасы риса, сушеной рыбы и факелов из дамара, пока приводились в порядок лодки. В утро нашего отъезда султан послал за мной и сказал, что он отправляет со мной одного из своих племянников, Тунку-Юсупа, который прикажет Уэн-Мэту в свою очередь сопровождать меня для охраны от сакаев. Я был очень тронут этим новым доказательством заботы о моей безопасности.

Пять дней спустя после того как мы покинули куалу, мы прибыли в наш отправной пункт — в кампонг Уэн-Мэта. Уэн-Мэт принял меня и Тунку-Юсупа со всеми знаками радушия и любезности, на какие только был способен. Он вспомнил и Чуая и сердечно приветствовал его. Даяки мои были для него новостью, и он прямо глаз не мог от них отвести. Мы прибыли в его кампонг утром. К вечеру для нас уже были выстроены три хижины.

Этим вечером мы сидели у Уэн-Мэта на веранде. Тунку-Юсуп передал ему приказ султана. Он склонил голову в знак согласия, но видно было, что особенного энтузиазма перспектива нашей экспедиции в нем не вызвала. Я объяснил ему, каким образом намереваюсь побороть встретившиеся мне в последний раз препятствия. Сказал, что с моими даяками, которые не боятся ни людей, ни зверей, ни духов, я уверен в успехе. План мой был таков: я хотел прорубить дорогу в двадцать футов шириной, начиная от полосы зыбучих песков до подножия горы, и от подножия до ее вершины. Потом сжечь срубленные деревья и таким образом открыть совершенно новый край, куда до тех пор, по уверениям старожилков, не ступала нога человека. Спутанные заросли лиан, вьющихся растений и кустарников

были непроходимы — проделать среди них просеку было делом нелегким. Но я употребил всю силу убеждения, чтобы доказать Уэн-Мэту, что мои даяки не боятся никаких чар и что рубка деревьев и стук топоров будут пугать диких зверей и отгонять их с нашего пути, так что в конце концов мы победим Гору Духов. И он будет не только пенг-хулю брани (смелый вождь), но еще и получит, подобно мне, славу пауанга (волшебника). Это произвело на него сильное впечатление, и после некоторого размышления он заявил, что он и его люди пойдут со мной.

— Где Нэйзар, Уэн-Мэт?.. Он все еще в твоём округе? Он мне тоже нужен, — сказал я.

— Да, Нэйзар как раз приехал сюда десять дней назад, чтобы выменять сырой каучук на рис.

— Возьми кого-нибудь из своих людей, иди к пескам и дай ему сигнал, чтобы он возвращался в кампонг.

— Хорошо, туан.

На следующий же день он отправился, захватив с собой трех-четырёх мужчин. Они были в отлучке часа два-три, как вдруг мы услышали удары в пустую колоду — это был гонг Уэн-Мэта. Мы слышали глухие удары в течение минут десяти, потом их темп изменился: два коротких удара, пауза и четыре удара. Мужчины кампонга кивнули головами и ослабились. «Нашел его, туан!»

Немного времени спустя Уэн-Мэт вернулся в сопровождении Нэйзара и еще двоих мужчин.

Нэйзар узнал меня и оскалил зубы в приветливой улыбке. Но когда Уэн-Мэт представил его Тунку-Юсупу, племяннику султана, он испугался. Он никогда еще не разговаривал с принцами. Тунку уверил его в благожелательстве султана и презентовал ему саронги и паранги, которые захватил с собой для подарков. Нэйзар согласился сопровождать меня после бесконечной лестницы и обещаний щедрых даров. На следующий день он ушел, нагруженный подарками и запасами риса и рыбы, готовый отправиться на гору хоть сейчас же.

Целых пять дней мы заготавливали наши запасы, постели, утварь для стряпни и прочее, а также готовили кайанги — толстые циновки из пальмовых листьев, сшитые ратаном, которые натягиваются на шесты и служат превосходными водонепроницаемыми крышами. Их можно переносить, свертывая в длинные трубки весом в каких-нибудь пять-шесть фунтов.

Мои даяки держались немного свысока и в стороне от обитателей кампонга Уэн-Мэта, и я решил использовать это, чтобы заручиться помощью Уэн-Мэта и его людей. Я сказал даякам, что, когда дойдет дело до вырубки просеки, они увидят, как умеет работать народец из джунглей. Они выпрямились, и глаза их заблестели.

— Туан, мы им покажем, как работает даяк своим парангом, — был их ответ.

Я призвал Уэн-Мэта.

— Неужели ты позволишь этим даякам с Борнео учить народ Тренганы, как вырубать просеку в джунглях? — спросил я.

Уэн-Мэт нахмурился и несколько минут оставался в задумчивости. Потом он созвал своих людей. Не знаю, какое чудо он совершил, но после разговора с ним все хотели непременно идти с нами. Час тому назад я боялся, что они откажутся. Горные духи, очевидно, будут побеждены благодаря национальному соперничеству.

Утром на шестой день мы тронулись в путь. План мой был таков, что даяки и сакаи будут чередоваться: то рубать дорогу, то нести запасы. Те, кто нес вещи, должны были идти вперед и отмечать свой путь молодыми деревьями и лианами, так чтобы по их следу было легко идти. Шедшие сзади должны были рубить деревья и складывать их по мере своего продвижения. Рубить деревья можно было только не больше одного фута в диаметре. Я же прокладывал бы, таким образом, по моему компасу прямую линию к вершине горы.

Экспедиция состояла из Нэйзара с шестью мужчинами, из которыми следовал Уэн-Мэт со своими людьми, я, двое моих людей и шестеро даяков, замыкавших шествие и рубивших деревья. Тунку около часу шел с нами, а затем отправился обратно в кампонг, где должен был ожидать нашего возвращения согласно приказу султана.

Мы дошли до знаменитых зыбучих песков и легко перешли через них. После трех часов пути мы напали на источник воды, и я решил здесь расположиться на ночь. Моментально были построены четыре платформы из ратана, укрепленные на шестах, прилажены каянги и устроены постели. Чуай развел огонь и поставил кипятить воду для ужина. Время от времени били в тамтам, чтобы дать знать даякам, прорубавшим просеку, что мы уже на привале и ждем их. Скоро мы услышали лязг их парангов. Они ра-

ботали с ожесточением. Уэн-Мэт и его люди предложили свою помощь, но даяки гордо отвергли ее. Я должен отдать справедливость дипломатическим способностям Уэн-Мэта. Он рассыпался в похвалах их быстрой и четкой работе, говоря, что его люди так бы не сделали. Даяки были очень довольны. Но это было и правдой. Нэйзару, Уэн-Мэту и их людям казалось сном, что они зашли так далеко в джунгли. Там, где несколько часов назад была густая, дремучая чаща джунглей, теперь тянулась светлая просека футов в двадцать ширины между зелеными стенами...

Как только мы поужинали, я велел построить еще платформу, и туда мы поместили все наши запасы и утварь, чтобы предохранить их от сильной ночной росы. Нэйзар и его люди собирали хворост, разводили небольшие костры и кидали на них сырые листья, чтобы было больше дыма, — в защиту не столько от диких зверей, сколько от москитов. Скоро каждый лежал под своей сеткой от москитов. В джунглях царила полная тишина, изредка нарушаемая воем леопарда или кашлем тигра. Довольные достижениями первого дня, мы скоро уснули.

Зарю нам возвестил странный крик «уа-уа» обезьяны гиббона, на зов которого вскоре стали отзываться его сородичи, и весь воздух был наполнен резкими, гикающими криками. Джунгли проснулись и звучали на тысячу ладов: отовсюду несло пение птиц, жужжание насекомых, болтовня обезьян. Мне всегда нравилось спугнуть группу этих зверьков и наблюдать за их паническим бегством. Они взбирались на дерево — выше, все выше, на самые верхние ветви. Оттуда они без малейшего колебания бросались прямо в пространство, не обращая внимания, далеко ли до следующей ветки. Расставив руки, они точно пролетали по воздуху, хватались за гнущуюся под их тяжестью ветку и сейчас же прыгали дальше, казалось, без всякого усилия перепрыгивая с дерева на дерево.

Ранним утром, когда все еще влажно от росы, джунгли кишат пиявками. Эти отвратительные твари вытягивают свои веретенообразные тельца вверх и ползут, как гусеницы, выгибая спинки и передвигаясь необыкновенно быстро. Целые массы темно-коричневых пиявок ползают по всем направлениям по опавшим листьям; иногда среди них встречается зеленая с желтой полосой, но обыкновенно этот сорт держится на зеленых листьях и присасывается

к вашей одежде, когда вы пробираетесь между ветвей. Иногда они заползают вам за воротник, но чаще вползают в рукав и всасываются в руку. Укус зеленых пиявок ядовитее, чем коричневых: то место, куда они присосутся, обыкновенно воспаляется и долго не заживает.

Солнцу нужно много времени, чтобы высушить росу. Оно блестит сквозь листву и дает странное освещение: все в отдалении кажется смутным, мелькающим, испещренным пятнами, так что часто различаешь леопарда или змею только тогда, когда почти что наткнешься на них.

Запах джунглей забыть невозможно. Я могу закрыть глаза и вызвать его в любую минуту. Это странный, пронзительный запах влажной растительности.

После завтрака мы опять двинулись вперед. На этот раз людям Уэн-Мэта представлялся случай показать свое искусство в деле рубки деревьев. Мы не прошли и четверти часа, как Нэйзар вдруг остановился, поднял руку и тихо воскликнул: «Бадак!» (Носорог!)

Мы насторожились и стали продвигаться с опаской, потому что никогда нельзя сказать, кинется ли на вас носорог или пройдет спокойно мимо. Мы видели его следы. Не желая терять времени, я командовал Уэн-Мэту ударить в тамтам. Сам же выстрелил из ружья. Эффект получился неожиданный. При первом ударе тамтама послышался громкий визг и хрюканье, и вместо огромного носорога наперерез нам кинулось целое стадо диких свиней, сваливших по дороге четверых людей Нэйзара и скрывшихся в джунглях. К счастью, пострадал только один из четырех, да и то несерьезно: ему сильно оцарапала икру одна из свиней. Я промыл рану кипяченой водой, которую всегда имею при себе, и марганцовым кали, а Нэйзар приложил к ней какие-то листья и травы. Пациент наш был очень доволен операцией, потому что я дал ему выкурить папироску, а затем вкатил ему такую порцию крепкого виски, что он чуть не задохся. Люди Уэн-Мэта, услышав тамтам, прибежали на выручку, но мы сейчас же отправили их обратно.

По мере продвижения вперед, мы встречали следы тигров, леопардов и селадангов. Попадалось множество диких свиней и ланей, и я решил что-нибудь раздобыть нам на ужин. После нашего приключения мы шли не очень быстро, потому что я не хотел слишком удаляться от вырубивших деревья людей, и мы опередили их на какую-ни-

будь сотню ярдов. Мы были очень довольны — вместе идти веселей и безопасней.

Вдруг мы вышли на поляну ярдов в сто шириной, где трава была высокая и спутанная. Я взял ружье на прицел, готовый выстрелить, что бы ни завидел.

— Барьби! (Свиньи!) — закричал Уэн-Мэт, указывая в дальний угол.

Целиться особенно не надо было: там паслось штук двадцать — тридцать. Я выстрелил наудачу, зная, что в какую-нибудь да попаду. От выстрела свиньи кинулись бежать. Двое из моих даяков, подбежавших к месту, закричали: «Попал, туан!»

Интересно было видеть удивление на лицах Нэйзара и его товарищей. Им никогда еще не случалось видеть, чтобы на таком расстоянии и так быстро можно было убить зверя. Мое ружье было для них предметом любопытства, но они еще не видели его в действии. Чуай, широко улыбаясь, сказал: «К ужину жареная свинина, туан!..»

Хотя было еще рано, но я решил сделать привал, чтобы дать отдохнуть раненому сакаю. Люди построили платформы. Чуай и один из даяков принялись свежевать свинью, в то время как Нэйзар и его люди отправились на поиски воды. Вырыли яму, в которой развели огонь, а над ней положили накрест бревна. Свинью вымыли, вычистили, связали и надели на длинный шест — вертел. Что за пиршество! Чуай был истым художником своего дела. Люди наелись до отвала. Уэн-Мэт и его люди решили временно забыть, что мусульманам запрещено употреблять свинину в пищу, и с удовольствием уплетали свою долю.

Третий и четвертый день прошли без всяких приключений. Мы шли прямо к вершине горы — по стрелке компаса. Продвигались мы медленно, держась все вместе.

К концу четвертого дня мы почувствовали, что почва повышается, и я увидел, что мы стоим у самого подножия горы. Мы приготовились сделать привал.

Пробиваясь сквозь девственные джунгли, мы вспугнули стаю зеленых голубей. Пока люди вырубали чашу для нашего ночлега, собирали ратан, срезали колья и кору для подстилок, я с Уэн-Мэтом пошел посмотреть, не удастся ли настрелять голубей нам на ужин. Не прошли мы десяти минут, как услышали крики. Мы поспешили обратно. Все толпились около Абдула, одного из людей Уэн-Мэта. Оказалось, что на него напал и ранил леопард; леопард лежал

тут же, пронзенный тремя стрелами, с разможенным черепом. Все были так взволнованы, что мы едва могли добиться, как было дело. Выяснилось, что Абдул проходил мимо большого дерева, вырывая ратан из зарослей, как вдруг леопард, притаившийся под деревом, кинулся на него, не издав ни одного звука, и свалил его на землю. Крики Абдула, которому зверь вонзил когти в мышцы и разрывал шею, привлекли остальных. Все кинулись спасать его. Стрела Нэйзара попала леопарду в бок, за ней две другие, пущенные его товарищами. Леопард повернулся, чтобы встретить нового врага, но Нэйзар опередил его и одним ударом паранга разможил ему череп, убив его на месте. Абдул был так тяжело ранен, что, несмотря на наш уход, умер в эту же ночь, и рано утром мы похоронили его. Эта была первая настоящая трагедия за нашу экспедицию, и на людей она подействовала очень обескураживающе. Мне понадобилась вся сила убеждения, чтобы уговорить их, что леопард вовсе не был злым духом, посланным на нашу гибель. В конце концов они все-таки согласились попытаться достигнуть вершины горы.

Мы взяли с собой только то, что было совершенно необходимо. Люди Уэн-Мэта несли воду на всех, так как уверенности, что мы найдем воду на горе, не было. Упорно взбираясь, мы дошли до вершины около четырех часов дня. Никто из моих спутников не хотел верить, что он действительно победил Гору Духов: им казалось это сном. В эту ночь они веселились, били в тамтам, пели и плясали и приносили в жертву духам и божествам джунглей рис и травы, чтобы умиловить их. Я думаю, они боялись заснуть, чтобы не подпасть во сне под власть духов.

Ранним утром мы начали вырубать джунгли. Я выбрал самое большое дерево, какое только было, и срезал все развесистые ветки, чтобы взобраться на самую верхушку и оттуда хорошенько оглядеть окрестности. Я надеялся открыть что-нибудь новое, но ничего, кроме джунглей, я не увидел — джунгли, джунгли всюду, куда только достигал мой полевой бинокль. Тут я решил отдать все мои мысли тому, что для меня было в сущности самой главной целью моего предприятия, то есть установке западней и силков в этой свежесрубленной просеке, среди девственных джунглей.

Скоро мы уже были в полном порядке, готовые пуститься обратно в кампонг Уэн-Мэта, с тем, чтобы там

заготовить сети и западни и потом расставить их по всей просеке.

Когда на обратном пути мы приближались к пескам, наши люди начали бить в тамтам. Скоро мы услышали звуки ответных тамтамов. Тунку-Юсуп и весь кампонг с нетерпением ожидали нас и приготовили нам торжественную встречу. Они смотрели на нас с суеверным уважением. Путешественники пав-

линами расхаживали по кампонгу, рассказывая свои приключения, приукрашивая их, чтобы произвести впечатление на оставшихся дома. Вся ночь прошла в веселье и пирах.

На следующий день начались работы — приготовления к моей большой ловле. Весь кампонг поголовно принимал участие в сборе ратана, который затем промывался и шел на плетение сетей. Больше недели мы работали с утра до ночи, пока не были готовы сорок сетей, больших и малых, из разной толщины ратана. Я расставил их на расстоянии от пятидесяти до ста ярдов одна от другой вдоль по нашей просеке, мили на две вперед. Лишний раз мои даяки, как истые дети джунглей, доказали свою ловкость и быстроту, и пример их вызвал соревнование у остальных, не желавших ударить в грязь лицом. Не только до половины горы расставлены были сети, но еще были вырыты во многих местах ямы и прикрыты, а кроме того, нарезаны были кольца, которые оставалось только пустить на изготовление клеток.

Теперь, когда были готовы все мои западни и сети, надо было приготовить все к пожару в джунглях, который должен был доставить мне моих зверей. Лесной пожар в малайских джунглях редкость. Его можно вызвать, только если пустить в дело срубленные деревья и срезанные лианы, которые предварительно, дней на десять, надо оставить сохнуть на солнце на открытом месте. Деревья по обеим сторонам просеки гореть не будут: они для этого слишком влажны — только опалытса и почернеют.

Приблизительно через две недели после нашего возвращения с Горы Духов все для пожара было совершенно готово. Мы ушли из кампонга на пески и там разложили костры и сухие травы с таким расчетом, чтобы огонь хорошо занялся. В тропиках на закате солнца всегда поднимается свежий ветерок: на него-то мы и рассчитывали, полагая, что он раздует наш пожар и погонит его по просеке между двух зеленых стен.

Первые огоньки начали посылать свои искры дальше и дальше с каждым порывом ветра, и наконец пламя с ревом взвилось в высоту деревьев и помчалось вдоль просеки, как по трубе. Языки пламени лизали все, что попадалось им по дороге, и скоро все было выжжено, словно выметено вдоль всей просеки, между почерневшими стволами колосальных деревьев, а земля была совсем черна и занесена золой.

Опять кампонгу было не до сна в эту ночь. Для него, казалось, вся жизнь началась с того дня, как мы вырубали просеку! Туземцы больше не боялись Горы Духов: они были уверены, что я огнем выгнал всех демонов из джунглей. На рассвете я разослал людей группами по всем направлениям, чтобы осмотреть сети и приготовить клетки. Успех наш превзошел самые смелые ожидания. Из сорока ловушек, расставленных нами, в шестнадцати мы нашли добычу: попались два тигра, три леопарда (один черный и один пятнистый), один тапир, три медведя, два бинтуронга, два кабана, одна бабирусса¹ и две лани. Кабанов и ланей мы пустили на корм хищным зверям. Тигры и леопарды так безнадежно запутались в сетях, что их ничего не стоило связать и посадить в грубые клетки, с тем чтобы в кампонге пересадить в лучшие. В одну из ям провалился носорог, и его было труднее всех остальных животных доставить в кампонг. Трудность заключалась в том, что у нас не было ни слонов, ни буйволов, чтобы вытащить клетку вверх из ямы, в которую мы ее спустили на катках. Я устроил ворот, прикрепил его к двум деревьям и, употребляя вместо катков бревна, в конце концов вытащил клетку с запертым в ней носорогом наверх.

¹ Б а б и р у с с а — *Babirussa alifurus* — кабан со спирально закрученными клыками. Это эндемичный вид о. Целебес. На Малаккском полуострове бабируссы нет. Вероятно, автор здесь ошибся. О каких ланях (оленьях) и медведях пишет здесь автор, неизвестно.

Потом пришлось соорудить нечто вроде грубых розвальней и по специально расчищенному пути отвезти клетку в кампонг. Тридцать пять туземцев работали в течение трех дней над тем, чтобы доставить ее туда. Там приготавливался плот, чтобы всю добычу перевезти в куалу Тренганы.

Все мои приготовления к отъезду из кампонга уже были завершены, когда ко мне прибыл старейшина Камаманского округа с известием, что там появился огромный тигр и наводит ужас на окрестности. Он умолял меня прийти и избавиться их от этого чудовища. Тигр устраивал набеги на кампонг и уносил кур, уток и даже быков, но пока еще не трогал туземцев, которые с трепетом ожидали своей очереди. Как ни старались, они никак не могли увидеть животное: только находили его следы да убеждались в результатах его посещений. С обычным суеверием они решили, что это дух, и были прямо в панике от его нашествий. Слава о моей победе над Горой Духов разносилась далеко кругом, и репутация моя как пауанга была непоколебима. Вся надежда была на меня, я должен был освободить кампонг от этого ужаса. Помимо этого, я не мог воспротивиться желанию поймать еще один хороший экземпляр тигра. На тигров всегда спрос. Тут, очевидно, был особенно интересный тигр, и я решил заняться им.

Я оставил все наставления, как перевезти моих животных, и отправил даяков с Тунку-Юсупом в Тренгану.

Чуая и Тая я взял с собой и отправился со старейшиной и его кампонг. Он находился в пяти днях пути вверх по реке, в местности, носившей название «Оловянный Холм». Прибыв в кампонг, мы были окружены туземцами, которые смотрели на меня, широко открыв глаза, с каким-то благоговением. Я узнал от них, что тигр продолжал свои ночные посещения, несмотря на то что они разводили костры вокруг кампонга. Он был, конечно, духом; никто, кроме пауанга, не мог бы справиться с ним.

Скоро весь кампонг был за работой: плели сети, ставили западни и мазали пальмовые листья птичьим клеем. Вокруг загона, где помещались быки, я велел выстроить ограду из ратана, усаженную наверху острыми шипами. Листья, смазанные птичьим клеем, разложены были кругом нее на пространстве в двадцать пять футов. Внутри и расположил сети так, чтобы тигр, если бы он миновал птичий клей или перескочил через ограду, неминуемо попал в них.

На пятую ночь после моего прибытия в кампонг, часов в десять вечера, когда вся жизнь уже затихла, козлы, которых я держал для приманки, начали беспокоиться, блеять и вообще производить страшный шум. Потом вдруг наступило полное молчание. Затем какой-то треск, грохот, страшный рев и рычание взбешенного зверя, в котором были и гнев и страдание. Потом опять треск, громче пер-

вого, вопли женщин и проклятия мужчин. Со всех сторон во мраке сбегались туземцы. Появились факелы. Кто-то подбежал ко мне с криком: «Туан, скорей, тигр разрушил дом!...»

Мы все побежали к указанному месту; это оказалось правдой: тигр сломал подпорки хрупкого туземного шалаша. Женщины и дети с криком убегали во все стороны. Вдруг вспыхнул язык пламени, и в пять минут от шалаша ничего не осталось. При зареве пожара я увидел страшного зверя, — он был придавлен упавшими столбами, свободны были только его морда и грудь. Спина его наверно была переломлена, его рев страшно было слышать. Нечего было и думать поймать его живьем, можно было только прекратить агонию несчастного животного. Я быстро выпустил в него три пули и убил его.

Туземцы были вне себя от возбуждения. Я был готов ко всему, опасаясь, что кто-нибудь из них станет жертвой внезапного помешательства, свойственного малайцам и выражающегося в потребности самоубийства. Но, к счастью, возбуждение постепенно улеглось, и после того как я убедился, что все успокоилось, приказал вытащить тигра из-под развалин дома. Шерсть на нем почти совсем обгорела, на голове была широкая рана от пули. Листья, смазанные птичьим клеем, прилипли к его морде так, что он был как бы ослеплен. Очевидно, он перескочил через ограду и каким-то чудесным образом избежал сетей. Но так как он ничего не видел, то в бешенстве своем кинулся вперед по кампунгу и наткнулся на подпорки дома с такой силой, что свалил их и сам был придавлен развалинами дома. Тут опрокинулся светильник с кокосовым маслом, поджег дом — и жизнь тигра была окончена. К счастью, обитатели дома отделались только ушибами. Дом стоял на окраине кампунга, так что пожар не был опасен другим строениям.

Тигра вытащили. От конца морды до хвоста он имел десять футов два дюйма. Весил он наверно больше трехсот семидесяти пяти фунтов — великолепный экземпляр, самый большой, какой я видел в Малакке. Я горько сожалел, что он не достался мне живым.

Но туземцы были вне себя от радости, что злой дух погиб. Они проклинали его на все имевшиеся в малайском наречии лады и плевали на него до тех пор, пока я не приказал вырыть большую яму и закопать его, потому что зловоние было ужасающее.

Кампонг не спал всю ночь. На воздухе разложили котлеты, приготовили пирушку, и пение и пляска продолжались до зари.

Старейшина был так благодарен мне за избавление кампонга от чудовища, что решил непременно сопровождать меня в куалу и лично рассказать султану, как был убит тигр.

Но Тунку-Юсуп уже успел прославить меня, и туземцы до того преувеличили мои подвиги, что уважение их ко мне как к паунгу было бы прямо смешно, не будь оно так искренно. Султан был поражен не менее своих подданных и очень горд тем, что я совершил «невозможное». И же был главным образом доволен тем, что взобрался таки на Гору Духов и, что было еще важнее для меня, поймал необыкновенно много зверей, чтобы увезти с собой в Сингапур.

Глава десятая МОЙ ДРУГ, СУЛТАН ТРЕНГАНЫ

В продолжение девятнадцати лет, что я провел в Малакке, я проделал путь из Сингапура в Тренгану десятки раз; но в памяти моей живо встает мой первый приезд в столицу Тренганы поздно ночью. Я намерен был заняться кое-чем потруднее ловли диких зверей, и все карты были против меня.

С палубы маленького парохода я увидел реку Тренгану в том месте, где она впадает в Китайское море. Сотни рыбацких лодок выехали на ловлю, каждая из них освещалась факелами из восьми — десяти сухих пальмовых листьев, скрученных вместе. Их зажигали и прикрепляли на носу и по бокам лодки. Каракатицы подплывали на огонь, и их тысячами ловили в невода. Домишки, построенные на сваях там, где было мелководье, в неверном освещении, казалось, сами пускались вброд и шли на помощь рыбакам.

Вскоре после того как я высадился на берег, я уже сидел, поджав ноги, на подушке напротив султана Тренганы. Султан восседал на двух подушках; он спросил меня: «Обычно, когда ты приезжаешь в куалу Тренганы, туан,

тебя влечет желание поймать еще диких зверей. Ты хочешь еще слонов?»

Мне было неприятно рассказывать ему, чего именно я теперь хотел, но я знал, что если сразу не открою ему моих намерений, то найдется множество придворных, которые сделают это за меня и исказят мои планы.

— Нет, на этот раз я приехал не как зверолов, Ку,— ответил я, употребляя интимное сокращение слова «принц», так как был в дружеских отношениях с султаном.

Султан подергал себя за свои длинные редкие усы, в которых было так мало волос, что их можно было все сосчитать. Он был человек немногословный.

— В твоей стране, Ку,— продолжал я,— есть много ценного металла: хорошего олова, которое дремлет в почве много лет.

— Сон — хорошая вещь, туан! — ответил он.

— Верно,— сказал я,— верно, Ку; но ведь он младший брат смерти. И вот мои друзья, англичане, честные люди, просят тебя, чтобы ты разрешил им выкапывать этот металл, он слишком уж долго ленился, его надо заставить работать.

— Так ты говоришь, туан, будто металл раб? Но если это и так, и он раб, то ведь он мой раб, спит ли он или бодрствует.

— Верно, Ку. Но и рабов продают. И взамен получают доллары — много долларов. А ведь доллары — это добровольные работники для любого человека.

Он долго молчал, потом промолвил:

— Я каракатица. А ты ловкий рыбак, туан. Ты поднимаешь факел, чтобы я приплыл на свет, и тогда ты меня поймает в невод.

Я знал, что хотя султан и был довольно мягким человеком, но раз он на что-нибудь не соглашался, требовались нескончаемые убеждения и уговоры, чтобы заставить его изменить свое решение. Поэтому я подумал, что лучше пока переменить тему разговора.

— Когда мои друзья, Ку, поделились со мной своими планами, то я увидел, что это дело очень интересное и что оно сулит тебе много денег и могущества. Но я не буду больше утруждать тебя этими делами, пока ты сам не захочешь еще что-нибудь о них услышать. А пока позволю мне рассказать тебе о моих странствиях.

Я провел с султаном так много времени, что научился понимать его так хорошо, как если бы он был одним из

моих соотечественников. Он был племянником принца Умара, человека очень храброго и жестокого, прозванного Багинда (победитель); но на своего дядю он был так же не похож, как белое на черное. Ему было всего восемнадцать лет, когда он вступил на престол, и его, как стая коршунов, окружила родня, отобрала у него почти все, что возможно, так что в конце концов у него осталось только несколько миль береговой полосы, приносившей ему доход.

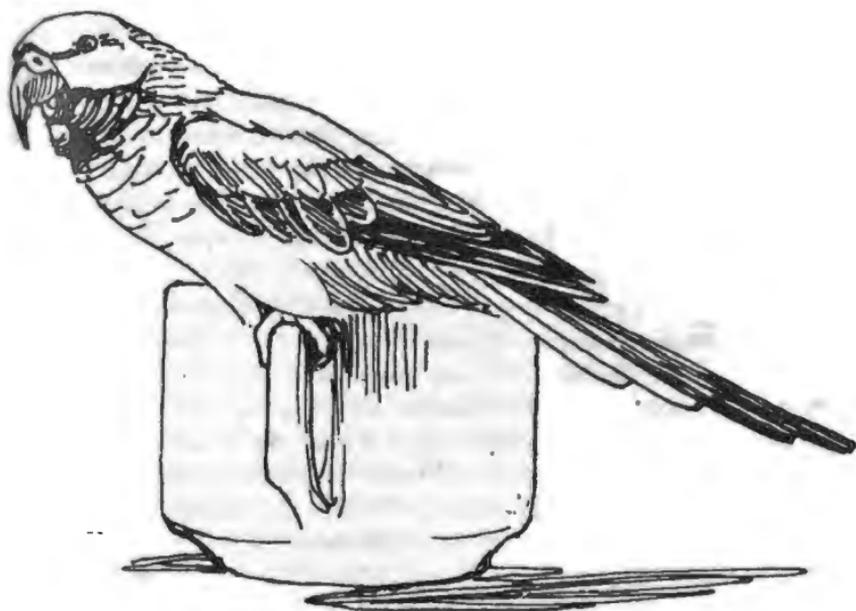
Если он и был робкого нрава, как о нем говорили, то это было вполне понятно. С одной стороны, у него были джунгли, полные диких зверей, а в самой столице — его придворные, жадные, вечно интригующие. С другой стороны — море: путь в мир, о котором он мало знал и знал только плохое. Так как я приехал из Америки, страны, о которой он даже не слыхивал, пока не встретился со мной, страны, представлявшей ему такой же отдаленной, как луна, — он готов был открыть мне свою душу. Но когда я пришел к нему с предложением от группы англичан, чтобы он дал им концессию на оловянные залежи, я сразу же, одним прыжком, поставил себя в ряд всех других хитрых интриганов. И все-таки я посеял то зерно, которое всего лучше возрастает в душе восточного человека, — зерно любопытства.

После этого я отправился к Тунку-Безару (Большому Принцу). Он действительно был большой принц — большое тело и громадный рост; был много темнее цветом, чем султан, и имел приятный темно-коричневый цвет кожи. Он женился на старшей сестре султана, Тимар, и был премьер-министром. Ему было даровано право «жизни и смерти», и он был единственным, кто не должен был садиться на корточки перед султаном в знак уважения.

Я сразу понял, что он был скорее за то, чтобы предоставить концессию англичанам, хотя не сказал мне этого словами. Но он задал мне вопрос:

— Разве будет беда от того, что эти люди наживут доллары, если султан наживет много больше? Когда крокодил наестся досыта, разве он не открывает своей пасти, чтобы дать птичке сиксак очистить свои зубы от остатков?

Раз Тунку был на моей стороне, я решил занять выжидательную позицию и прожить в столице до тех пор, пока не добыюсь того, чего хочу, даже если пройдут месяцы. Я так ему и сказал.

Он засмеялся и посоветовал мне не говорить об этом деле ни с кем из младших принцев.

— Многое входит в их уши белым, — сказал он, — а выходит оттуда черным... Кроме того, они могут всегда из женщины сделать дрессированную обезьяну и заставить ее швырять кокосы с дерева.

Я понял, что он намекал на Тунку-Хасана, женившегося на одной из женщин султанской крови. Он был родом из Малакки и в Тренгане был чем-то вроде присосавшейся пиявки. Он проводил здесь всего какой-нибудь месяц в году, но с помощью своей жены и всяких сплетников всегда умел обойти султана и добиться от него всего, чего хотел. Через день после моего первого разговора с султаном насчет концессии, я услышал, что Тунку-Хасан находится в куале.

Ни один малаец не был так изысканно вежлив со мной, как Тунку-Хасан. Он был слишком вежлив. Это был красивый человек и приятный собеседник. Я позднее узнал, что он определял меня султану так: «Этот человек сидит как кошка, но прыгает как тигр». Мне и в голову не приходило, что вне Тренганы он может быть мне еще опаснее, чем тут на месте. Мне его присутствие было неприятно, и я в своем простодушии был очень рад, когда он простился с нами и уехал в Сингапур.

Тогда Тунку-Безар пригласил меня погостить у него, поместившись на его большой веранде. Я в то время пользовался гостеприимством одного китайца и жил в китайском квартале. Я был очень рад переменить хозяина и немедленно велел перенести мою сетку от москитов и остальные несложные пожитки. Я взял с собой моего боя-китайца, варившего мне кушанье, и моего любимца — лори, маленького попугая.

Попугая я купил у малайца, торговавшего птицами. Он был необыкновенно красивой окраски: темно-красного, зеленого, лилового и желтого цветов вперемежку. У него был маленький кривой клювик. Когда я его купил, он умел говорить только несколько слов, но у меня он стал настоящим болтуном. Это был мой единственный любимец за все те годы, что я работал с дикими зверями.

Асай, любимая жена Тунку-Безара, прямо влюбилась в моего лори: нас часто приглашали обедать с ней и Большим Принцем. Обед подавался за низким столом, — ниже фута в высоту — за которым все мы сидели, поджав ноги, на подушках. Слуга опускался на одно колено, подавая нам блюда. У каждого из нас было отдельное блюдо, даже у лори, но ели мы руками. Обед проходил без церемоний. Тунку был одет только в широкие китайские шаровары, завязанные свернутым саронгом вместо пояса, и верхняя часть его туловища была обнажена. По его левую сторону сидел на корточках раб, державший маленькую шелковую желтую подушечку. Я никак не мог понять, зачем это. К счастью, я не спросил о ее назначении.

Незадолго до этого, Тунку по моему совету (в одно из моих предыдущих пребываний в Тренгане) заказал себе у сингапурского дантиста вставные зубы и чрезвычайно гордился этим западным украшением. Тимар, его первая жена, зубы у которой были совсем черные от бетеля, уверяла, что у него рот похож на пасть дикого зверя. Асай была современнее: она находила белые зубы очень красивыми. Но в первое время вставные зубы мешали принцу, пока он не привык к ним, и потому он иногда за обедом вынимал их, и они торжественно отдыхали на желтой шелковой подушечке.

Если нам во время обеда мешали мухи, то принц приказывал слугам отгонять их пальмовыми листьями, а если с потолка сваливалась к нам в тарелку ящерица, то мы

не трудились вынимать ее, а отдавали тарелку с кушаньем слуге и приказывали подать новую.

Моему лори нравилось почти все, что мы ели: рис, цыплята или утки, овощи, фрукты и черепашьи яйца. Я разрезал скорлупу, похожую на плотную кожу, вылавливал кусочки желтка из жидкого белка, который никогда не твердеет, и давал их птице. Лори осторожно брал их на моих пальцев, ни разу он не ущипнул меня. После еды он любил, чтобы его качали. Я клал его на спинку и качал. Когда я переставал, он кричал: «Лаги, лаги!» (Ище, еще). Асай смеялась от души. Она заставляла меня повторять ей ее любимый рассказ, как я ездил на рикше по Сингапуру, а лори сидел у меня на плече и понукал гули: «Лекас, лекас!» (Скорей, скорей).

После ужина я обыкновенно шел навещать султана и долго беседовал с ним, рассказывая ему про Запад и его обычаи. Это был мой способ потихоньку приближаться к вопросу о концессии на олово. Обыкновенно я заставлял его сидящим, поджав ноги, на подушках, перед которыми стояла низенькая подставка. Почти всегда он был склонен над арабской книгой, лежавшей на подставке. Кроме циновок и подушек, другой обстановки в комнате не было. Комната была просторная; два окна в сад шли от пола до потолка. Они были прикрыты бамбуковыми шторами, сквозь которые можно было видеть, что происходит снаружи, оставаясь при этом невидимым.

Раз как-то я принес султану карту земного шара. Я всегда старался иллюстрировать ему мои рассказы картинками, картами или собственными моими примитивными рисунками и при этом употреблять как можно меньше слов.

Я показал ему на карте Нью-Йорк и пробовал объяснить ему, как он далеко. Рассказал ему о задачах промышленного транспорта и его способах. Рисовал ему, как поезда отправляются один за другим. Он схватился за голову в недоумении:

— Не хватит людей во всем мире для этих поездов! — воскликнул он.

В государстве Тренгана было приблизительно полтора-два миллиона населения. Я показал ему на карте точку, изображавшую Лондон, и пытался дать ему понятие о количестве населения в Лондоне. Но он покачал головой, схватился за лоб и произнес слово, которое, как я уже знал,

всегда означало конец аудиенции: «Союза...» (Беда). Ему хотелось вернуться к своим арабским фолиантам и к тому миру, который он знал...

Когда он уже выходил и дошел до занавеси, закрывавшей выход в другие покои (всегда он уходил первым, а первый не вставал), он обернулся и задал мне вопрос:

— Туан, если англичане начнут копать олово в Тренгане, что они дадут тебе?

— Денег, — ответил я просто. — Для тебя, Ку, будет куча долларов, как гора, для них как холм, а для меня как небольшая насыпь. Даром человеку не стоит работать.

— Достаточно, — сказал он и задернул занавес.

Сейчас же после этого я отправился навестить Петри Тимар, сестру султана и первую жену Тунку-Безара. В ее покоях я всегда был желанным гостем. Я решил и ее ознакомить с западными обычаями и вообще добиться популярности среди местных дам.

Я застал старую даму расположившейся в уютном кресле с откидной спинкой посреди массы подушек. Большая красивая комната была перегороджена на две части — приблизительно двадцать пять на двадцать пять футов — большой занавесью. Потолок и стены в ней были из тикового дерева. Рабыни окружали Тимар. Некоторые из них шили, другие ткали саронги на простых ручных станках.

Я полагаю, что эту часть султанских покоев американцы называли бы гаремом. Из этих девушек время от времени кого-нибудь отдают в наложницы младшим принцам. До тех пор они находятся под строгим надзором.

Всякая распущенность, всякий безнравственный проступок, если они только становятся известны, сурово наказываются. Виновных сажают в тюрьму, пока султан не соизволит выпустить их. Иногда они остаются в заключении месяц и даже два.

Около Тимар была одна рабыня, сиамская девушка, умевшая ткать очень красивые саронги, вплетая в узор золотую нить. Это был настоящий дьяволенок: полиции не раз случалось ловить ее ночью. Но запереть ее в тюрьму не решались, потому что ее работа слишком ценилась. Поэтому ей к ноге прикрепили тяжелую цепь с деревянным ядром, как каторжнице, и при ходьбе она обыкновенно закидывала цепь за плечо.

Другая рабыня, сидевшая рядом с Петри Тимар, приготавливала бетель для принцессы. Она заворачивала орехи

бетеля в листья «сери», прибавляла туда кусочки сырого клея и гамбира (вяжущее вещество, приготовляемое из листьев местного кустарника, употребляющееся при окраске и дублении кож). Все это она толкла в ступке, потому что у Тимар были плохие зубы, и иначе ей трудно было бы жевать бетель. Тимар была еще не так стара, но стареющие малайские женщины выглядят всегда лет на десять — пятнадцать старше, чем их ровесницы-американки.

Кроме того, у нее вся левая сторона была парализована после апоплексического удара. Но это, кажется, нисколько не огорчало ее. Она всегда готова была послушать веселый рассказ или шутку: очень любила посмеяться. Я обыкновенно привозил ей какие-нибудь подарки, пустяки: дешесенькие украшения из Европы или несколько ярдов цветного шелку, или раскрашенную картинку, или, наконец, кусок душистого мыла.

Увидев меня, она сразу спросила:

— Что ты принес мне, туан?..

У меня было для нее такое сокровище, которое я показал ей только после того, как все приветствия были окончены. Это был иллюстрированный каталог универсального магазина в Чикаго. Все девушки, неслышно ступая своими босыми ножками, сбегались рассматривать картинки. Они болтали, как попугаи, пока я переворачивал страницы. Дамские башмаки страшно взволновали их. Они были уверены, что у женщин, которые носят такую обувь, ноги должны быть так же изуродованы, как у китайок. Когда я объяснил им способ употребления корсетов, изображенных на картинках, они почтительно подождали, пока Петри Тимар улыбнется, и тогда все закатились смеком.

— Видно, — воскликнула одна из них, — что женщины ии морем очень глупы!

Тимар наказала рабыню за грубость, выслав из комнаты. Когда мы дошли до шляпного отдела и женщины попросили меня, чтобы я сказал им цены, я пожалел, что захватил каталог с собой. Денег, заплаченных за одну шляпу, было бы для любого малайца достаточно, чтобы прожить год. В то время мода была на огромные шляпы, отделанные перьями.

— В Тренгане, — сказала, хмуря брови, Петри Тимар, — даме пришлось бы иметь особую рабыню, которая искала бы за ней такую огромную вещь.

Потом испугавшись, что она тоже была груба, она любезно попросила меня:

— Может быть, туан оставит мне эту странную книгу, и я тогда хорошенько рассмотрю все картинки сама?

Я, конечно, отдал ей книгу, и она была ей рада больше, чем моим прежним подаркам. Она спрятала ее под подушку и спросила:

— А туан расскажет мне какую-нибудь историю?..

Усевшись с поджатыми ногами на циновку, окруженный сидящими на корточках рабынями, я начал им рассказывать по-малайски сказку о «Принце-лягушке». Я рассказывал им множество сказок и раньше, но ни одна не нравилась им так, как эта. Из принца превратиться в лягушку и обратно — для малайского воображения это кажется совершенно естественным.

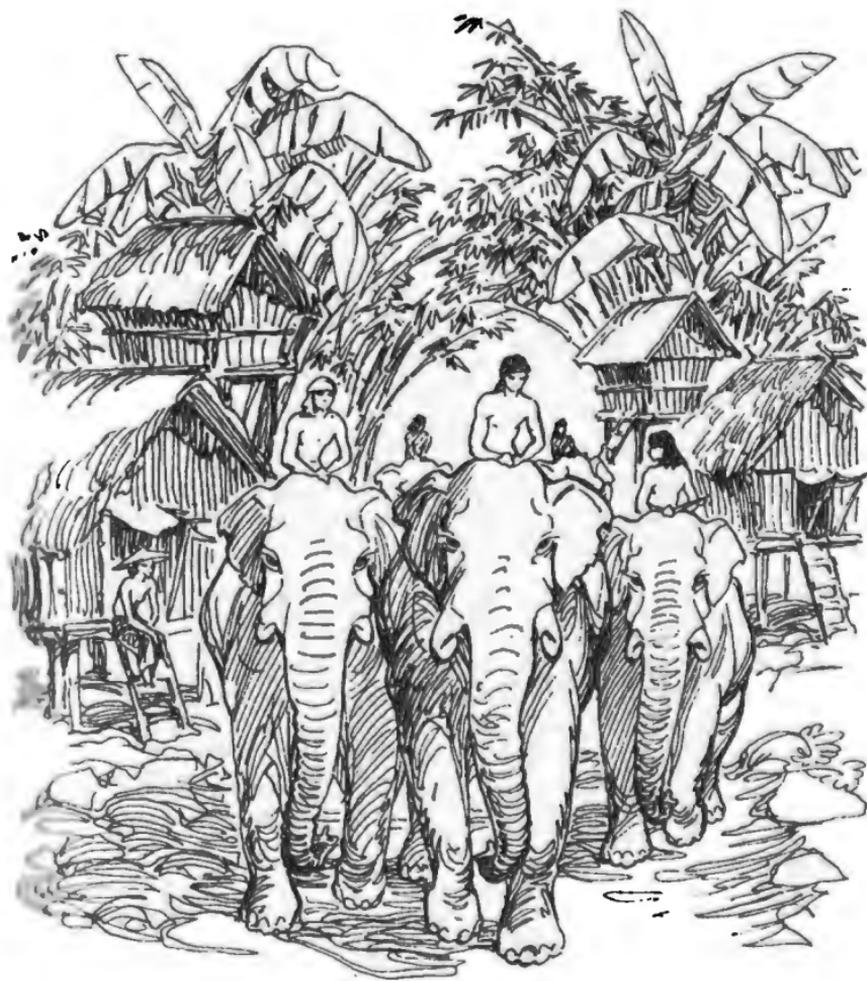
Потом сама Тимар начала рассказывать сказку. Сказка была очень страшная: речь шла о кампонге, где дома были сделаны из человеческих костей, а крыши вместо пальмовых листьев были покрыты длинными волосами съеденных женщин. Этот кампонг был построен тиграми, и жили в нем тигры. А старейшина был ночью тигром, а днем человеком. Тимар рассказывала такие ужасающие подробности, которые европейский рассказчик наверное бы опустил. Она двигала здоровой рукой, сопровождая рассказ жестами: половина ее тела оставалась неподвижна. Девушки вздрагивали и восклицали: «Такут!..» (Бюось) или «Хик-мат!» (Чудеса). Я сам дрожал от страха.

Петри Тимар была образованная женщина. Она изучала Коран и могла читать по-арабски со своим братом. Но когда я попробовал рассказать ей о женском движении, она приняла все это за шутку с моей стороны. Она была слишком благовоспитанна, чтобы высказать мне это прямыми словами, но я ясно видел, что она очень неважного мнения о западных женщинах.

Султан считал себя «передовым» человеком. Когда он ездил в Сингапур, он надевал европейский костюм и небольшую круглую шапочку. В таком виде он даже снялся. Он надевал воротник, но я никак не мог убедить его надеть и галстук; он наотрез отказывался «завязывать веревку вокруг своей шеи», как он выражался. Для него галстук был символом подчинения. Он думал, что достаточно ему «завязать веревку вокруг своей шеи», чтобы Англия обязательно потянула ее за конец... У меня хра-

нится его фотография: он в крахмальном воротничке, и шпонка на виду. Когда он отправлялся в путешествие, его обыкновенно сопровождала на пароход группа придворных, и перед ним шествовали его телохранители и разбрасывали деньги в толпу. Эти щедрые дары рассыпались в виде оловянных монеток: на наши деньги ценой в восьмую часть цента. Детишки кидались и дрались из-за них. Старшие сидели на корточках и кричали: «Счастливого пути!»

В количестве домашней обстановки моего друга султана далеко обогнал султан Лингги, к которому раз меня взял в гости Тунку-Безар. Этот султан пригласил меня в комнату, где было множество резных столиков, шкафчиков и

несколько рядов золоченых стульев на тоненьких ножках, стоявших так тесно, что в комнате положительно повернуться негде было. Мне стоило большого труда ходить не натываясь на мебель. Я сказал ему, что это очень красиво и что я никогда еще не видел комнаты, в которой было бы столько мебели. Он был очень горд и доволен.

Как-то, рассказывая ему, что олово употребляется для кровель, я вынул из кармана моего баджу конверт, чтобы на нем нарисовать чертеж. Его заинтересовала марка с портретом английской королевы. Я объяснил ему, как эта марка ходит по всему миру. Он сказал, что ему очень хотелось бы, чтобы и его портрет вот так мог путешествовать по миру на письмах... Мне пришло в голову, что если бы сделать марку Тренганы, а потом забросить клише в море, то среди собирателей марок это вызвало бы волнение, и марки получили бы большую ценность. Султану так понравилась моя мысль, что я написал об этом директору почты в Сингапуре. Вопрос был представлен британскому правительству, и после расследования пришел официальный документ с вежливым отказом на том основании, что, кроме меня и нескольких китайцев, в Тренганс никто не получает писем.

Вскоре после этого разочарования, в котором, к сожалению, султан обвинял Англию, он послал за рикшей. Когда рикшу выгружали с парохода, туземцы стояли кругом и дивились: они ничего подобного не видали. В первый раз, когда султан уселся в рикшу и поехал, за ним следовала толпа. Это оказалось очень кстати: так как дорог не было, а песок был глубокий и сыпучий, колеса увязли в него по ступицы, и пришлось тащить на руках и султана и рикшу.

Тунку-Безар глядел на эту затею с презрением.

— Рикша без дороги, — сказал он, — все равно что лодка без воды. Один Аллах может творить моря и реки, но я — так как у меня есть глина — могу сделать дорогу.

Он мечтал не о простой дороге, но о дороге, проложенной по западному образцу. Он приказал навозить глины на буйволах и сложить ее между двумя рядами китайских лавок. Потом он устроился под временным навесом и сам стал наблюдать за работами. Свита собралась вокруг него; болтали, смеялись и помогали ему наблюдать. Но больше было собеседников, чем работников. Когда глину разложили небольшими кучками, туземцы стали бить

по ней деревянными трамбовками: бух, бух... Шуму было много, работа длилась час за часом, а толку не было почти никакого.

Я вдруг вспомнил мои старые цирковые дни и тот способ, которым мы обыкновенно мягкий грунт делали пригодным для цирковой арены.

Я спросил Тунку:

— Зачем руки людей делают ту работу, которую могут делать ноги животных?

— Туан говорит загадками, — ответил он.

— Ку, — сказал я, — у султана четыре слона, у тебя тоже четыре, у каждого слона по четыре ноги. Ноги слонов утаптывают даже почву джунглей.

— Господин Слон, — воскликнул он, давая мне мое старое прозвище, — ты мудрый человек, а у меня цыплячи мозги!

Я рад был, что слонам наконец выпадает какая-нибудь работа. Со времени их поимки они ничего не делали кроме того, что ели, озаряли славой государство и забавляли детей. Дети сторожей играли с ними целыми днями, султанские дети тоже баловали их и кормили сахаром, слоны кричали от радости, как только видели ребенка.

Их привели и заставили ходить вереницей по мягкой глине в направлении к центру. Новое зрелище понравилось Тунку. Он сидел под крышей из циновок, разговаривал, смеялся и пил кофе. Туземцы толпились кругом, глаза на новую диковинку, а китайцы явились засвидетельствовать Тунку свое почтение.

Когда они ушли, он отправил одного из своей свиты к ним в лавки. «Получи что-нибудь с каждого из них за то, что я строю им дорогу».

Раз, когда я сидел с ним под навесом, он дал мне бирюзовый перстень, прибавив: «Носи его, туан! Ты мудр, но бирюза предохраняет от яда змей, ползающих на брюхе».

Малаец любит говорить загадками и притчами, и больше я ничего не мог от него добиться. Я чувствовал — он хочет дать мне понять, что, хотя Тунку-Хасана здесь нет, мне следует его остерегаться. Человек, хорошо знающий малайцев, мог бы заподозрить, что мне грозит опасность быть отравленным. Слуга малаккского принца подсыплет мне в пищу яду или толченого стекла, или рубленых бамбуковых волосков. Но этого я не боялся. Мой бой отдал бы за меня свою жизнь, а кроме пищи, приготовленной

его руками, я нигде ничего в рот не брал, за исключением обедов у Тунку-Безара, который разделял со мной кушанья, приготовленные для него лично. Помочь себе я никак не мог. Восточная интрига — это колеса в колесах. Я не хотел впутываться в интригу, решив добиться полного доверия со стороны султана. Я принял перстень от Тунку скорее как знак дружеского расположения, чем как предостережение.

Когда дорога была закончена (она достигла ярдов ста пятидесяти длины, то есть длины небольшого городского квартала), султана катали по ней в рикше, или же он гулял пешком в сопровождении свиты под большим желтым шелковым зонтиком.

В первый же день, как повели слонов утрамбовывать дорогу, случилось воровство. Это напомнило мне мою цирковую жизнь: был такой случай, что шайка воров, сговорившись с содержателем цирка, шарила по домам, в то время как весь городишко глазел на цирковой парад... Молодой туземец, пользовавшийся славой большого ловеласа, проник в пустой дом и украл какие-то драгоценности. Его поймали с поличным, поэтому сомнения в его виновности не было. Его привели на место, где совершались казни, — песчаную косу, где два года спустя должен был стоять мой дом, — его правую руку положили на дубовую плаху и отрубили ее у кисти одним ударом паранга. Култышку руки окунули в горячую смолу... Потом он с воем кинулся в реку. Крики и смех провожали его, пока он не уплыл из виду.

За первое воровство тут отрубают правую руку, за второе — левую ногу, за третье — левую руку.

В моих беседах с султаном я пытался объяснить ему наш способ суда с присяжными, старался я объяснить это и Тунку-Безару. Боюсь, что это мне не удалось.

— Человек украдет, а присяжные его оправдают, — сказал принц, — и он с ними поделится.

Единственным затруднением для него представлялось — как это преступник будет делиться с двенадцатью лицами.

Во время моего пребывания в Тренгане произошло одно убийство. Китаец и малаец вдвоем убили старую тетку китайца с целью грабежа. Они оставили ее, думая, что она уже мертва, но в ней еще теплилась жизнь, и она успела сказать подоспевшему соседу, кто были ее убийцы.

Они бежали в джунгли. Но ночью джунгли страшнее палача. Они держались на окраине; их поймали, привели и доставили на место казни. Малайца заставили сесть на

корточки. Руки его привязали назад к столбу, помещавшемуся за ним, и длинный меч рассек его правое плечо до сердца. Это сделал тюремщик. Китайца повесили.

Громадная толпа взрослых и детей глазела на это. Они были совершенно равнодушны к зрелищу страданий.

Я должен сказать, что это была последняя публичная казнь в Тренгане. Больше за воровство не отрубали ни рук, ни ног. Никакого эдикта в отмену закона не было издано; но Тунку-Безар решил, что преступнику — вору или убийце — лучше не жить. И отдал частное распоряжение — убивать на месте всякого преступника, который убежит в джунгли (как это всегда бывало) и там будет пойман.

Может быть, этот способ наказания был лучше, чем пытки в присутствии глазющей толпы, но все же я почувствовал, что проведение цивилизующих влияний в Тренгане было чем-то вроде моего долга по отношению к этой стране. Я хотел постепенно подготовить к этому султана и, выражаясь фигурально, впустить в Тренгану света и чистого воздуха. Но я был бессилён: Тунку-Хасан вернулся в Тренгану.

У каждого из малайских принцев есть своя свита, исполняющая роль тайной полиции. Ни у кого не было больше преданных слуг, чем у Тунку-Безара, и он всегда был осведомлен обо всем, что происходило кругом. Свои сведения он теперь решил сообщить мне. Он перестал говорить загадками. Тунку-Хасан через своих приспешников повлиял на султана, чтобы тот отложил всякое решение по поводу оловянной концессии. Даже если бы я хотел довести дело до конца, мне это теперь не удалось бы. Тем временем Хасан собрал группу китайцев, за которыми стоял китайский капитал. Он собрал достаточно денег, чтобы оплатить какую угодно концессию, если только султану угодно будет дать ее. Его поддержали по крайней мере полдюжины других младших принцев. Один только Большой Принц был за меня. Он посоветовал мне пойти к султану, объяснить ему положение дела и потребовать от него ответа сейчас же. Он сказал:

— Если человеку дать слишком много времени, он заиснет. И кто знает, что ему приснится. Хасан влил много лжи в его уши. Теперь он поет ему о перстнях, бриллиантовых пряжках и дожде долларов от китайцев. А сам Хасан хочет только одного: добраться до кокосового ореха, чтобы высосать из него все молоко. Ступай, туан!

Исполняя его совет, я слишком поторопился предстать перед султаном — с ним была его первая жена, и лицо ее было открыто. Я никогда еще не видел ее и испугался, что она смутится, а султан будет этим недоволен. Я отвесил ей низкий поклон. Я понял, что она знала меня, — наверно, не раз смотрела на меня из-за решеток.

Она тихо промолвила:

— Туан, человек, который мудрее диких зверей в джунглях, наверно, обладает большой мудростью.

И бесшумно удалилась.

Когда я уселся на полу напротив султана, то в коротких словах сообщил ему свое предложение. Все, чего добивались мои друзья англичане, — это аренды на шесть месяцев на участок земли в Кемамане (южный округ Тренганы) и разрешения пригласить экспертов исследовать почву. Они просили права по истечении этого срока получить концессию на участок, но предлагали привилегию эту получить в виде конгси (товарищества), в котором одним из акционеров будет раджа Муда (наследник престола). Таким образом, концессия не попадает целиком в иностранные руки. Они предлагали султану крупную сумму за аренду, а в случае, если исследование даст хорошие результаты, еще большую сумму за концессию и, кроме того, десять процентов со всякого добытого минерала.

Султан вытащил конверт из кармана. Это была копия письма, написанного по-английски, которой он не мог прочесть. Он протянул мне письмо.

— Мне сказали, — промолвил он, — что в этом письме доказано, будто все, чего ты просишь, ты просишь в свою пользу; что это общество, о котором говорится так много, один воздух, что таких англичан вовсе нет. Переведи мне это письмо, туан...

Я пробежал письмо. Это была копия условия, что я буду получать известный процент в случае успеха дела.

Я вернул письмо султану.

— Если слова, которые ты слышал, Ку, правдивые слова, то, значит, я лжец и вор. А если я лжец и вор, то ты и Тунку-Безар, которые так долго верили мне, оба безумцы.

Я взглянул прямо ему в глаза.

— Если люди начнут так скоро превращаться из правдивых в лжецов, то цыплята начнут выводиться из утиных яиц. Письмо, которое ты держишь в руках, может тебе перевести каждый, кто читает по-английски, но если я

лжесц, Ку, то ты не можешь верить, что я переведу его тебе правильно.— Я поднялся как бы для того, чтобы уйти.

— Постой, туан,— остановил он меня.— Когда человек сидит на верхушке дерева, как я, то многие хотят обрубить сук, на котором он сидит, а те, кто сидит рядом с ним, хотят съесть все плоды.

Со смущенным выражением, которое так часто у него бывало, он ударил в ладоши.

— Позови Мохаммеда,— приказал он появившемуся прислужнику.

Пришел Мохаммед, придворный писец, согнувшийся вдвое от почтения, с бумагой, чернилами и гусиным пером.

Султан начал диктовать. «Саламат» (привет) — так начиналось послание. Он продиктовал просто и отчетливо согласие на просьбу и условия моих друзей. Султан произносил слова по-малайски, писец переводил их на арабский язык и записывал. Потом зажгли свечу, нагрели стальную печать и вместо сургуча наложили печать ламповой копотью.

Султан протянул мне договор, прибавив:

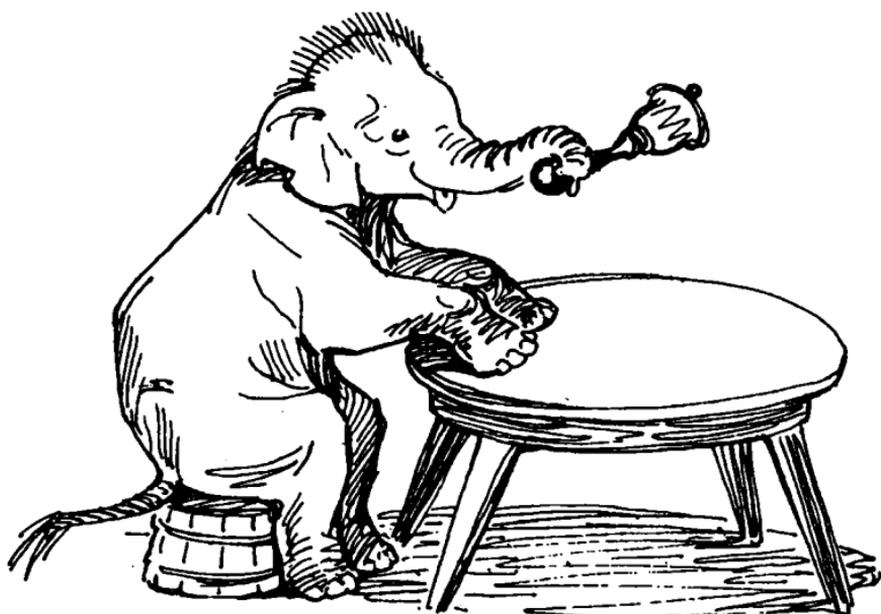
— Туан, я при тебе становлюсь похожим на буйвола с кольцом в носу: ты заставляешь меня идти, куда хочешь...

— Если это так,— ответил я,— то я надеюсь, что я приведу тебя и твою страну к богатству и миру.

Я взял бумагу и вышел, пятясь задом и отвешивая поклоны.

Тут же у выхода я столкнулся с Тунку-Хасаном, который спешил к султану. Он остановился, увидев бумагу в моих руках. Эта бумага означала его поражение. Я гордо прошел мимо него. Я знал, что эта бумага — первая ласточка цивилизации, которой суждено соединить Тренгану со всем остальным миром.

Глава одиннадцатая
ЦИРКИ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

В результате моей удачной охоты на Суматре мой зверинец в Сингапуре был переполнен, несмотря на то что помещение было очень просторное. Прежде тут были коюшни со множеством стойл, построенных по четырем сторонам открытого двора, представлявшего квадрат в сто футов, с хорошим колодецем посредине. Налог на воду в Сингапуре очень высок. Животные много пьют, и, кроме того, их необходимо содержать в чистоте. Колодец был важным приобретением. Легко было превратить все это место в помещение для диких зверей, ожидающих своей очереди быть проданными. С одной стороны шли клетки для больших и малых животных кошачьей породы, с другой — легкие клетки для обезьян и птиц, а с третьей — стойла для слонов, ланей, буйволов и носорогов. Дом, где жили мои шесть туземных помощников, тоже выходил во двор. Все они жили здесь со своими семьями. Нельзя сказать, чтобы место было тихое, но у малайских женщин крепкие нервы, а ребяташки не променяли бы этого места на дворец: подумайте, все равно что жить в цирке. Каж-

дый день цирк! Мой собственный дом был как раз за стойлами. Я так привык к постоянному шуму, что не замечал его, разве только когда заслышу какой-нибудь тревожный рев или вой. Туристы и английские обитатели Сингапура часто навещали нас, и мы были им очень рады. Но туземцы и китайские кули пришли бы к нам целыми толпами, если бы мы не назначили входную плату в «два сен» (два цента).

Выручка шла на покупку сырого мяса для кошек, а то, что оставалось сверх этого, — поступало сторожам. Они были искусными «зазывателями», а так как мой дом помещался в самом городе, то поток туземцев и китайцев почти не прекращался, причем сторожа наловчились проводить публику по зверинцу так быстро, что те, уходя, опять возвращались, приводя с собой приятелей и не жалея заплатить еще два цента, чтобы лишний раз взглянуть на виденные мельком диковины. Китайские кули смотрели, разинув рты, и восклицали «уэ!», что у них означает крайнее удивление.

Любимцем публики была Тимар, маленькая слониха, дитя нашего зверинца. Имя это ей дали в честь Тимар, сестры султана и первой жены Тунку-Безара. Тимар была исключительная женщина, а наша маленькая Тимар — очаровательным слоненком. Ей было всего восемь месяцев от роду, и в обычных условиях жизни она была бы еще сосунком. У нас она питалась главным образом рисом, мягкой сердцевиной банановых веток, нарезанной мелкими кусочками, и самими бананами. Я особенно внимательно наблюдал за ее режимом. Она играла во дворе и постоянно шалила и проказничала. Она очень любила лестницы, вечно взбиралась по моей лестнице и старалась забраться ко мне в дом. Я ее не пускал, но жены моих сторожей были более гостеприимны, и я сильно подозреваю, что они приглашали Тимар к себе играть с детишками.

Когда мне нечего было делать, я забирал Тимар в тень около моего дома и дрессировал ее. Я заказал для этого очень прочный стул и стол. Я сажал слоненка на стул перед столом, а на стол ставил колокольчик с деревянной ручкой. Потом заворачивал хобот слоненка вокруг ручки и дергал хобот взад и вперед. Когда раздавался громкий ливнок, я давал Тимар кусок сахара. Она визжала от удовольствия, так ей нравилась эта игра. Я повторял это подолгу, пока мне не надоедало, потом объявлял: «Довольно

на сегодня!» Но куда бы я ни пошел, я видел хоботок, который махал мне и приглашал: «Давай играть!» На другой день, улучив свободную минуту, я выносил на двор стул и стол. Тимар сразу прибежала ко мне. Для нее эти предметы ясно означали куски вкусного сахара. Я держал в руке хлыстик, но никогда не наказывал Тимар. Опять ставил на место стол и колокольчик, сажал ее на стул, и начиналась настоящая игра в терпение, «пасьянс», как это называют: обернуть хоботок кругом ручки — звонок — кусок сахара. Обернуть хоботок — звонок — кусок сахара. Дорого бы я дал, чтобы иметь возможность просто сказать: «Тимар! Позвони — получишь сахару». В один особенно душный день я прервал игру на самом интересном месте и загляделся на крутой лобик Тимар, стараясь представить себе, что происходит в ее мозгу. Как вдруг услышал слабый звонок. Тимар наскучило ждать меня, и она сама позвонила. С тех пор она усвоила себе, в чем суть игры.

Она была прямо влюблена в собственный голос. Стоило ее немножко подразнить, как она начинала кричать. И распевала же она!

Я очень полюбил ее и надеялся выдрессировать так, чтобы она не только умела проделывать разные штуки, но делала бы их сознательно; так выдрессировать, чтобы можно было рассчитывать на ее повинование (это самый последний и самый трудный шаг в дрессировке животных). Я работал с ней всего недели три, а диплом получить ей нельзя было раньше месяца, как вдруг в город приехали «Летучие Джорданы». Старший из братьев Джорданов только раз увидел Тимар и сейчас же спросил, не продается ли она.

— Здесь все животные для продажи, — ответил я.

Он и торговаться не стал; немедленно вынул пятьсот мексиканских долларов, которые я спросил за нее, и отдал мне. Тимар стоила этого. Мне было очень больно расставаться с ней, а маленькая дочурка моего главного надсмотрщика доплакалась до того, что захворала.

Этим самым «Летучим Джорданам» я хотел оказать еще услугу. С ними был артист-велосипедист. Как-то я увидел, как он в бильярдной комнате гостиницы размахивает большой пачкой банкнотов. Я отвел его в сторону и сказал:

— Хотите получить добрый совет? Отдайте эти деньги на сохранение в контору гостиницы: их запрут в несгораемый шкаф. У нас в Сингапуре есть китайские воры, которые у вас сумеют собственными глазами украсть, если вы издаетесь.

— Слушайте, Майер,— ответил он,— я всю жизнь скиплюсь по миру, и никогда еще меня не обокрали. Не такой я человек, чтобы нравиться карманным ворам!

Несколько дней спустя у него из-под подушки ночью выкрали все деньги. Он пошел, купил револьвер и лег спать с револьвером под подушкой. Наутро исчез и револьвер.

Он рассказывал мне об этом хриплым шепотом; веки у него были совсем красные.

— Вам нечего стыдиться,— утешил я его.— В Сингапуре это вещь обычная. Тут, например, как-то судья разбирает дела при полицейском управлении. Вошел китаец и начал возиться с большими стенными часами, которые там висели, будто чинил их. Он так шумел, что судья заорал на него: «Да возьми ты эти часы и убирайся!» Китаец взял их, и с тех пор только его и видели!

Эта история очень утешила велосипедиста, и он рассказывал ее с увлечением всем и каждому.

Еще до моего отъезда в Сингапуре была реорганизована система тайной полиции, так что было совершенно невозможно узнать, кто сыщик, а кто нет. Любой туземец, прикрытый только куском ткани кругом бедер, мог оказаться «мата глап» (темным глазом), как малайцы называют сыщиков. Но предприимчивым ворам все-таки было издолье благодаря тому, что правительству требовалось большое число рабочих, и воры могли выдавать себя за рабочих.

Инспектор Джонс рассказывал мне, например, следующий факт. Раз в центральное управление полиции явился шряд китайцев-рабочих с инструментами и лестницами. Они взобрались на металлическую крышу дома, отодрали ее, свернули, свалили и увезли на повозках с собой. Она была сделана из сплава свинца и меди и представляла большую ценность как материал для джонок (китайских лодок). Воры заменили снятую крышу каянгом, чтобы защитить дом от дождя, и прошла целая неделя, пока полиция спохватилась, что у нее украли крышу над головой.

К тому времени крышу давно переплавили и продали. Полицейское управление находилось в руках европейцев. Кто из них мог сказать, которые из кули были ворами? Все кули для них были на одно лицо. По словам инспектора Джонса, они казались одинаковыми не только европейцам, но и местным полицейским — мата-мата (глаз да глаз) закона.

— Как-то,— рассказывал мне инспектор Джонс,— туземному полицейскому поручили отвести партию арестованных китайцев из суда в тюрьму. По дороге один из них убежал. Тот, не долго думая, обернулся, схватил за шиворот первого попавшегося китайца, проходившего мимо, и таким образом привел в тюрьму необходимое количество арестованных.

Я видел, как туземный полицейский вел в Сингапуре группу арестованных китайцев — по трое или четверо в ряд, связанных за косы. Полицейский держал их за концы кос и гнал перед собой как скотину. Для вора коса представляет большое неудобство: если он бросится бежать, его легко схватить за косу и поймать. Поэтому воры часто втыкают в свою косу булавки и кривые шпильки, чтобы тот, кто схватит ее, сейчас же выпустил ее из рук; или же смазывают косу жиром, так что она становится скользкой, как угорь.

Однажды рано утром, на рассвете, я услышал, что кто-то кричит изо всей силы: «Мата-мата!» Я высунулся из окна и увидел моего соседа Ламберта, содержателя каретного заведения, который тоже высунулся из своего окна. Но кричал и звал полицию не он. Ламберт начал звать свою собаку и тут я понял, в чем дело. Наверху находился Ламберт, внизу — пес его, огромная охотничья собака, а между ними двумя — китаец, стоявший на бамбуковых ходулях, с помощью которых он забрался в дом Ламберта. Он еще держал в руках узел с награбленными вещами. Собака поджидала вора, чтобы вцепиться в него. Он не мог двинуться ни назад, ни вперед и начал звать полицию на помощь. Меня взял такой смех, что я ничего с собой не мог поделать. Наконец появился полицейский, Ламберт отозвал своего пса, и «чинка» повели в тюрьму.

Обыкновенно считается, что Восток в смысле разных «трюков» перещеголял всех мировых мошенников. Но мои цирковые наблюдения научили меня, что содержатель до-

брого старого американского цирка заткнет за пояс любого китайского вора в умении приобрести денежки и не угорить в тюрьму. Самый ловкий из всех, кого я знал, был старый Поджи О'Брайан. Поджи походил на деревенского фермера и одевался под фермера, за исключением торжественных дней, когда он носил бриллиантовые пуговицы на жилетах. Когда его цирк по дороге переезжал через мост, где берут пошлину за переезд, каждый из правивших фургонами должен был указать назад большим пальцем и сказать:

— Хозяин едет сзади, он уплатит.

И Поджи, наконец, появился в своем шарабанчике, запряженном старой клячей, а рядом с ним восседала его верная Мэри, ни дать ни взять, добрая фермерша с виду.

Сторож у заставы спрашивал:

— Это ваш цирк проехал?

Поджи сплевывал и свирепо смотрел на него.

— Неужто мы с моей старухой похожи на этих проклятых цыган?

Собиратель пошлин неизменно извинялся перед ним, а Поджи величественно махал рукой и отвечал, проезжая: «Ничего, ничего!» Сборщик оставался дожидаться хозяина цирка...

Старый Поджи находил, что деньги надо добывать какими бы то ни было способами и копить их на черный день во что бы то ни стало. Одним из его способов добывания денег было предоставление концессий карманным ворам. Трое-четверо его знакомцев-воров работали у него в цирке. Он их не выдавал, а они за это отсчитывали ему половину выручки. Как-то появилась шайка, не привыкшая к обычаям Поджи. После первого представления они передали ему всего десять фунтов. Поджи фыркнул, но принял. На следующий вечер еще десять фунтов. И на следующий то же самое. Поджи был вне себя.

Когда публика выходила из палатки, он стал у входа на лимонадную стойку и громогласно обратился к присутствующим:

— Леди и джентльмены,— завопил он,— до меня дошли слухи, что в цирке завелись карманные воры. Осмотрите свои карманы, леди и джентльмены, и если у вас чего-нибудь неостанет, скажите мне; я постараюсь разыскать виновных.

Один из членов шайки, глядя на него во все глаза, пробормотал:

— Что вы затеяли?..

Поджи нагнулся к нему:

— Пора вам утекать, вот что... Надоели вы мне с вашими десятью фунтами!

Поджи редко засиживался на одном месте дольше дня и, уезжая, оставлял за собою целую массу неоплаченных счетов. Раз он чуть было не попался. Это было в Трое, в штате Нью-Йорк. В то время как он раскидывал там свою палатку, явился шериф. Шериф намеревался описать за долги все, что только возможно.

Но старый Поджи рявкнул на него:

— Видите медную доску на фургоне со зверинцем? И вот ту, на клетке?.. Кажется, на них ясно написано: «Собственность Адама Форпау-младшего». Если бы на слона можно было прибить медную доску, то на ней тоже стояло бы «Собственность Адама Форпау-младшего»... Палатка? Палатка принадлежит моей жене Мэри.

— Что же принадлежит вам?

— Билеты и четыре шеста.

Шериф взбесился. Лицо у него стало грозное. Поджи решил его задобрить:

— Вот что, господин шериф,— сказал он,— вы нам разрешите устроить парад с барабанным боем по всему городу. Вернувшись, мы дадим представление на славу, и вы наложите арест на всю выручку до последнего цента. Идет?

Шериф успокоился, и Поджи торжественным парадом повез весь свой цирк, кроме билетов и четырех шестов. Парадное шествие двинулось кругом всей Трои — за Трою — за пределы штата — прямо в Медвилль, в Пенсильвании. Это был самый длительный парад на нашей памяти!

Когда кто-нибудь из сотрудников просил у Поджи денег, Поджи всегда требовал отчета, на что он собирается истратить деньги. Один сотрудник как-то ответил ему: «На рубашки и носки».

Поджи воскликнул: «Вы меня удивляете!.. Мало, что ли, у нас веревок для сушки выстиранного белья?»

Людей Поджи прижимал, но зверей он содержал хорошо, а своего единственного слона кормил с утра до вечера. Заботы о слоне доказывают, что Поджи был умен: слон —

главный актер настоящего цирка. Я говорю, конечно, об азиатском слоне. Африканский слон совсем другое животное: не так умен, длинные ноги, длинные отвислые уши, вообще некрасивый и неуклюжий. Слон из Азии — лучший товарищ. Дрессировка добродушного азиатского слона для меня игра, а не работа. Часто бывает, что самый легкий для дрессировщика и для животного трюк публике кажется самым трудным.

Один из наиболее распространенных трюков — слон становится на голову. Зрелище это удивительное и всегда вызывает бурю аплодисментов; но даже и глупые животные — какими в большинстве случаев бывают слоны — легко выучиваются этому трюку. Сперва слона подводят к стене и плотно прислоняют к ней так, чтобы он чувствовал, что для его большой тяжести есть надежная опора. Передние ноги ему спутывают. К задним ногам прикрепляют канат с блоком. Голову прижимают к полу, а задние ноги и туловище постепенно приподнимают с полу. Это работа трудная, потому что вес у слона огромный. С каждым днем его поднимают все выше и выше. Когда он привыкнет к этому, с передних ног снимают путы. Потом наступает наконец минута, когда, почувствовав, что его задние ноги начинают подтягивать кверху, он сам поднимает их. Дрессировщик знает тогда, что игра выиграна. Слон понял, в чем дело. Его ласкают, хвалят и угощают любимыми лакомствами. Он очень доволен собой. Теперь он скоро выучится стоять на голове.

Научить слона садиться еще легче. Обучение требует сидель трех — не больше. Слона прислоняют к стене, перед которой ставят стул. Стул должен быть прочен, как скала, потому что слон, на опыте убедившись, что весом он не легенький, страшно боится шатких сидений. Когда его задние ноги коснутся стула, его колют палками и толкают назад, пока он не сядет; при этом командуют: «Сядись!». Он всегда предпочитает «сесть» раньше, чем его начнут колоть острой палкой. После этого он получает любимое угощение. Мой знакомый слон в виде награды за то, что сядет, получал одну шоколадную конфетку (его ежедневная порция еды весила полтонны!).

Я ненавижу, когда слонов заставляют ложиться. Когда слон ложится в джунглях, к нему сейчас же забираются и хобот и в уши муравьи и всякие ползучие твари, и поэтому он привык думать, что ложиться всегда очень

неприятно. Это кажется легким, но обучают лежанию очень жестоко. Слона колют в бок острием, и все в одно и то же место, пока он не ложится инстинктивно, чтобы защитить раненое место. Это очень жестокий способ по отношению к доброму слону, который никогда не сердится на тех, кого знает. В мои былые цирковые дни мне случалось наказывать слона во время дрессировки, потом приласкать его,— и я мог лечь прямо перед ним на землю и лежать совершенно спокойно, зная что если кто-нибудь захочет обидеть меня, то поплатится жизнью.

Один мой приятель приучил слона к тому, что как раз перед началом номера слон получал морковь. Раз мой приятель заболел, а заменявший его товарищ забыл захватить морковь. Когда слон вышел на арену, он ясно дал понять дрессировщику: «Моркови нет — и номера не будет!»

— Ради Бога, морковь! — как на крыльях полетело кругом. Публике объяснили в чем дело. Появившуюся морковь встретили шумными аплодисментами.

Этот случай обошелся благополучно. Но раз, в Бингемптоне, в штате Нью-Йорк (я работал тогда в цирке братьев Селльс) случилось, что два слона прямо с ума свели и кассу и дирекцию. Слоны любят воду еще больше, чем малайцы, и великолепно плавают. У нас были два слона — Красавец и Мэм. Они уже больше недели не купались по-настоящему, и вот дрессировщик решил дать имволю поплавать в реке Ченанго. Это было ошибкой. Красавцу и Мэму слишком понравилось в воде. Они решительно отказывались выйти из реки, и единственным их ответом на зов сторожа были крики восторга. По городу разнеслось с быстротой молнии, что на реке даровое зрелище, какого еще не видывали здесь. Толпы собрались на берегу, любуясь слонами: мужчины, женщины, дети... Красавец и Мэм пускали фонтаны воды из хоботов. Дрессировщик был совершенно беспомощен. Ему оставалось только не отходить от реки, пока слоны не накупались и не вышли на мелководье, тогда он сам полез вброд и загнал их на берег. К счастью, публике захотелось полюбоваться на этих «водяных» животных, и хотя начало представления запоздало, но цирк был переполнен.

Самые ужасные минуты в жизни мне пришлось пережить благодаря одному вполне благонамеренному

слону. Это было в Аделаиде, в Австралии, в 1884 году. Я работал тогда в цирке Фрайера, был молод и смел. В один прекрасный день наш режиссер Фицджеральд задал мне вопрос:

— Чарли, хватит у тебя смелости дать слону перешагнуть через тебя?

— Хватит, если у меня в руке будет острый гвоздь.

— Бери хоть целый бочонок гвоздей, если за этим дело!

Я взял гвоздь и отточил его до остроты иголки.

Хозяином слона был португалец Джо Румани. Надо ему отдать справедливость, он был не столько укротитель, сколько дурак. У него была маленькая слониха Мэг. Из этих двоих — дрессировщика и Мэг — весь ум выпал на долю Мэг. Трюк должен был быть таков: я растянусь на песке арены, а Мэг пройдет надо мной во всю мою длину. Мы начали обучать ее на соломенном болване. Она брезгливо приподнимала ноги и ни за что не хотела наступить на него: слоны терпеть не могут становиться на что-нибудь мягкое. Наконец, я сказал Джо, что попытаюсь проделать трюк. Он купил бутылку виски, чтобы отпраздновать это событие после представления, но, помимо моего ведома, от волнения хватил порядочную долю виски до представления. Лежа на спине, на опилках, усыпавших арену, я увидел приближавшегося ко мне Джо, который вел Мэг. Он шел зигзагами и вел слона боком. Единственным необходимым условием для нашего трюка было, чтобы Мэг находилась по абсолютно прямой линии с моим туловищем.

— Веди ее прямо, — одним углом рта сказал я ему так громко, что публика могла услышать мои слова.

Но Джо от радости не слышал ничего. Он поставил слона надо мной, потом потянул вперед. Мэг старалась как могла, но она была в совершенно неправильной позиции. Когда Мэг уже миновала мои ноги, я увидел, что ее правая нога находится прямо над моей головой. Я подумал, что мне пришел конец... К счастью, гвоздь был со мной. Я быстро воткнул его ей в ногу, и она так быстро отдернула ее, что ей удалось только задеть мой лоб и содрать кусочек кожи. Я даже боли не почувствовал, в таком я был состоянии: почти без сознания от волнения. Публика так и не заметила ничего, думая, что все идет как следует. После представления я поговорил с Джо Ру-

мани при помощи кулаков. Его отнесли в госпиталь, а я больше в этом номере не выступал.

Слоны редко размножаются в неволе. Единственным исключением из этого правила была Колумбия.

Колумбия была слониха, которая родилась в зверинце Купера и Бэйли. Это был первый случай в Америке. В то время Барнум и Бэйли были соперниками. Барнум прислал Бэйли телеграмму, предлагая ему 100 000 за новорожденного слона. Бэйли сейчас же заказал огромный плакат с копией телеграммы Барнума, и под ней двухфутурными буквами была надпись:

«ПРОЧТИТЕ, ЧТО ДУМАЕТ м-р БАРНУМ
О НАШЕМ НОВОРОЖДЕННОМ СЛОНЕНКЕ».

Барнум таким образом дал своему сопернику в руки необыкновенно выигрышную карту. Колумбия стала козырем в игре. Впоследствии, когда совершилось великое слияние Барнума и Бэйли, она была у них в зверинце. Но, может быть, общее баловство испортило ее, потому что, начиная с двух лет, она стала выказывать признаки скверного характера. И чем старше она становилась, тем хуже шли дела. Она пускала свой хобот в ход главным образом для того, чтобы бить сторожей, причем двух или трех из них серьезно ушибла, а к семи годам ее пришлось держать связанной. Из принципа мистер Бэйли не мог держать у себя слона с таким скверным характером, но из того же принципа он ни за что не продал бы слона: таковы уж были его понятия о чести. Когда Колумбии минуло восемь лет — она была уже почти взрослой к этому времени, — он приговорил ее к смерти... Не нашлось никого, кому можно было бы поручить застрелить ее. Убить слона наповал — вещь нелегкая. Поэтому Колумбию решено было удавить. Ей накинули на шею две веревки, и двух слонов заставили тянуть их в разные стороны. Она умерла по вине своего скверного характера.

Слоны, по моему мнению, самые интересные животные в мире, и они заслуживают серьезного и глубокого изучения. Дрессировка больших животных кошачьей породы — львов, тигров, леопардов — совсем другое дело. Они довольно умны, но им не хватает того желания учиться, той доброй воли, которая есть у слонов. Однако когда

они выучатся чему-нибудь, они входят в роль и проделывают свои трюки с удовольствием. По моим наблюдениям, со львом легче справиться, чем с тигром: он ленивее в своих движениях и не такой злой. Но даже льва никак нельзя заставить проделать что-нибудь замечательное. Он прыгает в кольцо и позирует вместе с остальной группой на пьедестале — не больше: царь зверей не царь среди актеров. А проскочить сквозь огненное кольцо хватает храбрости только у взрослых львов и тигров. Громкого холостого выстрела достаточно, чтобы управлять зверями кошачьей породы. Селаданг — единственный зверь, который не боится шума. Всего труднее поддаются дрессировке черные леопарды. Среди них почти нет дрессированных, и очень мало находится сейчас в выучке.

Если бы тигра можно было заставить показать на арене цирка свою силу или длину своего прыжка — это было бы удивительное зрелище. Мне случалось видеть, как тигр после борьбы в джунглях уносил в свое логовище животное весом фунтов в двести. Тигр может прыгать на огромное расстояние. Раз я измерил длину прыжка кенгуру в Австралии, когда он убежал по кустарнику. Прыжок был длиной в тридцать шесть футов. Но тигр без разгона может прыгнуть дальше футов на пять или даже на десять.

Один из красивейших тигров, которого я видел — его звали Раджа, и я не забуду его до моего смертного часа, — принадлежал цирку Хармстона. Хармстон — это восточный Барнум. Он обыкновенно давал представления в Индии, в Сингапуре, затем переезжал в Гонконг, Шанхай, Японию и на Яву. Я его встретил как-то в Калькутте, где был по делу. Почти весь мой досуг я проводил в цирке с Бобом Ловом, директором. Представления давались месяц, причем программа менялась каждую неделю. Иногда какой-нибудь принц или магараджа скупал все представление, и цирк был закрыт для публики. Вот тебе и публичные представления!

Особенно интересными считались те вечера, когда Боб Лов устраивал гонки местных лошадей: пятьдесят рупий — первый приз — получал владелец лошади, которая лучше всех брала препятствия, и еще два приза. Обыкновенно записывались шесть-восемь австралийских лошадей. Публика очень любила гонки.

Странную толпу собирал в свои стены цирк Хармстона в Калькутте! Тут были люди со всех концов земли. Вход-

плата назначалась от восьми анна до четырех рупий. Черное представление начиналось в девять часов. Офицеры и штатские из иностранцев являлись во фраках, по парадному, и усаживались в ложах, шедших по барьеру арены. За ними находились обыкновенные места, расположенные амфитеатром. Одни стулья были покрыты красным ковром, а другие — нет. Это соответствовало креслам в галерее. В креслах сидели туземцы высшего класса и европейцы, если только они не были в состоянии купить ложа, а на галерее сидел всякий другой народ. Индо-остинские, магометанские и бенгальские женщины не имели права сидеть там, где мужчины, и должны были закрывать свои лица. Поэтому места для них были отгорожены сеткой, натянутой на бамбуковые колья: она не мешала им видеть все происходившее, но отделяла их от остальной публики, как стеной. Некоторые ложи тоже были завешаны занавесями. Европейские женщины и тамилки сидели рядом со своими мужьями или отцами. Смешивались персидские кимоно, парижские туалеты, босые ноги, французские каблуки и шелковые чулки, тюрбаны и гладкие непокрытые головы. Представления-гала у Хармстона объединяли всевозможные моды, костюмы и манеры.

Во всех программах и во всех представлениях, как публичных, так и частных, один номер оставался неизменным: австралиец Джордж Кинг и его огромный тигр Раджа. Раджа был ростом в девять футов, восьми лет от роду и весил триста пятьдесят фунтов. Он был очень красивый. День за днем, вечер за вечером, в течение двух лет Кинг входил к Радже в клетку с хлыстом и заставлял его работать. У зверя была худая слава, которую, конечно, из-за выгоды для цирка, еще преувеличивали. Говорили, что он истребитель людей, что он опасен. Я знал наверное, что он убил четырех мужчин. Однако казалось, что Кинг любил Раджу и что тигр платил своему дрессировщику привязанностью. Конечно, Кинг всегда сам кормил тигра. Тот был приучен брать куски сырого мяса у Кинга из рук. Кинг обычно ласкал тигра, пока он ел, потом, приманивая его к самой решетке, чесал у него за ушами. Раджа мурлыкал, мурлыкал, тихо ворчал, потом начинал мяукать, как огромный кот. Потом он ложился на спину и катался, пока Кинг смеясь разговаривал с ним.

Когда Джордж Кинг не работал с тигром, он исполнял в цирке незаметную обыкновенную работу, помогал уста-

навливать декорации, прибирал зверинец. В цирке все работают усердно. Получал он в месяц сорок фунтов на всем готовом, то есть стол, квартиру и помещение. Но когда он выходил на арену — тут он был и необыкновенный и заметный. Он был высок ростом и красив. Одевался в ярко-красную куртку, расшитую золотом, красные шаровары, высокие сапоги и красную с золотом шапочку.

Однажды он закутил вовсю. В Калькутте много спиртных напитков, и хороших и плохих. Раз по долетевшему до меня запаху я понял, каким сортом вина напивается Кинг. Я сказал ему:

— Кинг, лучше бы вы бросили пить. Иначе вам когда-нибудь не выйти из клетки: вас вынесут оттуда.

Он засмеялся.

— Полно, Майер, я свою кошку знаю от кончика носа до кончика хвоста.

Этот ответ мне не понравился. Когда Боб Лов заключал контракт с каким-нибудь укротителем диких зверей, он всегда заставлял укротителя подписать бумагу о том, что он, укротитель, знает, на что идет, и действует на свой риск и страх. Обыкновенно укротители с легкостью соглашались подписать такую бумагу. Но дело в том, что на земле не существует человека, который знал бы тигра от кончика носа до кончика хвоста, и нет тигра, который знал бы, что может сделать человек. Оба являются загадкой друг для друга. И человек, у которого голова недостаточно ясна, чтобы перехитрить тигра, погиб.

В тот вечер, когда назначено было состязание лошадей, Кинг решил остричь Радже когти. Он привязал тигра к решетке, вытащил его лапу наружу, вынул небольшую острую пилку и начал свое дело. Но он был так сильно пьян, что рука его дрожала, и последний коготь он обрезал слишком близко к мясу. Раджа завыл, а Кинг расхохотался. Когда он отпустил веревки, зверь забился в дальний угол клетки и стал зализывать лапу.

Представление шло очень удачно в этот вечер, и все номера имели шумный успех. Цирк был старого фасона — круглый, так что отовсюду все было хорошо видно. На состязании лошадей выиграл общий любимец, и публика бесновалась от восторга.

После того как состязание окончилось и призы были розданы, на арену вкатили клетку Раджи и поместили ее посреди арены. Клетка состояла из двух частей: большей —

где помещался тигр, и меньшей — устроенной так, что укротитель мог пройти в нее через дверцу, затворить дверцу за собой и тогда уже пройти к тигру во внутреннюю дверцу. Когда укротитель выходил из клетки, он всегда шел спиной к зрителям, лицом к тигру, пристально смотря ему в глаза. Боб Лов следил за тем, чтобы по обоим сторонам клетки всегда стояли наготове два человека с длинными острыми железными пиками, на случай, если зверь закапризничает и надо будет помочь укротителю.

В то время как я стоял у входа и разговаривал с Бобом, Джордж Кинг вышел на арену. На его лице играла усмешка, которая что-то не понравилась мне, а его красная с золотом шапочка была ухарски сдвинута набок. Он бил клыком по своим глянцевиным сапогам. Его встретили громом аплодисментов, он поклонился, коснувшись своей шапочкой опилок арены, и вошел в первое отделение клетки. Оркестр заиграл тревожную трель, словно ожидая чего-то... Кинг распахнул вторую дверцу, споткнулся, ухватился за решетку и кинулся вперед. Раджа бросился на него, сбил его с ног одним ударом лапы и начал грызть, как крысу. Все это случилось с такой молниеносной быстротой, что люди с пиками на секунду замерли, точно парализованные. Публика закричала. Я никогда не слышал такого странного звука — это было смешение всех человеческих криков вплоть до истерического хохота. Наконец в Раджу вонзили с двух сторон пики. Он забился в угол, рыча и фыркая. Принесли доски, чтобы отделить деревянной перегородкой тигра от его жертвы. Толпа не сразу поняла, что происходит. Кто-то закричал, что клетка сломалась. Началась паника. Мужчины и женщины в беспорядке кидались к выходам, прыгая через скамьи, падая на пол. Замолкший было оркестр заиграл бравурный марш. Кинга вытащили в первое отделение клетки. Он был убит наповал. Молодая девушка в желтом платье выбежала на середину арены. Она вскрикнула, взмахнула руками и замертво свалилась на песок арены.

Я побежал помочь девушке, но двое мужчин опередили меня и уже подняли ее. Не помню, как я выбрался из палатки. Помню только, что помогал нести какую-то англичанку-путешественницу в гостиницу. У нее была шишка на голове, и она была без сознания. Я позвал доктора и потом пошел посмотреть, не надо ли чего Бобу.

Но он не нуждался в помощи. Он запирает цирк на ночь, как будто ничего не случилось. Цирк ничем не удивишь.

Я вернулся к себе и напрасно пытался заснуть. Все время в моей голове вертелась мысль: «И существуют еще такие безумцы, которые воображают, что можно приручить зверя и быть спокойным».

Глава двенадцатая СУМАСШЕДШИЙ СЛОН

Вскоре после того как я распродал в Европе зверей, пойманных на Борнео, и вернулся к своему зверинцу в Сингапуре, меня неожиданно посетил важный сановник. Это был Тунку-Сулейман, маленький раджа из Келантона.

Я помнил его как ленивого туземного султана, одетого в широкие китайские шаровары (больше ничего на нем не было) и восседающего, поджав ноги, на подушках. Но здесь, в моей приемной, он сидел церемонно на кончике стула, а его свита разместилась на корточках позади него. Он был одет в безупречный белоснежный китель, на нем были белые носки и черные башмаки, а на голове круглая шапочка. В этом костюме он выглядел необыкновенно несчастным. Он приветствовал меня саламом, прижал мою руку ко лбу и пожелал мне прожить тысячу лет.

Я сразу увидел, что он чем-то очень обеспокоен. Он с благодарностью вспомнил о том, что я убил в его округе тигра, пожиравшего людей, и затем пригласил меня оказать ему честь посещением, предложив «ловить у него всех зверей, каких только Аллах послал на землю». Он

мне окажет всяческое содействие и даст столько людей, сколько я захочу.

Я велел подать айер-тэ (чай), побольше сахара и печенья, и пока мы распивали чай и закусывали печеньем, я добрался до сути дела. Оказалось, что бродячий слон¹ производил опустошения в округе Тунку, и он боялся, что в животное вселился нечистый дух. Сказал он мне это так, что, дескать, его «люди — они ведь ужасно глупы — уверены, что это ханту». Его длинные висячие усы, в которых можно было сосчитать каждый волосок, плачевно повисли вниз, и я понял, что он так же суеверен, как любой человек, взрослый или ребенок, в его владениях.

— Что же он наделал, этот слон? — спросил я.

— Он убил четверых, туан. Он гнался за ними, а потом растоптал их, как мух. Мои люди вырыли столько ям, сколько у меня пальцев на руках, но он к ямам и не подходит. Мои люди уверяют, что его предостерегает злой дух.

«Тонкое чутье предостерегает его», — подумал я про себя.

— Вы видели его когда-нибудь? — спросил я.

Тунку не видел слона, но видел причиненные им беды.

— Ест он немного, туан, но портит все. Вытаптывает поля. Мы боимся не его пустого желудка, а его злого сердца. Он вошел раз ночью в маленькую деревню и повалил половину домов.

— Если бы туан не был великим охотником, — льстиво продолжал Тунку, — великим охотником, который не боится духов, я не посмел бы просить туана убить этого четвероногого дьявола.

Понятно, эта история о слоне-дьяволе не могла не заинтересовать меня. Я никогда не встречал бродячего слона, но я имел понятие о том, как слоны делались одинокими бродягами. Он, вероятно, подрался со старым самцом, самки перестали его подпускать к себе, и стадо выгнало его

¹ Во многих случаях «бешенство» бродячих слонов — «роугов», при котором ими овладевает слепая жажда разрушения и убийства, может быть объяснено какой-нибудь чрезвычайно болезненной для слона травмой, например воспалением мякоти бивня (кариес), равносильным зубной боли; глубоко вонзившейся в ногу занозой и т. п. Обезумевший от боли слон не понимает причины и видит ее во всем окружающем. В ряде случаев, убив такого слона, удавалось обнаружить причину его бешенства.

...
своей среды, так что ему пришлось жить одному, и он постоянно неистовствовал.

Тунку с тревогой смотрел на меня.

— Я должен подумать, — сказал я. — Приходите завтра.

Но он не мог прийти ко мне на другой день: его пароход отправлялся утром.

— Если я решусь поехать с вами, — сказал я, — то я буду на пароходе к часу его отплытия. Если меня не будет, значит, я не могу ехать.

В сущности я уже твердо решил ехать с ним. Но не следовало выказывать столько усердия. Принимая его приглашение, я хотел, чтобы он понимал, какую я оказываю ему честь.

— Если вас не будет, значит, злой дух слона имеет власть даже в Сингапуре.

Он старался улыбнуться при этих словах, но мне было ясно, что он искренне думает так.

Сейчас же после его ухода я начал собираться в путь с расчетом на двухмесячное отсутствие. Я позвал также моего боя Хси Чуая и сообщил ему, когда и куда мы, вероятно, поедем. Он был большой непоседа, и такой холерик, как я, был ему по душе. Он всегда содержал мои дорожные вещи в готовности, но ему необходимо было знать, как мы едем: сушей или водой, на большом пароходе или на маленьком. Если на маленьком, он спешил на рынок и закупал все нужные для путешествия запасы: кур, фрукты и овощи.

На следующий день я случайно встретился с Уилькоком, капитаном берегового катера, на котором собирался ехать. Я попросил его, в случае если я немного запоздаю к отходу катера, подождать меня; ехать я решил твердо. Но появился я на катере с моим Хси Чуаем только тогда, когда Тунку уже потерял всякую надежду увидеть меня. Невозможно описать выражение его лица, когда он смотрел, как я взбираюсь на борт катера. Он ведь решил погнать борьбу не на жизнь, а на смерть с бешеным слоном и чувствовал, что эта борьба очень возвысит его в глазах подданных.

Катерок наш был препоганенькое суденышко. Сидел он в воде всего на каких-нибудь семь футов. Его сильно нагроузили, а на палубе — слишком маленькой для такого количества народу — теснилось человек тридцать — сорок человек. Тунку-Сулейман вынужден был сидеть в тесно-

те, так как пассажирских кают не было. Я поселился в помещении капитана и пообедал вместе с ним. Устроиться на ночь было делом простым: мы поставили рядом на палубе наши раскладные кресла и растянулись на них. Но вопрос о еде чуть было не ввел меня в неприятности. Мой Чу выгнал повара из кухни, поспорив с ним из-за приготовления кэрри. Повар вылетел на палубу, размахивая мясным ножом, глаза его сверкали угрозой. Чу последовал за ним тоже с ножом в руках. Он был очень сильный китаец. Мне случалось благодарить судьбу за силу этого китайца, когда, бывало, он на руках тащил меня сквозь чащу джунглей больного лихорадкой, в жару. Но сейчас, когда Чу гнался за поваром, я хотел чтобы он не был так силен. Я пережил несколько неприятных минут. Однако капитан оказался на высоте. Он выругался на восточный манер. Потом обратился к повару-китайцу и заорал:

— Да оставь ты его на кухне,— пускай стряпает, а ты отдохни! Разве не знаешь, что иногда бывает полезно переменить меню, даже если перемена к худшему?

Тут он увидел, что глаза Чу сверкнули злобным огнем, и прибавил:

— А если перемена к лучшему,— так это отличный подарок.

Оба китайца успокоились и разошлись, и каждый чувствовал себя польщенным. Кэрри было сделано по моему вкусу, и мы с Уилькоксом отдали ему честь.

На четвертый день, после полудня, мы достигли куалы на реке Келантан и двенадцать миль прошли на веслах, лавируя между островков. Так мы прибыли в Кота-Бхару. С восточной точки зрения, в городе не было ничего примечательного. Мы шли сквозь обычный лабиринт немощных песчаных улочек, лишенных растительности. Но когда мы дошли до базара, меня опять поразило то же, что и в первый раз, когда я попал в Кота-Бхару. На рыночной площади продавали всякий товар женщины с открытыми лицами и при этом болтали и смеялись с покупателями так же непринужденно, как мужчины. Я приписывал это влиянию Сиама и был прав: мусульманская религия здесь была слабее, чем в других местах, и женщины не были такими затворницами, как у мусульман.

Тунку пригласил меня остановиться с ним вместе в доме его родственника Дату Аменда. В мое распоряжение

предоставили большую комнату и четырех сиамских девушек для услуг.

На следующий день мы отправились вверх по реке в лодке Тунку, очень удобной, с каюткой и шестью гребцами. Единственную остановку по пути мы сделали в одном кампонге, расположенном в чаще кокосовых деревьев. Все жители кампонга были заняты заготовлением копры, мякоти кокосовых орехов, высушенной на солнце. Приторный запах копры доводил меня до тошноты. Мне предложили купить кокосов по смехотворно высокой цене — по доллару за штуку. Но я бы и даром их не взял, так мне был противен этот запах.

Кокосовые пальмы очень красивы, высоки, иногда до ста футов в высоту, стройны и заканчиваются на верхушке пышной короной из листьев, похожих на страусовые перья. Эта пальма, пожалуй, приносит больше пользы, чем какое бы то ни было другое дерево в мире. Из его волокон выделяется все что угодно: начиная от канатов и кончая дамскими веерами. Кокосовое масло тоже служит для выделки множества предметов, из которых для меня, пожалуй, самым важным являлось «морское мыло», мылившееся в морской воде. Алкогольный напиток, который приготавливают из молодых ростков и нераскрытых цветочных почек кокосовой пальмы — самшу — не нравился мне. Это нечто среднее между плохим джином и еще худшим кюммелем. Но я охотно ел нежную белую мякоть, которую вынимают ложками из незрелых орехов. Это вкусно.

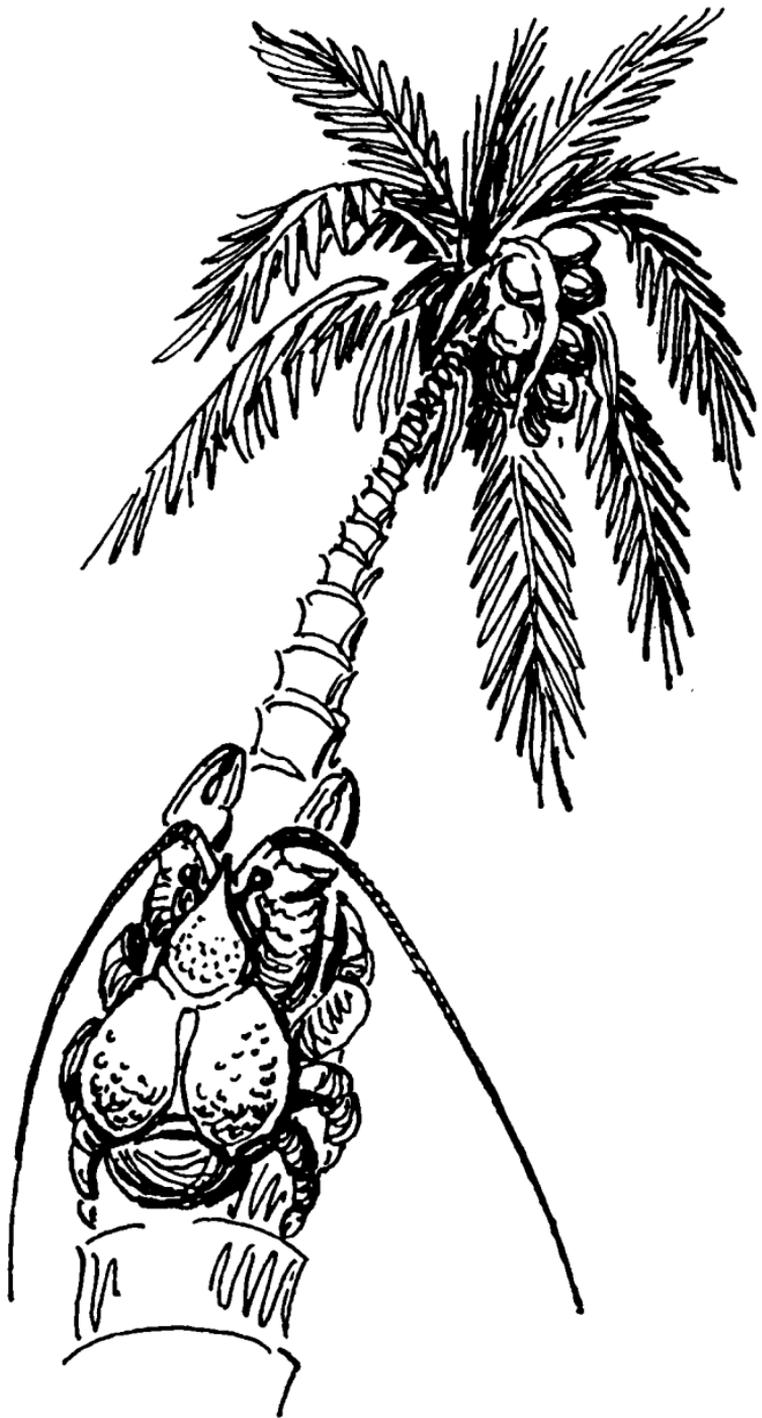
Чуай знал мою ненависть к запаху копры, пронизывавшему все вокруг, поэтому он приготовил мне редкое угощение — сухопутного краба, сваренного по всем правилам монарского искусства. Поймали его очень искусным способом. По ночам сухопутные крабы, которые живут в воде только в период размножения, обыкновенно вползают на кокосовые деревья при помощи своих длинных клешней. Они поедают молодые побеги на верхушке дерева. Туземцы обертывают ствол пальмы толстой веревкой из пальмовых листьев и смолы футов на десять — пятнадцать от земли, потом получившееся кольцо обмазывают глиной и песком. Старый краб взбирается наверх, не замечая этого препятствия, так как ему нетрудно пройти через кольцо. Потом, когда он наестся досыта и, спускаясь, почувствует под собой песок и глину веревочного кольца, он вообра-

жает, что уже дополз до земли, отпускает свои клешни, падает и разбивается о землю. Это довольно предательский способ ловли, но краб — животное не только вредное, но и очень вкусное...

Выехав из кокосового кампонга, мы больше не делали привалов, пока не доплыли до стоявшей на песчаном берегу деревушки, где нас ожидали два слона.

Один из них должен был везти меня и Тунку, а другой — багаж. Тут пришлось хорошенько уложить все. Нам надо было устроиться так, чтобы все, что могло понадобиться нам за время нашего четырехдневного пути по джунглям, было бы у нас под рукой. В конце концов на грузовом слоне образовалась целая гора. Это не смутило Чуая. Он взобрался на самый верх горы и ехал с полным удобством. Люди Тунку шли пешком, мы с Тунку восседали в корзинках, привешенных по обе стороны слона, а погонщик сидел верхом на его шее. Корзинки были снабжены подушками, чтобы нам было удобно ехать, по крайней мере чтобы Тунку-Сулейману было удобно ехать, потому что никакие подушки не могли помочь мне. Для меня езда на слонах всегда была одним из видов пытки. Свободная шкура животного все время так и ездит взад и вперед. А как слоны любят воду! Каждый раз, как нам приходилось на нашем слоне переплывать реку, он визжал от удовольствия. Нам приходилось становиться на ноги в наших корзинах, снимать носки и башмаки и держать их вместе с подушками над головой, чтобы все это не промокло. А слону страшно хотелось окатить нас и свою спину и все вокруг фонтанами воды из своего хобота. И он непременно облил бы нас, если бы погонщик время от времени не давал этому живому пожарному рукаву хорошего тумака. Так мы перебирались на противоположный берег.

К счастью, по пути встретились два небольших кампонга, где можно было остановиться для отдыха. В каждом из них у Тунку был хороший дом. С наслаждением я растягивался там на своем матрасе, неизменно сопутствовавшем мне повсюду, и заставлял Чуая массировать меня. Меня представляли туземцам как человека, который пришел убить страшного слона и которому дьявол не может сделать никакого вреда. Простодушные туземцы смотрели на меня во все глаза. Многие из них никогда не видели белого человека.

На пятый день пути мы доехали до кампонга Тунку — самого большого поселения в глубине страны. В нем было до тысячи человек жителей. Наш приезд привел в волнение весь кампонг. Меня, конечно, помнили. Почти все мужчины и мальчики уверяли меня, что они когда-то помогли мне охотиться на «пожиравшего людей тигра». Многие из них говорили правду. Тунку всех отослал прочь, потому что мне необходим был отдых и укрепляющий массаж моего Чуая.

Отдохнув, я готов был приступить к беседе о «страшном слоне». Рассказы о подвигах бродячего слона могли служить лишним доказательством того, что здесь, в тропиках, рассказы разрастаются так же неумеренно и пышно, как деревья и травы. Мне пришлось призвать на помощь все свое знание джунглей, чтобы разобраться, что правда в рассказе, а что фантазия. Не было почти ни одного человека в кампонге, который не был готов торжественно поклясться Аллахом, что видел слона. Оказывалось, что его видели одновременно в нескольких местах. Когда я обратил внимание на эту странность, мне в ответ стали значительно качать головой.

Один сморщенный старик прошамкал: «Туан, как искусный волшебник, сам знает, что таков дьявольский обычай!»

Рассказы насчет размеров чудовища очень различались между собой, но в одном пункте сходились все: а именно, что этот слон был больше всех виденных прежде слонов. Я заключил из этого, что слон действительно очень большой. За время отсутствия Тунку он наделал большие опустошения в рисовых и сахарных полях. Чем скорее с ним удастся справиться — тем лучше.

Пока я раздумывал, кого из этих высоких, стройных, сильных уроженцев Келантана мне взять с собой — почти каждый из них просился со мной, — я натолкнулся на любовную драму. Оказалось, что некий Осман, кузнец, выделывавший малайские кинжалы, совсем потерял голову от любви к одной молодой женщине, искусной ткачихе. Она была замужем за пожилым человеком, который не давал ей развода. Она не могла развестись с ним, потому что ее семья уже истратила выкуп, заплаченный мужем за нее. Прежде чем просить о свободе, она должна была уплатить мужу, вернуть ему все, что он за нее заплатил. Эту историю мне рассказал Тунку. Он боялся, чтобы Ос-

ман как-нибудь ночью не подобрался к дому своей возлюбленной и не всадил бы через щель в полу своего копья и тело спящего мужа. Между спящим и его врагом ведь никакой преграды, кроме тонкой циновки, не будет...

— Осман,— с горечью сказал Тунку,— сходит с ума из-за женщины... А он выделывает лучшие кинжалы во всем Келантане!

Он показал мне один из кинжалов работы Османа. Это было произведение художника. Рукоятка была из драгоценной слоновой кости, а вырезное лезвие было украшено узором, вытравленным мышьяком и смолой.

— Хорошо было бы, если бы вы его взяли с собой, туан,— сказал Тунку.— Говорят, что охота на диких зверей — это лекарство от любовного безумия. Любовь попадет в зверя и умирает вместе с ним.

Я попросил, чтобы мне показали молодую женщину. Шли толки, что она ходила к местному колдуну за тем, чтобы он сделал ей изображение ее мужа из тряпок и проколол бы его во всех местах булавками: это должно было — как мне серьезно сообщили — неминуемо убить ее мужа медленной смертью. Когда я увидел ее, она с важностью наблюдала за выделкой саронгов; на ней самой был очень красивый саронг. Она была недурна собой, с сиамским косоглазием, которое, вероятно, и пленило Османа. Его любовь была настолько всем известна, что я не постеснялся спросить у нее:

— Ну что, дашь ты старику жить, или хочешь молодого мужа?

Она, смеясь, ответила мне:

— Туан мау сахиа? (Не хочет ли меня туан?)

Она была очень смела и кокетлива. Я почувствовал, что Осману безопаснее будет отправиться на охоту за дикими зверями.

Мы не знали наверное, где сейчас слон, и Тунку посоветовал отправиться налегке на разведку и посмотреть, не наткнемся ли мы где-нибудь на свежий след. К некоторому моему удивлению, он заявил, что сам отправится с нами и что мы с ним поедem на одном слоне.

На другое утро, около восьми часов, мы двинулись в путь. Слон, на котором мы с Тунку ехали на этот раз, был, к счастью, не тот, что растряс все мои кости; это была самка с более плотно прилегающей шкурой. Все

наши слоны в этой экспедиции были самки. Осман ехал на слоне с товарищем, погонщик уселся верхом на шею слона, заложив ноги ему за уши. На другом слоне ехали два великолепных молодых туземца, а на третьем замыкали шествие мы с Тунку. Мы проезжали по джунглям, сперва по параллельным дорогам, но потом чаща джунглей стала так непроходима, что пришлось ехать гуськом: Осман — передовым, мы позади. Свежих следов слона нигде не было видно. Судьба испытывала наше терпение.

Мне кажется, что молодой мастер, оторванный от своей возлюбленной, был немного не в своем уме. По крайней мере он выкинул вещь совершенно безумную: подъехав под огромный пчелиный улей — по меньшей мере в ярд длиной, — он поднял свое копье и проткнул улей. Оружие вонзилось в соты. Он дернул и вытащил его обратно. Улей упал и разбился. Тут нам показалось, что вырвались на волю все пчелы Вселенной.

Передовой слон, заревев от боли и бешенства, понесся прямо в джунгли. Второй кинулся вправо. Я успел крикнуть нашему погонщику:

— Балик пуланг (поворачивай)! — и закричал Тунку, чтобы он спрыгнул, и бежал. Мы выпрыгнули из наших корзин и соскользнули на землю. Я надвинул панаму плотно на глаза. Но мы уже были облеплены пчелами. Мы ощупью отломили по ветке и стали, как иступленные, махать ими в воздухе, отгоняя и стряхивая с себя пчел. Все мое тело было как в огне. Я собрал горсть сухих листьев и поджег их. Мы оба были страшно искусаны. Мы нагнулись над дымом. Одна за другой пчелы, оглушенные дымом, падали с нас. Я думаю, Тунку был уверен, что и тут не обошлось без участия слона-дьявола... Он был подавлен.

Выбравшись на тропинку, мы побрели по направлению к кампону. Пройдя около половины пути, мы встретили нескольких туземцев с грубыми носилками, сделанными из веток и привязанными к шестам для переноски. Наш погонщик успел сообщить им о нашем приключении с пчелами. Чужай был с ними. Он тащил свой чайник. Мы подкрепились и вернулись из нашего неудачного похода в деревню.

Когда в джунглях уже спускалась ночь, возвратились молодцы, ехавшие на втором слоне. Они тоже соскочили

со своего слона, как и мы, но только после того, как одному из них суком больно задело голову. Как я ни был сам искусан, я все-таки принялся вместе с Чуаем лечить его рану с помощью «лекарств белого человека», имевшихся в моем дорожном мешке. Против пчелиных укусов я не мог поделаться ничем.

На следующий день несколько партий отправилось по разным направлениям на розыски передового слона, ехавших на нем людей и второго слона. Слонов нашли недалеко от кампонга, к которому их привело тонкое чутье, свойственное самкам слонов. Они были жестоко искусаны пчелами; особенно жалкий вид был у того, на котором сжал Осман. Пчелы пробрались в складки его кожи, жестоко искусали его бедный хобот, который был весь в нарывах.

Без хобота слон совершенно беспомощен. Он не может пить, не может есть, можно сказать, весь механизм его жизни нарушен. Мы вливали ему воду прямо в рот, кормили его с рук плодами. Потом принялись лечить хобот: сперва примачивали горячей водой, чтобы смягчить воспаление, а потом смазали кокосовым маслом. Я сделал нечто вроде припарки из мелконарубленных листьев лекарственной травы. Смазав больной хобот, мы сверху наложили еще слой глины, чтобы припарка не сползала. Один из вожаков во время этой операции все время разговаривал со слонихой, утешая ее и успокаивая ласковыми словами. Он даже сказал ей, что она красавица, хотя это было очень далеко от истины.

Слониха была очень терпелива. Тот факт, что она позволила нам так возиться с ее больным хоботом, был доказательством огромного доверия к нам. Этот орган у слонов чрезвычайно чувствителен, и животное особенно старается защитить его. Азиатский слон, когда нападает на врага, отводит свой хобот в сторону, чтобы не повредить его случайно, хотя из-за этого ему приходится нападать без воинственного рева африканских слонов.

На второй день после нашей битвы с пчелами вернулись люди, искавшие Османа и его спутников. Все, что они принесли с собой, было копье, послужившее причиной несчастья. Они вырыли три отдельные могилы, сказали они, потому что трупы нашли в разных местах. У меня не хватило духу спросить, какой смертью погибли несчастные. Очень вероятно, что они буквально были закусаны

на смерть: ведь за ними кинулось в погоню больше всего пчел.

Население кампонга отнеслось к происшедшей трагедии с обычным малайским спокойствием.

— Осман помешался от женщины, — сказали они, — и поступил как сумасшедший. А в джунглях нельзя было так поступать: в джунглях слишком легко попасться в сети смерти. Это огромные сети, растянутые по всем джунглям, и попадается в них не только сам безумец, но и все, кто близко к нему.

Тунку-Сулейман горько сожалел о потере самого искусного мастера.

— Туан, — сказал он, — Осман подобен тому, кто спасается из когтей тигра, чтобы попасть на зубы крокодилу.

После минутного раздумья он прибавил: «А дьявол, который вселился в страшного слона, радуется!..»

Прекрасной ткачихе это показалось предупреждением Аллаха. Говорят, что она вытащила все булавки из тряпичного изображения своего мужа и вернулась в его объятия.

Приблизительно через неделю, когда мы все — люди и животные — почти совсем оправились от пчелиных укусов, были получены новые донесения о местопребывании бродячего слона. Он совершенно разрушил и уничтожил небольшую плантацию буа пинангов (орехов бетеля), переломав все похожие на маленькие пальмы деревца бетеля, когда пробирался сквозь них. Человек, которого я не мог сбить никаким перекрестным допросом, уверял меня, что сам видел его на расстоянии двухдневного пути от кампонга.

Я решил, что настало время действовать и попросил Тунку послать за тремя старейшинами ближайших кампонгов. Каждому было приказано доставить свои ружья и по десятку лучших людей кампонга. Без приказа было ясно, что они принесут и свои копья. Ни один малаец не пускается в джунгли без копья. Когда явились новоприбывшие, женщинам было поручено накормить их. Все происходившее было похоже на приготовление к спортивному празднику, но вместе с тем все были встревожены. Белый волшебник собирался вести их против дьявола в слоновьей шкуре... Они толковали об этом, понизив голоса.

Тунку решил было не ехать с нами. Он сказал, что у него голова болит. Но в последнюю минуту передумал и поехал на моего слона. Мы ехали на тех же трех слонах, что и в предыдущую неудачную поездку, с нами было пятьдесят пеших мужчин, вооруженных копьями. Старейшины с ружьями ехали на слонах.

Отправились мы вскоре после восхода солнца и ехали не торопясь и стараясь не производить никакого шума: не смеялись, не разговаривали. Прошло два с половиной часа, пока мы попали на след бродячего слона. Но зато следы были совсем свежие: они были проложены не более получаса тому назад.

Тогда мы растянулись: мой слон в центре, два других по бокам; между ними стали люди так близко один от другого, что могли бы схватиться за руки. Если бы мы в таком порядке попали на дикого слона — нам было бы легко окружить его. Трудно поверить, как мало шума мы делали. Мы продвигались очень медленно, пока не достигли бамбуковой чащи. Тут следы обрывались. Возможно, конечно, что слон пробрался сквозь чащу и пошел дальше, но, возможно, было и то, что он мирно спит в самой середине чащи после бессонной ночи и прогулки по план-

тациям. Узнать это было нетрудно. Охотники нередко подкрадывались к целому стаду во время его сна. Опасность в таких случаях заключается только в слове или в крике. Стадо, которое бросилось бы в ужасе бежать от одного ружейного выстрела, наоборот, кидается в нападение при звуке человеческого голоса. Я думаю, это происходит оттого, что выстрел для них является чем-то неизвестным и пугает их, а голос им хорошо известен.

Я подозвал жестом двух из туземцев, которые казались мне ловчее и умнее других. У них были пронизательные глаза. Я сказал им чуть слышным шепотом, чтобы они проползли в чашу, не делая никакого шума, посмотрели, нет ли там слона, и если он там, чтобы так же бесшумно вернулись и указали нам точное место. Последнее мое наставление им было: «Будьте тихи, как ящерицы, и пусть ни одно слово не выйдет из ваших уст».

Они наклонили головы в ответ, и их смуглые тела исчезли между стволами бамбука. Как только они скрылись из виду, я дал знак окружить бамбуковую чашу.

Как я после узнал, произошло следующее. Когда оба туземца ползли вперед, вытянув свои копья, их глаза были ослеплены странным светом: благодаря прямым стволам бамбука в чаще все казалось перерезанным полосами, и они ничего не могли сразу разобрать. Они не видели спящего слона до той минуты, когда буквально наткнулись на него. Тогда один из них вне себя от страха крикнул товарищу одно слово: «Иага!» (Берегись). Это было последнее слово, которое ему суждено было произнести в жизни. Слон поймал его хоботом. Товарищ его бросил в слона копьем и кинулся к нам, крича: «Гаджа датанг!» (Слон здесь). Слон бросился на крик, выбежал из чащи нам навстречу, все еще держа в хоботе мертвого человека. Потом он бросил труп на землю, страшно завыл, наступил на него своей огромной ногой, оторвал у него хоботом одну руку, подбросил ее в воздух и кинулся на нас. Наш ряд расступился. Ручные слоны были так напуганы, что отказывались повиноваться своим вожакам. Мой слон весь дрожал с ног до головы. Вожаку не удавалось никак повернуть его так, чтобы я мог прицелиться бродячему слону прямо в отверстие у основания хобота. Оно у азиатского слона не защищено клыками так, как у его африканского родича, и поэтому выстрел в него является смертельным.

Туда-то я и хотел прицелиться, но это было невозможно. Тогда мы все начали стрелять и кидать в слона копьями по разным направлениям. Слон пробежал несколько шагов, зашатался и рухнул мертвым. В него попало около тридцати копий, множество пуль из ружей туземцев и несколько моих разрывных.

Когда страшная туша перестала содрогаться, туземцы столпились около слона, и каждый поочередно плевал на него. Невероятные ругательства, насмешки, проклятия посыпались на мертвого слона. Я был рад, когда они, наконец, сменились торжествующими криками и диким смехом. Люди довели себя до какого-то безумного экстаза. Их враг лежал мертвый. Один из товарищей, правда, тоже лежал мертвый... Но слон-дьявол погубил много людей, и это была последняя жертва.

Тунку-Сулейман спокойно смотрел на все происходящее. Его усы не изменили своей плачевно-отвислой формы.

— Туан, — сказал он мне, — так как слон этот причинил много бед моему народу и в нем несомненно был дьявол, то я хочу сохранить его клыки как талисман от злых духов. Но этот перстень, туан, прими в знак моей благодарности!

Он снял бриллиантовый перстень со своего пальца и протянул его мне. Камень весил карата четыре, но был, к сожалению, местного гранения.

Я заявил, что совершенно удовлетворен. Мне, по правде сказать, не хотелось брать клыки. Если существует какое-нибудь животное, к которому у меня в душе есть чувство, то это именно слон. Я считаю его самым безвредным, самым умным, самым добрым из животных. Этот же бродячий слон — к слову сказать, единственный в своем роде, какого мне привелось встретить — по-моему, был просто помешанный.

Когда мы возвратились в кампунг, там все тоже точно помешались от восторга. Всю ночь напролет народ шумел и пировал. Не переставали бить в тамтамы. Мне не удалось ни на минуту сомкнуть глаз. Я знал, что жители смотрят на меня как на какое-то божество, и чувствовал себя неважно. Я боялся, что позабуду, что значит быть обыкновенным смертным среди подобных себе людей...

Я всячески остерегался лихорадки честолюбия; но не уберется от другой лихорадки, той, с которой нужно бороться при помощи сетки от москитов и хинина.

Но та малярия, которая прогнала меня из тропиков в Америку, давно прошла. И зов джунглей опять начинает смущать меня.

Я знаю, что вдалеке от джунглей мне не быть никогда счастливым.

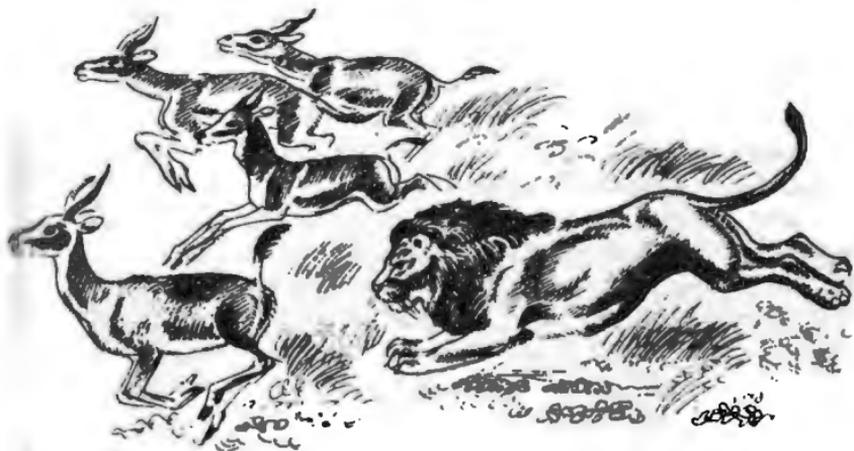
ДЖОРДЖ МАЙКЛ

Самый Майклов в Африке

Перевод с английского
В. СМЕРНОВА и Л. ДЕРЕВЯНКИНОЙ

THE MICHAELS IN AFRICA
by George Michael
London, 1959

Глава первая

КАРЬЕРА ЗА ШЕСТЬ ПЕНСОВ

Крепко зажав в потной ладонке шестипенсовик, десятилетний мальчик с черными вьющимися волосами стоял посреди раскаленного тротуара и не отрываясь глядел на огромную яркую афишу. Вид бесстрашного охотника, смело идущего навстречу рычащим львам и разъяренным слонам, казалось, совершенно загипнотизировал его.

Сколько раз видел он себя в роли отважного охотника! Сколько раз проскальзывал под брезентовые стенки заезжего цирка или взбирался на колючую ограду местного зоопарка, чтобы только взглянуть на грозных львов или гигантских слонов!

— Последние билеты по шиллингу! Спешите, спешите! Последние билеты!

Низкий голос кассира, одетого в яркую униформу, ворвался в воображаемый мир маленького мальчика, внезапно рванув его к действительности. Когда до сознания малыша дошел смысл слов, произнесенных кассиром, на его заголом лице выразилось отчаяние и крайнее разочарование. Последние билеты по шиллингу! А у него всего лишь ше-

стипенсовик. Один шестипенсовик — весь его недельный заработок. И чтобы получить эти шесть пенсов, нужно было без конца бегать по поручениям да еще делать кучу всякой работы по дому. Картину привезли в город в понедельник. И целую неделю он думал о том дне, когда увидит Фрэнка Бака в фильме «Пусть остаются живыми». Сегодня суббота, и в его родном городе Претории (Южная Африка) этот фильм идет последний день.

Робко подойдя к кассиру, мальчик спросил:

— Простите, сэр, а за шесть пенсов билетов больше нет?

— Нет, сынок, их распродали еще в два часа. Надо было приходиться раньше.

— Я не мог раньше. Мне нужно идти пешком, а я живу далеко, — объяснял мальчик дрожащим, жалобным голосом, с глазами, полными слез.

— Ничего не поделаешь, мальчуган. Нужно раздобыть еще шесть пенсов, если ты хочешь видеть представление.

— А входных билетов за шесть пенсов у вас нет, сэр? Мне очень надо увидеть Фрэнка Бака.

— У нас не разрешают продавать входные билеты, сынок.

Это был слишком большой удар для мальчика, который последние шесть дней ни о чем другом и не думал. И ведь нужен-то был всего один шестипенсовик, чтобы перенестись на час в мир зверей и приключений, о которых он так мечтал с того самого дня, когда два года назад был провозглашен в своей школе героем за то, что поймал мартышку, сбежавшую из зоопарка. И, пока он лежал в постели, оправляясь от укусов обезьянки, маленькое пламя жажды приключений разгорелось еще сильнее. В то время к нему приехал дядя, у которого была ферма в Восточном Трансваале, и привез в подарок духовое ружье.

— Когда-нибудь, — сказал дядя, — у тебя будет оружие побольше и получше этой маленькой игрушки. Ты будешь охотиться на слонов, львов и леопардов и ездить по всей Африке.

— Как Фрэнк Бак?

— Да, мой мальчик, как Фрэнк Бак.

Дядя даже не представлял себе, как верно предсказал он будущее мальчика — бурные годы непрерывного риска и приключений, суливших ему успех и славу, а самое главное, суливших то удовлетворение, которое доступно лишь людям, ведущим жизнь, полную опасностей.

Когда малыш снова обратился к кассиру, по щекам его катились слезы.

— Пожалуйста, сэр, пустите меня за шесть пенсов. Мне правда очень нужно увидеть Фрэнка Бака.

Кассир взглянул на умоляющие, полные слез глаза, и его вдруг охватила жалость к этому бедному мальчугану, который протягивал ему на измазанной влажной ладони шестипенсовик. У кассира были собственные внуки, и он мог понять чувства мальчика.

— Ну,— сказал он, опуская руку в карман,— если тебе уж так необходимо увидеть Фрэнка Бака, то я, пожалуй, дам тебе шесть пенсов в долг. Но ты мне их вернешь.

Слез как не бывало.

— Ну конечно, сэр! Я отдам их в следующую же субботу. Уверяю вас, сэр!

— Ну что ж, договорились. А как же тебя зовут, сынок?

— Джордж Майкл, сэр.

— Джордж Майкл? Ну ладно, Джордж, беги, а то опоздаешь. И не забудь о следующей субботе.

О следующей субботе я не забыл и уже никогда в жизни не забывал этого доброго старика.

Во время сеанса я сидел, ухватившись за стоящий впереди меня стул, совершенно замороженный прекрасными картинами, силой и свирепостью диких зверей, ловкостью и отвагой Фрэнка Бака и его проводников-африканцев. Я совсем забыл о людях, сидевших вокруг меня, и не слышал ни криков, ни свистков, ни топота, поднимавшихся всякий раз, когда герою удавалось ускользнуть от верной смерти. Этим героем был я! Джордж Майкл, а не Фрэнк Бак подкрадывался к страшному носорогу. Джордж Майкл сражал единым выстрелом, точно меж глаз, прыгающего на него льва с темной гривой.

Я покидал кинотеатр в каком-то трансе. Все, что я увидел, так подействовало на меня и мое воображение было так переполнено охотой и приключениями, что я даже не заметил, как прошел все четыре мили до дому.

Я сразу же догадался, что этот фильм снят не в какой-нибудь отдаленной студии, а здесь, в родной моей Африке, и не так уж далеко от моего дома в Претории. Интерес к диким животным, к лесам и чащам, где они обитают, сжигал все мои другие страсти, словно огонь при сильном ветре, пожирающий саванну. У меня появился

ненасытный голод к книгам и фильмам об Африке и ее диких обитателях. И, как это нередко бывает, когда грядущие события еще задолго до их свершения каким-то странным образом влияют на наше сознание, я уже тогда смутно чувствовал, что моя жизнь как-то непостижимо связана с клыками, зубами и когтями Черного континента. Много лет лелеял я эту мечту в тайниках своей души, никогда не расставаясь с нею, и мечта сбылась в конце концов, но не так, как я тогда воображал.

В четырнадцать лет я убил своего первого леопарда. Я гостил тогда на ферме у дяди, подарившего мне первое духовое ружье. Леопарда я застрелил из дядиной винтовки. В тот день я гулял вдоль железнодорожной линии, проходившей через ферму, и вдруг за одним из поворотов оказался лицом к лицу с леопардом. Какую-то долю секунды мы оба стояли и смотрели друг на друга. Не знаю, кто из нас был изумлен и напуган сильнее. Но вот я вскинул винтовку и выстрелил. Раздался страшный рев, и затем все стихло. Я перезарядил винтовку и осторожно подошел к леопарду. Он лежал на боку, меж глаз у него зияла дыра. Леопард был мертв.

Чувство гордости придало мне сил. Каким-то чудом я ухитрился взвалить леопарда на спину и, стибаясь под тяжестью этой ноши, направился к дому дяди. Удивительное дело, но всю дорогу, пока я нес на себе этот непомерный груз, я думал не о том, что сказали бы мои школьные товарищи или мой дядя, а о том, как поразительно хорош был бы этот выстрел для кино. Да, уже в том раннем возрасте я был увлечен фотографией и пленками, но теперь я часто думаю, что это увлечение было скорее тщеславием, чем сознательной подготовкой к большому делу. Может быть, тщеславие-то и заставляло меня фотографировать всех животных, которых мне удавалось убить или поймать.

«Вот будет здорово, — думал я тогда, — если показать потом ребятам эти снимки с изображением моих подвигов».

Но было ли это тщеславием или чем-то еще, все же мое увлечение положило начало тому делу, которое сейчас в Южной Африке считается самым крупным и процветающим.

В семнадцать лет я окончил среднюю школу и, не сумев найти работу в период застоя перед второй мировой войной, убежал из дому. Я успел пройти целых двести

пятьдесят миль, направляясь в Родезию, прежде чем меня схватили и вернули домой. Вскоре для меня нашлось занятие. В двадцать один год я научился чинить деревянные духовые инструменты и стал мастером. А чтобы еще подработать, организовал, и, надо сказать, довольно удачно, танцевальный оркестр. Но любимым моим делом была охота, рыбная ловля и фотография. Интерес мой к ним никогда не ослабевал.

Через год мне предложили место директора в одном солидном магазине оружия и спортивных товаров. Владелец сообразил, что мой опыт охотника будет для него весьма ценен, и вскоре под моим управлением магазин стал процветать даже сверх всяких ожиданий. Я был доволен своей работой, чего не скажешь о большинстве людей. В свободные дни я охотился и ловил рыбу. А все вечера, кроме воскресенья и понедельника, играл в оркестре. В магазине я чувствовал себя в родной стихии среди рыболовных снастей всевозможных видов — и для мельчайшей рыбешки, и для самой крупной рыбы. Там были также пистолеты и револьверы всех систем и размеров, патроны, ружья и винтовки на вкус любого охотника — спортсмена или браконьера. Да, я продавал когда-то эти орудия смерти для истребления животных, которых теперь так отчаянно стараюсь защитить.

Жизнь показалась мне еще прекраснее, когда я женился на Марджори. Мне было тогда двадцать три года. Вскоре после женитьбы я открыл собственный небольшой магазин спортивных товаров. Дело процветало. Я снаряжал сафари для сотен людей, желавших «положить в ягдташ» своего льва, слона или какое-нибудь другое животное. Вскоре моя слава охотника распространилась по всей Африке. Люди, мечтавшие об охоте, засыпали меня письмами, в которых просили моего совета о ружьях, охотничьих припасах и способах охоты. Многие правительства поручали мне отстреливать слонов и львов, губивших скот и посевы. Я исходил пешком тысячи миль в поисках слонов-отшельников. Сотни животных падали под моими выстрелами. Кровавый след тянулся за мной по африканской земле. И вскоре все общества защиты животных объявили меня жестоким «убийцей». Как они были не правы! Я не превозносил свои нелегкие охотничьи подвиги и не гордился ими. Я смотрел на них с ясным сознанием палача, который, исполняя долг, утешает себя тем, что жертва виновна и

наказана справедливо. Охота ради охоты считается прекрасным и благородным спортом, развивающим наши чувства, если при этом охотник не нарушает запретов, установленных законом. Но когда животные признаны опасными для человека и подлежат истреблению, то это уже не спорт, а работа, подобная всякой другой, и успех тут зависит исключительно от умения и опыта того, кто ее исполняет.

Где бы я ни находился — в болотах Мозамбика или в песках Калахари, — я всегда брал с собой свою старенькую, подержанную 16-миллиметровую кинокамеру и потрепанный, выдавший виды фотоаппарат. С помощью этих двух старых друзей я вскоре составил превосходную коллекцию снимков, сделанных во время моих бесконечных сафари нередко с риском для жизни. Все пленки и фотографии я бережно хранил в своем кабинете, ожидая того дня, когда можно будет приняться за фильм о диких обитателях Африки, которую я так хорошо узнал и так любил. Но взяться за этот фильм я решился только после того, как вместе с Марджори и двумя своими девочками, Кэрол и Джун, посмотрел голливудскую картину «Копи царя Соломона». У меня не было профессионального опыта кинооператора, и я не имел никакого понятия о постановке фильмов. Я был лишь удачливым любителем, твердо решившим проникнуть в таинственный и сложный мир профессионалов.

Я знал, что фильм «Копи царя Соломона» снимался частично в Африке, однако значительной долей своего успеха он был обязан хорошо продуманным сценам, подготовленным в идеальных условиях киностудии, где можно свободно распоряжаться освещением, аппаратами, микрофонами и актерами и где каждую сцену можно повторять до тех пор, пока режиссер не сочтет ее безукоризненной. Я же, наоборот, хотел создать небольшую съемочную группу и снимать на пленку все, что только привлечет мое внимание. Нашей студией будут широкие просторы под открытым небом, а нашими актерами — дикие звери, которые так же темпераментны и своенравны, как иные великие актеры нашего времени, только гораздо опаснее их. И к тому же мы не сможем устраивать репетиции или надеяться на повторную съемку.

Теперь я понимаю, что отправиться на завоевание мировых экранов для мелкого торговца оружием из Претории

было слишком дерзкой мечтой, но тогда я смотрел на всю эту затею иными глазами. Я знал, что невозможно запечатлеть на пленке всей магии африканской ночи или величия наступающего дня, невозможно передать трепета погони, когда сердце стучит как молот, а во рту пересохло. Нападение рассвирепевшего зверя и его оглушительный рев. Выстрел и безмолвие смерти. Жужжание камеры и поспешное отступление. Бешеная дробь барабанов, несущаяся по джунглям. Стрекотание кузнечиков в траве и трубный рев слонов, продирающихся сквозь бамбуковую щущу! Как поймать все это на пленку?

Невозможно выразить в полной мере словами или на экране того потрясения, какое испытывает каждый, кто впервые приходит в эти дикие районы Африки. Но в своих фильмах я все же собирался показать чувства людей: ученого, присхавшего сюда делать открытия, фотографа, которому нужна выразительная деталь, охотника с его погоней за сильными ощущениями и натуралиста, жаждущего знаний.

И не нашлось никого, кто сказал бы мне о всей безнадежности этого дела, которое почти разорит меня. А если бы кто и нашелся, я бы все равно не послушал его и упорно продолжал бы начатое. Так уж я устроен.

Моя жена Марджори, очень справедливый критик всех моих начинаний, считает, что безрассудство и упорство я получил в наследство от своей семьи, где каждый отличился немалым упрямством.

Эту черту мы унаследовали от дела и бабки, которые всю свою жизнь прожили в Ливане. Они не были богатыми людьми, их доход зависел от того, сколько шелка они получают за сезон. Это был ненадежный источник существования. Помню, как бабка говорила мне, что старый сарай в ее саду за домом набит множеством крошечных шелководничных червей, которые целыми днями плетут нить жизни для ее мужа и детей. Шелк в те времена был основным предметом производства в Ливане, и многие люди, чтобы хоть немного увеличить скудный доход от своих крохотных ферм, нанимались на шелкопрядильные фабрики.

Другие, в том числе и моя родня, зарабатывали себе на жизнь еще менее надежным способом: они ткали собственный шелк на ручных станках, которые держали на кухнях, в спальнях или даже во дворах. Где-нибудь в конце сада у них росли тутовые деревья, и их листьями вскармливались тысячи жирных белых коротконогих со-

зданий, которые лениво нежились на плоских лотках и в этой уютной обстановке производили свое ценное сырье. Денег, вырученных в течение сезона, семье должно было хватить на весь год, и часто по количеству шелковичных червей судили о зажиточности человека.

Моя бабушка Куфа Майкл, маленькая, хрупкая женщина, была глубоко религиозна. Когда родился мой отец, она дала обет сходить босиком в монастырь Мар Элиаса, ее любимого святого, и на руках отнести туда сына, желая окрестить его и получить благословение, чтобы сын вырос крепким и здоровым мужчиной и смотрел в неведомое будущее без страха и сомнения.

До монастыря Мар Элиаса было двенадцать миль, и, несмотря на протесты семьи, она отправилась туда в один из знойных дней по каменистой дороге, сбивая свои босые ноги до крови. Ребенок был завернут в покрывало из самого тонкого шелка, какой ей только удалось соткать. Склонив голову в беззвучной молитве, она брела с этой драгоценной ношей мимо зеленых виноградников, усыпанных спелыми гроздьями, и мимо оливковых рощ, манящих в свою тень. В крошечных деревушках люди удивленно останавливались, восхищаясь ее твердостью, а она, презрев усталость и зной, отказывалась от отдыха и продолжала тихонько двигаться к монастырю, который виднелся вдаль, в багровой дымке среди холмов. С нею не было никого, кроме сына. Остальные родственники уехали в монастырь заранее, чтобы помолиться там за ее благополучное прибытие.

Странствие длилось несколько часов. Почти без сил добралась она до цели, но никому не позволила помочь ей подняться по массивной каменной лестнице. Слегка передохнув в прохладной тени портала и обретя новые силы в атмосфере покоя и благочестия, она решительно направилась к священнослужителям. При крещении младенца нарекли именем Элиас Майкл. Пока его крестили, она молилась Мар Элиасу, чтобы тот всю жизнь оберегал ее сына и помог ему основаться в какой-нибудь стране, где легче устроить свое будущее, чем в Ливане.

Когда крещение окончилось, она снова взяла ребенка на руки и направилась к двери. Родные стали уговаривать ее вернуться домой вместе с ними, но она отказалась.

— Разве я не прошла двенадцать миль, чтобы принести своего сына Мар Элиасу, и разве я не просила послать

ему силы и защитить его? — спрашивала она.— Если это что-нибудь значит, то Господь и его святые угодники помогут мне благополучно добраться до дому.

Твердость духа Куфы Майкл перешла к моему отцу и никогда не изменяла ему. Думаю, что и я унаследовал свое упорство от этой прекрасной женщины.

Спустя тринадцать лет Элиас Майкл завершил школьное образование, какое в то время можно было получить в Бейруте. С раннего детства он проявлял способности к языкам и уже свободно говорил на арабском, французском и турецком. Знание этих языков могло бы помочь ему попасть в другие страны и, может быть, добиться большого успеха в жизни, осуществив мечту моей бабки.

Однажды он сидел на скалистом берегу безмятежного в тот час Средиземного моря. Услыхав позади себя шаги, он обернулся и увидел отца, который стоял за его спиной и глядел в даль моря. Немного помолчав, отец сказал:

— Элиас, я уже много дней наблюдаю, как ты сидишь на этом месте и смотришь на море. О чем ты все время думаешь?

— Отец,— ответил мальчик,— я еще молод и ничего не смыслю в жизни, но даже такой ребенок, как я, может понять, что человеку с честолюбием в нашей стране делать нечего. День за днем сижу я здесь и думаю, как бы пересечь море и посмотреть, что за страны на той стороне и что может ожидать там человека.

Мой дед улыбнулся.

— Возможность побывать в дальних странах представится тебе скорее, чем ты думаешь,— сказал он спокойно,— я продал кусок земли за парфюмерной фабрикой и на эти деньги хочу повезти тебя в Европу. Собирай свои вещи, да побыстрее. Потому что скоро отходит корабль, идущий в Грецию, и мы должны попасть на него.

Хотя мать плакала, разлучаясь с сыном, в душе она гордилась тем, что сын так рано возмужал и что он полон честолюбивых стремлений.

В последующие восемь лет отец и сын ездили по Италии, Франции, Испании и Португалии, где Элиас Майкл углублял свои лингвистические познания. Он брался за любую работу, какая только ему подвертывалась, вплоть до рассыльного, и со временем стал прекрасным переводчиком. Свободно владея арабским, французским, турецким, греческим, итальянским, испанским и португальским,

он зарабатывал достаточно, чтобы содержать себя и отца и посылать немного денег матери, которая по-прежнему раз в месяц проделывала пешком двенадцать миль до монастыря, чтобы помолиться за мужа и сына.

Живя в Лиссабоне, Элиас Майкл нанялся на ферму, где выращивалась особая порода быков для корриды. Вскоре он и сам вышел на арену под именем Элиас Мигель Перес. Никто не знает, почему он выбрал это имя. Я только могу догадываться, что Мигель — по-испански Майкл, а Перес — просто сценическое имя, которое он взял, чтобы казаться испанцем. Имя, однако, прижилось, и даже через несколько лет, когда они уехали в Лоренцо-Маркес (на восточном побережье Африки), он все еще не расставался с ним.

В Лоренцо-Маркес Элиас Майкл вскоре стал посредником между приезжающими в этот далекий порт иностранцами и португальским правительством. Хотя он и не занимал никакого официального поста, все считали, что он может помочь любому иностранцу преодолеть все трудности с уплатой пошлины, оформлением документов и пройти через массу мелких формальностей, установленных для иммигрантов. Всю свою жизнь мой отец был человеком удивительной доброты и щедрости. Очень часто он платил собственные деньги за то, чтобы бедняка, приехавшего с семьей в Африку искать счастья, получше устроили, пока ему не подвернется какая-нибудь работа. А нередко он и сам получал значительные суммы от богатых иммигрантов, которым было приятно встретить человека, знающего их язык и готового оказать им помощь. Таким образом Элиас Майкл приобрел сотни друзей среди людей самого различного положения и достатка.

А когда ему надоела эта добровольная работа в Лоренцо-Маркес и он уже скопил порядочную сумму денег, они вместе с отцом направляются в Восточный Трансвааль, в город Махадодорп, куда после замужества переселилась из Бейрута его сестра. Вместе с мужем сестры он решил стать странствующим торговцем. Они приобретают быков и фургон, нагружают его товарами, которые пользовались особым спросом у местных жителей, — блестящими стеклянными бусами, дешевыми ножами, яркими одеялами, штанами, рубашками, рулонами тканей — и отправляются в глухие районы, не пропуская ни одной деревушки, ни одного крааля. Дело пошло хорошо, потому что такая «до-

ставка на дом» пришлось африканцам по душе, и в тот же год компаньоны уже смогли купить автомобиль, что позволяло им теперь пробираться в еще более глухие места. Вдобавок ко всему им были неведомы обычные тревоги торговцев, так как их покупатели платили наличными или же давали в обмен товары собственного изготовления, и среди них не было безнадежных должников. Спустя некоторое время Элиас Майкл послал денег в Ливан, чтобы его мать и два брата смогли приехать в Африку.

— Я никогда не сомневалась, что Мар Элиас позаботится о тебе,— прошептала мать, нежно обнимая сына, встретившего ее в Лоренцо-Маркес.

Устроив как следует мать и братьев в Йоганнесбурге, Элиас Майкл расстался со своим зятем-компаньоном и отправился в Бейрут за невестой. В доме своих родственников он встретил семнадцатилетнюю девушку, которую полюбил с первого взгляда. Элиас ухаживал за ней неделю, потом сделал предложение, и оно было принято. Обе семьи стали с радостью готовиться к свадьбе, которая состоялась в монастыре Мар Элиаса, и сразу же после этого жених увез свою невесту в Южную Африку. Когда они поселились в Претории, никто из них не знал ни английского, ни языка африкаанс. Однако это не особенно мешало им. Когда Элиас еще разъезжал со своим зятем по деревням, он сумел выучить несколько местных диалектов, пополнив таким образом и без того обширный список языков, которые он знал. Но, по его собственному признанию, он так никогда и не смог научиться говорить на английском и африкаанс с такой же легкостью, как на других языках.

Уже несколько лет жил он в Претории и все еще продолжал носить имя Элиаса Мигеля Переса, которое для него, по-видимому, имело особую притягательную силу. Он открыл ресторан со складом экспортного продовольствия и назвал его «Тенериф» — по имени своего любимого острова в Атлантическом океане у северо-западного побережья Африки.

Первый его сын родился в 1913 году, а два года спустя на свет появился я. В то время мой отец познакомился с одним золотоискателем из Восточного Трансвааля. Этот человек скопил немало золотых самородков, и мой отец купил их у него. Зная, что это золото в Бейруте можно продать в два раза дороже, отец получил необходимые документы и сел на корабль, идущий в Бейрут. Неведомо

каким путем распространились слухи, что он везет с собой в Ливан целое состояние. Его выследили, и на тот же самый корабль в Лоренцо-Маркес сели два подозрительных искателя сокровищ. Однажды вечером на шестой день пути, когда отец стоял у борта и, наклонившись, глядел на бегущую за кормой воду, на него вдруг кто-то набросился сзади. Двое нападавших старались столкнуть его за борт, но они не ожидали встретить человека такой необыкновенной силы. Видя, что его не одолеть, один из нападавших вынул револьвер и три раза выстрелил. К счастью, ни одна пуля не попала в цель. А когда на выстрелы прибежали пассажиры и капитан, мой отец уже успел справиться с противниками и крепко держал их в своих мощных руках — по одному в каждой.

Когда осмотрели каюту моего отца, золота там не оказалось. Его нашли потом в каюте грабителей. На них надели наручники, а золото для безопасности хранили в каюте капитана, пока корабль не прибыл в Бейрут. Отец продал золото одному из многочисленных ювелиров, живших на Сук-эль-Сайгин — улице Ювелиров. Но прежде чем расстаться с золотом, отец заказал каждому мужчине в нашей семье золотую булавку для галстука. Я берегу свою до сих пор, как бесценное сокровище.

Вскоре после возвращения отца в Южную Африку от менингита умер мой семилетний брат. Это был своего рода чудо-ребенок, говоривший на семи языках. Моя мать чуть не умерла от горя, и, чтобы ее спасти, доктор посоветовал отцу увезти ее из Претории.

— Мистер Перес, — серьезно сказал он, — если вам дорога жизнь вашей жены, немедленно увозите ее отсюда. Здесь ей все напоминает о сыне.

Мой отец решил, что сможет оставить на попечение друга свое весьма процветающее дело, и вместе с матерью отправился в довольно долгое путешествие. Когда он вернулся, то не нашел ни друга, ни денег. Отец был на краю банкротства.

Его кредиторы соглашались получить по пяти шиллингов за фунт, но отец поклялся, что они не потеряют ни единого пенни. Он продал часть имущества, записанного на имя жены, и заплатил всем кредиторам. После этого отец оказался совсем без гроша. Это было ужасно, зато у него оставалась чистая совесть, и он чувствовал себя сча-

сливым от сознания, что его репутация не запятнана. Все последующие годы отец очень бедствовал.

Потеря старшего сына и почти полный крах были страшным, сокрушающим ударом, от которого отец, по-видимому, так и не смог вполне оправиться. Я хорошо помню, что в детстве у меня не было таких игрушек и одежды, как у моих сверстников, с которыми я играл. И если я чего-нибудь хотел, то никогда не осмеливался просить об этом родителей, так как знал, что отец откажет себе в чем угодно, лишь бы у меня было все необходимое. Поэтому я нашел способ добывать все самостоятельно. Я продавал цветы из нашего сада, стриг своих школьных товарищей и бегал по всяким поручениям.

Вспоминая прошлое, я теперь понимаю, что, если б я не был лишен многого в детстве и если б мне не приходилось добывать все самому, пуская в ход силу и сообразительность, я бы не смог добиться успеха в жизни. Если бы мои родители имели возможность баловать меня, я бы не знал и половины своих удач. В тридцать три года я был уже владельцем трех магазинов спортивных товаров, фабрики рыболовных принадлежностей и отлично поставленного предприятия, снаряжающего сафари. И я собирался заняться еще одним увлекательным делом — съемкой кинофильмов.

Почти два года бродил я со своей маленькой съемочной группой по Африке, стараясь снять нужные мне кадры. Я полагал, что операторские и режиссерские просчеты в моих фильмах надо возмещать действием. И в поисках этого действия я нередко рисковал собственной жизнью и жизнью своих помощников. Если на меня бросался лев, я подпускал его к себе на десять футов и только тогда стрелял. А чтобы разъярить слона, я дразнил его до тех пор, пока он не бросался на меня, и лишь в нескольких шагах бедняга получал пулю в лоб. Иногда слоны нападали сами, как это случилось в одну из моих поездок, когда по поручению правительства Бечуаналенда я должен был уничтожить нескольких слонов-отшельников. И вот после многих опасных сафари, пока моя жена терпеливо поджидала меня дома, ухаживая за нашими двумя девочками, Кэрол и Джун, я собрал интереснейший материал для своего первого фильма.

Возвращаясь домой, я день и ночь трудился над фильмом, перекраивал его и монтировал, взяв напрокат обо-

рудование. Постепенно фильм стал приобретать определенные очертания. Вырезая кадры, меняя эпизоды, я чувствовал себя скульптором, создающим из куска грубой глины образ, который он видит перед своим мысленным взором. Всякий раз, когда я просматривал фильм через свой маленький ручной литаскоп, я заново переживал все сцены: вот жаркие лучи солнца пробиваются сквозь густые кроны деревьев; неистовый ритм барабанов, отбиваемый большими черными руками, несется сквозь ночь, а тела носильщиков блестят от пота; стада антилоп импала, гну и буйволов в беспорядке бегут при нашем приближении; а вот желтые, злые глаза и оскал зубов нападающего леопарда.

Когда этот фильм постепенно возникал под моими руками, я старался придумать для него название. Слово «Африка», так горячо мной любимое, должно было войти в него непременно. Возможно, мысль, которую я так долго искал, пришла мне в голову как раз в тот момент, когда я смотрел через свой маленький литаскоп на огромного леопарда Скабенга, который весь дрожал от ярости и, выпустив когти, застыл в прыжке.

Ярость — вот что составляет основу жизни в джунглях. Ярость животного, убивающего другое животное, чтобы сохранить себе жизнь. Ярость. Я со своим ружьем был причастен к ней. И я назвал свой фильм «Ярость Африки».

Фильм наконец был готов. Я устроил просмотр для представителей печати и с трепетом стал ждать рецензии. Мои соотечественники, несомненно, должны быть самыми строгими критиками, они заметят малейшее отступление от истины. Однако, к величайшей моей радости, на следующее утро «Ярость Африки» была расхвалена всеми. Газеты называли ее лучшим сюжетным фильмом о диких зверях, созданном в Африке. Я считал это преувеличением, но тем не менее все это вдохновило меня, укрепило мои надежды и придало мне уверенности. Я уже хотел сесть на первый же самолет и лететь в Англию, чтобы попытаться продать свой фильм, но тут ко мне обратился один американский продюсер из Голливуда, оказавшийся в то время в Йоганнесбурге. Он прочел статьи в газетах и просил меня показать ему фильм. Я, разумеется, охотно согласился.

Фильм произвел на него сильное впечатление. Подавая мне свою визитную карточку, он сказал:

— Если вы повезете этот фильм в Голливуд, обязательно приходите ко мне. В моей студии мы приведем его в порядок и продадим какой-нибудь фирме покрупнее.

Я взял карточку. Звали продюсера Питер Крафт. Это был человек небольшого роста, очень щуплый, с реденькими черными усиками, с копной черных, волнистых волос и бусинками черных глаз, твердыми, словно агат. С ним была его жена, привлекательная блондинка не старше двадцати четырех лет, с такой фигурой, что могли бы соблазнить и отшельника. Она была моложе своего мужа, по крайней мере, лет на двадцать. Я обещал зайти к ним, если приеду в Голливуд.

И вот 9 сентября 1952 года я отправился в свое первое воздушное путешествие, чтобы попытаться счастья в Лондоне и Голливуде. Но, садясь на аэродроме Ян-Смэтс близ Йоганнесбурга в реактивный лайнер «Комета» британской авиакомпании, я даже не представлял себе, что вернусь в Южную Африку только через одиннадцать месяцев. И конечно, мне совсем ни к чему были все те препятствия, разочарования, беды и огорчения, которые я должен был пережить, прежде чем добиться успеха.

Первую остановку я наметил в Бейруте, в Ливане, стране моих прадедов. Отец мой умер в 1945 году, и с его смертью, к сожалению, оборвались все мои связи с этой чудесной страной. В Бейруте жили три его сестры, а также две сестры и два брата моей матери. Я их никогда не видел и никогда с ними не переписывался. О том, что они вообще существуют, я вспомнил только за несколько дней до своего отъезда, когда мать попросила навестить наших родственников. Я решил заехать в Бейрут, но, так как у нас не было ни одного адреса, я не смог предупредить их о своем приезде. Я знал адрес лишь одного человека, с которым отец когда-то вел переписку, и вот к его-то контору я и направился, как только сошел с самолета. Звали его месье Хисаф. Он был небольшого роста, имел внешность образованного человека и прекрасно говорил по-французски и по-арабски. По-английски он знал лишь несколько слов, и поэтому, когда я представился по-английски как «Джордж Майкл, сын Элиаса Майкла, который был, кажется, вашим большим другом», он ничего не понял и весьма вежливо извинился:

— Простите, месье. Я не говорю по-английски.

Как я был в тот момент благодарен своему отцу за то, что он держал нас в строгости, не позволяя детям разговаривать дома ни на каком другом языке, кроме арабского,

— Родной язык прежде всего, — говорил он. — Потом вы можете учить любые языки, но, пока вы живете со мной под одной крышей, говорите на моем родном языке.

Как он был прав! Я удивил месье Хисафа, заговорив с ним на безукоризненном арабском языке.

— Я думал, — сказал я, — что вы говорите по-английски.

Он был страшно растроган, когда узнал, кто я такой. Его старческие глаза наполнились слезами, и несколько секунд он держал мои руки в своих, не произнося ни слова.

— Никогда не думал, — вымолвил он наконец, — что доживу до того дня, когда смогу увидеть сына своего дорогого друга Элиаса. Да, это очень важный день в моей жизни.

Я долго слушал его воспоминания о тех днях, когда он и мой отец были молоды. Потом он стал вспоминать, как отец последний раз гостил в Бейруте. Месье Хисаф признался, что всегда мечтал пойти по стопам моего отца, но Аллах распорядился его жизнью иначе. Об этом он не сожалеет, утешая себя мыслью, что после смерти будет похоронен на ливанской земле. Мой отец не раз высказывал такое же желание, но оно так и не сбылось.

— Месье Хисаф, мне очень хочется повидать своих родственников. Не могли бы вы показать мне, где они живут?

Он очень удивился, что я еще никого не видел, быстро сходил за шляпой и тростью и вывел меня на шумную улицу.

— Сначала мы зайдем к младшей сестре твоей матери. Она живет недалечно отсюда, — сказал он, когда мы пробились сквозь толпу по тротуарам.

Люди вокруг суетились и шумели. Самые энергичные и беспокойные расталкивали всех на своем пути. По булыжной мостовой тянулись навьюченные ослы, погонщики хриплыми голосами выкрикивали:

— Эй, эй, поберегитесь, поберегитесь!

Дорогие «кадиллаки» богатых торговцев беспрерывно сигналили перед верблюдом, который остановился посреди мостовой и задерживал все движение. За нами бежала шумная орава ребятишек, кричавших:

— Бакшиш, бакшиш, во имя Аллаха, бакшиш!

Повсюду около своих товаров сидели на корточках уличные торговцы. Другие расхаживали с лотками на шею,

торгуя липкими леденцами и лепешками или же шурками, щетками и дешевыми гребнями. Продавцы лотерейных билетов тащили их за собой целыми лентами и горланили: «Насиб йя насиб!» (лотерея, лотерея).

Праздная публика прохаживалась по улицам, сплевывая городскую пыль и ритмично постукивая четками. Когда я проходил мимо гадалок, сидевших с поджатыми ногами у своих лотков с песком, они хватили меня за брюки и жалобно выкрикивали какие-то слова, которых я не мог изобразить. Все это было красочно, но убого. Во времена моей бабки жизнь здесь, конечно, была еще более убогой, и теперь я понял, почему ей так хотелось, чтобы ее сын вырастил своих детей в более цивилизованной стране.

— Это старый, бедный район Бейрута, — объяснял мне Хисаф. — Простите, что я завел вас сюда, но это самая короткая дорога к дому вашей тетки.

Мы медленно пробирались сквозь суетливую толпу бе-
дуинов, турок, арабов, евреев, сирийцев, ливанцев, аме-
риканцев — казалось, здесь собрались люди со всех угол-
ков земли. Отчаянно гудели автомобили, громко горланила
вероятно пестрая толпа, в которой черное восточное оде-
ние мужчин и восточная чадра перемежались с европей-
ской одеждой всевозможных покров. Наконец мы выбра-
лись из района трущоб и вышли на главную улицу с ее

нарядной публикой и новейшими моделями американских автомобилей. Среди уличного шума то и дело раздавались резкие свистки полицейского. Он старался упорядочить движение беспокойного потока машин, а нетерпеливые шоферы пытались обмануть его бдительность.

Здесь в витринах современных больших магазинов смешались товары Востока и Запада. Чеканные медные изделия из Сук-эль-Хаддадин, персидские ковры, нейлоновые чулки и белье из Америки, мебель «чиппендейл» и веджвудский фарфор из Англии, глиняные горшки и кувшины из горных районов Ливана — все было собрано на этом космополитическом рынке.

Но вот мы покинули главный проспект и свернули в узкую, крутую улицу, которая вела к Хамра-стрит в Рас-Бейруте. В конце улицы мой проводник остановился и, с трудом переводя дыхание, показал мне на весьма приличный двухэтажный дом, увитый темно-малиновыми бугенвиллеями.

— Вот это дом твоей тетки, — сказал он.

Встреча с родственниками оказалась событием, которого мне никогда не забыть. Мы плакали и смеялись от радости, а потом каждый день в доме устраивались вечера, на которые собирались все родственники, нелли песни и читали специально сложенные в мою честь стихи. Веселье затягивалось до утра. Угощали меня по-царски.

У моих двоюродных братьев был английский автомобиль, и они возили меня по всем замечательным местам Ливана. Я увидел собственными глазами удивительную и прекрасную землю, о которой так часто с большой гордостью, а иногда и с большой грустью говорил мой отец. Я увидел стены древних развалин Баальбека — этого памятника великой цивилизации прошлого — и могучие ливанские кедры, которые стояли здесь еще до Рождества Христова, и могилы пророков, давно умерших и ставших прахом, но оставивших людям свои прекрасные мысли и пророчества. С высоты величественных Ливанских гор я мог обозревать эту землю, которая уходила вдаль, сливаясь с горизонтом. Я видел, как за дальние горы величаво садится солнце в потоках разноцветного пламени, разлитого на вечернем темнеющем небе. Память перенесла меня к дням детства, когда я с восторгом слушал живые рассказы отца об этой земле непреходящей красоты. А когда ночь опу-

стилась на горы, я почувствовал себя частицей этого великолепного спокойствия, разлитого вокруг.

Я был полон мыслей о великом прошлом Ливана, которое так отличалось от его настоящего. Меняются времена, меняется мир и люди в нем. И кто может сказать, к лучшему эти перемены или к худшему? Нравы и обычаи одного народа иногда не имеют никакого смысла для другого, однако существуют и такие обычаи, которые понятны всем, всегда и везде.

Многие ливанцы, разбросанные по всему свету, стараются сохранить в целости традиции своего народа. Но, увы, ассимиляция неизбежна, и, несмотря на усилия многих стойких патриотических семей оживить эти умирающие обычаи, сила западной цивилизации одолевает все и растворяет национальные особенности в единообразии современной жизни. Я бы не хотел увидеть древнюю землю Ливана совсем утратившей свою индивидуальность, за которую она так упорно держалась целые столетия. Но этот процесс в Ливане уже начался, и я видел неоспоримые доказательства. Манера есть, спать, одеваться, говорить, особенности свадебных обрядов и семейного воспитания — все меняется под влиянием Запада.

Старые обычаи были целесообразны. Они придавали народу особое достоинство и особые черты, которые отличали его от всех других народов. Они составляли основу существования и смысл жизни. И они делали наглядным понятие «независимость».

Все же я покидал Ливан с чувством большого удовлетворения, так как исполнил наконец волю своего отца, который очень хотел, чтобы я побывал в его родной стране.

Глава вторая
ЦЕЛЛУЛОИДНЫЕ ДЖУНГЛИ

Я прибыл в Лондон в конце 1952 года. Эта была моя первая поездка в Англию, и я не знал, что меня там ожидает. Я вез с собой плоские металлические коробки с пленками фильма «Ярость Африки», который хотел продать.

В Лондоне я никого не знал, но в газете «Дейли экспресс» работал знакомый одного моего друга в Претории. Мой друг посоветовал мне снять номер в отеле и сразу же позвонить его приятелю в «Экспресс», чтобы выяснить, не знает ли тот какого-нибудь режиссера или продюсера, кто мог бы заинтересоваться моим фильмом.

В лондонском аэропорту я сел в автобус, и мимо меня миля за милю понеслись небольшие домики и магазинчики. Я поинтересовался, скоро ли мы прибудем в Лондон, и был очень удивлен, когда кондуктор сказал, что это и есть Лондон. В своей стране я привык к миниатюрным городам с современными высокими зданиями и широкими улицами, и поэтому разбросанность Лондона меня поразила.

Я остановился в отеле близ Марбл Арч и позвонил приятелю своего друга на Флит-стрит. Мне сказали, что он в отъезде, но тут же спросили, не может ли газета мне чем-нибудь помочь. Я понимал, что такого случая мне, может быть, никогда больше не представится, и объяснил, что приехал сюда из Южной Африки с фильмом о жизни диких животных. Это необычный фильм, и, если мне пришлют ко мне какого-нибудь человека, он не потеряет времени даром. Я мог бы предложить ему хороший материал для сценария и несколько сюжетных фильмов о животных, которые я считал верхом совершенства. Должно быть, человек на другом конце провода не первый раз слышал подобные истории и не проявил большого энтузиазма. Но он сказал, что свяжет меня с редакцией комиксов, ведь это по их части.

Сначала со мной говорил заведующий редакцией, потом еще какой-то человек, который сейчас же назначил мне свидание.

— Около вашей гостиницы нельзя поставить машину, — сказал он, — поэтому давайте лучше встретимся в парке.

Я, конечно, понял, что речь идет о Гайд-парке, как раз напротив Марбл Арч.

— Как мне вас узнать? — спросил я.

— У меня красный спортивный автомобиль, — ответил он, — я буду сидеть в машине, пока вы не подойдете.

Вот при каких обстоятельствах встретился я с Джеймсом Лизором, который потом стал моим большим другом. На бутылкой вина он рассматривал мои снимки, а я рассказал ему несколько случаев, которые мне пришлось пережить во время поездок по Африке. Его поразило отличное качество моих снимков, и приключения мои, по-видимому, тоже произвели на него сильное впечатление.

Он написал обо мне статью и напечатал ее в «Экспресс». Статья вызвала большой интерес у публики. Через несколько дней он позвонил снова, а потом вместе с женой пришел ко мне пообедать. В те дни в Лондоне кусок мяса был почти событием, но один мой друг из американского посольства занес мне накануне фунта два или три бифштексов. Мы их обжарили в моей маленькой кухне и съели с луком и жареным картофелем. После обеда Джеймс Лизор приступил к делу.

— Послушайте, Джордж, — сказал он, — почему бы вам не написать книгу обо всем, что вы пережили?

Меня взволновало его предложение. Сообразив, что над фильмом и книгой можно работать одновременно, я решил написать эту книгу и назвать ее тоже «Ярость Африки». Мысль оказалась очень удачной, и с того времени между Джеймсом и мной завязалась дружба, которая продолжается до сих пор. Он начал писать сценарии для моих телевизионных фильмов, а я стал крестным отцом его старшего сына.

Однако мои дела с продажей фильма не двигались с места. А в последующие месяцы мне стало совершенно ясно, что мир кино — это джунгли, но совсем не такие, к каким я привык.

Я вспоминаю, как охотился однажды в пустыне Кал-хари на льва. Это было в тех местах, где раньше мне всегда везло. В это путешествие за три сотни миль по скверной дороге я отправился вместе с одним старым другом. Я не сомневался, что моему ружью не придется бездействовать. В этом я был уверен не меньше, чем аристократ в собственных охотничьих угодьях. Я вспоминаю, как мы сидели ночью в нашем маленьком лагере перед угольками догорающего костра, прислушивались к ночным шорохам, и я рассказывал своему другу, какие восхитительные переживания ожидают нас завтра.

На следующее утро мы позавтракали вяленным мясом, попили кофе и отправились дальше, осторожно пробираясь по разбитым песчаным колеям со скоростью восьми миль в час. Мы приближались к обетованной земле львов, и это предчувствие наполняло нас первобытным магическим трепетом. Место близ засоленной впадины, которое мы выбрали в ту ночь для стоянки, было мне хорошо знакомо. Я не раз видел, как сотни антилоп — канны, горные скакуны и камы — приходили сюда и с жадностью лизали соленую землю. Это был рай для львов, подстерегающих добычу, и рай для охотников, подстерегающих львов.

По пути сюда мы никого не встретили, однако в нашем лагере сразу же появились африканские охотники, мои прежние проводники. Каким-то совершенно загадочным путем они узнают обо всем, что происходит в их буш-вельде. Наутро мы отправились в джипе вместе с охотниками и стали разыскивать вокруг соленой впадины свежие следы льва. Я несколько не сомневался, что мы выследим его еще засветло, ведь следопыты в этих краях славятся своим высоким искусством. Сидя в джипе, мы все время

ждали, когда кто-нибудь из них хлопнет себя по бедру — условный знак, что им удалось обнаружить свежий след.

Много часов кружили охотники около впадины, но тщетно — все следы были старые. Я решил проехать вперед миль на двадцать, к другому такому же месту. По дороге ко мне подошел какой-то мальчик и сказал, что около их деревни люди слышали рычание львов. Мы свернули к деревне, но оказалось, что львы были там несколько дней назад. Уже без прежнего пыла тряслись мы по отвратительной дороге, усталые, в синяках, сытые охотой по горло. Однако на охоте все дело случая. Я не был так уж уверен, что все наше путешествие кончится ничем, и поэтому решил поискать еще немного около такой же впадины. Солнце жгло нам затылки, а мы все ходили и ходили вокруг. Неожиданно знакомая дрожь пробежала у меня по спине: я увидел перед собой свежий след льва, и мы тут же отправились по следу.

Этот случай не выходил у меня из головы все те бессельные дни, что я провел в Лондоне, пытаюсь заинтересовать какого-нибудь дельца фильмом «Ярость Африки». И исходил Вардур-стрит вдоль и поперек и везде получал отказы через секретарш, которые так же ловко умели любезно отказать, как леопард подкараулить свою жертву.

Их шефы, должно быть, непрестанно заседали, завтракали, пили чай или даже смотрели фильмы. Во всяком случае, в конторе их никогда не было. Меня обычно спрашивали, не смогу ли я зайти завтра и не хочу ли я оставить свое имя и адрес.

Если я оставлял свое имя, о нем больше никогда не упоминали. А если просил назначить мне личную встречу, то получал ответ, что это будет возможно лишь через неделю, а то и через две, потому что у шефа расписана каждая минута. Когда же я все-таки приходил к ним еще раз, ответы оставались точно такими же.

Лишь статья Джимми Лизора в «Дейли экспресс» о моей охоте на крупного зверя спасла меня от полного разочарования. Как только она появилась в газете, я воспользовался ею как рекламой и стал звонить в крупные кинокомпании. Должно быть, некоторые воротили кино все же читают газеты, потому что теперь я без труда добивался у них приема.

Однако после каждого просмотра моего фильма в закрытых кинозалах я по-прежнему переживал жестокие

разочарования. Недостатка в комплиментах не было, но потом начиналась беспощадная критика.

— Здорово, очень здорово, но, на мой взгляд, слишком много крови и жестокости.

— Слишком много реализма.

— Скверно действует на детей.

Такого рода замечания, приводившие меня в бешенство, решили судьбу моего фильма, и он оставался во мраке своих металлических коробок.

Однако в фильме «Ярость Африки» показана лишь простая правда о жизни животных, и, если это слишком грубо для детей, могу ответить, что я не снимаю детских фильмов. Я показал Природу такой, какой она всегда была и останется. Возможно, я ошибся, думая, что люди, привыкшие к спокойной жизни, могут благосклонно смотреть на то, как убивают льва или как леопард терзает бабуина. Но я жил среди всего этого, видел это повседневно и принимал все как обычное проявление жизни в мире животных. Все это происходит постоянно, каждый день, каждую минуту.

Больше всего надежд и бодрости у меня появилось после посещения компании Артура Рэнка, которая очень заинтересовалась фильмом. Мы начали переговоры и для просмотра вызвали цензора. Я сидел на этом сеансе с крепко стиснутыми кулаками и возносил молитвы к небу, но это не помогло. Цензор заявил, что в фильме слишком много жестокости, и приказал сделать вырезки, которые ни меня, ни компанию Рэнка совершенно не устраивали.

— К черту! — решил я. — Если Англия так оценивает «Ярость Африки», повезу фильм в Америку.

Через несколько дней я был уже на борту «Куин Мэри», которая отправлялась в Нью-Йорк. В Америку я ехал впервые, поэтому заранее послал телеграмму своему другу — полковнику Эдварду Блэнку, бывшему авиационному атташе при посольстве Соединенных Штатов в Претории. Он встретил меня в порту. Я оставил свой багаж в гостинице, и потом мы целую ночь совершали стремительные вылазки по барам, кабаре и ночным клубам.

После двух лихорадочных дней непрерывных развлечений я понял, что Эд старается отплатить за гостеприимство, которое ему оказывали в Претории в течение трех

лет. Я почувствовал, что могу похоронить себя навеки в самых глухих и недоступных джунглях. Доброте Эда, казалось, не будет конца, и, проведя с ним и его семьей некоторое время в Вашингтоне, я удрал на Рождество к другому своему старому знакомому — турку Хармбургеру. Он был в Претории вторым авиационным атташе и моим партнером в увлекательных сафари. Вернувшись из Африки, он стал вести спокойную жизнь буржуа в городе Дайтоне штата Огайо.

Все дни праздника мы предавались воспоминаниям, а потом я улетел в Лос-Анджелес. Там я остановился в гостинице близ знаменитого перекрестка Голливудского бульвара и Вайн-стрит. Я сразу же позвонил Питеру Крафту, американскому продюсеру, с которым встретился в Претории, заинтересовав его фильмом «Ярость Африки». Мы назначили встречу на следующий день, и он обещал показать мне свою студию, монтажную и лабораторию. Контора его помещалась этажом выше.

Крафт имел странную привычку сообщать о цене каждого предмета оборудования, которое он мне показывал,водя по студии.

— Эта машина стоила мне двадцать пять тысяч долларов, — говорил он, а я делал вид, что цена произвела на меня впечатление. — Этот копировальный аппарат обошелся в двадцать тысяч долларов. А вот здесь машина, которая переводит снимки с 16-миллиметровой пленки на 35-миллиметровую. Мы используем эту ма-шину, когда начнем работать над вашей картиной.

Все это производило на меня очень приятное впечатление. Наконец-то, думал я, мы на верном пути. Вот человек, который располагает всем необходимым, чтобы мой фильм мог иметь успех. Мне не терпелось поскорее приступить к пленке.

Видя, что я сгораю от желания отдать ему свой фильм, Питер не стал терять времени и тут же составил договор, по которому я соглашался отчислять ему треть прибыли. Я подписал договор с радостью, и через несколько дней мы приступили к монтажу фильма. Это происходило не в студии, как я ожидал, а в маленькой комнатке рядом с его конторой. Оборудование было не лучше того, каким я пользовался в Претории, завершая свой первый монтаж.

— Внизу у нас слишком много срочной работы, — объяснил он, — а эту мы без труда можем делать и здесь.

Сначала его объяснения меня вполне удовлетворяли, но потом, увидев, как идет работа, я стал задумываться, так ли уж хорошо он знает дело, как хотел показать. Я чувствовал, что результаты часто получаются неважные, и меня охватывало какое-то беспокойство.

К тому же я заметил, что в лабораторию он старается спускаться тайком от меня. А когда в перерывах мы ходили в дешевый ресторан напротив нашего дома, чтобы съесть тарелку бобового супа с крекером, он всегда давал мне возможность заплатить свою долю. У меня зародилось подозрение. Я осторожно и тактично стал расспрашивать о Питере сотрудников лаборатории и вскоре узнал, что настоящим ее владельцем был человек по имени Оскар Френд, с которым я сумел встретиться. Это открытие меня взбесило, но я ничего не стал говорить Оскару, пока мне не представился случай позавтракать с ним в Браун-Дерби.

Оскар очень расстроился, когда я рассказал ему обо всех своих подозрениях.

— Питер Крафт, — сказал он мне, — тип довольно подозрительный, с ним лучше не связываться. Он арендует у меня контору, но не имеет никакого отношения ни к студии, ни к лаборатории. Когда я впервые увидел вас в его компании, то сразу же подумал, не затевает ли он опять какую-нибудь махинацию.

— Так что же мне делать? — спросил я.

— Как можно скорее избавиться от этого договора.

А Питер Крафт тем временем придумывал объяснения, почему ему до сих пор не удалось продать «Ярость Африки». Кинокомпании не заинтересованы, говорил он, и не потому, что фильм им не понравился. Сейчас появился синемаскоп, стерео, синерама и другая штука для широкого экрана, поэтому кинопромышленники действуют очень осторожно и пока не берут на себя никаких обязательств.

Время было действительно трудное, и Питер, не сумев сразу сбыть с рук мой фильм, упал духом. Я стоил ему денег, а достать их было негде, и, хотя он все еще разыгрывал крупного продюсера, я уже знал ему цену.

— Питер, — сказал я однажды утром, — я бы хотел зайти к вам в контору и поговорить.

— Конечно, конечно. Хоть сейчас,— пригласил он.

Мы сели, и я сразу же приступил к делу.

— Не думаю, что нам удастся пристроить где-нибудь этот фильм. И, чтобы не терять попусту ни вашего, ни моего времени, было бы благоразумнее считать дело законченным и расторгнуть договор.

— Странно, что вы первый заговорили об этом,— ответил он,— уже несколько дней я думаю о том же самом и теперь вот решил, как уладить дело.

— Что вы предлагаете? — спросил я.

— А вот что,— с готовностью ответил он.— Все это время я вынужден был заниматься только вашей картиной и забросил всю остальную работу. Вы, конечно, понимаете, что время для меня дорого. Время — деньги. Я думаю, что, если вы заплатите за мое время и мою работу две тысячи долларов и оплатите все расходы по лаборатории, я смогу освободить вас от обязательств по договору.

Только тут я сообразил, как близко плавал от пасти крокодила. Проделав с моим фильмом мнимую работу, Крафт теперь хотел продать его мне же, и за немалую цену! Да, я оказался в роли невинного младенца.

— Черта с два! — резко отчеканил я.

Его добродушное настроение сразу исчезло, и я понял, что ответил как надо.

— Постойте, постойте, что это с вами? — спросил он с раздражением.

— А вот что. Вы обманули меня и заставили подписать договор, решив, что я слишком глуп и не смогу ни в чем разобраться. Вы пытались внушить мне, что кинолаборатория внизу принадлежит вам и что вы водите дружбу со всеми заправилами кино. Но теперь я знаю, что вы просто жалкий лгун. Доставайте-ка контракт и порвите его. Иначе я оставлю от вас одни клочья и выброшу их в окно.

В этот решающий момент в контору вошла его жена Маурин.

— Послушайте, что здесь происходит? — спросила она.

Кипя от негодования, я рассказал ей обо всем. Не знаю, была ли Маурин сообщницей мужа или просто очень преданной женой, но она не захотела поверить в то, что Крафт пытался меня надуть.

— У вас нет никаких доказательств. Вы просто сочиняете обвиненца, — сказала она.

И тогда я понял, в какой оказался ловушке. Ну, конечно, я не смогу доказать, что Питер Крафт меня обманул. Я был введен в заблуждение его хвастливой болтовней и отдал ему пленки. По закону он может требовать за них сколько хочет. Единственный способ получить пленки обратно — выкупить их.

Но если бы я даже и согласился на грабительские условия Крафта, все равно мне нечем было бы заплатить ему. Небольшая сумма, которую южноафриканское правительство обменяло мне на доллары, уже подходила к концу. Оставшихся денег едва хватит на то, чтобы оплатить счет за гостиницу и пробыть в Голливуде еще две-три недели. Я жил здесь уже почти два месяца, все деньги были истрачены. Вдруг мне пришла в голову мысль: где оригинал моего фильма? Окажись он снова в моих руках, я бы еще мог одолеть Крафта.

Я встал, небрежно снял с вешалки шляпу и, к изумлению Крафта и его жены, с самым беззаботным видом вышел из конторы. Чтобы попасть на лестницу, ведущую к выходу, надо было пройти через маленькую комнату, которую мы использовали для монтажа. Я быстро оглядел ряды металлических коробок над монтажным столом и в ту же секунду заметил надпись «Ярость Африки».

Все, ради чего я работал, все мое будущее зависело теперь от этих двух коробок. Крафт, должно быть, услышал, что я остановился, и вышел из-за своей конторки, так как в это время раздался скрип его вращающегося стула. Я быстро подскочил к коробкам и уцепился за них обеими руками, но никак не мог их вытащить. Они были крепко зажаты между другими коробками.

— Эй, оставь пленки в покое! — раздался за моей спиной голос Крафта.

— А поди ты к черту! — огрызнулся я.

Он кинулся на меня как дикий зверь, но у него не оказалось достаточной силы и гибкости. Одним рывком я сбросил с себя его тщедушное тело, и, когда он поднял испуганное лицо, я что есть силы стукнул его в подбородок. Крафт свалился как подкошенный. Его жена, стоявшая в дверях, подняла отчаянный крик, но я не обращал на нее внимания и все старался вытащить коробки с пленками. Пока я с ними возился, на лестнице послышались

шаги, двери распахнулись, и в комнату влетел Оскар с двумя своими сотрудниками.

— Что тут, черт побери, происходит? — спросил он.

— Сначала приведем в чувство этого мелкого жулика, — ответил я, — потом я вам все расскажу.

Вскоре Крафт уже сидел на стуле и бессмысленно моргал глазами.

— Ну что ж, послушаем, — предложил Оскар.

Я очень коротко рассказал обо всем случившемся.

— Это наглая ложь! — закричала Маурин.

— Ну ладно, успокойтесь, — проворчал Оскар. — Питер уже давно этим занимается. Лучше подумаем, как нам все это уладить.

Он увел меня в свой кабинет. Прежде чем начать разговор, мы посидели, покурили.

— Вы сваяли страшного дурака, отдубасив этого Крафта, — сказал Оскар. — Но я могу себе представить, в каком вы были состоянии. А теперь послушайте меня. Чтобы с ним разделаться, лучше всего заплатить ему. Потому что, если он подаст в суд или вы на него подадите, это обойдется в десять раз дороже того, что он просит.

— Но ведь у меня нет денег, Оскар, — возразил я.

— Нет, они у вас есть, — ответил он. — С этой самой минуты они у вас есть, — он вынул пачку стодолларовых бумажек и отсчитал мне десять штук.

— Это только тысяча, — сказал я, — а он просит две.

— Будет доволен и одной.

— И еще вот что, Оскар. Я не могу принять от вас этих денег, не дав вам никакой гарантии.

— Ну хорошо. Я заключаю с вами сделку. Если это успокоит вашу совесть, я оставлю у себя оригинал фильма. Так будет безопаснее. Потом я забираю у Крафта копию, чтобы вы смогли предложить ее какой-нибудь кинофирме. Ну, как?

— Прекрасно, — еле выдавил я.

Оскар позвонил Крафту, и тот явился через несколько минут, хмуро потирая челюсть. Но боевой дух его уже покинул, и вскоре он согласился на тысячу долларов, которые предложил ему Оскар.

Продать свой фильм мне надо было в ближайшие же две недели, пока еще оставались деньги на жизнь. Меня терзало отчаяние. Я должен был Оскару тысячу долла-

ров, которые он заплатил Крафту, да еще около трехсот долларов за работу, выполненную в его лаборатории.

С фильмом под мышкой ходил я из студии в студию, получая везде один и тот же ответ: очень жаль, но пока не прояснится это дело с синемаскопом, у нас связаны руки. Продержитесь еще немного. А там, может быть, у нас с вами что-нибудь получится.

И я таки держался. Прошел еще месяц, в Голливуде все было по-старому. Но судьба улыбнулась мне за океаном. Одна издательская фирма в Лондоне приняла мою рукопись о приключениях на охоте в Африке, и я с восторгом прочитал сообщение, что первая моя книга «Ярость Африки» скоро будет напечатана.

Как-то рано утром у меня в номере зазвонил телефон. Говорил Оскар.

— Куда же ты пропал? Давно не видел тебя. Как самочувствие?

— Я здоров.

— А с фильмом что-нибудь выходит?

— Пока нет.

Наступила долгая пауза, и я уже думал, что Оскар повесил трубку. Но его голос меня успокоил.

— Рад буду тебя видеть. Почему не заглядываешь?

— Хорошо, Оскар, я зайду сегодня утром.

— Блестяще! Ну, до скорого. Жду.

Вот и все, думал я, вешая трубку, Оскар давно ждет своих денег и теперь хочет, чтобы я вернул ему хотя бы часть долга.

Я приехал в его контору, приготовившись отдать оригинал фильма в его полное распоряжение и таким образом расплатиться с ним. Я готов был признать свое поражение и вернуться в Африку.

— Садись, Джордж, — сказал он своим мягким голосом. — Расскажи-ка мне, сколько у тебя осталось денег?

Я с трудом перевел дыхание, прежде чем ему ответить.

— Нисколько. Сейчас я истратил последние пятнадцать центов на автобус.

— Так я и думал. Что же ты, черт подери, не приходил ко мне раньше? Проклятая гордость, да?

Я даже не смел взглянуть на него.

— Послушай, Джордж,— продолжал он,— я знаю, что у тебя скверное положение. Знаю, что ты едешь в трамваях и автобусах, а не в такси, и даже ходишь пешком по многу миль в день, чтобы сэкономить гроши. Скажи на милость, какой в этом смысл? Ведь тебе надо действовать быстро и кругом поспевать.

— Но как же...

— Не перебивай. Дай мне кончить, и тогда можешь разглагольствовать сколько твоей душе угодно. Так вот, у меня есть «шевроле» с откидным верхом. Можешь взять его и ездить сколько хочешь. А здесь,— он нагнулся, выдвинул ящик и вынул из него пухлый конверт,— здесь две тысячи долларов. Этого тебе хватит на некоторое время, а когда все истратишь, у меня найдется еще.

Я онемел и просто не верил своим ушам.

— Ну ладно, приди в себя,— сказал он.

Я был в восхищении от той простоты, с какой он сделал этот великолепный жест, так что его благодеяние не было мне в тягость. Осипшим голосом я пытался его благодарить.

— Да бери, чего уж там,— перебил он.

— Но скажи мне ради Бога, если я не продам фильм, чем же я расплачусь с тобой?

— Фильм ты продашь. Не волнуйся. А если и нет, то вот что я тебе скажу — я скоро собираюсь в Африку, и ты устроишь для меня сафари. Вот мы и будем квиты, так, что ли?

Я не находил слов. Этим поступком он восстановил мою веру в человечество. Он дал мне возможность продержаться еще немного. А мне это нужно было до зарезу. Я вышел из его конторы как ошалелый.

Ровно через две недели у меня в номере снова зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Послушайте, это вы продаете картину об Африке? — спросил незнакомый голос.

— Я. А кто спрашивает?

— Мое имя Сэнсом, Лез Сэнсом. Я из Артистического объединения. Не покажете ли вы нам свой фильм? Может быть, он нас заинтересует.

Не покажу ли я им свой фильм? Что за вопрос! И когда я его показал, Артистическое объединение выплатило мне первый гонорар — двадцать пять тысяч долларов! Как

и в той охоте на льва, свежий след я нашел в самый последний момент.

Как на крыльях полетел я к Питеру Крафту и с договором в руках вошел в его контору.

— Ну, ну... не затевайте ссору, — пробормотал он, занимая оборонительную позицию.

— Нет, Питер, я пришел сюда не для ссоры. Я только хочу задать вам один вопрос.

— Какой вопрос? — произнес он с облегчением.

— А вот какой, — сказал я, размахивая своим новым договором. — Слыхали вы когда-нибудь о курице, несущей золотые яйца?

— Д-да.

— Ну так читайте, — я бросил договор ему на стол.

Он нерешительно взял его в руки и стал читать. Я дал ему достаточно времени, чтобы он мог осмыслить прочитанное, потом вынул договор из его дрожащих пальцев и вышел из конторы. Больше я туда не возвращался.

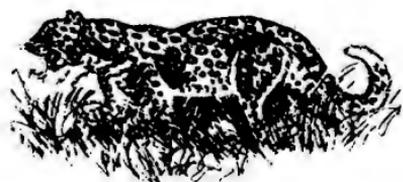
Аванс, полученный за фильм, позволил мне расплатиться с Оскаром. Взять от меня большую сумму он отказался. Тогда я сменил покрышки на его «шевроле», сделал капитальный ремонт мотора и, не сказав ему об этом ни слова, оставил машину в его гараже.

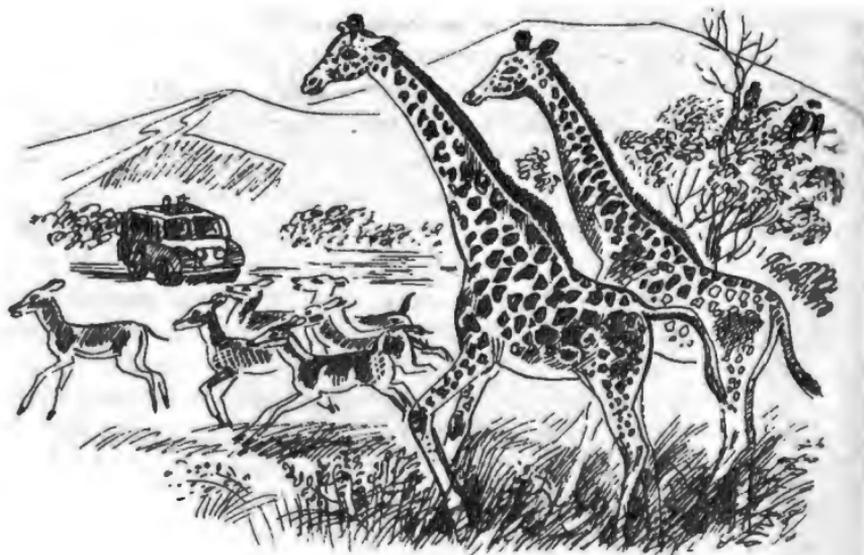
В Лос-Анджелесе я пробыл еще месяц, работая с Артистическим объединением над фильмом «Ярость Африки» и просматривая свою книгу. В свободные минуты я не отходил от телевизора, стараясь уловить дух американских передач. До отъезда в Африку я уже точно знал, что интересуется американскую публику. У меня была твердая уверенность, что серия телевизионных фильмов об Африке, снятых с натуры, будет иметь успех. Но нужно было по-иному подойти к обычному фильму о животных, придумать какой-то особый ход.

И вот, когда я летел домой на реактивном лайнере «Комета», у меня зародилась мысль о фильме «Семья Майклов в Африке», в котором будут показаны подлинные приключения одной семьи во время «охоты» на крупного зверя. Это должно было привести к большим переменам во всей моей жизни.

Теперь моя семья сумеет повидать Африку: ее животных, ее людей, ее чудеса. Мы сможем побывать в глухих джунглях, пройти через выжженные пески пустынь, путе-

шествовать по могучим рекам и холмистым равнинам, и
лесам, топям и долинам, которые я хорошо знал и любил.
А зрители телевизионных передач будут мысленно путе-
шествовать с нами. Они увидят все, что видели мы,
спокойно сидя у себя дома, разделят с нами опасные при-
ключения.

Глава третья КИНОСЪЕМКИ В АФРИКЕ

Вернувшись в Преторию, я сразу же рассказал жене и детям о своем замысле. Прежде всего я набросал им общий план всей серии фильмов.

— Это будут фильмы о повседневной жизни африканской деревни. В них я покажу, как африканцы делают ткани для своей одежды, как строят дома, как охотятся, добывая себе пропитание,— объяснял я.— Затем я хочу рассказать о некоторых удивительных суевериях и древних обрядах племен, живущих в глухих лесных районах. Многие люди даже не знают, что в Африке до сих пор существуют колдуны и вера в колдовство. И, конечно, я покажу животных. Я подведу их к экрану телевизора во всей их естественной красе и свирепости.

— Мы, конечно, всегда с тобой, дорогой,— сказала моя жена Марджори.— Но ведь твой замысел не так уж оригинален, не правда ли?

Я чувствовал, что мои родственники слегка разочарованы. Я их очень заинтриговал, и они ждали, что я выскажу совершенно новые мысли о съемке. Я действительно

задумал нечто такое, что казалось мне новым, но хотел заручиться их поддержкой заранее, прежде чем раскрыть свой основной замысел. Сначала они проявляли свои чувства робко: были полны родственной преданности, но тут примешивался и некоторый оттенок терпеливой покорности. Несомненно, им было безразлично, чем мы будем зарабатывать на жизнь через месяц или два. Они готовы были признать, что моя поездка в Англию и Америку прошла небезуспешно, и в то же время все ожидали, что глава их семьи придумает что-нибудь более интересное, чем до сих пор.

Я небрежно положил ногу на ногу. Мне хотелось создать атмосферу покоя и безмятежности, а уж потом ошеломить их своей захватывающей идеей. Однако нет никакого смысла разыгрывать спектакли перед своими близкими: они так часто видят репетиции и представления, что это уже не производит на них ни малейшего впечатления. Благодаря удивительной интуиции, свойственной женщинам, Марджори почти сразу раскусила меня и испортила мне игру.

— Итак, мы собираемся делать то, что уже делали другие, не правда ли? — спросила она. — Джордж Майкл, что ты там еще задумал? Выкладывай-ка все, да поживее, не то останешься без ужина.

Она посмотрела на девочек.

— Если это будет в ущерб учебе Кэрол и Джун, разумеется, я не пойду на это ни в коем случае.

— Да, Марджори, — сказал я, — ты напала на след. Героем этих фильмов будет целая семья. Ты, Кэрол и Джун будете исполнять главные роли. Я уверен, что на свете еще не бывало сафари подобного рода. Это само по себе уже новшество, и его надо использовать как приманку для публики. Ведь как бы ни были прекрасны наши фильмы, чтобы их продать, нужно сделать оригинальный ход.

По выражению лица Мардж я понял, что она все еще не одобряет моей затеи.

— Мы с тобой люди взрослые и можем ездить куда нам заблагорассудится, — сказала она, — но как быть с образованием детей?

— Путешествия, встречи с новыми людьми, знакомство с иными обычаями — все это тоже неплохое образование, — ответил я, — но если ты все же не передумаешь (а надо сказать, такая возможность мною предусмотрена), я

соглашусь устраивать все наши поездки во время каникул и выходных дней. И буду следить, чтобы дети выполняли домашние задания.

Кэрол и Джун школу любили, хотя, может быть, это и не всегда свойственно детям. Нашим девочкам пришлось пережить очень много разных приключений, с которыми большинство ребятшек знакомится лишь по книгам, в кино или по телевизору. Вот почему, мне кажется, школа с ее дисциплиной была для девочек не скучной обязанностью, а еще одним приключением в жизни. Конечно, пропустить несколько занятий они были не прочь, но им не хотелось, чтобы школьные товарищи их обгоняли. Кэрол в то время было двенадцать лет, Джун — около восьми.

Я заметил, что Марджори начинает сдаваться.

— Я против того, чтобы использовать детей в качестве «приманки», как ты это называешь, — сказала она, — особенно если речь идет о собственных детях. Но я понимаю, что мы живем не так, как все. Тебе не приходится таскать каждый день на службу свой котелок и зонтик. Да я бы за такого, пожалуй, и не вышла. Так что, куда бы ты ни поехал, мы всегда будем с тобой.

Девочки вскочили и бросились мне на шею.

— Замечательно! — закричала Джун, крепко меня обнимая. — Какой чудесный у нас отец!

Она приподнялась на цыпочки и шепнула мне на ухо несколько слов.

— Что она тебе сказала? — спросила Мардж.

Я посмотрел на смущенную Джун и ответил:

— Она сказала, что не будет бояться.

План, разработанный мною в последующие дни, смутил бы и самого опытного охотника. Я включил в него все более или менее интересные районы Африки, не слишком далекие, конечно. У меня получилась карта, охватывающая многие тысячи квадратных миль: озеро Бангвеоло, Лунные горы, леса Итури, Килиманджаро, пустыня Калahari и десятки других мест, названия которых так волновали мое воображение в молодости. Я любил эти безлюдные земли, где дикие звери, бросаясь на незваных гостей, несутся со скоростью тридцати миль в час, где смерть таится в безмолвной чаще и в совсем безобидных на вид реках. Прекрасный, но жестокий и яростный мир. И теперь мне предстояло отправиться в путешествие по этим без-

людным просторам, где трудно рассчитывать на человеческую помощь. Покорение диких пространств Африки — вот какую цель я ставил перед собой. Но оружием моим будет кинокамера, и мои жертвы должны быть запечатлены на пленке, а не висеть по стенам почетными трофеями. И в это необычайное сафари со мною поедет моя жена и двое маленьких детей.

Я начал с Национального парка Крюгера, старейшего заповедника Африки. Его площадь достигает восьми тысяч квадратных миль, лишь немного уступая острову Сицилии. В живописнейших уголках парка разбросано тринадцать туристских баз, связанных между собой сетью дорог.

Этот парк был основан президентом Крюгером, который впервые заговорил о нем в 1884 году. Но лишь через четырнадцать лет эти земли были объявлены заповедными. Сначала их называли заповедником Саби. С юга на север парк простирается от реки Крокодилей до реки Саби, а с востока на запад — от Лебомбо до Драконовых гор. В 1902 году, к концу войны в Южной Африке, был назначен первый директор заповедника — полковник Дж. Стивенсон-Хэмилтон.

Многие годы преодолевал полковник сопротивление налогоплательщиков, которые не хотели, чтобы их деньги тратились на дикие пространства. Ему пришлось бороться и против охотников, уничтожавших стада диких животных. Местные племена тоже были недовольны, когда им запретили охотиться на землях их отцов. Только после долгих лет терпеливого и напряженного труда полковнику Стивенсон-Хэмилтону и его добровольным помощникам удалось превратить эту территорию в заповедные земли, как было задумано Крюгером. Сейчас это известнейший в мире заповедник диких зверей.

Сначала я сделал пробный фильм, чтобы посмотреть, как отнесутся к нему возможные покупатели в Соединенных Штатах, а потом серьезно взялся за серию из пяти пятнадцатиминутных фильмов, насыщенных действием и волнующими деталями. Некоторые наиболее забавные происшествия невозможно было показать на экране, зато у нас остались о них чудесные воспоминания. Однажды я поймал капканом десятифутового питона и, крепко ухватив его за шею, чтобы он не смог обвиться вокруг меня, просунул его страшную голову в окно машины, где сидела моя жена с детьми. Они не заметили, как я подошел к

машине, и так испугались при виде ужасной змеиной головы, что чуть не навсегда потеряли интерес к охоте. Я смотрел на все как на шутку, однако моя семья лишь очень много времени спустя согласилась считать это шуткой.

Нередко героем приключений становился наш слуга Пенга. Этот славный парнишка всегда с большой охотой принимал участие в наших киноэкспедициях. Ему можно было поручить многие дела во время стоянок, так как он был смышлен и любознателен от природы.

В одну из наших поездок в Бечуаналенд Пенга стал главным героем удивительного эпизода — эпизода, который заставил меня задуматься: не заключена ли, в конце концов, в заклинаниях африканских колдунов какая-то сверхъестественная сила?

Мы разбили лагерь около небольшой деревушки у реки. Мне хотелось в свободные от кино съемок дни иметь возможность спокойно посидеть несколько часов на берегу с удочкой в руках. Пенга и два других парня стали собирать хворост для костра, а потом отправились в деревню, чтобы купить там местного пива.

Когда Пенга и его друзья вернулись с пивом, по их виду можно было догадаться, что у них есть для меня новости.

— Баас, вам надо сходить завтра в деревню к колдуну. Жители говорят, что он очень сильный колдун, может заранее все предсказывать и превращать людей в крокодилов. Говорят, он напускает на людей порчу, так что они болеют и умирают. Даже лекарство белого человека не может их спасти.

Меня очень интересовали суеверия лесных племен. Они сохраняются в течение многих столетий — это мудрость народа, переходящая от поколения к поколению. Я решил сходить утром в деревню и поговорить с колдуном. Но Пенга не разделял моего почтения к древним загадкам своего народа. Сидя у костра, над которым аппетитно шипели куски мяса, он высмеивал магию колдуна.

— Смотри, будь осторожен, — предупреждал я его. — Не говори ему этого завтра в глаза, а то он тебя заколдует. Я говорил это в шутку.

После завтрака мы поехали в деревню. Она представляла собой несколько сплетенных из прутьев хижин под травяной крышей. Поперек открытого входа жители обыч-

но клали большой сук, чтобы какой-нибудь зверь не забрался внутрь хижины. Мы стояли на самом солнцепеке среди толпы любопытных зрителей, поджидая Пенгу, который искал колдуна. Через несколько минут колдун вышел из хижины и направился к нам. Толпа отступила. Его причудливо раскрашенное лицо, мягкая кошачья походка и легкое позвякивание амулетов и украшений производили жуткое впечатление.

Я соблюдал все церемонии и обращался к колдуну с должным почтением. Когда он подошел поближе, я увидел его горящие, налитые кровью глаза. Он сообщил мне, что может гадать по луне и звездам и что по тыкке, наполненной жидкостью, извлеченной из крови бабуина, змеиной кожей и глазами крокодилов, он может прочитать прошлое и будущее. Я слушал с огромным интересом, стараясь запомнить детали и думая о том, как бы уговорить колдуна сняться во время исполнения магических ритуалов. Но Пенга испортил все дело. Он стал вслух смеяться над торжественной речью колдуна, стараясь показать собравшимся свое превосходство цивилизованного человека.

Колдун неожиданно отпрыгнул назад, потом в сторону и указал на Пенгу дрожащей от ярости рукой. Толпа застонала, и даже я почувствовал силу этого человека.

— Ты издеваешься над могуществом моих заклинаний,— сказал сердито колдун.— Тот, кто посмеет глумиться над силой моего колдовства, будет проклят. Я проклинаю тебя!

Толпа вздрогнула, издав тихий возглас «а-а». Пенга с испугом отпрянул, сверкнув белками глаз.

— Не уйдет с неба этот месяц, как твой хозяин поднимет на тебя ружье. Он выстрелит в тебя, и твоя кровь превратится в воду.

Колдун снова сделал прыжок, попятился и, повернувшись, величественно направился к своей хижине.

Его страшные возгласы все еще звучали у нас в ушах, когда мы возвращались в свой лагерь. Пенга был напуган и всю дорогу молчал.

Однако в последующие дни, когда снова начались волнения наших съезок, безумное проклятие колдуна стало постепенно стираться в памяти, и мало-помалу все о нем забыли.

Но вот однажды, когда я с семьей ушел из лагеря, чтобы посидеть с удочкой у реки, где было полно рыбы,

наши работники стали уговаривать Пенгу сесть за руль автомобиля. Пенга легко поддавался на уговоры. Ему не хотелось ударить лицом в грязь перед своими соотечественниками. Машину он никогда в жизни не водил, но, наблюдая за мной, усвоил самое необходимое, чтобы суметь завести ее и тронуть с места. К сожалению, он не знал, что делать дальше. Последствия были ошеломительны.

Когда мы вернулись в лагерь, там все было перевернуто вверх дном. Палатки сорваны, повсюду разбросаны сломанные, помятые и разбитые горшки, кастрюльки, столы, стулья и лампы. Я узнал, что Пенга где-то прячется. Автомобиль оказался в канаве недалеко от лагеря, в грязи на целый фут. Сначала я испугался, что он совсем вышел из строя и мы остались без средств передвижения, но, к счастью, его крепкая рама легко выдержала все удары, а мотор после небольшой чистки спокойно заработал. Мое раздражение против Пенги постепенно улеглось, и я увидел все это происшествие с комической стороны. Неплохой бы вышел эпизод, подумал я, и решил разыграть всю эту сцену заново.

Однако сначала надо было разыскать Пенгу, главного героя. Ребята обшарили всю местность, стараясь напасть на его след. Но Пенга, страшась моего гнева, убежал в глубь леса. Он был без оружия, и это меня очень тревожило, так как я узнал, что где-то поблизости появился леопард. А леопард в отличие от льва подкарауливает свою жертву тихо и набрасывается на нее сзади. Я взял винтовку, и мы отправились разыскивать Пенгу. Ребята без труда шли по его следу, углубляясь все дальше и дальше в заросли. Неожиданно они остановились, и я услышал где-то слева от себя треск веток. Думая, что это Пенга, я крикнул. Треск не прекращался, и было похоже, что это не человек. Мы стали тихо подкрадываться и вдруг сквозь просвет в зарослях увидели слониху, которая крушила дерево. Я спустил предохранитель винтовки, но слониха уже заметила нас и с шумом скрылась в чаще. Мы вернулись на след Пенги. Я начинал сильно волноваться и прибавил шаг, ведь встреча со слоном показала, какой опасности подвергается безоружный Пенга.

Проплутав около часа, мы вышли на поляну и на дальнем ее конце увидели Пенгу.

— Вернись сейчас же! — крикнул я, но он убежал.

Нужны были решительные меры. Я сделал два выстрела, взяв намного выше его головы. Пенга остановился и растыл на месте от ужаса. Мы бросились к нему, и я начал его убеждать, что вовсе не сержусь. Но Пенга весь дрожал от страха и вращал глазами.

— Бвана, — выдавил он, стуча зубами, — проклятие колдуна!

Я вдруг все вспомнил и с того дня стал более осторожно судить об этой странной магии.

Когда мы вернулись в лагерь, Пенга немного успокоился, и я рассказал ему, что хочу снять на пленку сцену с автомобилем. Пенга слушал внимательно, его глаза сияли от удивления и гордости.

Целый день мы наводили порядок в лагере, и на следующее утро все было готово к съемке. Я укрепил камеру на капоте автомобиля и направил объектив прямо на кабину, чтобы получше можно было показать выражение лица Пенги. Сам я хотел устроиться на правом переднем крыле и давать Пенге наставления.

— Начинаем, Пенга, — сказал я. — Вон там внизу сцепление, поставь туда ногу и посильнее нажимай, пока я не скажу «довольно». А это, — я показал на педаль акселератора, — подает газ. Если нажмешь ногой очень сильно, газа будет слишком много.

Я заставил его проделать все несколько раз, чтобы он получше усвоил, потом показал, как сбавлять скорость и останавливать машину. Когда я сел на крыло, у меня не было никаких опасений. Пенга устроился за рулем, мотор ровно застучал, и я дал сигнал к отправлению.

От сильного рывка я едва не свалился на землю. Машина почти поднялась в воздух, стволы деревьев замелькали у самого радиатора.

— Поверни руль! — крикнул я.

Пенга так ревностно стал исполнять мой приказ, что машина чуть не опрокинулась. Кое-как ее выровняв, он на бешеной скорости понесся к лагерю.

Я думал лишь о том, как бы удержаться на машине, и не мог разобрать, куда мы едем, но все же успел заметить, как Марджори и дети в страхе удирают из лагеря.

— Пенга! — заорал я, стараясь перекричать рев машины. — Убери ногу с акселератора, сейчас же убери ногу!

Автомобиль сделал рывок и помчался еще быстрее. А Пенга совсем потерял голову, пока мы метались из сто-

роны в сторону среди кустов и деревьев. Его подбрасывало на сиденье, а он мертвой хваткой вцепился в рулевое колесо и ни за что не хотел выпускать его. Мне казалось, еще немного — и у меня оторвется голова.

Когда мы снова проносились мимо лагеря, я увидел огромное дерево с толстым суком, торчащим в сторону на высоте около четырех футов от земли. Оно стояло как раз на пути нашей обезумевшей машины, и я понял, что через какую-нибудь секунду мы врежемся в него. В тот самый момент, когда машина налетела на дерево, я невольно пригнул голову. От удара кинокамера сорвалась с капота и свалилась в кабину, пробив ветровое стекло. Я со всего размаху стукнулся левым боком о сук, сорвался с крыла и кувырком покатился по высокой траве, отлетев на несколько ярдов в сторону. Еле дыша, я лежал на земле, а машина продолжала нестись с бешеной скоростью. В конце концов она свалилась с речного обрыва и остановилась, зарывшись носом в грязь.

Я медленно открыл глаза и с облегчением стал слушать, как легкий ветерок шелестит в ветвях деревьев. Первые минуты лес казался мне неестественно тихим, потом я услышал топот людей, бегущих в мою сторону. Когда Мардж и дети нашли меня, я был уже на ногах и ощупывал себя, пытаюсь определить, все ли кости у меня целы. Жена моя была бледна от потрясения, дети плакали. Чтобы их успокоить, я старался улыбаться, но, чувствуя острую боль в ребрах, невольно морщился.

— Наверно, у меня сломана парочка ребер, — произнес я, едва переводя дух.

— Если ты сломал только ребра, тебе очень повезло, — сказала Марджори. — Это была глупая затея. Ты мог разбиться насмерть.

В это время ребята из лагеря привели ко мне дрожащего, но невредимого Пенгу. Видимо, когда машина свалилась с обрыва, он, пытаясь выскочить из кабины, потерял равновесие и шлепнулся в грязь лицом. Белки его глаз горели, как два ярких фонаря среди ночной тьмы. Несмотря на боль в боку, я не мог удержаться от улыбки.

Мне повезло вдвойне, так как машина не получила серьезных повреждений. Мы быстро привели ее в порядок, погрузили вещи и отправились в Преторию. Там я пошел на рентген. Медицинское обследование подтвердило мои

опасения. У меня было сломано три ребра. Зато все киноплёнки остались целы, и это меня утешало.

Доктор наложил мне повязку из лейкопластыря шириною в три дюйма и сказал, чтобы я не снимал ее недели две.

— А как ее потом снять? — спросил я.

— Просто садитесь в горячую ванну, и пусть повязка как следует намокнет, тогда она сама легко отойдет, — ответил он.

Но впереди меня ждали еще большие беды. Моя кожа оказалась очень чувствительной к этой липкой массе, и через три дня под повязкой появилась сыпь и волдыри. Боль была невыносимой, и я попытался снять повязку, но от горячей воды она не отставала. Тогда я попробовал смочить ее спиртом. Знакомые посоветовали мне еще какое-то средство, но ничто не помогало, и в отчаянии я решил просто отодрать ее. Это была самая болезненная операция, какую мне когда-либо пришлось пережить. Повязка отрывалась вместе с кусками кожи, и потом в течение многих дней даже легкое прикосновение рубашки было для меня сущей пыткой.

Во время съемок этих пяти фильмов мы постоянно нагаливались на необычайные эпизоды. Конечно, неудачи у нас тоже были, но в общем нам исключительно везло на редкие сцены с животными, а такие кадры были для меня особенно ценны.

Наиболее удачной оказалась наша поездка в Бечуаналенд, где мы сделали фильм, который я назвал «Кэрол в стране Кама». Там нам удалось снять один эпизод, о котором многие говорили, что поймать такой момент второй раз просто невымыслимо.

Это произошло ранним утром, когда мы сидели на своей наблюдательной вышке. Она была устроена высоко над землей в развилке огромной ветки фигового дерева на берегу реки Лимпопо. Ее соорудили для нас наши помощники-африканцы. С этого удобного наблюдательного пункта мы собирались снимать животных, проходящих сюда на водопой рано утром, в полдень и к вечеру. Здесь было также излюбленное место купания слонов. В прежние свои поездки я видел, как они приходили сюда целыми стадами и плескались в воде, покрывая свои массивные серые туши толстым слоем прохладной грязи.

Я часто рассказывал жене и детям об этом месте и о множестве разных животных, так что вся моя семья сто-

рала теперь от любопытства. Я был уверен, что им не придется разочароваться. В этой экспедиции с нами был фотограф Джон Лимбери, вместе с которым я многие годы охотился и фотографировал зверей. Я знал, что этот человек нередко добивался отличных результатов, делая снимки при очень трудных и опасных обстоятельствах.

Из-за деревьев позади нас наконец показалось солнце и осветило массивные скалы на противоположном берегу, отделявшие реку от леса. В просвете между скалами виднелись деревья, покрытые росой, радужно сверкавшей в лучах утреннего солнца, точно мириады крошечных зеркал. Лес медленно пробуждался. Горные канарейки приветствовали солнце серебристыми трелями, кричали орланы, и было слышно, как среди скал и камышей журчит вода. Восхитительный покой и безмятежность царили вокруг. Я закрыл глаза, прислушиваясь к звукам этой симфонии джунглей, и передо мной смутно замелькали солнечные образы прошлого: охота и сафари, африканские танцовщики во всем их неистовстве и великолепии, животные, мчавшиеся по равнинам. Все эти образы обступали меня, будто ласковые призраки, сменяя друг друга и неся с собой дорогую память о прошлом. Как замечательно, думал я, что можно показать жене и детям хоть частицу того, чем я жил раньше и что приносило мне радость.

Сквозь эти сны наяву я услышал легкое жужжание кинокамеры, потом Марджори толкнула меня локтем и прошептала:

— Проснись, ради Бога! Ты что, пришел сюда спать или снимать фильм?

Я открыл глаза и увидел, что она улыбается.

— Наверное, снова обдумывал какую-нибудь свою новую затею,— сказала она голосом прокурора.

Я посмотрел на Кэрл. Она снимала огромное стадо буйволов, которое пробиралось через проход между скалами к реке. Передние уже зашли по колено в воду и стали пить. Это было хорошее начало. Почти все утро мы снимали бесчисленные стада животных, появлявшихся словно по волшебству из безмолвных зарослей. Исчезали они так же тихо, как и приходили. Слоны, жирафы, антилопы гну, импалы и куду сменяли друг друга в бесконечном потоке.

Солнце было уже высоко в небе, зной стал невыносим. Плотные листья фигового дерева несколько защищали нас

от беспощадных, жгучих лучей, и мы потихоньку задремали. Вдруг внизу под нами зашуршали сухие листья, послышалась возня, рычание и тихий стон. Мы посмотрели вниз и увидели, как прямо под нашей вышкой гепард терзал маленькую импалу. Он вцепился ей в горло и начал медленно душить. Наступила тишина. Оба зверя застыли на месте, только кончик хвоста у гепарда слегка шевелился. Голова с острыми рожками безжизненно повисла, импала задыхалась. Земля вокруг была залита кровью, которая капала из бока импалы, разорванного острыми зубами гепарда. Но и гепарду досталось. Через всю его грудь тянулись две длинные глубокие раны, а на рогах импалы виднелась запекшаяся кровь. Гепард был слишком занят своей жертвой и не слышал, как всего в двадцати футах над ним жужжат кинокамеры. Это было безумно жестокое, но великолепное зрелище.

Страх смерти придал импале силы, и она стала отчаянно вырываться из смертельных объятий гепарда. Она швыряла его из стороны в сторону, волокла за собой, так что на много ярдов вокруг трава и кусты были сломаны и помяты. Но гепард ни на секунду не разжимал своих цепких когтей и продолжал душить импалу. Мало-помалу она теряла силы. Из ее горла вырвался сдавленный хрип — полублеяние, полустон. Она опустилась на колени, упала на бок, несколько раз слабо дернулась и затихла. После того как импала перестала сопротивляться, гепард не сразу разжал когти, он помедлил с минуту, потом приподнялся, отряхнулся, словно большая собака, и только тогда принялся за еду. В одну секунду перекусив вену на шее импалы, он стал с жадностью пить теплую кровь. Утолив наконец жажду, гепард начал разрывать заднюю часть туши.

Вдруг из кустов справа от нас донесся грозный рев.

— Лев, — прошептал я.

Гепард поднял голову и злобно зарычал. В ту же секунду, как бы в ответ на его рычание, из зарослей выступила огромная львица. Она прошла по залитой солнцем поляне, направляясь к гепарду с такой спокойной уверенностью и величием, будто все в этих джунглях принадлежало ей одной. Она остановилась в двух шагах от мертвой импалы и небрежно посмотрела вокруг, не обращая внимания на гепарда, видимо решившего отстоять свою добычу во что бы то ни стало. Оба зверя стояли друг перед

другом, словно противники на ринге. Затем гепард нерешительно двинулся на львицу и громко заревел. Та по-прежнему не обращала на него внимания, и он отступил. С опаской поглядывая на львицу, гепард снова принялся с жадностью рвать зубами заднюю часть туши импалы.

Наши кинокамеры фиксировали каждую секунду этого жуткого поединка. Я боялся, что звери услышат их громкое гудение и скроются в зарослях. Но все сошло благополучно. Они даже ни разу не взглянули в нашу сторону.

Львица опять двинулась на гепарда, втянув голову в плечи. Гепард угрожающе припал к земле и отважно повернулся к львице, брызгая слюной и злобно рыча. Я был уверен, что гепард не устоит перед царем зверей. И он не устоял. Все его уловки были тщетны. В тот момент, когда львица сделала решительный прыжок, гепард поспешно отскочил на безопасное расстояние и стал сердито наблюдать, как львица пожирает его добычу. Все это мы с Джоном Лимбери сняли на пленку. Я был в неопишемом восторге оттого, что нам удалось подсмотреть такую фантастическую сцену, но совсем не предполагал, что нам предстоит еще участвовать в драматическом завершении этого эпизода.

Мы оставались на своей вышке, пока львица не насытилась, потом она побрела к реке, чтобы утолить жажду, и наконец с оглушительным ревом исчезла в сумраке густого леса.

Мы подождали еще минут тридцать, после того как львица ушла от реки, и только тогда спустились на землю и двинулись к лагерю. Впереди шел Пенга, мы цепочкой следовали за ним по узкой лесной тропинке. Кэрол и Джун возбужденно обсуждали события этого утра.

Мы прошли около мили по темному, мрачному лесу, вдыхая удушливый, влажный запах гниющих растений, к которым солнце никогда не пробивалось сквозь густые кроны деревьев. Воздух был сырым и холодным. Звериная тропа, по которой мы шли, извивалась, словно змея, среди густого подлеска и свисающих папоротников.

Мы спугнули лесных фазанов, и они бежали по тропе впереди нас. Потом, быстро хлопая крыльями, с пронзительным криком взлетали в воздух и исчезали за деревьями. Лес становился все гуще и темнее. Свет почти не проникал сквозь зеленый полог, сплетенный из ветвей тысяч деревьев, стоящих сплошной стеной. Только на очень

близком расстоянии можно было различить отдельные стволы. А зеленые волны листвы вздымались как безбрежный океан.

Но вот лес начал редеть, и вскоре мы вышли на опушку. Дальше дорога шла по открытой местности, заросшей слоновой травой высотой в семь-восемь футов. В траве стрекотали тысячи насекомых, раздавались голоса птиц, и было слышно, как убегают животные при нашем приближении. Внезапно высокая стена травы оборвалась, и мы оказались в длинной, узкой лощине. Вдали над деревьями вился дым костра — до лагеря оставалось не больше полумили.

Справа от нас тянулась скалистая гряда. Случайно взглянув в ту сторону, я увидел высоко на скале черного орла. Что-то в его позе показалось мне необычным. Я обратил на него внимание всех остальных, быстро вынул камеру и стал снимать. Вдруг орел присел и вытянул шею, будто готовился броситься на невидимого нам врага.

— Баас, — услышал я голос Пенги, — он хочет схватить вон того кролика.

Я посмотрел в ту сторону, куда показывал Пенга, и ярдах в шестидесяти от нас увидел зайца, щиплющего траву.

— Займись зайцем, — шепнул я Джону, у которого уже была наготове камера. — А я буду снимать орла.

Едва я успел поймать орла в видоискатель, как он сорвался с места и стрелой полетел к зайцу. Я ни на минуту не выпускал птицу из объектива. Она камнем свалилась на оцепеневшего зайца и без видимых усилий

взмыла вверх со своей трепещущей добычей, зажатой в мощных когтях. Победно поднявшись высоко в небо, орел стал плавно спускаться ярдах в двухстах от нас.

— Живо за ним, — сказал я. — Старайтесь прятаться за скалами, чтобы он вас не заметил.

Словно тени скользили мы от скалы к скале, пока не увидели за огромным камнем орла, склонившегося над зайцем, которого он прижимал к земле своими чешуйчатыми лапами. Когти сжимались все беспощаднее, заяц слабел. Нервы наши напряглись до предела, и только непрерывное жужжание кинокамер приносило нам некоторое облегчение.

— Какой ужас! — вскрикнула Кэрол, когда орел своим острым как бритва клювом вонзился в тело зайца.

Слов нет, зрелище было ужасным. Но ведь это тоже Африка — одна из ее граней, увидеть которую удастся очень немногим. Зверь убивает зверя. Это непреложный закон природы, тут уж ничего не поделаешь. Помочь зайцу мы не могли и участвовали в драме только как зрители, пассивно наблюдая и фотографируя.

— Посмотри-ка, Джордж, — торопливо прошептала Марджори.

К нашему изумлению, из зарослей показался гепард, и — что уже совсем невероятно — на его груди мы увидели две глубокие раны.

— Тот самый гепард, который поймал импалу, — сказал Пенга.

Это явное совпадение наглядно продемонстрировало немолчимую жестокость закона джунглей. Еще совсем недавно мы видели, как гепард убил импалу и как львица отняла у него добычу. В другом месте орел убил зайца и теперь сам должен был стать жертвой. Вся эта история вертелась вокруг одного и того же главного героя.

С быстротой молнии, прежде чем орел успел схватить мертвого зайца и улететь, гепард подскочил к нему, выхватил у него из-под лап добычу, уволок ее в кусты и жадно стал пожирать эти искромсанные, окровавленные останки.

Орел с диким бешенством носился в воздухе. Мы наблюдали, как он мечется из стороны в сторону, выкрикивая яростные угрозы над головой непрощенного гостя. Вдруг он камнем упал на спину своего противника. Его когти прочертили длинные кровавые полосы на мягкой шкуре гепарда. Это было возмездие. Орел ни на минуту не оставял в покое своего врага, пока тот в отчаянии не уполз

в густые заросли. Гепарду уже пришлось отдать свою добычу львице, и теперь он твердо решил не упускать своего.

Еще несколько минут носился орел над землей и наконец улетел к высокой большой скале позади нас. Я не сомневался, что его гнездо было где-то поблизости, и стал быстро соображать. Вероятно, когда я начинаю размышлять, на моем лице появляется необычное выражение, потому что не успел я толком обдумать план поимки орла, как Марджори спросила:

— Так что же ты решил сделать?

— Как ты догадалась, что я об этом думаю?

— Я не первый день тебя знаю и могу по выражению твоего лица сказать, о чем ты думаешь. Сейчас ты наверняка думаешь о том, как бы поймать орла, или еще о чем-нибудь таком же нереальном.

— Да, именно это я и собираюсь сделать и докажу, что ничего нереального тут нет. Орел этот страшно голоден, и ничего не стоит заманить его в ловушку, которую я ему приготовлю.

— Ой как интересно! — воскликнула Кэрл.

— Не знаю, получится ли у меня что-нибудь с такой огромной птицей, как орел, но попробовать можно. Когда я был мальчиком, мне без труда удавалось ловить ястребов при помощи клетки, в которой сидела мышь. Я брал с собой такую клетку, садился на велосипед и ехал до тех пор, пока не появлялся ястреб. Тогда я ставил клетку на землю на видном месте, вынимал прочную веревку, делал на одном ее конце петлю и осторожно раскладывал на клетке. Как только ястреб замечал мышь, он начинал кружить над ней. Убедившись наконец, что ему не грозит опасность, он садился на клетку и сквозь железные прутья пытался достать мышь. И вот тут я начинал действовать. Один сильный рыжок — и в девяти случаях из десяти петля крепко затягивалась на лапе ястреба, а иногда сразу на обеих. Мне оставалось только подойти к ястребу и сунуть его в мешок.

Пенга засмеялся и сказал:

— Наверное, баас сам хочет для себя беды. Эта большая птица очень сильная и очень злая.

— Я думаю, Пенга прав, — заметил Джон. — Эту огромную птицу поймать труднее, чем маленького ястреба.

— Если мой сумасшедший муж уверен в успехе, он ни перед чем не остановится, — заверила его Марджори. — Но почему бы не попробовать, вреда ведь от этого не будет.

— Давайте попробуем, — ответил я, — вернемся в лагерь и что-нибудь соорудим. Придется как следует поработать, но дело того стоит. Представляете, какой можно сделать замечательный эпизод, если прибавить еще и эту сцену к тем кадрам, какие у нас уже есть.

Вернувшись в лагерь, я принялся мастерить клетку из гибких зеленых прутьев. В клетку надо было посадить живого зайца. Пока я работал, Пенга и еще один парень отправились расставлять хитроумные африканские капканы, чтобы поймать приманку.

На следующее утро Пенга пошел проверить капканы и, разумеется, скоро вернулся с довольно крупным зайцем. Мы посадили зайца в клетку, захватили два мешка, длинную, крепкую веревку и тотчас отправились к скалам.

Осмотрев гнездо орла, я выбрал место у подножия большой скалы, где рос густой кустарник, за которым легко было укрыться. Клетку с зайцем мы поставили на небольшой бугорок на открытом месте, так, чтобы орел мог сразу ее увидеть. Я старательно разложил петлю по верху клетки, проверил, хорошо ли она скользит, затем все мы спрятались за кустами. Расставив кинокамеры, мы расположились поудобнее, насколько это было возможно, и стали терпеливо ждать.

Если вы сидите притаившись в африканских зарослях, сначала они кажутся вам безмолвными, но потом до вас начинают доходить приглушенные голоса джунглей. Слабые, почти неуловимые звуки, которые может различить лишь тренированное человеческое ухо. Постепенно ваше восприятие становится более острым и тонким, и вы уже можете улавливать такие непривычные звуки, как отдаленный свист птицы удвения, отрывистое карканье вороны, стрекот кузнечиков и жужжание диких пчел и жуков. Мы старались не курить и не разговаривать и даже боялись вынуть носовой платок, чтобы стереть со лба капли пота. Зной усиливался. Мы ждали в полной тишине, внимательно прислушиваясь. Я слегка толкнул Марджори локтем и показал на узкий уступ неподалеку от нас, где резвились два горных крольчонка, как будто играя в прятки. Мы наблюдали за ними с большим интересом и так увлеклись их игрой, что не заметили бы крошечной черной точки, кружившей высоко в небе, если бы кролики вдруг не всполошились, подняв мордочки кверху.

Черная точка постепенно росла и приближалась. Застыв, словно бронзовые изваяния, кролики не сводили с нее глаз. Я посмотрел на клетку, стоявшую ярдах в тридцати от нас, и прикинул, достаточно ли бросается в глаза наша приманка. Заяц, видимо, пригрелся на солнце и крепко спал.

Вдруг оба кролика вышли из оцепенения, мигом перескочили уступ и скрылись среди скал.

— Орел! Приближается! — прошептал Пенга.

Мы приникли к траве, не смея шелохнуться, хотя руки и ноги у нас сводило от напряжения. Мы боялись, что орел может заметить нас своими зоркими глазами и, почуяв опасность, скрыться. Всякий раз, как он проносился у нас над головой, мы видели его тень на земле прямо перед собой.

Должно быть, заяц казался орлу странным и непонятным существом. Он без конца подлетал к самой клетке, как бы желая рассмотреть ее получше, а затем красиво взмывал ввысь, чтобы через секунду снова сердито пронестись над дремлющим зайцем.

— Как же это заяц может так спокойно спать? — спросила Марджори.

— Джордж дал ему хорошую порцию бренди, когда сажал в клетку, иначе при появлении орла заяц мог бы до смерти испугаться и вырваться из клетки, — объяснил за меня Джон.

Наконец орел опустился на землю рядом с клеткой. Заяц зашевелился и поднял одно ухо. Перья на голове и шее орла взъерошились, он приготовился к атаке. В первый момент я испугался, что орел унесет зайца вместе с клеткой. Мы затаили дыхание. Я потуже намотал веревку на руку. Орел был в нерешительности. Ему никогда не приходилось встречать зайца, который бы его не боялся, и он никогда не видел этого зверька под такой странной защитой. Орел недоумевал. Он сделал три или четыре неуклюжих шага к клетке, склонил голову набок и несколько секунд смотрел на зайца, потом подпрыгнул и сел прямо на клетку.

Я стал лихорадочно тянуть за веревку и увидел, как орел перевернулся и с легким стуком упал на землю. В этот решающий момент я не мог сказать, сработала ли петля как предполагается или, проскользнув под когтями орла, просто лишила его равновесия. Вдобавок ко всему веревка в моих руках ослабела. Нельзя было терять ни секунды. Я вскочил с места и помчался к птице. Испугавшись, она

расправила свои широкие крылья и взлетела вверх. Веревка, туго натянувшись, рванулась из моих рук, а орел как будто застыл в воздухе. Я продолжал тянуть веревку. В это время ко мне подскочил Пенга, размахивая мешками. Он был возбужден и громким голосом подавал команду всем, кто его слушал.

— Мисси Кэрол, мисси Джун, ступайте отсюда, ступайте. Мадам, не подходите, пожалуйста, близко.

И потом обращался ко мне:

— Баас, тяните ее. Вот мешок. Я принес мешок. Тяните, тяните.

Ташить к земле такую птицу — все равно что заарканить смерч.

В ее крыльях была фантастическая сила, веревка глубоко врезалась мне в руку. Этот удивительный поединок длился несколько минут, потом, несмотря на страшную боль, мне все-таки удалось притянуть гигантскую птицу к земле, и она лежала в десяти футах от меня, будто выброшенная на берег рыба.

Я крикнул Пенге, чтобы он накинул на нее мешок, но он замешкался, и птица поднялась и ринулась на меня, словно пикирующий бомбардировщик. Я отпрыгнул в сторону и рванул за веревку. Орел перевернулся в воздухе, упал на землю, но тут же взлетел снова и снова помчался прямо на меня. Я опять быстро отскочил в сторону, дернул за веревку, и орел опять очутился на земле. Все это время Пенга бегал вокруг нас, стараясь набросить на орла мешок, но птица каждый раз увертывалась, и я боялся, что Пенга в конце концов запутается в веревке и испортит мне все дело. Марджори и девочки стояли в стороне, но и они вносили в общую сумятицу свою долю, выкрикивая предостережения и советы. Отвлечшись на мгновение от всей этой кутерьмы, я увидел, что Джон Лимбери, совершенно невозмутимый среди гама и пыли, спокойно снимает нас с разных точек и под разными углами.

Теперь я подтянул орла к себе фута на четыре. Он лежал на спине, и я не давал ему перевернуться, дергая за веревку всякий раз, как только он пытался встать на ноги и броситься на меня.

Вдруг веревка ослабела, и я сразу сообразил, что она оборвалась на узле, однако почти в то же мгновение я понял, что орел этого еще не подозревает. Он лежал на боку, почти не двигаясь.

— Пенга, мешок, живо! — отчаянно закричал я.

Пенга подлетел с мешком и бросил его на птицу, но промахнулся. Не дожидаясь, пока он набросит мешок второй раз, я схватил орла за крыло и крепко его сжал, но орел тут же перевернулся и с остервенением вонзил мне в запястье свои острые когти. Словно обруч из раскаленной стали стиснул мне руку, и только тут я понял, какая мощь таится в этих лапах и как безнадежно для любой жертвы орла пытаться вырваться из его объятий.

В это время подбежал Пенга и набросил-таки на птицу мешок, но она продолжала сжимать мне руку с прежним остервенением. Я повернулся к Джону, который стоял в нескольких ярдах от нас, снимая эту сцену, и крикнул:

— Сними крупным планом когти на моем запястье! Я могу потерпеть еще немного.

Джон мгновенно установил камеру у меня за спиной и стал снимать через плечо. Многие люди, видевшие потом это место в фильме, говорили:

— Как вам удалось все это снять, черт побери, если только тут нет надувательства?

Но тут не было надувательства. Несколько минут терпел я ужаснейшую боль, чтобы получить эти замечательные кадры.

Лишь с большим трудом Марджори и Пенге удалось наконец разжать когти орла. Я перевязал запястье и принялся обследовать зайца. По всей видимости, он уже оправился от брэнди, и мы с Марджори выпустили его на свободу. Дети уговаривали меня выпустить на волю и орла, который так доблестно сражался. Но здесь я был неумолим.

Орел до сих пор живет с нами, приручать его пришлось почти целый год. Обращаемся мы с ним осторожно и почтительно и нередко задаем себе вопрос, вернется ли он теперь в свою скалистую обитель в горах Серетс Кама, если мы его отпустим?

Глава четвертая ГОРОНГОЗА

Месяца через два после нашего возвращения из страны Кама моя приятельница Элис Хеннинг, молодая вдова, жившая со своим братом на большой ферме близ Претории, познакомила меня с одним португальцем. Он слышал и читал о «Семье Майклов в Африке» и предложил нам снять один из наших фильмов в знаменитом заповеднике Горонгоза в Португальской Восточной Африке. Звали его сеньор Альмейда. Он сказал нам, что у него прекрасная ферма близ Умтали, почти на границе Северной Родезии и Португальской Восточной Африки, и усиленно приглашал нас заехать к нему на несколько дней по пути в Горонгозу.

— Ваше предложение очень великодушно и весьма заманчиво, — ответил я неопределенно.

— Будьте осторожны, — вмешалась Марджори, — Джордж может принять ваше предложение, прежде чем вы успеете раздумать.

— Нет, нет, мадам. Я говорю искренне. Я буду очень рад видеть вас у себя, — уверял он. — Я пробуду в Пре

тории еще дня два-три, может быть четыре. Так что, если вы захотите снова вернуться к этому разговору, я буду счастлив.

Он дал мне телефон своего номера в гостинице, и мы договорились встретиться перед его отъездом, чтобы обсудить возможность поездки в Горонгозу. Элис, слышавшая наш разговор, предостерегла меня:

— Не верьте этому типу. Когда он выпьет, то может наобещать вам все что угодно. Я его не очень хорошо знаю. Его привел ко мне кто-то из гостей.

Два дня обсуждали мы с Марджори это предложение и решили, что снять наш следующий фильм в Горонгозе было бы совсем неплохо. Поэтому мы пригласили сеньора Альмейду на обед, чтобы как следует потолковать с ним об этой поездке. За обедом мы договорились, что пробудем у него на ферме неделю. По его словам, мы сможем «передохнуть с дороги и снять такие картинки про зверей, каких не встретишь даже в Горонгозе».

Мы дали свое согласие, но я поставил условием, чтобы вся наша экспедиция была устроена на деловой основе, иначе говоря, что мы оплатим свое пребывание на его ферме.

— Сеньор Альмейда,— сказал я.— Я не могу допустить, чтобы вы принимали нас совершенно бесплатно и тратили свое драгоценное время, показывая нам ферму. Я хотел бы заплатить за каждый день, проведенный в вашем доме. Ведь у меня в семье четыре человека, и еще я возьму с собой, по крайней мере, троих помощников. Поэтому давайте сразу договоримся о сумме, которая будет достаточным вознаграждением за все ваши хлопоты.

— Поверьте, мистер Майкл, я не сочту это за хлопоты. Но раз уж вы настаиваете, давайте положим по двадцать фунтов на день, и я вам все обеспечу. У меня в доме есть девять кроватей с пружинными матрацами и множество одеял. Вам не надо брать с собой постельного белья. У меня тоже найдется. За эти двадцать фунтов я буду возить вас в своем джипе по ферме и обеспечу постелями и сдой. Вас это устроит?

— Вполне. Когда вы уезжаете?

— Сегодня вечером,— ответил он.— Когда вас ждать?

— Мы будем у вас ровно через четыре дня. Так вы умрете, что нам не нужно брать с собой ни еды, ни постелей?

— Абсолютно уверен.

— А как мы устроимся с питанием и жильем в Горонгозе? — спросила Марджори.

На этот вопрос я ответил сам.

— В португальском консульстве мне дали брошюрку, из которой я узнал, что питание и жилье в Горонгозе можно получить за обычную плату, но поскольку мы собираемся снимать там фильм, то консул обещал подыскать нам особое помещение. Он постарается также получить кое-какое оборудование для съемок, которое обычным посетителям не предоставляется.

— Это только справедливо, — заметила Марджори. — Ведь фильм будет замечательной рекламой заповедника, а для португальского правительства это очень важно.

Когда Альмейда ушел, я сказал Марджори:

— Знаешь, Мардж, все-таки нам лучше взять с собой наше обычное походное имущество, несмотря на все обещания Альмейды.

— Ты имеешь в виду постели и продукты?

— Да. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными вещами, и я не хочу рисковать. Мы поедем на своей большой машине, и если постели и продукты нам не понадобятся, особой беды в том не будет. Места у нас хватит.

Через четыре дня, как я и обещал, мы отправились на ферму. Найти ее было нетрудно, потому что Альмейда начертил нам подробный план.

В Африке существуют молочные фермы, птицефермы, овощеводческие и садоводческие фермы и лесистые участки, которые обычно называют бушвелд-фермами. В большинстве случаев это не фермы в строгом смысле. Обычно это обширная лесистая полоса площадью от двух до двадцати тысяч акров, представляющая собой неогороженное безлюдное пространство в отдаленном глухом районе, где львы, леопарды, слоны, буйволы и антилопы бродят на свободе. Таким именно местом и была ферма Альмейды. Но только диких животных там не оказалось. Добираясь до усадьбы, мы проехали по ферме мили четыре и не встретили ни одного указателя или знака, которые обычно ставят в местах, где водится много дичи. Здесь мы не заметили ни зверей, ни птиц. Зато нам сразу бросились в глаза сотни срубленных деревьев киаат и тамбути. Вдоль дороги были сложены ровными штабелями обтесанные бревна, готовые к отправке на лесопильню. Как ужасно,

что ради наживы уничтожаются эти замечательные африканские деревья, разрушается красота природы! По всей вероятности, Альмейда, как и многие другие владельцы бушвельд-ферм, купил этот участок с очень большой рассрочкой. С него взяли незначительный задаток, и теперь он мелкими взносами выплачивает остальное, зарабатывая тем временем огромные деньги на продаже леса. Он истребил всех зверей на ферме, превратив их в билтонг — соленое провяленное мясо диких животных. Такое хозяйствование неизбежно губит ферму. Владельцы выжимают из нее все, что возможно, и, когда ферма им уже больше не нужна, нередко продают ее правительству. Правительство превращает ее в резервацию, и вскоре некогда плодородные земли становятся голой, вытоптанной, перенаселенной пустошью — отвратительный символ многочисленных резерваций по всей Африке. До тех пор пока не изменятся социальные условия, такие типы, как Альмейда, будут «на законном основании» осквернять и губить прекрасное ради личной наживы и власти.

Когда мы подъехали к ветхой, развалившейся усадьбе, навстречу нам не вышло ни одной живой души.

— Мы не туда заехали, — сказала Марджори.

— Надеюсь, не туда, но боюсь, что мы не ошиблись. Я все время следовал точно по его плану, — ответил я.

В это время к нам подъехала машина с тремя моими помощниками и киноаппаратурой. Шофер Питер Клут крикнул:

— В шикарный же отель вы привезли нас, хозяин! Думаете, он будет нам по карману?

Мне было жаль ребят. Они пропылились насквозь. Пока мы мчались по узкой извилистой дороге, иногда почти грявшейся среди кустарников, они, боясь сбиться с пути, следовали за нами по пятам, и густая пыль от нашей машины забивала им глаза. Но эти веселые ребята никогда не жаловались.

— Могу сказать, что мы ночевали в местах и похуже, но нам никогда не приходилось платить по двадцать фунтов в день за такие удобства, — ответил я.

Послышался лай собак и звуки приближающихся шагов. Из-за угла дома вырвались три облезлых пса и, заметив нас, остановились как вкопанные. Мы начали выходить из машины. Ощетинившиеся псы стояли поодаль и рычали на нас. Вскоре показались два старика африканца.

Это были слуги. С трудом передвигая ноги, они подошли к нам, подняв в знак приветствия согнутую правую руку над головой.

— Это дом сеньора Альмейды? — спросил я.

— Да, это его дом, бвана.

— А где же он сам?

— Бвана Альмейда уехал вчера рано утром на большом грузовике. Он повез на лесопильню бревна, — ответил старик.

— Когда он вернется?

— Этого он не сказал, бвана. Но он предупредил нас, что ожидает гостей и я должен показать им дом. Он может вернуться и сегодня вечером, и завтра, а может и послезавтра. Этого я не могу сказать, бвана.

— Ну что ж, покажите нам для начала, где мы будем спать.

Мы вошли вслед за стариком в полуразрушенный дом. Все двери и оконные рамы в нем были почти съедены термитами, многие стекла выбиты и заделаны кусками картона или фанеры. Мебель столовой ограничивалась большим расшатанным столом, грубо сколоченным из досок, и такими же грубыми, шаткими стульями. В одном углу были свалены две очень узкие, очень ржавые и очень старые железные кровати.

Старый слуга, должно быть, заметил мое замешательство, когда я посмотрел в тот угол. Он подошел ко мне и сказал:

— Извините, бвана, я забыл убрать эти кровати. Они принадлежат мне. Я их унесу, после того как покажу вам другие комнаты.

— Так, значит, здесь есть и другие комнаты? — спросил я в удивлении.

— Да, бвана, — ответил он, — идемте со мной, я покажу вам большую спальню, где спит бвана Альмейда. Это комната для вас и для миссис.

Мы вошли за ним в темную, унылую комнату, заставленную странными предметами, видимо пустыми ящиками для упаковки. Но когда были открыты самодельные ставни на скрипучих петлях, я сообразил, что это вовсе не ящики, а мебель — гардероб, стол, тумбочка и умывальник. В одном углу стояла кровать, самый внушительный предмет обстановки по сравнению с тем хламом, который ее окружал. Четыре столбика кровати были грубо вытесаны из толстых стволов дерева киатт. Матраца никакого, «пружи-

ны» представляли собой ремни из буйволовой кожи, натянутые в виде решетки на раму, что не давало спящему, по крайней мере, провалиться на пол. Я подумал, что такая кровать должна весить фунтов четыреста.

— Это ваша комната, бвана,— любезно сказал старик.

Кэрл и Джун, вошедшие вслед за нами, рассмеялись.

— Ой, мама, я бы с удовольствием посмотрела, как вы будете сражаться за удобное местечко на этой кровати,— сквозь смех вымолвила Кэрл.

— Вот как? — воскликнула Марджори.— Ну так знайте: я ни за что не буду спать на этой уродине. Отец вынесет ее и поставит сюда походные кровати.

Но это оказалось не так-то просто. Видимо, только взрыв динамита мог бы сдвинуть кровать с места. Безусловно, весь дом строился вокруг этой кровати.

Остальные две спальни были совсем без мебели, только соломенные матрацы валялись на полу.

Вскоре мы навели в доме чистоту и порядок насколько возможно и поставили свои походные кровати. Кухня оказалась маленькой, грязной конурой со сломанной железной печкой. Ни посуды, ни ножей с вилками, ни продуктов там почти не было. Хорошо, что мы догадались взять с собой все самое необходимое. Воду пришлось возить с реки за целую милю в бочке из-под нефти на сорок четыре галлона. Около трех часов кипятили мы на костре воду в этой бочке, потом вылили ее и жгли костер внутри самой бочки до тех пор, пока не исчезли все остатки нефти в пазах.

Старик три дня водил нас по ферме, с гордостью показывая многочисленные места, где изготовляли билтонг. Сюда сносили туши убитых зверей, сдирали с них шкуру, и мясо разрезали на длинные полосы, солили и вешали сушиться, нанизав на проволоку, протянутую между деревьями. Огромные кучи костей, побелевших на солнце, красноречиво свидетельствовали о печальной судьбе животных, безжалостно истребленных ради обогащения их преследователей. Всех зверей, которых нам удалось увидеть за три дня на этой земле, можно было сосчитать по пальцам одной руки. Зато в речке водилось множество крокодилов, и мы сумели сделать великолепные снимки, хотя чуть не поплатились за это жизнью Джун. Случай этот мы до сих пор вспоминаем с ужасом.

Он произошел на второй день после нашего приезда на ферму. Мои кинооператоры, взяв в проводники старика слугу, решили поездить по участку, чтобы поискать животных для съемки. Вскоре после их отъезда Марджори, Кэрл, Джун и я отправились к реке в надежде что-нибудь там встретить. Я взял с собой ружье, Марджори — мою кинокамеру, а на шее у Кэрл и Джун висели их собственные камеры. Около полумили шли мы по пыльной тропинке, ведущей к реке.

— Наверное, по этой дорожке слуги ходят за водой, — сказал я Марджори. — Едва ли мы здесь что-нибудь найдем. Давай-ка свернем отсюда и постараемся выйти к реке где-нибудь в другом месте, выше по течению.

Мы свернули с тропинки и вошли в лес из мопани — африканского железного дерева. Единственные живые существа, которые нам встретились, были мухи, носившиеся несметными полчищами, несколько ящериц да один случайный фазан, взлетевший у нас из-под ног. Громкими криками он выражал свой протест против нашего вторжения.

Мы вышли из леса в сотне ярдов от реки и на сверкающем белом песке противоположного берега увидели шесть огромных крокодилов. Некоторые из них грелись на солнышке, широко раскрыв пасть. Я быстро приладил к камере шестидюймовый телеобъектив и, укрепив ее на треноге, начал снимать. Но только я нажал кнопку, как все крокодилы, точно по команде, бросились к реке и с громкими всплесками бултыхнулись в воду. Такие же всплески слышались и на этом берегу за камышами, отделявшими нас от реки.

— Река здесь кишит крокодилами, — заметил я.

— У-у! Только от одного их вида меня пробирает озноб, — сказала Кэрл. — Терпеть их не могу.

Мы осторожно пробирались через заросли камышей, раздвигая листья с острыми как бритва краями. Выбравшись к реке, мы пошли вдоль песчаного берега, пока не натолкнулись на скалистое обнажение, которое могло служить идеальным укрытием. Нам надо было где-нибудь спрятаться и подождать, пока крокодилы снова вылезут на берег.

Мы устроились поудобнее и, как всегда, стали терпеливо ждать наших «актеров». Только через час поверхность реки покрылась легкой рябью и первый крокодил

отважился выставить из воды свою страшную морду всего ярдах в тридцати от нас. Мне никому не пришлось объяснять, как себя вести и что делать. У всех теперь была хорошая практика. Мы сидели совсем тихо, не смея шевельнуться. Крокодил подплывал к берегу. Вскоре недалеко от него из воды выставились еще два крокодилий носа. Очень медленно и с большой осторожностью я навел камеру и стал снимать крокодилов, пока они неуклюже выползали друг за другом на песчаный берег ярдах в двадцати от нас. Потом мы увидели, как на противоположный берег вылезают еще три крокодила, один из них не менее шестнадцати футов в длину. В течение получаса мы насчитали пятнадцать этих прожорливых чудовищ, гревшихся в жарких лучах солнца на отличном расстоянии от наших кинокамер. Одни из них были еще совсем маленькие, длиной не больше двух футов, другие же, матерые крокодилища, достигали трех футов в плечах. Они переползали с места на место, злобно хлопая своими могучими хвостами. Наше укрытие было прекрасным наблюдательным пунктом, и мы могли видеть, как в открытые пасти крокодилов забираются птицы-дантисты и среди страшных, похожих на пилу, зубов склевывают разлагающиеся остатки пищи. Сцена была великолепной, а актеры исполняли свои роли с таким совершенством, о котором мы не смели и мечтать. Ни до, ни после этого нам не удавалось получить таких снимков, как в тот памятный день. Мы так увлеклись своим делом, что не заметили, как Джун мыскользнула из укрытия. Первой хватилась ее Марджори. Она вскочила и как сумасшедшая закричала:

— Джун, ты где?

Ее резкий крик спугнул крокодилов, и все они с оглушительным всплеском бултыхнулись в воду. Несколько секунд стояла жуткая тишина.

Я оглянулся на камышовые заросли и крикнул:

— Джун, если ты в камышах, сейчас же выходи оттуда.

Никто не отозвался. Я взглянул на то место, где еще совсем недавно сидела Джун, и увидел следы ее маленьких ног, ведущие к зарослям камышей, через которые мы недавно прошли. Меня охватило предчувствие неминуемой беды.

Мы уже поняли, почему не было слышно, как ушла Джун, и почему теперь она не слышит нас. На реке,

неподалеку отсюда, были пороги, и вода, с ревом перека-
тываясь через камни, заглушала все звуки.

— Сидите здесь и не двигайтесь,— сказал я, хватаясь за винтовку.— Через минуту я вернусь. Джун не могла уйти далеко. Вы не волнуйтесь.

За годы, проведенные в джунглях и бушвельде Африки, во мне развилась непостижимая способность предчувствия. Вне себя от беспокойства, я мчался по тропинке, продираясь сквозь путаницу камышей, словно разъяренный буйвол. Я не обращал внимания на острые края листьев, хотя весь уже изрезался до крови. Различать след Джун становилось все труднее и труднее. На несколько секунд я совсем потерял его из виду и как безумный метался во все стороны, пока не нашел его снова. След вел к реке. Никогда в жизни не был я так близок к отчаянию, как теперь, когда сломя голову мчался по следам Джун. Никогда с такой силой инстинкт не предупреждал меня об опасности, грозящей дорогому мне существу. Раньше я подвергал риску только свою собственную жизнь. Но это ведь совсем другое дело. А теперь речь шла о беззащитном ребенке, потерявшемся среди камышей, где полным-полно крокодилов, готовых схватить его и утащить в мрачные глубины реки. К счастью, след стал более отчетливым, и я понял, что Джун прошла здесь всего лишь несколько минут назад. Может быть, еще ничего не случилось. Со страстной мольбой выскочил я из камышовых зарослей и оказался на песчаном берегу, ярдах в двухстах от нашего укрытия. И тут я мог наконец вздохнуть с огромным облегчением, так как увидел Джун, стоявшую ярдах в со-рока спиной ко мне. Я хотел окликнуть ее, но слова замерли у меня на губах. Огромный рыжий крокодилище, только что вылезший из воды, подобрался к ней сзади совсем близко. Я мгновенно вскинул винтовку и выстрелил. Джун упала, и секунду мне казалось, что пуля попала в нее. Но потом я увидел, что крокодил остановился и стал хлопать своим мощным хвостом, извиваясь в пред-
смертных муках.

Подбежав к Джун, я понял, что она цела и невредима, а упала просто от сильного испуга и потрясения. Джун заметила умирающего крокодила и, сообразив, какая сй только что грозила опасность, разрыдалась. Я схватил ее на руки и крепко прижал к груди. Мы все еще стояли,

крепко обнявшись, когда к нам подбежали Марджори и Кэрл.

Первый раз Марджори не подчинилась моему приказу, но сердиться на нее за это всерьез я не мог. Оставшись в укрытии вдвоем с Кэрл, Марджори начала строить самые ужасные догадки и, не сумев побороть своего волнения, бросилась за мной. Кэрл не отставала от нее ни на шаг.

Когда все наконец немного успокоились, мы подошли поближе к крокодилу, который был уже мертв. Ему не пришлось долго мучиться. Я прицелился очень точно, и пуля попала в одно из уязвимых мест, каких не так уж много на теле этого одетого в броню животного. Крокодил был больше пятнадцати футов длиной и весил почти тонну. Мы содрогнулись, представив, какая опасность подстерегала Джун, и со вздохом облегчения направились к дому.

На следующий день вместе с операторами я ездил по ферме в поисках зверей, но нам не встретилось ни одно живое существо. Альмейда все не возвращался, и мы решили уехать отсюда на следующее утро и направиться в менее безжизненные просторы Горонгозы. Перед отъездом я написал записку и отдал ее слуге для вручения сеньору. В ней я довольно резко выложил свое мнение о хозяине, бросившем нас на произвол судьбы в незнакомом месте. Позже, когда мы уже вернулись из Горонгозы в Преторию, я получил от него письмо, в котором он сообщал, что возил на лесопильню древесину и рассчитывал на обратном пути заехать в соседний поселок, чтобы купить там приличные кровати, матрасы и постельное белье. Но у него сломался грузовик... Тут мы и расстанемся с сеньором Альмейдой.

В Горонгозе нас встретил сеньор Родрикес, главный смотритель заповедника. Он сообщил нам, что губернатор Мозамбика предоставляет в наше распоряжение свое личное бунгало в заповеднике со всем обслуживающим персоналом. А нашим проводником будет сам Родрикес, и уж он постарается сделать все возможное, чтобы наши фильмы о Горонгозе были достойны этого замечательного заповедника.

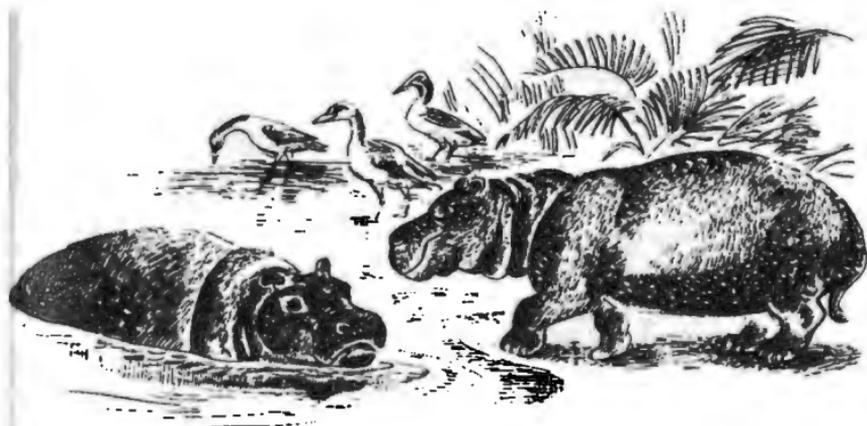
Еще совсем недавно правительство Мозамбика разрешало за очень умеренную плату свободно охотиться на этой территории. Разумеется, это привлекало сюда не

только так называемых спортсменов, одержимых страстью к охотничьим трофеям, но и бессовестных охотников за билтонгом, которые в скором времени опустошили страну, истребив почти всех животных. Поэтому нам отрадно было теперь увидеть, что с некоторых пор охота в Мозамбике строго регламентируется и что правительство по примеру соседних стран превратило огромные площади в заповедник, границы которого постоянно патрулируют конные дозоры. Под такой охраной звери начали быстро размножаться, и теперь их здесь стало намного больше, чем когда-либо.

Горонгоза, на мой взгляд, самый интересный из всех заповедников, хотя и не самый крупный. Национальный парк Крюгера значительно превосходит ее по площади. Зато Горонгоза славится разнообразием и обилием животных, а также своей живописностью.

В реке Урима, текущей через Горонгозу, живут тысячи бегемотов. Держатся они стадами от десяти до ста голов. Скопления этих грузных животных, которые бродят по берегам реки, — зрелище поразительное. Не меньшее удивление вызывают огромные стада антилоп гну, канн, водяных козлов, а также зебр. В каждом таком стаде не меньше пяти тысяч голов. Слонам здесь уже не приходится прятаться от пули охотника в лесах или зарослях. Охраняемые законом, они, как и большинство животных в Горонгозе, без страха бродят по открытым пространствам среди других зверей. Даже львы нередко выходят из-под сени пальмовых лесов и величественно шествуют по равнине на виду у своих жертв, которые невольно стараются держаться подальше от царя зверей. Одного лишь слона не смущает величие этого животного, и он позволяет себе не замечать его.

В течение пяти дней сеньор Родрикес был нашим неизменным спутником и гидом. Благодаря его умелой помощи нам удалось снять самые лучшие наши фильмы о животных. Он водил нас по зарослям акаций и лесам мопани, где нам встречалось множество буйволов и слонов. В поисках львов мы продирались сквозь пальмовые чащи и часами сидели у водопадов, наблюдая, как приходят сюда пить и купаться обитатели лесов и открытых пространств. Мы видели, как львы гонят через вельд антилопу. Временами это было похоже на игру, но иногда погоня становилась беспощадной. Нередко жертва была слишком

быстронога, и львы не могли за ней угнаться. Но если животное падало, это был конец, подняться оно уже не могло. И пока лев расправлялся со своей жертвой, его рев сотрясал воздух как бы в предупреждение тем, кто недостаточно быстр и осторожен.

Не проходило дня, чтобы нам не встретилось по меньшей мере полсотни слонов, и нередко какое-нибудь животное, которому наше общество пришлось не по душе, нападало на нас и обращало в поспешное бегство. Сеньор Родрикес не разрешал мне выходить из машины и гоняться с кинокамерой за слонами. Я считаю, что тем самым он спас мне жизнь.

— Слоны в Горонгозе очень опасны. Они слишком злы, — не раз объяснял он мне. — Выходить рискованно. Оставайтесь в машине.

Но меня так и подмывало выйти и снять одного из этих колоссов в тот момент, когда он несется в атаку. И я решил сделать это во что бы то ни стало.

— Я ни разу не видел, чтобы слоны нападали, когда их не трогают, — сказал я однажды Родрикесу. — Не сомневаюсь, тут должна быть какая-то причина.

— Да, мистер Майкл, — ответил он. — Вы правы. Весьма основательная причина. Но скоро ее не будет.

С таинственным видом, держа в зубах сигарету, он стал сбавлять скорость, чтобы объехать дерево, стоявшее на нашем пути.

— У границ заповедника все еще появляются люди, имеющие разрешение на охоту, — объяснил он.

— Понятно. Старая история,— сказал я.— Эти охотники, промышляющие у самых границ заповедника, так взвинчивают слонов, что те, даже очутившись в безопасности на территории Горонгозы, продолжают бросаться на любого человека, как только заметят его или почуют. Верно я понял?

— Совершенно верно, мистер Майкл. Все именно так и происходит, как вы говорите. Но когда-нибудь я положу этому конец. Ведь это слишком опасно для посетителей Горонгозы. Вы меня понимаете?

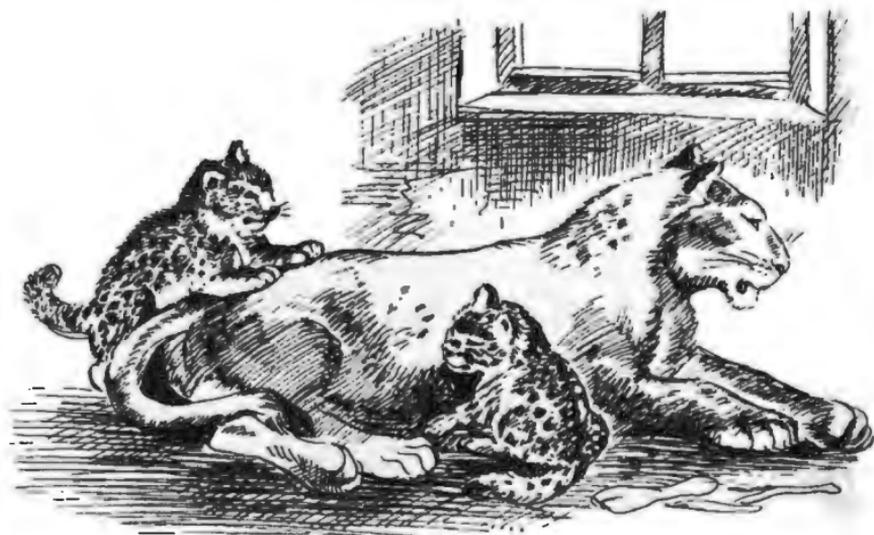
Я ответил утвердительно и выразил надежду, что со временем правительство запретит всякую охоту у границ заповедника. Родрикес сказал, что это не так просто сделать, потому что охотники (чаще всего богатые американцы) приносят большой доход. Они платят значительные суммы за право охотиться на территории вне заповедников. Иногда охотники рискуют даже переходить границу Горонгозы, хотя им грозит огромный штраф в случае, если они попадутся.

— О, если я кого поймаю, хо-хо, пуля ему обеспечена,— сказал Родрикес, и я понял, что он не шутит.

Родрикес показал нам одно место в заповеднике, где стояло несколько полуразрушенных домов. Эти постройки, сказал Родрикес, когда-то принадлежали Ост-Индской компании Бейры, здесь останавливались многочисленные охотники, которые устраивали сафари в этих местах. Потом, когда учредили заповедник Горонгозу, дома были заброшены и стали разрушаться. Вернее сказать, они были заброшены людьми, но их место заняли львы. Уже много лет в этих старых домах обитает несколько львиных семейств. Львы выводят здесь своих детенышей, спят и даже пируют в столовой на первом этаже. На одном из домов есть снаружи железная винтовая лестница, ведущая на плоскую бетонную крышу, которая, как я узнал, во времена «Бейра компании» служила наблюдательной вышкой. Проезжая однажды под вечер мимо домов, мы были поражены, увидев, как по винтовой лестнице поднимаются друг за другом одиннадцать огромных львов, совсем как дрессированные животные в цирке. Потом львы растянулись на бетонной крыше и с большим достоинством стали обозревать окрестности, открывавшиеся им на многие мили. Я сокрушался, что из-за плохого освещения нельзя было снять эту изумительную сцену, и потом вместе со

своими операторами несколько дней терпеливо поджидал, чтобы львы снова исполнили свой цирковой номер. Но ни один из них не сделал нам такого одолжения, хотя мы не раз видели, как они прохаживались вокруг дома. Уж таков нрав наших диких актеров.

Глава пятая ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СТАРОМ ДОМЕ

Наступил последний день нашего пребывания в Горонгозе. Рано утром я услышал стук в дверь бунгало. Это был сеньор Родрикес.

— Доброе утро, мистер Майкл,— приветствовал он меня.

— Доброе утро, сеньор Родрикес. Вы рано встали.

— Да,— ответил он,— я уезжаю в Бейру.

— Так, значит, сегодня мы остаемся одни?

— К сожалению, я должен ехать, мистер Майкл. У меня очень важное дело. Но я оставляю вам своего шофера. Он славный парень и повезет вас куда угодно.

— Вы очень добры, сеньор. Но стоит ли так беспокоиться? Мы наверняка справимся и сами,— ответил я.

— Невелико беспокойство, сэр. Я думаю, ездить в моем автобусе вам будет гораздо удобнее. Он намного просторнее. Вы согласны?

Итак, было решено, что мы будем ездить в автобусе все вместе — и моя семья, и съемочная группа. У этого вездехода была раздвижная стеклянная крыша, двойные двери с левой стороны и дверь сзади. Во время езды двери

можно было держать открытыми, что давало возможность направлять наши кинокамеры почти в любую сторону.

Мы отправились в путь вскоре после завтрака. За рулем сидел Танго, шофер сеньора Родрикеса.

— Куда поедем? — спросил Танго.

— Пожалуйста, папа, поедем к старым домам. Может, сегодня утром там будут львы, — стала упрашивать Джун.

Надежда снова увидеть львов не давала детям покоя. Они упорно стремились к этим заброшенным домам, вспоминая о них при каждом удобном случае.

— О, мисси, — ответил Танго, — еще очень рано. В это время львы всегда на охоте, а возвратятся они, когда солнце уже будет припекать как следует.

— Все же рискнем, Танго, — сказал я. — Заедем туда по пути на озеро Иниатити. Если даже мы пробудем около домов полчаса, то все равно поспеем на озеро вовремя, чтобы заснять утреннее купание слонов.

— Джордж, разве нам обязательно ехать на это озеро? — спросила Марджори. — Ты ведь знаешь, что, если на нас нападет слон, оттуда не так-то легко убежать.

Танго постарался успокоить ее:

— Не волнуйтесь, мадам. Я сам очень боюсь слонов. Если мы застанем их на озере, я остановлю автобус где-нибудь подальше.

Доверившись Танго и не желая расстраивать мои планы, Марджори и девочки согласились поехать на озеро.

Мы раздвинули крышу машины, и Танго стал медленно объезжать старые дома. Я пристально вглядывался в каждое окно. Почти все оконные стекла были выбиты, а уцелевшие так загрязнились, что сквозь них ничего не было видно. Раза два машина останавливалась, и я старался заглянуть внутрь комнат, но там было так темно, что я не мог ничего различить.

— Мне кажется, мы попусту теряем здесь время, — сказал один из моих операторов. — Эти кошки вернутся сюда не раньше чем через два часа.

— Они теперь охотятся, — добавил Танго.

— Вот и хорошо. Я, кажется, смогу воспользоваться их отсутствием и осмотреть старые дома внутри, — сказал я. — Мне хочется увидеть, как живут здесь львы.

— Ты не пойдешь туда, — поспешно заявила Марджори.

— В самом деле, шеф, не стоит испытывать судьбу, — сказал Питер Клут.

— Прошу тебя, папа, не ходи туда,— умоляла Кэрл.

Один лишь Танго ничего не сказал. Возможно, он подумал, что не его дело указывать «глупому белому человеку», как ему поступать. Мне кажется, вызов, который я заметил в глазах Танго, и заставил меня выйти из автобуса. Я уверенно приблизился к одному из домов, поднялся по ветхим ступенькам и вошел в полумрак комнат. Я не рассчитывал найти там что-нибудь подходящее для съемок. К этим развалинам меня влекло просто неодолимое любопытство, какое обычно испытывает турист при посещении достопримечательных мест. Но как только я перешагнул порог, меня охватило какое-то неведомое мне чувство страха.

Было что-то жуткое в этих комнатах. В нос мне ударил затхлый запах склепа. Вся прихожая была завалена костями и копытами, которые от времени потеряли цвет, потрескались и расщепились. Обглядывались они уже не раз. Были здесь кости и посвежее, с уцелевшими на них кровавыми кусками мяса. И все тут пропиталось львиным запахом. Повсюду на стенах виднелись следы львиных лап, видимо, в этих местах животные потягивались. Края дверей были обкусаны, на панелях виднелись глубокие параллельные борозды, оставленные острыми, мощными когтями.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и, когда я слегка толкнул ее и осторожно заглянул в эту темную комнату, сердце у меня забилося чаще и сильнее. Вдруг я заметил в углу черную бесформенную массу и весь сжался. Панический страх едва не заставил меня захлопнуть дверь и пуститься наутек, но я взял себя в руки и стал рассматривать комнату. Темная масса в углу оказалась старым матрацем, который львы, очевидно, приспособили под постель. Эта комната тоже имела «обжитой вид». Повсюду валялись кости, куски кожи, рога и копыта. Вонь стояла невероятная. Но что это? Я застыл на месте, не выпуская двери из рук, в любую минуту готовый ее захлопнуть. До меня донесся слабый звук, похожий на мяуканье котенка. Сначала я сомневался, слышал ли я его на самом деле. Может быть, это обман слуха? Я ждал в нерешительности, почти не смея дышать, но все было тихо. Собравшись с духом, я начал пробираться к следующей комнате, скользя, как призрак, в своих башмаках на резине. Дверь в эту комнату тоже была приоткрыта, и *

мог разглядеть какую-то часть помещения. Но что там за дверью? Сделав три больших шага, я оказался у двери и мигом оглядел всю комнату. В ней не было ничего, кроме поломанной кровати и подвздошной кости жирафы.

Приободрившись, я направился к следующей двери, которая, по-видимому, вела в последнюю большую комнату. Какое-то неясное, тревожное чувство подсказывало мне, что там меня подстерегает опасность. Однако я был абсолютно спокоен и готов к любой неожиданности.

«Это безумие, — думал я. — Вернись к машине, пока не поздно. Не лезь на рожон».

Но что-то неудержимо влекло меня вперед, и я просто не мог остановиться на полпути. Это был тот азарт, которому я обязан всеми удачами в жизни и ради которого я жил. Все во мне трепетало от волнения, однако я знал совершенно точно, словно прорепетировал все заранее, как буду действовать в случае опасности. Передо мной был ясный план: захлопнуть дверь и всей тяжестью навалиться на ее ржавую ручку, потом крикнуть Танго, чтобы он подвел машину к самому порогу, в несколько прыжков выскочить из дома и забраться в машину, прежде чем дверь успеет распахнуться. Я с такой силой сжимал дверную ручку, что у меня вспотела ладонь. За дверью слышалось что-то вроде тихого царапанья, но тут же все стихло. Стараясь не отрываться от дверной ручки и дрожа всем телом, я быстро распахнул дверь, и в мозгу у меня бешено застучали сигналы тревоги — я увидел огромную львицу, склонившуюся над двумя новорожденными львятами.

Несколько мгновений, показавшихся мне вечностью, мы смотрели друг на друга. К счастью, захваченный врасплох лев не проявляет особой храбрости. У него врожденный страх перед человеком, что, несомненно, используется в цирковых представлениях. Если лев не разъярен и не ранен, он даже на свободе старается убежать при виде человека. Эта львица была до того ошарашена моим вторжением, что страх победил в ней даже материнский инстинкт. Один гигантский прыжок — и львица выскочила в окно. Вокруг меня посыпались звенящие осколки стекла и обломки оконной рамы. А за окном поднялся невообразимый шум. Услышав крики и автомобильные гудки, я было подумал, что львица возвращается в дом и меня хотят предупредить об этом. Я быстро вошел в комнату

с львятами, захлопнул за собой дверь и что есть силы навалился на нее. В это время на пол упала неясная тень, а через мгновение над подоконником показались коротко остриженные волосы Мардж. У меня отлегло от сердца. Потом я увидел ее в окно наподобие портрета, вставленного в разбитую раму.

— Идиот! — закричала Мардж. — Из-за твоих фокусов мы тут все чуть не посходили с ума! Ты что, не слышал, как тебя звали? Эта чертова львица чуть не угодила на крышу автобуса!

— Где она сейчас? — робко спросил я.

— Убежала в заросли. И при этом страшно торопилась, — сказала Мардж. — Должно быть, здорово испугалась, увидев твою физиономию, — не без иронии добавила она.

— Поговорим потом, здесь нельзя оставаться. Львица каждую секунду может вернуться к своим детенышам, — сказал я.

— Детенышам? Каким детенышам? — удивилась Марджори.

В это время за окном послышался шум и над подоконником появились еще две головы. Я показал на крошечных львят, которые лежали, свернувшись комочком, тесно прижавшись друг к другу.

— Пожалуйста, папа, не отбирай их у матери, — попросила Кэрол.

В эту минуту раздался тревожный возглас Питера Клу-та, который увидел, что львица крадется к своему логову. Я вылетел в окно почти с той же скоростью, что и львица, и едва не врезался в автобус — так близко стоял он от окна. Тут я увидел, что Мардж и девочки не выходили из автобуса, и это намного уменьшало опасность. Говорили же они со мной через крышу, взобравшись на подставленные ящики. Как только я очутился в машине, дверца тут же захлопнулась. Теперь мы могли выдержать любое нападение. Впрочем, нападать на нас, кажется, никто не собирался. Мы увидели, что львица улеглась на опушке зарослей, окружавших дом, и стали наблюдать за ней, отъехав немного в сторону. Время от времени львица подымалась, выгибала спину и, оскалив зубы, делала несколько шагов по направлению к дому. Наконец, издав воинственный рев, она в два прыжка оказалась у дома и скрылась за дверью.

— Мама вернулась к своим деткам, а наш папа к нам. Все довольны, и можно трогаться дальше,— подала Марджори мудрый совет.

Я охотно с ней согласился и, откинувшись на спинку сиденья, вновь стал переживать все волнения этих десяти захватывающих минут.

Примерно через час мы уже сидели на западном берегу озера Иниатити и ждали, когда слоны придут на водопой. Кинокамеры стояли наготове, чтобы можно было сразу же начать съемку, как только животные покажутся на тропе. Мне говорили, что они всегда спускаются к озеру именно по этой тропе.

— Папа,— спросила Кэрол,— откуда ты знаешь, что слоны придут именно с той стороны?

— Сеньор Родрикес говорил мне, что они уже много лет ходят по этому пути. Почему же им теперь выбирать другой?

— Ну а если они все-таки придут с этой стороны? Ведь мы же не успеем убежать.

В это время в лесу раздался оглушительный рев, и мы услышали, как затрещали деревья на другой стороне озера.

— Детей надо отвести к машине,— сказала Марджори, подбегая к девочкам.— Эта полосочка грязной воды между нами и тем берегом — слишком незначительная преграда, чтобы остановить стадо слонов.

— Едва ли слоны станут переходить озеро, чтобы броситься на нас,— заметил я.— А если даже им и придет это в голову, мы всегда успеем погрузить все в машину и уехать.

Они не очень-то мне поверили, но все же решили остаться.

Когда стадо вышло из леса и растянулось вдоль берега, кинокамеры, которые я специально установил позади нас, заработали и стали бесстрастно снимать всю сцену вместе с нашими фигурками, в то время как мы бурно выражали свой восторг при появлении животных.

Зрелище было действительно необыкновенным — больше сотни слонов пришли на водопой. Когда они забрались в воду по колено, Танго, сидевший неподалеку от нас, вскочил и закричал:

— Мадам! Мисси! Идите к автобусу. Нельзя ждать добра от этих животных.

— Танго,— проворчал я, стараясь говорить потише, чтобы не спугнуть слонов,— ради Бога, сиди спокойно и

не кричи. Если не шевелиться, слоны не обратят на нас никакого внимания.

Но было уже слишком поздно. На противоположном берегу, поодаль от воды, остановился огромный слон с одним бивнем. Другой его бивень, видимо, был сломан в битве, а может быть, просто не развился. Как только слон услышал голос Танго, его похожие на паруса уши приподнялись, хобот задрался вверх. Несколько мгновений слон стоял неподвижно, затем с ревом, от которого задрожали все деревья вокруг, ринулся в нашу сторону.

— Крутите камеры, — крикнул я ребятам и, повернувшись к жене и детям, сказал: — А вы сидите на месте.

Однако, когда этот гигант, рассекая воду, двинулся прямо на нас, они не выдержали и бросились к автобусу. Большеглазый Танго следовал за ними по пятам. Я вскочил на ноги и стоял до тех пор, пока разъяренный слон, добравшийся уже до середины озера, решил, что с него на сегодня хватит. С оглушительным ревом он повернул обратно, вскарабкался на берег и, увлекая за собой все стадо, исчез в пальмовой роще. Когда все эти серые громадины скрылись из виду, я обернулся и взглянул на своих операторов. Увидев поднятые вверх большие пальцы, я понял, что потрясающая сцена со слоном благополучно запечатлена на пленке.

Оставаться на озере больше не имело смысла, и мы вернулись в бунгало, где нас ждал завтрак и полуденный отдых. Я спокойно задремал, как вдруг настойчивый стук в дверь разбудил меня.

— Кто там? — крикнул я.

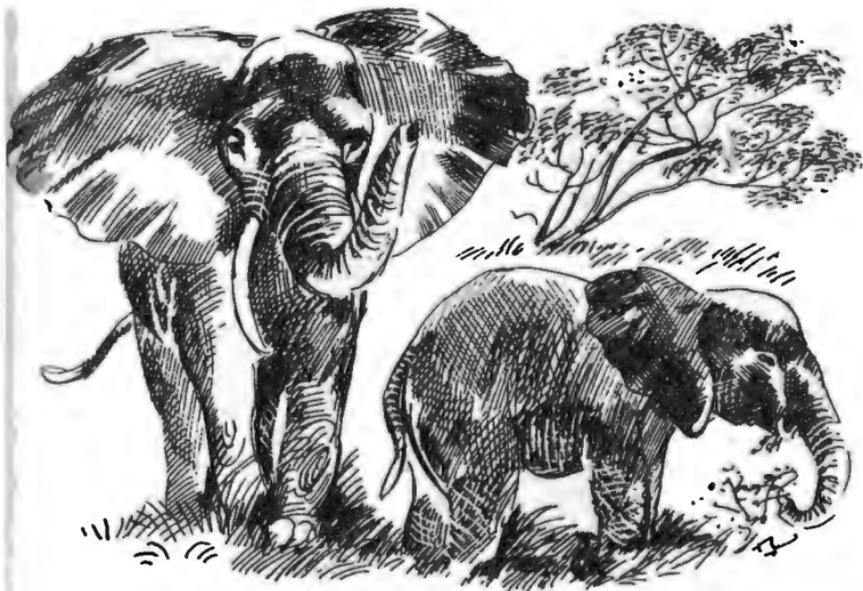
— Это Танго, бвана. Объездчики говорят, что на равнине появилось большое стадо буйволов. Может быть, бвана хочет на них посмотреть?

— Спасибо, Танго. Через несколько минут мы будем готовы и пойдем с тобой, — ответил я.

Когда девочек и Марджори разбудили, чтобы в такой изнуряющий полуденный зной отправиться в сафари, они не выразили ни малейшего протеста, и вскоре мы уже неслись к равнине. Наш путь пролегал через густой лес из акаций, которые сменились потом высокими пальмами.

— Останови машину, — вдруг приказал я, всматриваясь в густые заросли.

Машина со скрежетом остановилась, и я стал лихорадочно всматриваться в путаницу ветвей и лиан, боясь, что

это был всего лишь обман зрения. Несколько секунд стояла мертвая тишина.

— Что вы там увидели, шеф? — спросил Генри Литтл, один из моих операторов.

— Посмотри направо, вон туда. Как раз за стволом поваленной пальмы. Видишь? Тебе не кажется, что это наш друг с озера Иниатити, тот самый, с одним бивнем?

— Верно, верно, это он! — закричал Генри. — Надо поскорее уносить отсюда ноги.

В ту же секунду Танго включил мотор и машина поехала вперед.

— Постой, постой! Не мчись так быстро, — сказал я. — Ведь не каждый день встречаются такие воинственные слоны. Подумай, какую можно снять картину. Ты только подумай, — добавил я, все больше возбуждаясь.

Я достал свою кинокамеру и кивнул ребятам на их снаряжение.

— Держите камеры наготове, друзья. Я отправляюсь к тому великану, чтобы снять его, когда он на меня поочтится. Хочу, чтобы и вы непременно сняли эту сцену. Ради всего святого, не упустите нужного момента, — говорил я, выходя из автобуса.

Как следует осмотревшись, чтобы определить самый надежный путь отступления, я добавил:

— Держите открытой боковую дверь, чтобы я смог вскочить в автобус, когда слон будет совсем рядом.

— Если бвана Родрикес об этом узнает, он очень рассердится, — сказал Танго.

Я сделал вид, что не расслышал его слов, и отправился к слону. Направление ветра было для меня благоприятным. Заросли невысоких пальм лишь наполовину скрывали слона, и мне казалось, что он знает о моем приближении и ждет меня. Я подбирался к нему очень тихо, не спуская глаз с его ушей и хобота. Моя жизнь сейчас зависела от того, сумею ли я распознать первые сигналы тревоги, прежде чем слон перейдет к нападению. Треск сухой веточки под моей ногой прогремел словно выстрел, и я замер на месте. Видимо, звук этот достиг ушей слона, потому что он стал слегка раскачиваться из стороны в сторону. Я сделал еще несколько шагов, поднес камеру к глазам и нажал кнопку. Когда загудел мотор, слон уловил этот слабый звук и растопырил уши. Сигнал тревоги номер один! Потом слон понюхал воздух, и его толстый змееподобный хобот задрался вверх. Сигнал тревоги номер два! Своими маленькими глазками слон не сумеет меня разглядеть, но он может почуять меня по запаху. От волнения я еле удерживал в руках кинокамеру.

Еще несколько секунд слон стоял неподвижно, словно глыба гранита, потом внезапно двинулся в мою сторону, не возвестив об этом даже ревом. Прокрутив несколько футов пленки, я решил отказаться от своей затеи.

Пока что слон был на порядочном от меня расстоянии, а автобус совсем близко. Но я не учел нервозности Танго, который вдруг включил мотор и стал медленно отъезжать. Мне пришлось отступить вслед за машиной, иначе слон мог бы меня нагнать. Я прибавил шагу, животное было уже совсем близко. Окажись это место более открытым, мне едва ли удалось бы спастись, но, на мое счастье, путь слону преградили заросли кустарника. Раздался оглушительный рев, придавший мне прыти. Тут неожиданно заглох мотор, автобус резко остановился. Генри Литтл, который все это время сидел на корточках у открытой боковой дверцы, от резкого толчка потерял равновесие и вывалился из машины, продолжая крепко сжимать в руках кинокамеру.

Когда я подбежал к Генри, слон был всего в тридцати ярдах от нас. Я схватил оператора за шиворот, швырнул

его в автобус и вскочил за ним следом. Тем временем Танго сумел снова пустить мотор, и мы стали медленно отъезжать от слона. В последний момент между нами оставалось не более десяти шагов. Девочки плакали от страха, уткнувшись в плечо Марджори, чтобы не видеть наступавшего на нас великана. За облаком поднятой пыли я увидел, что слон остановился посреди дороги и энергично трясет головой. Я еще успел заметить, как он недовольно фыркнул напоследок и скрылся в пальмовой роще.

Позднее я узнал, что Марджори сообразила выключить зажигание, когда Танго стал уводить машину. Я не мог винить его за это. Ведь мы были оставлены на его попечение, а я ему не подчинился. Рисковать из-за нас своей жизнью не входило в его обязанности, и к тому же, несомненно, он больше беспокоился о безопасности всех пассажиров и машины, чем о моей судьбе. Если мне вздумалось поиграть со смертью, это мое личное дело, но он ради этого не может подвергать риску жизнь остальных людей, вверенных его заботам.

Когда мы вернулись в бунгало, нас ждал там сеньор Родрикес. Танго уже успел рассказать ему о наших приключениях, слегка приукрасив свой рассказ.

— Ах, мистер Майкл,— сокрушался Родрикес,— вы творите ужасные вещи. За вас я не боюсь, вы за себя постоите. Но разве можно так пугать детей и жену? Это ведь очень опасно.

Родрикес минуту помолчал, потом добавил:

— Ну, слава Богу, все живы и все обошлось.

И, подумав еще немного, он с улыбкой спросил:

— Хорошую сняли картину? А?

Когда я ему сказал, что мы сняли исключительный фильм, он обрадовался как ребенок. Потом сеньор Родрикес сообщил, что сегодня, в последний день нашего пребывания в Горонгозе, он специально для нас устраивает праздничный вечер, на который приглашены некоторые сотрудники заповедника со своими друзьями.

— В саду будет устроен большой парадный обед барбекью¹,— сказал он.— Знаете, это то же самое, что у вас в Южной Африке называют «Braaivleis»,— пояснил он.

¹ Торжество, во время которого жарятся целые туши. Так же называются и сама зажаренная туша.

Торжество удалось на славу, оно было прекрасным завершением всех наших приключений. Нежное мясо импалы, превосходно зажаренное, запивалось восхитительными португальскими винами. Интересно, что именно во время обеда Танго подал мне мысль о содержании следующего фильма.

Большинство гостей уже разошлось, а оставшиеся, и среди них наш хозяин, собрались вокруг костра и стали говорить о сафари, об охотничьих вылазках, о путешествиях и приключениях. Вдруг стало темнеть, словно в лампе медленно прикручивали фитиль. Это на луну набежало темное облачко. Огонь костра теперь казался ярче, и лица вокруг выступали резче. С запада донесся раскат грома.

— Дождь будет,— тихо произнес кто-то.

Раскаты приближались и становились все громче.

— Папа, отчего бывает гром? — спросила Джун.

Я собрался ответить, но тут Танго, сидевший на корточках рядом с Джун, сказал:

— Мисси Джун, я расскажу легенду о том, как родился гром и дождь в те времена, когда мир был еще младенцем.

Девочкам уже не раз приходилось слушать у лагерных костров легенды из африканской мифологии, поэтому они запрыгали от радости, умоляя Танго начинать поскорее.

— Эту легенду,— начал Танго,— мне рассказал мой отец, а он слышал ее от своего отца, а тот от своего, и так до самого начала времен. Это легенда о «барабане Сгубу» и «дожде Маанзи». Это легенда о любви и печали, о жестокости и ненависти. Легенда, которую нельзя забыть, потому что всякий раз, как Сгубу начинает бить на небесах в свой могучий барабан, а слезы Маанзи дождем льются на землю, мы всегда вспоминаем этих двух влюбленных и их великую, бессмертную любовь, загубленную людьми. И мы слышим и будем слышать всегда, до самого окончания времен, голос Сгубу, призывающий свою возлюбленную Маанзи пролить слезы на истомленную жаждой землю. Иногда эти слезы нежно касаются измученной, пересохшей земли, словно поцелуй матери, ласкающей своего единственного ребенка. Но бывают дни, когда боль в сердце Маанзи становится невыносимой, и тогда ее слезы кнутом хлещут землю, сметая все на своем пути, затопляя деревни, смывая посевы и унося в яростном потоке своего гнева искалеченные тела мужчин, женщин и детей.

Танго остановился, чтобы зажечь сигарету.

— Вот это да! — воскликнула Кэрол. — Замечательная легенда! Танго, пожалуйста, расскажите ее с самого начала.

— Да, мисси Кэрол, это замечательная легенда. Она вам понравится, потому что Маанзи такая же молодая девушка, как и вы.

И он начал рассказывать легенду.

Маанзи была дочерью очень могущественного вождя, и ее чудесной красотой гордилась вся страна. Она была легка, как газель, и грациозна, как леопард. А ее большое сердце было наполнено любовью к старикам и детям, к бедным и больным.

Очень далеко разнеслась слава Маанзи, и ее руки просили многие богатые и сильные люди, которых вся страна чтит за охотничью доблесть и выдающиеся подвиги. Красивые мужчины, с черной как ночь кожей, приезжали из-за больших рек и выжженных пустынь, чтобы посвататься к ней. Но Маанзи отвергала всех. Ее сердце тайно принадлежало Сгубу — пастушку, который разделял ее игры с самых ранних лет, когда они, еще не умея ходить, играли на полу в хижине ее отца, и до последних дней, когда они стали назначать тайные свидания, и там, в уединенных местах, звучали мелодии любви и счастья, которые он исполнял на своих самодельных флейтах, и потом низким, мягким голосом пел о вечной любви и преданности.

Сгубу обладал силой льва, быстротой гепарда и осанкой царя. Он был благоразумен, смышлен, красив и добр. Все любили его. Но, увы, и он, и Маанзи хорошо понимали, что сыну пастуха не быть ее мужем. Когда Сгубу играл на флейте и пел свои песни любви, их сердца наполнялись радостью и счастьем, но когда они говорили о будущем и о тщетности своей любви, на них опускалась черная пелена печали и скорби. И им оставалось только бежать в другую страну, где они смогут жить так, как всегда мечтали во время своих тайных свиданий.

— Никогда! — сказала Маанзи. — Никогда я не поступлю так малодушно. Ты будешь моим мужем, несмотря ни на что. И пусть делают со мной что хотят.

И вот Сгубу, надев свою лучшую леопардовую шкуру, взяв с собою копье и щит, отправился к вождю и его

советникам просить руки девушки, которой домогались самые могущественные и самые богатые люди страны.

Высокая индаба (совет) состоялась под старой акацией, где назначались все важные собрания. Вождь и советники говорили об урожае, о предстоящих праздниках, о скоте и о многом другом, но совсем не замечали Сгубу, сидевшего поодаль в терпеливом ожидании. Он знал, что весь этот разговор ведется лишь для того, чтобы показать ему, как мало он значит в глазах вождя и всех остальных, и теперь даже та очень слабая надежда добиться руки Мазанзи, которую он питал до сих пор, была потоплена в волнах этой пустой болтовни, лившейся из уст вождя и его советников. Но, несмотря на непреодолимые препятствия, вставшие перед ним, он твердо решил сказать свое слово и так же твердо решил вынести все последствия, которые повлечет за собой его просьба.

Когда беседа на минуту прервалась, Сгубу встал. И словно предрассветное безмолвие опустилось на собрание — никто не проронил ни слова. Сама внешность Сгубу, говорившая о достоинстве и силе, требовала внимания и уважения этих людей, сидящих перед ним. Даже птицы и насекомые не смели подать голоса. И тогда, будто отдаленные раскаты грома, прозвучали слова Сгубу:

— О вождь и отец народа! Сгубу — смиренный пастух и сын Мазансгубу — стоит перед тобой сейчас, чтобы в присутствии наших уважаемых и мудрых советников обратиться к тебе с просьбой, хотя это и противоречит всем законам, правилам и обычаям нашего племени.

Сгубу ждал ответа, который позволил бы ему изложить свою просьбу. Ему ответил Маньяти, один из советников вождя.

— Сын мой, — сказал он высоким голосом, — я говорю от имени вождя и от имени своих братьев, собравшихся здесь. Если ты знаешь, что твоя просьба противоречит всем законам, правилам и обычаям нашего народа, то почему ты посмел обратиться с нею? Мы относимся к тебе с большим уважением, — продолжал Маньяти. — На поле брани, в джунглях, на пастбищах и среди наших женщин ты всегда доказывал свою храбрость, силу и ум. Поэтому будет очень досадно, если ты дашь своему сердцу превозмочь рассудок и вызовешь гнев тех, кто тебя уважает. Я, Маньяти, второй человек после нашего могучего вождя, главный советник нашего народа, отец двадцати сыновей

и стольких же дочерей, советую тебе, сын мой, молчать. Возвращайся к своим стадам, и будем считать, что ничего не произошло.

Маньяти сел, не добавив больше ни слова. Вновь воцарилась тишина.

«Каким же надо быть трусом, — подумал Сгубу, — чтобы послушаться благоразумного Маньяти и вернуться к своим стадам, поджавши хвост, словно побитая собака. Нет, никогда!»

— О мудрый Маньяти, говоривший от имени нашего могучего вождя и от имени всех советников, твои слова полны благоразумия и доброты. Но разве может называться мужчиной тот, кто, храбро выйдя охотиться на дьва, убегает, как только лев зарычит? Я говорю не от имени женщины, которую люблю, и не от имени моих друзей, поэтому, если мои слова вызовут гнев, пусть он обрушится на меня одного.

Сгубу снова стал ждать позволения изложить свою просьбу. Собрание заволновалось, так как все увидели, что вождь начинает выходить из себя. Все они любили Сгубу и теперь боялись за него. Вождь встал и, задыхаясь от гнева, произнес:

— Послушаем, что хочет сказать этот щенок. Только пусть поторапливается, потому что меня тошнит от запаха навоза, которым он пропитался.

Набросив на плечи шкуру шакала, вождь сел. Гнев его был страшен, потому что вождь знал, в чем заключается просьба Сгубу. Гнетущая тишина камнем упала на собравшихся. Тишина, полная страха и предчувствия беды.

— О вождь, — раздался громкий и ясный голос Сгубу, — с величайшим почтением осмеливаюсь я просить руки твоей дочери Маанзи.

— Замолчи! — закричал вождь, прерывая Сгубу на полуслове. — Это бред сумасшедшего. Как посмел вонючий настух осквернить благородное имя моей дочери, как посмел произнести его? По какому праву он обращается с такой возмутительной просьбой?

В это время появилась Маанзи, которая пряталась где-то поблизости. Она вступила в круг сидящих мужчин и, повернувшись к отцу, сказала:

— По праву нашей любви. Прошу тебя, отец, выслушай Сгубу.

Вождь и его советники были ошеломлены. Никогда ни всю историю племени ни одна женщина не обращалась к собранию мужчин. Это было неслыханно.

— Давно ли начались эти разговоры о любви? — спросил Маньяти.

— Любовь родилась в наших сердцах задолго до того, как мы смогли говорить об этом. Разве это любовь, что вырастает за ночь, словно гриб, и умирает до захода солнца? Настоящая любовь прорастает годами, как семена больших деревьев в лесу, которые пускают ростки и прибавляют себе путь сквозь твердую корку земли в тот мир, где они узнают тепло солнечного луча, ласку дождя, ярость бурь, тишину ночи и величественную красоту утра. Вот какова сила нашей любви, отец. И как дерево сопротивляется острому топору, так и мы будем сопротивляться тем, кто станет нас разлучать. Мы не можем жить без нашей любви, как дерево не может жить без корней.

Склонив голову, Маанзи покинула собрание. Вождь дрожал от гнева. Он встал и, указывая на Сгубу, произнес:

— Собачий сын, ты принес позор и несчастье в мой дом. Но больше тебе не придется говорить слов о любви ни перед мужчиной, ни перед женщиной. Смерть была бы для тебя слишком большим благом. Ты должен понести заслуженное наказание. Сегодня еще до заката солнца тебе с корнем вырвут язык, и ты будешь изгнан в горы, чтобы жить там до самой смерти среди бабуинов. И никогда твоей ноги не будет больше в этой деревне.

Шестнадцать человек погибло от руки Сгубу, прежде чем его удалось схватить и безжалостно вырвать ему язык. И после того как свершилось это злодеяние, Сгубу был изгнан в горы. Он поселился там в пещере, и больше он не видел ни одна живая душа.

Маанзи со дня изгнания Сгубу замолчала навсегда. Она была заточена в своей хижине и редко видела свет дня. Но помешать их общению было невозможно.

Необычайно изобретательный Сгубу придумал инструмент, с помощью которого мог разговаривать с Маанзи, когда она сидела в одиночестве, заточенная в своей хижине. Он соорудил его из шкуры дикого зверя и дерева. Это был первый человек, сделавший барабан и научивший его говорить на языке, который когда-нибудь народ Африки сумеет понять. Жители деревни каждый день слышали странные звуки, доносившиеся с гор, но не могли

их разгадать. Только Маанзи понимала, о чем говорит ее возлюбленный. Иногда она смеялась, и смех ее был слышен на всю деревню. А когда она плакала, слезы непрерывным потоком катились по ее щекам.

— Должно быть, она сошла с ума, — говорили люди.

Временами Сгубу бил в барабан с такой силой и гневом, что грохот отдавался эхом по всем горам и несся через вельд на многие мили. В такие дни слезы Маанзи заливали деревню.

— С годами Сгубу совершенствовал свое мастерство и, говорят, сделал такой барабан, который не могли поднять и сто человек. Этот большой барабан Сгубу мы и слышим теперь, — сказал Танго, показывая на небо в черных, грозových тучах.

— А что потом стало с Маанзи? — спросила Джун.

— Говорят, что однажды барабан звучал совсем не так, как обычно. И когда его звуки стали постепенно затихать, на землю пало великое безмолвие. Перестали лаять собаки, замолкли птицы, и даже ветерок не шелестел в ветвях деревьев. И тогда жители деревни увидели, как Маанзи вышла из своей хижины с узелком на голове и нетвердым шагом направилась в горы. Никто не остановил ее. Когда она подошла к подножию гор, барабан умолк, и с тех пор никто больше ее не видел. Говорят, что в последний раз барабан бил, призывая Маанзи к возлюбленному, который ждал ее, чтобы унести в облака.

Но, увы, после стольких лет, проведенных в темной хижине, Маанзи совершенно ослепла. Она ходила среди гор, ища Сгубу, и не могла найти его. Маанзи и теперь все еще горестно плачет в те дни, когда Сгубу гневно бьет в свой барабан. Но, говорят, со временем они найдут друг друга, и, когда это случится, барабан перестанет греметь, а Маанзи не будет больше плакать.

Тогда начнут высыхать реки и земля погибнет от жажды. Весь мир, сухой и бесплодный, воспламенится в жарких лучах солнца и сгорит до основания. Так отомстят Сгубу и Маанзи за свои страдания.

В этот момент раздался страшный удар грома и на нас хлынули потоки воды.

— Добрая старая Маанзи! — крикнул кто-то, когда мы бросились к бунгалю, спасаясь от дождя.

Возвращаясь из Горонгозы домой, мы решили на несколько дней заехать в заповедник Уонки в Южной Родезии. Он расположен в семидесяти пяти милях от водопада Виктория и занимает площадь почти в шесть тысяч квадратных миль. Как и в большинстве других заповедников, звери живут там в прекрасных естественных условиях, и человек не вмешивается в их жизнь. Хотя в Уонки есть несколько хорошо оборудованных домиков, где могут останавливаться посетители, мы предпочли разбить свой собственный лагерь на специально отведенной для этого территории. Но сначала пришлось получить разрешение директора. Все туристы, которые останавливаются здесь или просто проезжают по этому раю зверей, предоставляются самим себе, и им строго наказывают избегать встреч с такими опасными животными, как буйвол, лев или слон, особенно если они с детенышами.

Местность эта сурова, дика и почти безлюдна, закон джунглей господствует здесь безраздельно, однако и для человека заповедник может стать тихой пристанью, где среди бескрайних просторов вельда и чудес природы распадаются цепи, приковывающие его к неотложным делам и бесчисленным заботам современной жизни, и он начинает понимать, что такое покой и свобода.

В то время наши палатки в заповеднике были единственными. Меня это радовало, потому что во время сафари я всегда предпочитал оставаться наедине с семьей и старался избегать всего, что напоминало мне издерганную жизнь в больших городах.

От директора заповедника я получил особое разрешение, позволяющее нам ездить по всему вельду и выходить из машины, если понадобится снять кадры получше. Вообще же посетителям не разрешается сворачивать в сторону от дорог, потому что бывали случаи, когда из-за какой-нибудь поломки им приходилось проводить ночь в машине среди вельда, а это причиняет массу хлопот служащим заповедника, которые должны часами разыскивать этих нарушителей.

Мы узнали, что милях в двадцати от нашего лагеря, у водопадов под названием Н'Гвашла, недавно видели львов. Мои операторы решили это проверить и на следующий день все, кроме Джона Лимбери, с раннего утра отправились к водопадам.

К ленчу они не вернулись, поэтому я решил взять с собой Джона и вместе с женой и девочками отправиться куда-нибудь в другое место поискать слонов. Невдалеке от лагеря мы увидели слабо наезженную автомобильную колею, которая сворачивала в сторону от главной дороги и вела к лесу. Видимо, ею пользовались во время дежурств объездчики. Мы свернули на эту колею и вскоре заметили, как впереди что-то сверкнуло на солнце. Когда мы подъехали ближе, я сообразил, что это остатки скелета слона. Этот слон, как нам сказал один из сотрудников, умер естественной смертью, от старости.

Многие охотники и натуралисты считают, что слоны, почуввав приближение смерти, всегда устремляются в определенное потайное место, так называемое кладбище слонов.

Найденный нами скелет, несомненно, был убедительным свидетельством, опровергающим эту теорию. Если учесть огромные размеры и многочисленность этих животных, как-то трудно поверить, что охотники и путешественники почти никогда не находят в бушвельде следа их трупов. Но, когда я показал жене и девочкам, как быстро сумела природа превратить останки одного из этих гигантов в простую пыль, они без труда поняли, почему появилась легенда о несуществующих кладбищах слонов.

Хищники джунглей, поедая падаль, трусливо убежавшие при одном только виде этого могучего и величественного животного, обглаживают теперь его труп и разносят кости по всему вельду. Когда-то эти мощные кости сотрясали стволы деревьев, так что листья и сучья дождем сыпались на землю, а теперь они гниют под дождем и солнцем. Ноги, носившие это мощное тело по лесным тропам на многие тысячи миль, вскоре превратятся в пыль и смешаются с землей, которую они некогда так гордо попирали.

Во время странствий по Африке мы видели тысячи слонов, но никогда нам не надоедало наблюдать за ними и изучать их повадки. Как-то нам встретилось стадо, возглавляемое старой слонихой, которая относилась к своим обязанностям очень серьезно и, стремясь защитить малышей, всем своим видом старалась показать, что хочет отогнать нас от стада. Но нам уже не раз приходилось сталкиваться с подобными ложными атаками, и теперь мы не шинулись с места, хотя все время были начеку. Такие

стада слоних с детенышами всегда возглавляет старая самка, которая сознает свою высокую ответственность и совершенно не терпит пришельцев. Мы не стали раздражать ее попусту и решили ехать дальше. Как только мы тронулись, я заметил в зарослях слева какое-то движение и сообразил, что слоны окружают нас с обеих сторон. Сначала я хотел опередить стадо, но не успел отъехать и нескольких ярдов, как справа выскочила старая слониха и остановилась посреди дороги, вызываясь глядя на нас в упор.

Я надеялся, что она просто переводит стадо через дорогу, но вскоре стало ясно, что животные намерены идти именно по дороге. Стадо собралось вокруг своего вожака, и нам оставалось только ждать, когда животным заблаговременно рассудится вернуться в заросли.

— Почему ты не дашь заднего хода? — спросила Марджори. — Где-нибудь подальше ты смог бы развернуться и возвратиться к лагерю той же дорогой, какой мы ехали сюда.

— Но ведь это больше сорока миль, — ответил я. — К тому же скоро сядет солнце, а ты ведь знаешь, что в заповеднике не любят, когда посетители возвращаются после наступления темноты.

— Но не можем же мы сидеть здесь целый день, папа. И потом, мне что-то не нравится вид этой старой слонихи, — жалобно сказала Кэрл.

Нужно было что-то предпринимать. Если подъехать к слонам на большой скорости, подумал я, они могут испугаться и сойти с дороги. Я завел мотор и, непрерывно сигналив, двинулся прямо на стадо. Однако мой расчет не оправдался. На нашу нахальную попытку диктовать свои условия властелины джунглей немедленно ответили контратакой. Как только мы приблизились к крайнему слону ярдов на тридцать, старая слониха вдруг нагнула голову и с угрожающим ревом двинулась на нас. Ярдах в десяти от машины этот четырехногий танк внезапно остановился, взметнув облако пыли. Марджори и девочки, пронзительно вскрикнув, закрыли лица руками. Но я не поддался этим угрозам и не стал отъезжать назад. Однако у меня не было никакой уверенности, что слониха не бросится на нас снова.

Тут я услышал, как Джон Лимбери, сидевший за моей спиной, еле слышно произнес:

— Надеюсь, она бросится еще раз.

— Ты все это снял?

— Да вроде бы, — ответил он. — Пришлось снимать через ветровое стекло, и ваши головы мне очень мешали.

— Если слониха бросится на нас снова, мы будем наклоняться в одну сторону, — заверил я его.

Разумеется, слониха снова атаковала нашу машину. И не один раз, а по крайней мере раз десять.

Эти яростные атаки пугали Марджори и девочек до полусмерти, но что я мог поделать. Мне оставалось лишь терпеливо ждать и стремительно откатываться назад всякий раз, как слониха наступала на машину.

Спустя некоторое время слоны стали медленно удаляться, не сходя с дороги, но как только старая, темпераментная слониха сообразила, что мы пустились вслед за ними, все стадо по ее сигналу повернуло обратно, и мы снова оказались перед сплошной стеной разъяренных матерей, готовых защитить своих детенышей любой ценой.

Так мы и стояли друг против друга, не двигаясь. Слоны смотрели на нас, а мы смотрели на них, и казалось, это будет продолжаться до бесконечности. Пока я раздумывал, что бы мне такое предпринять, ветер вдруг переменялся, и все слоны, словно взвод солдат, получивший команду «на изготовку», подняли хоботы и стали нюхать воздух.

Нас так захватило это поразительное зрелище, что на время мы совсем забыли об опасности. Я не удержался и вышел из машины, несмотря на бурные протесты всей моей семьи. Мне хотелось снять слонов вместе в машине.

Но как только щелкнула моя камера, старая слониха оглушительно заревела и свернула в заросли. Все стадо двинулось за ней по пятам.

— Подумать только! — воскликнула Марджори. — В старом доме в Горонгозе твоя физиономия нагнала страху на львицу, но можно ли было предположить, что она произведет такое же впечатление на целое стадо слонов!

Глава шестая НА ЛУНДИ

Несколько месяцев спустя после возвращения из Горонгозы я решил отправиться с женой и детьми в сафари на реку Лунди в Южной Родезии, и воспоминания о былых приключениях нахлынули на меня. Отыскивая на карте место моей прежней стоянки, я вспомнил немало волнующих эпизодов. Отчетливо встал в моей памяти день, когда я и мой проводник-африканец, едва выйдя из джипа, оказались лицом к лицу с разъяренной слонихой. В какую-то долю секунды успел я выстрелом в голову уложить ее возле самого автомобиля. В другой раз мне подстроил ловушку степной пожар; огонь пожрал все мое имущество, уцелели лишь винтовка да джип.

В тех же местах один молодой сотрудник службы охраны животных стал жертвой крокодила-людоеда. Он умылся, стоя по колени в воде, когда огромный зверь воровски подкрался к нему и, не замеченный ни им, ни слугой, стоявшим рядом, схватил его. Слуга ударил крокодила несколько раз копьём, но тот как в тисках держал

жертву своими страшными челюстями. Юноша исчез под водой.

Конечно, Лунди не из тех мест, куда ездят отдыхать с женой и детьми, но я знал, что их ждет там много интересного и увлекательного. Риск становился будничной чертой нашей жизни, и мы были готовы рисковать, конечно в разумных пределах. В самом радужном настроении втискивались мы в наш автомобиль, заваленный фотопринадлежностями, громоздким экспедиционным снаряжением и массой потрясающе разнообразных предметов личного обихода, если верить моим женщинам, совершенно необходимых им в поездке.

На месте моей бывшей стоянки рос густой подлесок вперемежку со спутанной травой, местность вокруг была до странности пустынна. Взметнув к небу вихрь пыли, я затормозил и стал отчаянно сигналить. Жена и дети решили, что я вдруг сошел с ума. Пробившись сквозь стену кустарника, звуки гудка замечались между деревьями и замерли в темной чаще джунглей. В поднятом мной шуме потонули голоса насекомых, деловито жужжавших вокруг, неподалеку показались животные — до этого они мирно спали, а теперь вскочили и насторожились.

— Зачем ты устроил весь этот тарарам? — спросила меня Мардж.

— Сейчас увидишь, — ответил я. — Я всегда так делаю, когда приезжаю сюда, и, если вам повезет, увидите почему.

Заинтересованные и, разумеется, не удовлетворенные моим ответом, но слишком разморенные полуденной жарой, чтобы пускаться в расспросы, жена и дети терпеливо ждали. Через некоторое время послышался приглушенный говор и шаги приближающихся людей. Высокая трава раздвинулась, и на открытую поляну вышли четверо африканцев. Они сразу откликнулись на мое громкое приветствие, и я понял, что они узнали меня.

— Теперь видишь, для чего весь этот тарарам? — сказал я, повернувшись к Мардж. — Так я всегда даю знать о себе, и они помнят об этом.

Сгорая от любопытства, дочери тянулись через мое плечо к ветровому стеклу.

— Послушай, папа, откуда они взялись? — воскликнула Кэрол, и не успел я ответить, как Джун добавила:

— Мы не видели здесь ни одной хижины!

Я указал в сторону подходивших людей:

— Видите вон ту густую полосу деревьев? Прямо за ней стоит маленькая деревушка. В те годы, что я бывал здесь, я набирал в ней проводников и носильщиков. Вот и эти ребята, сдаются, знакомы мне. Ну да, все они уже бывали со мной в экспедициях.

Мои старые знакомые, казалось, были страшно рады встрече со мной и довольно улыбались, сверкая ровными белыми зубами.

— Ах, бвана,— воскликнул Мтенгве, глава деревни,— мы думали, вы совсем уже забыли про нас! Мы уж и не рассчитывали свидеться с вами! Когда прошли две зимы, а бвана не возвращался, мы в деревне решили: бвана придет на следующую зиму. Но когда прошло пять зим, а бвана все не возвращался, мы решили, что бвана нашел более подходящее место для охоты.

— Нет, Мтенгве, я никогда не забывал вас, всегда хранил вас в моей памяти. Но есть так много других мест, которые тоже хочется посмотреть. Мир велик, а жизнь так коротка. Мудр тот, кто стремится увидеть и узнать как можно больше, прежде чем уйдет в страну, откуда нет возврата.

— Мы очень рады, что вы опять с нами.

— Приятно слышать ваши радушные слова. Вот видите, я привез с собой семью.

— Это большая честь для нас, бвана.

— Мы приехали охотиться, но теперь уже не с той палкой, что гремит.

— А как же иначе, бвана?

— Мы будем охотиться с маленькой коробочкой, которая делает картинки.

Решив, что я шучу, они придвинулись поближе и заглянули в машину.

— А, помним,— сказал Мтенгве.— Когда бвана был у нас в последний раз, он не стрелял из палки, если встречал большого слона или стадо буйволов, а прикладывал к глазу черную коробочку. Она трещала, как сверчок крылышками, а мы удивлялись, почему бвана больше не убивает животных.

В продолжение всей беседы Марджори и дочери стояли рядом, пытаясь понять, о чем идет речь. Время от времени я переводил им.

— Теперь уже не те времена, Мтенгве,— ответил я.— Раньше я выслеживал слонов с самыми массивными бив-

нями, львов с самой темной гривой, куду с самыми длинными рогами и убивал их затем, чтобы вернуться к своему народу и похвастаться своей охотничьей доблестью. Теперь все обстоит иначе. Теперь я увожу с собой картинки и показываю людям животных, которых мог бы убить, но не убил. Это больше ценится у моего народа, чем хвастливые рассказы о том, сколько зверей я убил.

Они засмеялись и недоверчиво покачали головами. Затем Мтенгве сказал:

— Пути белого человека поистине странны и непонятны нам. Если бвана убивает животных, он может получить за клыки много денег, а из мяса сделать билтонг. Но что дадут ему маленькие картинки? Ни денег, ни пищи.

Я перевел эти слова своим, и теперь настала наша очередь смеяться.

— Мтенгве, — сказал я, — у нас на родине вовсе не обязательно охотиться, чтобы добыть себе мяса. Всю необходимую пищу мы покупаем в лавках и магазинах, а деньги получаем не за слоновую кость и шкуры животных, а за работу — нам за нее платят.

Они стояли передо мной с видом школьников, слушающих новую, еще неизвестную им сказку. Раньше я никогда не разговаривал с ними о таких вещах. Мои прежние поездки сюда были целиком заполнены охотой, свежеванием и разделкой туш. Вечера проходили у костра в разговорах о дневной добыче.

— Вы — другое дело, — продолжал я. — Бог населил ваши леса животными и птицами, а реки — рыбой, чтобы вы и ваш народ могли жить охотничьим промыслом. Очень может быть, в стародавние времена и мой народ жил так же, как вы живете сейчас, но наша жизнь изменилась, и, несомненно, ваша жизнь в будущем тоже изменится. Да, придет время, и вам не нужно будет ходить за пятьдесят — шестьдесят миль в ближайшую факторию, чтобы купить фунт соли или унцию табаку. Вы поедете туда вот в таком же автомобиле или возьмете со стола небольшой прибор, поговорите в него и закажете все, что вам необходимо, человеку, который будет слушать вас на другом конце провода.

Лица африканцев выражали недоверие. Один из них, по прозвищу Карандаш, вышел вперед. Почему его наградили этой странной кличкой — навсегда осталось для меня загадкой. Он был мал ростом, коренаст и нисколько не

походил на карандаш. Возможно, он был единственным в деревне обладателем карандаша.

— Когда же придет это время, бвана? — спросил он. — Когда мы сможем обзавестись теми удивительными вещами, о которых вы говорите?

— Быть может, это случится через сто зим, а то и через тысячу, но это случится так же верно, как то, что утром взойдет солнце, — пророчествовал я.

— Не хватит ли болтать для начала? — перебила меня Марджори. — Ваш разговор можете продолжить позднее, если захотите, а пока что нам с девочками страшно хочется выпить чашку чаю и чего-нибудь поесть.

— Я так давно не видел этих ребят, как не заговориться, — ответил я. — Ну ладно! За еду так за еду! — И, повернувшись к африканцам, заключил: — Разобьем лагерь на прежнем месте. Пусть двое помогут поставить палатки, а двое других займутся заготовкой дров. Пила и топор привязаны к передку автомобиля.

Несколько часов спустя мы уже покойно сидели вокруг пылающего костра, от нас на землю падали длинные тени. Вокруг нас, в ярких отблесках пламени, стеной стояли заросли. Где-то вдалеке отрывисто лаял шакал, мрачно выла гиена. Ночные звуки перемежались моносиллабической речью африканцев, расположившихся поодаль от костра: друзья и родные Мтенгве, услышав о нашем приезде, пришли проведать нас. Они сидели тихо, пристально глядя на нас, всякий раз опуская глаза, когда мы смотрели на них. Их лица выражали удивление и интерес, как у детей, получивших новую игрушку: для многих из них наши керосиновые фонари и портативные приемники были совершенно непостижимой новинкой.

Когда по радио стали передавать какое-то сообщение на языке банту, они были ошеломлены. Маленькая корбочка говорила на их родном языке! Выражение их лиц мгновенно изменилось, теперь на них были написаны и страх, и радость. Страх перед неизвестным и радость от того, что они слышат родную речь. В полном молчании прослушали они сообщение до конца, затем поднялся невероятный гам. Они галдели и кричали, как стая обезьян, завидевших змею. Когда волнение улеглось, я подозревал Мтенгве. Он подошел и присел на корточки передо мной.

— Мтенгве, я обещал своим показать зверей. Их сейчас так же много, как прежде?

Мтенгве энергично потрянул головой:

— Никогда раньше у нас не было столько дичи, как теперь. Гну и буйволы бродят тысячами. Слонов столько, что люди боятся уходить далеко от деревни.

— И рыба есть?

— О, бвана, стоит раз закинуть сеть — и десять сильных мужчин насилу вытаскивают улов. Но надо быть очень осторожным — крокодилов развелось пропасть, и они опасны. Должен предупредить бвану и его семью — возле реки нужно быть начеку.

— А как насчет бегемотов, Мтенгве?

— С ними беда. Река так и кишит ими, по ночам они выходят на берег и пожирают посевы. Молодые парни в деревне всю ночь дежурят по очереди и отпугивают их барабанным боем. А в большой заводи за бамбуковой рощей — помните, бвана, ваше любимое место рыбалки? — поселился огромный самец. Он как одержимый перевертывает наши лодки и гоняется за женщинами, когда они ходят туда умыться.

— Не сказала бы, что это звучит очень утешительно, — проворчала Марджори.

Мы проговорили до поздней ночи. Пора было ложиться спать. Мы встали. Африканцы тоже поднялись, пожелали нам спокойной ночи и ушли в темноту.

Наутро чуть свет Пенга пошел на реку за водой. Кэрл и Джун увязались за ним. Несколько минут спустя мы

услышали с реки восторженный визг дочерей, затем показались и они сами. Что есть духу мчались они к лагерю, таща ведро с водой, плескавшейся им на ноги. Увидев нас, они закричали:

— Папа, папа, мы поймали крокодила! Маленького крокодилчика! Пенга вытащил его из реки!

Тут появился и сам Пенга. В руках у него отчаянно извивался двухфутовый крокодил, но Пенга крепко держал его за шею.

— Как вы умудрились поймать его? — спросила Марджори.

Захлебываясь от восторга, девочки рассказали, как было дело. Пока Пенга копал на берегу яму, в которую должна была насочиться вода, Кэрол и Джун отошли к небольшому озерцу в зарослях тростника. В таких озерцах полно разноцветных камешков, которые девочки так любят собирать. Они отыскивали камешки, как вдруг Кэрол заметила легкое движение на поверхности воды, у самого тростника. Она решила, что это водяная ящерица, и побежала за Пенгой. Тот сразу определил, что перед ним небольшой крокодил, подкрался к нему сзади, быстрым и точным движением схватил его и мигом вытащил из воды.

Я уже не раз имел дело с крокодилами и знал, что молниеносность нападения и сила челюстей этих хищников не позволяют держать их в качестве домашних животных. Поэтому, когда Кэрол и Джун стали осаждать меня просьбами оставить крокодила в лагере, я наотрез отказал им и велел Пенге бросить его обратно в реку. Я знал, что если поддамся уговорам дочерей, они в скором времени недосчитаются пальцев.

После завтрака Марджори принялась укладывать в корзину провизию, а я — готовить рыболовные снасти. Мы решили провести утро на рыбалке. Река Лунди изобиловала лещами и тигровой рыбой.

Мы нашли удобное, затененное высоким тростником место на берегу и принялись удить. Вскоре я заметил, что Кэрол, устроившаяся ярдах в двадцати от нас выше по реке, единоборствует с какой-то, должно быть, очень крупной рыбой. Ее удочка была изогнута, как туго натянутый лук, катушка сердито трещала, если рыба дергала лесу. Некоторое время мы с любопытством наблюдали за Кэрол: как-то она управится с рыбой, когда поведет ее к берегу, — как вдруг Кэрол потащило к реке, словно кто-то невиди-

мый толкал ее в спину. С трудом удержавшись на ногах, она повернулась к нам и стала звать на помощь. Добыча явно перетягивала. Через несколько мгновений я уже стоял рядом с Кэрол, подсказывая, что надо делать, но в конце концов был вынужден взять у нее удочку. Иначе Кэрол могла бы сломать удочку или порвать лесу и упустить добычу. Я предполагал, что ей попался большой барбер, разновидность речной рыбы-кота. Эта рыба, по общему признанию довольно ленивая, все же иной раз заставляет удильщика изрядно попотеть. Нередки случаи, когда на удочку попадаются барберы весом свыше ста двадцати фунтов.

Повозившись несколько секунд с удочкой, я почувствовал, что рыба сопротивляется как-то необычно. Она не делала сильных, стремительных рывков и не прыгала картинно, что обычно для тигровой рыбы, но и не водила медленно и упорно, как барбер. Леса дергалась резко, и это было странно и непонятно.

Минуты через три мне удалось вывести добычу на поверхность. Подматывая лесу, я подводил добычу все ближе к берегу, и каково же было наше изумление, когда мы увидели, что Кэрол действительно поймала барбера, которого держал в зубах молодой крокодил!

Если крокодил схватил свою жертву, лишь угроза смерти может заставить его разомкнуть пасть. Зверь, с которым я имел дело, мертвой хваткой держал добычу и почуял неладное, лишь когда его вытащили из родной стихии на сушу. Это был крокодил около двенадцати фунтов весом, в возрасте двух-трех лет. Пока я с ним возился, к нам подбежали Мардж и Джун. Когда крокодил выпустил рыбу и метнулся к воде, мы все бросились врассыпную, ведь наши босые ноги были весьма соблазнительной приманкой для его лязгающих челюстей. После этого маленького происшествия мы снова принялись удить и часа через три вернулись в лагерь с увесистой сумкой лещей, среди которых было и несколько тигровых рыб. Марджори, любительница стряпни под открытым небом, начала готовить рыбу ко второму завтраку.

После еды женщины улеглись в палатке на раскладушках, а я опустился в шезлонг в тени огромного фигового дерева, у которого был разбит наш лагерь. Высоко в небе, над зеленым шатром леса, неподвижно висели или лениво кружили грифы, паря на восходящих потоках и завихре-

ниях горячего воздуха. Жара усиливалась, и жужжание насекомых, казалось, становилось все назойливее и раздражительнее. Изредка раздавалось хриплое карканье ворон. Тогда насекомые на мгновение притихали, но затем хором вступали вновь, еще более решительно и неистово, словно возмущаясь тем, что им помешали.

Края палатки были подвернуты и подвязаны, чтобы ее продувало ветерком, и со своего места я видел, как Марджори и девочки беспокойно ворочаются на раскладушках. В конце концов девочки поднялись и заявили, что лучше пойти прогуляться, чем мучиться от жары в палатке и слушать назойливое гудение насекомых.

Дети так порывисты, что подчас необходимо умерять их пыл, чтобы они не причинили себе вреда. Поэтому я строго-настрого наказал дочерям не уходить слишком далеко от лагеря. Не прошло и трех минут, как они сломя голову примчались обратно с горящими от возбуждения глазами.

— Папа! Папа! — кричали они. — Мы встретили слоненка, он совсем один, недалеко отсюда! Пойди посмотри сам, ну пожалуйста!

И не успел я встать с шезлонга, как они умчались обратно.

Я бросился за ними, Марджори, разбуженная криками, — за мной. Продравшись сквозь кустарник, со всех сторон обступавший наш лагерь, мы увидели девочек. Они стояли на пригорке, у края травянистой равнины, и указывали на молодого четырехгодовалого слона, который стоял совсем мирно, не подозревая о нашем присутствии. Я огляделся вокруг — нет ли поблизости еще слонов, — но, по всей видимости, малютка был действительно один. Мне казалось, что взрослые слоны обязательно должны быть где-то неподалеку, в тени зарослей, окаймлявших равнину: ведь встретить молодого слона совершенно одного, без взрослых — событие из ряда вон выходящее, даже, более того, неслыханное.

Понаблюдав некоторое время за слоненком, я заметил, что ест он совершенно необычным для слонов способом: подкапывает траву передней ногой, прижимает ее к хоботу и медленно продвигает вверх, до самого рта. Было совершенно ясно, что у слоненка поврежден хобот и он не может накручивать на него траву и отправлять ее в рот обычным способом.

Тем временем к нам присоединились трое наших помощников. Они подтвердили мое предположение. И тут Джун, всегда жалевшая увечных животных, внушила мне дерзкую мысль.

— Папа! Давай поймаем его и посмотрим, в чем дело! Я уверена, что он болен.

Как правило, молодые слоны не покидают стадо, не достигнув полной зрелости. Этот одинокий детеныш, вероятно, был единственным уцелевшим представителем стада, перебитого охотниками за слоновой костью, и, возможно, был ранен в хобот при бегстве. Поймав его, мы не только обеспечили бы себя материалом для нашего фильма, но и могли бы попытаться вылечить его. Ведь с парализованным хоботом он был почти так же беспомощен, как человек без рук.

Ловля диких животных — дело сугубо специфическое, требующее немалых навыков и сноровки, а ловить слона моим помощникам вообще никогда не приходилось. Я кратко проинструктировал их перед началом охоты, решив, что недостаток опыта они восполнят энтузиазмом.

Мой план был таков. Мы будем подбираться к слоненку со всех сторон и, воспользовавшись его замешательством, попытаемся затянуть веревку у него на ноге. Нас было шестеро. Я дал каждому из африканцев по длинной, крепкой пеньковой веревке и одну оставил себе.

Мы собрались у пригорка, наблюдая за слоненком. Он все еще не замечал нас и продолжал кормиться своим необычным способом. Перед началом кампании я дал последние указания. Марджори, Кэрол и Джун останутся на пригорке. В случае если слоненок побежит в их сторону, они должны будут встать во весь рост, энергично махать руками и стараться криками отогнать его обратно. Спокойно, с интервалами в пять минут мои помощники начали осторожно пробираться на отведенные им места, чтобы ждать моего сигнала к наступлению. Горячий полуденный воздух был недвижим, и я мог не опасаться, что слоненок учует запах двоих африканцев, которые уже стали поодаль с наветренной стороны.

Я дал знак остальным ребятам трогаться вперед. Они покинули заросшую кустарником опушку и начали тихо подкрадываться к слоненку. Сам я тоже направился к своему месту. Я находился ближе всех к животному, почти прямо перед ним. Местность была открытая, поросшая

лишь невысокой, по щиколотку, травой. Не успел я пройти и десяти ярдов, как слоненок вдруг перестал есть и стал как вкопанный. Он уже заподозрил неладное. Я медленно поднял руку над головой, давая знак остальным замереть на месте. Минут десять, если не больше, мы стояли как истуканы. Наконец слоненок успокоился и снова начал есть. Я тихо подал знак трогаться дальше, и постепенно мы окружили его. Двигаясь почти улиточьим шагом, я подобрался к слоненку ярдов на тридцать и только тогда разглядел, что он гораздо крупнее, чем показался вначале. Ростом он был около пятидесяти четырех дюймов, а весил, должно быть, три четверти тонны.

Внезапно слоненок вскинул голову, растопырил уши, похожие на два одеяла с рваными краями, и замер на месте, прислушиваясь. При этом хобот его не поднялся понюхать воздух, как обычно у слонов, когда они почуют опасность, а безжизненно свисал точно плеть.

Затем слоненок издал пронзительный визг, напоминающий скрип шин на гудронированном шоссе, и устремился прямо на меня. Я выждал, пока он подбежит ярдов на пять, отскочил в сторону и стал заходить ему в тыл, подальше от его головы. Он мог сбить меня головой с легкостью тарана, и тут уж я был бы совершенно беззащитен: он затоптал бы меня насмерть. Но слоненок был не менее проворен, чем я. Он быстро повернулся, вновь издал свой устрашающий визг и бросился на меня. Я увернулся от него и на этот раз, и в тот самый момент, когда у меня мелькнула мысль, долго ли я смогу продержаться, прежде чем он собьет и раздавит меня, вокруг раздались крики и свист, и на вельд, словно антилопы, выбежали мои ребята.

Такой оборот немало озадачил слоненка. Забыв обо мне, он повернулся к подбежавшим африканцам, которые прыгали как одержимые, размахивали руками и сыпали ругательства в его адрес. Воспользовавшись замешательством животного, я подскочил к нему сзади и попытался захлестнуть веревкой его заднюю ногу. Почувствовав, как веревка змеей оплетает ему лодыжку, он моментально развернулся на месте и, не успев я восстановить равновесие, словно паровой каток, ткнул меня в грудь. Я полетел по траве, как лопнувший футбольный мяч. Сквозь темную завесу, внезапно опустившуюся мне на глаза, я видел, как мои ребята одолевали слоненка. Один из них повис на

хоботе, остальные, налетая друг на друга, пытались обвязать веревками его задние ноги. Еще не вполне оправившись от сотрясения, я вскочил на ноги и ринулся в гущу схватки.

Один из африканцев продолжал упорно висеть на хоботе слоненка, еще двое повисли у него на ушах. Кому-то удалось охватить веревкой его левую заднюю ногу, но дальше дело не пошло: остальная часть веревки превратилась в запутанный клубок узлов и петель и в таком виде ни на что не годилась.

Я схватил этот клубок и стал лихорадочно распутывать его. Пальцы меня не слушались. Неожиданно рванувшись, слоненок расшвырял своих преследователей и во весь опор помчался прямо к пригорку, где стояла Марджори с девочками. Меня и одного из ребят, имевшего глупость ухватиться за веревку, потащило вслед за ним.

Я выпустил веревку и попробовал обогнать слоненка, чтобы отпугнуть его от пригорка, но тут мои ноги запутались в веревке, и я вторично с такой силой ударился о землю, что у меня зашло дыхание.

В этот момент Марджори, Кэрл и Джун закричали и замахали шляпами. Слоненок, теперь уже окончательно сбитый с толку странными призраками, которые то и дело вырастали перед ним, шарахнулся назад и побежал по своим следам прямо к тому месту, где я лежал, судорожно хватая ртом воздух. Чудовищным усилием воли я заставил

себя откатиться в сторону, подальше от этих тяжело топчущих ног...

Преследование уже начало утомлять слоненка, а мы упорно продолжали теснить его то в одну, то в другую сторону, пока не настигли его. После повторной короткой стычки, во время которой я уверился, что хобот у слоненка совершенно не действует, мы сумели надежно связать его, и вскоре Марджори и девочки смогли покинуть пригорок, чтобы рассмотреть слоненка вблизи.

Хотя слоненок уже почти полностью утратил свой боевой пыл, он все еще артачился и бодался головой всякий раз, когда кто-нибудь из нас оказывался в сфере действия его «тарана». Мне очень хотелось осмотреть его хобот, но я был вынужден отложить это на будущее в надежде, что слоненок вскоре успокоится. Хобот был явно поврежден; если б слоненок пользовался им как положено, мы не выиграли бы эту битву так легко.

Поймать и опутать слоненка веревками было еще полдела. Теперь возникла новая проблема — каким образом доставить его в лагерь. Мы тянули и подталкивали Джамбо, как Кэрл и Джун уже окрестили слоненка, но он уперся ногами в землю — и ни с места.

Старый способ вести за собой осла, маня его морковкой, не так уж баснословен, как может показаться с первого взгляда. Марджори предложила заманивать слоненка свежесорванными листьями мопани, и приманка подействовала — через несколько минут мы были в лагере. Чтобы слоненок мог свободно шагать, мы оставили веревку лишь на его левой ноге. Другая веревка свободно болталась вокруг его шеи; я и один африканец держали ее концы и могли направлять слоненка в нужную сторону.

Наконец мы вошли в лагерь. Ветка мопани по-прежнему маячила перед Джамбо, как вдруг он рванулся с новой силой и опрокинул двоих ребят, словно кегли. Мы отчаянно вцепились в концы веревки, но, прежде чем сумели утихомирить его, он чуть не сровнял с землей наш лагерь. Почти весь следующий день мне пришлось заниматься починкой столов, стульев и палатки.

Мы привязали Джамбо к дереву ярдах в двадцати от лагеря и хорошо позаботились о нем. Перед ним поставили большое ведро воды, навалили ворох свежесрезанных молодых веток мопани. Две энергичные девочки постоянно ухаживали за ним.

Я валился с ног от усталости. Поставив один из неповрежденных складных стульев в нескольких ярдах от Джамбо, я присел отдохнуть, а заодно и понаблюдать, как он ест и пьет. Минут через двадцать Джамбо принялся есть, опять все тем же необычным способом, ногой и хоботом запихивая листья в рот.

Несомненно, его хобот бездействовал уже довольно длительное время — иначе как бы он мог освоить столь своеобразный способ кормежки? Я поднялся, взял пучок листьев мопани и поднес его ко рту слоненка. Он не колеблясь схватил его и стал жадно жевать. Ко мне присоединилось все семейство, и целый час мы кормили слоненка таким образом. Я осмотрел его хобот и установил, что он совершенно парализован. Я начал ощупывать его с кончика, потихоньку поднимаясь все выше и выше, но, когда достиг места, где хобот переходит в голову, слоненок резко дернулся, как от боли, и несколько минут не подпускал меня к себе.

Я решил дать ему отдохнуть, а более тщательный осмотр отложить на завтра. Когда он принялся пить из ведра, на него больно было смотреть. Начал он с того, что поднял голову и погрузил кончик хобота в воду. Набрав полный хобот воды, он стал двигать головой вверх и вниз, раскачивая хобот назад и вперед, а затем, достаточно раскачав его, удивительно метко забросил кончик в рот и вылил остатки воды в горло. Надо полагать, бедняга ежедневно часами простаивал у водопоя, утоляя жажду маленькими глотками, всего по нескольку капель за раз.

На следующее утро Джамбо был полон жизни. Африканцы заново налили в его ведро воды, нарезали ему на завтрак груды веток мопани. Его уже можно было гладить и похлопывать, не опасаясь, что он станет брыкаться и бодать головой. Всего лишь за одну ночь он стал кротким и послушным, как щенок. Я всегда утверждал, что слон — самое умное и самое чуткое из всех животных. Какое другое дикое животное, с его инстинктивным страхом перед человеком, так же легко откликнулось бы на доброту, как этот слоненок, еще только вчера бывший свирепым, усукрошенным обитателем джунглей?

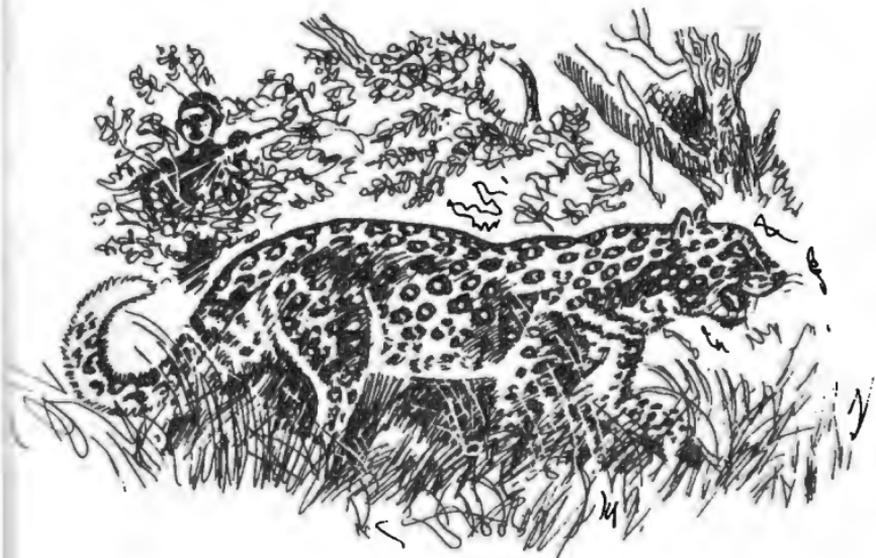
Мне даже почудилось в его добрых, с длинными ресницами глазах что-то вроде человеческого выражения, когда он устремил их на меня, а затем медленно перевел

на Марджори и девочек, словно желая сказать: «Спасибо. Никто еще не делал для меня такого».

Предоставив довольному Джамбо уминать завтрак, мы взяли кинокамеру, ружье и бутылки с водой, Пенга водрузил на голову корзину с провизией, и наш маленький отряд, покинув лагерь, вступил на хорошо протоптанную звериную тропу, что вела к огромной заводи на реке, примерно в миле вниз по течению. Как сказали нам африканцы, заводь кишела крокодилами, к тому же мы непременно должны были встретить большое стадо бегемотов, которые любили нежиться в этой части реки. А если мы хотим видеть, как животные идут к водопою, достаточно соорудить небольшое укрытие в тростнике и спокойно ждать.

Продвигаясь звериной тропой, я и не подозревал, что этот день должен стать памятным днем в нашей жизни, полным необычайных, волнующих происшествий.

Глава седьмая НА ЗВЕРИНОЙ ТРОПЕ

События дня разворачивались с такой быстротой, что, не будь у меня за плечами многолетнего опыта жизни в дикой Африке, я имел бы основания подозревать, что они разыграны специально для нас. К такого рода мошенничеству зачастую прибегают известного сорта проводники охотничьих экспедиций, чтобы произвести впечатление на своих легковверных, неискушенных клиентов, которые перед отправлением обычно накачиваются рассказами о «тайнах Черного континента».

Звериная тропа шла параллельно реке. Сквозь редкие просветы в подлеске гладь воды, как ртуть, сверкала на солнце. При нашем приближении в воздух огромными черными тучами взлетали стаи зябликов, и натруженные ветви деревьев качались вверх и вниз, словно вкушая долгожданное облегчение. Солнце поднялось над верхушками деревьев. Кэрл и Джун, шедшие со мной рядом, надвинули на лоб свои шляпы, прикрывая полями глаза от отраженного водой солнца.

Мы продвигались по пустынной лесной тропе под почти оглушающее гудение диких пчел и насекомых. Оно как

будто притихало на мгновение перед нами, чтобы с еще большей силой возобновиться у нас за спиной. Вот вдальеке раздался невыразимо печальный и вместе с тем обворожительный крик египетского бегунка — предупреждение крокодилам, греющимся на солнце на песчаных отмелях. Египетский бегунок обычно гнездится поблизости от мест, где крокодилы выводят потомство, и находится в каком-то странном сродстве с этими ужасными чудовищами.

Где-то неподалеку хрустнула ветка — так, едва уловимый хрупкий звук, тем не менее выделявшийся из монотонного хора джунглей. Я оглянулся через левое плечо и остановился. Марджори и девочки, уже достаточно искушенные во всем, что касается диких животных, не дожидаясь предупреждения, последовали моему примеру. Две какие-то неясные тени с двух сторон льнули к стволу большого, наполовину высохшего железного дерева. Я не мог разобрать, львы это или леопарды, и медленно поднял ружье. Щелчок предохранителя громко отозвался в моих ушах. Вокруг было тихо, лишь гудели хором насекомые, да издали доносился стук дятла. «Как я горжусь своими! — мелькнула у меня мысль.— Какая у них выучка! Без всякого предупреждения они поступили как заправские обитатели джунглей».

Беззвучно, точно призрак, от дерева отделилась большая гиена. Это был самец. Он вышел на свет и некоторое время постоял, подняв голову и приносясь. Так же беззвучно к нему скользнула его подруга. Они стояли не шелохнувшись. Для них это был решающий момент: малейшее движение или звук, малейший намек на опасность — и они сольются с зарослями, словно станут их частью. Опустив голову, самец двинулся вперед характерной гиеней походкой. Это был превосходный экземпляр размером с большую восточноевропейскую овчарку, но гораздо массивнее. Его пестрое тело было красиво закамуфлировано под пятна солнечного света, пробивающегося сквозь листву. Мощные плечи выпячивались буграми, как у профессионального борца, нижняя челюсть отвисала, открывая ряд страшных собачьих зубов.

В вечной войне, которая идет между человеком и гиенами, у этих хищников предельно развился инстинкт самосохранения и чутье на своего заклятого врага. Руководимые вековечным инстинктом, гиены почувствовали поблизости невидимую опасность и, перелившись в быстрый

движение, почти незаметное для глаза, стали тенью на фоне темного подлеска и исчезли так же беззвучно, как появились.

— Непонятно, чего шляются здесь эти твари в такое время дня, — сказал я Марджори, которая подошла ко мне и все еще глядела в ту сторону, куда ушли гиены.

— Да, — ответила она, — удивительно, что они шныряют здесь среди бела дня. Уж не привлекло ли что-нибудь их внимание?

Тут Кэрол указала рукой вверх и спросила:

— Посмотри, папа, ведь это грифы, правда?

— Они самые. Возможно, этим и объясняется появление господина Гиены и его супруги. Поблизости должна быть ~~какая-нибудь~~ падаль, они ее учуяли. Я убежден, что плотоядных мусорщиков, таких, как гиены, шакалы и дикие ~~юбаки~~, к мертвому животному привлекает не один только запах. Я уверен, что их наводят и грифы, как охотника, который ранил животное и не может найти его. В таком случае охотник садится и ждет, пока в небе не начнут кружить грифы. Как только он увидит, что они камнем падают на землю, он идет к тому месту и почти всегда находит свою добычу — раненое или уже мертвое животное.

Как ни странно, за все те годы, что мы провели вместе в диких районах Африки, мы ни разу не говорили о том, каким образом грифы отыскивают свою мертвую или уми-

рающую добычу, и все мое семейство как зачарованное слушало объяснения, которые я давал на ходу.

Ни один человек, хоть раз видевший, как грифы десятками падают с заоблачной высоты через несколько минут после гибели животного, не усомнится в том, что при отыскивании пищи они руководствуются исключительно зрением.

Господствовавшее раньше представление, будто грифов ведет чутье, опровергнуто наблюдениями, и ныне считается непреложным фактом, что грифов кормят исключительно их острые глаза. Грифы высматривают добычу поодиночке, паря высоко в небе, каждый на своем участке, пока один из них не обнаружит мертвое животное. После этого он начинает спускаться постепенно сужающимися кругами и наконец камнем падает на свою цель. Падение одного грифа служит сигналом для его ближайших сотоварищей. Они следуют за ним, и в поразительно короткий срок на пиршество слетаются все грифы, патрулировавшие небо на многие мили окрест.

Только я хотел ответить Джун на какой-то ее вопрос, как вдруг услышал звенящий звук спущенной тетивы и мгновенно остановился. Секунду спустя мимо самого моего носа пролетело бревно, с глухим стуком ткнулось в землю у моих ног и, как ни странно, осталось стоять торчком, медленно покачиваясь взад и вперед наподобие огромного метронома.

Марджори, Кэрл и Джун испуганно примолкли и застыли на месте. Как околдованные глядели они на качающееся бревно, словно это была поднымавшаяся для нападения змея.

Внезапно я осознал весь зловещий смысл случившегося. Если б звук тетивы не привлек мое внимание и не заставил меня вовремя остановиться, я стал бы жертвой снаряженного местным охотником копьяд-ловушки — устройства, состоящего из короткого копья, вделанного в бревно для увеличения веса и закрепленного на дереве шнурком, который играет роль спускового крючка.

— Господи, близко-то как! — тихо прошептала Марджори.

Я взглянул себе под ноги. Копье, утяжеленное бревном, ушло в землю почти на всю длину своего девятидюймового зазубренного наконечника в каких-нибудь шести дюймах от носка моего ботинка! Я похолодел при мысли, что стало бы со мной, сделай я всего лишь шаг вперед.

— Так объясни же, папочка, что означает эта ужасная штука и чьи это проделки? — спросила Кэрол.

— Это тяжелое копьё-ловушка, которое местный охотник укрепил вот на этой ветке над самой звериной тропой, — сказал я, указывая на ветку у себя над головой. С ветки свисал спусковой шнурок, покачиваясь от ветерка. — Такое копьё приводится в действие очень просто и вместе с тем хитроумно при помощи шнурка, протянутого через тропу. От малейшего прикосновения к шнурку копьё освобождается и падает вниз, на спину жертвы.

— Как это страшно и как жестоко!

— Совершенно верно, это жестокий способ охоты. Сплошь и рядом животное не поражается насмерть, а умирает медленной, мучительной смертью, пока охотник не найдет его. Ловушки осматривают раз в четыре-пять дней, а то и раз в неделю в зависимости от результатов.

— Что значит — в зависимости от результатов? — спросила Мардж.

— Обычно охотник ставит около двадцати таких копий в богатом дичью районе, главным образом на звериных тропах, ведущих к наиболее посещаемым водопоям, например, таким, как этот. Естественно, чем больше ловушек он ставит, тем больше его шансы на успех. Через день-два после того, как ловушки поставлены, он идет проверять их. Если в первой или второй ловушке окажется убитое или искалеченное животное, он возвращается с мясом домой и, пока его семья не съест мясо, не дает себе труда осмотреть остальные или поставить заново уже сработавшие.

— А если его копьё-ловушки ранят и убивают больше животных, чем он может съесть или унести, что тогда? Он что, оставляет раненых животных так, как есть, и они умирают мучительной смертью и гнивают? — продолжала допытываться Мардж.

— В общем так, вот только трупы просто не успевают сгнить. Их выслеживают вон те птицы в небе. — Я указал на грифов, которые все кружили над нами, только теперь уже гораздо ниже. — Не успеешь и оглянуться, как они вместе с другими мусорщиками начисто снимут мясо с костей. На первый взгляд может показаться, что все это варварски жестоко. Но, быть может, так заведено самой Природой, чтобы поддерживать равновесие между ее созданиями. Грифы — естественные мусорщики зарослей, ле-

сов и равнин. Все в Природе имеет свое назначение. Например, лев, убивая животных, лишь исполняет требование Природы ограничивать их численность. Это только часть великого порядка жизни, выработавшегося за многие века ее развития.

Мы присели на траву в тени акации.

— Но, папочка, ведь это так несправедливо, что львы убивают красивых, безобидных антилоп. Взять хотя бы тех четырех львов, которые на наших глазах убили красивого самца куду в прошлом году в Бечуаналенде. Это было ужасно!

Я объяснил детям, что лев убивает для того, чтобы жить, и этот его обычай ничем не отличается от нашего, когда мы садимся за стол, чтобы с удовольствием съесть сочный бифштекс. Если лишить плотоядных права убивать, они вымрут, а с их вымиранием численность животных, составляющих их добычу, катастрофически возрастет, и в конце концов пищевые ресурсы сократятся настолько, что земля не сможет дольше кормить все умножающуюся массу этих животных, и они в свою очередь исчезнут с лица земли. Предоставленные самим себе, дикие животные отлично ладят со своим окружением и не нуждаются в указаниях насчет того, что им полезно, а что нет. Они знают, чего можно ожидать от жизни, и не жалуется на нее.

Несколько минут мы сидели молча, любуясь окружавшей нас красотой и покоем. Лес казался нам скорее храмом, в котором человек может поклоняться Природе и жизни, нежели местом, где дикие звери, таясь, подстерегают свою добычу. Тихо трепетали на легком ветру золотисто-зеленые листья. Сноп солнечного света, в которых плясали пылинки и кружились насекомые, косо падали сквозь шатер зеленой, переплетенной коричневыми ветвями листвы. Где-то вверху над кронами деревьев слышался жалобный щебет птиц. Доносимый ветерком аромат древесины и влажной листвы перемешивался с прохладно-сухим, сладким запахом увядшей травы и прелых листьев. Здесь царили одиночество и уединенность, мир и покой, дикие звери — природа.

Внезапно я краешком глаза увидел старого самца-бабуина: он шел во весь рост по горизонтальной ветке дерева, стоявшего ярдах в пятидесяти перед нами. Я указал на него жене и детям. Злобно глядя на нас, бабуин издал

резкий, хриплый вызывающий звук, эхом отдавшийся в безмолвии зарослей.

По этому сигналу вся стая, скрывавшаяся в густой листве, высыпала наружу и разразилась яростными воплями, вторя своему вожаку. Обезьяны были обеспокоены вторжением человека в их владения и выражали свое негодование. Когда мы встали и пошли дальше, они камнями посыпались на землю и с сердитыми криками исчезли в подлеске.

— Ради Бога, — взмолилась Марджори, — остерегайся новых ловушек. — Совершенно ясно, что эти смертоносные копыя опасны не только для животных.

Я сошел с тропы и повел своих в нескольких футах в стороне от нее. Так мы прошли еще около трехсот ярдов, пока не наткнулись на труп зебры, павшей жертвой очередного копия-ловушки.

Зебра лежала в скрюченной позе с торчащим в шее копьем. К счастью, она была убита мгновенно, не более двух-трех часов назад и упала прямо там, где стояла. Напрягши все свои силы, я вытащил копьё из ее шеи, наглядно продемонстрировав его смертоносную эффективность.

— Мне кажется, дальнейшие объяснения излишни, — сказала Марджори. — Меня трясет при мысли, что несколько минут назад мы чуть было не увидели весь этот механизм в действии и тебя в качестве жертвы. Пошли!

Однако, прежде чем двинуться дальше, я взглянул на небо и заметил:

— Теперь понятно присутствие грифов и гиен, которых мы недавно встретили. Это прямо-таки сверхъестественно.

Неподалеку от заводи мы снова вышли на тропу. Ветви больше не нависали над ней, так что уже не было опасности наткнуться на ловушку. Звериные тропы со всех сторон сходились на голой террасе, приподнятой над рекой. Тысячи животных, которые собирались здесь, прежде чем спуститься к воде, начисто вытоптали копытами всю траву на лужайке, превратив ее в полосу мелкой серой пыли, которая тучей вставала над нами, пока мы проходили к большой купе бамбука на другой стороне террасы.

В этом месте река расширялась, и ее берега, отлого понижаясь, переходили в окаймленное тростником болото. На середине реки находились два заросших тростником островка, между ними, бурля и закручиваясь воронками,

несся основной поток. От берега до ближайшего к нам островка виднелись большие, черные, зловещего вида каменные глыбы, поверх которых, пузырясь, переливалась вода. В действительности же это были огромные лоснящиеся спины обманчиво неподвижных бегемотов.

От бамбуковой купы к ближайшему островку, почти под прямым углом к берегу, отходила длинная широкая песчаная коса с отпечатками лап всевозможных зверей.

Глубокая вода, гладкая и коричневая, как жидкий шоколад, казалась мрачной и угрожающей в тени высокого бамбука.

— Мне здесь как-то не по себе,— сказала Марджори.

Ее беспокойство еще более усилилось, когда мы увидели, как с противоположного берега в воду беззвучно скользнули два огромных крокодила.

Хотя я уже не в первый раз был в этом месте, меня заворожили и крокодилы, и бегемоты, и воронки на темной реке, и густая чаща зарослей, стеной стоявших по обоим берегам реки. За моей спиной раздавался резкий, жалобный крик удода, предупреждавшего джунгли о нашем приближении.

Не знаю, сколько времени я простоял так, приглядываясь и прислушиваясь ко всему тому, чем этот полный трепетной жизни континент пленял меня столько лет.

— Пойдем, лунатик,— услышал я голос Марджори,— у тебя еще будет время для очередного транса, как только найдем подходящее место для привала. Пить хочется до смерти.

Мы с Пенгой нашли тенистое местечко среди бамбука, откуда хорошо просматривалась река и целиком была видна песчаная терраса, где сходились звериные тропы. Расчистив кустарник, мы соорудили из бамбука укрытие, затем я разостлал на земле коврик для Марджори и девочек, установил треногу и подготовил кинокамеру к съемке зверей, которые придут на водопой.

Тем временем Пенга развел костер, и вскоре мы уже попивали чай, удобно устроившись в нашем убежище.

Солнце светило ослепительно ярко, клочок неба, видный нам из укрытия, казался необычайно ясным и синим сказочной, глубоко прозрачной синевой. По мере того как солнце поднималось все выше, краски, свет и тени менялись и неуловимо перемещались. Я был полон какой-то приятной истомы. Никогда еще жизнь не казалась мне такой чарующей, такой бесхитростной.

Выпив чаю, Марджори и Джун прилегли отдохнуть. Пенга сидел на земле и дремал, опираясь спиной о толстый ствол бамбука. Я встал и внимательно оглядел окрестности, но не увидел ни одного живого существа.

Около трех часов дня на террасе показалась первая вереница животных. Это были антилопы импала. Их тела полированной медью сверкали на солнце. Вскоре уже собралось внушительное стадо. Впереди, как обычно, выступает статный самец, высоко подняв голову, украшенную грациозно изогнутыми эбеново-черными рогами. Величаво шагает он к воде, насторожив уши, чутко ловя малейшие признаки опасности. Самки с детенышами боязливо следуют за ним. Им приходится постоянно быть начеку: именно у водопоя «симба» — лев и «лепото» — леопард подстерегают в засаде неосторожную жертву и бросаются на нее из тени тростника.

Щелканье фотоаппарата Марджори и жужжание моей кинокамеры потонули в топоте копыт и стуке рогов, когда стадо медленно двинулось к воде. Несомненно, это было самое большое стадо импал, которое мне когда-либо случалось наблюдать. По очень примерной оценке, в нем насчитывалось более трех тысяч животных.

— Посмотри вон туда, Джордж, — прошептала мне на ухо Марджори.

Вдали показалось стадо черных антилоп. С величественным видом они прокладывали себе путь среди импал, которые расступались, пропуская гордых и надменных «черномастных». И если какой-нибудь самец импала упрямялся, то лишь на мгновение, чтобы тут же смириться, как только «черномастный» грозно наставит на него длинные изогнутые рога, похожие на косы с тонко очерченным острием.

Черные антилопы собирались медленно. Некоторое время они стояли на берегу, затем отважились зайти по колена в воду, чтобы напиться. Внезапно среди них возник переполох, и вот уже вместо мирной, безмятежной сценки мы видим массу скачущих, рвущихся вперед животных, которые чуть не убивают друг друга в отчаянном стремлении спастись.

Я быстро свинтил кинокамеру с треноги и как очумелый побежал к воде. Мое внезапное появление усугубило панику среди животных, и вскоре об их присутствии здесь напоминало лишь густое облако пыли, которое высоко

вздмалось над верхушками деревьев, маскируя бегство огромного стада.

Сбегая по отлогому песчаному откосу к реке, я менес всего ожидал увидеть поразительное единоборство двух созданий Природы. Лишь у самой воды установил я причину переполоха.

Огромный желто-зеленый крокодил схватил за морду великолепную черную антилопу. Все четыре ноги антилопы глубоко ушли в песок, и она изо всей мочи тянула назад, пытаясь вырваться из капкана крокодильих челюстей, однако чудовище медленно, но неуклонно подтягивало ее все ближе к воде. Я до того взволновался, что совсем забыл про свою кинокамеру и крикнул Пенге, чтобы он принес мне ружье. Марджори и девочки уже присоединились ко мне и стали бросать в крокодила камнями. Я поднял камень величиной с кокосовый орех, изо всей силы запустил им в крокодила и угодил ему прямо в голову. Но он и не подумал выпускать свою жертву и медленно затягивал под воду морду животного.

С новой силой, порожденной страхом смерти, антилопа сделала отчаянную попытку высвободиться и почти целиком вытащила крокодила из воды. После этого титанического усилия она тут же сникла к воде, и мне стало ясно, что еще минута — и борьба окончится.

Пенга сунул мне в руки ружье, и я почти в упор дважды выстрелил крокодилу в голову. Последовал оглушительный плеск. Крокодил взвился в воздух, звонко шлепнулся об воду, взбил ее розовой пеной и пошел на дно. Черная антилопа лежала наполовину в воде, совершенно без сил. Она тяжело, со свистом дышала, ее морда была ободрана до кости. С нижней челюсти свисали кровавые клочья кожи.

Запечатлеть на пленке именно такого рода сцену и всегда мечтал. Она могла бы стать сенсационным эпизодом среди всего отснятого мной. Однако теперь, когда мне представилась эта блестящая возможность, я прежде всего подумал о том, чтобы защитить антилопу, а деловые соображения отошли на второй план.

Раненое животное несколько пришло в себя и, кажется, только теперь заметило нас. Его глаза расширились от страха. Я поспешно увел своих от воды.

Не успели мы достичь бамбукового укрытия, как антилопа с окровавленной грудью, шатаясь, поднялась на

песчаную террасу. Целых десять минут она стояла там ярдах в тридцати от нас, свесив голову между ногами. Время от времени она фыркала, разбрызгивая во все стороны кровь. Затем с трудом сделала два шага вперед и упала на колени. Изорванная в клочья кожа, как окровавленное знамя, болталась на ее отвисшей челюсти.

С растущей тревогой наблюдали мы это печальное зрелище, и множество вопросов пронеслось у меня в голове.

Правильно ли я поступил, отняв у крокодила то, что по праву принадлежало ему? Смею ли я вмешиваться в предназначения Природы и убивать крокодила, а может статься, и антилопу?

Возможно, хорошенько покопавшись в своих глубочайших переживаниях, я мог бы найти оправдание своему опрометчивому поступку. Вероятно, в критический момент свойственное всем нам обыкновение не допускать жестокости по отношению к животным взяло верх над моей убежденностью в правомерности законов Природы. Или, быть может, вид изящного, красивого животного, уничтожаемого злобным, отвратным монстром, пробудил во мне защитный инстинкт, которого, как мне кажется, не лишены даже самые грубые и бессердечные люди.

Итак, мы стояли и смотрели на мучающееся животное, не в силах ни облегчить его страдания, ни помочь ему укрыться в зарослях. Но даже и там у него было мало шансов спастись, так как оно было слишком тяжело ранено, чтобы убежать от хищника. Мне предстояло решить, не милосерднее ли будет метким выстрелом в голову избавить его от лишних мучений. Если мне когда-нибудь суждено совершить убийство из милосердия, то случай был именно тот.

Словно прочтя мои мысли, Марджори, стоящая поодаль вместе с девочками и Пенгой, подошла ко мне и сказала:

— Тебе не кажется, что следовало бы пристрелить бедное животное? Я уверена, ребята в лагере обрадовались бы мясу.

— Ты права, Мардж. Я очень сомневаюсь, что оно прогнет хоть несколько дней, а если даже и так, есть лишь один шанс против ста, что в его нынешнем состоянии оно сумеет спастись от какого бы то ни было четвероногого хищника.

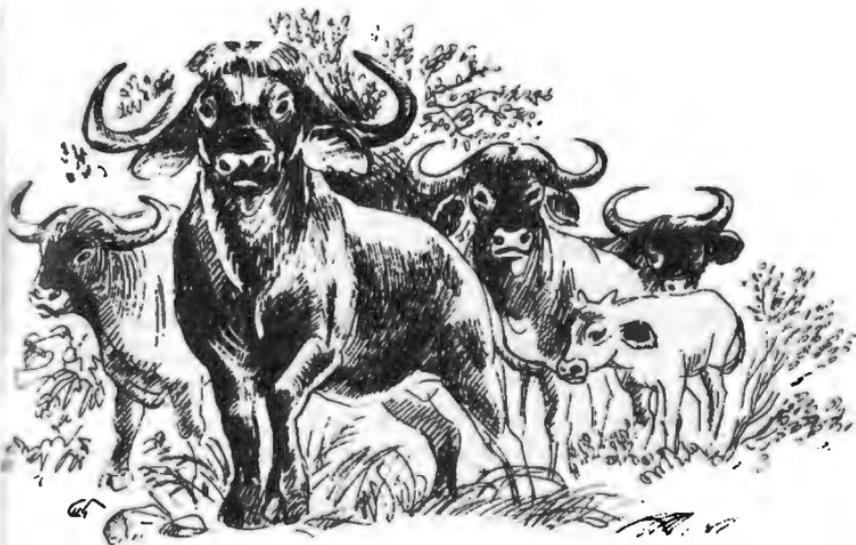
Я отлично знал, какая судьба постигнет животное, если стая диких собак нападет на пахнувший свежей кровью

след. Они с поразительной быстротой и упорством пойдут по следу, и, как только увидят антилопу, ее участь будет решена. Они будут неотступно гнаться за ней и, когда она без сил рухнет на землю, разорвут ее на куски.

Я поднял ружье, тщательно прицелился и нажал спусковой крючок. Небо над нами потемнело от множества пронзительно кричащих птиц, вспугнутых громом выстрела. Возмущенно заворчал гревшийся на солнце бегемот. Птицы негодуяще кричали еще несколько минут, затем мало-помалу успокоились.

Когда пуля прошла в мозг антилопы, она резко вскинула голову и словно окаменела. В такой позе стояла она несколько секунд, затем голова ее медленно опустилась, она упала на бок и осталась неподвижна. Наконец-то ни бедное, измученное животное сошел мир. Никогда больше ему не придется тянуть носом вечерний воздух, ловя малейшие признаки опасности.

Глава восьмая
ЧУЖАК В ЛАГЕРЕ

Оставив Пенгу присматривать за тушей, мы вернулись к месту нашей стоянки. К заходу солнца все мясо было принесено в лагерь и развешано высоко на деревьях, чтобы его не могли достать ночные животные. Я сидел на раскладном стуле, наблюдая, как африканцы режут и развешивают мясо, и не мог не думать о том, какое, в сущности, кошунство совершается над трупом грациозного животного. Оставалось лишь утешаться мыслью, что, не будь моего вмешательства, труп был бы припрятан под каменистым сводом крокодильей норы в мутных водах Лунди.

Солнце садилось, теряя свою неистовую силу и озаряя небо разноцветными лучами. Это вызвало разительную перемену в окружающем нас пейзаже. Я выпрямился и огляделся вокруг, внезапно как-то особенно остро ощутив непреложность этого чудесного преобразования. Хотя прежде мы уже не раз наблюдали его, все же это время дня всегда заново пленяло нас своим неописуемым величием и красотой.

Дымчатая пелена подобно серебристому покрывалу проливалась перед костром угасающего солнца, похожим на

султан из раскрашенных перьев. Верхушки деревьев тонули в темном багрянце и ярком золоте. Туманная дымки вставала над рекой, казавшейся теперь полированной сталью, и сливалась с сумрачной мглой, наползавшей из-под деревьев. Прохладный ветерок провевал наш лагерь, унося в темные заросли запах жареного мяса. Мне казалось тогда, что это как раз такое время дня, когда мир бывает наиболее печальным и подавленным, время, когда все в Природе замирает.

Я вздрогнул, услышав над самым ухом голос Марджори: — Опять замечтался? Пойдем, обед готов.

Пообедав, мы уселись вокруг костра, попивая горячий, дымящийся кофе.

— Какая программа на завтра, папочка? — спросила Кэрл.

Я задумался и ответил не сразу:

— Мне кажется, можно было бы попросить у ребят из деревни хорошую, крепкую макуру (выдолбленную из ствола дерева лодку) и исследовать реку на протяжении нескольких миль. Что вы на это скажете?

— Замечательно, папочка. А можно взять с собой удочки? — спросила Джун, которая еще секунду до того, казалось, спала на своем стуле.

— Постойте, — прервала нас Марджори. — Прежде чем готовиться к такому походу, хотелось бы знать, насколько он будет безопасен, когда вокруг столько бегемотов и прочего зверья.

Ответить на ее вопрос мне так и не пришлось — внезапно из глубины зарослей у нас за спиной послышались голоса. Я обернулся и увидел мутно-желтый свет фонаря, светлячком мерцающий в кустах.

— Похоже, к нам гости, — заметила Марджори.

Голоса приближались, и вскоре в круг света от наших фонарей вступило несколько темных фигур.

Когда они подошли ближе, я различил европейца, идущего за проводником. Несколько африканцев гуськом следовали за ними. Одни несли связанные в тюки вещи, другие сгибались под тяжестью огромных слоновьих бивней.

Я сразу узнал этого человека, и мне стало не по себе, потому что он был мне хорошо известен. Я понял, что его прибытие разом положит конец нашему спокойствию.

По причинам, которые станут ясны из дальнейшего изложения, я не хочу раскрывать его настоящее имя, поэтому назовем его просто Коряка Шульц. Он был сыном богатого иоганнесбургского биржевого маклера и безумно любил охоту. Однако недозволенные приемы, к которым он прибегал, снискали ему весьма сомнительную славу, и светлой личностью я бы его не назвал. Говорили, чтобы удовлетворить свою ненасытную страсть к убийству, он подкупал лесничих и инспекторов заповедников и таким образом получал разрешение на охоту. Уже в который раз он встречался мне на пути, и почти каждая наша встреча кончалась неприятностью.

Шульц развязно вошел в лагерь, за ним следовали тяжело нагруженные носильщики. Несмотря на вечернюю прохладу, с них ручьями лил пот.

Я поздоровался с Шульцем кратко и довольно сухо. Если в моем голосе и прозвучали недружелюбные нотки, то, во всяком случае, Шульц не подал виду, что расслышал их, и уже через несколько минут весело болтал с Марджори и девочками, словно был знаком с ними всю жизнь.

Шульца подозревали в браконьерском промысле слоновой кости — занятии, которое требует немалой отваги, выдержки и сноровки, но тем не менее оно гнусно, так как в конечном счете ведет к полному истреблению слонов в Африке. Браконьер с одинаковой беспощадностью убивает как старых, так и молодых слонов, поскольку его цель — слоновьи бивни. Мера его успеха — количество добытых бивней. Шульц был типичным представителем браконьерской породы: наглый, он весь так и сочился любезностью и в то же время жадно ловил глазами и ушами малейший намек, который помог бы ему в осуществлении его убийственных замыслов. Я не успел предостеречь на его счет жену, но, мне кажется, по моему нежеланию вступить в разговор с непрошеным гостем она поняла, что следует как можно меньше посвящать его в наши дела.

Однако Шульц имел передо мной преимущество. В Африке существует неписанный закон, согласно которому вы обязаны приютить в своем лагере и друга, и недруга, и я должен был оказать Шульцу хотя бы самое элементарное гостеприимство. Он принял это как должное, не изъявив ни малейшей благодарности.

Поглотив чудовищно обильный ужин и выпив несколько чашек кофе, Шульц вытащил бренди и, нимало не

смущаясь нашим отказом составить ему компанию, принялся опустошать бутылку, с каждым глотком делаясь все разговорчивее.

— Нет ничего лучше нескольких стопок бренди после целого дня трудной работы, — сказал он. — Прошлой ночью я остановился в деревне вождя Даботи и был вынужден пить это проклятое, страшное пиво, которое делают его люди. Действует оно как положено, но, пока глотаешь, кажется, вот-вот пойдет обратно.

— Зачем же тогда пить? — спросила Марджори.

— Зачем пить-то? Неужто вы думаете, я так и выставлю этим дикарям свой драгоценный запас бренди? Ни за что на свете. Нальешь им стопку — они требуют еще. Слишком хорошо я их знаю, черт побери! Дай им палец — они оторвут руку. Нет, сэр, свой припас я лучше приберегу для таких вот случаев, как этот!

— Вы хотите сказать, для случаев, когда вам отказываются составить компанию? — ввернул я.

— Ха-ха-ха! Нет, я не то хотел сказать. Я хотел сказать, что люблю выпить в компании друзей, белых друзей...

— Что-то не понимаю я вас, мистер Шульц, — сказали Марджори. — Если их общество вам не нравится, зачем же пользоваться их гостеприимством, есть их пищу, пить их пиво, останавливаться в их деревнях? Вы с таким же успехом могли бы разбить свой собственный лагерь и не заходить в деревню вождя Даботи.

Некоторое время я молча наблюдал за Шульцем, и, чем дольше я смотрел на его рыхлое лицо и огромное, дряблое тело, тем ненавистнее становилось мне его присутствие не только в моем лагере, но и во всем здешнем мире, где людям его сорта нет места. Наш лесной мир был для нас домом, не запятнанным тщеславием, расприями, политической борьбой и коррупцией современной цивилизации. Шульц был в нем чужаком, захватчиком. Я весь кипел от негодования и, не сдержавшись, спросил:

— Между прочим, Коряка, где вы нажулили столько слоновой кости?

Уловив в моем голосе раздражение, Марджори тактично прервала нас, прежде чем Шульц успел ответить, и велела девочкам идти спать, а Пенге — поставить в их палатке фонарь.

Кэрл и Джун пожелали всем спокойной ночи и отправились к своей палатке. Шульц провожал их глазами.

Когда клапан палатки закрылся, он повернулся ко мне и сказал:

— Ваша старшая дочь скоро станет настоящей пожирательницей сердец. Держу пари, вы будете просиживать ночи с ружьем в руках — и вовсе не для того, чтобы стрелять слонов! Быть может, волков, хе-хе-хе!

Он хрипло расхохотался. Внезапно выражение его лица изменилось, и, подавшись всем корпусом вперед, он злобно уставился на меня.

— Вы спрашиваете, где я нажулил слоновую кость? Что вы хотите сказать, черт подери! Что я добыл ее браконьерством? Кто вам это сказал? Кость принадлежит мне по праву, и я никому не позволю отобрать ее у меня, даже вам!

— Откуда же вы взяли ее? Бивни вроде тех, что я видел у ваших носильщиков, в здешних местах — большая редкость.

— Где я их достал, это мое дело, но если вы действительно хотите знать, я скажу вам. Их дал мне вождь Даботи за оказанные ему услуги.

Он опять захохотал, нарушая ночной покой своим резким голосом, который эхом отдавался в зарослях.

— Да, сэр, за оказанные услуги, — повторил он и налил себе еще бренди.

— Хотелось бы мне знать, в какие мошеннические проделки вы пустились, Коряка, — сказал я. — Не представляю, какую такую услугу вы могли оказать вождю Даботи, не обведя его вокруг пальца.

Шульц сделал долгий глоток, громко отрыгнул и ответил:

— Как раз в этом-то вы и ошибаетесь, мистер Остро-смысл. Не воображайте, будто вы единственный в здешних местах, кого уважают туземцы. Отныне Коряка Шульц будет делить эту честь с великим бваной Майклом! — язвительно сказал он.

Бутылка была почти пуста, и меня поразило действие спиртного на Шульца: хотя движения его стали нарочито рассчитанными и требовали от него большей сосредоточенности, а язык отяжелел, он, казалось, сохранял полную ясность мысли и говорил почти совсем без запинок.

Марджори встала.

— Прошу прощения, мистер Шульц. У меня был долгий, тяжелый день. Кажется, мне пора на покой, а вы

оставайтесь, посидите вдвоем у костра. Я велю Пенге сварить вам кофе.

— Нет, нет, миссис Майкл, не уходите. Присядьте на минутку и послушайте, что со мной сегодня приключилось. Ну присядьте же.

Марджори велела Пенге приготовить кофе и села.

— Вот и хорошо! — воскликнул Шульц. — Люблю большую аудиторию. Люблю аудиторию, которая может оценить, что я сделал для этих черномазых, а вы, я уверен, оцените. Так вот, слушайте.

Он с усилием подтянул свой стул поближе к Марджори и к огню. Какое-то мгновение мне казалось, что он не удержится и упадет головой прямо в пылающий костер, но, как ни странно, он благополучно завершил свой маневр.

— Когда я прибыл в деревню вождя Даботи — это было позавчера, — там творилось что-то невообразимое, — начал он. — Жители бегали по деревне, вереща от испуга. В сущности, мой приход остался почти незамеченным.

— Как и во всякий другой раз, — сказал я.

Несколько секунд Шульц злобно пожирал меня глазами. Он хотел что-то возразить, но лишь пожал плечами, отвернулся и, обращаясь к одной только Марджори, продолжал:

— Осмотревшись, я заметил толпу около хижины вождя. Протолкавшись в хижину, я застал в ней вождя и нескольких индуна (старейшин племени). Они сидели кружком на земле и держали совет. Мне объяснили, что утром, когда девушки пошли к реке за водой, одну из них убил леопард. Этот леопард последние четыре-пять недель причинял сильное беспокойство жителям деревни, убивая коз и собак. Лучшие охотники племени пытались выследить его, ставили капканы и ловушки, но леопард каждый раз уходил от них. И вот теперь, когда была убита девушка, следовало что-то предпринять, чтобы избавить племя от этой напасти. Они считают, и, по-моему, совершенно справедливо, что лев или леопард, раз отведав человеческой крови, становится неисправимым людоедом.

— Разумеется, тут вы и вызвались убить леопарда при условии, что вам отдадут слоновую кость. Мол, хорошо будет и вашим, и нашим. Не так ли?

Шульц полуобернулся ко мне и долго не мог поймать меня взглядом, затем громко хлопнул ручищей по колену.

Слуги, сидевшие у своих костров в нескольких ярдах поодаль, повернули головы в его сторону.

— Именно так, старик, — сказал он, — именно так я и поступил. Я пошел за леопардом, и через пару часов он был мертв.

— Каким образом вы убили его?

— Каким образом? Застрелил, разумеется. Выследил и застрелил. Уж если я захочу, то обязательно добыюсь своего.

— Да, — ответил я, — вы неразборчивы в средствах, это тоже верно. Почему бы вам не оказать услугу этим бедным людям и убить леопарда, не требуя взамен слоновой кости? Ведь это самое легкое, что вы могли бы сделать для них за всю ту помощь, которую они годами оказывали вам, когда вы охотились в здешних местах.

— С чего бы это я стал задаром рисковать своей головой? — возразил он. — Проклятый леопард чуть не сцапал меня, и, если б я растерялся и не выстрелил вовремя, я бы не рассказывал вам здесь эту историю.

Внезапно один из африканцев отошел от костра и направился к нам. Я узнал в нем Мулапи, сына вождя Даботи. Он сел на корточки рядом со мной и низким вежливым голосом обратился ко мне:

— Простите, мой господин, что я вмешиваюсь в ваш разговор, но бвана Шульц лжет. Он не застрелил леопарда, он поймал его стальным капканом.

Шульц взревел, как разъяренный лев, и, не успев опомниться, бросился на Мулапи. Тот мгновенно отскочил в сторону. Грузное тело Шульца брякнулось на землю, взметнув облако пыли. С трудом поднялся он на ноги и снова ринулся к Мулапи, стоящему поодаль. Но, прежде чем он успел что-либо сделать, я крепко схватил его за руки.

— Дайте мне только добраться до этого наглеца! — вопил он, пытаясь вырваться из моих рук. — Я разорву его на куски!

Я стиснул его запястья так, что он весь покорежился.

— В моем лагере драки исключаются, — сказал я.

— Я не позволю, чтобы какой-то черный дикарь называл меня лжецом!

— Шульц! — сказал я. — Или вы опомнитесь и будете вести себя как подобает цивилизованному человеку, или я сию же минуту выброшу вас из лагеря, говорю это вполне серьезно.

Я подтолкнул его к стулу и заставил сесть.

— Ну-ка, Мулапи, расскажи, к чему он наплел весь этот вздор?

В этот момент появился Пенга с кофе и стал обносить им присутствующих.

Мулапи присел на корточки рядом со мной и начал рассказывать:

— Когда бвана Шульц услышал от моего отца о леопарде, он сказал, что убьет леопарда, если мы заплатим ему слоновой костью. На совете индуна было решено, что, после того как бвана Шульц убьет леопарда, мы дадим ему два самых больших бивня, какие у нас есть. Бвана Шульц сказал, что этого мало, и потребовал больше. В конце концов после долгих споров он согласился на шесть бивней.

— Сколько слоновой кости осталось в деревне? — спросил я.

— Бвана Шульц забрал все. У нас ничего не осталось, — ответил Мулапи. — Так вот, мы договорились, что я проведу бвану Шульцу к месту, где за несколько дней до того леопард убил козу, съел ее наполовину, а остаток запрятал на дереве. Господину известен обычай леопарда возвращаться к туше убитого животного даже пять или шесть дней спустя, и я думал, бвана Шульц дождетса возвращения леопарда и застрелит его. Но он поступил не так, мой господин. Он поставил под деревом два стальных капкана и привязал их к стволу тонкими цепями. Я тогда же сказал бване Шульцу, что, если леопард попадет в один из капканов, он порвет цепь и убежит, но бвана Шульц не захотел меня слушать.

Шульц сделал слабую попытку встать со стула.

— Ах ты проклятый! Да я тебя...

— Заткнитесь, Шульц.

— Я набью ему...

— Заткнитесь, — сказал я. — Продолжай, Мулапи.

— На следующее утро, мой господин, леопард попал в капкан, но цепь порвалась, и он убежал с капканом на лапе.

— Что случилось с леопардом? — спросил я.

— Он так и бродит по зарослям с капканом на лапе, мой господин.

— Почему?

— Потому что бвана Шульц отказался пойти за ним и пристрелить. След, оставленный леопардом и капканом,

был ясно виден, но бвана Шульц не пошел за леопардом. Он не доказал нам, что леопард мертв, но все равно вынул нас отдать ему слоновую кость.

Я пристально посмотрел на Шульца. Казалось, теперь он немного протрезвел. Он ерзал на стуле, ему было явно не по себе. Затем он повернулся к Марджори и, силясь улыбнуться, сказал:

— Ведь леопард все равно умрет, к чему поднимать вокруг него столько шума?

Марджори, все это время внимательно слушавшая наш разговор, промолчала.

Тут меня взорвало.

— Идиот! Неужели вам непонятно, что леопард может целыми неделями жить с капканом на лапе? К тому же он теперь представляет еще большую опасность для людей, чем прежде, не говоря уже о той боли и мучениях, на которые вы его обрекли! Болван! Вы знаете, какая добыча для хищника самая легкая? Человек, мистер Шульц! Моя жена и дочери и вот эти африканцы каждый день ходят по зарослям, где бродит голодный, обезумевший от боли леопард, готовый убивать всех и вся, а вы еще имеете наглость спрашивать, к чему я поднимаю вокруг него столько шума.

Предоставить попавшему в капкан или раненому животному умирать медленной, мучительной смертью и не сделать ни малейшей попытки избавить его от мучений — вещь совершенно непростительная. Этим поступком Шульц перечеркнул весь общепринятый этикет и неписанные законы гостеприимства, определяющие взаимоотношения товарищей по охоте в джунглях. Он нарушил закон спортивной чести, которой так дорожат и которую так ревниво оберегают настоящие охотники во всем мире. Ему не было и не могло быть прощения.

— Шульц, — сказал я, — собирайте вещи — и вон из моего лагеря. Слоновую кость оставьте здесь. Даю вам десять минут. Мулапи, ты заночуешь у нас.

Десять минут спустя последний из носильщиков Шульца исчез в ночной тьме. Сквозь подлесок неровно мерцал свет фонаря, который нес ведущий носильщик. Мало-помалу голоса ушедших затихли в безмолвии ночи. Вокруг снова воцарился покой.

Марджори стояла рядом со мной. Я почувствовал, как ее пальцы переплелись с моими.

— Дорогой мой, — нежно сказала она, — тебе не кажется, что ты обошелся с ним слишком сурово, прогнав из лагеря среди ночи? Мне так жаль его. Он мог бы быть таким славным парнем, если б только захотел.

— Не спорю, Шульц мог бы быть славным парнем, — ответил я. — Но он слишком много себе позволяет. Быть может, это послужит ему хорошим уроком.

Я и не подозревал, насколько я был прав, потому что уже на рассвете Шульц снова появился в моем лагере с одним из своих носильщиков. Когда мы с Марджори подошли к нему, он как будто смутился, но, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— Очень сожалею о ночном недоразумении. Я понял, что поступил неправильно. Мне бы хотелось загладить свою вину, возратить бивни вождю Даботи и прикончить леопарда.

— Отлично, Шульц, — сказал я не без некоторого восхищения. — Это уже на что-то похоже. Рад, что вы приняли такое решение.

— М-мм... Между прочим... э-э... не согласились бы вы... э... помочь мне добить леопарда? — спросил он неуверенно.

— Ну что же, я согласен, — ответил я. — Я и так уже решил отправиться за ним этим утром. Для того я и задержал у себя Мулапи, чтобы он провел меня к месту, где вы поставили капканы.

— Колоссально, — облегченно вздохнул Шульц. — Вдвоем нам будет легче справиться с этим зверугой.

Я сомневался, что от его присутствия будет какой-нибудь толк, но промолчал.

Мы рано позавтракали и, распорядившись отправить слоновую кость обратно в деревню, тронулись в путь. Мулапи шел впереди, я, Шульц и Пенга следовали за ним.

— Ради Бога, папочка, будь осторожнее! — крикнула Джун, когда мы покидали лагерь.

Эти слова долго звучали у меня в ушах и на лесной тропе, которой мы шли. «Ради Бога, папочка, будь осторожнее!» Мной овладело какое-то странно тревожное предчувствие. Не впервой отправлялся я добывать раненое животное, и все же не мог избавиться от навязчивого впечатления, которое произвели на меня слова дочери.

Рано или поздно в жизни каждого охотника наступает момент, когда он либо теряет самообладание, либо его

рефлексы срабатывают не так быстро, как обычно, либо координация цели, зрения и спускового крючка становится на какую-то долю секунды более медленной, чем несколько лет назад, когда он был моложе. Происходило ли нечто подобное со мной сейчас? Предупреждал ли меня о подстерегающей впереди беде инстинкт, обостренный многими годами жизни среди опасностей? Не суждено ли этой вылазке стать моим последним сафари? Предчувствия не обманули меня: эта вылазка действительно едва не стала моим последним сафари. Я даже и не предполагал, насколько близко пройдет мимо меня смерть.

Тревожное чувство не покидало меня, и, направившись по следу леопарда от того места, где он попал в капкан, я решил быть предельно осторожным. Держась следа, оставленного капканом в высокой, по колено, траве, я внимательно осматривал землю и кустарник впереди и по сторонам.

Согласно моим указаниям, Мулапи и Пенга шли позади Шульца, который держался ярдах в пяти за мной и левее. Мы двигались медленно и минут через сорок пять достигли места, где леопард ложился отдыхать. Трава была примята, крови не было. Капкан прихватил леопарду левую заднюю лапу, поэтому нужно было соблюдать особую осторожность. Будь он пойман за переднюю лапу, он был бы в значительной мере связан в беге и при нападении, с капканом же на задней лапе он все еще сохранял способность быстро передвигаться и наносить смертельные удары когтистыми передними лапами. На мой взгляд, нет зверя лобнее, коварнее и опаснее, чем раненый леопард. Он под стать самому дьяволу.

Трава стала выше, кустарник гуще, идти по следу стало труднее. Мы то и дело сбивались с него и кружили на месте, пока кто-нибудь снова не находил его. Тогда я опять занимал место ведущего и продолжал медленно продвигаться вперед по еле заметному следу.

Внезапно я услышал позади испуганный вскрик и какое-то движение. Оглянувшись, я увидел, как Мулапи и Пенга метнулись от меня вправо. Затем они остановились и указали куда-то левее передо мной. Я стал как вкопанный, прислушиваясь и всматриваясь в кусты впереди. Потом ощутил на своей шее чье-то горячее дыхание, оглянулся и увидел бледное лицо Шульца, почти лежавшее

на моем плече. Я поманил к себе Мулапи и Пенгу. Помедлив, они нерешительно подошли.

— В чем дело? — шепотом спросил я.

— Я слышал, как прозвенела цепь на капкане, бвана, — сказал Пенга приглушенным голосом.

— Ты тоже слышал, Мулапи?

— Нет, бвана, просто, когда Пенга побежал, побежал и я.

— Ты точно слышал звон цепи, Пенга?

— Да, бвана. Леопард там.

Он показал пальцем на то же место.

— Шульц, — сказал я, — не наступайте мне на пятки. Держитесь подальше и левее. Так вы вернее заметите его, когда он выскочит из укрытия, так будет лучше и для меня, если мне понадобится отступить назад.

— Хорошо.

Напрягая слух и зрение, я сделал несколько шагов в указанном Пенгой направлении и минуты три стоял совершенно неподвижно. Мое ухо не улавливало ни малейшего звука, передо мной не шелохнулось ни былинки. Издали донесся слабый крик птицы, удивительно напоминавший все то же «Ради Бога, папочка, будь осторожнее».

Я взглянул на землю. У моих ног лежал кусок сухого дерева. Я поднял его, сделал Шульцу знак приготовиться и швырнул деревяшку в густой пук травы ярдах в десяти от меня.

Раздался яростный рев, звякнула цепь, и через мгновение из травы метнулась желтая молния. Наша добыча стремительно уходила от нас. Я побежал вперед, ориентируясь по звуку и колыханию травы. Внезапно все стихло, и я замер на месте. Шульц чуть не налетел на меня сзади.

Я сердито повернулся к нему:

— Я же сказал вам держаться чуть поодаль и в стороне. Христом Богом прошу, делайте как вам сказано.

Затем я подозвал к себе Мулапи и Пенгу.

— Наберите камней и палок и по моей команде кидайте их вон в тот куст. — Я указал на куст, возле которого в последний раз заметил шевеление травы.

Выждав, пока они наберут достаточно метательных снарядов, я снова двинулся вперед.

Подойдя к кусту ярдов на десять — двенадцать, я поддал знак Пенге и Мулапи. Палки и камни градом посыпались на куст, но ничто не шелохнулось. Леопард как сквозь

землю провалился. Мы продолжали вести «заградительный огонь», но хищник по-прежнему не давал о себе знать.

Мулапи подошел ко мне и сказал:

— Бвана, мне кажется, леопард ускользнул, здесь такая высокая трава. Надо идти за ним.

— Нет, Мулапи,— ответил я, не спуская глаз с травы передо мной.— Не думаю, чтобы он ушел. Не будем топиться. Побросайте-ка еще камнями.

Не ступил я и двух шагов, как в траве почти у самых моих ног раздался низкий, гортанный рык, и прямо на меня метнулась пара свирепых желтых глаз и пасть с длинными белыми зубами. Больше я ничего не успел рассмотреть. Я сделал шаг назад, столкнулся с Шульцем и, потеряв равновесие, чуть не упал. Выпрямившись, я выстрелил в леопарда почти в упор, но он увалился в сторону, запнувшись за капкан, и пуля, вместо того чтобы поразить его между глаз, лишь срезала ему кончик правого уха. Он чуть ли не лежал у меня на ноге, молотя направо и налево своими страшными лапами, и я просто не знаю, как мне удавалось уворачиваться от них. О том, чтобы перезарядить винтовку и выстрелить второй раз, нечего было и думать. Я занес винтовку высоко над головой и изо всей силы хватил леопарда стволом по голове. Слышно было, как хряснул под металлом череп, и в то же мгновение в каждой моей руке оказалось по винтовке. Отломился приклад, мелькнуло у меня в голове. В правой руке я сжимал приклад, в левой — ствол.

За моей спиной грянул выстрел. Мне показалось, будто по моей левой ноге трахнули кувалдой, но боли я не ощутил. Машинально отбросив отломившийся приклад, я перезарядил винтовку, вернее, то, что от нее осталось, и выстрелил в леопарда, который буквально лежал у меня на ногах, оглушенный ударом по голове. Пуля прошла у него над правым глазом и мгновенно умертвила его. Отдачей ствола, лишённого приклада, мне чуть не сломало указательный палец; на среднем пальце вздулся огромный кровоподтек.

Я посмотрел на свою ногу, ожидая увидеть на ней кровь, но оказалось, что пуля Шульца, предназначавшаяся для леопарда, ударила в землю рядом со мной и лишь начисто сорвала каблук с одного ботинка. Спереди мои брюки были в двух местах разодраны острыми как бритва когтями леопарда.

Несколько секунд я стоял как в тумане. Все произошло так быстро...

Шульц пробыл у нас в лагере еще два дня. Теперь это был совсем другой человек. Перед уходом он помог мне осмотреть хобот Джамбо. Мы обнаружили занозу, глубоко засевшую в верхней части хобота. Она-то и была причиной паралича. Вскоре после того как занозу удалили, Джамбо полностью поправился, и в тот день, когда мы собрали вещи, готовясь покинуть лагерь, мы отпустили его на свободу, как ни жаль нам было расставаться с этим дружелюбным животным.

Мы только что кончили прощаться с жителями деревни, когда ко мне подошел Мулапи.

— Мой господин, я хочу вам что-то сказать.

— Говори, Мулапи.

— Мой господин, прошлой ночью я слышал во сне голоса моих предков.

Он выжидающе замолчал, и я несколько секунд смотрел на него, прежде чем что-либо сказать.

— Что же сказали голоса, Мулапи?

— Мой господин, они сказали, что этот леопард был послан наказать мой народ за прошлые грехи и выяснить, как бвана Шульц отплатит нам за наше гостеприимство.

— А что еще они сказали, Мулапи?

— Они говорили и о вас, мой господин.

— Вот как?

— Они сказали, что леопард был послан также для того, чтобы выяснить, так ли сильна любовь бваны к нашему народу, как и многие годы назад, когда бвана жил среди нас одним из нас.

— Что же они выяснили, Мулапи?

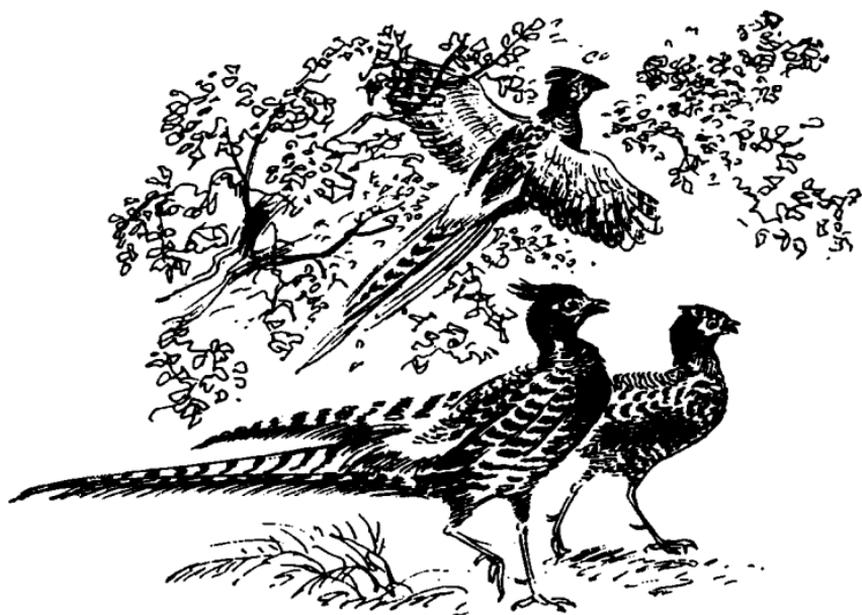
— Они выяснили, мой господин, что бвана Шульц имеет сердце из глины, которой легко придать форму и змеи, и невинной голубки. Но настанет день, солнце заглянет в его сердце и обожжет его, когда оно будет еще в форме голубки, и таким оно останется навсегда.

— Это все, что они сказали, Мулапи?

— Нет, мой господин. Еще они сказали, что вы не изменились, но в скором времени, через немного лун, в вашей жизни произойдет большая перемена, и вы должны осторожно ступать по тропе, которая ведет в темный лес по ту сторону большой воды.

Весь обратный путь домой я мог только гадать, использовал ли Мулапи события последних дней как основу для своих пророчеств или действительно слышал голоса в ночной тьме.

Глава девятая

ГОРА

Нравы, обычаи и предания племен Африки являются предметом многочисленных исследований с того момента, как первый европеец ступил на землю этого обширного, загадочного континента.

Племенные верования, церемонии и обряды веками передавались из поколения в поколение, и, несмотря на влияние западной цивилизации, африканцы с невероятным упорством держатся за них. Кто поручится, что мы не имеем здесь дело с остатками какой-то давно погибшей цивилизации, существовавшей задолго до финикийцев, древних греков и египтян?

Весьма вероятно, что уже задолго до эры задокументированной истории человечества в Африке существовала какая-то великая и могущественная цивилизация. В пользу ее существования говорят постоянно обнаруживаемые по всему Африканскому континенту странные письмена, вырезанные на камне, и развалины некогда могучих цитаделей, ныне разрушенных временем. С гибелью этой цивилизации погибли и ее тайны.

Верно, что загадки сфинксов, пирамид и многих других чудес доисторических времен не поддаются разрешению. Возможно, африканцы, цепляющиеся за остатки эпохи суверий, которая признавала сверхъестественные явления, не так уж далеки от истины, как склонна полагать наша рационалистическая цивилизация.

Так я размышлял, праздно лежа на койке в своем лагере в глубине Африканского материка. Мне не спалось. В небе надо мной сверкали вечные звезды, сквозь кружевную вязь ветвей над головой лился мягкий свет луны.

Я тихонько встал, чтобы не потревожить Марджори и девочек, спавших в своей палатке, и вышел на открытую равнину. Безмолвный как могила лежал предо мной пустынный вельд. Позади, почти доставая до луны и словно умаляя расстилающийся внизу мир, темным, зловещим силуэтом высилась Индаба Иконтджви, «гора, на которую нельзя показывать». Я долго смотрел на луну. Вдали провыл шакал, ему ответил другой. Протяжный, тоскливый вой пронесся над вельдом и замер. Казалось, духи горы серебристой мглой выходят из своих каменных жилищ, проплывают в лунном свете по воздуху, вбирают в себя его прохладную тьму и, ухватившись за ветер, мчатся на нем.

Резкое, как удар хлыста, хлопанье на ветру палатки вернуло меня к действительности. Я весь дрожал, будто пытаюсь стряхнуть с себя какую-то дурноту, облаком окутавшую меня.

«Черт побери,— подумал я.— Неужто на меня так подействовали те смехотворные истории, которые я слышал об этом месте? А может, во всем виноват лишь этот неумолчный ветер? Он стонет и плачет, словно погибшая душа. Или, может, это от призрачно-бледного лунного света мне стало не по себе?» У меня было такое ощущение, будто я не один.

Я обернулся и услышал голос Гатумы.

— Что такое, мастер, почему вы не спите? — спросил он своим низким, мелодичным голосом.

— Не знаю, Гатума. Возможно, переутомился.

— Нет, мастер, я еще ни разу не видел, чтобы вы переутомлялись. Все дело — в месте. Нам не следовало останавливаться здесь. Тут обиталище злых духов. Мне тоже не по себе. Мне кажется, будто за нами следят невидимые глаза.

— Ты уподобляешься теленку, который отбил от матки, Гатума. Чем больше он мычит, тем быстрее его находят ша-

калы и гиены, тем вернее он зовет свою смерть. Так же и с тобой. Чем больше ты веришь в рассказы о духах, живущих в «горе, на которую нельзя показывать», тем быстрее твоя кровь превращается в воду. Не подобает тебе вести себя так.

— Мастер, в жизни есть странные вещи, которых мы не понимаем, а в то, чего мы не понимаем, мы не должны вмешиваться. Тут надо уступать. Ветер нельзя увидеть, и все же он обладает силой многих армий. Мы не знаем ни откуда он приходит, ни куда уходит. Мы не можем ни следовать за ним, ни остановить его движение. Если могучее дерево тамбути не склонится перед волей ветра, ветер вырвет его с корнем и положит набок. Точно так же и с нами. Если мы не уступим неведомому, мы будем повержены незримыми силами, которыми не можем управлять. Мудр тот человек, мастер, который принимает совет и приумножает свою мудрость.

Я задумался над его философией и ничего не ответил. Тем временем к нам присоединился фотограф Джон Лимбери, мой компаньон, и еще два африканца, лежавшие до этого у костра. На несколько мгновений воцарилась тишина, затем один из африканцев, красивый, широкоплечий мужчина в расцвете лет, с отчетливыми, словно гравированными чертами лица и ястребиными глазами, вступил в разговор.

— Я слышу, тут рассказывают сказки о тайне вон той горы? — спросил он, поворачиваясь и показывая на гору.

Губы Гатумы побелели от ужаса. Он ударил африканца по руке и хрипло прошептал:

— Шангаан, ты не из здешних и ничего не понимаешь. Запомни мои слова, не то навлечешь на нас гнев духов горы. Они уже и так взбудоражены и возмущены. Вот послушайте.

Внезапно ночное безмолвие пронзил получеловеческий, полуживотный крик, как будто грешника поджаривали на адском огне. Африканцы бросились на землю и замерли, словно всех их совокупно и каждого в отдельности поразила смерть, а мы с Джоном возвышались над ними, как два одиноких воина, уцелевшие после побоища.

— Встаньте, дураки вы этакие! — закричал я. — Неужели вы ни разу не слышали крика бабуина, когда на него бросается горный леопард? Встаньте!

Марджори и девочки продолжали крепко спать под весь этот шум. Очевидно, дневное путешествие сильно утомило

их, а может, в ночной тишине звуки казались намного громче, чем они были на самом деле.

Должен признаться, как признался мне впоследствии и Джон, этот скребущий по нервам крик на какое-то мгновение глубоко потряс меня. Африканцы медленно поднимались с широко раскрытыми глазами, дрожа от страха.

— Гатума, ты всю душу вынул из ребят. Наше счастье, если они еще останутся с нами до завтра. Ну-ка, выкладывай нам весь этот вздор.

Как почти все африканцы, абсолютно непоколебимый в своей вере в сверхъестественное, Гатума ответил:

— Это не вздор, мастер. Когда днем вы показали на гору, я умолял вас не делать этого. Одна надежда, что духи были ослеплены солнцем и не видели вашей поднятой руки. Тот, кто показывает на гору, должен понести наказание. Не сегодня, так завтра, не завтра, так позднее. День этот придет, это так же верно, как то, что утром встает солнце. Так было в дни моего отца, и его отца, и отца его отца, и так будет всегда.

Тут в разговор вступил Джон, который до сих пор помалкивал да слушал, посасывая трубку.

— Знаете, шеф,— сказал он, обращаясь ко мне.— Из всего этого может получиться чертовски занятный рассказ, а то и целый фильм. Почему бы Гатуме не рассказать нам всю историю, которая стоит за легендой о горе?

— Это долгая история, мастер Джон, а ночь делается все старше,— ответил Гатума.

Что касается меня, я до того заинтересовался всей этой лебывальщиной, что, несмотря на поздний час и взвинченность африканцев, захотел выслушать эту историю в столь располагающей атмосфере и попросил рассказать ее. Я прошел к костру, казавшемуся голубовато-красным в свете луны, бросил в него несколько больших поленьев и уселся на свой раскладной стул, протянув ноги к огню. Джон поставил рядом другой стул и тоже сел. Африканцы присоединились к нам, расположившись так, чтобы сидеть спиной к горе.

— Ну, Гатума, давай послушаем твою сказку,— обратился я к нему.

Несколько секунд он сидел неподвижно, глядя в костер. Затем низким, мелодичным голосом начал свой необычный рассказ.

Много-много лет назад местность, где мы сейчас остановились, была самым богатым и плодородным краем в

Африке. Здесь никогда не было неурожаев, народ никогда не испытывал недостатка в мясе и воде. Буйволы, гну, импалы, горные скакуны и многие другие животные и птицы водились тут в изобилии. Никакой другой край не был так щедро одарен Природой, а его народ так счастлив. Почти на том самом месте, где мы остановились, раньше было огромное озеро сладчайшей, прозрачайшей воды. Люди ловили в нем рыбу, купались и охотились на бегмотов, добывая себе мясо и жир.

Жившее здесь племя делалось все богаче и сильнее, и скоро его люди стали многочисленны, как былинки травы летней порой, и все другие племена уважали и боялись их. Вождь Думалати управлял своим народом мудро и умело. Он был честен и справедлив, не терпел лжи, воровства, слабости и нечестности. Он был справедлив и вместе с тем тверд и непреклонен. Он крепко держался верований и обычаев своего народа и не отступал от них даже в мелочах. Если какая-нибудь женщина рождала двойню, он приказывал убить более слабого и похоронить его под полом в хижине матери. Если ребенок рождался слепым или глухим или с каким-нибудь другим изъяном, он приказывал умертвить его, согласно обычаям племени. Да, он был действительно прекрасный человек, и народ любил и обожал его.

Советчиком по делам правления у него был колдун Расабули. Говорили, что Расабули прожил уже двадцать раз по десять зим, но он все еще выглядел и держался как молодой человек. Говорили также, что он открыл тайну долголетия. Слава о его волшебной силе гремела по всей Африке. Его любили так же, как и вождя, ибо он тоже был честен и справедлив и никогда не злоупотреблял могуществом, которым обладал, хотя, как хорошо было известно, при желании он мог обратить человека в змею или в сову, так велика была его сила.

Однажды одна из девушек племени родила странного ребенка. Его тело было покрыто длинной черной шерстью, а лицом он был похож не на людей племени, а на бабуинов, живших на горе.

Народ охватило величайшее смятение, ибо ничего подобного раньше не случалось. Пошли толки о колдовстве, о дурных делах. Глухой ночью вождь Думалати, колдун Расабули и другие мудрые люди племени сошлись на совет. Они толковали, спорили, пророчествовали много ночей подряд. Все это время в народе царило великое безмолвие,

ибо еще ни разу не случилось ничего такого, что угрожало бы его покойной и счастливой жизни. Ходили слухи, что эта напасть послана народу другим, более могущественным, чем Расабули, колдуном, и, если Расабули не докажет, что его колдовство сильнее, и не сможет правильно решить это дело, величайшее проклятие падет на весь народ. Некоторые говорили, что они видели, как молодая женщина каждый день уходила на закате к горе и возвращалась с наступлением темноты.

Потом пошли слухи, будто бы ее видели гуляющей рука об руку с огромным бабуином, вожаком большой стаи, жившей на горе. Теперь все были уверены в том, что он-то и есть отец ее ребенка и что она тайно избрала бабуина своим супругом. Эти слухи дошли до вождя и его мудрецов. Молодую мать призвали на совет и допросили. Она ни в чем не сознавалась и ничего не отрицала, а лишь стояла молча, склонив голову и крепко прижимая к груди свое мохнатое дитя.

Расабули удалился в свою хижину и пробыл там три дня и три ночи. Было слышно, как он обращается к духам на непонятном языке, но что они ему отвечали, знал лишь один Расабули, ибо их слова предназначались лишь для его ушей.

На четвертый день Расабули вышел из хижины. Его томили голод и жажда, и он попросил пищи и воды, ибо три дня и три ночи он ничего не брал в рот. После еды он улегся на циновку и проспал до тех пор, пока тени не стали длинными.

Народ молча и терпеливо ждал, ибо люди знали, что Расабули беседовал с великими духами и будет говорить, как только отдохнет его ум и тело. Вождь племени, его мудрейшие и весь народ были созваны в Месте Важных Разговоров. Когда все уселись на земле, Расабули встал и, обращаясь к собравшимся, сказал:

— Не правда ли, что через мою мудрость и мудрость нашего великого вождя мы процветали и стали могущественным племенем?

Собравшиеся все, как один, ответили:

— Правда.

— Не правда ли,— продолжал Расабули,— что мы никогда не пренебрегали нашими обязанностями, обычаями и законами, как этого требуют наши праотцы, и, стало быть, никогда не гневил духи нашего народа, которые наставляли нас и обучили всему, что мы сегодня знаем?

И опять все, как один, ответили:

— Правда.

Воцарилось долгое молчание. Расабули заговорил не сразу. Все хорошо знали, что он всегда медлил перед тем, как возвестить собравшимся нечто особенно важное.

Наконец молчание было нарушено тонким, дрожащим голосом старого колдуна, который сказал:

— Три дня и три ночи я беседовал с духами наших праотцев, чтобы найти средство справиться с постигшей нас напастью, но, увы, так и не смог найти ответа, ибо еще ни разу в истории нашего народа не случалось ничего подобного. Если рождались двойни, мы приносили жертву, как всегда. Если ребенок рождается слепым, глухим, немым или калеской, его умерщвляют, а тело отдают духам, которые возвращают этого ребенка через другую женщину сильным и здоровым. Но никогда еще у женщин нашего племени не рождалось таких чудовищ, как сейчас, и ни духи, ни даже я, Расабули, не знаем, что делать!

Тут встал один из мудрейших и сказал:

— Я и мои собратья тоже немало думали над случившимся. Мы совещались до тех пор, пока у нас не пересохли языки, и, хотя мы не так мудры, как великий Расабули, мы все же пришли к решению.

Опять воцарилось долгое молчание, и все собравшиеся поняли, что сейчас будет возвещено нечто чрезвычайно важное. Молчание длилось так долго, что за это время можно было бы подоить корову, вымя которой полно молока.

Мы сидели молча, ни единым словом не прерывая захватывающего рассказа Гатумы. Он глубоко затянулся из своей костяной трубки и продолжал повествование.

В конце концов собравшиеся забеспокоились, начали бормотать что-то про себя и перешептываться. Старый мудрец, который продолжал стоять перед народом, поднял руку, и немедленно наступила тишина. Затем звонким голосом, разнесшимся по всей деревне и полстевшим вместе с ветром к горе, он воскликнул:

— С начала времен от человека рождался человек. Семя жизни дано мужчине добрыми духами наших праотцев, чтобы супруга мужчины, женщина, зачала его. В ней это семя расцветает, и рождается человек. Если семя дурное, то и новорожденный будет дурным. В таком случае семя

возвращают духам, и духи, как они всегда это делали, заменяют его сильным и здоровым, чтобы оно было зачато и рождено вновь. Так обстоит со всей жизнью на земле. Никогда не сходится слон с носорогом, и никогда носорог — с животным другой породы. Никогда не сходится орел с ястребом, и никогда ястреб — с совою. Деревья в лесу и травы в вельде, птицы и насекомые, пресмыкающиеся, рыбы и звери — все они живут так и будут жить. Так заведено с самого начала, и так будет всегда.

Толпа зашевелилась, все закивали в знак согласия с этими мудрыми словами, ибо, хотя старый мудрец и не был великим колдуном, люди прониклись к нему уважением за его мудрость и за то, что он смело высказал свое суждение перед лицом таких могущественных людей, как вождь и Расабули.

Гатума молча зажег трубку, сделал глубокую затяжку и продолжил свой рассказ.

Старый мудрец снова поднял руку, и настала тишина. Все затаили дыхание и замерли в ожидании. И, как только он заговорил вновь, его голос зазвучал еще звонче и тверже.

— Если наступит такое время, — сказал он, — когда орел сойдется с ястребом, а слон — с носорогом, дерево тамбути — с кнаттом, а семя сладкой травы будет зачато в траве кислой, тогда духи зла завладеют нашим телом и душой. Брат не сможет узнать брата, птицы не смогут говорить на одном языке, и мясо овцы будет отдавать мясом свиньи. Человек будет рождаться не от человека, а от зверя. Мы станем тогда как глина в руках злых духов и погибнем без славы и доблести.

— Эта женщина... — Тут двое мужчин вывели злосчастную девушку к толпе, и она остановилась недалеко от мудреца, опустив голову и крепко прижимая к груди свое нечестиво зачатое дитя. — Эта женщина предпочла выбрать своим супругом животное. Свидетельство ее деяний — в ее руках. Она нарушила закон достойного человеческого поведения, отказавшись отдать свое тело людям своего племени и отдав его волосатым бабуинам, проживающим на горе.

При этих словах у всех из груди вырвался глухой рокот, подобный гневным раскатам грома. Раздались крики: «Отдать ее вместе с уродом на съедение гиенам!», «Сжечь их, чтоб не осталось и следа ее гнусного деяния! Прочь

порчу от нас и наших детей!» Народ сильно разгневался, ибо слова старого мудреца заронили страх в сердца людей, а когда гнев рождается из страха, это нехорошо: страх притупляет рассудок и делает холодным сердце.

Тут встал великий Расабули и поднял руку. Мгновенно воцарилась тишина, и своим тонким, каркающим голосом он сказал:

— Этот мудрый человек говорил громко и складно, но не дайте силе слов опьянить себя, не забывайте, что есть еще и другое. Верно, что ребенок этой женщины схож с косматыми людьми, живущими на горе, однако верно и то, что она хотя и не отрицает, что взяла себе в супруги бабуина, но и не признает этого. Какие у нас доказательства, что она сошлась с животным? Только ребенок на ее руках да болтливые языки женщин, у которых нет ни ее красоты, ни ее молодости. Вы говорите, она сошлась с бабуином, потому что ее дитя покрыто шерстью и не похоже на нас лицом. Но ведь говорить так — значит утверждать, что если ребенок родится слепым, то и его отец слепой, а если ребенок родится колченогий, то и его отец колченогий. Но это не так. Я хочу сказать, что если эта женщина отрицает свою связь с бабуином, тогда она должна указать среди нас мужчину, от которого получила семя этого ребенка.

По толпе прошел ропот, как будто ветер пролетел над высокой сухой травой, и, когда женщина впервые подняла голову и посмотрела прямо перед собой, ропот стих, словно внезапно стих ветер, пролетающий над сухой травой.

С гордо поднятой головой она звонко сказала:

— Вы можете приговорить меня к любому наказанию, которого требуют законы и обычаи моего народа. Вы можете сжечь на костре мое тело и тело моего ребенка. Можете разрезать меня на мелкие кусочки и бросить их на съедение воронам, шакалам и гиенам, я все равно не скажу, ни как зовут моего возлюбленного и отца моего ребенка, ни кто он такой. Ведь вы непременно скажете, что он носитель злого семени и должен быть предан смерти, чтобы его семя не получила другая женщина. Вот все, что я хотела сказать, но, прошу вас, прислушайтесь к моим словам и будьте осторожны. Если меня приговорят к смерти, то и мой ребенок должен умереть вместе со мной, а если приговорят к смерти моего ребенка, то и я должна умереть вместе с ним. Поступками женщины руководит то доброе или дурное, что есть в ее сердце, и

она не знает, в какую сторону ее направит рассудок. Я не сделала ничего дурного, и, если я умру за то, что не сделала ничего дурного, проклятие падет на весь народ, и от этого проклятия не будет спасения. Вам решать, отцы мои, сделала я что-нибудь дурное или нет.

Сказав это звонким, недрогнувшим голосом, она села, и воцарилась великая тишина. Смолкли птицы, замер ветер. Казалось, тишина подобно предрассветной мгле простерлась над деревней и озером вплоть до самой горы.

Внезапно пронзительный получеловеческий, полуживотный крик, донесшийся, казалось, с горы, разбил тишину и, поразив страхом сердца людей, заставил их вскочить на ноги. Слишком велико было напряжение, и страх опять завладел их рассудком, и в один голос они воскликнули:

— Вот доказательство ее вины! Разве не ее любовник позвал ее сейчас? Ведь известно, что они встречаются, когда солнце идет на покой! Убить ведьму и ее звереныша!

Эти слова подхватили все мужчины, женщины, дети. Неудержимой волной люди хлынули вперед, размахивая дубинками, копьями, палками и камнями. Они были как огромное стадо буйволов на полном скаку, и ничто не могло их остановить. Злые духи схватили и держали их, превратив людей в диких зверей, жаждущих крови и смерти. Вождь племени и Расабули встали и приказали им остановиться, но их слова потонули в оглушительном реве голосов, похожем на шум ливня во время грозы. Те, что были в передних рядах и видели вождя и Расабули, пытались удержаться на месте, но лавина человеческих тел, чудовищной волной накатившая сзади, подхватила и понесла их вперед, как листья по ветру.

Толпа смяла круг мудрейших, сшибла и увлекла за собой вождя, Расабули и многих других. В своем безумном стремлении схватить женщину и ее ребенка толпа бежала по телам сбитых наземь, многим из которых уже не суждено было встать. Женщина крепко прижимала к груди дитя и стояла, высоко подняв голову, лицом к горе. Обеспамятевшая толпа набросилась на них, словно стая диких собак, обезумевших от запаха крови, и растерзала их.

Тут снова раздался дикий крик с горы. Он подействовал на людей, как бурный ливень на степной пожар. Он убил бушевавший в их сердцах огонь и развеял пелену, застилавшую их глаза. Снова — в который уже раз! — воцарилась тишина, нарушаемая лишь криками и стонами раненых и

изувеченных, влачивших к хижинам свои изломанные, истерзанные тела по залитой кровью земле. Мудрец и вместе с ним многие другие были затоптаны насмерть. Вождь племени и Расабули остались в живых. Тела погибших были погребены в соответствии с обычаями племени. Останки женщины и ее ребенка были брошены в заросли у окраины деревни на съедение диким зверям и грифам.

Однако наутро ничто не говорило о том, что они съедены зверями. Они исчезли, а там, где их бросили, были видны следы человека и все же не совсем человека. Говорят, возлюбленный женщины унес их на гору и похоронил там в одной из пещер.

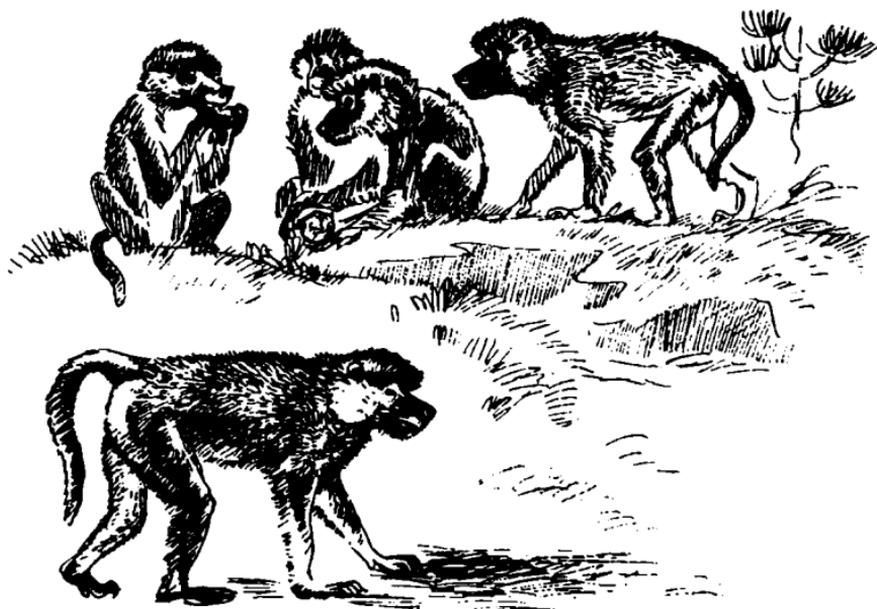
Великое уныние охватило народ. На людей напали болезни и недуги, против которых был бессилен даже Расабули. Озеро начало высыхать, коровы и овцы падали десятками десятков, неурожай пошел один за другим, люди стали умирать от голода. Даже деревья и те погибали, а на место трав пришли пески. Остатки некогда могущественного племени, ныне раздробленного, проклятого, поверженного в прах, навсегда покинули этот край. Говорят, все эти люди умерли страшной смертью, кроме одного Расабули. Старость быстро надвинулась на него, как ночь надвигается на день, а рассвет — на тьму.

Он умер вскоре после смерти женщины и ее ребенка. Перед смертью он сумел добиться того, чтобы его похоронили в одной из пещер на горе. Он предупредил, что всякого, кто будет показывать на место его погребения, постигнет кара.

Когда он умер, его лицо изменилось и стало похоже на лицо бабуина, а все его тело оказалось сплошь покрытым длинной черной шерстью. Говорят, Расабули и был отцом ребенка-звереныша.

— Вот, мастер, — сказал Гатума, с довольным видом затягиваясь из своей трубки, — истинная история горы, на которую нельзя показывать.

Глава десятая
БАБУИН ДУРАЛЕЙ

Когда Гатума кончил свой рассказ, наступило долгое, напряженное молчание. Шангаан, которого мы подобрали по дороге, нервно оглядывался через плечо на гору. Два других африканца сидели точно окаменелые, глядя в за-
тухающий костер.

— Ну что ж, Гатума,— сказал я.— Это очень странная и интересная история. Ты и твой народ действительно верите в угрозу Расабули?

Он медленно кивнул и ответил:

— Да, бвана, верим. И не только потому, что эта история пересказывалась много раз, но и потому, что мы видели, какая кара постигает тех, кто поступает наперекор.

Он поглядел на Шангаана долгим взглядом, затем встал и, пряча трубку в карман драных штанов, добавил:

— Давайте как следует поспим те немногие часы, что остались до зари, ведь завтра предстоит долгая дорога.

Наутро в лагере поднялась обычная суета, предшествующая завтраку и сборам в дорогу. Стоя коленями на

скатанной постели, я затягивал ее ремнями, как вдруг Джун, ставшая задумчивее обычного, воскликнула:

— О чем это вы болтали перед самым рассветом? Я сквозь сон слышала в палатке ваш разговор.

Я вкратце рассказал Марджори легенду о горе. Кэрол и Джун жадно ловили каждое мое слово и, не прерывая, выслушали меня до конца.

— Вот оно что! Как по-твоему, папочка, есть в этой истории хоть капля правды?

— Не знаю, дочка. В этой странной Африке творится так много непонятного. Возможно, в истории Гатумы и есть доля истины, но с течением времени она стала легендой. Самое лучшее — принимать эти истории как есть и не оскорблять чувств африканцев. Племенные обычаи и суеверия для них так же важны, как наша религия для нас. Многие противники христианства высмеивают предание о Христе и Библию, но мы, христиане, принимаем и упорно отстаиваем то, чему нас научили и во что нам велели верить.

Я кончил упаковку, и через час, погрузившись в автомобиль, мы уже тряслись по ухабистой колесе, держа путь домой. Три недели прожили мы в Бечуаналенде, в этой очаровательной лесистой стране, переезжая с места на место, занимаясь рыбной ловлей и киносьемками. Девочкам вскоре предстояло возобновить занятия в школе, а мы с Марджори должны были вернуться в нашу студию — заняться пленками и обработать легенды, которые накопились у нас за время нашего сафари.

Около полудня мы миновали голую горную гряду слева от дороги. Хотя пустыня уже осталась позади, зной был невыносим. В воздухе висела мелкая пыль, она набивалась в глаза, уши и рот, золотистым покрывалом опускалась на вельд. Джон Лимбери вел второй автомобиль и держался на некотором расстоянии от нас, чтобы не глотать пыль, взбитую моей машиной.

Мы достигли равнины, на которой, как древние часовые, там и тут стояли одинокие гигантские баобабы. Их окружали акации, мимозы с плоскими кронами, кактусы и сухой травостой. Ни тряские дороги, ни чудовищная жара и удушающая пыль не могли помешать нам любоваться суровой красотой вокруг.

По мере нашего продвижения все явственнее становились признаки присутствия диких зверей.

— Вокруг масса зверей, Мардж. Держу пари, где-то поблизости должна быть вода. Пожалуй, остановлюсь-ка я вот под этим деревом. Здесь можно позавтракать и передохнуть,— сказал я, указывая на огромный корявый баобаб.

Через несколько минут подъехал Джон. Когда он и его спутники вышли из автомобиля, мы так и покатались со смеху. Они были сплошь запорошены мелкой серой пылью, и их лица имели такой вид, будто искусный гример рисовал их для клоунады. Их было трудно отличить друг от друга.

Поняв, в чем дело, Джон тоже рассмеялся и сказал:

— Вам-то впереди хорошо. Вот поменялись бы со мной местами, тогда бы узнали, как это приятно. Проклятая пыль часами может висеть в воздухе.— И, указав в ту сторону, откуда мы приехали, продолжал: — Посмотрите, воздух густой, как гороховый суп. До еды хорошо бы снять с себя эту гадость. Шангаан! Возьми ведро из автомобиля и поищи вокруг, не найдется ли здесь воды.

Минут через десять после того как Шангаан ушел, мы вдруг услышали страшный вопль, смешанный с глубоким, гортанным хрипом и рыком. Я выхватил из машины ружье, зарядил его и бросился на рык. Все это заняло у меня каких-нибудь шесть секунд. Джон и африканцы следовали за мной по пятам. Рычание и стенания тем временем стихли, зато воздух разорвал еще более пронзительный, прямо-таки кошмарный вопль. Казалось, это кричит человек, которого забивают насмерть.

Так примерно и обстояло дело. Шангаан, залитый кровью с головы до ног, стоял к нам спиной и орудовал здоровенной дубиной, которую человек средней комплекции вообще едва мог бы поднять, орудовал с такой легкостью, словно это была тонкая тросточка. Молотил он по чему-то лежащему на земле у его ног. Я слышал звук дерева, хряскающего по мясу и костям, и глубокий хрип, исходивший, казалось, из самых недр могучей Шангаановой груди.

Когда мы приблизились к нему, он повернулся и молча уставился на нас, показывая рукой на что-то у себя за спиной. На земле, наполовину скрытое примятой травой, лежало мертвое, изувеченное тело огромной самки бабуина. Она была отделана почти до неузнаваемости. Ее поясница была затянута петлей из стального троса, стершего

шерсть и глубоко врезавшегося в тело. Конец троса был привязан к дереву, стоявшему на берегу небольшого пруда, куда, очевидно, животные приходили на водопой. Я услышал слабый шорох в ветвях дерева и, всмотревшись, увидел совсем молодого испуганного бабуина, который пытался спрятаться в листве.

— Что случилось, Шангаан? — спросил я.

Он ответил не сразу. Я сообразил, что он ослаб от потери крови, и заставил его сесть. Одновременно я послал Джона за аптечкой, велел передать Марджори и девочкам, чтобы они оставались у автомобилей и ждали нашего возвращения. Я не хотел, чтобы они видели Шангаана в таком истерзанном виде.

— Мне кажется, бвана, в рассказе Гатумы о горе есть истина, — сказал он, тяжело дыша. — Я пришел сюда за водой и увидел маленького бабуина, который сидит сейчас вон на том дереве. Он пил из пруда. Когда я приблизился, он не испугался и не убежал, как сделал бы всякий его сородич, а медленно пошел к месту, на котором мы сейчас сидим. Это показалось мне странным, и я последовал за ним. Через каждые несколько шагов он останавливался и ждал, пока я не подойду поближе, потом медленно двигался дальше. Теперь-то я вижу, что он заманивал меня в западню, потому что его мать — вот она лежит мертвая у ваших ног — внезапно набросилась на меня и едва не убила, не сообрази я вовремя, что она попала в ловушку. Я сумел откатиться от нее подальше, прежде чем она вырвала мне глотку.

Он замолчал и провел рукой по глазам, словно отгоняя кошмарное видение. Тут вернулся Джон с аптечкой.

— Шангаан, — сказал я, — дай я перевяжу твои раны, пока они не воспалились. Остальное доскажешь после.

Он поднял левую руку, и я увидел, что у него почти оторван мизинец.

— Нет, бвана, я расскажу все сейчас, это недолго, — пробормотал он. — После того как я откатился от бабуинихи и оказался вне опасности, на меня нашла безудержная ярость. Я схватил вот этот сук и дубасил ее до тех пор, пока не вышиб из нее душу. Я показал на гору, бвана, и вот мне наказание. Я боюсь за вас — ведь вы тоже показывали на это проклятое обиталище демонов.

Его голос сошел на шепот, и он без сознания упал головой вперед.

Его ранения оказались серьезнее, чем я вначале предполагал. Более часа мы хлопотали над ним, стерилизуя и зашивая раны на его бедрах, руках и груди.

Мы еще не кончили, когда появились Марджори, Кэрл и Джун. Они помогли наложить повязки и ввести Шангаану пенициллин. Пенициллин совершенно необходим при такого рода происшествиях, потому что в девяти случаях из десяти раны от укуса животных начинают гноиться и вызывают серьезные осложнения, иногда даже мучительную смерть.

С величайшим трудом мы привели Шангаана в чувство и помогли ему добраться до машины. Прежде чем тронуться дальше, я решил дать ему часа два отдохнуть, а сам отправился к месту происшествия и тщательно осмотрел его.

Судя по всему, злосчастное животное было поймано ловушкой, по крайней мере, три дня назад и безусловно сходило с ума от голода и жажды. Оно съело все, до чего могло дотянуться. Вид воды, такой близкой и такой далекой, несомненно, был для него сушей пыткой.

Маленький бабуин все еще сидел на дереве, на том же самом месте, где я впервые его увидел, и мне ничего не стоило поймать его и взять с собой.

Утром следующего дня мы добрались до больницы в Потгитерсрюсте в Северном Трансваале и сдали Шангаана на руки умелым врачам, а сами продолжали свой путь. Неделию спустя я позвонил в больницу и спросил, как поправляется Шангаан. Дежурная сестра ответила мне, что на вторую ночь он выпрыгнул из окна больничного здания и не вернулся. С тех пор я его не видел и ничего о нем не слышал.

Лишь почти два года спустя произошел инцидент, заставивший меня всерьез призадуматься над тем, была ли в рассказе Гатумы доля правды или то, что случилось непосредственно после нашей ночевки у подножия горы, было чистейшим совпадением.

Мы окрестили бабуина Дуралеем, и в результате всех наших забот и внимания, которыми мы его окружили, он стал симпатичнейшим ручным зверем. Пока ему не исполнился год, он каждый день часа по два совершенно свободно, без всякой привязи разгуливал по нашему саду и по дому. Однако, после того как он цапнул одного из соседских ребяташек, дразнивших его, я решил, что при-

шла пора посадить его в большую клетку или на постоянную привязь. Я остановился на последнем. В нашем саду в землю был вкопан железный столб, а к нему на железном кольце прикреплена цепь. Такое устройство давало Дуралею возможность без помех лазать по столбу вверх и вниз, а протяженность цепи обеспечивала достаточный простор для игр и моциона. Поясница Дуралея была охвачена подбитым ватой кожаным поясом, к которому прикреплялся другой конец цепи. Место обитания Дуралея было обнесено высокой изгородью, чтобы никто не имел к нему доступа, кроме меня и членов моей семьи.

Держа бабуина в доме, пусть даже на ограниченном участке, легко было изучить его повадки. Я всегда знал, что бабуины, даже дикие, — очень умные, осторожные и подозрительные животные. Но некоторые поразительно хитрые штуки, которые проделывал Дуралей, были для меня откровением. Особенно отчетливо мне вспоминается один случай.

Вскоре после того как бабуина посадили на привязь, я обнаружил у него под поясом небольшую потертость. Я смазал больное место смягчающей мазью, но пояс постоянно натирал его и не давал поджить. Тогда я решил заменить пояс ошейником, и в дальнейшем чередовать их, чтобы не дать пролысине разрастись.

В теории все выглядело прекрасно, но на деле оказалось иначе. Непонятно почему Дуралей ни за что не хотел расставаться с поясом. Я мог делать с ним все что угодно, за исключением одного — класть руку на пояс. В таком случае он издавал отчаянный вопль, вырывался, вскарабкивался на верхушку столба, и ничем нельзя было заставить Дуралея спуститься вниз, даже бутылкой любимого лимонада. К каким только уловкам я не прибегал, но все напрасно. Тем временем натертое место превратилось в кровоточащую рану, надо было срочно что-то предпринимать. Я заметил, что Дуралей уже начал сильно хромать. Оставалось одно — попробовать усыпить его. Я призвал к совету одного моего знакомого врача. Он сказал, что самое лучшее — дать Дуралею три большие пилюли снотворного, которые произведут желаемый эффект через несколько минут после того, как он их проглотит. Я сходил к аптекарю за пилюлями и по пути домой купил гроздь крупного черного винограда. Дуралей очень любил фрукты, в особенности виноград. Мой замысел состоял в следующем. Я дам

ему несколько виноградин, затем подсуну виноградину с пилюлей, дам еще несколько ягод — и снова ягоду с пилюлей и так далее.

Он уже весил около пятидесяти фунтов, и, чтобы усыпить его примерно на час, требовались три пилюли со снотворным.

Все шло хорошо до тех пор, пока я не дал ему виноградину, начиненную снотворным. Сунув ее в рот, он, должно быть, мгновенно заподозрил неладное, потому что не проглотил ее, как все предыдущие, а спрятал за щеку. Я скормил ему еще несколько виноградин, которые он охотно проглотил, а затем снова подсунул виноградину с начинкой. Едва положив ее в рот, он тут же присоединил ее к первой.

Бабуин держал виноградины за щекой, как выяснилось впоследствии, для того, чтобы исследовать их. Мне было интересно знать, что он сделает с третьей виноградиной. Ее он тоже присовокупил к двум первым и держал ягоды во рту, пока я не скормил ему весь виноград. После этого он как ни в чем не бывало принялся за виноградины с начинкой. Он по одной вытаскивал их изо рта, извлекал пилюлю, кидал ягоду в рот, затем обнюхивал пилюлю, разламывал, вытряхивал из нее порошок, а желатиновую оболочку съедал! всю процедуру он выполнял с таким видом, будто уже тысячу раз проделывал это раньше. Я пораился. Откуда ему было знать, что виноградины содержат начинку, которая должна оказать на него определенное воздействие? Чем особенным отличались виноградины с начинкой, что он так безошибочно определял их среди пяти-шести обычных? И размерами, и формой те и другие были совершенно одинаковы. Пахнуть по-разному они тоже не могли, и он не видел, как я запрыгивал в них пилюли.

Как бы там ни было, я упорствовал в своем намерении. Купив еще винограду, снотворного и две бутылки лимонада, я сумел заставить Дуралея проглотить две виноградины с начинкой, дав ему сперва две ягоды и немедленно вслед за тем лимонада, чтобы он запил их.

Проглотив пилюли, бабуин взобрался на верхушку шеста и некоторое время сидел там. Затем он спустился вниз и вытошнил те две ягоды, что содержали начинку, но не более того. Это было для меня уже слишком, и я отказался от намерения усыпить его.

Два дня спустя я заманил бабуина в маленькую клетку и силой снял с него пояс. Затем пересадил его в клетку побольше, где держал прежде льва. Похоже, в большой клетке он чувствовал себя гораздо лучше. Я приходил к нему и часами играл с ним, почесывал и кормил.

За следующие двенадцать месяцев, что он провел в клетке, он ни разу не проявил признаков озлобленности или уныния. Но затем произошло что-то такое, что заставило его совершенно измениться.

Мой дом стоит у подножия холма Майнтъес Коп, в густонаселенном пригороде Претории, примерно в трех милях от центра города. И вот однажды раздался телефонный звонок, и голос на другом конце провода сказал:

— Мистер Майкл? Говорит сержант из полицейского участка.

— Да, это я, сержант. Чем могу служить?

— Мистер Майкл, насколько мне известно, вы держали у себя в доме ручного бабуина?

— Это верно, только почему «держал»? Я и сейчас его держу, — ответил я.

— Вы в этом уверены? Дело в том, что вчера под вечер и сегодня утром возле Майнтъес Коп видели огромного бабуина. Мне звонили несколько людей, живущих по соседству с вами. Они жаловались на то, что какое-то животное потоптало цветы в их садах и погубило фруктовые деревья.

— Минутку, сержант, не вешайте трубку, — сказал я. — Пойду проверю.

Дуралей был на месте, дверь клетки — крепко заперта. Нет, это не мой бабуин бегал по Майнтъес Коп.

Однако с Дуралеем произошла какая-то перемена. Прежде, когда бы я ни подходил к его клетке, он был всегда рад меня видеть и прижимался к железной решетке, чтобы я почесал и поласкал его. А в этот день он сидел в дальнем углу клетки и не хотел ни смотреть на меня, ни подходить ко мне. Я вернулся к телефону.

— Алло, сержант!

— Я вас слушаю, мистер Майкл.

— Мой бабуин сидит в клетке, и, могу поручиться, он не выходил из нее. Бабуин, которого видели на холме, либо какой-то другой, либо вымышленный.

Но нет, бабуин с Майнтъес Коп не был вымышленным: уже в тот же вечер «Претория ньюс» поместила на первой

странице фотографию «бабуина Берти», как его окрестили, а также большую статью о его проделках. Имя Берти надолго утвердилось на первых страницах газет. Строились различные предположения о том, каким образом ему удалось попасть на Майнтъес Коп, ведь для этого ему пришлось пройти либо через город, либо через густонаселенные пригороды. Откуда он взялся и каким образом попал на холм, было загадкой.

Нам начали звонить сотни людей, отождествивших Берти с моим бабуином. Затем последовало сообщение, что Берти опустошает сад генерал-губернатора, чей дом стоит на вершине холма прямо над моим. Наряду полицейских, вооруженных винтовками с телескопическими прицелами, было поручено пристрелить бабуина, но Берти словно испарялся, как только на арену выходил человек.

А Дуралей совсем изменился. Он стал мрачным и угрюмым и несколько раз пытался наброситься на посетителей, слишком близко подходивших к его клетке.

Наиболее разительная перемена произошла с ним однажды утром, когда на холме, за нашим домом, раздался крик Берти. Дуралей будто сошел с ума. Он пронзительно кричал и метался в клетке как одержимый. Это стало повторяться каждое утро. Казалось, бабуины переговаривались между собой. Все это время я по-прежнему входил к нему в клетку и кормил его, и он ни разу не взбесился, когда я был с ним.

Как-то утром мне позвонил редактор местной газеты и спросил, нет ли у меня желания заняться Берти — пристрелить его или поймать в ловушку. Несколько человек уже пытались это сделать, но потерпели неудачу. Я ответил, что, поскольку ловушки на него уже ставились, я совершенно уверен, что теперь Берти слишком умудрен опытом, чтобы можно было поймать его таким способом, и остается лишь одно — попытаться пристрелить его. Я пообещал выйти завтра утром и сделать все, что могу. Бабуин представлял серьезную опасность для ребятишек, часто игравших на холме, и это было единственной причиной, почему я согласился его убить.

Однако моей предполагаемой вылазке против Берти не суждено было осуществиться. Вскоре после разговора с редактором я пошел к Дуралею, чтобы, как обычно, почесать и покормить его. Когда я вошел в клетку, он забился в свою спальню в углу клетки. Спальня эта, площадью в

пять квадратных футов и в три фута высотой, была сложена из кирпича и имела маленькую деревянную дверь. Я последовал за ним. Чтобы заползти внутрь, мне пришлось стать на четвереньки.

В полумраке я увидел, что бабуин сидит на корточках в дальнем углу. Я сел в угол напротив и протянул ему бутылку лимонаду, которую он получал каждое утро. Он не обратил на лимонад внимания. Тогда я протянул ему апельсин. Его он тоже не взял. Он даже ни разу не удостоил меня взглядом и делал вид, будто с интересом рассматривает пол, потолок и стены своей опочивальни.

Я попробовал поговорить с ним ласково и успокаивающе. Внезапно он зарычал и в один прыжок оказался на мне. Он укусил меня в голову, а когда я поднял левую руку, чтобы прикрыть лицо, он схватил ее, и рука моментально оказалась разодранной до кости от запястья и выше. Подтянув к подбородку ноги и упершись спиной в стену, я изо всей силы ударил его ногами в живот, так что у него перехватило дыхание. Пока он лежал без движения, я выполз из спаленки и захлопнул за собой дверь.

Только я это сделал, он навалился на дверь, пытаясь выломать ее и добраться до меня. Правой рукой зажимая рваную рану на своей левой руке, чтобы остановить кровь, я правым плечом крепко держал дверь, не давая совсем обезумевшему Дуралею вырваться наружу. Я уверен, что, выберись он наружу, мне уже не пришлось бы рассказывать эту историю.

Джон Лимбери, услышав нашу возню, прибежал к клетке. Я крикнул ему, чтобы он отворил дверь, которую я закрыл за собой, войдя в клетку. Выждав, пока Дуралея немного успокоится, я очертя голову ринулся к двери. Только я захлопнул ее за собой, как бабуин был уже возле нее и отчаянно пытался достать меня сквозь железную решетку.

Раны на голове и на руке мне зашивали и перевязывали в больнице. Два дня спустя началось заражение крови. Я пролежал в больнице две недели, все время беспокоясь о том, что могу потерять руку или по меньшей мере останусь с парализованными пальцами. К счастью, я полностью поправился, и лишь несколько шрамов напоминают мне теперь о рассказанной Гатумой истории и заставляют задуматься о том, не стал ли и я в конце концов очередной жертвой горы.

Вскоре после того как я выписался из больницы, в Южную Африку приехали мой друг Питер Дункан, сотрудник Би-би-си, и его жена Сильвия. В свой последний приезд в Лондон я обещал им, что, если они когда-либо попадут в Преторию, я возьму их с собой в сафари. Но так как моя рука была все еще в гипсе и на перевязи, я не мог взять их в длительное сафари в глубину континента и решил устроить им короткую поездку в Национальный парк Крюгера. Именно там мне представилась возможность отыграться за прошлое, к сожалению, не на бабуине, укусившем меня, а на одном из его сородичей.

Мы ездил по району Скукузы, отыскивая животных, и у одной из излучин реки увидели стаю бабуинов, сидевшую прямо посреди дороги.

— Посмотрите, гориллы! — воскликнула Сильвия.

Я объяснил, что это не гориллы, а бабуины, относящиеся к наиболее обычному и многочисленному виду бабуинов, распространенному по всей Южной Африке. Хотя правилами и уставом парка Крюгера строго запрещается кормить животных, многие туристы просто не в силах устоять против искушения. Несколько посетителей парка были изрядно помяты, пытаясь кормить бабуинов, которые собираются вокруг автомобилей и кланчат подачку. Однако на этот раз у меня были свои веские причины нарушить правило.

Когда мы подрулили к бабуинам, некоторые животные подбежали к машине, не колеблясь вспрыгнули на капот и уселись там, терпеливо дожидаясь, пока мы что-нибудь им кинем. Увидев морды, уставившиеся на нее сквозь ветровое стекло и боковое окно, Сильвия пришла в смятение и стала просить меня побыстрее ехать дальше. Я уверил ее, что животные не причинят нам никакого вреда, если только мы не будем дразнить и провоцировать их.

Внезапно возле автомобиля появился огромный бабуин-самец, удивительно напоминавший мне Дуралея. Он стоял на земле, головой и плечами почти вровень с окном машины, и выжидающе глядел на нас. И вдруг мне пришла в голову мысль. Вот возможность отомстить за себя! Из бумажного мешка, лежавшего рядом со мной, я взял апельсин и зажал его между противосолнечным щитком и крышей автомобиля, так, чтобы он находился как можно ближе к двери. Несколько мгновений бабуин переводил взгляд с меня на апельсин и обратно. Казалось, он был

в замешательстве: следует ли ему набраться духу и схватить апельсин, до которого можно было только-только дотянуться? Мы терпеливо ждали. Он сделал несколько робких попыток и наконец, видя, что мы не препятствуем ему, осмелел, придвинулся вплотную к дверце автомобиля, схватил апельсин и отбежал с ним к обочине.

— Что вы задумали? — спросил Питер, в то время как бабуин уничтожал апельсин.

— Погодите минутку, сейчас увидите, — ответил я.

Когда бабуин покончил с апельсином, я взял еще один и осторожно положил его на щиток на виду у бабуина. Только на этот раз я поместил апельсин подальше от окна. Опять мы спокойно сидели, наблюдая, как бабуин пытается дотянуться до апельсина. В конце концов, отбросив всякую осторожность, он просунулся в окно и схватил апельсин. И на этот раз он отбежал к обочине, чтобы вскоре вернуться за новой подачкой.

По всей видимости, он был тираном всей стаи, потому что всякий раз, как другие бабуины пытались подойти к нему, он кидался на них, злобно скаля зубы, и они бросались от него врассыпную.

— Теперь к сути, — сказал я Питеру.

Взяв еще апельсин, я положил его на конец противосолнечного щитка, почти по самой середине машины, а затем на три четверти поднял оконное стекло, оставив лишь узкую щель, чтобы бабуин как раз мог просунуть в нее лапу. Бабуин как будто заподозрил неладное и долго не решался сунуть лапу в сузившийся промежуток между стеклом и дверью.

Мы делали вид, будто ничего не замечаем. Вскоре бабуин поборол страх, алчность подхлестнула его дерзость, и он сунул лапу в открытую щель. Когда он был уже готов схватить апельсин, я до отказа поднял стекло и зажал его лапу как раз повыше локтя. Пока он стоял так, пойманный, весь подавшись вперед, я с превеликим удовольствием укусил его жилистое, шерстистое запястье.

Проявив недюжинную, почти невероятную для его размеров силу, бабуин исхитрился выдернуть лапу и, издав яростный вопль, вскочил на капот автомобиля. В течение нескольких минут от топтался по капоту и бешено барабанил лапой по ветровому стеклу. Остальные бабуины, почуяв неладное, попрятались в зарослях.

— Чудовищно полегчало на душе,— сказал я Питеру и Сильвии, выбирая изо рта длинные жесткие волосы.

— Должно быть, вы поранили его,— сказала Сильвия.

— Ни капельки,— ответил я.— Чтобы причинить такой бестии боль, нужно что-нибудь гораздо более существенное, чем человеческие зубы. Он просто разозлился, что мы выставили его дураком перед всеми его собратьями.

Сильвия рассмеялась.

— Вот будет смеху-то, когда мы расскажем друзьям в Лондоне, что вы укусили за лапу дикую гориллу.

— Да не гориллу же, дорогая, а всего-навсего бабуина,— поправил Питер.

Среди многочисленных гостей, присутствовавших на торжестве по случаю моего дня рождения и благополучного возвращения домой, была Алиса Хеннинг, наш очень близкий друг.

— В следующую субботу вечером даю у себя на ферме обед — бифштексы с грибами,— сказала она, прощаясь с нами.— Буду страшно рада видеть вас у себя.

Она добавила, что у нее на ферме повсюду так и прут из земли грибы, и, зная, как мы их любим, она просит взять это на заметку и пожаловать к ней.

Мы приняли приглашение и в величайшем нетерпении предвкушали это событие. Вышло так, что этот званый обед на всю жизнь остался в памяти присутствующих. Дело обстояло следующим образом.

Рано утром в назначенный день Алиса послала свою чернокожую кухарку Энни набрать свежих грибов для предстоящего обеда.

— Повнимательнее отбирай грибы, Энни,— наказывала ей Алиса.— Ты ведь знаешь, как много среди них поганок, тут очень легко ошибиться.

— Не беспокойтесь, мадам,— отвечала Энни,— вот уж который год я собираю грибы и еще ни разу не ошиблась.

— Как не беспокоиться, ведь последнее время в газетах то и дело мелькают сообщения о случаях отравления грибами.

Получив такое напутствие, Энни отправилась к своим излюбленным грибным местам и принялась за дело. Еще до того как прибыли первые гости, озабоченная Алиса пришла на кухню, где Энни готовила обед более чем на сорок персон, и спросила:

— Энни, ты вполне уверена в том, что среди грибов нет ядовитых?

— О да, мадам, совершенно. Мадам не следует так беспокоиться. Мы с Джо сделаем все как надо.

— Никогда не видел, чтобы мадам так беспокоилась, — заметил Джо, муж Энни, помогавший ей в работе по кухне.

— Да, Джо, я действительно очень беспокоюсь, — ответила Алиса. — Я решительно не хочу, чтобы кто-нибудь из моих гостей отравился. Давайте лучше проверим грибы серебряной ложкой и убедимся, что все в порядке.

Энни покорно вздохнула, взяла серебряную ложку и опустила ее в кастрюлю с грибами. Несколько минут она держала ложку в кастрюле, затем вынула ее и протянула Алисе.

— Вот видите, мадам, грибы хорошие. Будь среди них ядовитые, ложка почернела бы. Посмотрите, какая она чистая и блестящая.

Алиса взяла ложку и внимательно осмотрела ее, затем вышла из кухни по-прежнему с озабоченным лицом. Джо провожал ее взглядом. Когда дверь закрылась за ней, он повернулся к Энни и заметил:

— Не понимаю, чего мадам так беспокоится. Первый раз вижу ее такой.

— А я, мне кажется, понимаю, — отозвалась Энни. — Она начиталась этих глупых газет. Ей ли не знать, что кто-кто, а уж я-то отличу хороший гриб от ядовитой поганки.

— Положим, ты права, но давай-ка проверим грибы еще разок, так просто, для верности. Гости соберутся не раньше чем через два часа, у нас еще уйма времени.

Энни пришла в неопишемое негодование. Подумать только, даже ее Джо усомнился в ее способности после стольких лет работы отличить съедобный гриб от поганки!

— Отлично, такой-сякой-этакий! — сказала она. — Каким образом ты собираешься их проверить? Попробуешь сам и посмотришь, не помрешь ли ты?

— Не понимаю, чего ты на меня набросилась? В конце концов, я хочу просто успокоить мадам.

— Так что же ты предлагаешь?

— Можно дать тарелку грибов собаке, и, если ко времени приезда гостей с ней ничего не случится, мы будем совершенно уверены, что и с грибами все в порядке.

— Но я-то действительно в этом уверена! — взорвалась Энни.

— Ну, это так только, просто чтобы успокоить мадам, — робко ответил Джо.

— Ладно, валяй. Делай как хочешь, — сказала Энни, сунув ему в руки тарелку и ложку.

Джо навалил полную тарелку грибов и, остудив их, поставил на пол перед собакой, с нетерпением ожидавшей очередной подачи, на которые была так щедра Энни.

Алиса вошла в кухню, когда собака как раз приканчивала свой обед.

— Что это Джок ест? — спросила она.

Джо начал было объяснять, но тут Энни, кипя негодованием, перебила его:

— У мадам был очень обеспокоенный вид, и Джо решил, что неплохо было бы испробовать грибы на собаке. Вот мы и дали ей тарелку грибов.

Алиса взглянула на собаку, которая управилась с неожиданно подвалившим угощением и глядела на нее снизу вверх, облизываясь и помахивая длинным лохматым хвостом.

— Господи Боже! — воскликнула Алиса. — Что за фантазия — испытать грибы на Джокке! А что, если они окажутся ядовитыми?

Энни, окончательно выведенная из себя всей этой «чепухой», как она выразилась, рассказывая мне впоследствии эту историю, повернулась к Алисе и сказала:

— Видите ли, мадам, на мой взгляд, с собакой ничего не произошло. Возможно, мадам пожелает, чтобы Джо съел тарелку грибов перед гостями, так просто, для верности.

— Нет, нет, Энни, я уверена, все будет в порядке. Мне страшно неловко, просто не знаю, что это на меня нашло. Весь день эти грибы не дают мне покоя. Наверное, начиталась в газетах историй об отравлениях.

Энни ничего не ответила, и Алиса вышла из кухни. Два часа спустя, когда начали съезжаться гости, собака по-прежнему чувствовала себя отлично.

За коктейлем, когда большинство гостей уже прибыло, Алиса совершила роковую ошибку, в шутку рассказав им об эпизоде с опробованием грибов ложкой и о том, как собаку использовали в качестве морской свинки. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что сразу после этого гости на некоторое время примолкли. Всякий раз, как

Джок входил в гостиную, он становился центром всеобщего внимания. Чуть ли не каждый из присутствующих похлопывал, поглаживал и пристально изучал его. Особенно позабавило меня то, как находившиеся среди присутствующих два врача быстро оглядели десны Джока в тот момент, когда, как им казалось, никто на них не смотрел. Но я-то видел все это. Да, я видел, как они согласно кивнули головами, словно говоря: «О, пес чувствует себя отлично. Я уверен, что все в порядке».

Я знал, что большинство африканцев хорошо разбирается в диких плодах, ягодах, растениях и травах, встречающихся в Африке, и мы с Марджори нисколько не сомневались в съедобности грибов. Мы были полны решимости получить полное удовольствие от обеда, чего, я уверен, нельзя было сказать о большинстве гостей, которые, насколько я мог видеть, были очень обеспокоены рассказом Алисы, хотя всячески старались это скрыть.

Никогда раньше собака не удостоивалась такого внимания.

Гости расселись за столами на четыре и на шесть персон, искусно расставленными Алисой в ее огромной гостиной. Были зажжены свечи, а электрические лампы потушены. Заиграл маленький оркестр. Подали суп. В запахнутые окна влетал заманчивый запах бифштексов, поджариваемых на костре. После того как было выпито изрядное количество напитков, опасение, что грибы ядовитые, несколько развеялось. Под восхищенные возгласы гостей на серебряных блюдах были поданы дымящиеся бифштексы. Но когда всех обнесли грибами, воцарилась зловещая тишина. Оркестр играл «Быть может, мы еще встретимся».

Мне стоило величайшего труда сдерживать смех. Из чистого лихачества гости накладывали себе больше грибов, чем они взяли бы при обычных обстоятельствах. Мужья, сидевшие в отдалении от своих жен, бросали на них беспокойные взгляды и ободряюще улыбались.

Наконец с основным блюдом почти разделались. Угнетенность, сковавшая гостей после раздачи грибов, почти полностью улетучилась. Отличные вина из богато укомплектованного погреба Алисы помогли восстановить оживление и веселье, царившее среди гостей до того, как Алиса имела бестактность рассказать всю эту историю. Все были довольны. Болтовня и смех усилились настолько, что, ког-

да оркестр заиграл «Все было лишь ошибкой», его едва было слышно. И тут разорвалась бомба.

Энни и Джо бегом ворвались в гостиную, в отчаянии заламывая руки. По черному лоснящемуся лицу Энни в три ручья текли слезы.

Джо подошел прямо к ближайшему столу и, задыхаясь, спросил:

— Где мадам? Мы немедленно должны видеть мадам.

Оркестр умолк. В гостиной воцарилось гробовое молчание.

— Я здесь, Джо,— громко прозвучал среди этого молчания дрожащий голос Алисы.— В чем дело?

Энни, заведя в другом конце комнаты Алису, рыдая, бросилась к ней.

— Ах, мадам, собака!.. Бедный Джок... Это ужасно! Это ужасно! — причитала она.

— Что с ним? Ну, говори же! — в ужасе спросила Алиса.

— Ах, мадам... Бедный Джок... Он... Он мертв! — всхлипнула Энни.

— Мертв? Боже мой, этого не может быть!

Мгновение стояла напряженная тишина, потом поднялось что-то невообразимое. Мужья звали своих жен, жены звали мужей, влюбленные, опрокидывая столы и стулья, бросались друг к другу. Несколько гостей повалились на стулья и кушетки, схватились за животы и громко стонали. Другие, не успев выбежать из комнаты, извергали содержимое своих желудков прямо на роскошные ковры Алисы.

Оркестр бодро заиграл «Нам уже не быть прежними».

Один из двух присутствовавших врачей кинулся в ближайшую больницу, до которой было недалеко, за шлангами для промывания желудка. Тем временем его коллега пустил в ход все свое профессиональное мастерство, чтобы привести в чувство обморочных и утихомирить истеричных. Мы с Марджори посильно помогали Алисе и врачу поддерживать спокойствие до прибытия врача со шлангами для промывания желудка.

Он вскоре прибыл в сопровождении двух студентов-медиков, работавших в больнице, и через очень непродолжительное время даже те из гостей, которые не желали промывать желудок, были подвергнуты этой мучительной процедуре.

Действуя сообща, Алиса, врачи, Марджори, я и еще несколько не потерявших голову людей в конце концов

сумели водворить среди охваченных паникой гостей некое подобие порядка и убедить их, что, как бы там ни было, они не умрут.

Опрятный дом Алисы выглядел так, словно в нем разыгралось побоище. У обоих врачей был такой вид, будто их протащили сквозь терновник. Красиво подкрашенные лица женщин покрылись потеками туши, прически, на сооружение которых ушли часы, беспорядочными космами рассыпались по поникшим плечам. Теперь мы были полными хозяевами положения. Один из врачей повернулся ко мне и сказал:

— Джордж, будьте добры, позовите сюда Энни и Джо. Мне бы хотелось допросить их.

Я пошел на кухню, думая застать их там, но на кухне их не оказалось. В конце концов я нашел супругов в их комнатухе. Они сидели съезжившись, тесно прижавшись друг к другу.

— Пойдемте, врач хочет задать вам несколько вопросов, — сказал я.

Они нерешительно встали.

— Мистер Майкл, — сказал Джо. — Мы хотели рассказать мадам о случившемся, но не успели и слова молвить, как все начали плакать и кричать. Мы с Энни страшно испугались и убежали прямо сюда, к себе в комнату.

— Ладно, — ответил я. — Идемте со мной, расскажете все врачу.

Я направился обратно к дому, они последовали за мной.

Войдя в гостиную, мы не узнали ее, так она была прибрана и вычищена. Когда врач, попросивший меня привести слуг, начал задавать вопросы, наступила мертвая тишина.

— Ну-ка, Энни, постарайся припомнить все как было и не бойся.

— Да, доктор, — отозвалась она чуть слышно, почти шепотом.

Среди всеобщего молчания громко раздавались всхлипывания и рыдания женщин, которые еще не вполне пришли в себя.

— Энни, что произошло после того, как вы дали собаке тарелку грибов?

— Ничего не произошло, доктор. У нее был вполне нормальный вид, правда, Джо?

— Да, — ответил Джо. — На мой взгляд, она чувствовала себя превосходно.

— Когда вы впервые заметили в собаке что-либо странное? — продолжал допрашивать служитель медицины.

— По правде сказать, доктор, я ничего такого и не заметила, — ответила Энни. — Просто, когда все гости ели грибы, Джок начал скрестись в заднюю дверь.

— Что значит «скрестись в дверь»? — спросил доктор.

— Ну, это когда Джок хочет выйти, он всегда так делает, и мы выпускаем его.

— Стало быть, вы выпустили его?

— Да, сэр.

— Когда вы обнаружили, что собака подохла, Энни?

Помедлив несколько секунд, Энни ответила:

— Мы с Джо как раз готовились подать десерт, как вдруг вбегает парень, водитель нашего трактора, и говорит, что собака лежит мертвая возле сараев на заднем дворе.

— И что же вы тогда сделали?

Решив, что настал его черед взять слово, Джо ответил:

— Мы с Энни не поверили своим ушам, ведь было принято столько предосторожностей! Мы пошли за трактористом к тому месту, где лежала собака.

— Должно быть, во дворе было очень темно, Джо, — сказал врач.

— Да, сэр, действительно было очень темно.

— Тогда как же вы увидели, что собака подохла?

— Тракторист зажег фары, сэр, и мы очень отчетливо видели собаку, — быстро ответил Джо.

— Стало быть, Джо, вы видели собаку очень хорошо?

— Да, сэр.

— А теперь, — сказал доктор, — я хочу, чтобы вы оба хорошенько вспомнили, как выглядела собака. Была ли у нее пена на губах?

— Нет, сэр, — в один голос ответили оба.

— Вы вполне в этом уверены?

— Да, сэр, мы в этом совершенно уверены, сэр.

— Заметили ли вы, что лапы собаки заострели и не гнутся? — спросил врач.

— Нет, сэр, — удивленно ответила Энни. — Она была похожа... э-э... как бы вам сказать... Она была похожа на тряпку, сэр.

— На тряпку? — еще более удивленно переспросил врач.

— Да, сэр. Она была мягкая, как тряпичная кукла. Но, слава Богу, бедному Джоку не пришлось мучиться,

сэр. Я знаю, как переживала бы мадам, если б она узнала, что Джок мучился перед смертью.

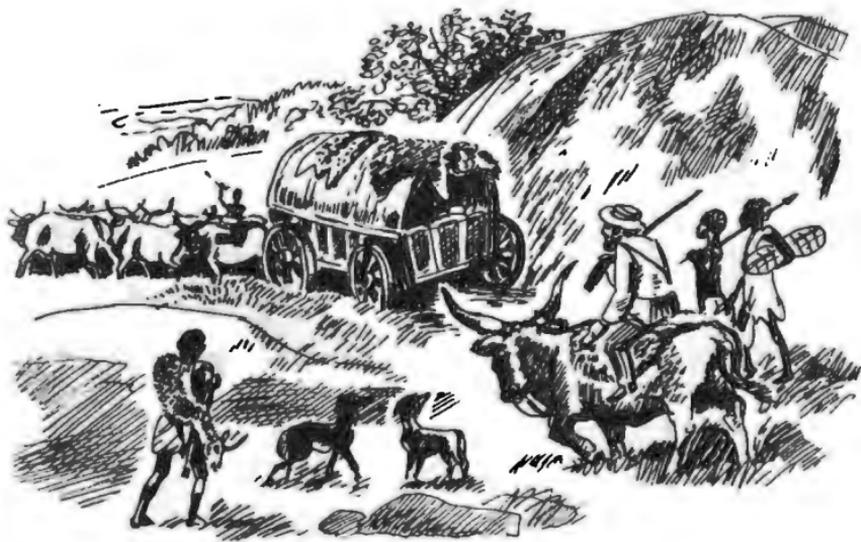
— Он не мучился перед смертью? — спросил врач, по-видимому, совсем не подготовленный к такому невероятному ответу.— Не понимаю, Энни... Откуда вы знаете, что он не мучился?

Алиса зарыдала. По черным щекам Энни покатались слезы.

— Тракторист сказал, доктор, что, когда Джок попал под трактор, оба колеса прошли по нему и он умер мгновенно,— ответил Джо.

Я так и ждал, что оркестр заиграет похоронный марш.

Глава одиннадцатая САФАРИ В ФУРГОНЕ

Во время больших школьных каникул мы с Кэрл и Джун провели неделю на южном побережье Наталя, бездельничая на пляжах под теплым солнцем, и вернулись в Преторию за четыре недели до начала занятий. Поэтому я решил снять еще один фильм, пока дочери были свободны и могли принять в нем участие. Но о чем должен быть этот фильм? Замечание, оброненное одним заезжим англичанином, что Африка — «страна контрастов», навело меня на мысль. Мне вспомнились люди и места — картины поистине величайших контрастов, с которыми мы сталкивались повседневно и к которым в силу привычки к красочным, необычным зрелищам мы большей частью были слепы. «Страна контрастов...» Этот речевой штамп дал толчок моим мыслям и в конечном счете предопределил характер и название моего нового фильма.

Хотя большие современные города Южной Африки — Йоганнесбург, Кейптаун, Дурбан, Претория с их небоскребами, «кадиллаками» и ночными клубами похожи на мно-

гие современные города мира, между теми и другими существует одно важное различие. В Африке, стоит вам немного отъехать от города, и вы попадаете в мнимодалекий мир африканских общин, обитатели которого одеваются и живут так, как одевались и жили их предки сотни лет назад. Здесь, в деревнях, лежащих на границе западной цивилизации, время как будто остановилось, оградив этот крошечный уголок мира от напора современной жизни. Кажется, люди тут живут в какой-то давно прошедшей, забытой эпохе; время приоткрыло уголок своей завесы и позволило заглянуть в прошлое.

Слов нет, современная цивилизация повсеместно приводит к исчезновению старых племенных обычаев. Тем не менее во многих областях Южной Африки, прилегающих к большим городам, и поныне сильны старые нравы и обычаи, традиции и суеверия, в том числе ритуальные убийства и черная магия.

В торговом квартале Претории, моего родного города и столицы провинции Трансвааль, по асфальтовой мостовой среди потоков громадных автобусов и современных автомобилей скрипят и громяют фургоны, запряженные четырнадцатью или шестнадцатью огромными африкандерскими волами. Вдоль улиц стоят фургоны, запряженные ослами и мулами, полные дынь, ананасов, персиков и яблок. Их окружают толпы нарядно одетых покупателей, среди которых можно увидеть индианок в ярких разноцветных сари, зулусок и женщин народности ндебеле с пестрыми ожерельями на обнаженной груди. Всего лишь четыре часа езды на машине — и эта живая сцена удивительным образом преобразуется в лагерную стоянку в сердце зарослей, в ночь, оглашаемую пронзительным трубным зовом диких слонов и зычным ревом львов. Такова наша Африка с современными городами, высящимися среди ее дикой красоты, с суровыми горами и мирными озерами, с оживленными шоссейными дорогами и тихими лесными тропами — Африка, привлекающая художников и писателей, воротил кино и туристов, честных людей, гангстеров и политиков, которые каждый на свой лад стремятся превратить этот созданный Природой мир в искусственный мир бетона и стали, богатства и нищеты, слабости и коррупции.

Всего лишь немногим более ста лет назад на месте Претории расстился необитаемый африканский вельд и заросли, по которым свободно и беспрепятственно бродили дикие животные. Своим превращением в промышленно развитый современный город это дикое место обязано неукротимой отваге первых европейских поселенцев в Африке, которые двинулись на север от крайней южной оконечности материка и решили основать здесь свое собственное государство.

Эти ранние поселенцы, известные под названием вооруженных, в 1835 году оставили безопасные пределы Капской колонии на юге и в запряженных волами фургонах отправились в неизвестное на север. Это и был так называемый «Великий трек» (поход) 1835 года, явившийся значительным событием в истории Южной Африки.

Природа Африки не отличается доброжелательностью. Вооруженные терпели невероятные лишения. Каждая миля тысячемильного пути давалась им ценой жестоких мучений. Бесперывно под постоянной угрозой нападения львов, леопардов и слонов их фургоны пересекали пустыню Карру и по горам Стормберг взбирались на обширное плато Высокого Вельда. Именно здесь их постигла величайшая напасть, какую им довелось претерпеть за все путешествие: навстречу им с севера катились огромные отряды воинов-африканцев, сметавших все на своем пути. Последовали многочисленные кровопролитные битвы, приведшие к тяжелым потерям в людях и имуществе с обеих сторон.

Из всех битв, что переселенцы вели с африканцами, самой беспрецедентной была битва при Капаине. Она длилась без перерыва девять дней и примечательна тем, что воины матабеле шли в атаку верхом на буйволах, которые управлялись поводьями, пропущенными через ноздри, и имели остро оточенные рога. Вооруженные укрывались за перевернутыми фургонами и доблестно отбивали атаки матабеле, проявляя беспримерные в истории Африки отвагу и выдержку.

Многие вооруженные достигли местности, известной ныне под именем провинции Наталь. Их предводитель Пит Ретиф провел их по высоким Драконовым горам в плодородную цветущую страну зулусов.

Страной зулусов тогда правил деспот Дингаан, и Ретиф предложил ему заключить договор, по которому вооруженные получали право поселиться там.

Договор, подписанный в присутствии советников Дингаана и семидесяти вооруженных, был ничем не стоящим клочком бумаги, потому что не успел Ретиф положить его в свою сумку, как Дингаан приказал уничтожить ассаягами (метательными копьями) всю делегацию вооруженных.

Это положило начало многочисленным так называемым зулусским войнам. Недоверие Дингаана ко всему незулусскому побудило его разослать по всей стране мародерствующие импи (зулусские войска). Под Блаукранск одно такое войско напало на ничего не подозревавших вооруженных и почти полностью перебило их. Лишь немногие переселенцы остались в живых, зато этим немногим было суждено увидеть крушение зулусской державы в битве у Кровавой реки и смерть Дингаана от руки людей племени свази.

Все эти трагические испытания не сломили духа уцелевших вооруженных. Они покинули свои дома, забрав с собой семьи, скот и все имущество, готовые страдать и бороться, ходить за своими больными и оплакивать своих мертвых. С неукротимой отвагой и решимостью они преодолели все испытания и заложили основы нашего нынешнего государства.

Современная Южная Африка разделяет веру первых вооруженных в будущее нашей страны, и мы воздвигли им памятник, который должен постоянно напоминать о них.

Как раз во время поездки к этому памятнику, последовавшей после нашего возвращения из Бечуаналенда, я и придумал фабулу и заглавие моего будущего телевизионного фильма.

Дело в том, что памятник окружен стеной фургонов, символизирующей лагерь, который вооруженные устраивали для защиты от нападения, обводя место стоянки кольцом сомкнутых воловьих упряжек. Я стоял, прислонясь к одному из этих фургонов, как вдруг меня словно осенило. «Сафари в фургоне». Вот великолепное название для фильма! И почему бы мне с семьей не отправиться в сафари по маршруту первых вооруженных? Именно так мы в конце концов и поступили.

Первым делом необходимо было раздобыть точную копию фургона вооруженных. Эти фургоны имеют свои осо-

бенности и отличаются от тех, которыми пользуются ныне фермеры в сельских районах.

Я узнал, что года два назад в Долине тысячи холмов в Натале компания Рэнка снимала фильм «Неукрощенные», и для одной из сцен было построено несколько точных копий фургонов вооруженцев. Фургоны эти, вернее, то, что от них осталось, лежали без дела во дворе одного торговца старыми вещами в Питермарицбурге. Я немедленно договорился о покупке наиболее сохранившегося экземпляра и доставке его по железной дороге в Преторию. Вместе с тем, готовясь к поездке, мы уточнили маршрут, наняли погонщиков-африканцев и упряжку красных африкандерских волов.

День, когда прибыл наш фургон, был отмечен всеобщим волнением. Фургон оказался в отличном состоянии и нуждался лишь в самой минимальной починке. Рано утром следующего дня — а в нашем распоряжении оставалось всего три недели, так как потом у Кэрл и Джун начались занятия в школе, — мы поспешно нагрузили фургон одеждой, спальными принадлежностями и лагерным снаряжением. Брали мы с собой лишь самое необходимое, рассчитывая жить по мере возможности так, как жили вооруженцы: охотиться со старым, заряжающимся с дула ружьем (да, я решил оставить дома свою винтовку Маузера калибром 10,75 миллиметра), ловить рыбу в речках и покупать свежие фрукты и овощи у местных земледельцев, которых мы повстречаем в пути.

Верхом на лошади, впереди воловьею упряжки, с антикварным ружьем через седло и пороховым рожком у пояса я вывел фургон со двора под веселые крики и рукоплескания соседей и слуг. Тем временем кинокамеры работали вовсю. Марджори, Кэрл и Джун, усевшись на месте погонщика, отважно махали руками. Я не случайно сказал «отважно», ведь нам предстояло проехать через центр города под любопытными взглядами тысяч зевак.

— Папа, — обратилась ко мне Джун, перед тем как мы тронулись в путь. — Когда мы окажемся за городом, все будет замечательно. Но ехать через весь город под взглядами друзей и тысяч незнакомых людей — это так неловко. Нельзя ли начать наше путешествие с окраины?

Никак нет! Я решил твердо выдерживать намеченный маршрут и даже договорился со службой регулирования уличного движения о том, чтобы полицейские убирали зевак с пути кинооператоров и провели нас по городу через интенсивное уличное движение. Они выполняли свою задачу превосходно. Без них мы ни за что не смогли бы пройти по нашему маршруту в пределах города.

Однако главный инспектор движения поставил нам одно условие, а именно — чтобы навоз, роняемый волами по пути через город, подбирался немедленно. С этой целью я нанял африканца с тачкой, который следовал за фургоном и подбирал совком свежий навоз, что вызывало всеобщий смех толпы и повергало в немалое смущение членов моего семейства, относивших этот смех на свой счет.

Наш путь по городу пролегал мимо городской ратуши, перед которой стоит статуя Андриеса Преториуса, основателя города. Сотни людей выстраивались вдоль тротуаров при виде сцены, напоминавшей ожившую картинку из старинной книги, и, не стесняясь, глазели на странную процессию. Иные узнавали и громко приветствовали нас. Автомобили, скопившиеся сзади, не зная причины затора впереди, нетерпеливо сигналили. Полицейские на мопедах сновали взад и вперед, регулируя уличное движение и убирая зевак с пути операторов. Фоторепортеры так и вились вокруг нас и только что не влезали на спины волов, щелкая своими аппаратами. Моя лошадь перебирала ногами, встревоженная необычной шумихой вокруг, и мне было трудно управлять ею, тем более что в одной руке я держал тяжелое ружье.

Мы просхали через центр Претории — Церковный сквер, мимо старого Республиканского дома и статуи Пауля Крюгера, последнего президента Республики Трансвааль, затем вверх по Церковной улице мимо зданий Союза — и прямо на восток, в Восточный Трансвааль. Оставив позади последние пригороды, мы вскоре свернули с основной магистрали и поехали по проселочной дороге, которая должна была привести нас к месту назначения.

Как ни медленно двигался запряженный волами фургон, все же мало-помалу все следы цивилизации остались позади. К закату мы прошли около двадцати пяти миль и начали присматривать подходящее место для ночевки.

Кинооператоры, сопровождавшие нас в моем джипе, ука-тили вперед. Мы договорились встречаться только в самых интересных местах нашего маршрута. Лишь когда мы попадем в более дикую и богатую животными местность, им надо будет держаться все время поблизости, так как никогда нельзя знать заранее, что может случиться в нашей необыкновенной Африке, а мы твердо решили ничего не упускать.

О завораживающей тишине африканских зарослей писалось очень много, особенно теми, кто никогда там не был. Однако первая ночь нашего «сафари в фургоне» действительно была бесподобна. Необъятная тишина, пленяющая человеческое сердце; неясные тени и луна, встающая из тьмы и расцвечивающая мир золотом и серебром; а когда звезды булавочными головками блещут на занавесе небес, воспоминания о густонаселенных городах блекнут и гаснут.

В ту ночь, когда я сидел у костра, мои мысли были обращены в прошлое, ко всем тем годам, что я прожил в Африке. В ее лесах и джунглях, на берегах ее рек и озер, на склонах ее залитых солнцем гор и в тени ее долин я всегда обретал покой. Глядя на своих дочерей, как, должно быть, делал не один вооруженный в давно прошедшие дни, я молил Всемогущего о том, чтобы их души никогда не были уязвлены и омрачены ложными ценностями наших городов, где под накрахмаленными рубашками прячутся окаменевшие сердца. Я молился о том, чтобы чистая, открытая жизнь, которую я им дал, научила их распознавать истинные ценности жизни, с пользой для себя наблюдать поразительные примеры любви и самоотверженности, которые являют им малые твари, обитающие в лесах, и, таким образом, жить в мире и согласии со своими собратьями-людьми.

Рано утром лагерь загудел словно улей. Готовился завтрак, в воздухе плыл крепкий аромат кофе. Волы заводили в упряжку, мою лошадь скребли и кормили перед долгим дневным переходом. Вскоре под громыханье тяжелых колес, топот копыт и крики погонщиков мы тронулись в путь. Дорога стала очень неровной, и я просто поражался, что мое семейство с явным удовольствием продолжает трястись в фургоне.

Время от времени Марджори и девочки спускались на землю и шли рядом с повозкой или по очереди садились

на Резвого — моего коня. Но большую часть пути, когда солнце начинало невыносимо печь, они сидели на переднем сиденье или лежали на своих постелях в фургоне, в тени брезентового навеса.

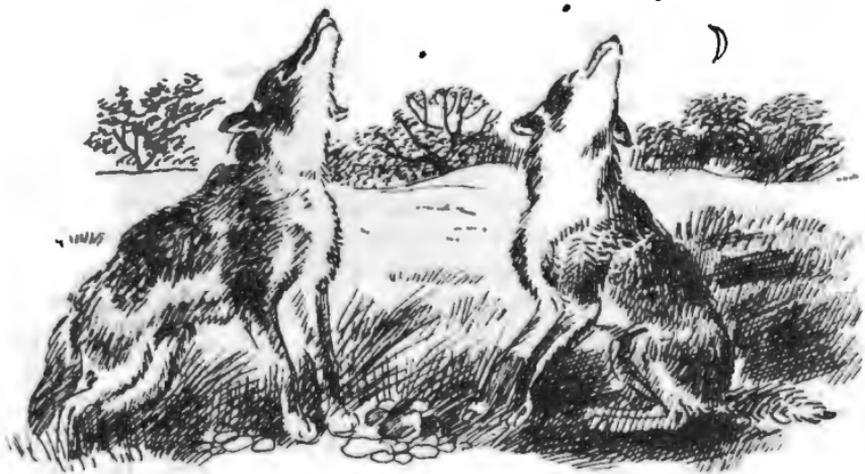
После долгого дня в седле я охотно заваливался спать, а они оставались свежи как огурчики и постоянно понукали меня продолжать путешествие.

Так прошло две недели. Наш маршрут вел нас через горы и реки, леса и равнины, и вот наконец мы достигли местности, где было много животных. Порой продвигаться вперед было настолько трудно, что даже джип пасовал перед препятствиями.

Пока что мы не столкнулись ни с одной из опасностей, подстерегавших вооруженных, и наше путешествие протекало гладко, если не считать эпизодических затруднений, возникавших при продвижении фургона по труднопроходимой местности, да еще того, что подковы моей лошади быстро снашивались. Все мы так загорели, что нас почти невозможно было отличить по цвету кожи от слуг и погонщиков. Под знойным солнцем по каменистым дорогам погонщики шли босые и с непокрытыми головами, лишь с изодранной набедренной повязкой на теле, и все же они были счастливы и довольны, если только их не томил голод. Выносливее народа едва ли сыщешь на свете.

Медленно приближались мы к границам Национального парка Крюгера в районе Акорнхула и, лишь войдя в лесистую местность, пережили первое приключение. Мы наткнулись на маленького слоненка, щипавшего траву на полянке среди деревьев. Джун на радостях вывалилась из фургона и лишь чудом не попала под его тяжелые колеса. Я велел сделать остановку и поскакал к слоненку, чтобы рассмотреть его поближе, однако инстинкт предостерег мою лошадь от излишней доверчивости к этому животному. Как ни пытался я внушить ей, что малыш совершенно безобиден, она ни за что не хотела подходить к нему слишком близко. Мое семейство и африканцы как зачарованные смотрели на малютку, но Резвый отнюдь не разделял их восторга и всякий раз, как я подгонял его поближе к слоненку, чуть не выбрасывал меня из седла.

Присутствие малыша говорило о том, что где-то поблизости должно быть стадо слонов, и мы быстро смек-

нули, что, чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше для нас. Не прошли мы и двухсот ярдов, как показались три огромные слонихи, медленно шагавшие нам навстречу.

Волы в любую минуту могли почуять запах слонов и обезуметь от страха, поэтому надо было немедленно что-то предпринять, чтобы наши послушные, хорошо обученные животные не превратились в необузданных, бешено скачущих бестий. Я галопом пустился навстречу слонихам и приблизился к ним ярдов на тридцать. Подступиться ближе оказалось невозможно: увидев слоних, Резвый начал взвиваться на дыбы и упорно не желал идти дальше.

Слонихи еще не заметили нас, но, услышав крики погонщиков и шелканье бичей, остановились как вкопанные, растопырили свои огромные уши, подняли хоботы и стали прислушиваться и нюхать воздух.

Несколько секунд мы стояли друг против друга. Фургон, изменив курс, медленно удалялся из опасной зоны. Одна слониха, возможно мать слоненка, беспокойно задвигалась на месте. Если бы она решила, что жизнь ее детеныша в опасности, она немедленно перешла бы в нападение.

Направив дуло ружья в воздух, я нажал спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот. Резвый, испугав-

Лишь под самый конец нашего сафари, когда мы выходили из богатого крупным зверем края на подступы цивилизации, с нами чуть было не стряслась беда.

Нам встретилаcь большая стая охотящихся львов, и они тотчас наметили себе в жертву наших волов. Громыханье фургона и щелканье бичей сдерживали их, но все утро они мелькали в подлеске то там, то тут, следуя параллельным с нами курсом. Казалось, рано или поздно голод победит страх и мы неминуемо подвергнемся нападению. Марджори и девочки все время сидели в фургоне и не отваживались спуститься на землю, даже когда тряска и качка делались невыносимыми. Погонщики нервничали, то и дело искоса поглядывали в тенистый сумрак зарослей. Волеы тоже беспокоились. Я опасался, что с наступлением темноты даже преграды из терновника и костры не смогут удержать львов от нападения.

Выход из положения был один — подстрелить трех-четыреx антилоп и оставить их на своем следу львам на съедение. В таком случае мы более или менее застраховали бы себя от нападения, так как сытый лев никогда не нападет.

Я велел сделать остановку и изложил свой план Пенге и погонщикам. Все сочли его превосходным, один только Пенга заметил:

— Позор отдавать столько хорошего мяса этим чертовым львам!

Кэрол и Джун были несколько расстроены моим намерением убить так много «этиx славных животных». Я объяснил им, что без волов мы можем надолго застрять здесь в глуши, тем более что джип с операторами ушел вперед к Худспройту, куда подходила небольшая железнодорожная ветка. Оттуда мы собирались возвратиться в Преторию поездом, а фургон доставить ближайшим товарным составом. Если б мы захотели проделать остаток пути в фургоне, мы не успели бы домой к возобновлению занятий в школе.

Мне не стоило большого труда убить четырех антилоп и одну зебру: они встречались буквально на каждом шагу. Некоторое время мы волочили мертвых животных за фургоном, чтобы оставить за собой кровавый след, затем бросили их на съедение львам, которые, я уверен, с удовольствием сделали свое дело.

В ту ночь в лагере было спокойно, лишь издали доносился рев львов, «славивших» своего предусмотрительного попечителя.

Пятью ночами позже я сам вознес хвалу Богу у себя дома за столом, окруженным четырьмя загорелыми «вооруженными».

Глава двенадцатая ОБРАТНО В ЦЕЛЛУЛОИДНЫЕ ДЖУНГЛИ

Стоя на трапе, прислоненном к люку воздушного лайнера ДС-6, который должен был доставить меня в Англию и в багажном отделении которого лежали мои восемь законченных телевизионных фильмов, я махал на прощание своему семейству, стоявшему на балконе иоганнесбургского аэропорта Ян-Смэтс.

Два дня спустя я заключил в Лондоне выгодную сделку и, прежде чем отбыть в Нью-Йорк, имел удовольствие созерцать мои фильмы по телевизионной программе Би-би-си. В моей жизни это был великий, торжественный момент. Я сожалел лишь о том, что Марджори, Кэрол и Джун не могут разделить со мной радость. Наконец-то я чувствовал себя на пути к успеху.

Однако переговоры в Нью-Йорке шли не так успешно, как мне хотелось бы. Обходя со своими фильмами одну телекомпанию за другой, я везде получал один и тот же совет:

— Ваш материал великолепен, это как раз то, что нужно американской публике. Но пятнадцатиминутки теперь не

в моде. Возвращайтесь обратно и сделайте получасовые фильмы. Сегодня никто не купит фильм короче чем на полчаса.

В конце концов я нашел в Нью-Йорке посредника, который сказал, что «Семья Майклов в Африке» вещь совершенно «железная», и упросил меня оставить ему пять основных фильмов — те, что он с уверенностью брался пристроить. Я составил контракт, по которому он получал десять процентов комиссионных в случае продажи фильмов, и, подписав его, вернулся в Преторию, где на деньги, полученные от Би-би-си, начал перекраивать свой материал в тридцатиминутные фильмы.

В течение восьми месяцев я и мои сотрудники работали в среднем по шестнадцать часов в сутки, создавая телевизионные тридцатиминутки. Я решил делать по одной картине в месяц, чтобы как можно скорее вернуться в Америку с новой программой. Мне казалось, что вот-вот кто-нибудь нападёт на подобную же мысль и опередит меня.

Кэрол и Джун участвовали в съёмках по субботам, воскресеньям и в праздничные дни, давая мне возможность снимать дополнительные сцены. Если место съёмок было слишком далеко и Мардж не могла приехать ко мне с девочками на машине, я доставлял их к месту съёмок на вертолете. Для этой цели у нас всегда была наготове посадочная полоса. Затем они самолетом же возвращались обратно, чтобы в понедельник утром быть в школе.

Тем временем я получал письма от моего посредника в Нью-Йорке. Он жаловался, что пристроить «Майклов» становится все труднее. Пытаясь продать фильмы, он истратил изрядную сумму денег и, ничего не добившись, давал понять, что больше не заинтересован быть моим посредником и представителем. Я ответил, что скоро буду в Нью-Йорке и сам займусь этим делом.

Вскоре после моего приезда в Нью-Йорк состоялась встреча между моим посредником, его партнером и мной. Мы полюбовно договорились о расторжении существующего между нами контракта, а также о том, что мой посредник возвращает мне все фильмы и рекламные материалы, которые я ему оставлял. В любое удобное для нас обоим время до моего отъезда из Нью-Йорка мы оформим расторжение контракта в письменном виде.

На этом мы расстались, достигнув устной договоренности об аннулировании контракта.

Несколько дней спустя, прокрутив свои пленки двум крупнейшим в Америке распространителям фильмов, я продал фильмы одному из них за четыреста тысяч долларов, причем сохранил за собой право на получение половины сбора. Сделкой предусматривалось, что я должен представить дополнительно тридцать один фильм сверх тех восьми, что были у меня уже готовы. Мы условились, что первый платеж последует после того, как, вернувшись в Южную Африку, я вышлю в Америку негативы и ленты звукового сопровождения к первым восьми фильмам.

Негативы и ленты были высланы, как мы договорились, но первого платежа не последовало, потому что вскоре после моего отъезда из Нью-Йорка мой бывший посредник узнал о сделке и потребовал свою долю комиссионных. Дело в том, что, заключив столь удачную сделку, я на радостях позабыл письменно оформить расторжение контракта!

Я немедленно послал моему бывшему посреднику телеграмму, напоминая о том, что мы договорились расторгнуть контракт. Если он все еще является моим официальным посредником и представителем, зачем же он вернул мне все фильмы и рекламные материалы? Ведь для того, чтобы продавать товар, надо иметь его! Единственным ответом на это была судебная повестка, врученная мне шерифом Претории. Мой бывший посредник требовал возмещения убытков на сумму в пятьдесят тысяч долларов. Помимо того, я получил от своих распространителей извещение, что мой бывший посредник сумел добиться судебного постановления, накладывающего арест на все причитающиеся мне платежи и что они не могут выслать мне деньги, пока не будет улажен спор между моим бывшим посредником и мной.

Такой поворот событий глубоко встревожил меня, и я пережил немало бессонных ночей. По договору с моими распространителями я должен был сдавать два готовых фильма в месяц. И это уже само по себе требовало гигантского напряжения сил. Я так часто звонил и телеграфировал в Нью-Йорк, что между Преторией и Нью-Йорком просто воздух трещал от всех моих звонков и телеграмм.

Спор с моим бывшим посредником тянулся около девяти месяцев, пока не был улажен окончательно. Мне пришлось уплатить ему десять тысяч долларов, чтобы избежать дальнейшей тяжбы, на которую ушли бы еще тысячи и тысячи. Все это время я делал по два фильма в месяц, что обошлось мне в общей сложности в пятьдесят четыре тысячи фунтов, которые я выплатил из своих личных средств, собранных разными путями. Ведь я должен был выполнять условия договора с моими распространителями, в конце концов, им не было дела до спора между мной и моим бывшим посредником. Если б даже они хотели помочь мне,— а я знал, что они хотели,— то все равно не смогли бы этого сделать. Они были связаны законом по рукам и ногам.

Разделавшись наконец с моим бывшим посредником и добившись снятия ареста на следуемые мне платежи, я тотчас обратился к моим распространителям и попросил немедленно перевести мне изрядную сумму денег, которая набежала мне к тому времени, ибо, для того чтобы поддерживать выпуск фильмов, я был вынужден заложить свое имущество, воспользоваться сбережениями Кэрл и Джун и взять денег взаймы у матери. Чтобы выручить меня, матушка, добрая душа, заложила свой дом. Я истратился до последнего гроша, и все-таки жесточайший удар из всех был еще впереди. Мои распространители написали мне, что они понесли большие финансовые убытки в результате провала другого своего предприятия и теперь долго не оправятся после столь сокрушительного удара.

Это известие подействовало на меня так, словно мне двинули кулаком по подбородку. Прочитав письмо, я несколько минут был совершенно не способен что-либо ображать. Окончательный смысл этой убийственной новости медленно вырастал передо мной наподобие отряда солдат, которым отдается команда расстрелять осужденного.

Все деньги, что я заработал за эти трудные, казалось, уже оставшиеся позади годы, были вложены в «Майклов». Положение становилось отчаянным. Нужно было что-то предпринимать, и предпринимать немедленно, потому что уже стали приходиться многочисленные письма с требованиями уплатить по счетам.

Я уехал на автомобиле далеко за город и долго сидел в тиши зарослей, обдумывая свой следующий шаг. В глубоком раздумье сидел я в тени акаций, прислушиваясь

к пению птиц и журчанию ручья, и составлял планы на будущее, как я это часто делал и прежде на лоне природы. Оставалось лишь одно: на какое-то время умиротворить наседающих кредиторов и, воспользовавшись передышкой, самому поехать в Нью-Йорк и попытаться поправить там свои дела. Большинство людей, с которыми я был связан в течение многих лет, отличались крайней благожелательностью и готовностью пойти навстречу.

— Мы безгранично верим в вас и знаем, что вы пробьетесь, — сказали они, когда я раскрыл им свои карты.

Другие оказались весьма непокладисты и требовали немедленно уплатить по счетам. Надо было так или иначе собрать деньги, чтобы рассчитаться с ними, оплатить свою поездку на самолете в Нью-Йорк и оставить достаточную сумму семье на текущие расходы. Многочисленные телеграммы и телефонные переговоры с моими распространителями в Нью-Йорке, имевшие целью добиться от них хотя бы небольшой денежной поддержки, остались безрезультатны.

В конце концов мой адвокат послал в Нью-Йорк телеграмму с угрозой вчинить иск по нашему договору. Немедленно вслед за тем я получил телеграмму с просьбой не возбуждать дела и извещающую меня о том, что в банк на мой счет переведены по телеграфу пятнадцать тысяч долларов. Я аннулировал иск и в течение четырех дней, иногда по три раза на дню, справлялся в банке, поступили ли на мое имя деньги, и каждый раз получал ответ: «Нет, мистер Майкл, пока что ничего нет, мы вас известим». Всякий раз, как дома раздавался телефонный звонок, сердце так и прыгало у меня в груди. Уж это-то наверняка из банка... Но, увы, звонка я так и не дождался.

Страх потерять все в случае банкротства моих распространителей побуждал меня как можно скорее отправиться в Нью-Йорк и попытаться спасти то, что еще можно было спасти. Но где достать денег? Я мог бы за несколько часов собрать десять тысяч фунтов у моих близких друзей, но я решил не делать этого, ведь, если бы я разорился и их деньги погибли, я никогда не смог бы смотреть им в глаза. Я уже прозакладывал все, что у меня было, и не мог предложить ничего в залог. Срочная нужда в наличных натолкнула меня на мысль продать один из моих автомобилей. Я пригнал автомобиль в транспортное агентство, подробно объяснил свое положение Барни и Спайку Джос-

— сам, владельцам агентства и старым друзьям нашей семьи, и спросил, не купят ли они мой «фольксваген» автобусного типа, удобный для охотничьих экспедиций.

— Сколько ты хочешь за него, Джордж? — спросил Барни.

— Я думаю, фунтов шестьсот он стоит.

— Отлично. Пойдем в контору, я выпишу тебе чек на шестьсот фунтов. А твой «фольксваген» я не возьму.

— П-почему? — заикаясь, спросил я.

— Можешь получить шестьсот фунтов. Вернешь, когда сможешь. Автомобиль нужен тебе для работы.

Именно в этот период отчаянной нужды я познал цену истинной дружбы.

Я не мог злоупотреблять великодушием друзей и стоял на своем. В конце концов мы договорились, что «фольксваген» остается у них в залоге до тех пор, пока я не верну долг.

Сидней Либман, также один из моих близких друзей, прослышав о моей беде, прибежал ко мне домой и без всякого предисловия назвал меня дураком.

— Как ты думаешь, на кой черт у тебя друзья? — спросил он и, не дав мне рта раскрыть, продолжал: — Если тебе нужны деньги, можешь располагать всей моей наличностью. И еще: можно кликнуть десять — двенадцать мальчиков и сложиться фунтов по двести каждый. К завтрашнему дню у тебя будет по крайней мере три тысячи фунтов.

— Это великодушно с твоей стороны, Сид, только, боюсь, я на это не пойду.

— Но почему же, черт побери?

— Да просто потому, что я ничего не могу предложить в залог, и, если я вылечу в трубу, ваши деньги пропадут.

— Я уверен, все это временные затруднения и ты скоро опять встанешь на ноги. Я готов поручиться за тебя всем чем угодно.

— Нет, Сид, к сожалению, я не могу на это согласиться.

Такое же предложение мне сделал еще один близкий друг. Он пошел даже дальше и выразил готовность заложить ради меня свой дом, а когда я отказался, придумал нечто другое. Он вызвался свести меня с несколькими богатыми индийцами, которые не прочь рискнуть дать займа без всякого обеспечения, но под очень высокий процент. Обдумав все, я решил занять у них достаточную

сумму, чтобы выплатить жалованье моим сотрудникам, срок которого уже подходил, рассчитаться с наиболее неподатливыми кредиторами и из остатка оплатить свою поездку в Нью-Йорк.

Следующие два дня доставили мне самое глубокое унижение и расстройство за всю мою жизнь.

Принслоу-стрит в Претории, на которой расположены лавки и магазины большинства индийских торговцев города, — улица интриг и романтики, улица, где торговцы стоят у нарядно убранных входов в свои лавки и приглашают прохожих «зайти лишь на минутку и все посмотреть самим». Это улица цветных одеял и шалей, кастрюль и сковородок, таинственной музыки и дурманящего запаха благовоний. По этим-то полным благовонного дыма лавкам, нарядно украшенным ковриками и коврами, кашмирскими шальями и индийскими вышивками, мы и ходили, клянча деньги и споря из-за сроков платежей и процентов. Глядя снаружи на эти лавки с их восточной музыкой и пестротой, ни за что не подумаешь, что в них укрываются безжалостные, бессердечные люди, которые рвутся к наживе и в большинстве случаев получают свое.

Чудовищные проценты, которые я согласился платить, и выпавшее на мою долю унижение доводили меня до бешенства, зато я прямо-таки был счастлив от мысли, что, если я разорюсь, мне будет решительно наплевать на то, что они не получают обратно своих денег. Мне удалось наскрести достаточную сумму, чтобы подготовиться к отъезду в Нью-Йорк, последовавшему несколько дней спустя.

Мой самолет отлетал из аэропорта Ян-Смэтс в 11 часов утра. В половине шестого утра Кэрол и Джун подошли к моей кровати и сказали:

— Папочка, можно попросить тебя одеться и пойти с нами?

— Куда? — спросил я.

— Пожалуйста, не спрашивай, папочка, это секрет.

Мы сели в машину, и по их просьбе я направился к католической церкви св. Колумба, где нас ожидал один из моих лучших друзей Джон Хаддад. Они устроили для меня специальную мессу, которую читал преподобный отец Уорд, наш приходский священник и друг. Кэрол и Джун молились о том, чтобы «Бог привел тебя целым и невредимым обратно к нам и чтобы все твои беды и горести скоро прошли».

Мы тогда еще не знали, что мои американские распространители выплатили мне весьма значительную сумму в долларах, но, к сожалению, по ошибке послали ее не в мой банк. Идиотизм моего положения состоял в том, что, пока я побирался на Принслоо-стрит, тысячи фунтов лежали на моем счету в другом банке, который в свой срок перевел их наличными в мой банк. Увы! Если б деньги пришли всего лишь на два дня раньше!

Дела моих распространителей как нельзя лучше поправились, и вскоре после моего прибытия в Нью-Йорк наши финансовые затруднения благополучно разрешились. Я снова стал довольно богатым человеком. Прошлые невзгоды развеялись как дурной сон. Я покинул Нью-Йорк, уезжая в кармане контракт еще на двадцать шесть фильмов, и полетел в Лондон. Там при содействии моих распространителей, которые послали со мной своего представителя, я продал «Майклов» за изрядную сумму коммерческой телевизионной компании. После этого я дал телеграмму Джону Хаддаду, чтобы он встретился со мной в Лондоне, и мы вместе полетели на Всемирную ярмарку в Брюссель, затем в Париж, где увиделись с находившимся в отпуске отцом Уордом. С ним мы провели несколько дней, потом направились в Рим и Бейрут.

Хотя это был уже мой пятый визит в Бейрут, воссоединение с родственниками, которые в полном составе встречали нас, совершенно лишило меня сил. Мои волосы растрепались, лицо покрылось пятнами губной помады самых разнообразных оттенков, щеки болели от прикосновений небритых подбородков, а плечи промокли от слез радости и счастья. Эти люди прямо-таки жаждали увидеть кого-нибудь, хоть отдаленно связанного с их близкими, которые много лет назад покинули родину, иные, быть может, навсегда. Сам отец двух дочерей, я легко могу представить себе, что должны были испытать мои дед и бабушка, когда мой отец увез свою семнадцатилетнюю невесту в Африку, пользовавшуюся в то время лишь славой страны диких зверей и враждебных племен. Вернувшись в Ливан после почти пятидесятилетнего отсутствия, моя мать уже не застала своих родителей в живых.

Джон первый из всего семейства Хаддадов ступил на землю Ливана после того, как его отец вместе с родителями около шестидесяти лет назад покинул родную страну. Его родственники также пришли встретить его, и, таким

образом, чуть ли не мы одни целиком оккупировали весь аэропорт. Первые пять дней и пять ночей нашего пребывания в Бейруте были до краев заполнены вином, песнями и хождением по гостям. Наши родственники устраивали нам роскошные приемы, длившиеся с заката и почти до восхода. Днем мой двоюродный брат Хабиб сажал нас в свою машину и вез осматривать достопримечательности, среди них — развалины Библоса и всемирно известные, восходящие к сотому году до нашей эры развалины Бальбека, где колонны крама Ваала в сто двадцать футов высотой стоят символом силы и могущества давно прошедших времен.

В этот знаменательный приезд в Бейрут я словно заново увидел этот город контрастов — город современных зданий и древних развалин, город, где прошлое переплетается с настоящим, где нетронутыми и неизменными сохраняются многие обычаи и традиции ливанского народа: Бейрут, столица одной из самых древних стран, известных человеку, во времена Финикийского государства был одной из важнейших его общин. На улицах этого города мы встречали представителей всех рас, религий и вероисповеданий. Шум нескончаемых потоков автомобилей перекрывался пронзительными голосами уличных торговцев, выкликавших товар, а с минаретов мусульманских мечетей, эхом отдаваясь в узких улочках, разносились крики муэдзинов, звавших правоверных к молитве.

Мы осмотрели знаменитые ливанские кедры, стоящие с незапамятных времен наперекор всем стихиям. В библейские времена эти массивные деревья сплошь покрывали склоны гор Ливана. Царь Соломон использовал их при создании своего царства. Однако в наши дни от кедровых лесов уцелело лишь несколько рощ, которые бережно охраняются.

Джон Хаддад много слышал о чудесных вышивках, резных и инкрустированных изделиях, которыми славится Дамаск, и предложил съездить туда купить подарки нашим женам и детям. И еще ему очень хотелось привезти несколько столиков для игры в триктрак своему отцу и брату. Пересекая границу между Ливаном и Сирией, мы спросили у ливанских таможенников, сможем ли мы провезти обратно несколько столиков для игры в триктрак. Нам ответили, что возражений не будет, если только мы заявим о них в таможенной декларации при возвращении из Да-

маска. В Дамаске мы нашли старого кустаря-сирийца, предки которого из поколения в поколение только тем и занимались, что делали эти столики, напоминающие складные шахматные доски. Их искусство перешло к нему по наследству, и он заверил нас, что нигде в мире мы не найдем столиков лучше тех, что сделаны его руками. Его изделия были великолепны. Никогда раньше я не видал столь тонкой кустарной работы. Надо полагать, он часами терпеливо нарезал крошечными кусочками слоновую кость, перламутр, черное и сандаловое дерево и инкрустировал ими столики, и все же продавал свои изделия по удивительно низкой цене. Выпив много чашек сладкого кофе по-турецки и сделав несколько затяжек из кальянов, стоявших рядом с нами на ковре, мы договорились о покупках. Затем, объехав на прощание этот чудесный город, отправились обратно в Бейрут...

Прибыв на границу, мы обнаружили, что там введены строгие меры предосторожности. Солдаты с пулеметами и винтовками с примкнутыми штыками остановили нас в двухстах ярдах от здания таможенной и иммиграционной служб и препроводили в таможню. Там нас обыскали и допросили. Наш автомобиль также был тщательно обыскан и столики конфискованы.

Мы заявили протест и объяснили по-арабски, что, когда мы переезжали границу утром, мы получили от одного из офицеров устное разрешение провезти обратно столики для игры в триктрак. Но, казалось, все объяснения в мире потеряли силу, и единственный ответ, который нам давали, гласил: «Мумнох» (не дозволено).

— Кто ваш начальник? — спросил я.

— Он сейчас вне службы.

— Мне бы хотелось видеть его, будьте любезны.

После долгих препирательств нас неохотно провели к зданию по соседству, которое оказалось не чем иным, как офицерским общежитием. Там нас представили красивому молодому человеку. Отвечая на наш вопрос, он сказал, что он и есть капитан, начальник поста. Мы изложили свое дело, и после продолжительных словопрений он разрешил нам взять два столика поменьше. Остальные четыре, заявил он, подлежат изъятию.

Мы были страшно расстроены. Еще бы! Проехать столько миль, истратить столько денег — и все для того, чтобы

наши чудные столики были конфискованы. И тут мне пришла в голову мысль.

— Вы играете в таули (ливанское название триктрака)? — спросил я капитана.

Он улыбнулся и сказал, что играет.

— Ну так, если вы настоящий игрок, а я думаю, это действительно так, у меня есть предложение.

— Какое? — осторожно спросил он.

— Мой друг, — сказал я, указывая на Джона, — играет в триктрак как никто другой. Если хотите, можете сыграть с ним партию. В случае вашего выигрыша оставляйте столики у себя, мы только поздравим вас с победой. Но если проиграете, мы забираем их с собой.

Должно быть, я изрядно раззадорил его и пробудил в нем боевой дух, потому что он громко, от души расхохотался и сказал:

— Друзья мои, на нашей работе мы не часто встречаемся с людьми, в которых было бы столько спортивного задора, как у вас. Я с удовольствием принимаю ваше предложение.

На этом посту было всего шесть пограничников. Один из них стоял на страже у входных ворот, остальные четверо столпились за спиной своего капитана, наблюдая, как он меряется искусством с Джоном. Я не сомневался, что Джон выиграет, потому что играет он действительно хорошо.

Капитан тоже оказался отличным игроком, лучшего соперника для Джона трудно было бы отыскать. Игра шла с переменным успехом, но вот к концу решающей схватки Джон завертел над головой маленький кожаный ящичек с костями, что-то забормотал на африкаанс и бросил кости на столик. Все стояли не шелохнувшись, глядя на доску. Маленькие белые кубики прокатились по красиво инкрустированной поверхности, ударились об окантовку, отскочили на середину и застыли на месте, открыв две шестерки. Мой двоюродный брат и я, стоявшие за спиной Джона, весело похлопали его по спине и громко высказали свое одобрение. На лицах пограничников, болевших за капитана, отразилось беспокойство, видимо, они рассчитывали, что капитан выиграет и они поделят между собой трофеи. Джон повторил свой фокус-покус, и опять выпали две шестерки, окончательно утвердившие его победителем. В комнатухе поднялся невообразимый шум. С громким

стуком падали на бетонный пол стулья, раздались резкие голоса, осуждавшие капитана за некоторые неудачные броски. Джон сложил столики и с победоносным видом вышел из комнаты.

Пятнадцать минут спустя, надежно устроив все столики на заднем сиденье автомобиля, мы проехали мимо часового у шлагбаума и направились в Бейрут...

В создавшихся условиях мы с Джоном решили покинуть Бейрут первым же самолетом. Но это было легко сказать и трудно сделать. Все билеты на самолеты, вылетающие из Бейрута, были распроданы на неделю вперед. Нам не оставалось иного выбора, как ждать своей очереди в длинном списке ожидающих.

— Пока мы еще здесь, почему бы не попробовать купить подарки для своих? — сказал Джон.

— Хорошая идея, только сомневаюсь, чтобы магазины были сейчас открыты. Впрочем, давай пройдемся. Может, чего и найдем.

Около часа ходили мы по опустевшему городу, но ничего не нашли. Мы уже хотели взять такси, когда у тротуара, заскрежетав тормозами, остановился автомобиль. Это был мой двоюродный брат Хабиб.

— Где вы пропадали, черт вас возьми? — крикнул он.— Ищу вас по всему городу.

— Никак не найдем магазин, где можно купить какие-нибудь сувениры, все закрыто, работают одни только кофейни и рестораны.

Подумав секунду, Хабиб сказал:

— Лезьте в машину. Один мой друг держит ювелирный магазин. Он обслужит вас за закрытыми дверьми.

Объехав Сахат-эль-Бурж, главную площадь в центре города, Хабиб поставил машину, и, пройдя около двухсот ярдов, мы вошли в Сук-эль-Сайигин, улицу Ювелиров, где стоял магазин друга Хабиба. Железная решетка перед магазином была лишь немного приспущена, изнутри в полумрак улицы пробивался свет.

— Он у себя,— сказал Хабиб и постучал по решетке.

Через некоторое время ее осторожно подняли изнутри, и мы увидели крошечную ювелирную лавку, похожую на пещеру с кладом, полную красивых золотых украшений ручной работы. Мы обошли лавку, отбирая понравившиеся нам безделушки, расплатились и уже хотели уходить, ког-

да ювелир спросил Хабиба, не подвезет ли он его, когда поедет домой. Ювелир покинул магазин вместе с нами.

Пять дней спустя мы сели в самолет ливанской авиакомпании, направлявшийся в Хартум. Там мы пересели на самолет, отлетавший в Йоганнесбург, и прибыли домой семнадцатого мая, как раз к моему дню рождения.

Итак, я вернулся в Южную Африку, к любимой жене и детям, которые делили со мной все приключения, пока я снимал «Майклов в Африке». То было время грандиозных сафари, правда не всегда таких, какие мне по душе. В конечном итоге я добился успеха в этих необычных джунглях — мире увеселительного предпринимательства Англии и Америки — и возвратился не со слоновой костью, не со шкурами или билтонгом, но с чудесными воспоминаниями и со славой и богатством. Однако этот мир сделок, контрактов и людей с каменными сердцами не был моим миром, и я был рад расстаться с ним. Я не боюсь опасности, и миг, когда листья мопани раздвигаются, открывая готового к нападению слона, мне куда предпочтительнее того момента, когда собрат, которому ты доверял, преспокойно присваивает себе плоды твоих трудов. Лев, наделенный острыми зубами и когтями и царственной отвагой, добывает свое пропитание куда более чисто, чем изворотливые крысы бетонных джунглей цивилизации. Даже греющийся на солнце страшила крокодил никогда не прикидывается вашим лучшим другом.

Я снова был среди широких просторов Африки, в студии, стены которой — густые леса и перепутанные заросли, крыша — яркое синее небо, а декорации освещены светильником вечной жизни. Я снова был среди ее актеров, которые величественной походкой ступают по обожженным солнцем равнинам и безмолвно, как смерть, подкрадываются к своей добыче.

С течением времени современные студии выйдут из моды и устареют, их придется перестраивать и переоборудовать. Их актеры состарятся, станут немодными и больше не смогут ни смешить своих зрителей, ни вызывать слезы у них на глазах. В моей же студии, в моей Африке, не изменится ничто, кроме декораций. Ее актеры никогда не состарятся и будут исполнять свои роли с неизменным изяществом и красотой, неизменной силой и яростью. Сегодня они поступают так, как поступали в давно прошедшие дни, и будут всегда поступать так в будущем. Они

помогли мне достичь счастья, не того счастья, что приходит с успехом, а того, что приходит с удовлетворением собой. В Африке я всегда был доволен собой.

Я был рад своему успеху, который обеспечивал мою семью и меня на тот день, когда я стану слишком стар, чтобы отправиться в сафари, и когда я стану недостаточно расторопен, чтобы отразить кидающуюся на меня смерть быстрым и точным выстрелом из винтовки. Я был рад и тому, что теперь можно забыть дни, бессмысленно проведенные в прокуренных комнатах, и вечера в душных ночных клубах. Я вновь обрету покой и свободу странствий по диким просторам среди таких привычных картин и звуков. Я познаю полное счастье вечеров под звездным небом, когда пламя костра становится все ниже и опадает на раскаленные угли. Тогда виски идет вкруговую, и во мраке, обступающем добрых друзей, миллионы ночных звуков Африки, моей Африки, слагаются в симфонию, слаще которой для меня нет звуков на свете.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Карл Гагенбек

О ЗВЕРЯХ И ЛЮДЯХ

<i>Глава первая.</i> Воспоминания юности	7
<i>Глава вторая.</i> Развитие мировой торговли зверями	24
<i>Глава третья.</i> Выставка народностей — от Арктики до Огненной Земли	48
<i>Глава четвертая.</i> Я становлюсь директором цирка и укротителем	70
<i>Глава пятая.</i> Хищные звери посещают мою школу дрессировки	83
<i>Глава шестая.</i> Ловля диких зверей в Арктике и тропиках	101
<i>Глава седьмая.</i> Мелкие приключения с дикими зверями	133
<i>Глава восьмая.</i> О слонах и мюнхенской панике	150
<i>Глава девятая.</i> Приключения с гигантскими змеями и крокодилами	165
<i>Глава десятая.</i> О разведении и акклиматизации животных	184
<i>Глава одиннадцатая.</i> Создание Штеллингенского зоопарка	194
Послесловие	217

Чарлз Майер

КАК Я ЛОВИЛ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

<i>Глава первая.</i> Гора Духов	223
<i>Глава вторая.</i> Облава на слонов	237
<i>Глава третья.</i> Клетки за борт	258
<i>Глава четвертая.</i> Волшебная сеть	272
<i>Глава пятая.</i> Битва тигра с буйволом	290
<i>Глава шестая.</i> Носорог	303
<i>Глава седьмая.</i> На Борнео	310
<i>Глава восьмая.</i> История пирата	328
<i>Глава девятая.</i> Мы побеждаем горных духов	334
<i>Глава десятая.</i> Мой друг, султан Тренганы	348
<i>Глава одиннадцатая.</i> Цирки на Западе и Востоке	364
<i>Глава двенадцатая.</i> Сумасшедший слон	381

Джордж Майкл

СЕМЬЯ МАЙКЛОВ В АФРИКЕ

<i>Глава первая.</i> Карьера за шесть пенсов	399
<i>Глава вторая.</i> Целлулоидные джунгли	418
<i>Глава третья.</i> Киносъемки в Африке	432
<i>Глава четвертая.</i> Горонгоза	452
<i>Глава пятая.</i> Приключения в старом доме	466
<i>Глава шестая.</i> На Лунди	486
<i>Глава седьмая.</i> На звериной тропе	501
<i>Глава восьмая.</i> Чужак в лагере	513
<i>Глава девятая.</i> Гора	528
<i>Глава десятая.</i> Бабуин Дуралей	539
<i>Глава одиннадцатая.</i> Сафари в фургоне	559
<i>Глава двенадцатая.</i> Обратно в целлулоидные джунгли	571

ЗВЕРОЛОВЫ

Карл Гагенбек
О ЗВЕРЯХ И ЛЮДЯХ

•

Чарлз Майер
КАК Я ЛОВИЛ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

•

Джордж Майкл
СЕМЬЯ МАЙКЛОВ В АФРИКЕ

Составитель серии
М. Л. Жданова

Заведующий редакцией
А. А. Никишин

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
И. В. Бегичева

Корректоры
Г. Н. Володина, Л. Д. Лихачева

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор
12.08.94. Подписано в печать 28.10.94. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.
печ. л. 31,92. Тираж 50 000 экз. Заказ № 5587

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати».
443086, Самара, пр-т Карла Маркса, 201

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «ЗЕЛЕННОЙ СЕРИИ»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б.
Издательство АРМАДА*

- 3 43 Звероловы: К. Гагенбек. О зверях и людях; Ч. Майер. Как я ловил дикий зверей; Дж. Майкл. Семья Майклов в Африке /Пер. с англ.; Сост. М. Жданова; Оформл. В. Харламова; Худож. В. Трофимов, М. Алексеев, Т. Васильева.— М.: АРМАДА, 1994.— 586 с.: ил.— (ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ).

ISBN 5-87994-032-2

Книга состоит из трех повестей, написанных разными авторами — немцем Карлом Гагенбеком, уроженцем Южной Африки Дж. Майклом и американцем Ч. Майером. Всех их объединяет любимое и увлекательное дело — поиски и ловля экзотических животных, организация заповедников или съемки фильмов о дикой природе. Большой фактический материал, яркие впечатления и воспоминания многих лет легли в основу этой книги.

Лучшие произведения отечественной и зарубежной
классики о мире животных

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Вышли в свет:

Дж. ДАРРЕЛЛ

ГОНЧИЕ БАФУТА

*Гончие Бафута
Перегруженный ковчег
Три билета до Эдвенчер*

Дж. ДАРРЕЛЛ

ПОМЕСТЬЕ - ЗВЕРИНЕЦ

*Под пологом пьяного леса
Зоопарк в моем багаже
Поместье - зверинец*

Дж. ДАРРЕЛЛ

ЗЕМЛЯ ШОРОХОВ

*Земля шорохов
Путь кенгуренка
Поймите мне колобуса*

Дж. ДАРРЕЛЛ

ПО ВСЕМУ СВЕТУ

*По всему свету
Моя семья и другие звери
Птицы, звери и родственники*

Готовятся к печати:

Дж. ДАРРЕЛЛ

ТОЛЬКО ЗВЕРИ

*Сад богов
Только звери
Пикник и прочие безобразия*

Дж. АДАМСОН

ПЯТНИСТЫЙ СФИНКС

*Пятнистый сфинкс
Липпа бросает вызов*

Дж. ДАРРЕЛЛ

КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ

*Золотые крыланы и розовые голуби
Натуралист на мушке
Ковчег на острове*

Дж. ДАРРЕЛЛ

РОЗИ - МОЯ РОДНАЯ

*Филе из палтуса
Звери в моей постели
Рози - моя родная*

Издательство планирует также выпустить книги
Конрада ЛОРЕНЦА, Дэвида ЭТТЕНБОРО,
Джеймса ХЭРРИОТА и др.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

Только звери

Книги Джеральда Даррелла пользуются заслуженной популярностью во всем мире. В очередную книгу серии вошли три повести автора: "Сад богов", "Только звери" и "Пикник и прочие безобразия". Все эти произведения отличаются искрометным юмором, тонким лиризмом и замечательными описаниями животных. Повесть "Пикник и прочие безобразия" издается на русском языке впервые.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ДЖОЙ АДАМСОН

Пятнистый сфинкс

Джой Адамсон - популярная писательница, по книгам которой снято несколько кинофильмов. В книгу "Пятнистый сфинкс" вошли две повести: "Пиппа бросает вызов" и "Пятнистый сфинкс". В них увлекательно рассказывается о жизни животных рядом с человеком и в дикой природе. Автор знаменитой трилогии "Рожденная свободной" остается верной себе, повествуя об опасных диких кошках. Издательство АРМАДА планирует в дальнейшем издать и эти произведения.

Издательство АРМАДА

выпустило и готовит к изданию книги следующих серий:

**"РОМАНОВЫ.
Династия в романах"**

Собрание художественных произведений о русских монархах

"РЮРИКОВИЧИ"

Серия исторических романов, посвященных представителям первой российской правящей династии

"ЗАМОК ЧУДЕС"

Сказочная фантастика и волшебные сказки для детей

**"ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК"**

Произведения лучших отечественных и зарубежных мастеров современной остросюжетной фантастики

"ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ"

Лучшие произведения отечественных и зарубежных авторов о животных

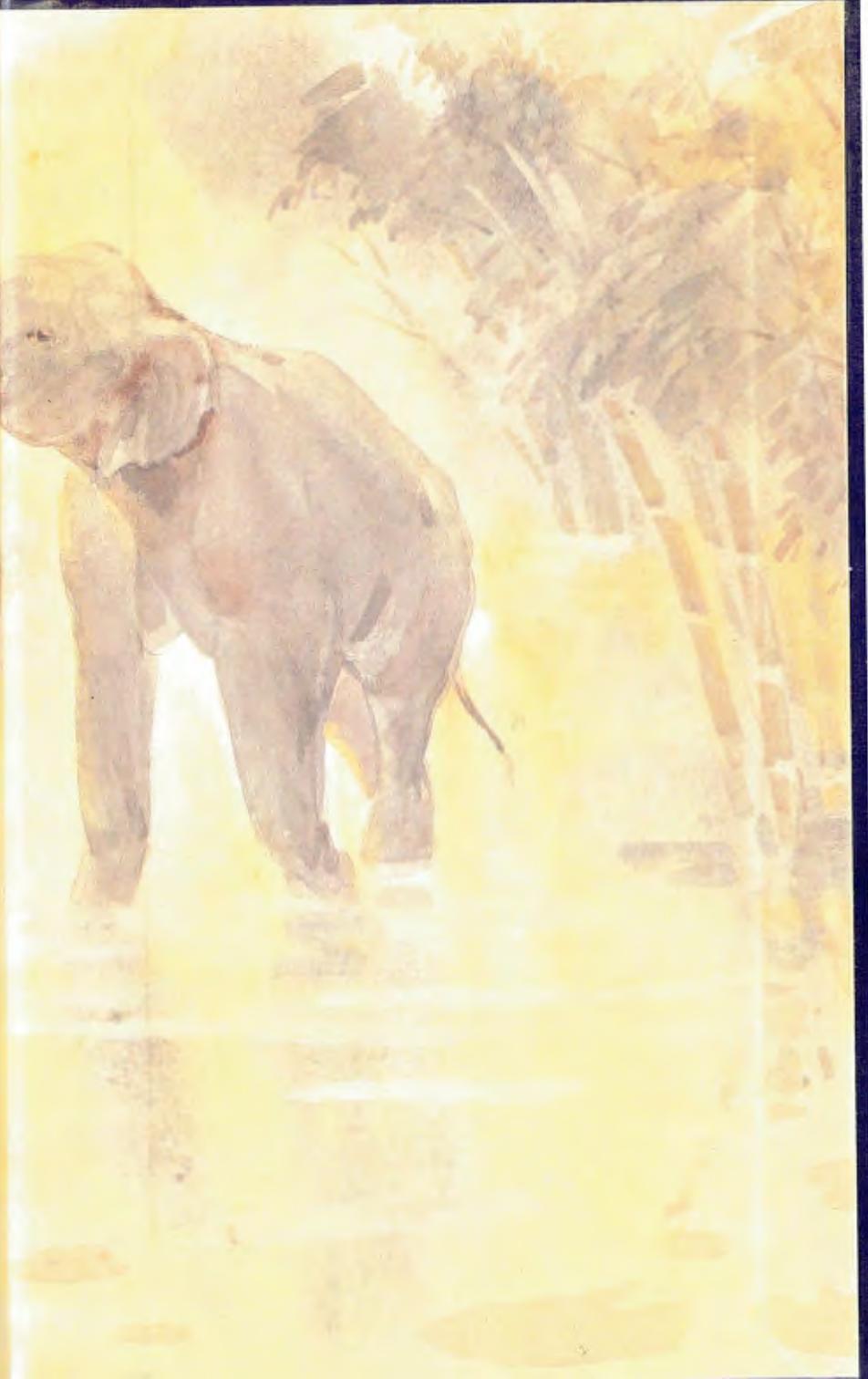
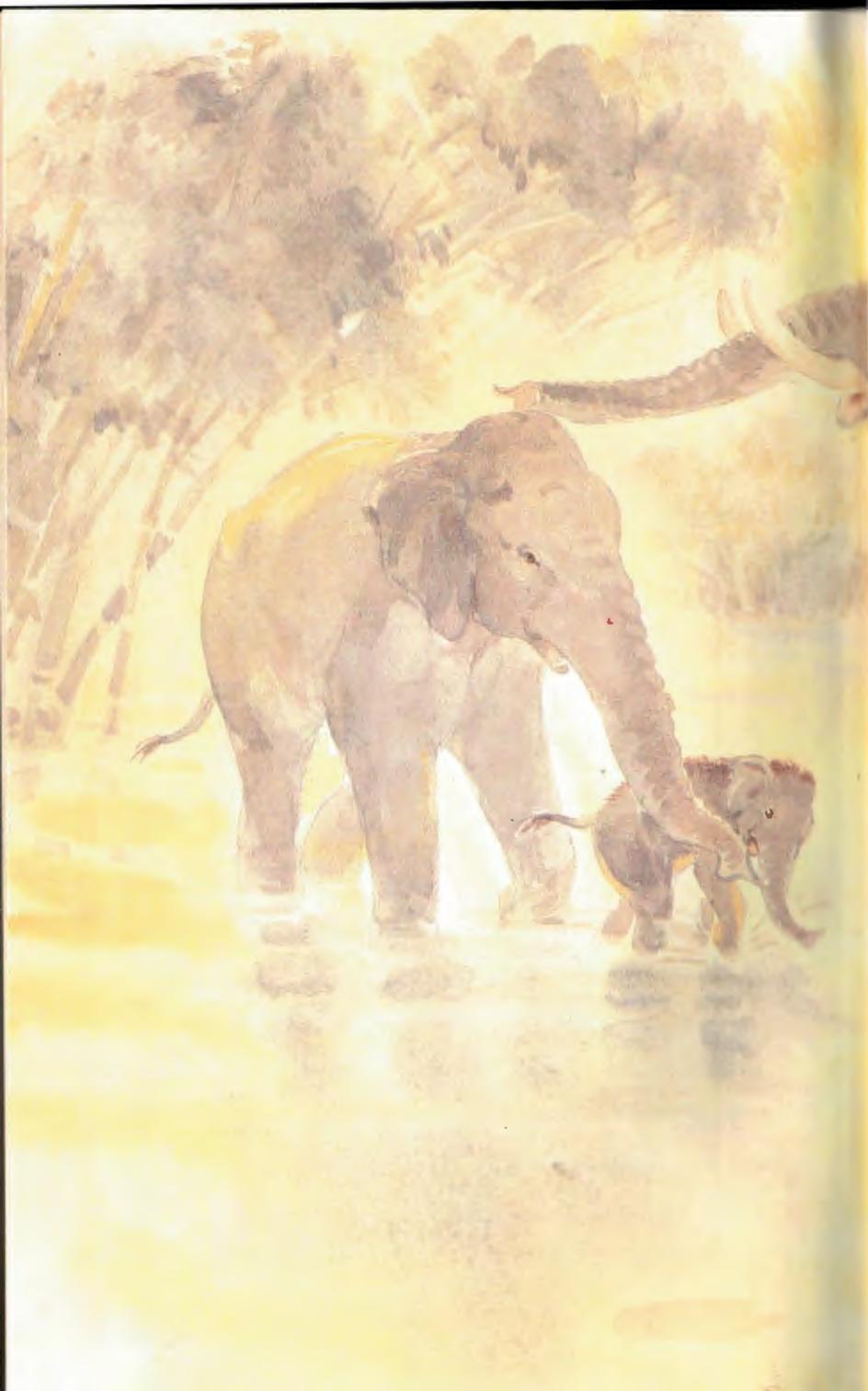
Книги издательства АРМАДА

Вы можете приобрести у наших региональных представителей:

Москва:	"Стрела"	(095) 306-62-15
	"Тригон"	(095) 149-68-79
	"Демальс"	(095) 150-07-82
Санкт-Петербург:	"Русский Север"	(812) 530-05-36
Новосибирск:	"Дюна"	(3832) 24-52-67
Ростов-на-Дону:	"Успех"	(8632) 64-19-85
Тверь:	"Полина"	(08222) 3-93-45
Воронеж:	"Амиталь"	(0732) 23-00-02
Челябинск:	"Роска"	(3512) 66-83-11
Самара:	"Милан"	(8462) 25-75-37
Калуга:	"Азлита"	(08422) 4-49-29
Астрахань:	"Форзац"	(8510) 22-17-66
Пермь:	"Тигр"	(3422) 44-73-54
Н.Новгород:	"Логос"	(8312) 36-25-80
Саранск:	общество "Книга"	(8342) 17-50-01
Иркутск:	ИОО ВООПИК	(3952) 33-27-27

Вы можете направлять заказы на книги издательства по адресу:
123459, Москва, а/я 68

Книги будут высланы наложенным платежом.

КАРЛ ГАГЕНБЕК

*О зверях
и людях*

ЧАРЛЬЗ МАЙЕР

*Как я любил
диких зверей*

ДЖОРДЖ МАЙКЛ

*Саша Майклов
в Африке*